

Русская литература

4

2024

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2024

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. А. Алексеев. Библия в литературе Древней Руси	5
В. Е. Багин. Мировая цивилизация в миниатюре (личная библиотека и творческие замыслы А. С. Пушкина)	34
И. А. ГОНЧАРОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
Е. М. Филиппова. «Магнетическая любовь» и «слезы-проводники»: романтические клише в эпистолярии и творчестве И. А. Гончарова	46
Н. В. Калинина. «А мужиков отпустить на волю...» (заметки комментатора к роману И. А. Гончарова «Обрыв»)	56
О. В. Макаревич. Контексты письма-исповеди («Pour et contre» И. А. Гончарова)	65
С. Н. Гуськов. Неизвестный петербургский фельетон И. А. Гончарова	74
Приложение. А. А. [И. А. Гончаров]. Летние гулянья	78
РЕПЛИКА	
Н. Ю. Алексеева. На пути к академической «Истории русской литературы»: размышления по поводу работ М. Н. Виролайнен о поэзии Золотого века и романтизме	84
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
А. С. Бодрова. Между ориентальной стилизацией и автобиографией: к истории стихотворения А. С. Пушкина «Из Гафиза»	90
Т. В. Федосеева, Н. И. Тангаева. «Книжки для народа» в России 1840-х годов: М. Н. Макаров	104
А. А. Петров. О возможных истоках антинигилистического дискурса русской литературы	113
Е. Н. Пенская. Комедия А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» и традиции усадебного театра	121
М. М. Павлова. Заложник «старинного спора»: вокруг «Стихотворений» (1887) Н. М. Минского	130
М. Л. Спивак. «Свора имен»: от юбилея Н. В. Бугаева (1900) к чествованию Коробкина в романе Андрея Белого «Москва» (1926)	147
Ф. К. Сологуб. Монгольский парадокс (публикация В. В. Филичевой)	168
Е. А. Глуховская. «Бюро провинциальной прессы» С. А. Соколова как посредник между модернистскими писателями и их читателями	173

Между двух революций: 1917 год в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова и Т. В. Мисникевич)	188
С. А. Огудов. Мультимодальная наррация в киносценариях В. В. Маяковского	201
М. А. Фролов. Н. К. Гудзий об И. А. Бунине (по материалам личного архива и переписки ученого)	215
Приложение. Н. К. Гудзий. О «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина в советских изданиях	223
Г. Н. Беляк, М. Н. Виролайнен. Произведение как гиперобъект (от академического издания к цифровому)	226
ЗАМЕТКИ	
А. Ю. Соловьев. Неучтенная редакция раннего перевода А. Д. Кантемира	231
А. Н. Першина. Я. П. Бутков в «Литературной газете»: несостоявшееся сотрудничество	235
О. А. Лекманов. «Записки покойника» М. А. Булгакова: к генезису заглавия	238
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
Е. Е. Дмитриева. Диалог Н. В. Гоголя с современниками, или Как совместить идеал гуманизма и аскетизма	242
А. М. Грачева. Максим Горький: портрет неизвестного на фоне Германии	244
О. Е. Осовский. М. М. Бахтин, модернизм и современность: новая книга о русском мыслителе	247
ХРОНИКА	
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Переходные явления литературы: эпохи, авторы, жанры, темы»	249
Е. Р. Обатнина. XXVII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	252
Д. В. Зайцев. Международная научная конференция «Emigrantica. Коростелевские чтения — 2023»	256
М. А. Смирнова, И. А. Поляков. Пятый круглый стол «Автобиографические записи, дневники и мемуары в рукописной традиции XVII — начала XX в.»	259
С. А. Семячко. Двенадцатый агиографический семинар	263
Д. А. Журкова. Научная конференция «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	266
А. О. Дёмин. Научное заседание «Преемственность и новаторство в изучении русской литературы XVIII века»	269
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2024 году	271
Summaries	277

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2024

© Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН, 2024

© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2024

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2024

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
A. A. Alexeev. The Bible as a Part of the Literature of Old Rus'	5
V. E. Bagno. World Civilization in Miniature (Personal Library and the Creative Endeavors of A. S. Pushkin)	34
I. A. GONCHAROV: NEW DATA AND RESEARCH	
E. M. Filippova. <i>Magnetic Love and Tears-Guides</i> : Romantic Cliches in the Epistolary and Literary Legacy of I. A. Goncharov	46
N. V. Kalinina. «And Liberate the Muzhiks...» (A Commentator's Notes on I. A. Goncharov's Novel <i>The Precipice</i>)	56
O. V. Makarevich. Contexts of a Confessional Letter (<i>Pour et Contre</i> by I. A. Goncharov)	65
S. N. Gus'kov. An Unknown St. Petersburg Feuilleton by I. A. Goncharov	74
Appendix. A. A. [I. A. Goncharov]. The Summertime Strolls	78
REMARK	
N. Iu. Alekseeva. The Road the Academic <i>History of Russian Literature</i> : Reflections on M. N. Virolainen's Works on Poetry of the Golden Age and Romanticism	84
REPORTS AND RELEASES	
A. S. Bodrova. Between Oriental Stylization and Autobiography: Towards the History of A. S. Pushkin's Poem «From Hafiz»	90
T. V. Fedoseyeva, N. I. Tangaeva. «Books for the Folk» in Russia of the 1840s: M. N. Makarov	104
A. A. Petrov. The Possible Origins of the Anti-Nihilistic Discourse in Russian Literature	113
E. N. Penskaya. A. V. Sukhovo-Kobylin's Comedy <i>The Marriage of Krechinsky</i> and the Tradition of the Manor Theater	121
M. M. Pavlova. The Hostage of the <i>Ancient Dispute</i> : Around the <i>Poems</i> (1887) by N. M. Minsky	130
M. L. Spivak. «A Swarm of Names»: From the Jubilee of N. V. Bugaev (1900) to the Honoring of Korobkin in Andrei Bely's Novel <i>Moscow</i> (1926)	147
F. K. Sologub. The Mongolian Paradox (Published by V. V. Filicheva)	168
E. A. Glukhovskaia. S. A. Sokolov's <i>Bureau of Provincial Press</i> as a Conduit between Modernist Writers and Their Readers	173

Between the Two Revolutions: the Year 1917 in the Correspondence of A. A. Izmailov and I. I. Yasinsky (Introduction, Editing and Commentary by A. S. Aleksandrov and T. V. Misnikevich)	188
S. A. Ogudov. Multimodal Narration in the Screenplays by V. V. Mayakovsky	201
M. A. Frolov. N. K. Gudzij on I. A. Bunin (Based on the Scholar's Personal Archive and Correspondence)	215
Appendix. N. K. Gudzij. I. A. Bunin's <i>The Life of Arseniev</i> in the Soviet Editions . .	223
G. N. Beliak, M. N. Virolainen. A Work of Literature as a Hyper-Object (from an Academic to a Digital Publication)	226
NOTES	
A. Iu. Solovev. A Neglected Version of an Early Translation by A. D. Kantemir	231
A. N. Pershkina. Ya. P. Butkov in <i>Literaturnaya Gazeta</i> : a Failed Contribution	235
O. A. Lekmanov. <i>Notes of a Dead Man</i> by M. A. Bulgakov: Concerning the Genesis of the Title.	238
REVIEWS	
E. E. Dmitrieva. N. V. Gogol's Dialogue with His Contemporaries, or How to Combine the Ideal of Humanism and Ascetism	242
A. M. Gracheva. Maxim Gorky: Portrait of the Unknown with Germany as the Background . .	244
O. E. Osovskii. M. M. Bakhtin, Modernism and Contemporaneity: A New Book on the Russian Thinker	247
NEWSREEL	
I. V. Arshinova. <i>Transitional Phenomena of Literature: Epochs, Authors, Genres, Themes</i> International Research Conference	249
E. R. Obatnina. 27 th Academic Readings of the Manuscript Department, Pushkin House . .	252
D. V. Zaitsev. <i>Emigrantica. Korostelev Readings 2023</i> International Research Conference . .	256
M. A. Smirnova, I. A. Poliakov. <i>Autobiographic Records, Diaries and Memoirs in the Russian Manuscript Tradition of the 17th – early 20th Centuries</i> Fifth Discussion Club . .	259
S. A. Semiachko. The Twelfth Hagiographic Seminar	263
D. A. Zhurkova. <i>Forms of Cultural Recycling in Modern Russia: Trends and Interpretations</i> Research Conference	266
A. O. Demin. <i>Succession and Innovation in the Studies of the 18th Century Russian Literature</i> Research Meeting.	269
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2024	271
Summaries	277

**Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences**

Editorial Council:

*M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2024
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2024

БИБЛИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Рукописная традиция

Около 800 года немецкие миссионеры начали христианизацию славян в Моравии. Богослужение было латинским, но необходимые понятия и общедуховные молитвы были переведены, что обусловило вхождение в славянский обиход нескольких терминов латинского и немецкого происхождения (*вино, кръстъ, кръстити, мънихъ, олеи, олтаръ, оцътъ, попъ, постъ, цръкви*).¹ В 863 году в ту же Моравию прибывает миссия Кирилла и Мефодия из Константино-поля, чтобы устроить ритуал на славянском языке. С греческого оригинала переводятся четыре Евангелия и богослужебные отрывки из Ветхого Завета, которые вошли в состав профитологии (паримийника). Наличие славянского богослужебного Евангелия в это время подтверждает ватиканский библиотекарь Анастасий († 879).² Затем Мефодий († 885), как сообщает его житие, «прѣложи въ бѣрзѣ въса книги въса испѣльнъ развѣ макавѣи».³ Текст жития датируется весьма приблизительно XI–XII веками. В это время в Византии получили распространение кодексы, обнимавшие 12 книг Ветхого Завета, а именно: Пятикнижие, затем книги Иисуса Навина, Судей, Руфи и 1–4 Царств. Их общим содержанием является история еврейского народа от сотворения мира до Вавилонского пленя. В эллинистическую эпоху эта компиляция была дополнена тремя или четырьмя Маккавейскими книгами, которые посвящены последующей истории Палестины, почему тоже иногда

¹ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 86–89. Вопрос об объеме славянских переводов с латыни в Моравии был впервые поставлен А. И. Соболевским в статье «Церковнославянские тексты моравского происхождения» (Русский филологический вестник. 1900. Т. 43. С. 150–217). Итог подведен в работе чешского слависта: Mareš F. W. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979. Всего названо и рассмотрено 27 произведений. Множество ценных источниковедческих и библиографических данных по истории формирования и изучения славянской версии Ветхого Завета представлено в работе: Thomson F. J. The Slavonic Tradition of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. Р. 605–920. Немецкое посредство в усвоении христианской терминологии отчетливо видно из того, что слав. *крещение* воспроизводит нем. *kristen* ‘христианизовать’, которое сопровождало политику Карла Великого в его борьбе за *imperium christianum*. Оно было усвоено славянами в этом значении в форме *кръстити* и использовано при переводе Нового Завета с греческого в качестве соответствия глаголу *βαπτίζω* ‘омывать’. См.: Алексеев А. А. Греч. *βαπτισμός* и его славяно-русское соответствие *крещение* // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., проходившей 22–24 июня 2020 г. СПб., 2020. С. 732–743.

² Patrologia latina. T. CXXIX. Col. 9–196. См.: Dvornik Fr. Le légendes de Constantin et de Méthode vues de Bysance. Praha, 1933.

³ Так в древнейшем списке жития. См.: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 197. Текст жития и перевод опубликовала О. А. Князевская. См.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 2. С. 79–81.

включались в этот исторический массив.⁴ Указывая на их отсутствие в переводе Мефодия, автор *Жития*, по всей вероятности, имеет в виду перевод именно этого исторического раздела Библии. В славянской письменности он известен по новгородской рукописи XV века (собрание Ундельского 1) и пяти южнославянским рукописям XV–XVI веков,⁵ кроме того, таков же объем библейского текста в Толковой и Хронографической палее (см. ниже).⁶ В текстах этой эпохи слова «Библия», конечно, нет, свое значение оно приобрело только в XV веке в эпоху книгопечатания. Употребляемое в текстах слово «палья»⁷ относится, безусловно, только к этому комплексу ветхозаветных книг, но не к писаниям пророков или книгам премудрости. В начале X века монах Храбр в трактате «О письменах» также говорит о «книгах» и уподобляет труд Кирилла и Мефодия деятельности 70 легендарных переводчиков Библии с еврейского на греческий язык.⁸

Переводы с греческого заложили основание долгой процветающей традиции славянского богослужения. Стремление руководителей Первого Болгарского царства (681–1018) сделать христианство государственной религией и при этом сохранить церковную независимость от Константиноополя приводит к тому, что в конце IX — начале X века здесь под руководством Климента Охридского († 916) осваивается наследие Кирилла и Мефодия и по греческим образцам воспроизводится полноценный славянский по языку литургический ритуал. В дальнейшем он сохраняется и в тех областях, которые оказываются в юрисдикции Рима (у хорват на острове Крк), и оставляет определенный след в языке и культуре Словакии, Чехии и Польши, где утвердился латинский обряд. В счастливое царствование в Болгарии царя Симеона (893–927) на славянский с греческого переводится множество византийских творений, которые вместе составляют объем большой монастырской библиотеки. После крещения восточных славян немало южнославянских переводов пришло на Русь. Это могло произойти при женитьбе князя Владимира на греческой принцессе Анне, которая в приданое получила славянские рукописи, захваченные греками при разгроме болгарской столицы Преслава в 971 году, либо эти рукописи доставил в Киев уже сам князь Святослав, участник этой военной операции (он овладел Преславом в 968 году), в подарок своей матери христианке Ольге,⁹ либо же их принесли в Киев болгарские просветители из Охрида, в церковную юрисдикцию которого входил первоначально Киев.¹⁰

⁴ См.: *Rahlfs A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments*. Berlin, 1914. S. 375–377. Рукописи X–XIV веков под номерами 64, 71, 74, 91, 98, 106, 188, 120, 125, 134, 384.

⁵ См.: *Mathiesen R. Handlist of manuscripts containing Church-Slavonic translations from the Old Testament* // Полата кънигописъная = *Polata Knigopisnaja*. Nijmegen, 1983. № 7. P. 33–34. Подробнее о составе рукописи Унд. 1 сказано ниже.

⁶ Поэтому распространенное мнение о потере этого труда Мефодия я считаю ошибочным. См.: Алексеев А. А. Заметка к *Житию Мефодия*, 15 // Слово и человек: К 100-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2023. С. 29–31.

⁷ От греч. παλαιά διαθήκη («ветхий завет»). Греч. ἡ παλαιά употребляется субстантивировано вне сочетания с последующим существительным для обозначения Ветхого Завета в писаниях Оригена († 254) и последующих греческих богословов. См.: *Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961; *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. Cambridge, 1914, s. v.

⁸ Труд Храбра сохранился в болгарской копии 1348 года. См.: *Куев К. Иван Александрович* из сборника от 1348 г. София, 1981. С. 205–210.

⁹ Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000. С. 256–257.

¹⁰ См.: *Прислёков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.* СПб., 1913. При отсутствии исторических документов той эпохи гипотеза Прислёкова не может быть доказана, но история письменности ее поддерживает. Наличие лингвистических болгариз-

Здесь христианская письменность на славянском сохранилась в значительной полноте, ибо у балканских славян в связи с враждебным давлением самой Византии, а позже мусульман условия для сохранения рукописей не были благоприятные.

Из Болгарии в Киев поступили библейские книги, необходимые для богослужения, а именно 1) евангельский лекционарий, 2) литургический апостол, 3) литургическая псалтырь с библейскими песнями, 4) профитологий (сборник ветхозаветных чтений в период великого поста), а кроме того, множество других книг литургического назначения (триодь, ирмологий и др.). Все эти литургические книги известны в рукописях XI–XIII веков.¹¹ Некоторые из них, предназначенные по форме для богослужения, никогда в этих целях не использовались, а хранились в церковных ризницах как храмовые святыни и назывались вкладные рукописи, представляя собою подарок церкви («вклад») на помин души дарителя. Таковы Остромирово и Мстиславово евангелия, исполненные с особой тщательностью.¹²

Кроме Четвероевангелия поступили следующие сборники библейских книг: 1) Восьмикнижие, 2) 1–4 Царств,¹³ 3) богослужебная Псалтырь, 4) Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского (или Исаакия Иерусалимского), 5) Псалтырь с толкованиями Феодорита Кирского, 6) сборник или совокупность книг Премудрости (Притчи, Екклесиаст, Песнь песней, а также Иисус Сирахов), 7) книга Иова с толкованиями Олимпиодора, 8) сборник пророческих книг (4 больших и 12 малых), 9) сборник пророческих книг, 4 больших и 12 малых, с толкованиями Феодорита Кирского, 10) Деяния и послания апостольские и, наконец, 11) Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Это были переводы с греческих оригиналов, выполненные в зоне культурного и церковного влияния Византии. Ветхозаветные книги имеют связь с редакцией R, которую А. Ральфс считал обиходным текстом в эпоху составления катехизиса VI–VII веков. Частью названных произведения сохранились в списках XV–XVI веков, и лишь лингвистический анализ доказывает их древность. Знакомство с языком этих текстов свидетельствует о том, что нельзя приписывать полный славянский перевод Библии, как она известна сегодня, Кириллу и Мефодию. Даже литургические версии Писания (так называемые апракосы) еще нуждаются в дополнительном изучении, чтобы признать их творением Кирилла и Мефодия.

Вопреки своему ведущему положению в идеологии и культуре средневекового общества Библия занимает скромное положение в системе письмен-

мов в Хронике Георгия Амартола и некоторых других произведениях, переведенных у восточных славян в первые десятилетия письменной эпохи, говорит об участии южных славян в этих переводах. См.: Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011. С. 57–77, 354–355. Две первые догадки о переносе рукописей в Киев имеют легендарный характер.

¹¹ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. Классификация и типология славянских литургических книг православного обряда дана в книге: Алексеев А. А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.

¹² См.: Жуковская Л. П. Апракос Мстислава Великого. М., 1983; Алексеев А. А. Остромирово евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов: Сб. науч. статей. СПб., 2010. С. 41–59.

¹³ Первая и вторая группа могут объединяться в одном рукописном кодексе (как отмечено выше).

¹⁴ Rahlf A. Studie über den griechischen Text des Buches Ruth // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen (aus dem Jahre 1922). Philologisch-historische Klasse. Berlin, 1923. S. 47–188. Лат. *catena* ‘цепь’ обозначает собрание толкований на Св. Писание.

ных жанров Древней Руси. Это видно по количеству рукописей, в которых она сохранилась. Статистика славянских рукописей XI–XIII веков с распределением по жанрам и темам приблизительно такова.¹⁵ Из почти 500 сохранившихся от этого времени единиц две трети приходится на богослужебные книги триодь, служебник, требник, ирмолов, параклитик, служебную миноею, а также устав и другие канонические тексты. Одна треть приходится на сборники. Среди сборников центральное место занимает пролог и четья миноея, включающие в себя памяти святых и событий, за ними следуют переводы проповедей и поучений отдельных византийских авторов вроде Златоуста, Лествицы. Как и в случае служебных рукописей, организация материала в четырех сборниках носит преимущественно календарный характер. Большая часть из них привязана ко времени Великого поста, когда в Византии проводилась массовая катехизация. Отдельные жития также объединялись в сборники по календарному принципу и включались в четью литургические подборки вроде майского Успенского сборника XII века. Что касается собственно библейских рукописей, то в их число входит 90 списков Евангелия и Апостола в форме лекционария (апракоса), они назначены исключительно для литургического использования. Но 30 списков Четвероевангелия тоже за малым исключением имеют литургическое назначение. К тому же с начала XIII века богослужение развивалось под определяющим влиянием иерусалимского устава, который не знал константинопольского лекционария (апракоса), а пользовался только Четвероевангелием (тетром). Среди этих списков находятся четыре рукописи Евангелия, которые являются главными свидетелями кирилло-мифодиевского перевода (Мариинское, Зографское, Галицкое, Типографское)¹⁶ и также имеют литургическую разметку или ее остатки. Что касается прочего объема библейского текста, то только 9 списков из 500 содержат скромные отрывки Ветхого Завета в сопровождении толкований и один список содержит Апокалипсис.¹⁷ Таким образом, не более пяти процентов сохранившихся от этой ранней эпохи рукописей приходится очевидным образом на Библию. Конечно, в этой картине есть черты случайности и закономерные искажения. Так, из 500 древних рукописей XI–XIII веков лишь 10 приходится на псалтыри, зато позже их общее количество достигает 3750.¹⁸ Но в целом жанровое распределение древнерусских рукописных источников таково, что литургика и календарный сборник воплощают в себе базовые черты письменной культуры в эпоху первоначального развития письменности. Из оригинальных восточнославянских переводов домонгольского периода, число которых превосходит три десятка,¹⁹ лишь Песнь песней с толкованиями

¹⁵ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.

¹⁶ См.: Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, А. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Романовская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998; Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, А. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, Т. В. Ткачева. СПб., 2005.

¹⁷ История изучения славянской версии Евангелия и каталог рукописей (более двух тысяч единиц) представлены в работе: *Garzaniti M. Die slavische Version der Evangelien*. Boelau Verlag, 2001.

¹⁸ Согласно неопубликованному каталогу И. Е. Евсеева: СПФ АРАН. Ф. 109. Оп. 1. № 21.

¹⁹ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 162–178 (статья «Особенности русских переводов домонгольского периода»). Работа эта дважды переиздавалась в последующие годы. Попытка подвергнуть сомнению выводы Соболевского опровергнута, см.: *Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland, 988–1988*. Köln; Weimar; Wien, 1993. Р. 295–354; Алексеев А. А. Кое-что

и Есфирь в переводе с еврейского относятся к Библии, они засвидетельствованы рукописями XIII–XIV веков.²⁰

2. Чтение Библии

Вопрос о чтении Библии на Руси начинается с терминологии. В отечественной науке принято делить Библию в рукописную эпоху ее существования на три разновидности: служебную (или литургическую), четью и толковую.²¹ Предполагается, что четья представляет собою текст той или другой библейской книги в таком виде, какой она имеет сегодня в корпусе печатно изданной Библии. Однако центральным письменным жанром была литургики, т. е. служебная разновидность текста. Новый Завет входит в нее почти целиком в виде полного и краткого апракосов или служебного Четвероевангелия и служебного Апостола. Это чтения на литургии. Они не размещались в одной рукописной книге, поскольку чтение Евангелия осуществляется священником, Апостола — дьяконом. Рукописей Апостола сохранилось в три-четыре раза меньше, чем рукописей Евангелия, ибо чтение Апостола могло опускаться. В соборно-приходском богослужении евхаристия как центральный момент суточной службы осуществляется по праздникам, а также субботам и воскресеньям, в монастырской службе — без исключений во все дни. Таким образом, полные новозаветные апракосы были принадлежностью монастырского богослужения. Ветхозаветный литургический сборник, называемый паримийник или профитологий, имеет только одну разновидность, которая читается в навечерия праздников в течение года и на литургии преждеосвященных даров в Великий пост. В согласии с научной традицией новозаветные литургические сборники называются латинским термином «лекционарий» от *lectio* ‘чтение’, поэтому сегодняшнему читателю не всегда удается различить служебный и четий типы библейского текста. Эта система литургических чтений сложилась в Константинополе в конце VII — начале VIII века.²²

Что касается термина «четий», то он обозначал так называемые *уставные чтения*. Система этих чтений начала создаваться в Студийском монастыре в Константинополе при его настоятеле Федоре († 826) и была призвана охватить по возможности все разделы богатой к тому времени христианской письменности, прежде всего творения отцов церкви и жития святых. Эта вторая система чтений тоже была подчинена литургическому принципу, но назначена не для литургии (обедни), а для утрени и вечерни, у нее соответствен но более низкий сакральный статус. Один из участников читает текст, прочие слушают сидя, что тоже оговорено особым правилом. Кроме того, четьи тексты читаются вслух во время общей трапезы. Если литургический текст образует две разновидности по месту произнесения — соборно-приходскую и монастырскую, то эта вторая система чтений назначена монастырю, поскольку требует больше времени, чем может позволить себе приходское богослужение. Ее целью является образование, просвещение людей, посвятивших свою жизнь церкви. Чтение становится подвигом веры и *дисциплины* в первоначальном значении этого слова — «научение». Отдельные поучения и проповеди

о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). СПб., 1996. Т. 49. С. 280–299.

²⁰ Русь не восприняла из Византии систему канцелярского делопроизводства и образования, что существенно ограничивало общественную значимость письменности, поскольку были усвоены только церковные книги. См.: Франклайн С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 39–40, 73.

²¹ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 13–42.

²² См.: Алексеев А. А. Библия в богослужении. С. 120–139.

группируются в порядке богослужения по триоди в согласии с пасхальным подвижным циклом или по дням месяца на те или иные памятные даты, так что образуют помесячные собрания — так называемые *четыи минеи*.²³

К этой категории из сохранившихся славянских рукописей относится, в частности, мартовская минея, называемая Супрасльский сборник, болгарского происхождения XI века²⁴ и древнерусская майская четья минея, Успенский сборник, начала XIII века,²⁵ с житиями Кирилла и Мефодия. В 1529–1541 годах при митрополите Макарии был создан обширный свод произведений минейного жанра, заключивший в себе основной объем древнерусской письменности — Великие минеи четыи (ВМЧ).²⁶ Каждый из 12 томов насчитывает от двух до трех тысяч листов. Четыре Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского помещены на дни памяти евангелистов 26 сентября (Иоанн), 18 октября (Лука), 16 ноября (Матфей) и 25 апреля (Марк). Деяния и Апостольские послания с обычными для них (но не полными) толкованиями Феофилакта Болгарского или Никиты Ираклийского помещены 30 июня на Собор апостолов, т. е. второй день праздника апостолов Петра и Павла. На память апостола Иоанна 26 сентября вместе с Евангелием помещен Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Очевидно, что новозаветные книги со сплошным текстом без толкований, которые мы сегодня воспринимаем как «четыи», использовались исключительно как книги литургические, почему остались вне ВМЧ. Завершается эта грандиозная композиция тремя толковыми Псалтырями — Афанасия Александрийского, Брунона Вюрцбургского и Феодорита Кирского, которые даны одна за одной 20 августа без какой-либо связи с именем царя и пророка Давида; память его как прародителя Мессии отмечена в ВМЧ 26 декабря, в собор Рождества.²⁷

Книги Исход, Числа и Второзаконие помещены на память пророка Моисея 4 сентября с большими пропусками в тексте и добавлением кратких толкований, заимствованных из Толковой палеи (о ней см. ниже). Книги Иисуса Навина, Судей, Руфи, первые две со значительными пропусками, помещены на память пророка Иисуса Навина 1 сентября. Книги 1 и 2 Царств без толкований, но с добавлениями из Толковой палеи помещены на память пророка Самуила 20 августа. Так называемое Житие пророка Илии (3 Царств, главы 17–22, и 4 Царств, главы 1–13) помещено на память пророка 20 июля. Второй из пассажей помещен также под 14 июня в воспоминание пророка Елисея. Книга Иова в древнем, возможно, Мефодиевском переводе, но с делением на главы в согласии с Вульгатой, помещена на память праведного Иова 6 мая. Книги 1 и 2 Маккавейские в переводе с латыни для Геннадиевской библии и с делением на главы помещены на память святых мучеников Маккавеев 1

²³ От греч. μηναῖος ‘месячный’, обозначает собрание церковных чтений, расположенных по дням того или другого месяца. См.: Виноградов В. П. Уставные чтения. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев Посад, 1914; Мещерский Н. А. История христианской литургической письменности. СПб., 2013. С. 245–248.

²⁴ По частям хранится в трех библиотеках разных стран. Издание: Заимов Й., Капалдо М. Супрасльски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.

²⁵ Князевская О. А. и др. Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

²⁶ См.: Дробленкова Н. Ф. Великие минеи четыи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 126–133. См. также: Ромодановская В. А. Пророческие книги Ветхого Завета в составе Великих миней четиих митрополита Макария: Заметки и наблюдения // Fons sapientiae verbum Dei. Сборник научных статей в честь 80-летия проф. А. А. Алексеева. СПб., 2022. С. 59–70.

²⁷ Сохранились остатки сводного толкования на Псалтырь, сделанного на основании тех же греческих источников в Древней Руси. См.: Вершинин К. В. Неизвестный древнерусский толковый перевод (катехиза на Псалтырь) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2018. Т. 16. С. 90–119.

августа. Книга Иеремии представлена в день памяти пророка 1 мая дважды: вначале в толковом переводе, но без толкований, в объеме 1.1–8, 11–17, 2.2–12, 25.15–45.5 и 52.4–27, 31–34, затем в новой полной версии, приготовленной для Геннадиевской библии, в которой главы 1–25 и 46–51 переведены с латыни. Книга Иезекииля также представлена 21 июля двумя версиями: первая с толкованиями, другая без них, но это один и тот же так называемый толковый перевод, возникший в Болгарии при царе Симеоне († 927). В таком же виде дана книга Исаии 9 мая, но с добавкой еще одной версии — паримийского текста по кирилло-мифодиевскому переводу.²⁸

Прочие пророческие книги использованы в том же старом толковом переводе X века, который был хорошо известен в Новгороде и послужил основой для составителей Геннадиевской библии 1499 года. Все они, однако, освобождены от толкований и размещены по дням памяти пророков: Даниила — 17 декабря, Осии — 17 октября, Иоиля — 19 октября, Амоса — 15 июня, Авдия — 19 ноября, Ионы — 21 января, Михея — 14 августа (с делением на семь глав, как в Вульгате), Наума — 1 декабря, Аввакума — 2 декабря, Софиии — 3 декабря, Аггея — 16 декабря, Захарии — 8 февраля, Малахии — 3 января.

Книги 3 и 4 Царств не включены в ВМЧ, по всей вероятности, из-за отсутствия имени автора, эта же участь, как ни странно, у Соломоновых книг, т. е. Притчей, Премудрости, Екклесиаст, Песни песней, а также у книги Есфири, — между тем все эти книги были в Новгороде и использованы при составлении Геннадиевской библии.²⁹ Опущена также книга Иисуса Сирахова.³⁰ Судя по характеру текста Пятикнижия и Царств, источником, из которого они были извлечены для ВМЧ, послужила Толковая палея (см. о ней ниже), в которой повествование обрывается смертью Соломона (3 Царств 11). Книга Бытия также входит в Палею, но, поскольку в ВМЧ библейский материал под 4 сентября подчинен жизнеописанию Моисея, она была опущена. На память Василия Великого 1 января составители ВМЧ поместили постнические слова этого богослова, но не «Шестоднев» (библейское повествование о шести днях творения с набором комментариев), с которым вместе могла бы войти и значительная часть Бытия. Моисеевы книги пришли на Русь от южных славян в составе корпуса Восьмикнижия от Бытия до книги Руфи или Двенадцатикнижия (см. выше), его наследием является Толковая палея, но восточнославянские копии Восьмикнижия не известны.³¹ Размещение библейских книг по дням памяти предполагаемых авторов или действующих лиц серьезно ограничивало возможность восприятия Ветхого Завета как единого корпуса и выделения библейских книг из числа прочих церковно-религиозных писаний.

²⁸ См.: Алексеев А. А. Великие четыри минеи. Проблемы и задачи нового издания // Русский язык в научном освещении. 2010. Т. 1 (19). С. 291–305.

²⁹ Память Соломона вспоминается в неделю праотец, т. е. во вторую неделю (воскресенье) перед Рождеством. Однако она опущена и в константинопольском синаксаре XII века. См.: Delehaye H. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae: e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi; adiectis synaxariis selectis. Bruxellis, 1902.

³⁰ Она известна в древнем славянском переводе уже в Изборнике 1076 года. См.: Пичхадзе А. А. Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 года // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003. С. 7–26; Сизиков А. В. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова в церковнославянских и русских переводах // Rocznik teologiczny. 2021. LXIII/3. С. 773–814.

³¹ Рукописи Восьмикнижия известны греческой письменности, но появляются лишь тогда, когда в VIII веке возник убористый почерк минускул. См.: Rahlf A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments; Михайлова А. В. Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912; Пичхадзе А. А. Из истории четвертого текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 10–21. Восьмикнижие соединяется также с четырьмя книгами Царств и тремя Маккавейскими (ср. выше).

Таким образом, несмотря на непоследовательность в представлении «честного» материала в ВМЧ он в целом отождествляется с толковым типом библейского текста. По причине своего объема эта компиляция (ВМЧ) практически не связана с Геннадиевской библией, созданной ранее в Новгороде. В католической традиции этому обширному замыслу соответствует серия *Acta sanctorum* (1643–1837), которая, однако, с самого начала была рассчитана на печатный станок.

3. Библейский центр и библейская периферия. Толковая палея

Ранние списки толковой Библии, называемой Толковая палея (ТП), относятся к XIV веку и по хронологическим причинам не вошли в «Сводный каталог», тогда как сама ТП, вне сомнений, возникла на Руси в домонгольский период,³² южным славянам книга такого состава неизвестна. Библейский текст от Бытия до 3 Царств 11 вошел в ТП с пропусками, но к нему добавлено множество статей разнообразного характера. Всего выделяется четыре группы добавлений: 1) краткие изъяснения библейских реалий; 2) переведенные с еврейского и греческого библейские апокрифы, обогащающие сюжетные повествования; 3) проповеднические пассажи учительного характера; 4) полемика с иудейской интерпретацией тех или иных элементов текста.³³ Может создаться впечатление, что Палея в целом имеет антииудейскую направленность, но это не так. Полемика с воображаемым оппонентом носит «свиреподобродушный», по выражению И. Е. Евсеева, характер³⁴ и в целом ведет к тому, чтобы выявить новозаветную перспективу ветхозаветного текста. Поэтому ТП действительно является «толковой Библией», а не антииудейским сочинением. Для частного употребления создавались и другие вопросы-ответные (эротапокритические) компиляции, вроде описанных в книге В. Н. Мочульского,³⁵ или представленные в известном сборнике толкований XIII века Q.p.I.18.³⁶

Никакой связи с литургическим календарем у ТП нет, она не принадлежит ни монастырскому, ни соборно-приходскому богослужению. Ее назначение — частное домашнее чтение, возможно, учебное чтение, и можно думать, что читатель такого произведения относился к наиболее образованному кругу древнего общества. В этом своем качестве она фактически является учебной книгой Древней Руси,³⁷ занимая место рядом с псалтырью. С добавлением исторического материала из хронографа и тщательной хронологической разметки ТП становится так называемой Хронографической палеей.³⁸ По своим

³² Доказано серией работ В. М. Истрина (1865–1937). Библиографию см.: *Творогов О. В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. С. 285–288.

³³ Издание «Палея толковая» (М., 2002) дает перевод А. М. Камчатнова на современный язык, довольно подробный комментарий. В основе лежит текст Коломенского списка 1406 года, в котором устраниены некоторые апокрифические сюжеты.

³⁴ Можно видеть в этом апологетику. См.: *Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков)*. СПб., 2008. С. 140–152.

³⁵ *Мочульский В. Следы народной Библии*. Одесса, 1893.

³⁶ См. издание: *Wqtróbska H. The Izbornik of the 13th Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18) // Полата кънигописнья = Polata Knigopisnaja*. Nijmegen, 1987. № 19–20.

³⁷ Подобное использование Библии как учебной книги известно и средневековой Европе. См.: *Van Liere F. An Introduction to the Medieval Bible*. Cambridge, 2014. P. 141.

³⁸ См. издание краткой хронографической версии: *Водолазкин Е. Г. Краткая хронографическая Палея // ТОДРЛ*. СПб., 2006. Т. 57. С. 891–915; 2007. Т. 58. С. 534–566; 2010. Т. 61.

литературным чертам она похожа на первые толковые Библии в Западной Европе — латинские *Glossa ordinaria* и *Historia scholastica* и французскую версию *La Bible historiale* Петра Коместора († 1178), которые также содержали неполный библейский текст и толкования. До XIII века, до парижской Вульгаты, в Европе господствовали библейские парофразы.³⁹ Более систематические толкования, так называемые *Postilla litteralis super totam Bibliam* Николая Лиранского, созданные в 1322–1331 годах, завершили этот процесс. До эпохи гуманизма в Европе не было знакомства с греческим языком, тогда как талмудически образованные евреи были вовсе не редкость.⁴⁰ Появление этих европейских соответствий порождено тем же движущим мотивом — требованием к монахам читать, которое отчетливо прозвучало в уставе Бенедикта Нурсийского († около 550) и позже нашло реальное воплощение в практике доминиканцев и францисканцев.⁴¹ В XIII веке благодаря Фоме Аквинскому первенство в чтении и изучении Писания перешло в Европе к Парижскому университету, с деятельностью которого связано активное тиражирование латинской Вульгаты и изготовление в 1250 году ее полного французского перевода; в это время по обилию библейских рукописей Западная Европа значительно опережает Византию.⁴² В Восточной Европе университет не появился, и перелом в образовании связан с организацией в конце XIV — начале XV века общежительных монастырей Сергия Радонежского (1314–1392) и Кирилла Белозерского (1337–1427).⁴³ Здесь были устроены библиотеки и, вероятно, внедрялось обучение грамоте.

Первый на Руси монастырь в Киеве был общежительный по Алексеевскому уставу богослужения, но особножительный по характеру жизни насельников. Общей собственности не было, не было и библиотеки. Казалось тогда, что уединенное чтение книг несет опасность, о чем свидетельствует история Никиты-затворника. Именно ему бес сказал: «Ты убо не молися, но буди почитаа книги и сими обрящися с Богом бесъду» (см. Киево-Печерский патерик).⁴⁴ Организация копирования рукописей в двух названных выше монастырях

С. 346–374; 2014. Т. 63. С. 238–261; 2017. Т. 64. С. 181–196; 2017. Т. 65. С. 181–196; 2020. Т. 67. С. 3–20 (в томах 64–67 соавтор Т. Р. Руди). Это издание послужило основой большого исследовательского труда в двух томах, посвященного древнерусской историографии: *Die Kurze Chronographische Paleja* = Краткая Хронографическая Палея. Bd. 1. Kritische Edition mit deutscher Übersetzung = Критический текст с немецким переводом / S. Fahl, D. Fahl; Bd. 2. *Die Kurze Chronographische Paleja. Einführung, Kommentar, Indices* = Введение, комментарий, индексы / D. Fahl, S. Fahl, C. Bötttrich, unter Mitarbeit von M. Šibaev und I. Christov. Gütersloher Verlagshaus, 2019. О связи ТП с историографией см.: *Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси.*

³⁹ *Lobrichon G. Les paraphrases bibliques comme instruments théologiques dans l'espace roman des XIIe et XIIIe siècle // La Scrittura infinita. Bibbia e poesia in età medievale e umanistica. Atti del Convegno di Firenze, 26–28 giugno 1997 / Ed. F. Stella. Florence, 2001. P. 155–176.*

⁴⁰ В каролингскую эпоху евреи принимали активное участие в правке и разъяснении библейского текста как консультанты и учителя. См.: *Elukin J. M. Living together, living apart: re-thinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton, 2007. P. 44.* О влиянии школы Раши (1040–1105) на христианские библейские штудии в Европе XII века см.: *Smalley B. The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford, 1940 (переиздание 1952, 1983).*

⁴¹ Бенедиктинский устав призывал к частному чтению Библии, для чего следовало брать книги в монастырской библиотеке. См.: *Grotans A. A. Reading in Medieval St. Gall. Cambridge, 2006. P. 237.*

⁴² См.: *Miller J. The Prophetologion: The Old Testament of Byzantine Christianity? // The Old Testament in Byzantium / Ed. P. Magdalino and R. Nelson. Washington, 2010. P. 55–75.*

⁴³ В отношении общежительного характера монастыря Сергия Радонежского сомнений нет. Четкие разъяснения о монастыре Кирилла см.: *Семячко С. А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 450–459.*

⁴⁴ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 394 (подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшевской).

привела к тому, что книга из церковной ризницы перешла в библиотеку, индивидуальное чтение стало возможно и необходимо.⁴⁵ По всему видно, что в это время единственными читателями были писатели, т. е. лица, связанные с ведением летописания, изготовлением церковно-литургических книг. Ефросин, насельник Кирилло-Белозерского монастыря в начале второй половины XV века,⁴⁶ составил шесть сборников с выписками из книг, которые ему пришлось и удалось читать.⁴⁷ В некоторых из них прослеживается связь читаемого материала с календарем богослужения, почему видно, что он и в келейном чтении руководствовался требованиями устава. Выписки из Библии у Ефросина нередки и сделаны исключительно из толковых версий, иногда называется сама Палея как источник.⁴⁸ В этих монастырях и появившихся позже Ферапонтовом и Иосифо-Волоколамском были изготовлены в XV–XVI веках почти все библейские рукописи, какими наука располагает сегодня. Там же появились многочисленные чети сборники с разнообразной подборкой материала.⁴⁹

Что касается Нового Завета, то византийские экзегеты составили так много толкований на этот актуальный раздел Священного Писания, что в начале второго тысячелетия пришлось делать своды толкований, так называемые катены. Самое важное из этих произведений сохраняет свою значимость до сегодня, это Толковое евангелие Феофилакта Болгарского (или Охридского, † после 1108). Несмотря на то, что этот греческий экзегет пребывал в славянском окружении в Охриде (именно он написал Житие Климента Охридского, основателя славянского монашества и своего предместника по кафедре), его катены были переведены у восточных славян, о чем говорит язык дошедших списков.⁵⁰ Из них самый ранний датируется XIII веком (БАН 4.9.11). Обширные толкования на Четвероевангелие требовали двух объемистых томов, так что не могли быть в распоряжении частных лиц. Древнейший список толкований на Послания апостола Павла датируется 1220 годом и написан в Ростове (ГИМ, Синод. 7). К XIV веку относится несколько полных списков толкового Апостола.⁵¹ К флорилегиям (антологиям) с подборкой новозаветного материала относятся переведенные с греческого Пандекты Антиоха, уже упомянутый сборник Q.п.1.18.⁵² И все же Новый Завет, ежедневно звучавший на литургии, неизменно сопровождался устной проповедью и, как кажется, не стал у славян предметом самостоятельного изучения.

Как уже сказано, ТП представляет собою толковую (экзегетическую) версию ветхозаветной части Библии. Библейский текст взят в объеме от Бытия до 3 Царств 11, т. е. кончается (обрывается?) эпохой Соломона. В библейском тексте произведены сокращения: опущена большая часть книг Левит и Второзаконие, при изложении истории Давида и Соломона приведены в качест-

⁴⁵ Это событие произошло в Европе на два столетия раньше и отмечено латинским изречением «*Clastrum sine armario est quasi castrum sine armamentario*» («Монастырь без библиотеки, что крепость без оружия»). См.: *Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge, Mass., 1927. Р. 71.

⁴⁶ Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. С. 237.

⁴⁷ Описание сборников см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.

⁴⁸ В это время монастырская библиотека могла насчитывать до двухсот единиц хранения. См.: Шибаев М. А. «Ветшаные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 480–496.

⁴⁹ См. раздел «Четыре сборники Древней Руси» (ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 236–273).

⁵⁰ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 178–179.

⁵¹ См.: Там же. С. 38–39.

⁵² Обзор такого рода источников см.: Там же. С. 39–42.

ве творений этих двух авторов отрывки из Псалтыри, Притчей, а также Песни песней по русскому переводу XIII века. Дополнительный внебиблейский материал образует неразложимое единство с библейским текстом, как это видно по нескольким изданным апокрифам ТП — «О потопе», «О Мелхиседеке», «Житие пророка Моисея», «Слово блаженного Зоровавеля», «Суды Соломона».⁵³ В ходе дальнейшего копирования текста многие из этих добавлений были устраниены, получив уничтожительную характеристику «О Соломони цари и о Китоврасѣ басни и кощуны».⁵⁴

Некоторые толкования извлечены из известных славянских переводов. Начинаются они Шестодневом Иоанна, экзарха Болгарского, который представляет собою южнославянскую переработку Шестоднева (Нехамегон) Василия Великого, к этому прибавляется материал из проповедей Иоанна Златоуста, отрывки из Пролога (синаксаря), космографии Козьмы Индикоплова и др. В качестве дополнительного материала приведены библейские апокрифы Откровение Авраама, История Мельхиседека, Заветы XII патриархов, некоторые другие, а также несколько апокрифов, переведенных с еврейского на Русь. В их число входят Житие Моисея из хроники Иерахмея, история Соломона и Китовраса (Asmodaeus) из трактата «Гиттин» вавилонского талмуда; суд о человеке с двумя головами из трактата «Менахот» вавилонского талмуда; суд о трех путниках из мидраша 'Aseret ha-Dibrot (толкование десяти заповедей); суд о сыновьях подлинном и ложном и испытание Соломоном женского смысла из «малых мидрашей»; посещение Соломона царицей Савской из второго таргума⁵⁵ Есфири; загадки царицы Савской из мидраша (толкования) на Притчи; загадки (апории) мудрецов царицы Савской из трактата «Бехарот» вавилонского талмуда; притча о царе Адриане из мидраша раввина Танхумы.⁵⁶ Что касается антииудейских полемических пассажей, то они в основном опираются на Евангелие и славянский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Полемист убежден в том, что иудеи искренне заблуждаются в понимании Священного Писания, и старается открыть им подлинный его смысл через метафорическое истолкование.

«Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, также опирается на библейский рассказ о творении мира и сопровождается толкованиями, поэтому он был положен в основу хронографа, а библейский текст был распространен здесь пассажами из книги Иова, взятыми из славянского паримийника (профитология), и довольно объемистыми выписками из писаний пророков Исаии, Иеремии и Даниила. Вторым по важности источником послужили всемирная хроника Иоанна Малалы VI века,⁵⁷ переведенная в Болгарии в X веке, а также

⁵³ См. издания этих текстов и комментарии к ним: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII века. См. также: Алексеев А. А. «Сказание о Ноевом ковчеге» в древнерусской литературе // Источниковедение культурных традиций Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика. Сб. науч. статей / Отв. ред. К. А. Битнер, Н. С. Смелова. СПб., 2016. С. 284–302.

⁵⁴ Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. С. 791 (Список отреченных книг).

⁵⁵ Таргум — перевод на какой-либо обиходный язык, используемый для письменности наряду с древнееврейским.

⁵⁶ Алексеев А. А. Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 41–57. Количественно древнерусские переводы с еврейского приближаются к 30 единицам. См.: Алексеев А. А. Еврейские источники в литературной традиции Древней Руси // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 2–19.

⁵⁷ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Изд. подг. М. И. Чернышева. М., 1994.

переведенная на Руси хроника Георгия Амартола IX–X веков.⁵⁸ Все в целом имеет характер всемирной истории.⁵⁹

ТП и Хронограф представляли собою два варианта Библии для чтения, и другой Библии Древняя Русь не знала. Обе эти объемистые и сложные композиции представлены не более чем в 30 списках XIV–XVII веков, но возникли не позже XIII века, о чем говорят особенности языка и текстологии. Между списками наблюдаются существенные различия, это значит, что они не копировались для читателя, а перерабатывались редакторами и писателями. Они свидетельствуют о хорошей и разносторонней образованности их авторов. Переводы с еврейского оригинала множества апокрифов, равно как характер антииудейской полемики в ТП, свидетельствуют об участии евреев в литературном процессе Древней Руси, что напоминает ситуацию в Западной Европе, где при отсутствии связей с Византией библеистика до эпохи гуманизма развивалась при заметном участии евреев.⁶⁰ В средневековой Испании евреи интересовались местными переводами Библии для того, чтобы лучше уразуметь текст еврейского оригинала.⁶¹ Выше уже было отмечено, что ТП представляет собою славянскую параллель к латинским библейским комментариям, называемым гlosсы. Следует добавить и то, что сами летописные своды по своей структуре сборника и методу компиляции тождественно представляют особенности этой эпохи в истории литературы. Строгое цитирование в этих условиях невозможно, представление о канонической форме библейского текста отсутствует. Вариантность связана не только с технологией ручного копирования, но и отсутствием сколько-нибудь ясного представления о каноне. Почти все, что входит в природу библейского текста по нашим представлениям сегодня, в ту историческую эпоху было ему чуждо. Можно сказать, что эта черта порождена включением Библии в общий литературно-письменный процесс эпохи, который способствовал «нострификации» Библии, превращению ее в инструмент и продукт местного литературного процесса.

Книжный рынок и спрос на рукописную книгу в Европе развивался благодаря распространению монастырских школ в X–XII веках, а затем университетов.⁶² В Восточной Европе, как уже говорилось, лишь появление в XV веке общежительных монастырей и монастырских библиотек повело к подобному результату. Уже в конце XIV или начале XV века в Троице-Сергиевом монастыре появляются библейские сборники нелитургического характера. Самый ранний из них представляет собою Пятикнижие (РГБ, Троицкая лавра, 1), в основу которого положен литургический текст, извлеченный из славянского профитологии (паримийника). В книге Бытия литургический текст составляет всего лишь треть объема, так что писцу пришлось дополнить книгу по другим источникам полного текста. Очевидно, что предпринявший этот опыт писец чувствовал превосходство литургического текста. Другой библейский сборник, написанный тогда же в этом монастыре (РГБ, Троицкая

⁵⁸ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920.

Т. 1. Текст.

⁵⁹ Обзор содержания хронографов см.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975; Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999–2001. Т. 1–2 (издание осуществил О. В. Творогов).

⁶⁰ См.: Smalley B. The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford, 1952; Grabois A. The *hebraica veritas* and Jewish-Christian intellectual relations in the 12th century // *Speculum*. 1975. Vol. 50. P. 613–634; Harris R. A. Discerning Parallelism: A Study in Northern French Medieval Jewish Biblical Exegesis. Providence, 2004; Klepper D. C. The Insight of Unbelievers. Nicholas of Lyra and Christian Reading of Jewish Text in the Later Middle Ages. Philadelphia, 2007.

⁶¹ Marsden R. Introduction // The new Cambridge history of the Bible. Cambridge, 2012. Vol. 2 / Ed. R. Marsden and E. Ann Matter. P. 7.

⁶² См.: Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century.

лавра, 2), состоит из трех оставшихся книг Восьмикнижия — Иисуса Навина, Судий, Руфи — с прибавлением Есфири, которая незадолго до того была переведена с еврейского оригинала на Руси.⁶³ Несколько позже в это собрание библейских книг были введены четыре книги Царств, которые рассматривались как одна книга, так что все вместе получило название Десятикнижия; кроме того, позже в сборники библейских писаний наряду с тремя книгами Соломона нередко включались гномические сборники Пчела и афоризмы Менандра.⁶⁴

Яркой особенностью рукописной традиции восточнославянской Библии в XV веке становится Пятикнижие, которое совершенно чуждо греческой или другой христианской книжности⁶⁵ и известно только евреям в виде синагогального свитка Торы. При этом рукописный текст славянского Пятикнижия разделен на 52 части⁶⁶ в соответствии с делением его на параши (еженедельные разделы) для субботних чтений в синагоге и снабжен гlossenами, воспроизведяющими еврейский оригинал или арамейский таргум.⁶⁷ Приметной чертой этих списков Пятикнижия является исключение части стиха Быт 9.18 «Хам же был отец Ханаана».⁶⁸ Объясняется это тем, что евреи, населявшие Восточную Европу в конце первого тысячелетия нашей эры, назывались *хананеями* (для других групп евреев в Европе применялись именования *ашкеназы*, *сепарды*), так что только в их среде могло возникнуть желание удалить это библейское чтение. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что славянский текст использовался евреями в синагоге в качестве таргума, т. е. перевода на обиходный язык. Вместе с переводами книг Есфири и Песни песней, библейских апокрифов, о которых сказано выше, наличие таких рукописей свидетельствует о литературных контактах между иудейской синагогой и христианской общиной Восточной Европы. В конце XV — начале XVI века появился перевод на славянский язык всех книг раздела Писаний (кетувим), выполненный в среде ашкеназов после прибытия их из Германии на западнорусские земли, но он уже не вступал во взаимодействие с христианской традицией.⁶⁹

Библейскую периферию представляли оригинальные апокрифические компиляции, составленные на Руси, это Повесть о трех пленениях Иерусалима,

⁶³ См.: Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Учен. зап. Карело-Финского пед. института. Петрозаводск, 1956. Т. 2. Вып. 1. С. 271–299; Lunt H. G., Taube M. The Slavonic Book of Esther. Harvard, 1998; Люсен И. Книга Есфири. К истории первого славянского перевода. Уppsала, 2001; Алексеев А. А. Еще раз о книге Есфири // Русский язык в научном освещении. 2003. Т. 1 (5). С. 185–214.

⁶⁴ См. подробнее: Алексеев А. А. Библейский канон на Руси // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 171–193.

⁶⁵ Типология греческих ветхозаветных рукописей представлена в работе: Rahlf A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments. Berlin, 1914. О славянском Пятикнижии см.: Mathiesen R. The typology of Cyrillic manuscripts: East Slavic versus South Slavic Old Testament manuscripts // American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Ohio, 1983. Vol. 1. Linguistics. P. 193–202.

⁶⁶ Тора делится на 54 части согласно числу недель солнечно-лунного календаря Палестины, но в условиях солнечного календаря Европы число недель не превышает 52.

⁶⁷ Из 150 гlossen около 20 отражают тюркские лингвистические черты. См.: Грищенко А. И. Славяно-русские пятикнижия XV–XVI вв. с правками и гlossenами по Масоретскому тексту и другим семитским источникам: новые лингвотекстологические данные // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. С. 64–83. Обилие заимствованных тюркизмов в русском языке не позволяет все же делать из этого наблюдения какие-либо серьезные выводы.

⁶⁸ Михайлов А. В. К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой палее // Известия Варшавского университета. 1896. Кн. 1. С. 8.

⁶⁹ См.: Altbauer M. The Five Biblical Scrolls in a 16th Century Jewish Translation into Belorussian. Jerusalem, 1992. Однако для Псалтыри выбран стандартный славянский текст кирилло-методиевского происхождения.

Слово блаженного Зоровавеля, Повесть о Левии. Все три композиционно основаны на модели 2 Ездры, т. е. созданы из готовых блоков, для которых использованы славянские переводы соответствующих источников (подробнее см. ниже).

В эту же эпоху впервые появляется полный текст Нового Завета в виде однотомного кодекса. Это самостоятельный перевод, выполненный, вероятно, в Константинополе в XIV веке и известный под именем «Чудовского Нового Завета» по монастырю московского Кремля, где хранилась до 1917 года самая старая и единственная полная рукопись этого перевода. Иногда его происхождение связывают с именем московского митрополита Алексея († 1378). Перевод отражает хорошее знакомство с греческим текстом и греческой рукописной традицией, где полные списки Нового Завета получили к тому времени широкое хождение: от эпохи IX–XVI веков их сохранилось около 170, но лишь немногие содержат Апокалипсис. Их распространение было вызвано появлением убористого почерка — минускула (курсива), а также в какой-то мере доступностью бумаги, более дешевого писчего материала. На славянском юге тогда же в 1404 году был изготовлен полный новозаветный сборник с добавлением Псалтыри — сборник Хвала (Болонья. Библиотека университета, № 3537 B).

Кроме того, в XIV веке в Болгарии был создан известный сборник ветхозаветных книг (РНБ, F I 461), своим составом похожий на второй том полной Библии, он содержит книги младших пророков и писания, без псалмов.

Псалтырь была единственная библейская книга в распоряжении мирян. Ее держали в семьях для обучения грамоте и письму, для чтения над покойником. Поэтому ее влияние отражается в редких сочинениях светских лиц, каковы *Поучение князя Владимира Мономаха*, дошедшее в составе Лаврентьевской летописи,⁷⁰ и отчетливо игривое Слово Даниила Заточника.⁷¹ Также и в Европе Псалтырь была самой распространенной библейской книгой, главным текстом для домашнего чтения, связывая церковную и бытовую культуру, служа основой светского благочестия.⁷²

4. Библейская экзегеза

Первым орудием экзегезы была проповедь, сопровождавшая литургическое чтение Писания. Оригинальные проповеди появились в восточнославянской среде рано и отличались литературными и богословскими достоинствами. Слово о законе и благодати киевского митрополита Илариона представляет собою развитие мысли апостола Павла: приняв христианство, восточные славяне стали новыми сынами обетования вместе с первыми христианами, а не сынами закона по договору, как иудеи. Источник образного сравнения находится в Писании галатам 4.22–5.1, которое до введения в богослужение иерусалимского устава читалось в Рождество Богородицы, 8 сентября, будучи в дальнейшем заменено чтением Филип 2.5–11.⁷³ Дискуссия о времени произнесения Слова ис-

⁷⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. С. 456–475 (подг. текста и комм. О. В. Творогова и Д. С. Лихачева).

⁷¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. С. 168–182 (подг. текста и комм. Л. В. Соколовой).

⁷² Adamska A. «Audire, intelligere, memorie commendare»: Attitudes of the Rulers of Medieval Central Europe towards Written Texts // Along the oral-written continuum: Types of texts, relations and their implications / Ed. by S. Rankovic with L. Melve and E. Mundal. Brepols, 2010. P. 337–356.

⁷³ См.: Алексеев А. А. О времени произнесения Слова митрополита Илариона // ТОДРЛ. Т. 51. 1999. С. 289–291.

ходила из этой более поздней литургической практики, потому не могла прийти к правильной дате произнесения проповеди и ее экзегетической роли. В отличие от последующих восточнославянских писателей Иларион пользовался греческими источниками⁷⁴ и проявил мастерство в их интерпретации, так что его произведение представляет собою органичное целое.

Другой яркий автор начальной эпохи, Кирилл Туровский, посвятил свою проповедь притче о злых виноградарях (Мф 21.33–41); она читается в 13-е воскресенье после Пятидесятницы и на утрени понедельника Страстной недели. Но процитировав стих 21.33, проповедник вслед за этим переключился на притчу о слепце и хромце, которая не входит в состав Евангелия и была заимствована им из какого-то другого источника, каким в конечном счете мог быть Талмуд.⁷⁵ В целом притча получает то же самое истолкование, какое дали ей раввины: слепец — душа, хромец — тело, но аргументация построена и на новозаветных источниках. В конце гомилии возникает на одно мгновение тема евангелиста Матфея: «сын добра рода — Иисус». Прямо ссылаясь на Матфея, проповедник считает сам и внушает этот свой взгляд слушателям, что разбираемый им текст является частью Нового Завета. Действительно, наблюдается некоторое сходство двух сюжетов, ибо их действие развертывается в виноградниках,⁷⁶ но такое их соединение не отмечено исследователями христианской письменности ни в одном другом случае.⁷⁷ Повествование Матфея, христологическое по своему богословию, заменяется отчетливо эллинистической дихотомией души и тела, как tolkutся эта притча в Талмуде и других древних источниках.⁷⁸ Эта тема, несомненно, была ближе новоиспеченным монотеистам, однако нет возможности решить, каким образом произошла столь удивительная подмена. Проблема не становится проще, если считать, как это иногда делают,⁷⁹ что Кирилл позаимствовал свой материал из Пролога (т. е. краткого сборника житий), где притча о слепце и хромце помещается под 28 сентября и тоже с отрывками из Матфея. В сентябре, по византийскому литургическому уставу, читается Лука, следовательно материал из Матфея не был первичным в данном случае. Стоит отметить, что своим литературным характером это произведение похоже на древнерусский перевод истории Варлаама и Иоасафа, который появился в это же время и также насыщен многочисленными интерполяциями.⁸⁰

⁷⁴ См.: *Thomson Fr. J. 1) The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture // Slavica Gandensia. 1978. Vol. 5. P. 107–139. 2) Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // Ibid. 1983. Vol. 10. P. 65–102.*

⁷⁵ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия ОРЯС. 1926. Т. 30. С. 323–352. Византия знала притчу через пересказ Епифания Кипрского (315–403) в его Панарионе. Сам Епифаний ссылается на Апокриф Иезекииля. Публикацию всего этого материала см.: *Mueller J. R., Robinson S. E. Apocryphon of Ezekiel // The Old Testament Pseudepigrapha. New York, 1983. Vol. 1. Apocalyptic Literature and Testaments / Ed. by J. H. Charlesworth. P. 489–495.*

⁷⁶ Snodgrass K. The Parable of the Wicked Tenants: An Inquiry into Parable Interpretation. Tübingen, 1983. P. 23.

⁷⁷ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. 2-е изд. СПб., 1996. С. 248–251. О иудейской теме у Кирилла см. также: *Pereswetoff-Morath A. A shadow of the good spell: On Jews and Judaism in the world and work of Kirill of Turov // Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer / Ed. by I. Lunde. Bergen, 2000. P. 33–75.*

⁷⁸ Wallach L. The Parable of the Blind and the Lame: A Study in Comparative Literature // Journal of Biblical Literature. 1943. Vol. 62. P. 333–339.

⁷⁹ Сон Джонг Со. Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (проложная статья и слово Кирилла Туровского) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 390–401.

⁸⁰ См.: Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1985.

Безусловно, компилятивный характер носит трактат Клиmenta Смолятича, литературно оформленный как послание некоему оппоненту по имени Фома. Имя адресата может быть лишь литературным приемом. Главным источником компиляции является славянский перевод Вопрошаний Феодорита Кирского (*Questiones in Octateuchum*) к отдельным чтениям и местам Восьмикнижия.⁸¹ Этот же источник заметен в толковых компиляциях изборника XIII века РНБ Q.п.1.18 и в так называемой Книге Каaf,⁸² в которой представлены пассажи из вопросаний Феодорита.

Компилятивный характер носят также славянские цепные толкования (катены) на Песнь песней. Созданные в XII веке на Руси, они не являются переводом какого-то готового греческого оригинала, при том что в греческой письменности известно пять типов катен, но опираются на четыре источника: толкования Ипполита Римского, Григория Нисского, Филона Карпазийского и катены Прокопия Газского. Разные источники переведены разными переводчиками, что подтверждает факт их соединения на славянской почве.⁸³

Среди прибавлений ТП находятся переведенные с греческого и еврейского апокрифы, посвященные тем или иным библейским событиям и персонажам; в тексты библейские и апокрифические по ходу их изложения вставлены полемические комментарии, направленные на опровержение иудейского понимания соответствующих пассажей. Но полемическая часть невелика в своем объеме, не отличается особой резкостью и придирчивостью. Источниками ей служат Новый Завет и Иудейская война Иосифа Флавия; и то и другое в славянском переводе.⁸⁴ По всей вероятности, в сознании составителей этого произведения толкованиями являлись не только прямые комментарии полемического характера, но весь дополнительный материал, позволяющий достичь лучшего понимания библейского текста. Аналогичные произведения других библейских культур не сопровождались полемической интерпретацией библейских источников. Имею в виду греческую *Palaea Historica*, в которую включены апокрифы и патристические сочинения.⁸⁵ В еврейской традиции подобный характер носили мидраши — толкования на отдельные библейские книги, в которых библейский текст выступает в сопровождении обширного и разнообразного материала. Всего сохранилось 62 восточнославянских списка XIV–XVII веков ТП⁸⁶ и 25 списков Пятикнижия⁸⁷ (в каталоге Р. Мэтьисена перечислено 15 восточнославянских списков Пятикнижия и семь списков Восьмикнижия в составе хронографа⁸⁸). Эти пропорции говорят о том, что именно ТП была одним из главных видов рукописной ветхозаветной Библии на Руси до начала книгопечатания. Списки полного Нового Завета отсутствовали до появления Чудовского в середине XIV века, списки

⁸¹ См.: Никольский Н. О литературных трудах митроп. Клиmenta Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892; Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII века. СПб., 1992.

⁸² Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. СПб., 1898. С. 35–95.

⁸³ Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2003. С. 51–60.

⁸⁴ Алексеев А. А. Палея в системе хронографического жанра // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 25–32.

⁸⁵ Flusser D. *Palaea Historica: An Unknown Source of Biblical Legends* // *Scripta Hierosolymitana*. 1971. Vol. 22. P. 48–79. См. также: Skowronek M. *Palaea Historica. The Second Slavic Translation. Commentary and Text*. Łódź, 2016. Надо, однако, отметить, что обе названные работы имеют дело исключительно со славянским материалом, так что авторы гипостазируют греческий оригинал.

⁸⁶ Анисимова Т. В. Неизвестное обращение к «жидовину» в окончании Толковой Палеи середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2020. Вып. 1. С. 29–44.

⁸⁷ Михайлов А. В. Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея... С. I–CXXXIX.

⁸⁸ Mathiesen R. *Handlist of Manuscripts Containing Church Slavonic Translations from the Old Testament*. P. 3–48.

Четвероевангелия имели по преимуществу литургическое назначение, и лишь Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, существовавшее уже в XII веке,⁸⁹ могло считаться четьей книгой в полной мере и предлагать соответствующую литературную модель.

В этом случае, как и в некоторых других, можно видеть, что библейский канон имел исторически обусловленную подвижность в эту эпоху восточнославянской письменности. Действительно, восточные славяне оперировали понятием «десятикнижие», под которым понималась совокупность библейских книг от Бытия до Есфири включительно, помещали в паримийник вместо библейского материала гомилетический (как это было с чтением Борису и Глебу), а в сборники учительных книг добавляли Пчелу и книгу Менандра. Неясное по происхождению имя библейского персонажа Кааф (Быт 46.11 и др.), родоначальника одной из ветвей левитов, сопровождается в византийском ономастиконе параллелью ἑκκλεσία,⁹⁰ тогда как Книга Кааф у славян (см. выше) осмысляется как сборник. Отождествление двух слов могло иметь место только в еврейской среде, где имена двух персонажей и двух феноменов схожи: **לְבָבָר** и **לְבָבָר** (огласовка роли не играет, да ее, скорее всего, и не было), т. е. «соборник» (он же «проповедник», понимаемый как Соломон) или «сборник», он же левит Кааф.⁹¹ Таким образом, перед нами еще одно расширение библейского канона за счет подборки пассажей из Восьмикнижия с их толкованиями, которые по своему учительному характеру могли восприниматься как книга, подобная Екклесиасту. Не удивительно, что Книга Кааф попала в индексы священных писаний.⁹² Эти факты говорят об отсутствии четкого канона, а также серьезных попыток самостоятельно очертить его границы и определить состав книг, образующих Св. Писание.⁹³

ТП обрывается на эпохе Соломона (3 Царств 11). Замысел создателей компиляции мог состоять в том, чтобы дать литературный и богословский комментарий к трудам и деяниям главных создателей Библии — Моисея, Давида и Соломона, но этот обрыв мог образоваться по каким-то случайным обстоятельствам: многие средневековые труды различного объема и назначения не доведены до конца. Прочие библейские произведения, а именно большие и малые пророки от Исаии до Малахии, сохранились у славян в виде корпуса Толковых пророков. Оригинал, созданный Феодоритом Кирским в V веке, был переведен в Болгарии в эпоху царя Симеона с сокращениями и не полностью, и все же он разъяснял содержание этого обширного собрания текстов и давал сведения о его происхождении, ибо включал в себя краткие жития каждого библейского автора.⁹⁴ На Руси болгарский перевод был известен уже в 1047 году, о чем свидетельствует известная приписка новгородского попа Упьря Лихого.⁹⁵ Она в свою очередь послужила образцом для диакона Григория, писца Остромирова евангелия, тогда как сам корпус мог вдохновить составителей ТП, чтобы сходным образом представить еще не охваченный толкованиями материал. Как дополнение и продолжение обширного энциклопедического замысла по-

⁸⁹ Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011. С. 32–33, 353–354.

⁹⁰ Lagarde P. de. *Onomastica sacra*. Göttingen, 1870. S. 193.

⁹¹ См.: Grishchenko A. The Slavic Adventures of Greek Kohath: On the Origin of the Title of the Old Russian Book of Kaaf // Slovene. 2012. № 2. Р. 95–110.

⁹² Грицевская И. М. Индексы истинных книг. СПб., 2003. С. 117.

⁹³ Алексеев А. А. Библейский канон на Руси. С. 171–193.

⁹⁴ См.: Евсеев И. Е. 1) Книга пророка Исаии в древне-славянском переводе. СПб., 1897; 2) Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык // Известия ОРЯС. 1899. Т. 4. С. 355–373; Туницкий Н. Л. Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1918.

⁹⁵ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 163–168.

сле составления ТП или вместе с нею появилась еще одна толковая компиляция — «Словеса святых пророк» или «Пророчество Соломона».⁹⁶ В ней собраны краткие выписки из учительных книг и пророков, отрывки из нескольких других экзегетических и хронографических произведений в сопровождении кратких комментариев, полемически направленных против иудаизма. Компиляция сохранилась в нескольких копиях и могла служить не столько целям полемики, сколько катехизации, что отмечено для аналогичных цитатников Западной Европы той же эпохи.⁹⁷ Первый издатель Словес И. Е. Евсеевставил этот трактат по богатству тем и источников, по значимости богословской мысли в один ряд с Просветителем Иосифом Волоцким.⁹⁸

Тогда же, в XIII веке, путем выборки материалов из различных источников на Руси были созданы три оригинальные по замыслу экзегетические произведения, а именно Сказание о трех пленениях Иерусалима, Слово блаженного Зоровавеля и Повесть о Левии.

В первом из них на основании славянских переводов библейских книг, а также Хроники Георгия Амартола, Александрии, Иудейской войны и Иосипона описаны три осады и три захвата Иерусалима: вавилонским царем Навуходоносором в 587 году до н. э., сирийским царем Антиохом IV Эпифаном в 167 году до н. э. и римским императором Титом в 70 году н. э.⁹⁹ Литературный и богословский замысел сочинения заключается в тезисе о том, что благополучие и сохранность великого города находятся в зависимости от наличия истинной веры.

Слово блаженного Зоровавеля состоит из двух частей.¹⁰⁰ В первой изложена история трех оруженосцев Дария, вошедшая составной частью в одну из девтероканонических книг (2 Ездры 3.1–5.6), но в данном случае переведенная с какой-то еврейской хроники. В награду за мудрость Зоровавель получает от Дария право на восстановление иерусалимского Храма. Вторая часть заимствована из славянской версии Иудейской войны (книга VI, глава 9) и содержит рассказ о падении Храма в 70 году. Две части Слова образуют новое, оригинальное по замыслу, произведение, которое охватывает историю второго Храма от его создания до гибели и имеет тот же изъяснительный и назидательный характер, что и Сказание о трех пленениях.

Повесть о Левии сохранилась в составе интерполяций славянской версии Иудейской войны, интерполированной версии Сказания Афродитиана XVI века¹⁰¹ и также состоит из двух частей. В первой речь идет о событиях 37 года до н. э., когда после шестимесячной осады Ирод штурмом взял Иерусалим и перебил синедрион, ибо тот был настроен к нему враждебно. К этому известию, бегло сообщаемому Иосифом (*De antiquitatae ioudaeorum* 14.9.4 et 15.1.1), Повесть добавляет подробности, которые объясняют причину жестокости Ирода: его месть синедриону вызвана интригами некоего Левия, невежды и чре-

⁹⁶ Евсеев И. Е. Словеса святых пророк. Противоиудейский памятник по рукописи XV века. М., 1907; Водолазкин Е. Г., Руди Т. Р. Из истории древнерусской экзегезы: «Пророчество Соломона» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 252–303; Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси. С. 293–313.

⁹⁷ См.: *Déroche V. Forms and Functions of Anti-Jewish Polemics: Polymorphy, Polysemy // Jews in Byzantium. Dialectics of Minority and Majority Cultures / Ed. by R. Bonfil, O. Irshai, G. G. Stroumsa and R. Talgam*. Leiden; Boston, 2012. P. 535–548.

⁹⁸ Евсеев И. Е. Словеса святых пророк. С. 7.

⁹⁹ Истрин В. М. Хронограф Академии наук 45.13.4. Одесса, 1905.

¹⁰⁰ См. издание текста с комментариями: Навстанович Л. М. Слово блаженного Зоровавеля // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. С. 150–159, 378–380.

¹⁰¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке (украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана») // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 245–299.

воугодника. Для второй части использована евангельская история волхвов (Мф 2.1–12), в которой виновником избиения вифлеемских младенцев оказывается тот же неблагочестивый Левий. Смысл повести состоит в том, что вина избиения младенцев снимается с еврейского народа и возлагается на отщепенца, нанесшего ущерб самим евреям.¹⁰² Видно также, что Иосиф Флавий рассматривается как авторитетный источник по истории христианства, его сочинения составляют периферию библейской антологии в той же мере, как это делают второканонические книги.¹⁰³

Собственно славянское происхождение всех трех произведений не вызывает сомнений, поскольку они основаны на источниках, какими к тому времени располагала восточнославянская письменность. Но вопреки вторичности использованного материала возникли оригинальные по замыслу произведения, которые можно отнести к разряду межзападных апокрифов.¹⁰⁴

Труднее выявлять автохтонное происхождение какого-либо текста, когда он незначителен по объему и не имеет ярких содержательных особенностей. Так, в составе толковой литургии встречаются толкования на Господню молитву, известные также и в отдельных списках. А. И. Соболевский считал это произведение плохим переводом с греческого, выполненным на Руси,¹⁰⁵ Т. И. Афанасьева, опираясь на более широкую рукописную базу, настаивает на том, что это компиляция, составленная по нескольким восточнославянским источникам.¹⁰⁶ Вполне надежным является языковой критерий в двух случаях: когда экзегеза принимает во внимание языковую форму выражения той или другой мысли или же когда применяются определенные поэтические и стихотворные приемы.

Так, греч. Ἀρεος πάγος «ареопаг» (Деян 17.22) было буквально переведено у славян «ариевъ» ледъ, что породило комментарий, который по самому своему содержанию, очевидно, является оригинально славянским: «Въ Афинѣхъ предъ идолъскою церквию лежалъ камень великъ, на немъже стоя Арии учаше люди, и ученьмъ его мнози омрачиша ся, и самъ сомрачи. И того ради камень тъ наречеть ся Ариевъ ледъ» (РНБ, Q.п.1.18, fol. 178).¹⁰⁷ В упомянутом выше сочинении Кирилла Туровского оригинальность сказывается, в частности, стремлением противопоставить по смыслу два синонима, один из которых является заимствованием, а другой — его славянским переводом, ср.: «Створи Бог тѣло виѣ рая и внесе е в едемъ, а не в раи. Едемъ же речется пища <...> Раи бо мѣсто есть свято, якоже жилище едемъ, а не раи. Раи же мѣсто есть свято, якоже церкви олтарь».¹⁰⁸ Здесь очевидным образом слав. «раи» потеряло свою исходную связь с обозначением сада, которая еще сохраняется в Быт 2.8 у евр. ραι и греч. παράδεισος, став элементом христианской сoterиологии.

Безусловно, предложенный перечень богословско-экзегетических опытов Древней Руси не является полным. Преобладание в нем приемов компиляции нельзя считать случайным, это явление легко объяснить тем, что

¹⁰² См. также: Алексеев А. А. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 87–95.

¹⁰³ См.: Алексеев А. А. Славянский Иосиф // Христианский восток. СПб., 2017. Т. 8 (XIV). С. 27–40.

¹⁰⁴ См.: Алексеев А. А. Библейский канон на Руси. С. 182–185.

¹⁰⁵ Соболевский А. И. Три древнерусских толкования // Известия ОРЯС. 1913. Т. 17. № 3. С. 82–92.

¹⁰⁶ Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исследования и тексты. М., 2012. С. 128.

¹⁰⁷ Ср.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 78.

¹⁰⁸ См. также: Колесов В. В. Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 142–157.

с монографической разработкой отдельных вопросов богословская мысль эпохи справиться не могла. Заслуживает внимания, однако, то, что даже при переводе толкований на Песнь песней был сделан выбор в пользу компиляции вместо того, чтобы дать полную передачу греческой катены. Особая роль компиляции в эту эпоху литературного развития у славян связана с тем, что она была главным принципом организации сборника, при том что сборник (*florilegium*) являлся формой частной библиотеки, которую каждый из пишущих создавал для себя в своих личных интересах и целях.¹⁰⁹ Круг читателей совпадал с кругом писателей, и один и тот же литературный прием получал господствующее применение в разных и разнообразных обстоятельствах. Сборники, как личные библиотеки, не копировались, точное копирование применялось лишь при изготовлении книг общественного характера, т. е. в раннюю эпоху почти исключительно для литургических и канонических пособий. Судя по тому, что большинство произведений довольно богатой древней славянской письменности X–XIII веков известно сегодня в списках не ранее конца XV века, лишь к этому времени складывается потребительская среда, готовая приобретать книги как товар. Иначе говоря, условия существования текстов определяли выбор литературного приема.

Заслуживает внимания также и то, что осознание религиозной или культурной тождественности с библейской эпохой было в первые века христианства у славян так велико, что открывало простор для соединения источников разного содержания и происхождения и обусловило создание новых произведений в жанре библейских апокрифов, которые служили объяснению некоторых черт священной истории. Термин «библейский пересказ» (*rewritten Bible*), введенный Гезой Вермешем для обозначения такого рода литературы эпохи второго Храма,¹¹⁰ кажется в данном случае особенно удачным, ибо снимает оппозицию канона и апокрифа, которая является для той эпохи анахронизмом. Создание новых сюжетов на библейские темы характерно для окраин христианской ойкумены, таких как Эфиопия и коптский Египет. И поскольку появление культурных новаций вызвано, как правило, взаимодействием культурных традиций, можно думать, что и в рассмотренных случаях они были обусловлены какими-то потерянными чертами дохристианской культуры Древней Руси, оказавшейся в отношениях партнерства с новой христианской культурой. Партнерство это не было равноправным, потому вело к вытеснению и потере оригинальных культурных форм, как это видно на истории многовекового забвения былины. Кое-что для культурного обогащения, но далеко не все давало соприкосновение с еврейским населением; возможно, именно оно способствовало освоению библейского материала. Включение собственной истории во всемирный христианский исторический процесс было характерно для всех европейских народов, принявших христианство, и отчетливо отразилось на Руси в развитии национальной историографии, которая возвела к сынам Ноевым родословие славян. Но и в богословствовании национальное начало все же просвечивает сквозь те тугие повивальные пеленки христианства, в которые была плотно обернута славянская письменная традиция с самого начала своего возникновения на Руси.

¹⁰⁹ Компиляции как ведущему принципу организации текста посвятил несколько важных работ Вильям Федер. Ср. его удачный термин «elementary compilation»: *Veder W. Elementary Compilation in Slavic // Cyrillicmethodianum. 1981. Vol. 5. P. 49–66.*

¹¹⁰ *Vermes G. Scripture and Tradition in Judaism: Haggadic Studies. 2nd ed. Leiden, 1973. P. 93.* По мнению ученого, термин обозначает повествование, которое воспроизводит Писание, добавляя к нему разъяснения и возможные параллели. См. также: *Rewritten Bible after Fifty Years: Texts, Terms, or Techniques? A Last Dialogue with Geza Vermes / Ed. by J. Zsengellér. Leiden; Boston, 2015.*

Движение Библии в сторону историографии было характерно для всей средневековой культуры. Оно получило начало в самой еврейской среде, где в конце I века Иосиф Флавий придал совокупности библейских книг иудаизма исторический характер в своем сочинении «Древности иудейские» (*Antiquitates Iudaicæ*), которые в переводе с греческого на еврейский в начале X века в Италии превратились в историю еврейского народа (*Yossipon*) и породили одновременно развитие всемирной историографии в виде хронографов Иоанна Малалы в VI веке и Георгия Амартола в VIII веке. По всей Европе распространение библейских книг сопровождалось письменной фиксацией местных исторических и языческих традиций,¹¹¹ характеризовалось отсутствием четкого библейского канона и взаимодействием с апокрифической традицией,¹¹² потому отмеченные нами выступления за рамки «библейского канона» в литературе Древней Руси не являются чем-то исключительным.

5. Библейский гуманизм

В эпоху схоластики афоризм Фомы Аквинского «Auctor autem sacrae Scripturae Deus est»¹¹³ охранял Библию от филологической критики, но итальянский гуманизм осознал, что библейский текст обусловлен в своей грамматике и лексике законами человеческой речи, у которой свои правила и своя судьба. Отвернувшись от Библии как предмета изучения и Аристотеля как метода, гуманизм пришел к библейской грамматике и стилистике, библейским языкам, а также источникам текста. В XIV–XV веках деятели гуманизма открыли для себя еврейский и греческий языки как оригинальные языки Библии, стали коллекционировать рукописные источники, сравнивать разночтения и в целом трактовать Священное Писание как продукт определенной культуры и определенной эпохи. Во второй половине XV века известный новгородский книжник Иван (Ивашко) Черный приступил к методическому сбору корпуса славянских библейских книг. Созданный им тогда сборник находится сегодня в РГБ, собр. Ундовского 1, и содержит следующие книги в таком порядке: 12 первых книг Ветхого Завета от Бытия до 4 Царств, затем книгу Есфири, переведенную на Руси с еврейского оригинала в XII веке,¹¹⁴ Песнь песней с толкованиями Филона Карпрафийского, также русского перевода XII века, Екклесиаст с толкованиями (возможно, тоже русского перевода), Притчи, пассажи из Премудрости Соломона, вошедшие в литургические сборники (профитологии), затем хронографические материалы, и среди них тот же перевод Песни песней, но освобожденный от толкований (л. 449–463).¹¹⁵ Из ветхозаветных книг отсутствуют, таким образом, книги Иова, Псалтырь и собрание XVI Пророков. Что касается Иова, то книга была действительно большой редкостью на Руси. Позже для Геннадиевской библии был найден список сербского происхождения с толкованиями Олимпиодора Александрийского (VI век); этот же текст в XVI веке включен в ВМЧ митроп.

¹¹¹ См. попытку обобщения такого материала: *Kaldellis A. The Great Medieval Mythogenesis: Why Historians Should Look Again at Medieval Heroic Tales // Antike Mythen. Medien, Transformationen und Konstruktionen / Hrsg. von Ü. Dill und Ch. Walde. Berlin; New York, 2009. P. 356–371.* См. издание английских переработок Библии в раннехристианскую эпоху: *Amodio M. The Anglo-Saxon literature handbook. Blackwell Publishing, 2014.*

¹¹² См.: *Form and function in the late medieval Bible / Ed. by E. Poleg and L. Light. Leiden; Boston, 2013; Van Liere F. An introduction to the medieval Bible. Cambridge, 2014.*

¹¹³ «Сам Бог автор священного Писания» (*Catechismus catholicae ecclesiae, pars prima*).

¹¹⁴ Она числится здесь под номером десятым в порядке *ветхословия*, т. е. Ветхого Завета (л. 263).

¹¹⁵ Славяно-русские рукописи В. М. Ундовского. С. 1–9.

Макария под 6 мая. Скопировать Псалтырь было нетрудно по ее широкой доступности, то же относится к сборнику XVI Пророков. Вероятно, в какой-то момент работы Ивана просто остановилась. По всей вероятности, это начинание было предпринято им под влиянием европейских событий. Он, безусловно, был осведомлен о появившихся в Европе изданиях латинской Библии (публикация Гуттенберга 1455), о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1445), где был проявлен интерес к греческим библейским рукописям.¹¹⁶

Последние годы жизни Иван Черный занимался редактированием хронографа и довел работу до благополучного завершения, этот труд известен в науке под названием «Еллинского и римского летописца второй редакции».¹¹⁷ Вслед за этим он покинул Новгород: будучи обвинен в «жидовстве», бежал в Литву, где скончался после 1490 года.¹¹⁸ Однако он нашел продолжателя своего дела в Вильне, где в 1502–1507 годах некто Матфей Десятый, высокообразованный канцелярский служащий, выполнил труд по составлению славянского библейского корпуса (рукопись Библиотеки Академии наук, 24.4.28), в который вошла большая часть ветхозаветных книг и Новый Завет полностью.¹¹⁹ Образцом могла служить печатная Вульгата. Связь этой работы Матфея Десятого с деятельностью Ивана Черного отразилась в двух значимых явлениях: список библейских книг начат с того места, где остановился Иван Черный в рукописи Ундельского 1, т. е. с ветхозаветных пророков, а в комментариях к библейскому тексту неоднократно приводятся обширные выписки из Еллинского летописца второй редакции, только что завершенного труда Ивана Черного.¹²⁰ В сборнике Матфея Десятого отразились черты переходной эпохи от рукописной книжности к печатной. Это, безусловно, Библия в том смысле, что другие тексты, кроме библейских, в этот сборник не входят. Последовательность вошедших в сборник книг в значительной мере соответствует тому порядку, какой принят для библейских кодексов Ветхого и Нового Заветов. Некоторые особенности в расположении и характере текста отдельных книг обусловлены тем, что Матфей не располагал широким кругом источников для своей работы, потому его решения могли носить вынужденный характер. Включение книги Менандра в состав кодекса отвечает обычной для восточных славян практике помещения Менандра, а иногда и Пчелы среди библейских книг премудрости. При этом Матфей проявил исключительное усердие, чтобы извлечь из паримийника, который был

¹¹⁶ Алексеев А. А. 1) Библейский гуманизм в восточной Европе // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С. 9–18; 2) Библейский канон и библейский кодекс // Старобългаристика = *Palaebulgaria*. София, 2022. Vol. 46 / 4 (Специальное издание: А на жената бяха дадени крила. Сборник в чест на профессор С. Николова / Сост. С. Берлиева, В. Желязкова, Н. Ганчева). С. 69–82.

¹¹⁷ Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы кон. XV в. // ТОДРЛ. Л., 1948. Т. 6. С. 109–110. Исследование и комментированное издание этого сочинения см.: Творогов О. В., Давыдова С. А. Летописец еллинский и римский. СПб., 1999–2001. Т. 1–2.

¹¹⁸ Имя Ивана Черного нередко упоминается в истории древнерусской литературы. См.: Турилов А. А. Иван Черный // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 20. С. 638–639. О какой-либо связи с «ересью жидовствующих» сведений в источниках нет. Обвинения этого рода в эпоху новгородского митрополита Геннадия (1484–1505) были не редкостью; что за ними стояло, предстоит еще выяснить. Немало сведений о Иване Черном вошло в книгу: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.

¹¹⁹ См.: Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 года // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88; Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017, а также фототипическое издание труда Матфея Десятого в сопровождении научного комментария: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: В 2 т. / Подг. изд. и исследование А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко. СПб., 2020.

¹²⁰ См. комментарии в издании «Библия Матфея Десятого».

у него под рукой, все фрагменты Премудрости Соломона. О том, что эта книга является частью Библии, он мог знать только из печатного латинского издания. По всей вероятности, через того же Ивана Черного до него дошли сведения из Новгорода о Геннадиевском кодексе и его составе.

Необычным в структуре кодекса Матфея Десятого является то, что Апокалипсис помещен тотчас после Евангелия от Иоанна. В славянской письменности известен лишь еще один случай такого рода: после Иоанна Апокалипсис находится в упомянутом сборнике Хвала 1404 года. Эта черта композиции Хвала давно привлекла внимание ученого мира, начиная с Павла Шафарика ее объясняют какими-то боснийскими ересями.¹²¹ В чем заключаются ереси, не ясно, известно только, что Апокалипсис пользовался большим вниманием в первые века христианства, но в середине VII века Максим Исповедник объяснил в своей «Мистагогии» страстным чаятелям конца света, что царство небесное открывается в храме при чтении Евангелия на литургии.¹²² В результате Апокалипсис был забыт. О нем вспомнили в X веке, когда Арефа Кесарийский выпустил новое издание толкований на Апокалипсис своего предместника по кафедре Андрея. Известны четыре греческие рукописи с расположением Апокалипсиса сразу за Евангелием от Иоанна. В древности подобным образом помещали Евангелие от Луки на четвертое место, чтобы Деяния шли непосредственно за ним. И в том и в другом случае была мысль расположить рядом творения одного автора. Действительно, в руках у Матфея Десятого был сербский список Четвероевангелия с добавленным после Евангелия от Иоанна Апокалипсисом. Эту рукопись могли принести сербские монахи, которые приняли участие в основании Супрасльского монастыря; дальнейшая судьба ее неизвестна. Эта черта Библии Матфея Десятого отражает традиции рукописной эпохи, когда контакты осуществлялись исключительно через непосредственное личное соприкосновение участников культурного процесса. Роскошное оформление кодекса, выполненное самим Матфеем, типично для вкладных рукописей. Труд Матфея не предполагает никакого другого использования, кроме благочестивого почитания. Книга все еще орудие спасения души, и это даже для канцелярского писаря, каким был Матфей.

В 1489 году новгородский архиепископ Геннадий в послании Иоасафу, бывшему ростовскому епископу, перечисляет книги новгородских еретиков, называя среди них Бытие, Царства, Пророчества, Притчи, Иисуса Сирахова — это почти полный состав Ветхого Завета.¹²³ Это письмо часто цитируется в научной литературе в связи с ересью жидовствующих, почему внимание обращается на упомянутую в этом ряду «Логику» Маймонида.¹²⁴ Важнее в данном случае то, что названные Геннадием книги были в его распоряжении, а в письме проявлена забота о развитии книжного фонда вообще и библейской письменности в частности. Архиепископ Геннадий следил за положением дел в Европе, и начатая в тот же год в Новгороде работа по созданию полного библейского кодекса носила целенаправленный характер. Возможно, предполагалось печатное издание славянской Библии, но язык перевода был откровенно плох, поскольку эту работу осуществлял хорват Вениамин, доминиканский монах из Праги.¹²⁵ К тому же на Руси в ту эпоху еще не возник книжный

¹²¹ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 124.

¹²² См.: Алексеев А. А. Библия в богослужении. С. 120–139.

¹²³ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси... С. 320.

¹²⁴ Однако ни сама «Логика», ни ее славянский перевод ни с какой ересью не связаны. См.: Алексеев А. А. Логика Псевдо-Маймонида в славянском переводе XV века // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 272–281.

¹²⁵ Обзор литературы о Геннадиевской библии см.: Ромодановская В. А. Геннадиевская библия: задачи и принципы издания // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 59. С. 245–263.

рынок. Не без сарказма характеризует эту ситуацию с позиций гуманизма Андрей Курбский в своем предисловии к переводу «Небес» Иоанна Дамаскина: «А для Бога не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящим ся быти учительми, паче же прелесникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ еще будуще во оной русской землѣ, яже под державою московскаго царя есть. Глаголуть бо они, прельщаючи юношь, тщаливыхъ ко науцѣ, хотящихъ навыкать Писания (понеже во оной землѣ еще многие обрѣтаются, пекущиеся о своем спасению), и со прещением заповѣдуютъ имъ, глаголюще: „Не читайте книгъ много“. И указуютъ на тѣхъ, аще кто ума изступилъ: „Онсица, рече, въ книгахъ зашелся, а онъсица въ ересь впал“».¹²⁶

Таким образом, в Новгороде практически одновременно были реализованы два плана создания полного библейского кодекса, из них первый (Ивана Черного и Матфея Десятого) опирался на славянскую рукописную традицию, второй (архиепископа Геннадия и католического книжника Вениамина) принимал за эталон печатную латинскую Вульгату.

В истории литературы основная задача, которую решает рукописная эпоха, заключается в сохранении текста, но в эпоху книгопечатания задача стоит в обеспечении читателя текстом. Это положение справедливо само по себе, хотя имеет определенные исторические ограничения и модификации. В Европе книжный рынок стал складываться в XII веке задолго до книгопечатания в ответ на развитие школьного образования и университетов. До XII века копирование осуществлялось в монастырях, со временем появления университетов копирование стало частью книготорговли. Так, во Франции на кануне введения книгопечатания было больше 10 тысяч копиистов только в Париже и Орлеане.¹²⁷ О размахе этой работы говорит и тот факт, что от XIII–XIV веков дошло более 2 тысяч копий сочинений Аристотеля¹²⁸ и около девятыи тысяч рукописных Библей на латыни (так называемая Парижская библия или *Vulgata*), адресованных студентам Сорбонны. Книгопечатание выдвинуло запрос на корректный текст, на словари и грамматики, а в отдельных случаях на создание целых научных институтов для решения такой задачи, как издание многоязычной Библии (полиглотты). На Руси книгопечатание стало заметным фактором общественной жизни лишь в конце XVI века, но и тогда ее главными потребителями были не частные лица, а приходы, почему основной продукцией была литургика.

Печатная эпоха открыла новые условия для культурных контактов. Инструментом контактов стала книга, которая, как всякий товар, легко перемещалась по свету. То, что в Новгороде работу по подготовке Геннадиевской библии осуществлял хорват Вениамин из пражского монастыря Эммаус, в общем-то случайность, не случайным было то, что в наличии оказался печатный текст латинской Библии немецкого издания. Все, что было переведено прежде с греческого и еврейского (Есфирь), было включено в кодекс. Книги, которые были известны только с толкованиями, освобождены от толковых добавок и представлены в своем последовательном виде (Иов, Песнь песней, XVI Пророков, Апокалипсис). Заметной редактуры не было сделано, ограничилось удалением толкований. В Пятикнижии оставлено деление на 52 суб-

¹²⁶ Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 12. С. 361–362. На поле одной из рукописей «Небес» записан вариант этого же сообщения: «Сія ерісъ въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными, блядословяятъ бо: не потреба, рѣче, книгамъ много учитеся, понеже въ книгахъ заходить человѣцы, сирече, безуміютъ, або в ерісъ впадають» (Там же. С. 36).

¹²⁷ Plant M. The English Book Trade. An Economic History of the Making and Sale of Books. London, 1974. P. 21.

¹²⁸ Kiglour F. G. The Evolution of the Book. Oxford, 1998. P. 75.

ботних отдела. Это значит, что «национальная» традиция в отношении формы текста и его содержания вызывала доверие. Внесено было, однако, деление текста на главы, осуществленное в начале XIII века для рукописей Вульгаты архиепископом Стефаном Лангтоном (1150–1228) в его бытность ректором Парижского университета и со временем воспринятое всей библейской традицией вплоть до масоретского текста. Вениамин дополнил корпус переводами с латыни следующих книг и разделов: 1–2 Паралипоменон, Молитва Манасии, 1 Ездры, Неемии (в Вульгате 2 Ezrae), 2 Ездры (в Вульгате 3 Ezrae), 3 Ездры (в Вульгате 4 Ezrae), Товит, Иудифь, Есфирь (главы 10–16), Премудрость Соломона, 1–2 Маккавейская, а также книга пророка Иеремии (утерянные в славянской традиции главы 1–25, 46–51). Кроме того, с латыни были переведены предисловия Иеронима к этим книгам за исключением Есфири и Иеремии, а также статья «Все Священное Писание разделяется на два завета» (*Librorum totius Sacre Scripturae in Biblia comprehendere*), известная обоим изданиям так называемой Бедняцкой Библии Фробениуса (*Biblia pauperum*, Basel, 1491, 1495).

Следует отметить, что само латинское слово *biblia* как существительное жен. рода ед. числа (а не ср. рода мн. числа, как в греческом языке), впервые отмеченное в 20-е годы XV века в благочестивом трактате «Подражание Христу» Фомы Кемпийского (*Thomas à Kempis, De imitatione Christi*),¹²⁹ способствовало закреплению в сознании новой концепции через распространение печатной Вульгаты, в ряде изданий которой начиная с середины 80-х годов XV века появляется титульный лист с заглавием *Textus biblie* или *Biblia*. Сходное заглавие дано на титульном листе Геннадиевского кодекса 1499 года в такой форме: «...книга сія глаголемая бібліа, рекще об'ихъ завѣтъ вѣтхаго и новаго» (ГИМ, Синод. 915). Это первое употребление латинского слова у славян, по смыслу оно значит сочетание Ветхого и Нового Заветов. Христианская традиция нередко отождествляла Иеронима (342–420), создателя латинского текста Библии, с Герасимом Иорданским († 475): оба святых были почти современники, совершали свой подвиг в Иудейской пустыне, эпизод с лечением льва входит в жития обоих. В Геннадиевской библии Иероним именуется Герасимом, в один из списков Библии вставлен эпизод из его жития, заимствованный из «Золотой легенды» (*Legenda Aurea*, латинский сборник житий XIII века).¹³⁰ Хорваты, отстаивая перед Римским престолом право на глаголическую письменность и славянскую литургию, утверждали в XIII веке, что Иероним был создатель глаголической азбуки.¹³¹ Все это имело значимость до Тридентского собора (1545–1549), на котором латинская версия получила канонизацию, и позволяло православным славянам признавать авторитет латинской традиции Священного Писания.

То, что оригиналом послужило издание латинской Библии, не кажется удивительным. К концу XV века в эпоху инкунаブル латинский текст был издан не менее 90 раз, тогда как первое издание греческой Библии появилось лишь в 1518 году. Кроме того, знатока латинского языка на Руси в эту эпоху было легче найти, чем знатока греческого. Так, в 1516 году на Русь прибыл известный греческий ученый монах Максим Триволис (Максим Грек, 1470–1555), который был специально приглашен для исправления богослужебных книг. В своей работе над толковой Псалтырью он должен был делать перевод

¹²⁹ См.: *Blaise A. Lexicon latinitatis Medii Aevi*. Turnholti, 1925, s. v.

¹³⁰ См.: *Ромодановская В. А. Рассказ о блаженном Иерониме в русской рукописной Библии XV в.* // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 126–133.

¹³¹ См.: *Verkholantsev J. St. Jerome as a Slavic Apostle in Luxemburg Bohemia* // *Viator*. 2013. [Vol.] 44. P. 251–286.

на латынь, и уже с латыни новгородские переводчики переводили на русский. По всей вероятности, хорват Вениамин из Праги пользовался хорошим авторитетом, коль скоро перевод с латыни был поручен ему, а не кому-либо из новгородцев. Однако его славянский текст оказался весьма темен и грамматически малоудовлетворителен. Вскоре после окончания работы над этим библейским сводом новгородец Дмитрий Герасимов сделал великолепный перевод с латыни толковой Псалтыри епископа Брунона Вюрцбургского.¹³² Приглашение Максима Грека выглядит как попытка исправить недостатки Геннадиевской библии и в стилистическом, и в конфессиональном отношении. Но Максим принес на Русь результаты неудачной Флорентийской унии (1439–1445), которая способствовала усилению противоречий в доктринальской оценке еврейского, греческого и латинского текстов Священного Писания. Его интерлинеарный греко-славянский перевод Псалтыри, выполненный здесь,¹³³ фактически исключал еврейский оригинал из обращения.

В свое время И. Е. Евсеев оценил перевод библейских книг для Геннадиевской библии с латыни как капитуляцию православия перед католицизмом «в этой существенной области вероисповедных разногласий»,¹³⁴ т. е. в Библии. Но дело было сложнее. В Средние века и в условиях империи пограничные линии не проходили по языку, языковые границы и нетерпимость возникают в эпоху формирования наций. Средневековая культура многоукладна и многоязычна, каждый ее регион и каждый уровень может обходиться своим собственным языком. С наступлением Нового времени бурный ход национального развития подминает под себя культурное разнообразие и сложившееся конфессиональное согласие. Папская конгрегация пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), на происки которой указывал Евсеев, была создана только в 1622 году, а сама Библия стала ареной религиозной борьбы прежде всего и даже исключительно в результате появления переводов Лютера — Нового Завета в 1522 году и полной Библии в 1534-м, которые в отличие от множества других переводов на народно-обычные языки стали основой протестантского ритуала. Формальной реакцией на этот отказ от латыни как языка богослужения стало решение Тридентского собора (1546) о канонизации Вульгаты. Именно тогда впервые было осмыслено то, что *veritas hebraica*, которую Иероним старался передать своим латинским переводом, остается все-таки свойством самого еврейского текста и не может быть чертой только одного из переводов. Книгопечатание сделало Библию самой распространенной и читаемой книгой на свете и за последующий раскол и враждебное противопоставление разных версий ответственности не несет. Канонизация состава библейского текста возникла, в конце концов, как вынужденный компромисс в борьбе зарождавшихся национальных амбиций.

6. Печатная Библия

Первое печатное издание старославянской Библии было предпринято в Праге в 1517–1519 годах Франциском Скориной из Полоцка. Оно состояло из разрозненных выпусков, в определенной мере опиралось на славянские рукописи, но главным источником и образцом служила Чешская библия в ее ве-

¹³² Исследование и издание: *Tomelleri V. Il salterio commentato di Brunune di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione*. München, 2012.

¹³³ См.: *Вернер И. В. Интерлинеарная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека*. М., 2019. См. также: *Гардзанити М. Полемика вокруг «еврейской истины» (hebraica veritas) в России в начале XVI века // Fons sapientiae verbum Dei*. СПб., 2022. С. 349–360.

¹³⁴ Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916. С. 13.

нецианском издании 1506 года. Скорина издал все книги Восьмикнижия и 1–4 Царств, большую часть Писаний (Псалтырь, Иов, Притчи, Екклесиаст, Песнь, Плач, Есфирь, Даниил), из книг второканонических — Сирахова, Премудрость, Иудифь. В предисловии к изданию Бытия Скорина перечисляет весь состав латинской печатной Библии, опустив, однако, 3–4 Ездры. Отсюда видно, что он не сам составил перечень, а извлек его из предисловий Иеронима, который не оставил заметок на две названные книги; к Иерониму восходит также утверждение, что книга Премудрости Божией написана евреем Филеном Александрийским. Общее название издания «Библия руска» воспроизвело латинский образец *Biblia latina*, но значение нового термина разъясняено Скориной полнее, чем это сделано в кодексе 1499 года. В предисловии к изданию Бытия (1517) сказано: «Библия Греческим языком по-русски скажется Книги. Тако убо святый Матоей починает Христово благовъстование: Библос Генезеоъсъ Ис Христу. То есть по-русски Книга родства Ис Христова. А можете тым именемъ называть вси Книги Ветхаго и Новаго закону для достойности его, понеже Библия зуполная все то в собѣ замыкаеть». Едва ли такое разъяснение корректно для греческого языка, но очевидно, что оно дает в высшей степени христологическую оценку всей литературе Священного Писания.

Первая полная печатная славянская Библия была опубликована в 1581 году в г. Остроге на Волыни (ныне Украина, тогда Польша). Работа над изданием осуществлялась в Острожской академии, состоявшей из ученых греков и славян, которая напоминает другие гуманистические академии такого рода — *Collegium Complutensis* в *Alcalá de Hénarès* близ Мадрида, *Santa Sapientia* в Риме, *Collège de France*, созданные для издания многоязычных Библей (полиглотов). Издателем выступил Иван Федоров (1520–1583), первый успешный московский книгоиздатель в 1560-е годы, но уже в 1568 году оказавшийся на западнорусских землях. В составе издательской группы находились греки Евстафий Натаниель († до 1583) и Дионисий Ралли-Палеолог (позже митрополит Сучавы и Молдовы, † после 1617). Финансирование осуществлял киевский воевода князь Константин Острожский (1526–1608). В то время Польша являла собою одно из наиболее культурных и благополучных европейских государств, здесь до начала контрреформации и прихода иезуитов расцветали культурные и религиозные традиции, одна за другой были изданы три важные библейские версии: католическая Библия во Львове — *Biblia Leopolita* в польском переводе с латыни (1561), два протестантских перевода, опирающиеся на масоретский текст Брестская библия (1563) и Несвижская библия (1571–1572), а затем и православная славянская Библия в Остроге. Ее издатели потратили немало сил на собирание славянских библейских рукописей, но в конце концов обратились в Москву с просьбой о присылке копии рукописной Геннадиевской библии, и этим был обусловлен успех предприятия. Среди их пособий, кроме латинской Библии, был полный греческий текст в издании Альда Мануция (Венеция, 1518), славянские издатели воспроизвели его главные полиграфические особенности в своем издании и добавили три Маккавейские книги, прибавив следующее разъяснение: «Сии третии книги маккавейскии въ прочихъ библиахъ не обретаются ниже въ самои тои славянской, и ни в латинъскихъ а ни в лятскихъ, точию въ греческой и в ческои, но и мы ихъ не оставихомъ». Под славянской имеется в виду рукописная Геннадиевская библия, подробный рассказ о ее получении из Москвы включен в предисловие, под польскими имеются в виду названные выше издания, греческая — это венецианская издание 1518 года, а чешская — одна из публикаций Чешской библии, осуществленных типографом Георгием Мелантиром (1511–1580) в 1549 году и позже (четыре переиздания до 1577 года), для которой гуманист *Sixtus von Ottersdorf* (1500–1583) сделал перевод трех

Маккавейских книг.¹³⁵ Использование греческой Септуагинты отразилось также прибавкой Молитвы Манассии после Второй книги Паралипоменон. В руки издателей, однако, попал новый славянский перевод Есфири, выполненный с Септуагинты уже упомянутым Максимом Триволисом, и он заменил прежний перевод, в котором каноническая часть книги была переведена с масоретского текста,¹³⁶ тогда как добавления — с латыни. Перевод Четвертой Маккавейской книги, выполненный тем же Максимом,¹³⁷ издателей не заинтересовал, ибо книга эта не вошла на тот момент ни в одно из печатных изданий.

Правка прежнего перевода с латыни по греческому тексту была незначительной, тогда как приведенное выше замечание свидетельствует о том, что понимание проблемы канона в целом было чуждо издателям. Каждая языковая версия Св. Писания воспринималась как самоценная реализация общего архетипа, который не отождествлялся с каким-нибудь одним языковым воплощением, тогда как полнота библейской антологии казалась привлекательной целью, но объем ее все еще не был установлен. Небрежность редактирования объясняется отсутствием серьезных навыков в работе по реконструкции текстового архетипа. Не хватало также ясного понимания, к какой исторической эпохе относится славянский текст, его греческие и латинские источники. В предисловии отчетливо высказано представление о том, что текст однороден и весь полученный из Москвы корпус библейских книг возник «при князе Владимире» в эпоху Крещения Руси.

Однако в целом Острожская библия принадлежит другой эпохе, чем ее новгородский образец, Геннадиевская библия. За годы, прошедшие между ними, произошли такие события, как публикация Немецкой библии Лютера (1534), где был отвергнут авторитет Церкви с ее опорой на комментарии святых отцов (*Biblia patristica*) и отдано предпочтение масоретскому тексту, и последовавшая острая реакция на это в виде канонизации Вульгаты на Тридентском соборе (1546). Римско-католическая церковь осознала, что было ошибкой целое столетие стоять в стороне от книгоиздательского процесса; в свою очередь после провала Флорентийской унии 1439 года православие тоже было занято вопросом самоопределения и охотно встало на путь конфронтации и признания безусловного авторитета греческого текста Септуагинты. Это новое понимание отразилось в самом названии Острожской библии, на титульном листе которой сказано: «Библия сиречь книги вѣтхаго и новаго завѣта по языку словенску. От евреiska въ еллинский язык 72 бого-мудрыми преводники прежде воплощения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа 350 лѣта на желаемое повеление Птоломея Филадельфа царя Египетска преведенаго зводу с тщанием и прилежанием елико мощно помошюю божиєю послѣдовася и исправися в лѣто по воплощении господа бога нашего Иисуса Христа 1581».

Так впервые в истории русского православия была осуществлена догматизация Септуагинты, когда христианство рассталось с единой для всех Библией. Титульный лист издания описывает не результат работы, а намерения и идеиную позицию издателей. Тогда и в течение всего XVII столетия лютеранство считалось ересью, что не служило авторитету масоретского текста, но

¹³⁵ Pečírková Ja. Czech Translations of the Bible // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1177 (1167–1200).

¹³⁶ Taube M., Olmsted H. Povest o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grec Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11. P. 100–117.

¹³⁷ См.: Ольмстед Х. К изучению библейстики Максима Грека: Перевод Четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 91–100.

способствовало утверждению догматического достоинства двух версий перевода — греческой Септуагинты и латинской Вульгаты.

Тираж Острожской библии определяется цифрой от 1000 до 1500 экземпляров. На фоне 100–150 ветхозаветных рукописей, которыми владели восточные славяне в XVI веке, он был огромен и привел к прекращению копирования рукописей, известны случаи ручной переписки Острожской библии. В 1663 году Острожская библия была переиздана в Москве в количестве 2400 экземпляров с прежним заглавием и без перемен в тексте, но с некоторыми замечаниями на полях; в церковной и научной традиции это издание называется «Московская первопечатная Библия».

В этом законченном и приобретенном в конце концов виде Библия оказалась резко противопоставлена всей остальной литературной продукции. Она перестала быть частью местной литературной традиции. Стало очевидно, что она целиком и полностью принадлежит другой эпохе и другой культуре. У восточных славян еще не было условий для того, чтобы дать богословски выверенный перевод Библии на национальном литературном языке, как это сделали Лютер в своем издании (1522 и 1534) и позже большой коллектив английских богословов и филологов при создании Библии короля Иакова (1612). Осуществление такой задачи было отложено надолго — до времени становления национального литературного языка в XIX веке. Стоит обратить внимание на то, что в целом усвоение и использование Библии на Руси в допечатный период укладывается в культурную модель Северной и Центральной Европы. Тот яркий византийский характер, какой русская литература приобрела накануне эпохи книгопечатания, стал, по всей видимости, результатом так называемого второго южнославянского влияния и не должен восприниматься как исконная черта этой литературы, присущая ей изначально. Именно так думал А. И. Соболевский.¹³⁸

¹³⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси 14–17 веков. СПб., 1903. С. 1–14. Действительно, политическая власть на Руси не связана с Византией своим происхождением, и Русь не приняла из Византии установлений гражданского права. См.: Франклайн С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 73, 239.

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МИНИАТЮРЕ (ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ А. С. ПУШКИНА)*

Личная библиотека А. С. Пушкина давно стала предметом научного изучения, а фундаментальный труд Б. Л. Модзалевского,¹ усилиями которого она оказалась в Пушкинском Доме, до сих пор служит импульсом и источником для новых разысканий. Чаще всего работы посвящены или процессу сортирования библиотеки и ее судьбе, или конкретным изданиям и их влиянию на творчество.² Между тем многие из книг библиотеки Пушкина дают возможность поставить вопрос о двух этапах творческого процесса: возникновение замысла и его реализация.

С. А. Соболевский, определяя цели сортирования и требования к личным библиотекам, дал то их определение, которое, видимо, вполне приложимо к Пушкину: «Моя библиотека, кроме специальностей, составлена иначе: она есть отражение моей умственной жизни».³ «Отражением умственной жизни» Пушкина была и его библиотека, а проекцией библиотеки оказалось творчество.

Кстати, уже после смерти поэта он же высказал любопытное мнение о своеобразии и ценности библиотеки Пушкина. Вот строки его письма П. А. Плетневу и В. А. Жуковскому от 13 (25) февраля 1837 года из Парижа: «Библиотека Пушкина многое не стоит; эта библиотека не ученая, не специальная, а собрание книг приятного, общеполезного чтения, книги эти беспрестанно перепечатываются; делаются издания и лучше и дешевле; очень немногие из них годятся в библиотеки публичные. И так не думаю, чтобы их могло купить какое-нибудь правительственные место; а надобно их продать с аукциона, продать наскоро. — Для таких *обыкновенных* книг аукционная продажа выгодна по незнанию толка в книгах публики. Книги же лучшие, солидные, стоящие денег, на этих же аукционах разберем подороже мы са-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН.

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники. Вып. IX–X).

² См., например: Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8. С. 349–376; Вацуро В. «Книг, ради Бога, книг!» (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...» Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1986; Митник М. Судьба личной библиотеки А. С. Пушкина // Митник М. Пушкин без легенд. Нью-Йорк, 1994. С. 36–43; Лобанова Э. Ф. Михайловская библиотека Пушкина: попытка реконструкции каталога / Предисловие Л. В. Сергеевой. М., 1997; Елин Ю. Пушкин-книголюб // Наш венок Пушкину: Альманах / Хайфский библиофил. Хайфа, 2001. Вып. 1 / Сост. Б. Зильберштейн. С. 11–18; Орнатская Т. И. Библиотека Пушкина // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря / Руководитель проекта И. С. Чистова. СПб., 2003. [Т. 1]. А–К. С. 67–69.

³ Цит. по: Берков П. Н. Из истории русской библиофильской литературы // Берков П. Н. Русские книголюбы. М.; Л., 1967. С. 194.

ми....».⁴ Подчеркнем, «обыкновенные книги» необыкновенной библиотеки необыкновенного поэта.

Однако вполне вероятно, что мотивировка данной оценки стандартна и была вполне предсказуема, коль скоро принадлежит она перу коллекционера. Соболевский надеялся получить в свое собрание несколько интересовавших его изданий, а для этого было необходимо, чтобы книги продавались на аукционе, а не были бы приобретены как неделимое целое каким-либо учреждением культуры.

В статье «Певец империи и свободы» Г. П. Федотов писал: «Как не выкинешь слова из песни, так не выкинешь политики из жизни и песен Пушкина. Хотим мы этого или не хотим, имя Пушкина остается связанным с историей русского политического сознания».⁵ С ним трудно не согласиться. При этом ни песни, ни жизнь Пушкина в политику от этого не превращаются. Они с нею лишь связаны. И если в письме Н. И. Гнедичу в 1825 году Пушкин утверждал: «История народа принадлежит Поэту»,⁶ мы понимаем, что, с его точки зрения, если она и принадлежит государю, историку и политику (а она им принадлежит), то все же лучше в ней разберется поэт.

Творчество Пушкина неотторжимо от его личной библиотеки, несмотря на то, что творчество было «поэтическим», а сама библиотека — скорее «геополитической», т. е. исторической, географической и политической.

Книжное собрание Пушкина, вероятно, напоминало по своему составу библиотеки В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, П. Я. Чаадаева или Ф. И. Тютчева, хотя у Жуковского и Вяземского превалировала художественная литература, у Чаадаева философская и религиозная литература, а у Тютчева — книги о международных отношениях. В двух последних случаях трудам исторического, философского, религиозного и политического содержания, по всей видимости, было отведено не меньшее, а может быть, и большее место, чем художественной литературе.⁷

Предположим также, что пушкинская библиотека и от этих, самых близких ей по составу и по тематике, отличалась тем, что огромное место в ней занимал раздел, посвященный странам и народам мира, их географии, истории, обычаям, культуре, в том числе путевым заметкам паломников, путешественников, торговцев, авантюристов.

Такие микробиблиотеки из собрания Пушкина самым непосредственным образом отражали его «геополитические» интересы и формировали творческую индивидуальность поэта. Одной из заметных особенностей мировидения Пушкина была его постоянная погруженность в темы внешнеполитической судьбы России. (Не забудем, что после окончания Лицея Пушкин был определен в Коллегию иностранных дел.)

В библиотеке Пушкина изданий на иностранных языках приблизительно в два раза больше, чем на русском. В ней находились книги на четырнадцати

⁴ Цит. по: Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 1023.

⁵ Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 356.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 145.

⁷ Впрочем, за исключением библиотеки Жуковского и, отчасти, Чаадаева (Громова А. В. Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1131–1133), наши предположения основаны на описании юношеской библиотеки Вяземского (Егерева Т. А. Юношеская библиотека князя П. А. Вяземского в период учебы в иезуитском пансионе (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Россия и Запад: диалог культур. Сб. материалов XXIV Международной конференции. М., 2022. С. 88–99), а личная библиотека Тютчева практически не сохранилась, и ее состав ученым приходится реконструировать: Ильина О. Н. «...Начитанность его была изумительна»: книга и чтение в жизни Ф. И. Тютчева // Библиотечное дело. 2003. № 12. С. 14–16 (200-летие Тютчева).

иностранных языках. Что же касается выписок, которые сохранились в бумагах поэта, то они — на шестнадцати языках: французском, английском, итальянском, немецком, испанском, старофранцузском, польском, сербском, украинском, древнегреческом, латинском, древнееврейском, арабском, турецком, древнерусском и церковнославянском.⁸

Справедливости ради надо сказать, что интересы Пушкина не исчерпывались литературой и geopolитикой, но имели едва ли не всеобъемлющий характер. В библиотеке поэта хранятся книги по медицине, шахматам, кулинарии, криминалистике, коневодству, юриспруденции, политической экономии и многим другим наукам и сферам человеческих пристрастий и увлечений. Из изданий, не сохранившихся в коллекции, стоит упомянуть подаренное Николаем I «Полное собрание законов Российской империи» (с 1649 по 1825 год, в 45 томах).⁹

Согласно Ю. М. Лотману, «создание грандиозной картины мировой цивилизации как некоего единого потока»¹⁰ было одной из главных задач Пушкина, особенно в 1830-е годы. Вдохновляющим стимулом для этого на протяжении всей его жизни была прежде всего личная библиотека.

Не будет преувеличением сказать, что личная библиотека Пушкина является закапсулированной в книги всемирной историей и мировой цивилизацией в миниатюре. Она распадается на микробиблиотеки, в которые входят книги, имеющие отношение к странам и народам мира, в каждой из них есть такие разделы, как география, история, международные отношения, путешествия, литература, философия, искусство, словари, учебники.

Своеобразие творческой индивидуальности Пушкина, по-видимому, состояло в том, что поэт умел откликаться не только на саму реальность, но и на ту реальность, которую он в отраженном виде находил в книгах. Именно поэтому столь большое значение, возможно большее, чем для всех его современников, для него имела личная библиотека.

Пушкин был наделен редкой способностью видеть себя в «чужом» и увидеть «чужое» в себе. В литературных поисках он с одинаковым увлечением отдавался созданию своих версий того, что является всеобщим достоянием, в частности мировых образов, но также и того, что, перевоплотив, можно было наделить особенностями своего мировидения, прежде всего переводами. Если же речь идет о художнике, в этом отношении Пушкину не было равных во всей мировой литературе.¹¹

Нередко обращение к широко известным в европейской культуре сюжетам с последующей радикальной их переработкой представляло собой типичную для Пушкина первую фазу работы над собственным замыслом. В немалом числе случаев подобный претекст мы обнаруживаем в книгах из библиотеки поэта.

Особого внимания заслуживает «Граф Нулин» — оригинальное пушкинское произведение, иронически постулируемое им как переосмысление шекспировской поэмы. Классический пример раскрытия причинно-следственных связей, существующих между прочитанной книгой и собственным лите-

⁸ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 21–110 и др.

⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. С. 371.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 169.

¹¹ См. подробнее: Багно В. Е. Дар двоякого свойства: чужое слово как свое, свое слово как чужое у Пушкина // Русская литература. 2018. № 3. С. 5–18.

ратурным творчеством, предоставил в наше распоряжение сам Пушкин несколько лет спустя после создания поэмы в наброске «<Заметка о „Графе Нулине“>» (1830): «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те. <...> Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».¹² «Если теперь подвести итог „двойной пародии“, — писал С. Г. Бочаров, — по объяснению Пушкина в заметке о „Графе Нулине“, то это — двойная пародия на Шекспира и на историю, но также на обе историографические концепции — абсолютный детерминизм и абсолютный индетерминизм, отдающий историю во власть индивидуального произвола и случая (пощечина верной жены). Случай, Судьба, Провидение».¹³

Совсем иную мотивировку имели два обращения Пушкина к «Песни песней» Соломона: «В крови горит огонь желанья» и «Вертоград моей сестры». Сохранился пушкинский черновик с выпиской из церковнославянского текста (Песн. 1: 1–2) и переводом («Да лобзает меня лобзанием уст своих. Перси твои приятнее вина и запах мира твоего лучше всех аромат — имя твое сладостно как излияние миро»).¹⁴ При первой публикации в «Московском вестнике» оба стихотворения были напечатаны под названием «Подражания», без упоминания «Песни песней», и перевод, и ссылки на которую не рекомендовались и вызывали трудности с прохождением через цензуру.¹⁵ Эти стихотворения не являются переложением конкретных отрывков библейской книги. В полном соответствии с принципом «чужое слово в своем; свое слово в чужом» поэт создает собственные лирические произведения, вдохновленные великой поэзией прошлого, не пытаясь сохранить и передать особенности ветхозаветного колорита и восточного стиля.

* * *

История, география, археология, этнография вошли в круг интересов Пушкина в период южной ссылки. Об этом вспоминал И. П. Липранди, библиотекой которого Пушкин пользовался в Кишиневе. По его мнению, В. Ф. Раевский «очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией».¹⁶ Однако, вне всякого сомнения, Пушкин применял к этим книгам «хищный глазомер» поэта, приспособливающего их к собственному литературному творчеству.

Интерес поэта к каждой еще незнакомой ему книге был так велик, что в самом горячем споре Пушкин, по воспоминаниям Липранди, «смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями».

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 188.

¹³ Бочаров С. Г. Возможные сюжеты Пушкина // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000. С. 174.

¹⁴ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. С. 32.

¹⁵ Подробнее см.: Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 47–65.

¹⁶ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1988. Т. 1. С. 297.

Также, по свидетельству мемуариста, «Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном».¹⁷

Реконструируя тематические блоки, в библиотеке Пушкина можно обнаружить микробиблиотеки, составленные из книг, посвященных Франции, Англии, Италии, Германии, Испании, Древней Греции, Древнему Риму, Византии, Персии, Ближнему Востоку, арабскому миру и т. д. Отдельная микробиблиотека складывается из сочинений по истории, географии, культуре, литературе Китая, книг путешественников, историков, дипломатов.

Но перед нами прежде всего geopolитическая библиотека, поэтому в собрании Пушкина немало книг, посвященных Турции, Польше, Кавказу, Монголии, странам, регионам и народам, которые на протяжении веков благодаря войнам и вооруженным конфликтам сыграли свою роль в том, что позже было названо «судьбами России».

Весьма показательны разрезанные страницы в многотомном труде «Обзор всемирной географии» К. Мальте-Брюна,¹⁸ посвященном не политике, не международным отношениям, а всемирной географии. Разрезаны страницы следующих разделов и глав: Кавказ, Турция, Сибирь, Россия, Польша, Германия.

Отдельной, весьма впечатительной, микробиблиотекой можно признать книги, посвященные мировым империям, их возникновению и крушению, *translatio imperii*, т. е. переводу-переносу идей, чувств, веры, обычаев, стереотипов из одной империи в другую, а затем уже внутри самих империй — Римской, Византийской, Монгольской, Османской, Испанской, Британской. Но прежде всего Российской, с преимущественным вниманием к петровскому времени и екатерининскому царствованию. Разумеется, эти материалы были необходимы ему для работ по истории Петра и по истории Пугачева, при создании «Полтавы», «Арапа Петра Великого», «Капитанской дочки», «Медного всадника».

Еще один раздел, который вполне может претендовать на право считаться такой же микробиблиотекой, — это книги, где Российская империя представлена с точки зрения иностранных путешественников, писателей и ученых.

Среди книг, посвященных Сибири, была в двух изданиях, на английском и французском языках, вторая часть знаменитого романа Даниэля Дефо, в которой описывается путешествие Робинзона Крузо по Сибири.

Да и в целом не будет преувеличением сказать, что один из самых впечатляющих по объему и важных по ценности разделов библиотеки Пушкина представляет «Rossica», издания на иностранных языках о России, ее истории, географии, этнографии, военном деле, культуре, литературе.

Очевидно, что подобная систематизация весьма условна. Вполне возможны, например, два других подхода: разделение книг по географическому принципу (Западная Европа, Ближний Восток, Кавказ, Средиземноморье, Сибирь) и хронологическому — по эпохам (Древний Египет, Древняя Греция и Древний Рим, европейское Средневековье, итальянское Возрождение, Франция XVII и XVIII веков).

Отдельной микробиблиотекой в собрании Пушкина являются книги, посвященные древнееврейскому языку, Библии, истории Израиля.¹⁹ В 1832 го-

¹⁷ Там же. С. 323, 302.

¹⁸ *Malte-Brun C. Précis de la géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde sur un plan nouveau, d'après les grandes divisions naturelles du globe...* Bruxelles, 1829. Т. 1–4. География перечисленных стран и регионов рассматривается во 2–4-м томах. См.: Модзялевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 280. № 1126.

¹⁹ Подробнее об интересе Пушкина к изучению древнееврейского языка и поэзии древних евреев см.: Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей: Ломоносова, Пушкина, М. Горького. С. 361.

ду Пушкин собирается переводить Иова и выписывает буквы еврейского алфавита. Тогда же он работает над «Езерским», в котором откликается, с одной стороны, на притчу царя Соломона (Притчи, 30: 18–19), а с другой, на 8-й стих 3-й главы Евангелия от Иоанна.²⁰

Не меньшее внимание, начиная с периода южной ссылки, Пушкин уделял исламу, литературе, истории, географии, этнографии стран Ближнего Востока и Африки, а также путешествиям в страны арабского мира.

Свое отношение к восточным стилизациям в европейской и в русской литературе Пушкин четко формулирует в письме к П. А. Вяземскому в конце марта — начале апреля 1825 года: «...знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоминании восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца».²¹ В полной мере реализовать на практике высказанную программу Пушкину удалось в «Подражании арабскому».²² При этом источником для последних двух стихов стихотворения послужили строки из книги «Гулистан», впрочем, не арабского, а персидского поэта Саади. В связи с «Подражаниями Корану» внимания заслуживает другое издание, «Изложение мусульманской веры», переведенное на французский язык с турецкого, в котором была также напечатана другая книга Саади.²³

* * *

Пушкин ушел из жизни, не успев осуществить несколько замыслов, посвященных землям и странам Северо-Восточной Азии: Сибири, Камчатке, Китаю. Мы можем убедиться в этом, проанализировав пометы в книгах его личной библиотеки, его письма, свидетельства близко знавших его людей.

Весьма внушителен в библиотеке Пушкина раздел путешествий.²⁴ Однако, как известно, нереализованные путешествия представляют не меньший интерес, чем реализованные. А неосуществленные путешествия Пушкина не

²⁰ См. подробнее в моих работах: *Багно В. Е. 1) Три равно четырем (зачем крутится ветр в притче царя Соломона и в строфе Пушкина?) // Библейстика — славистика — русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библейстики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 46–49; 2) Дух или ветер веет, где хочет? // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017. С. 20–24.*

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 160.

²² Ср. оценку Т. А. Китаниной: «Отказываясь от „ребяческого подражания“ восточной поэзии, он выхватил отдельные яркие ее образы, сохраняя „взор европейца“» (Пушкинская энциклопедия: произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 186).

²³ Exposition de la foi musulmane, traduit du turc de Mohammed Ben Pir-Ali Elberkevi, avec des notes par M. Garcin de Tassy. Suivie du Pend-Nameh, poème de Saadi, traduit du persan par le même; et du Borda, poème à la louange de Mahomet, traduit de l'arabe par M. Le baron Sylvestre de Sacy. Paris; Leipzig; Londres, 1828. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 291–292. № 1181.

²⁴ Достойны упоминания такие, например, книги: *Bell d'Autermony J. Voyage depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie...* Paris, 1766; *Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел: от начала, а особенно от покорения его Российской державе по сии времена.* СПб., 1750. Книга Шаппа д'Отроша («*Voyage en Sibérie...*» (Amsterdam, 1769)), выделявшаяся на общем фоне вызывающе резкими отзывами о России, не оставила Пушкина равнодушным. В бумагах поэта сохранился черновой набросок статьи 1836 года, по-видимому предназначавшейся для журнала «Современник», которой упомянут «Антидот» — отповедь Екатерины II французскому академику. Пушкин приобрел также книгу знаменитого путешественника Г. Шелехова, ездившего с торговыми целями в конце XVIII века на Камчатку, к берегам Японии и принимавшего участие в появлении русских колоний в Америке. Была в библиотеке и знаменитая книга авантюриста М. А. Беньовского («*Voyages et Mémoires de Maurice-Auguste...*» (Paris, 1791)), породившая целую серию романов и пьес на различных языках.

менее увлекательны, чем осуществленное путешествие Онегина, о котором мы мало что знаем. По маршрутам личной библиотеки можно вслед за Пушкиным совершать разнообразные воображаемые путешествия, которые как источник вдохновения нигде, кроме Арзума, за пределами Российской империи не побывавшего поэта были столь же необходимы, как и книги.

Иначе не объяснить, почему Пушкин просил позволить ему поехать в Китай в составе дипломатической миссии. Об этом речь идет в официальном обращении поэта 7 января 1830 года к А. Х. Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством».²⁵

По-своему не менее замечателен ответ Бенкендорфа: «...Его Императорское Величество не соизволил удовлетворить Вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание Ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора».²⁶

Интерес Пушкина к Китаю был продиктован не только pragmatическими надеждами на участие в дипломатической миссии. Известно, что уже после получения отказа на свое прошение поэт, находясь в имении Гончаровых Полотняный завод в окрестностях Калуги, читает книги о Китае: «Описание Китайской империи», «О градах китайских».²⁷

Как еще в 1937 году отметил М. П. Алексеев, в истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграл Н. Я. Бичурин (Иакинф).²⁸ Пушкин познакомился с ним в 1828 году, уже после возвращения Иакинфа из Китая, где тот провел четырнадцать лет (1807–1821) в качестве начальника православной духовной миссии и откуда вернулся с редким для той поры знанием китайского языка, а также истории и культуры не только Китая, но и в целом Дальнего Востока. По воспоминаниям современников, будучи страстным поклонником китайской культуры, Бичурин противопоставлял Китай Западу и европейской цивилизации. Многочисленные сочинения и переводы с китайского Иакинфа были весьма заметной гранью литературной жизни России той поры, некоторые из них были переведены на французский и немецкий языки. В 1829 году Бичурин подарил Пушкину свою седьмую книгу: «Сань-Цзы-Цзинь, или Троесловие с литографированным китайским текстом» (СПб., 1829).

Для нас она представляет особый интерес, так как вполне вероятно, что сочувственная рецензия, появившаяся на страницах «Литературной газеты», принадлежит перу Пушкина.²⁹ В любом случае бесспорным является тот факт, что Пушкин, если и не был автором отзыва, ознакомился с книгой еще до его опубликования.

Нашего внимания заслуживает также участие Бичурина в экспедиции П. Л. Шиллинга, снаряженной в 1830 году Министерством иностранных дел

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 398, 56 (оригинал на французском).

²⁶ Цит. по: А. С. Пушкин: Документы к биографии, 1830–1837. СПб., 2010. С. 14 (оригинал на французском).

²⁷ См.: Щеглов Ив. Три дня в городе Калуге (Из записной книжки) // Щеглов Ив. Подвижник слова: Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 36.

²⁸ См.: Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 333–344.

²⁹ Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966. С. 49, 139–141.

для обследования бурят и собирания сведений о торговле у северных и западных границ Китая. Именно их Пушкин имеет в виду под «друзьями», к которым обращается в стихотворении 1829 года:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножью ли стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец.³⁰

Более того, впечатления Иакинфа об этой экспедиции нашли отражение в «Истории Пугачева», где Пушкин коснулся темы бегства приволжских калмыков на границу с Китаем, погони, организованной русскими властями, расправы над ними и принятия китайского подданства теми, кому удалось спастись. В «Истории Пугачева» читаем: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфа, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках».³¹

* * *

Желание прочитать книгу явствует из ее приобретения, при этом страницы в ней могут быть не разрезаны, поскольку интерес к ней мог быть временем отодвинут другими книгами. Значительно более красноречивым доказательством особого, как правило творческого, отношения являются разрезанные отдельные страницы, главы или разделы книг, ради которых они, видимо, и приобретались.

Мотивация выбора таких мест может быть общекультурной, как в книге Альфонса де Ламартина, где поэта заинтересовали фрагменты, посвященные путешествию в Иерусалим.³² Или — «геополитической», как в «Истории Польши» А. Флетчера, переведенной с английского на французский, во втором томе которой страницы разрезаны в главе, посвященной восстанию Костюшко и его пленению.³³

Самое непосредственное отношение к творческой лаборатории поэта имеет, например, книга В. Фонтанье «Путешествия на Восток», страницы которой разрезаны в нескольких местах, в том числе там, где дается описание Арзрума. Между 86-й и 87-й страницами положена закладка, а возле названия «Le Kizil-Ermaq» на полях рукой Пушкина написано «Переправа».³⁴

Наконец, ряд книг свидетельствует об интересе поэта к своей родословной. Так, в труде Мальте-Брюна, в разделе, посвященном Африке, Пушкин

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 191. См. об этом пушкинском замысле: *Путята Н. В. Из записной книжки // Пушкин в воспоминаниях современников*. Т. 2. С. 6.

³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 9. Кн. 1. С. 95.

³² Lamartine A. Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient (1832–1833), ou Notes d'un voyageur. Paris, 1835. Т. 3. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 267. № 1067.

³³ Fletcher A. Histoire de Pologne: Traduite de l'anglais, et continuée depuis la Révolution de Novembre 1830, jusqu'à la Prise de Varsovie et la fin de la Guerre... Paris, 1832. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 233. № 918.

³⁴ Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français, de l'année 1821 à l'année 1829... Paris, 1829. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 233. № 919.

разрезал страницы в главе, в которой дается описание Абиссинии.³⁵ Попутно добавим, что подобно тому, что Пушкин рассуждал о «полу-африканской Гиспании»,³⁶ если судить по его личной библиотеке, приобретая книги, посвященные путевым очеркам по Италии, ее истории и географии, поэт особое внимание уделял Сицилии, также как бы «полуафриканской».

Весьма показательны отличия между «итальянской» и «немецкой» библиотеками. Если в первой — более 50 наименований и подавляющая часть изданий имеет отношение к итальянской литературе и искусству Италии, то во второй, где более 30 наименований книг, художественная литература занимает более скромное место. При этом в «немецкой» библиотеке в основном представлены труды по истории (в том числе истории войн и вооруженных конфликтов), географии, философии, словари и труды по языкоznанию. Если Италия была для Пушкина источником вдохновения, то интерес к Германии перекликался с увлечением Пушкина немецкой историей, международными отношениями Германского союза, философией и географией.

Значительно меньшей по объему является испанская микробиблиотека, в которой, однако, были и художественная литература на французском, испанском и русском языках, и путешествия, и история, и словари, и учебники. Любопытно, что по своему составу она занимает как бы промежуточное положение между итальянской и немецкой, поскольку поэту в равной степени были важны как испанская литература (прежде всего Кальдерон и Сервантес, непрекаемые авторитеты для идеологов немецкого романтизма и для их русских последователей), на которую в 1820-е годы, наряду с английской, в значительной мере переориентировалось его поколение с французской словесности, так и политика и история (книги о наполеоновских войнах, революционных событиях 1820-х годов).

Для творческой лаборатории Пушкина определенное значение могли иметь два издания на испанском языке. С одной стороны, это четырехтомное издание Кальдерона, опубликованное в Лейпциге, где разрезаны страницы пьесы «Маг-чудодей».³⁷ Дело в том, что и Пушкину, и другим русским писателям его поколения было хорошо известно, что в Европе эту кальдероновскую пьесу называли «испанским Фаустом». Пушкин приобрел его уже после написания «Сцены из Фауста», однако тот факт, что именно в ней разрезаны страницы, — показателен. Между тем перевод трех сцен из этой драмы Кальдерона, выполненный П. Б. Шелли, был опубликован в посмертном издании английского поэта в 1824 году. Возможно, одна из сцен могла послужить толчком (и только, как почти всегда у Пушкина) для его собственного замысла. Действие в интересующем нас эпизоде происходит на берегу моря. Начинается он впечатляющей картиной тонущего пиратского (по словам дьявола) судна, на которое взирает герой, не подозревая, что кораблекрушение устроено дьяволом для того, чтобы предстать перед ним наиболее естественным образом.³⁸ С другой стороны, существование «испанского Фауста», даже до его прочтения, могло подсказать поэту «испанский колорит» его собственного произведения («Корабль испанский трехмачтовый, / Пристать в Голландию готовый: / На нем мерзавцев сотни три»³⁹) в духе черной легенды об Испании.

В библиотеке Пушкина было также английское издание «Романсера» на испанском языке. М. П. Алексеев, наметив определенный путь изучения

³⁵ Malte-Brun C. *Précis da la géographie universelle...* T. 2. P. 479–487.

³⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 37.

³⁷ Calderon de la Barca P. *Las Comedias*. Leipsique, 1827–1830. Т. 1–4.

³⁸ Shelley P. B. *Posthumous poems* / Publ. by M. W. Shelley. London, 1824.

³⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 438.

источников пушкинского «Родрика» и его места в контексте европейских версий о последнем короле вестготов в Испании, впервые еще в 1964 году высказал предположение,⁴⁰ что для поэта, в 1831–1832 годах занимавшегося испанским языком, оно могло иметь существенное значение.⁴¹

В связи с «Родриком» необходимо также учитывать не самую известную книгу Вашингтона Ирвинга «Легенды завоевания Испании», одну из пяти книг американского писателя, находившихся в библиотеке Пушкина.⁴² Ирвинг довольно подробно описывает трагические события в средневековой Испании. Роковая страсть Родриго, последнего короля готов, к дочери графа Юлиана послужила причиной неисчислимых бедствий для его народа и едва не привела к гибели христианской цивилизации.

Заслуживает внимания еще одно издание Ирвинга, в котором разрезаны страницы в большой главе, посвященной Франсиско Писарро, одному из самых знаменитых конкистадоров, завоевателю империи инков.⁴³

Испанский опыт предшествовал русскому и был известен в Москве, послужив возбуждающим примером военно-колониальных завоеваний. О сходстве и различиях двух вариантов экспансии христианской европейской цивилизации на рубеже Нового времени за пределы своего традиционного ареала — на запад в иберийском варианте и на восток в варианте русском — в начале XIX столетия в русской публицистике и литературе появилось много разного рода публикаций.⁴⁴ Поэтому неудивительно, что биография Писарро могла заинтересовать Пушкина в те годы, когда он вынашивал замыслы произведений о Ермаке, покорителе Сибири,⁴⁵ и Алмазове, завоевателе Камчатки.⁴⁶

Невелика по объему американская библиотека. Однако одна из книг, «О демократии в Америке» (1835) Алексиса де Токвилья, произвела на Пушкина сильнейшее впечатление. Французский политический деятель писал о близком сходстве/различии «двух юных гигантов», утверждал, что в мире будут только две державы: американская (демократическая) и русская (самодержавная),

⁴⁰ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 162.

⁴¹ Colección de los más célebres romances antiguos españoles, históricos y caballerescos / Publ. por C. B. Depping. Londres, 1825. Т. 1.

⁴² [Irving W.]. Legends of the Conquest of Spain by the author of «The Sketch-book». London, 1836.

⁴³ Irving W. Histoire des voyages et découvertes des compagnons de Christophe Colomb suivie de l'histoire de Fernand Cortez et de la conquête de Mexique, et de l'histoire de Pizarre et de la conquête de Pérou. Paris, 1833. Т. 3. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 255–256. № 1017.

⁴⁴ См.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. С. 16–18; Земсков В. Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 3. С. 55–64.

⁴⁵ По-видимому, этот сюжет возник у Пушкина в середине 1820-х годов. В 1826 году Баратынский сообщал ему: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму „Ермака“». Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что когда это известие дошло до Парнаса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя Бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг» (цит. по: Цейти Н. В. Sibirica в библиотеке Пушкина // А. С. Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 83).

⁴⁶ Среди бумаг Пушкина сохранились многочисленные заметки, выписки из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1786), а также конспект, план и начало статьи. Она, по-видимому, предназначалась для журнала «Современник» и была последним творческим планом Пушкина. Судя по конспекту обширного сочинения Крашенинникова, поэта особенно заинтересовала лишь самая последняя небольшая часть этой работы, озаглавленная «Камчатские дела», а именно тема бунтов казаков против своих начальников и камчадалов против казаков, а также колоритная фигура «камчатского Ермака» — Владимира Атласова (подробнее см.: Фомичев С. А. «Камчатка — страна печальная...» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 483–502).

и предрекал им великое будущее. По горячим следам чтения «славной»,⁴⁷ по его определению, книги Токвиля Пушкин признавался в неотправленном письме Чаадаеву: «Читали <ли Вы> Токвиля? <...> Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею».⁴⁸

История и культура европейских стран волновали воображение Пушкина на протяжении всей жизни. Однако в целом интересы расширялись и вектор их менялся. Если в лицейские годы Пушкин был обращен исключительно в сторону Западной Европы, то как его личная библиотека, так и незавершенные замыслы являются неопровергимым свидетельством того, что в поле зрения поэта попадали все новые регионы и страны — Кавказ и мир ислама в годы южной ссылки, Урал и калмыцкие степи в годы подготовки «Истории пугачевского бунта», Китай, земли и страны Северо-Восточной Азии в последние годы жизни.

Отношение Пушкина к предшествующей культурной традиции и его понимание возможностей нового «слова» в контексте давно сказанного замечательно выражено в рецензии поэта на книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека»: «Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности».⁴⁹

У Б. Паскаля есть изречение, имеющее самое прямое отношение к выше-приведенному высказыванию Пушкина: «Пусть не корят меня за то, что я не сказал ничего нового: ново уже само расположение материала; игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но не с одинаковой меткостью. С тем же успехом меня могут корить за то, что я употребляю давным-давно придуманные слова. Стоит расположить уже известные мысли в ином порядке — и получится новое сочинение, равно как одни и те же, но по-разному расположенные слова образуют новые мысли».⁵⁰ Знаменитая книга Паскаля была в библиотеке Пушкина.⁵¹ Русский поэт сказал не совсем то, что до него сказал Паскаль (чужое слово как свое). При этом мысль русского поэта, по-новому расставившая слова французского мыслителя, позволяет по-новому прочесть мысль Паскаля (свое слово как чужое).

Новым у Пушкина является его убеждение о безграничных возможностях «духа человеческого», не выходя из границ необъятного культурного наследия человечества, благодаря новому соединению слов, творить новые «соображения понятий», разнообразные до бесконечности. «Расположение материала» в замечательной мысли Паскаля приводит к несколько иным выводам.

В переводах, подражаниях, оригинальных произведениях Пушкин не без помощи своей библиотеки откликнулся на самые разнообразные факты мировой истории и проявления гения человечества: Древнего Египта, Древней

⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 105.

⁴⁸ Там же. Т. 16. С. 421, 261 (оригинал на французском). См. также: Алексеев М. П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. С. 546.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 100.

⁵⁰ Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995. С. 26 (пер. Э. Л. Линецкой).

⁵¹ Pascal B. Pensées, suivies d'une nouvelle table analytique. Paris, 1829. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 307. № 1248.

Греции, Древнего Рима, событий Священного Писания, арабской цивилизации, Османской империи, европейского Средневековья, Смутного времени, Полтавской битвы, Великой французской революции, наполеоновских войн и т. д.

Обращаясь к культурному наследию человечества, в том числе подходя к полкам своей библиотеки, Пушкин был неистощим в «соображении понятий», сумел, опираясь на «предание», внести свой «личный почин»⁵² и тем самым сказать свое, новое слово в осмыслении мировой культуры и истории мировой цивилизации. А первой фазой на пути оригинального творчества было чтение.

Библиотека Пушкина подарит нам еще немало открытий. И не только потому, что личная библиотека любого писателя — это творческая лаборатория. Его библиотека — это библиотека, казалось бы, не столько писателя, сколько мыслителя, дипломата или политика. На самом деле — писателя, для которого чтение было первой фазой оригинального творчества. «Геополитическая библиотека» претворялась в «геопоэтическое творчество».

⁵² См. лекции А. Н. Веселовского «Теория поэтических родов в их историческом развитии» (*Симони П. К. Список трудов академика А. Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти. Пг., 1921. С. 29–30*).

И. А. ГОНЧАРОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-46-56

© Е. М. ФИЛИППОВА

«МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЛЕЗЫ-ПРОВОДНИКИ»: РОМАНТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ В ЭПИСТОЛЯРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА

Значимость биографической составляющей в творчестве неоднократно отмечал сам И. А. Гончаров¹ и подчеркивали исследователи его произведений. Одним из первых на близость художественного и жизненного опыта писателя обратил внимание Е. А. Ляцкий, назвавший «Обыкновенную историю» «мемуаром» Гончарова.² На «высокую концентрацию исповедальности гончаровского реализма» указывал Ю. М. Лошиц, анализируя образ Обломова.³ «Хронологию воспоминаний» как основной композиционный принцип романной трилогии выделяла Е. А. Краснощекова.⁴

Установлено, что эпистолярий Гончарова тесно взаимосвязан с творчеством. Так, П. Н. Сакулин, опираясь на опубликованную переписку Гончарова с Е. В. Толстой (август 1855 — октябрь 1856 года), демонстрирует, что реальные и художественные события разворачиваются для писателя последовательно: один роман Гончаров переживает сам и излагает в корреспонденции к Елизавете Васильевне, другой — творится в «форме литературного произведения во имя ее».⁵

Схожей точки зрения придерживается А. Г. Цейтлин, утверждая, что «увлечение Е. В. Толстой не прошло даром: этот роман Гончарова сильно помог ему в создании любовного сюжета „Обломова“», «интимные письма к любимой женщине как бы становились для Гончарова этюдами, изображающими персонажей романа».⁶

Определенные аналогии между развитием отношений Гончарова с Агр. Ник.⁷ и сюжетом «Обрыва» обнаруживает Л. С. Гейро: «Добрые чувства к Агр.

¹ «...действительно много личного, интимного, то есть своего, и себя самого вложено...»; «я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, — словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало» (Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 105, 113).

² Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Стокгольм, 1920. С. 174.

³ Лошиц Ю. М. Слушание земли. М., 1988. С. 214.

⁴ Здесь получает развитие мысль Л. Стилмана: «...каждый из трех романов Гончарова трактует по-разному темы трех эпох жизни человека...». См. подробнее: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 13–14.

⁵ Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 56.

⁶ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 463.

⁷ Личность Агр. Ник. достоверно не установлена. Начало знакомства Гончарова с ней относится, по-видимому, к 1868 году. О разрыве сообщается в письме С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 года. Подробнее об этом см.: Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 190–191.

Ник. постепенно вытесняются подозрениями, обидами, сменяются уверенностью в том, что само появление в жизни Гончарова этой женщины инспирировано „таинственным инкогнито“, которое, через многих других, руководит всем этим замыслом <...>“, в надежде помешать автору закончить роман, любыми способами осложнив ему жизнь. <...> Так письма романиста превращаются в исповедь смертельно обиженного, оскорбленного в своих чувствах человека. Тот же оттенок присущ и письмам Райского к Вере, его сомнениям в ее искренности, ревности героя к неизвестному избраннику Веры, в них те же попытки объясниться или мечты о таком объяснении с „невидимыми врагами“».⁸

Нельзя, однако, утверждать, что творчество Гончарова исключительно автобиографично. В некоторых случаях уместно говорить о типологической связи писем и художественных произведений, т. е. о литературных заимствованиях из третьих источников и использовании готовых стилевых формул. Отдельный интерес для исследования представляют романтические топосы, встречающиеся как в романах, так и в корреспонденции Гончарова. Свободное владение художественным романтическим контекстом в эпистолярии объясняется, по всей видимости, двумя особенностями таланта автора: во-первых, письма были наиболее удобной формой для фиксирования беглых наблюдений, «этюдов» характеров, необходимых писателю для последующей работы,⁹ таким образом органично сочетали в себе документально-биографические и творческие элементы; во-вторых, несмотря на тяготение к пародированию и критическому осмыслению романтической школы, характерному для 1840-х годов, Гончаров «навсегда сохранил определенную связь с романтизмом», «широко пользовался романтической патетикой и экспрессией в стиле»,¹⁰ что, несомненно, получило отражение и в его переписке.

Особое место в художественном мире писателя занимают клише, тиражируемые в жанре светской романтической повести 1830-х годов. Среди них можно перечислить повторяющиеся мотивы любви-электричества, страсти-болезни, магнитического/гипнотического взгляда, ситуацию неравенства (будь то социальное или психологическое несоответствие, влияющее на отношения героев) и связанную с ней, основополагающую для конфликта оппозицию воли и безволия. Частично история их появления и роль в творчестве Гончарова уже рассмотрена в комментариях к Полному собранию сочинений и писем (см.: 1, 653 (прим. к повести «Счастливая ошибка»); 6, 571–572 (ретроспективный комментарий к роману «Обломов»)), а также работах А. Г. Гродецкой.¹¹ Поэтому задачи данной статьи — дать более детальное представление о возникновении магнитических аналогий в романтической беллетристике начала XIX века, а также проанализировать схожие типологические параллели в эпистолярии Гончарова.

⁸ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 103.

⁹ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 15. С. 5. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

¹⁰ Прутков Н. А. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 7.

¹¹ Гродецкая А. Г. 1) Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания. Воронеж, 2012–2013. Вып. 31. С. 39–50; 2) Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016; 3) Магнитический сеанс в «Обломове» (к проблеме исторического времени в романе) // Art Logos. 2018. № 2 (4). С. 28–34.

Мотив магнетической/электрической любви

Идея магнетизма (месмеризма) в России стала широко известна в 1810–1830-х годах. Свое название явление получило по имени открывшего его австрийского врача Ф. Месмера. Ученый полагал, что все небесные тела, животные и Земля способны воздействовать друг на друга благодаря универсальному, всеобщему, вездесущему, сверхтонкому флюиду, способному проникать в нервную субстанцию человека и наделять тело свойствами магнита.¹²

Мода на магнетизм коснулась и литературы,¹³ причем особую популярность идея снискала среди писателей-романтиков, дополнявших ее элементами мистики (А. Погорельский «Магнетизер» (1830), Н. И. Греч «Черная женщина» (1834)), а также обычно смешивающих такие явления, как месмеризм, гальванизм, химизм и электричество.¹⁴ Подобное синтетическое восприятие обыгрывает О. И. Сенковский в «Записках домового» (1835): «Вы знаете, — продолжал он громко, — что в природе есть теплота, магнитность, свет, электричество, то есть вы знаете, что ничего этого нет в природе, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито везде и проникает все тела, даже самые плотные; для которого алмаз и золото то же, что губка для воды и воздуха <...> Оно то производит ощущение тепла, и тогда человек называет его теплотою; то вылетает из облака в виде громовой молнии или из натираемого стекла в виде серной искры, и тогда получает у людей имя электричества; то направляет один конец железной иглы к северу, а другой к югу, и тогда величают его магнитностью; то, наконец, поражает глаз своим блеском и называется светом».¹⁵

Нередко с помощью электромагнитных или физико-химических аналогий описывается авторами светских романтических повестей любовное чувство. Например, сравнение страсти с трудно прерываемой реакцией горения фосфора на воздухе использует А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1830): «Время залечивает даже ядовитые раны ненависти; мудрено ли же ему выдымить фосфорное пламя любви?»¹⁶ Пародийную зарисовку возникновения взаимной привязанности посредством «электризации» можно найти в уже упомянутых выше «Записках домового»: «Когда они (молодой человек и девица. — Е. Ф.) достаточно наэлектризованы, поставьте их лицом одного к другому: пусть они взглянут друг на друга; лишь только луч зрения приведет в сообщение их электричества, с той минуты они влюблены, они полетят друг к другу, как два облака, и будет гром, молния, удар и дождь».¹⁷ Метафора любви-притяжения также есть и в более раннем тексте Сенковского «Сентиментальное путешествие на гору Этну» (1833): «Вот, изволите видеть: магнетизм положительный, сочетаясь с отрицательным, произвел золото,

¹² Месмер Ф. Доклад об открытии животного магнетизма // Психическая энергия. 2014. № 1. С. 63. Перевод выполнен редакцией альманаха с немецкой книги: *Mesmer F. A. Abhandlung über die Entdeckung des thierischen Magnetismus*. Karlsruhe, 1781.

¹³ См. подробнее: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 140.

¹⁴ Последнее, впрочем, было характерно и для научной мысли начала XIX века. См., например, письмо Н. А. Бестужева брату Павлу (январь 1837 года): «...я <...> еще в 1818-м году в „Сыне отечества“, кажется в ноябре или декабре, поместил статью „О электричестве в отношении к воздушным явлениям“ <...>. Я не мог тогда доказывать и не смел этого сделать, но имел предчувствие, что магнитность, электричество, гальванизм и даже притягательная сила суть не что иное, как только явления одной и той же силы. Это я сказал, оканчивая статью, — и что же? Ныне все это доказано: даже думают, что притягательная сила есть мать всех „явлений...“» (Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 257).

¹⁵ Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова. М., 1989. С. 457.

¹⁶ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 197.

¹⁷ Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса. С. 460.

или начало мужеское, и серебро, то есть начало женское, которые беспрестанно тяготят друг на друга...».¹⁸ Сопоставление влечения с электрическим разрядом встречается в «Сказках о кладах» (1829) О. М. Сомова: «Тогда, собрав всю бодрость девического своего сердца, она вышла к гостям; но приближение и первый звук голоса ее избавителя снова вызвали ту же краску на ее лице и тот же легкий, электрический трепет по всему ее телу».¹⁹

Детально использование клише магнитической/электрической любви проанализировано в статье А. Г. Гродецкой «Магнитический сеанс в „Обломове“ (к проблеме исторического времени в романе)».²⁰ Рассмотрим два важных тезиса, развернутых в этом исследовании.

1) Уже в пушкинскую эпоху мотив магнетизма воспринимался как романтический шаблон и применялся чаще в ироническом контексте.²¹

Подобное пародийное употребление образа можно встретить в «Обыкновенной истории». Слушая рассказ племянника о чувствах к Надиньке, Петр Адуев иронизирует над ним: «Без сомнения, действие электричества; влюбленные — все равно что две лейденские банки: оба сильно заряжены; поцелуями электричество разрешается, и когда разрешится совсем — прости любовь, следует охлаждение...» (1, 239).

2) Эпизодически Гончаров прибегает к жанрово-стилевому клише магнитической любви без иронического обыгryвания.

Одним из таких исключений являются ранние работы писателя. Например, вне пародийного дискурса возникает мотив в светской повести «Счастливая ошибка» (1839), где повествователь рассуждает о «разбитом, уничтоженном», «неспособном более к электрическому трепету сладостного чувства» сердце героя. В другом случае речь идет о магнитическом мифе, воспроизведенном автором на страницах «Обломова»: «Он в самом деле смотрел на нее как будто не глазами, а мыслю, всей своей волей, как магнетизер, но смотрел невольно, не имея силы не смотреть <...> „Да, я что-то добываю из нее, — думал он, — из нее что-то переходит в меня. У сердца, вот здесь, начинает будто кипеть и биться... Тут я чувствую что-то лишнее, чего, кажется, не было...“» (4, 198–199). В произведении, опубликованном в 1859 году, животный месмеризм может восприниматься как анахронизм, «литературно-книжный элемент», а его включение в текст связано с тем, что роман создавался продолжительное время: замысел книги возник у писателя в 1840-е годы, первая ее часть закончена вчerне к 1850-му, а чистовая рукопись сформирована лишь в 1857–1858 годах. Таким образом, в приведенном отрывке, по всей видимости, сохранились следы ранних этапов работы.²² Тем не менее встречающиеся в эпистолярии Гончарова 1850-х годов магнитические параллели, в том числе клише «магнитического взгляда», ставят под сомнение случайность включения данного мотива в структуру «Обломова». Остановимся на этом подробнее, обратившись для начала к истории явления.

Мотив магнитического взгляда

Представление о взгляде как источнике некой силы, способной оказать влияние на другую личность, органически связано с практиками месмеризма. По некоторым выдержкам из сочинений теоретиков учения можно

¹⁸ Там же. С. 153.

¹⁹ Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984. С. 197.

²⁰ Гродецкая А. Г. Магнитический сеанс в «Обломове». С. 28–34.

²¹ Подробнее об этом см.: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. С. 142–143.

²² См. об этом: Гродецкая А. Г. Магнитический сеанс в «Обломове». С. 32–33.

понять, что «зрение в организме есть то же самое, что сияние Солнца в общем мире», подобно тому как электрическое напряжение между Солнцем и Землей создает дневной свет, так и глаз производит «собственный, внутренний свет, однокачественный с внешним», благодаря взаимодействию нервной оболочки с сосудистой, т. е. положительно заряженного органа с отрицательным.²³ Считалось, что магнетизер может воздействовать на другого человека только «пристальным взором» и «устремлением на него мыслей своих»,²⁴ таким образом испуская на больного некую субстанцию, аналогичную электричеству.²⁵

Отголоски этого представления нашли свое воплощение в литературе 1830-х годов. Так, в незавершенной книге М. Ю. Лермонтова «Вадим» (1832–1834) читаем: «Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм».²⁶ Романтики верили, что пристальный взгляд, направленный на человека, может заставить того обернуться, подобная ситуация описывается в романе Греч «Черная женщина»: «Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для этого должно только смотреть на человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно».²⁷ В редких случаях магнетическое зрение могло подчинить себе, например заставить успокоиться: «...наслышавшись о магнетизме и о страшном действии моих глаз, они были уверены, что только их магическая сила смирила буйного посетителя...».²⁸

Схожий мотив гипнотического взгляда, побуждающего выполнить определенное действие, обнаруживается в эпистолярии Гончарова 1850-х годов, во время наиболее напряженной работы над текстом «Обломова».²⁹ В письме к Толстой, датированном 11 октября 1855 года, автор сообщает: «Не сетуйте, что, несмотря на магнетизм Ваших глаз, на вибрацию Вашего голоса, чем всем Вы так могущественно на меня действуете и чем Вы выразили (невольно) желание, чтобы я почал альбом...».³⁰ Кроме того, корреспонденция середины 1850-х свидетельствует о том, что романист интересовался магнитотера-

²³ Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании / Первые две части переведены из немецкого сочинения проф. Клуге, а третью сочинил Д. Велланский. СПб., 1818. С. 320–321.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. СПб., 1864. Т. 2. С. 758–759.

²⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4. С. 9.

²⁷ Греч Н. И. Черная женщина. М., 2020. С. 81 (сер. «Литературные памятники»).

²⁸ Дружинин А. В. Сентиментальное путешествие // Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1867. Т. 8. С. 65.

²⁹ За полтора месяца на водах Мариенбада в 1857 году Гончарову удается завершить большую часть книги, и, что наиболее важно, к этому времени формируется любовный сюжет романа, коррелирующий с романтическим эпистолярием писателя. В письме И. И. Лиховскому от 2 (14) августа 1857 года Гончаров сообщает: «...31 июля у меня написано было моей рукой 47 листов! Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть. <...> Поэма изящной любви кончена вся: она взяла много времени и места» (Гончаров И. А. Письма к И. И. Лиховскому (1857–1860) / Публ. А. И. Груздева // Литературный архив. Л., 1951. Т. 3. С. 118).

³⁰ Письма И. А. Гончарова к Елизавете Васильевне Толстой / Публ. П. Н. Сакулина // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 225. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера журнала римскими и страницы арабскими цифрами.

пией.³¹ Подробную схему лечения магнитом содержит одно из писем Ю. Д. Ефремовой (от 18 мая 1855 или 1856 года): «Вот магнит: надо осторожно отделить железную пластинку прочь и приложить (к шее, близ лопаток) тот конец, над которым есть надрез, а другой конец не прикладывать, а держать на весу; держать надо до тех пор, пока почувствуется облегчение. По окончании опять приложить пластинку на свое место и спрятать магнит; если боль возобновится, повторять то же самое».³² Подобные параллели в эпистолярии и творчестве одного периода подтверждают вероятность намеренного обращения к теме магнетизма в «Обломове». По всей видимости, мотив не является просто следом раннего этапа работы, а сознательно используется автором в процессе создания любовного сюжета романа. И хотя из-за утраты некоторых рукописей реконструкция допечатной истории текста затруднена, кажется заслуживающим внимания тот факт, что, внося правку, писатель отказывается от магнетических мотивов, возникающих, например, при описании Штольца (см. варианты чернового автографа: «Его нельзя было подкупить никакой тайной, <...> начиная от месмеризма до вертящихся столов включительно»; 5, 254–255), оставляя в конечном тексте только месмерический миф, связанный с «поэмой любви».

Устойчивая метафора подчиняющего магнитического взора, задействованная во втором из романов Гончарова, также актуализирует онтологическую оппозицию воли и безволия,³³ характерную для любовного конфликта эпохи романтизма, и может быть связана с редким образом «слез-проводников». Рассмотрим данные идеи ниже.

Оппозиция воли и безволия

Значимые принципы, ставшие фундаментом концепции романтической любви, возникли еще в античности, а затем получили распространение в средневековой рыцарской литературе, которой в свою очередь вдохновлялись писатели эпохи романтизма. Приведем небольшую цитату, демонстрирующую, на наш взгляд, ключевые идеи *невольности* и *предрешенности*, лежащие в основе классической сюжетной схемы греческого романа и унаследованные романтической беллетристикой XIX века: «...юноша и девушка, <...> неожиданно встречаются друг с другом <...>, вспыхивают друг к другу внезапной и мгновенной страстью, непреодолимою, как рок».³⁴ Непредсказуемость чувства, его неотвратимость создают ощущение неконтролируемости, а потому любовь (как и любое сильное душевное переживание вообще) уподобляется романтиками стихии, играющей волей и поведением человека,³⁵ или неожиданной болезни.³⁶ Подобным образом описывается страсть в романе Ф. В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829): «Любовь есть болезнь:

³¹ Метод лечения магнитом, близкий идеям месмеризма.

³² ИРЛИ. № 2587. Л. 5.

³³ Вспомним, как смотрит на Ольгу Илья Ильич — «невольно, не имея силы не смотреть» (4, 198).

³⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 12. Курсив мой. — Е. Ф.

³⁵ Ю. В. Мани отмечает «байронический» характер этого параллелизма, что хорошо ощущалось современниками. См. подробнее: Мани Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 127.

³⁶ При этом субъект, утрачивая собственную волю, живет духом другого. Истинная любовь не скована физическими условиями, безвременна и вечна: «Что такое болезнь? Победа *тела* над духом, от которой победитель умирает. Этого победителя вдруг оковывает *дух* другого, переходит в него, живет одною с ним жизнью и дает ему жизнь свою» (Полевой Н. А. Эмма // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. С. 256).

лихорадочное состояние тела, производящее помрачение в уме».³⁷ «Любовь — прилипчивая болезнь», — заверяет рассказчик в «Испытании» (1830) Бестужева-Марлинского.³⁸ «Почти без воли и ведома» героев слетают с их уст взаимные клятвы в романе Греч «Черная женщина».³⁹ Интересное отождествление романтической привязанности с магнетической силой, предопределяющей судьбу (полюбить друг друга могут только «сородные», т. е. схожие по заложенной в них природой «стихии»), обнаруживается в повести Н. А. Полевого «Эмма» (1834): «...главная из сих стихий есть Любовь; <...> каждый есть представитель какой-либо стихии и <...> сородные индивидуальности мужчины и женщины, созданные по одной стихии, производят те магнетические явления...».⁴⁰

Многочисленны подобные клишированные романтические мотивы любви-болезни и страсти-стихии в творчестве и эпистолярии Гончарова.⁴¹ «Признаки душевной бури и физического недуга» видны на лице влюбленного Адуева, героя одной из ранних повестей (1, 89). «Болезненно ноют» души Александра и Надиньки в «Обыкновенной истории» (1, 261). О любви-оспе, привитой им с Ольгой Штольцем, рассуждает Обломов (4, 338). «Безотчетное, рождающееся, как болезнь» (4, 381) чувство любви упоминает повествователь, описывая развитие отношений Агафьи Матвеевны и Ильи Ильича.

Метафора стихийной любви-болезни неоднократно возникает в романтической переписке с Е. В. Толстой: «Я вчера видел Вас во сне: я будто ждал Вас... <...> нетерпение мое возросло до болезни...» (ХII, 236–237; письмо от 14 ноября 1855 года), «тоска, мечты, слезы — всё это симптомы известной болезни» (XI, 221; письмо от 19 сентября 1855 года). После отъезда возлюбленной в Москву 18 октября 1855 года, в одном из писем, озаглавленном «Pour et contre», некий вымыселенный «друг» делится своими искренними переживаниями: «Я болен ею, пошли поскорей за лекарем: мне стало как-то тесно на свете жить: то кажется, что я стою в страшной темноте, на краю пропасти, кругом туман...» (ХII, 228).⁴²

В письме Е. А. и С. А. Никитенко от 16 (28) августа 1860 года, говоря об игре сил «от рождающегося чувства любви», о «припадках жизненной лихорадки», романтик, иронизируя, сравнивает любовь с «лихой болезнью», т. е. эпилепсией.⁴³ «А наши бабушки, и даже матушки, не знали этого, называли vaguement экзальтацией, терялись, думая, что это какая-нибудь лихая болесть, мечтали, глядели на луну, плакали и тем отдельывались, а иные даже свихивались с ума».⁴⁴

Тяготение Гончарова к романтически-шаблонному изображению страсти как стихийной силы, не подвластной человеку, заставляющей его страдать, отмечает Л. С. Гейро: «Так в поэтике любовных сцен „Обрыва“ определяющими становятся аналогии разрушительных процессов, происходящих

³⁷ Булгарин Ф. Полн. собр. соч.: [В 7 т.]. СПб., 1839. Т. 1. С. 160.

³⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. Т. 1. С. 216.

³⁹ Греч Н. И. Черная женщина. С. 120.

⁴⁰ Полевой Н. А. Эмма. С. 410.

⁴¹ Согласно комментариям в Полном собрании сочинений и писем, мотив любви-болезни у Гончарова также предположительно имеет предромантический контекст и восходит к роману Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (см. об этом подробнее: 6, 571–572; а также: Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова. С. 186–188).

⁴² Об истории создания и художественных особенностях «Pour et contre» см. подробнее ниже, в статье О. В. Макаревич «Контексты письма-исповеди («Pour et contre» И. А. Гончарова)», с. 65–74.

⁴³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 112.

⁴⁴ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 353. Vaguement (фр.) — неопределенно, неясно.

в природе и в душе героев, охваченных страстью. По мере развития основного конфликта романа разбушевавшаяся стихия становится символом бурь, потрясающих человеческую душу...».⁴⁵ В эпистолярии Гончарова встречаются аналогичные романным рассуждения о страсти-безобразии, страсти-драме и борьбе, ср. одно из писем, отправленных С. А. Никитенко 21 августа (2 сентября) 1866 года, во время продолжительной работы над «Обрывом»: «Вы говорите, что я только знаю *безобразие страсти*, а не *красоту ее*: это не совсем так. Страсть всегда безобразна, красоты в ней быть не может, или она — не страсть. Судя по нескольким фразам, которыми Вы старались определить страсть, я вижу, что Вы разумеете не страсть, то есть борьбу, драму...».⁴⁶

Помимо прочего, столкновение героев Гончарова с неожиданными стихийными проявлениями человеческой натуры зачастую погружает их в особое состояние «атрофии воли», что рассматривается М. В. Отрадиным как характерный признак «гамлетовской ситуации».⁴⁷ Несомненно интересна философия этого типа героя и самому писателю. Проблеме понимания и исполнения «Гамлета» на русской сцене Гончаров посвятил отдельную статью, не опубликованную при его жизни.⁴⁸ С принцем Датским прямо сравнивает себя Райский, проваливший урок нравственного воспитания Ульяны Андреевны: «„Всякий, казалось ему, бывает Гамлетом иногда!“ Так называемая „воля“ подшучивает над всеми!» (7, 444). Однако рассуждение о слабости человека перед стихией чувства, о его бессилии и невозможности противостоять душевным порывам очень близко по своей сути романтическому коду безволия: в аналогичном ключе выстраиваются как размышления Гончарова о свойствах Гамлета («...это неуловимые в обыкновенном, нормальном состоянии души явления. Их нет тогда в состоянии покоя: они рождаются от прикосновения бури, под ударами, в борьбе»⁴⁹), так и внутренний монолог поддавшегося искушению Бориса Райского («Нет воли у человека <...> А то, что называют волей, — эту мнимую силу, так она вовсе не в распоряжении своего господина, „царя природы“, а подлежит каким-то посторонним законам и действует по ним, не спрашивая его согласия. Она, как совесть, только и напоминает о себе, когда человек уже сделал не то, что надо, или если он и бывает тверд волей, так разве случайно или там, где он равнодушен»; 7, 444–445).

Оппозиция воли и безволия, заложенная в романтическом конфликте, порождает и более частную проблему — неравенства любовных отношений. Куртуазное служение Прекрасной Даме не предусматривает обязательности ответного чувства: охваченный истинной страстью бледен, мало спит и может умереть от неразделенной любви.⁵⁰ В некоторой степени этот кодекс полной самоотдачи объекту обожания также воспроизводит и русская романтическая литература — ср., например, с повестью Полевого «Эмма»: «Вы молчите: верно вы никогда не любили, не знаете любви, этого совершенного уничтожения воли, не знаете субъективной жизни чужою жизнию».⁵¹

⁴⁵ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»... С. 163.

⁴⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 362.

⁴⁷ Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012. С. 156–160.

⁴⁸ Гончаров И. А. Опять «Гамлет» на русской сцене: Набросок статьи о понимании и исполнении на сцене «Гамлета» // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 197–207.

⁴⁹ Там же. С. 203–204.

⁵⁰ Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003. С. 65–67.

⁵¹ Полевой Н. А. Эмма. С. 255.

Ситуация неравной любви у Гончарова разрешается через добровольное, жертвенное подчинение одного персонажа другому. Например, Ольга составляет детальный план перевоспитания Обломова, решая, что можно позволить возлюбленному, а от каких привычек следует отказаться: «У ней <...> развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать, — она не позволит ему даже прилечь на диване днем...» (4, 205). Полон решимости принести в дар собственную волю Райский в отношениях с Верой «...буду другом, братом — чем хочешь, требуй жертв» (7, 345). Готовность «послушания» демонстрирует Адуеву романтически влюбленная в него Лиза:

«— Говорите, говорите... — сказала она с детской покорностью, — я готова слушать вас целые дни, повиноваться вам во всем...

— Мне? — сказал Александр холодно, — помилуйте! какое я имею право располагать вашей волей?» (1, 402).

Опыт рыцарского служения Даме в какой-то мере не чужд и самому писателю. Готовностью угодить возлюбленной в самых простых мелочах: прислать альманах, показать альбом, взять на себя хлопоты с починкой кольца — пронизана переписка с Толстой. В куртуазно-романтическом стиле обыгрываются подписи к некоторым из писем: «Преданный Вам по гроб включительно И. Гончаров» (XI, 215; письмо от 22 августа 1855 года) или «Кланяюсь Вам до земли, и даже ниже / преданнейший из преданных Гончаров» (XI, 220; письмо от 8 сентября 1855 года).

По всей видимости, не была лишена романтического ореола и более поздняя « страсть » писателя — таинственная Агр. Ник., о чем косвенно свидетельствует корреспонденция периода их отношений. Так, в письме 1868 года к Тургеневу Гончаров высоко оценивает недавно опубликованного в январском номере «Вестника Европы» «Бригадира». ⁵² Однако позднее он усматривает в произведении некоторые оскорбительные намеки. Жертвенная любовь ⁵³ протагониста повести рассматривается как пародия на собственные чувства: ⁵⁴ в августе 1869 года Гончаров сообщает С. А. Никитенко, что у «Бригадира» есть некоторое «моральное, особенное значение», ⁵⁵ вероятно намекая в том числе на сходство имен геройни и Агр. Ник. ⁵⁶

Метафора слез-проводников

С магнитическим мифом эпохи романтизма, вероятно, также связан повторяющийся мотив слез (или глаз) как проводников эмоций, как минимум трижды возникающий у Гончарова. Первый раз — в повести «Счастливая ошибка»: «Одна слеза была бы лучшим проводником чувства, красноречивым оправданием чистоты сердца!...» (1, 77). Второй — в одном из романтических восторженных описаний, принадлежащих Адуеву-младшему: «А когда она поднимет глаза, вы сейчас увидите, какому пылкому и нежному сердцу служат они проводником!» (1, 236). Третий — в переписке с Толстой:

⁵² Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 372 (письмо от 10/22 февраля 1868 года).

⁵³ Защищая честь любимой женщины, Василий Фомич даже готов взять на себя вину за смерть дворецкого.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 221.

⁵⁵ Там же. С. 219.

⁵⁶ «Что ты там об Аграфене Ивановне толкуешь? — воскликнул вдруг бригадир, и голова его поднялась, белые брови нахмурились... — Ты смотри у меня! И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна — вот как надо... ее называть» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 46).

«Вы знаете — к чему проводник — слезы...» (XI, 230; письмо от 25 октября 1855 года).

Традиция изображения слез в качестве знака проявления чувствительности может рассматриваться как дань эпохе сентиментализма. Целую гамму чувств от «нежной скорби» до «любви» выражают с помощью них, например, герои Н. М. Карамзина. Тем не менее концепция слез как проводящей среды между душой и глазами человекаозвучна идеям животного месмеризма. Представление о жидкости как проводнике — одно из центральных понятий магнитической теории. Как некая жидккая субстанция воспринималася месмеристами всепроникающий летучий эфир, взаимодействующий с природными объектами и нервной системой человека.⁵⁷ Магнетизированной воде отводилась особая роль, она нередко использовалась во время сеансов как усиливающее терапию лечебное средство.⁵⁸

Отдельное внимание уделялось человеческому глазу — органу, способному, с точки зрения месмеризма, не только выделять особую магнитическую субстанцию, но «живому орудию самого всеобъемлющего чувства, в котором <...> как в самом верном зеркале, ярко отсвечивается душа во всех ее состояниях».⁵⁹ Сама же душа, в соответствии с теорией Платона, разделялась на две составляющих ее части — животную и собственно разумную, бессмертную. Именно первая из них, т. е. животная, представляющая собой «сцепление нервных узлов, расположенных за желудком близ сердцевой полости», была ответственна за производство «магнитического раздражения», а также за развитие воображения, эмоций и интуиции. Особенно силен «животный ум», по мнению месмеристов, у дикарей и женщин.⁶⁰ Согласно «Любопытному отрывку из моих записок» Ф. Н. Глинки, княгиня Голицына, введенная в состояние гипнотического сна, сообщает, что у нее образовался «слезный зал» из-за подавления чувств: «Когда я грустила о князе (о своем женихе), то не плакала и слезы пали камнем у сердца».⁶¹

В литературе первой половины XIX века точная метафора «слез-проводников» достаточно редка⁶² и несет на себе флер именно «романтического» месмеризма: слезы не только «проводят» определенную эмоцию, но и способны управлять волей и ощущениями другого человека. Подобная аналогия встречается у П. П. Каменского, писателя школы Бестужева-Марлинского: «...она смотрела на эти слезы как лучшие проводники между душою, волею Энского и ее участием, мыслию подействовать на них и исправить его».⁶³ Глаза-проводники также упоминаются в романе А. Никитина «Теодор Станиславский» (1838): «Эти глаза <...> только что оставили слезы, и оттого безжизненны эти голубые, пламенные, быстрые проводники сердечных впечатлений».⁶⁴ Как и в произведении Каменского, мотив развивается в магнитическом контексте, роман наполнен рассуждениями о таинственной силе

⁵⁷ «Главное орудие чувствительности нервов есть тот живительный их сок, та летучая эфирная жидкость, по-видимому содержащая в себе даже начало света...» (Сенковский О. И. Черная женщина и животный магнетизм. По поводу романа «Черная женщина» Н. Греч (1834) // Греч Н. И. Черная женщина. С. 366).

⁵⁸ Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании. С. 253–254.

⁵⁹ Галич А. Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб., 1834. С. 88.

⁶⁰ Сенковский О. И. Черная женщина и животный магнетизм... С. 369–370.

⁶¹ Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме / Публ. В. М. Боковой // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. [Т. XI]. С. 30.

⁶² По данным Google Books, встречается всего дважды.

⁶³ Каменский П. П. Искатель сильных ощущений. СПб., 1839. Ч. II. С. 208.

⁶⁴ Никитин А. Теодор Станиславский. М., 1838. Ч. II. С. 86.

месмеризма, его влиянии на способность предчувствия, а также о Душе — главном «проводнике впечатления мира духовного на мир физический».⁶⁵

Анализ всех вышеперечисленных мотивов в эпистолярии и художественных текстах Гончарова позволяет заключить, что использование романтических клише не является чертой исключительно раннего творчества писателя, а потому не может считаться только следом одной из первых редакций текста, избежавшей авторской правки. Романтическое мировосприятие — органичная часть стиля Гончарова, характерная как для переписки, так и для его произведений: чаще всего реальные и художественные события разворачиваются параллельно, письма становятся творческими этюдами, где продолжается развитие отдельно взятого мотива или образа. Вместе с тем в гончаровской прозе и корреспонденции генерализован широкий романтический пласт, включающий достаточно редкие для русской литературы мотивы «магнитической любви» и «слез-проводников», что открывает новые возможности для историко-литературного комментария.

⁶⁵ Там же. С. 65.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-56-65

© Н. В. КАЛИНИНА

«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...» (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)

Внутренняя хронология и исторический диапазон повествования в романах И. А. Гончарова — одна из тем, обсуждение которой началось еще при жизни писателя. Наиболее изученным в отношении хронотопической организации прозы Гончарова по-прежнему остается роман «Обломов», о чем, подводя промежуточные итоги полемики, писала Т. Б. Ильинская: «Важность временных мотивов у Гончарова <...> отмечена еще в работах XIX века (например, у К. К. Арсеньева: «обилие ретроспективных взглядов» и у Д. С. Мережковского: «Поэзия прошлого»). Позже предпринимались попытки объяснить гончаровскую поэтику спецификой авторского времепереживания. <...> Роман „Обломов“ — наиболее исследованное в темпоральном аспекте произведение Гончарова, однако сложность временной организации этого шедевра порождает ряд проблем <...>. В „Обломове“ множество указаний на время <...> отсутствуют лишь даты, за исключением единственной в самом начале текста («Ведь сегодня первое мая...»). Гончароведы уже предпринимали попытки расставить в романе исторические вехи. <...> Вместе с тем эти попытки <...> представляются недостаточно убедительными. <...> Видимо, следует признать, что художественному миру Гончарова чужда историческая конкретика <...>. Более того, порой он насыщен анахронизмами, что особенно заметно в романе „Обрыв“, где „человек 40-х годов“ и „человек 60-х годов“ волею автора становятся почти ровесниками».¹

¹ Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов» (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3. С. 38–39.

Не углубляясь в непростую механику погружения читателя в художественное воссоздание исторического времени (наполняющего повествование не как хронологический ряд, а как множество рядов, в каждом из которых существует темпоральный протагонист в лице одного из персонажей), отметим, что сам Гончаров неоднократно маркировал отраженный в его творчестве исторический этап в границах дреформенной эпохи, объясняя это тем, что «истинное произведение искусства может изображать только устоявшуюся жизнь». «Старые люди, как старые порядки, доживаются свой срок, — писал он в 1872 году, — новые пути еще не установлены; все поглощено напряженным трудом и ожиданиями благих результатов, искусству не над чем остановиться пока. <...> Реформам всего 15, а иным — 10 лет от роду, — и только тогда, когда они установят жизнь, <...> явится уже другой крестьянин, не похожий на крепостного, другие чиновники и купцы, не прежние, а как их образует дух реформ, — и тогда явится и обильная жатва для будущих Тургеневых, Писемских и Островских. А до тех пор нельзя и обвинять нас, стариков, что мы изображаем только старую жизнь, как печатно упрекали меня».²

Вопреки этому обозначению (неоднократно повторенному писателем в автocomментаторских и эпистолярных текстах), размытие календарных признаков времени в пользу обобщающего образа эпохи в романе «Обрыв» спровоцировало в исследовательской литературе тенденцию к расширению временных границ действия. Так, например, с точки зрения С. К. Казаковой, «...в романе прослеживается влияние <...> исторического для России события — отмены крепостного права. Гончаров не говорит о реформе прямо — текст содержит косвенные детали, отмечающие перемены в жизни русской деревни за полтора десятилетия (первый и второй приезды Райского в Малиновку). <...> При этом нам не удалось выявить в тексте детали, которые бы однозначно относились к периоду до 1861-го и опровергали бы наше предположение».³

В качестве основного аргумента (не обратив должного внимания на богатство стилистической палитры писателя, использующего многообразные синонимические возможности русского языка) Казакова отмечает, что «в тексте романа крайне редко встречается слово „крепостной“ (всего семь раз)». Выпадение обширного семантического пласта с заменой нейтральной лексемы «крепостной» на слова-синонимы («человек», «люди», «мужики», «дворня», «дворовая девка», «дворовый» — в значении: крепостной/крепостные) из поля зрения исследователя влечет за собой ничем не подкрепленный вывод о том, что «разговоры действующих лиц романа об освобождении крестьян» относятся не к крепостным, а к «временнообязанным», в соответствии с чем «временной интервал основных событий романа» определяется как «лето/осень 1861 или 1862 года».⁴

Под «разговорами действующих лиц романа об освобождении крестьян» Казакова подразумевает стычки Бориса Павловича Райского (владельца Малиновки) с Татьяной Марковной Бережковой, глубоко убежденной, что «различия между „людьми“ и господами никогда и ничто не могло истребить».⁵ Они возникают дважды: в *день прибытия* Райского в поместье и в *день его отъезда* из Малиновки:

² Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 137–138.

³ Казакова С. К. Герои романа «Обрыв» на фоне экономической истории России // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 66, 67.

⁴ Там же. С. 67–68.

⁵ Роман «Обрыв» цит. по изд.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 63. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Часть вторая, глава II

«Он зевнул широко, и когда очнулся от задумчивости, перед ним бабушка стоит со счетами, с приходо-расходной тетрадью, с деловым выражением в лице.

— Не устал ли ты с дороги? Может быть, уснуть хочешь: вон ты зеваешь? — спросила она, — тогда оставим до утра.

— Нет, бабушка, я только и делал, что спал! Это нервическая зевота. А вы напрасно беспокоитесь: я счетов смотреть не стану...

— Как не станешь? Зачем же ты приехал, как не принять имение, не потребовать отчета?..

— Какое имение! — небрежно сказал Райский.

— Какое имение: вот посмотри, сколько тягл, земли? <...>. Хочешь смотреть и принимать имение?

— Нет, бабушка, не хочу!

— Кто же будет смотреть за ним: я стара, мне не углядеть, не управиться. Я возьму да и брошу: что тогда будешь делать?..

<...> Не прикажешь ли отдать в чужие руки?

— Нет, пока у вас есть охота — посмотрите, поживите.

— А когда умру?

— Тогда... оставить как есть.

— А мужики: пусть делают, что хотят? Он кивнул головой.

— Я думал, что они и теперь делают, что хотят. Их отпустить бы на волю... — сказал он.

— На волю: около пятидесяти душ, на волю! — повторила она, — и даром, ничего с них не взять?

— Ничего!

— Чем же ты станешь жить?

— Они найдут у меня землю, будут платить мне что-нибудь.

— Что-нибудь: из милости, что вздумает-ся! Ну, Борюшка! <...>

Она совала ему другие большие шнуровые тетради, но он устранил их рукой» (7, 160–164).

Часть пятая, глава XXIV

«На другой день, с раннего утра, весь дом поднялся на ноги — провожать гостя. Приехал и Тушин, приехали и молодые Викентьевы. <...> За завтраком никто ничего не ел <...>.

Татьяна Марковна пробовала заговаривать об имении, об отчете, до передачи Райским усадьбы сестрам, но он взглянул на нее такими усталыми глазами, что она отложила счеты и отдала ему только хранившиеся у нее рублей шестьсот его денег. Он триста рублей при ней же отдал Вариссе и Якову, чтобы они раздали дворне и поблагодарили ее за „дружбу, баловство и услужливость“.

— Много — урод! проплюют... — шептала Татьяна Марковна.

— Пусть их, бабушка, да отпустите их на волю...

— Рада бы: хоть сейчас со двора! Нам с Верой теперь вдвоем нужно девушку да человека. Да не пойдут! Куда они денутся? Избалованы, век — на готовом хлебе!

После завтрака все окружили Райского. Марфинька заливалась слезами: она смочила три-четыре платка. Вера оперлась ему рукой на плечо и глядела на него с томной улыбкой, Тушин серьезно. У Викентьева лицо дружески улыбалось ему, а по носу из глаз катилась слеза „с вишню“, как заметила Марфинька и стыдливо сняла ее своим платком.

Бабушка хмурилась, но крепилась, боясь расчувствоваться» (7, 766–767).

Кольцевая композиция в расположении эпизодов позволяет говорить о создании эффекта как бы «не прерывавшейся» на протяжении всего романа дискуссии, что многократно усиливает значимость заданной в них темы, но главный вопрос, возникающий у внимательного читателя по прочтении этих диалогов, заключается в другом. Насколько вообще после оглашения манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и публикации обязательного к исполнению

«Положения о крестьянах...» 19 февраля 1861 года уместны свободный выбор и личная инициатива со стороны Райского и ответные возражения Бережковой?

Еще в середине прошлого столетия крупный специалист по политической и социально-экономической истории России XIX века критиковал распространенное в науке мнение о том, что крестьянская реформа Александра II «была сконструирована заново в течение трех лет без всякой предварительной подготовки и без каких бы то ни было юридических предпосылок».⁶ Ведь первые шаги по разработке правительственной программы отмены крепостного права были предприняты еще в царствование Александра I.

В ноябре 1802 года гр. С. П. Румянцев подал императору прошение о дозволении отпускать помещичьих крестьян на волю по взаимной договоренности заинтересованных сторон.⁷ Ответом на ходатайство стал Высочайший указ Правительствующему сенату «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю...» 20 февраля 1803 года⁸ (более известный как закон «О вольных хлебопашцах»), где впервые устанавливалось право на выход из крепостного состояния «с утверждением <...> земли в собственность».

На следующий день после Указа были опубликованы «Высочайше утвержденные правила» по его реализации,⁹ которыми предусматривались два вида увольнения крестьян: 1. с выкупом личной свободы и приобретением земли единовременно или в рассрочку, 2. на условиях долгосрочной аренды, когда крестьяне, владея землей помещика, «обязуются на известное число лет, по жизни его или и навсегда исправлять известные повинности».¹⁰ В случае неуплаты или нарушения договорных обязательств они возвращались в прежнее крепостное состояние.

Указ «О вольных хлебопашцах» носил рекомендательный характер, что не способствовало его массовому применению среди поместных дворян, владевших $\frac{1}{3}$ населенных земель империи. По подсчетам В. И. Семевского, за годы правления Александра I в разряд вольных хлебопашцев поступило только 47 153 «души мужского пола»,¹¹ по данным В. И. Вешнякова (исследование которого вышло в 1858 году), за время действия указа с 1804 по 1857 год вольными хлебопашцами стали 151 895 крестьян.¹²

После вступления на престол Николая I вопрос об «изыскании средств к улучшению состояния крестьян» не сходил с повестки до последних дней его жизни. Даже такой непримиримый враг царствующего дома, как князь-эмигрант П. В. Долгоруков, на страницах своих близких к памфлету мемуаров должен был признать, что «император Николай всегда думал об освобождении

⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958. Т. 2. Реализация и последствия реформы. С. 551.

⁷ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 1: Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX века. СПб., 1888. С. 252–253.

⁸ Полн. собр. законов Российской империи с 1649 года: 1-е собр. [С 1649 по 12 декабря 1825]: В 45 т. СПб., 1830. Т. 27. № 20620.

⁹ Там же. № 20625.

¹⁰ Там же.

¹¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. 1. С. 266; см. также: Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 57–68; Долгих А. Н. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при Александре I // Отечественная история. 2008. № 5. С. 51–65; Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1177–1194.

¹² Вешняков В. И. Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1858. С. 61.

крестьян»,¹³ и пересказал одну из версий легенды о напутствии царя наследнику: «Александр Николаевич, будучи великим князем, был поборником крепостного состояния. Николай на смертном одре сказал своему преемнику: „У меня всегда были две мысли, два желания, и я ни одного из них не мог исполнить. Первое: освободить восточных христиан из-под турецкого ига; второе: освободить русских крестьян из-под власти помещиков. Теперь война, и война тяжелая; об освобождении восточных христиан думать нечего, но, по крайней мере, обещай мне освободить русских крепостных людей“». Александр II обещал...».¹⁴

В годы правления Николая взгляды на решение этой проблемы сводились к юридическому ограничению вотчинных прав помещиков (с предоставлением личной свободы крестьянам, но с сохранением дворянского землевладения), регламентации крестьянских повинностей (с поэтапной заменой подушной по-дати на поземельную) и усилению административного контроля за исполнением принятых законов. По мнению большинства, данных мер было достаточно, чтобы запустить процесс постепенного упразднения крепостных отношений.

Ведущая роль в обсуждении возможных моделей выхода из крепостного состояния принадлежала П. Д. Киселеву, который в течение всего николаевского царствования был главным советником императора по крестьянскому вопросу, а преобразовательным инструментом — временные межведомственные комитеты (высшие государственные учреждения, работа которых носила подготовительный и строго засекреченный характер). Обойдя вниманием комитеты 1826-го и 1835 года, чья деятельность «не привела ни к каким законодательным мерам по крестьянскому вопросу»,¹⁵ остановимся подробнее на том, какие задачи решались учрежденным 16 ноября 1839 года комитетом «О пересмотре закона об увольнении в свободные хлебопашцы».

В состав комитета вошли председатель Государственного совета и Комитета министров кн. И. В. Васильчиков, министр юстиции Д. Н. Блудов, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, управляющий Министерством внутренних дел гр. А. Г. Строганов, глава I-го Отделения Собственной е. и. в. канцелярии А. С. Танеев, члены Государственного совета гр. А. Ф. Орлов и П. А. Тучков, а также чиновник I-го Отделения В. Я. Ханыков.¹⁶ Инициатором создания комитета и автором проекта, легшего в основу его программы, являлся Киселев. Новый законопроект опирался на следующие положения: «Помещики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставляют крестьянам личную свободу и, отделив им определенную пропорцию земель, пользуются, взамен того, соразмерными от них повинностями, или оброком, по особому для каждого имения инвентарю. *Мера сия есть общая по всему государству и не зависящая от воли помещиков*».¹⁷ Несмотря на предварительное одобрение «Записки» Киселева Николаем I,¹⁸ проект под

¹³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта: 1860–1867. М., 1992. С. 377 (сер. «Голоса истории»).

¹⁴ Там же. С. 347; по свидетельству А. Ф. Тютчевой (Аксаковой), присутствовавшей при кончине Николая I, последними его словами наследнику была фраза «Держи всё — держи всё», сопровождавшаяся «энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко» (Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002. С. 128).

¹⁵ Семёновский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. 2. С. 29.

¹⁶ Подробнее см.: Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 116.

¹⁷ Корф М. А. Император Николай в совещательных собраниях (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 106 (курсив мой. — Н. К.).

¹⁸ Резолюция, записанная рукой царя 19 марта 1841 года, гласила: «Читал с особенным вниманием и полным удовольствием; начала, на коих основан проект, мне кажутся весьма спра-

давлением консервативной части комитета подвергся кардинальной переработке.

Кроме принципиальной оппозиции в лице Меншикова и Ханыкова, под спудным осложнением для благополучного прохождения «Записки» послужила «утечка информации». «Комитет и занятия его велено было содержать в глубочайшей тайне и, чтобы отклонить все подозрения и догадки, ему дали даже вымыщенное название „Комитета для уравнения земских повинностей в западных губерниях“ <...>, — вспоминал М. А. Корф, — Какой-нибудь месяц секрет действительно сохранялся, <...> потом в городе заговорили втихомолку, что приготовляется какое-то важное преобразование в отношениях между помещиками и крестьянами; наконец разнеслась — гласно уже и во всех сословиях, — молва, тотчас долетевшая и до провинции, что готовятся — дать крепостным людям вольность. Разумеется, что при незнании подробностей и даже основной мысли правительства <...>, тревожная молва не оставила учредить и увеличить все *по-своему* и напоследок решила, что для обнародования вольности назначается 16-е апреля 1841 года — день предстоявшего тогда бракосочетания государя наследника».¹⁹ Среди простых людей поползли слухи, что в этот день «после венчального обряда государь станет бросать с дворцового балкона билеты, в которых объявится вольность».²⁰

В результате долговременных дебатов (продолжившихся в Государственном совете) личное освобождение крестьян было отвергнуто. Вышедший 2 апреля 1842 года Высочайший указ «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участков земли в пользование за условленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян»²¹ не отменял, а только ограничивал исконную феодальную зависимость, при этом закон был лишен обязательной силы, оставляя исполнение указа на «добрую волю» помещиков. По словам В. О. Ключевского, «ему дана была такая редакция, которая почти уничтожила его действие. К тому же на другой день по издании закона последовал циркуляр министра, которым тогда был Перовский; этот циркуляр и разделал закон; в нем было подтверждено с ударением, что права дворян на крепостных крестьян остаются неприкосновенными, что они не потерпят ущерба в этих правах, если в силу закона не пойдут на сделки с крестьянами».²²

Содержание указа «Об обязанных крестьянах» было сформулировано в самых общих чертах, что отражало, по желанию царя, «одни главные начала и указания».²³ Предполагалось, что окончательная регламентация отношений между землевладельцами и крестьянами будет достигнута в ходе взаимных уступок и компромиссов при заключении договоров, так как «при желании помещиков воспользоваться действием указа представляемые от них проекты условий, на местностях и на различных родах хозяйства основанные <...>, по практическим данным укажут, что нужно и можно будет сделать

ведливы и основательны. Я не нашел сделать ни одного замечания и разрешаю внести в комитет» (Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II: В 4 т. СПб., 1882. Т. 2. С. 244).

¹⁹ Корф М. А. Император Николай в совещательных собраниях. С. 107–108.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Полн. собр. законов Российской империи: 2-е собр. [С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881]: В 55 т. СПб., 1843. Т. 17. Ч. 1. № 15462.

²² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. Лекция LXXXV // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 253.

²³ Протокол речи Николая I в Государственном совете от 30 марта 1842 г. // Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 2. С. 256.

в подробностях и что теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко могло бы быть упущенено».²⁴

На деле, при столкновении с жизнью закон обнаружил полную бесплодность. По подсчетам Н. И. Сергеевой, за время действия указа им воспользовались всего пять помещиков, уволивших в обязанные 26 937 крепостных крестьян.²⁵ Поместное дворянство не откликнулось на законодательную инициативу правительства.

Одной из попыток добиться обратной связи с подданными стал высочайший прием дворянской делегации от Смоленской губернии — полковника М. Л. Фантона-де-Веррайона и генерал-майора А. И. Шембеля — по случаю принесения благодарности монарху «за дарованные дворянству права и преимущества» 17 мая 1847 года.²⁶ Целью аудиенции было желание еще раз привлечь внимание помещиков к лежащему без движения указу 1842 года и вернуть обсуждение вопроса о мерах по скорейшему переводу крепостных людей в статус обязанных крестьян в практическое русло.

Живой отклик на это событие содержится в письме В. Г. Белинского к П. В. Анненкову. «...В правительстве нашем происходит большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права. Государь император вновь и с большею против прежнего энергию изъявил свою решительную волю катательно этого великого вопроса, — писал Белинский 1–10 декабря 1847 года. — Разумеется, тем более решительной воли и искусства обнаружили окружающие его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю от этого крайне неприятного им предмета. Искренно разделяет желание государя императора только один Киселев; самый решительный и, к несчастию, самый умный и знающий дело противник этой мысли — Меншиков».²⁷

Дальнейший комментарий критика свидетельствовал о его глубоком интересе к крестьянскому законодательству и немалой осведомленности в развитии ситуации: «Вы помните, что несколько назад тому лет движение тульского дворянства в пользу этого вопроса было остановлено правительством с высокомерным презрением. <...> Теперь вдруг смоленским депутатам велено явиться в Питер. Государь император милостиво принял их, говорил, что он всегда был доволен смоленским дворянством и пр. И потом вдруг перешел к следующей речи. — Теперь я буду говорить с вами не как государь, а как первый дворянин империи. Земля принадлежит нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели ее нашею кровью, пролитою за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, не жели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиною, что у нас

²⁴ Там же. С. 256–257. В заключение речи император счел необходимым «поставить с приискорбием на вид Совету» широкое распространение в народе слухов «о сем деле», источник чего заключался «в неуместных разглашениях со стороны лиц, облеченных высочайшим доверием и обязанных к хранению государственной тайны», и пригрозил, что в случае повторения утечек «виновные будут судимы по строгости законов, как за преступление государственное» (Там же. С. 257–258).

²⁵ Сергеева Н. И. Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с Указом от 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Горький, 1966. Вып. 78. Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке. С. 31.

²⁶ Подробнее об этом см.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России ... Т. 2. С. 162–164; а также: Майнов В. Н. Смоленские дворяне и обязанные крестьяне: 1846–1849 / Сообщ. И. В. Майнов // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 910–939; Горская Н. И. Смоленское дворянство против правительства: Из истории отмены крепостного права в России // Российская история. 2023. № 1. С. 71–83.

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. Письма 1829–1848 годов. С. 685–686.

нет торговли, промышленности. — Затем он сказал им, чтобы они ехали в свою губернию и, держа это в секрете, побудили бы смоленское дворянство к совещаниям о мерах, как приступить к делу. <...> Через несколько времени по возвращении депутатов в их губернию Перовский получил от смоленского губернатора донесение, что двое из дворян смущают губернию, распространяя гибельные либеральные мысли. Государь император приказал Перовскому ответить губернатору, что в случае бунта у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тех пор он молчал и не в свое дело не мешался. Я забыл сказать, в речи своей депутатам государь император сказал, что он уже намекал (указом об обязанных крестьянах) на необходимость освобождения, да этого не поняли».²⁸

Разделяя опасения власти по поводу беспорядков среди крестьян, Белинский затрагивал также тему об инвентаризации земельных владений и распределении их по категориям доходности, как необоснованно забытых мерах преобразования. Опорой для более продуктивной разработки комплекса правительственные мероприятий по крестьянскому делу могло и должно было стать широкое, а не «келейное» обсуждение социально-экономических проблем: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение. Все, что делается в Питере, доходит до их разумения в смешных и уродливых формах, но в сущности очень верно. Они убеждены, что царь хочет, а господа не хотят. Обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным. Перовский думал предупредить необходимость освобождения крестьян мудрыми распоряжениями, которые юридически определили бы патриархальные по их сущности отношения господ к крестьянам и обуздали бы произвол первых, не ослабив повиновения вторых <...>! Попытку свою начал он с Белоруссии возобновлением уже забытого там со времен присоединения Литвы к России *инвентария*. Поляки и жиды растолковали мужикам, что инвентарий значит то, что царь хочет их освободить, а господа не хотят, и что царь, бывши в Киеве, хотел к ним заехать, а господа не пустили его. <...> Так вот-с, мой дражайший, и у нас не без новостей и даже не без признаков жизни. Движение это отразилось, хотя и робко, и в литературе. Проскальзывают там и сям то статьи, то статейки, очень осторожные и умеренные по тону, но понятные по содержанию. Вы, верно, уже получили статью Заблоцкого.²⁹ В другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла. Мало этого: недавно в „Журнале Министерства народного просвещения“ ее разбирали с похвалою и выписали место о зле *обязательной ренты*. Помещики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патриархально-сонный быт весь изжит и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь „Земледельческая газета“ — орган мнений помещиков. Толкуют о съездах помещиков и т. д. Обо всем этом Вам дадут понятие XI и особенно XII №№ „Современника“ («Смесь»).³⁰

По мнению комментаторов письма Белинского, подробные сведения о секретных действиях правительства (вплоть до информированности о деталях тайной аудиенции во дворце) были получены от А. П. Заблоцкого-Десятковского, являвшегося в период подготовки указа «Об обязанных крестьянах» ближайшим сотрудником Киселева.³¹

²⁸ Там же. С. 686–687.

²⁹ Имеется в виду резонансная статья А. П. Заблоцкого-Десятковского «Причины повышения цен на хлеб в России». В ней проводилась мысль о том, что одной из главных причин чрезвычайного понижения цен на хлеб в России служит даровой для землевладельцев труд, обусловленный крепостной зависимостью, наименование которой скрывалось под термином «обязательная рента» (Отечественные записки. 1847. № 5. Отд. IV. С. 1–36; № 6. Отд. IV. С. 31–66).

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 688.

³¹ Там же. С. 825.

Датой знакомства с Белинским (в марте 1846 года) как своеобразной точкой отсчета собственной литературной судьбы открывалась «Необыкновенная история» Гончарова.³² Первый роман начинающего писателя появился в «Современнике» благодаря его рекомендации (1847. № 3–4) и, по словам самого Белинского, имел «небывалый успех».³³ Гончаров регулярно посещал сформировавшийся около критика «кружок», где «хотя втихомолку, но говорили обо всем, как говорят и теперь, либерально, брали крутые меры».³⁴

«Белинский увлекался всем новым, когда в этом новом была искра чего-нибудь умного, светлого, идея добра, правды — и не скрывал конечно этого от нас... — вспоминал он. — Его — то есть всех, значит, посещавших Белинского, слушало правительство и знало, конечно, каждого. Я разделял во многом образ мыслей относительно, например, свободы крестьян, лучших мер к просвещению общества и народа, о вреде всякого рода стеснений и ограничений для развития и т. д. <...> мне лучше и ближе видно было <...> как мысли о свободе проводились здесь и в Москве Белинским, Герценом, Грановским и всеми литературными силами совокупно, проникали через журналы в общество, в массу, как расходились и развивались эти добрые семена и издалека приготавляли почву для реформы, то есть как литература с своей стороны облегчила для власти совершение первой великой реформы: освобождение крестьян, приготовив умы, пристыдив крепостников, распространив понятия о правах человека и т. п.».³⁵

Знакомство с Заблоцким-Десятовским произошло еще раньше, в середине 1830-х годов в доме Н. А. и Евг. П. Майковых, где писатель «с большим успехом преподавал <...> литературу и латинский язык»³⁶ их старшим сыновьям Валериану и Аполлону. Н. К. Пиксанов считал, что на момент публикации «Обыкновенной истории» «Гончаров пришел в редакционный круг „Современника“ не один, а вместе с <Вал.> Майковым и Заблоцким».³⁷

Встречаясь с Белинским в «кружке», в редакции «Современника», у М. А. Языкова или Н. Н. Тютчева, романист был втянут в беседы и споры, оказавшие влияние на его общественные взгляды и интересы. В «Заметках о личности Белинского» он рассказывал, например, о парадоксальных словах, «не раз слышанных мною от него», что «бог дал человеку быть творцом только в искусстве». Или вспоминал о кажущейся спонтанности и даже импульсивности при выборе тем разговора: «...придешь, бывало, а он вдруг заговорит, по-видимому, ни с того ни с сего (а, конечно, вследствие кипевшей в нем внутренней работы) о каком-нибудь, как помню однажды, например, „Прометее“ Гете: и в эту минуту уже ничего выше этого Прометея не было! Или вдруг нападет на какой-нибудь авторитет, которому все привыкли слепо поклоняться, — и низвергнет его. Не то так возьмет текущую новость, крутую административную меру, — и польются потоки речей, полные тонкого анализа, метких определений, горячих осуждений. Особенно цензура подавала пищу его словесной критике. Чего тут не было!»³⁸ Многое из услышан-

³² Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 195.

³³ См. его письмо к В. П. Боткину от 15–17 марта 1847 года (Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 634).

³⁴ Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 258.

³⁵ Там же. С. 258–259.

³⁶ Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филологических наук. 1941. № 76. Вып. 11. С. 59.

³⁷ Там же. С. 66.

³⁸ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 47–48.

ного, в том числе отрицание крепостных порядков, отразилось затем на страницах его романов.³⁹

Думается, что в блестящих словесных импровизациях Белинского затрагивались и законодательные решения по ключевым проблемам внутренней политики начала 1840-х годов, и «административные меры», принятые по крестьянскому вопросу во второй половине десятилетия.

Исходя из сказанного, можно считать, что пожелание Райского отпустить мужиков «на волю» относилось к правовым установлениям, регулирующим отношения между помещиком и его крестьянами в соответствии с указом 1842 года. И речь в диалогах с бабушкой шла не о выкупе личной свободы с приобретением земельной собственности, а о переводе в состояние «обязанных» крестьян и долгосрочной аренде надела.⁴⁰ Подтверждением тому служат слова самого героя: «Они найдут у меня землю, будут платить мне что-нибудь» (7, 163).

³⁹ Подробнее об этом см.: Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968. С. 103–113.

⁴⁰ Ср. с рассказанной в очерке «Матвей» историей персонажа, на протяжении многих лет стремившегося выкупиться из крепостного состояния; прототипом этого героя из цикла «Слуги старого века» стал некий Филипп, служивший у Гончарова в период проживания писателя в доме Шамшева на Литейном проспекте (№ 52) с 1837 по 1852 год.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-65-74

© О. В. МАКАРЕВИЧ

КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ («POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)

Под заглавием «Pour et contre» известен отрывок, отправленный И. А. Гончаровым Елизавете Васильевне Толстой (1827–1877) в числе прочей корреспонденции, адресованной писателем возлюбленной после ее отъезда в Москву в октябре 1855 года. В исследовательской литературе он нередко называется «исповедью любви».¹ Напомним, что впервые Гончаров и Толстая встретились в доме Майковых еще в 1843 году, а затем лишь 12 лет спустя, в 1855-м, и недавно вернувшийся из продолжительного морского похода писатель был покорен «ее чарующей красотой, добрым сердцем, тонким женским умом».² Толстая показалась писателю искомым идеалом женщины: «...ей дано все, чтобы быть единственной из числа немногих — возвышенностью характера, чистотой сердца, прямотой и достоинством» (XII, 223).³ Светская красавица не отвечала ему взаимностью — а в январе 1857 года Толстая вышла замуж за своего кузена А. И. Мусина-Пушкина.

¹ Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1962. С. 116.

² Демиховская О. А. «Послегончаровская» судьба Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 311.

³ Здесь и далее ссылки на публикацию писем Гончарова к Толстой: Письма И. А. Гончарова к Е. В. Толстой / Публ. П. Н. Сакулина // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 215–235; № 12. С. 222–251 — приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера журнала римскими и страницы арабскими цифрами.

Исследователи неоднократно подчеркивали параллели между письмами Гончарова к Толстой и соответствующими страницами «Обломова»: «Создатель романа и его герой руководствуются одной и той же теорией любви. У них — один идеал женщины: для героя романа он воплотился в Ольге Сергеевне, для И. А. Гончарова — в Е. В. Толстой. Портреты Е. В. Толстой и Ольги Ильинской, выполненные в одной лирической окраске, почти совпадают. Е. В. Толстая „создана гармонически-прекрасно, наружно и внутренне“.. „Она такое артистически щеголеватое создание, она аристократка природы“. Если бы Ольгу Ильинскую „обратить в статую, она была бы статуя грации и гармонии“. Она — „артистически созданное существо“. Писатель наделял Ольгу Ильинскую особенностями, которые заметил у Е. В. Толстой. Гончаров называл Е. В. Толстую своим идеалом, „прекраснейшей, лучшей, первой женщиной“. „Ольга! — воскликнул Обломов. — Вы... лучше всех женщин, вы первая женщина в мире!...“.⁴ Еще при первой публикации корреспонденции П. Н. Сакулин подчеркнул, что она «имеет существенное значение для уяснения процесса создания „Обломова“ и для понимания психологии самого писателя».⁵

Отмечая, что «причина обращения Гончарова с обширными исповедальными письмами именно к представительницам нежного пола коренилась <...> в особенностях его душевного склада и в <...> понимании женского начала...», В. А. Недзвецкий проводил параллели не только с Ольгой в «Обломове», но и с Верой, героиней «Обрыва»: «Не физическим влечением, а именно сердечным участием <...> мотивировал романист зарождение любви Ольги Ильинской к Обломову и Веры — к Волохову. И не подобная безупречной прекрасной античной статуе холодная Софья Беловодова, но одухотворенная и страдавшая Вера будет названа в „Обрыве“ „живою, неотразимо пленительной женщиной“, совместившей в своем облике и „идею“ женской красоты и „воплощение идеи“ <...>. То же разумение женщины и женственности и в словах „артиста“ Бориса Райского из „посвящения“ к его несостоявшемуся роману, которые Гончаров не случайно процитирует (по рукописному тексту «Обрыва») в своей автокритической статье „Лучше поздно, чем никогда“: „Восхищаясь вашею красотою, вашею исполинскою силою — женскою любовью, — пишет он, — я слабою рукою писал женщину <...> Мы не равны; вы выше нас, вы — сила; мы — ваше орудие <...> Мы — творцы в черной работе <...> Вы — создательницы и воспитательницы людей, вы — прямое, лучшее орудие Бога“».⁶

В корпусе сохранившейся переписки выделяется обособленный и значительный по объему фрагмент, озаглавленный «Pour et contre», неоднократно упоминавшийся исследователями творчества Гончарова как своего рода пре-текст двух его последних романов,⁷ но никогда не становившийся предметом специального разбора. В письме Толстой от 25 октября 1855 года писатель рассказывал историю возникновения этого текста: «...Вы едва успели миновать Тверь, а у меня в голове, неправда, в душе, созрел уже план <...> главы

⁴ Демиховская О. А. Творческая история романа И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А. Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 138.

⁵ Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 65.

⁶ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 331.

⁷ Ср.: «...это дает нам основание протянуть нити от переписки Гончарова к его роману „Обломов“. В этом случае мы идем по пути, на который давно уже вступили исследователи Гончарова (и С. А. Венгеров, и особенно Е. А. Ляцкий) и который санкционируется известным признанием Гончарова в статье „Лучше поздно, чем никогда“...» (Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах. С. 57).

романа <...> не того романа, который должен быть готов через полтора года во имя Ваше, а того, который начался в душе героя и Бог весть когда кончится» (XI, 230). И далее выражал свои сомнения, предопределяя двойственность восприятия этой «главы романа». Прежде всего, «это одна из больных, жалких страниц романа <...>. Я даже в сомнении, посыпать ли эту исповедь героя, довольно безобразную, как рана, которую человек решается показать другу только потому, что надеется возбудить ею не отвращение, а участие» (XI, 230). Но кроме того, Гончаров одновременно осознавал своеобразную иронию, присущую тексту: он «может позабавить, заставить не раз улыбнуться, а местами Вы не без участия увидите, как мучительно герой допытывается узнать героиню до самой маленькой веснушки на лице, до крошечного пятнышка на совести, чтобы любить ее или без сомнений, или прояснить их и любить со всеми пятнышками и веснушками» (XI, 230). Особо подчеркнем также, что отрывок, озаглавленный «Pour et contre», первоначально был частью письма от 20 октября 1855 года, однако сразу же был исключен из текста Гончаровым — а само письмо было продолжено далее: «Я написал было на том листке целую сцену, но оторвал другую половинку и пришло ее не прежде, как если Вы изъявили желание читать дальше и если уверите, что письма доходят до Ваших рук прямо и непосредственно» (XI, 228). Таким образом, «Pour et contre», хоть и было по изначальному замыслу частью письма, является отдельной, независимой «сценой», «главой романа» — иными словами, самостоятельным произведением в жанре отрывка. Сохраняя свою открытость относительно реципиента («финал» душевной драмы героя остается читателю неизвестен), «Pour et contre», тем не менее, воспроизводит творчески переосмыслинный, замкнутый в себе художественный мир.

Гончаров сознательно придерживается установки на отрывочность, фрагментарность произведения. Открытое произведение не конструирует закрытый, самодостаточный мир вымысла, а ставит перед читателем вопросы о «своем смысле, предлагая или даже навязывая ему бесчисленную череду истолкований и категорически отвергая возможность однозначного понимания».⁸ Эта установка отвечает диалогическому характеру текста, а также отражается в заглавии, которое воспроизводит французскую идиому «pour et contre» («за и против»). Выбранное Гончаровым название неоднократно встречается в литературе. Среди ближайших контекстов, с нашей точки зрения, должен быть указан роман Ч. Р. Мэтьюрина «Женщины, или За и против» («Women, or Pour et Contre», 1818).⁹ Помимо сходства в заголовках, допустимо провести параллель и с авторским замыслом: Мэтьюрин, отмечавший влияние на свое сочинение романа Ж. де Сталь «Коринна», хотел показать душевную драму одаренной женщины, столкнувшейся с общественными предрассудками, а также в целом размышлял о судьбе и предназначении женщины. В центре романа, во многом сохраняющего связь с традициями готической прозы «ужасов и бурь», оказались судьбы Заиры, обольстительной женщины и талантливой певицы, и ее дочери Евы, воспитанной в строгих христианских правилах и глубоко, до экзальтированности, религиозной. Подобно главному герою

⁸ Ильин И. П. Открытое произведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004. С. 304.

⁹ Роман до сих пор не переведен на русский язык, и у нас нет прямых доказательств знакомства с ним Гончарова. Однако самый известный роман Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» (1820, рус. пер. — 1833) упоминается в «Литературном вечере» среди «хороших романов» прежних времен, т. е., судя по контексту, 1830-х годов (см.: Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 149). Учитывая широкую популярность произведения и его автора (см.: Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991. С. 236), можно с большой вероятностью предполагать, что Гончарову было знакомо и более раннее сочинение английского писателя.

романа Мэтьюрина Шарлю де Курси, готовому пожертвовать всем ради разрушительной и роковой любви к Зaire, герой Гончарова также идеализирует свою возлюбленную и отдает свою судьбу в ее руки, считая невозможным счастье вдали от нее. Так или иначе, оба произведения ставили проблему, вошедшую в историю как «женский вопрос», — проблему роли женщины в семье и обществе, женского идеала, нравственных и интеллектуальных качеств, присущих женщине в отличие от мужчины и т. п.

По форме «Pour et contre» представляет собой диалог двух персонажей, в который изредка вклиниваются реплики «хозяйки». Один из них — писатель (что следует из реплики «Ты книги сочиняешь, лучше меня выскажешь», и это один из немногих биографических фактов, который сообщается о героях), другой — его приятель, влюбленный в женщину и страдающий от неразделенной любви. Этот диалог во многом наследует той особой форме, которую В. М. Маркович проанализировал на примере «Обыкновенной истории» и назвал «своеобразным диалогом языков».¹⁰ Реплики «приятеля» крайне эмоциональны, взволнованы, экспрессивны, местами патетичны, что проявляется прежде всего в «рваном» синтаксисе (неполные и незаконченные предложения соседствуют с распространенными, осложненными различными конструкциями), а также подчеркивается авторскими ремарками: «живо, с умилением прибавил он», «крикнул он на меня», «заметил мне мой приятель и изменился в лице», «задумчиво говорил мне приятель», «почти со слезами сказал он», «упрямо твердил он» и т. д. Его собеседник, писатель, гораздо более сдержан и уравновешен, «трезво-прозаичен», его реплики значительно более кратки. Как и Адуев-старший, он склонен к иронии, причем склонен разрушать патетику речи влюбленного приятеля, обыгрывая и переосмысливая смысл и/или форму его собственных фраз. Так, в «главе романа» обыгрывается текст Десяти заповедей:

«— <...> А попробуй сказать ей: не кокетничай, не неряшествуй, ни физически, ни морально, как в потере вещей из мешка, в раздириании платьев, в разбрасывании носовых платков и денег по полу и по диванам, так и в отношениях и в сношениях с разными лицами, а взвешивай свои отношения строго, не рассытай по всем концам света портретов из суетности и кокетства, не будь слепо доверчива ко всем, не лукавь...»

— Не укради, не убий, не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна, — продолжал я, — так и увидишь, что ничего не выйдет» (XII, 226).

Показательно, что ниже ирония героя-«писателя», также отсылающая к известной библейской цитате, будет более завуалированной:

«— Ужели ты так шутишь и в свои торжественные или печальные минуты? — спросил он в негодовании.

— Да, всегда, всюду, шутка не стареет никогда, не изменяет, не надоедает, шутка в мучениях вызывает улыбку, шутка...» (XII, 228).

Здесь влюбленный приятель иронию не распознал и аллюзию на Первое послание к коринфянам (1 Кор. 13: 4–8: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего...») не узнал, продолжив диалог.¹¹

¹⁰ Маркович В. М. Своеобразие диалогического конфликта в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982. С. 90.

¹¹ Ирония и автоирония в целом характерны стилю Гончарова, весьма многообразны и неоднократно осмыслены в исследовательской литературе (см., к примеру: *Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov*. Princeton, 1973. P. 35–36; Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977. С. 159–170; Маркович В. М. Чужая речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенное счастье» // Статьи по русской литературе. СПб., 1998. С. 11–22).

Н. В. Калинина, сопоставляя двух персонажей «Pour et contre», обратила внимание также на различие использованных ими в споре музыкальных аргументов: «лучший друг» «апеллировал к мелодраматической цитате из оперы Доницетти», а «писатель» — «к знаменитой своей бесцеремонностью песенке герцога из „Риголетто“». При этом сюжетная линия Эдгара из оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур» «закрепилась в памяти писателя (Гончарова. — *O. M.*) в качестве звуковой параллели к собственным несбывшимся надеждам <...> Песенка герцога из „Риголетто“ манифестирует прямо противоположный тип оценки возникшей ситуации и предоставляла принципиальную возможность вытеснения мучившей Гончарова страсти при помощи цинизма». ¹²

Форма послания «Pour et contre», как и его художественная стратегия в целом, были выбраны с целью «смягчить неловкость своего положения отвергнутого влюбленного». ¹³ Эту же точку зрения разделял Недзвецкий, утверждая, что «непроста <...> форма этих посланий: легко прочитываемое признание и откровенная мольба сочетается в них с намеками и защитной самоиронией, прямота — с литературной маской». Таково в особенности письмо от 25 октября 1855 г. Здесь нарочитая грань между „исповедью“ персонажа вымышленного и автора раскрепощает одолеваемого робостью Гончарова и служит обороной его самолюбию». ¹⁴

Говоря о различиях двух собеседников в «Pour et contre», стоит обратить внимание на то, как впервые появляется образ «влюбленного друга» в письме Гончарова к Толстой от 20 октября 1855 года. Это послание открывается своеобразным «отчетом» о выполненных писателем по просьбе Толстой поручениях — и вполне закономерно написано от первого лица: «Тотчас после Вашего отъезда я послал к м-те Якубинской за салопом <...> Я отправил сегодня посылку к Юнии Дмитриевне <...> К этому я приложил присланную из дома Олсуфьевых какую-то наволочку <...> Обо всем этом имею честь Вас уведомить». И лишь затем начинается текст, в котором появляется «он»: «Всем без Вас скучно, не скажу — кому более всех; при всей моей *просвире* к Вам — не могу изменить чужому секрету. *Он* даже насильственно, почти посредством преступления овладел Вашим портретом <...> *Он* зашел к Левицкому узнать о портретах» (XI, 228). То есть — продолжая изложение своеобразного «отчета», Гончаров переходит от я-повествования к повествованию от третьего лица. Это дает основания предполагать, что писатель так или иначе опирался на романтическую традицию двойничества. При этом свои чувства и переживания он «передает» «приятелю», о котором говорится в третьем лице, но одновременно в «Pour et contre» собеседником «приятеля» становится «я», которое не тождественно «я» в переписке Гончарова, хотя сохраняет его профессиональную принадлежность к литературной сфере. Фактически, биографическое «я» корреспонденции распадается в «Pour et contre» на двух

венная история» // Филологические науки. 1982. № 2. С. 58–66; Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012. С. 143–145, и др.). Приведенный нами пример — лишь один из образцов иронического обыгрывания хрестоматийных изречений и фразеологизмов; «пародическое и комическое цитирование, ироническое обыгрывание поэтических и мифологических мотивов — лишь частный случай общего принципа травестирования „высокого“, принципа, который выдерживается Гончаровым с исключительной последовательностью» (Гродецкая А. Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. С. 43 (Bibliotheca Slavica Savariensis; Т. XIII)).

¹² Калинина Н. В. Музыка в жизни и творчестве И. А. Гончарова // Русская литература. 2004. № 1. С. 25–28.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова. С. 331.

героев, воплощающих собой два противоположных видения ситуации и два противопоставленных жизненных кредо, которые соотносятся друг с другом как душа/разум, влюбленность/скептицизм, импровизация/рассудочность, восторг/цинизм и т. д. Это два антагониста, которые как бы отражают друг друга в кривом зеркале, но при этом неполноценны и немыслимы друг без друга. Проще говоря, это две стороны одной личности, переживающей противоречивые чувства; каждый из персонажей воплощает и акцентирует одну из сторон.¹⁵ Примечательно, что при всей разнице оценок и взглядов, «приятели»-собеседники действительно близки и дороги друг другу, относятся друг к другу хоть и с иронией, но предельно тепло и искренне. Они воплощают идеал искренней романтической дружбы, мечты о друге-двойнике, о чем позднее будет мечтать Райский в романе «Обрыв» — ср. с рассуждениями героя, обращенными к Вере: «Есть ли такой ваш двойник <...>, который бы невидимо ходил тут около вас, хотя бы сам был далеко, чтобы вы чувствовали, что он близко, что в нем носится частица вашего существования, и что вы сами носите в себе будто часть чужого сердца, чужих мыслей, чужую долю на плечах <...> Есть ли у вас здесь такой двойник, — это другое сердце, другой ум, другая душа, и поделились ли вы с ним, взамен взятого у него, своей душой и своими мыслями?.. Есть ли?»¹⁶

Кроме романтического двойничества, «Pour et contre», как кажется, опирается на еще одну значимую литературную традицию — сократического диалога.¹⁷ Неоднократно указывалось, что Гончаров, закончивший словесное отделение Московского университета, прекрасно владел древнегреческим и латынью, хорошо знал античную литературу.¹⁸ Позднее, в конце 1870-х годов, в письме П. А. Валуеву он изложит свое представление о функции и особенностях построения диалогов: «Автор заметит, может быть, что именно в разговорах всего удобнее было развивать умом и устами действующих лиц его тезисы, главную цель романа и что он не обращал внимания на реальность или естественность речей, не снимал с последних фотографий, не смотрел в лица и слушал только о чем, а не как они говорят и т. д. Если так, то почему же не употреблено было им для этой цели более простого и краткого приема, именно — изложить тезисы в форме сократовых разговоров с учениками. Там скажет свой тезис Сократ, один ученик возразит, другой сделает вопрос, третий ответит и т. д. А читатель слышит все один голос, один ум и одну речь — Платона».¹⁹ В «Pour et contre» сталкиваются две точки зрения (влюбленно-сентиментальная, отстаивающая право на надежду и жизнь под властью чувства, и скептически-рациональная, нацеленная на развенчание бессмысленных надежд). Но читатель — а точнее, та единственная читательница, которой адресовался текст, — должна была услышать за ними только «один голос» — видимо, самого Гончарова.

Один из наиболее часто используемых приемов сократического диалога — синкриза, т. е. столкновение различных, часто противоположных точек

¹⁵ Ср.: «В каждом из них (то есть из двойников) герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над самим собою)» (Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 6. С. 144).

¹⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 292.

¹⁷ О сократическом диалоге и менипповой сатире как истоках жанра романа и их преломлении в произведениях Ф. М. Достоевского, напомним, подробно писал М. М. Бахтин в «Проблемах поэтики творчества Достоевского» (см.: Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. С. 124–137).

¹⁸ Ср. с признаниями самого писателя: Гончаров И. А. 1) Автобиографии // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 218, 222; 2) Воспоминания. И. В университете // Там же. С. 231, 246, 250. Ср. также: Тирген П. Обломовка как анти-Итака: архетип Одиссея в творчестве И. А. Гончарова // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 27–73.

¹⁹ Цит. по: Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 315.

зрения на обсуждаемый вопрос. В «Pour et contre» речь идет прежде всего о самой возлюбленной, ее личности, характере, а также о надеждах и планах влюбленного «приятеля».²⁰ Выше уже упоминалось о том, что в репликах собеседников использован различный музыкальный код, который противопоставляет их мнения, — но столкновение точек зрения основано и на литературных претекстах, которые способствуют созданию образа героини.

Так, трижды в «Pour et contre» в ироническом контексте — хотя и без подробных объяснений — упоминается конь: «Что ж такое что мальчик, да тут есть конь, она любит это...»; «...а румянец и огонь взглядов — все это обращено туда, где замешался „конь“ да „пожарная каска“ и т. д.»; «Они <...> приняли на себя человеческий образ, надели мундиры (некоторые сели на коней), они столкнут тебя в бездну <...> мне жаль тебя, ангел!». Ключ к пониманию этого образа, с нашей точки зрения, можно обнаружить в более ранней корреспонденции Гончарова и Толстой, где назван один из любимых ею писателей: «...я приложил <...> принесенные от переплетчика Ваши книги (5 том.) Феваля (ужели Вы любите этого автора?)» (XI, 227). Поль Анри Корентен Феваль (также Феваль-отец; Féval, 1816–1887) — автор приключенческих романов, пользовавшихся большой популярностью как в Европе, так и в России. Критиками он воспринимался как автор массовой, ничем не примечательной литературы, эпигон, лишенный таланта.²¹ Пятитомное издание — это, скорее всего, роман «Лондонские тайны», написанный в подражание «Парижским тайнам» Э. Сю.²² Среди многочисленных персонажей, тайн, интриг, сюжетных поворотов этого романа встречается и история Мери Мак-Ферлэн. Завязка этой сюжетной линии — эпизод, в котором один из главных героев Фердинатус О'Брин, позднее фигурирующий в романе под именем маркиза Рио-Санто, благодаря своей огромной физической силе смог удержать испугавшегося коня и тем самым спас юную Мери, находившуюся в полуопрокинувшейся коляске и, конечно же, упавшую в обморок. Дальнейшая судьба влюбившейся в своего спасителя Мери была трагична — героям обманывает юный дворянин Годфрей Ленчестер, граф Вейт-Манорский, женой которого Мери становится. Романтическая ситуация спасения трепетной красавицы бесстрашным героем — клише любовных романов. Но образ «коня» переосмысливается в «Pour et contre» как знак тех самых «румянца» и «огня взглядов», о которых говорит собеседник-«писатель», т. е. как знак увлечения и ложного, поверхностного чувства — что способствует снижению образа возлюбленной.²³

²⁰ По словам В. А. Котельникова, в «Pour et contre» «Гончаров продолжает познавательное вторжение в женскую природу <...> Однако жизненно-практической формы отношения к героине, к „вечно-женскому“ в ней он так и не находит и остается болен ею...» (Котельников В. А. «Вечно женское» как жизненная и творческая тема Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы. С. 167).

²¹ Ср.: «У г. Поля Февала нет ни ума, ни воображения, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно рассказывать даже вздоры, которым так владеют французы и в котором больше всего заключается тайна успеха их нелепых романов. В романе Поля Февала не встретите ни одной из тех тонких поражающих черт, ни одной из тех увлекательных странниц, которые попадаются иногда даже у Дюма в самых нелепых его романах...» (Современник. 1847. Т. 2. Вып. 2. Отд. III. Критика и библиография. Русская литература. С. 59).

²² Троллоп Ф. [Феваль П.]. Лондонские тайны: В 5 т. / Пер. П. Фурмана. СПб., 1845. Красноречивая оценка этого романа приводится, к примеру, в рецензии В. Г. Белинского: «Подражание всегда бывает ниже оригинала, особенно когда оно предпринимается ради денег. Несмотря на то, „Лондонские тайны“, чуждые всякой мысли, исполненные эффектов, натяжек, неестественности, преувеличений, чудовищностей, фарсов и нелепостей, — не только не лишены, но даже с избытком снабжены сказочным интересом, который не дает оторваться от книги, если вы ее начали читать» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 178).

²³ Роман Февала содержит и другие мотивы, которые так или иначе зозвучны произведениям Гончарова. В качестве примера назовем двух героинь — сестер Анну и Клару, которые живут с тетушкой (сестрой их отца), при этом обе влюблены в своего двоюродного брата. Кроме подобного

Упоминаемая в том же контексте «пожарная каска» отсылает, возможно, к очерку А. Дюма «Mon Odyssée au Théâtre-Français» («Моя Одиссея во Французском Театре»²⁴). Рассуждая о способах повысить популярность спектаклей, автор с заметной долей иронии предлагает как можно чаще выходить на сцену пожарному: «Le pompier qui sort de la coulisse, comprenez-vous, c'est l'intérêt populaire. Si vous entéressez le pompier au point qu'oubliant son devoir il sorte de la coulisse et en arrive à se mêler aux comparses, votre affaire est claire; vous avez un succès» (рус. пер.: «Пожарный, выходящий из-за кулис, поймите, вызывает интерес публики. Если вы скажете пожарному, что, забыв о своих обязанностях, он должен выходить из-за кулис и общаться со статистами, ваше дело ясное; у вас есть успех»).²⁵ Заключая размышления, Дюма замечает, что «le casque du pompier, c'était le symbole du succès de larmes» («каска пожарного — символ успеха слез», т. е. способна растрогать самую сентиментальную публику).²⁶

Подобные сентиментальные увлечения героини «Pour et contre» дополняются не менее сентиментальным восприятием возлюбленной «приятелем». Высказанные им оценки полны клише романтической прозы — она не только «единственная из числа немногих» (ХII, 223), она еще и «ангел»: «Я как будто встретил ангела <...> он остановил меня, приветливо взглянул на меня, взмахнул крыльями...» (ХII, 228).²⁷ Лейтмотивным в диалоге героев становится мотив кокетства. Влюбленный «приятель» склонен рассматривать кокетство как признак «суеты» и «тщеславия» героини, которая «дорожит свою репутацией — красавицей» (ХII, 224).²⁸

семейного положения, напоминающего Веру и Марфиньку из «Обрыва», показательно и еще одно совпадение. В «Лондонских тайнах» читаем: «...во втором этаже белого домика светился огонек сквозь кисейные занавески лилового цвета <...> огонек светился в спальне дочерей Энджу-са Мак-Ферлэна» (Тролlop Ф. [Феваль П.]. Лондонские тайны. Т. 2. С. 7). Ср. в «Обрыве»: «...взглянула на окно Веры: там тихо, не видать ее самой, только лиловая занавеска чуть-чуть колышется от ветра» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 300; позднее влюбленный Райский будет мучительно «караулить, когда беленькая ручка откинет лиловую занавеску...» — Там же. С. 338). Впоследствии Анну спасет от похитителей Анджело Бембо, который, узнав, что его чувства не взаимны, примет решение никогда более не встречаться с ней, чтобы «перестать <...> любить». Анна признается: «...я могу вас любить только как сестра... потому что я уже люблю Стефена...». Впрочем, в «Заключении» читатель узнает о том, что спустя время Анна все же стала «мистрисс Бембо». Но нельзя не вспомнить мучительные попытки Райского, покоренного Верой, уехать из Малиновки. Конечно же, нет оснований говорить о влиянии романа Февалья с его многочисленными и необоснованными сюжетными поворотами и головокружительными, психологически не мотивированными страстями на «Обрыв» — однако можно предположить, что отдельные детали и элементы фабулы французского романа, нравившегося Толстой, в позднем романе Гончарова прозвучали как далекое эхо-воспоминание.

²⁴ Théâtre-Français (фр.) — букв. Французский Театр, более известен как «Комеди Франсез» (Comédie-Française).

²⁵ Dumas A. Mon Odyssée au Théâtre-Français // Paris et les Parisiens au XIXe siècle: mœurs, arts et monuments. Paris, 1856. P. 364–365. Перевод наш. — О. М.

²⁶ Ibid.

²⁷ О романтических клише в художественных произведениях и эпистолярии Гончарова см. выше статью Е. М. Филипповой «„Магнитическая любовь“ и „слезы-проводники“: романтические клише в эпистолярии и творчестве И. А. Гончарова» (с. 46–56).

²⁸ Мотив женщины-кокетки получит более детальную разработку в «Обрыве», где Гончаров противопоставит грациозности, естественно присущей женщине, — кокетство. Женщина кокетничает тогда, когда неискренна, когда обманывает и стремится привлечь внимание. Ср.: «Кокетничала — стало быть, обманывала его!» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 542); «Эта живость речи, быстрые движения, насмешливое кокетство — все казалось ему неестественно в ней» (Там же. С. 573). Эта идея Гончарова, как неоднократно указывалось, восходит к Шиллеру; см.: Тирген П. Обломов как человек-обломок // Русская литература. 1990. № 3. С. 27; Калинина Н. В. Проблема идеальной героини в романе // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 256–257, и др.

«Писатель» склонен к более реалистической оценке, а потому пытается предостеречь своего «лучшего друга» от крайностей. Здесь, во-первых, примечательна его ирония, обращенная на романтическую идеализацию, присущую влюбленному:

«— Да, встретил ангела, он остановил меня, приветливо взглянул на меня, взмахнул крыльями...

— И пропел *кукареку*, — перебил я» (XII, 228).²⁹

Высказываемые лирическим героем идеиозвучны тем, которые во многом разделял сам Гончаров и которые впоследствии будут «переданы» Райскому. «Писатель» в «Pour et contre» высказывает сожаления: «Если б она рано вышла замуж за порядочного человека, с головой и с сердцем, он бы, конечно, твердой рукой повел ее к ее назначению и она была бы безукоризненной женой, может быть, идеалом жен, вроде римских матрон. А теперь она dans une fausse position (в ложном положении. — фр.), или лучше сказать position incertaine (в неопределенном положении. — фр.)» (XII, 223). Мысль о том, что замужество необходимо для нравственного и интеллектуального развития девушки, что муж должен стать ее учителем и воспитателем, «вечным опекуном», — одна из ключевых в сочинениях Ж. Мишле (Michelet; 1798–1874): «Как отец, ты будешь с каждым днем создавать ее ум. Как брат, ты будешь поддерживать ее дружескими беседами, милым товариществом. Как мать, ты позаботишься о ее нуждах, будешь ласкать, баловать ее, укладывать спать <...> И между тем, окружая ее всеми этими мелочами, пустыми и детскими, ты увлечешь ее за собою в будущее».³⁰ Именно возможность самостоятельно «разивать» женщину так, как нужно мужчине, — залог счастливого брака. Соответственно, «писатель» в «Pour et contre» признает, что «пробел в нравственном воспитании» (XII, 223) героини связан с тем, что она не замужем, — но одновременно соглашается, что «она выдержала, строго и прилично, курс молодости...» (XII, 224). Таким образом он предостерегает своего «друга» и от категоричного осуждения «мелочного стремления» героини «нравиться всем».

В эдиционной и исследовательской практике «Pour et contre» печатается и анализируется как частное письмо — именно так оно было опубликовано П. Н. Сакулиным в «Голосе минувшего». Чувства влюбленного «приятеля» при этом воспринимаются как чувства самого Гончарова. Однако детальный анализ текста показывает, что подобное решение вряд ли можно считать верным. Сам Гончаров осмысливал письмо как «главу романа», хоть и адресованную лишь одному читателю — Е. В. Толстой. Он «изъял» этот фрагмент из письма и позднее отправил как отдельный, приложенный к письму и не зависимый от него текст. Кроме того, особенности поэтики «Pour et contre» показывают, что ни один из героев — при всей их биографичности — не равен ни самому Гончарову, ни конкретным людям из его окружения. С определенной долей условности можно утверждать, что оба героя — и влюбленный

²⁹ Ирония здесь служит средством для введения анакрисы — второго распространенного приема сократического диалога, наделенного на то, чтобы заставить говорящего полностью высказать мнение. Помимо сниженного переосмысливания шаблонных романтических образов, анакриса формируется в «Pour et contre» с помощью композиционных повторов (например, образа дружбы — «просвирь»), подбора синонимов к словам собеседника (демоны — лешие), формальных восклицаний («как это жаль!»), провокационных обвинений собеседника в неискренности («лукавишь!»), цитат («Так ты думаешь, как Плюшкин у Гоголя, что *против душеспасительного слова она не устоит*»; XII, 224) и т. п.

³⁰ Мишле Ж. Женщина. Одесса, 1863. С. 248–249. Работы Жюля Мишле были во многом созвучны мнениям Гончарова по «женскому вопросу» и частично отразились в его романах «Обломов» и «Обрыв». См. подробнее: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 273–276; Т. 9 (в печати).

«приятель», и «писатель», от лица которого ведется повествование, — наследуют некоторый комплекс черт Гончарова: первый — его чувства, второй — его логические рассуждения и род деятельности. С нашей точки зрения, «Pour et contre» — самостоятельное художественное произведение, которое конструирует воображаемый мир, опосредующий реальность, и опирается на определенные жанровые (фрагментарность, диалогичность) и стилистические (ирония, цитатность) традиции.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-74-83

© С. Н. ГУСЬКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОН И. А. ГОНЧАРОВА

Корпус газетных статей И. А. Гончарова 1860-х годов, опубликованных анонимно или под псевдонимами, формировался несколькими исследователями.¹ Этот корпус, разумеется, неполон, его состав ожидаемо и справедливо дискуссионен, нет консенсуса и относительно историко-литературной ценности такого рода произведений.² Инициатором пренебрежительного отношения к газетным статьям был сам Гончаров, многократно повторявший в письмах к А. А. Краевскому, что очередной посыпаемый текст можно бросить под стол, как угодно изменить, а также что его основная мотивация при создании фельетонов и заметок — это бесплатная подписка на газету.³ Свойственная Гончарову ирония, безусловно в этих письмах присутствовавшая, исследователями не всегда считывалась, что проявлялось в игнорировании газетных произведений писателя или в подчеркнутом негативной их оценке. Их реабилитация традиционно осуществлялась за счет потенциальной привязки, например, к романам в качестве материалов или набросков. Нет сомнений в справедливости такого способа осмыслиения этой части наследия Гончарова, но, как представляется, газетные очерки имеют и самостоятельную ценность, например они важны для уточнения его общественных взглядов. Декларируемая писателем строгая объективность художественного творчества (*sine ira*

¹ См.: Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. СПб., 1912; Рейфман П. С. И. А. Гончаров и газета «Голос» // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Вып. 18. С. 222–226 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 266); Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров и «Петербургские отмечки» (к атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2. С. 163–180; Зубков К. Ю. И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017. С. 213–224; Гуськов С. Н. 1) И. А. Гончаров-газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 111–120; 2) Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М., 2019. С. 63–70; 3) О неизвестных статьях И. А. Гончарова в газете «Северная почта» // Русская литература. 2022. № 4. С. 143–152; 4) Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину // Там же. 2023. № 4. С. 180–191.

² См., например, утверждение об этом А. Мазона: «Литературные достоинства этих статей <...> весьма незначительны и в большинстве случаев даже совсем ничтожны. Поэтому считаем лишним приводить их все целиком или хотя бы длинные цитаты из них» (Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская старина. 1912. № 3. С. 550).

³ См.: Там же. С. 551, 553.

et studio) компенсировалась внятной артикуляцией собственной гражданской позиции в газетной публицистике.

В статьях 1860-х годов Гончаров, по-видимому, учитывал опыт книги очерков «Фрегат „Паллада“». Опубликованный в «Санкт-Петербургских ведомостях» путевой очерк «Возвращение домой» (1861) — близок «Фрегату...» как по жанру, так и по интонации, в то же время тема и прагматика (устранение определенных неудобств транспортного сообщения и городского быта) объединяют его с будущими «Петербургскими отметками» в «Голосе». Очевидно, что очерки, посвященные проблемам благоустройства («комфорта» и «удобств» на языке Гончарова), роднит с «Фрегатом...» прием сопоставления российского и европейского порядка городской жизни в сочетании с явственными прозападническими ориентирами автора: «...не устанем повторять даже одно и то же по нескольку раз, и я уверен, кончится тем, что мы проблем камень, и пройдет лет пяток, много десяток — мы и не узнаем нашего Петербурга и будем гордиться им, как французы Парижем, англичане Лондоном».⁴

При этом социальная функция «Петербургских отметок», по признанию их автора, не ограничивалась устранением «неудобств», а скорее заключалась в формировании общественного мнения посредством обсуждения в газете общезначимых городских проблем. В новогоднем номере «Голоса» за 1865 год, в статье, подписанной псевдонимом «Один из читателей», Гончаров утверждал: «...цель „Отметок“, как и вообще цель гласности — доводить о явлениях, нуждах, интересах общественной жизни до всеобщего сведения, с целью будить общее стремление к лучшему порядку. <...> расшевелить заботливость шестисоттысячного населения о его собственной пользе, <...> чтобы разрозненные понятия об этой пользе привести в одно общее сознание».⁵

Гончаров, как известно, писал заметки для «Санкт-Петербургских ведомостей» еще в 1861 году и продолжал сотрудничать с Краевским уже в «Голосе» как автор «Петербургских отметок» до 1865 года. На этом фоне выглядит несколько странным, что в 1862–1863 годах, когда Гончаров сам был главным редактором «Северной почты», на ее страницах не появлялось его урбанистических экзерсисов, хотя направление и характер издания такого рода публикаций не исключали. Более того, первоначальная программа официальной газеты, изложенная Гончаровым в записке «О способах издания „Северной почты“», во многом перекликается с пафосом «одного из читателей» «Голоса», подразумевает необходимость «говорить публично о наших внутренних, общественных и домашних делах»,⁶ добиваться «уважения правительства к общественному мнению».⁷

На наш взгляд, отсутствие этих тем и публикаций в газете Министерства внутренних дел объясняется спецификой момента, на который пришлось редакторство Гончарова, а именно неизбежным в 1863 году всеобщим вниманием к новостям из Польши и связанным с этим патриотическим сюжетам. Между тем, как кажется, под занавес своего редакторства, в июне 1863-го, Гончаров все же помещает в «Северной почте» текст, по духу и содержанию близкий его будущим очеркам в издании Краевского. О принадлежности публикуемого текста Гончарову, разумеется, можно говорить лишь гипотетически, но все же ряд содержательных и формальных признаков указывает на его авторство или соавторство.⁸

⁴ Голос. 1865. 1 янв. № 1. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 139.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Наверное, более корректно говорить о дубиальном статусе публикуемого текста (т. е. его принадлежность Гончарову вероятна, но с исчерпывающей полнотой доказана быть не может;

Фельетон «Летние гулянья» был помещен в «Северной почте» 19 июня 1863 года, накануне ухода Гончарова с должности главного редактора газеты в Совет по делам печати. Темы, занимающие автора, следующие: образ жизни петербуржцев в летнее время, места проведения досуга, пригородные сады и увеселительные заведения, устройство дачного быта, а также пароходное сообщение с загородными районами. В 1863 году для самого Гончарова все эти вопросы были особенно актуальны, поскольку он, вопреки обыкновению, отчасти по служебным, отчасти по общеполитическим причинам не выезжал за границу, а остался на лето в Петербурге. В письме Кирмаловым от 15 мая он объяснял свое решение тем, «что на границе неспокойно, а за границею к русским неласковы».⁹

Упоминаемые в фельетоне места летних гуляний (Острова, Безбородкина дача, Летний сад и др.) совпадают и с постоянными прогулочными маршрутами писателя, и с местом действия его произведений (Острова в «Обыкновенной истории» и «Обрыве», Летний сад в «Обломове» и др.). Из писем М. М. Стасюлевича к супруге известна любовь Гончарова к променаду на Островах: «...по вечерам он на пароходе едет на Елагин, ходит там часа два и на пароходе же возвращается»; «Гончаров сердится на меня, что я отказываюсь сопровождать его на pointe <...>, куда он ежедневно отправляется после обеда. Сегодня они втроем таскали меня <...>, но я не пошел, т. е. не поехал на пароходике»; «Вероятно от жары у меня немного заболела голова, и потому сегодня я сдался после обеда на просьбы Гончарова, и мы из Летнего сада сели на пароходик и переехали в Новую Деревню. Оттуда мы прошли на Елагин, на pointe и на Крестовский, откуда опять на пароходике вернулись домой».¹⁰ Часто бывал Гончаров и на Безбородкиной даче, недалеко от Полюстрова, гостила в семье своих знакомых Ю. Д. и А. П. Ефремовых,¹¹ посещал обеды литераторов у графа Г. А. Кушелева-Безбородко,¹² заезжал к А. Ф. Писемскому: «Сегодня <...> попал вечером к Писемскому на Безбородкину дачу»¹³ и проч.

Близки были писателю и другие реалии публикуемого текста. Так, упоминаемый в фельетоне пароходный рейс между Петербургом и Штеттином Гончарову был хорошо знаком. В июне 1861 года он сообщал о путешествии по этому маршруту в письме к А. В. Никитенко из Дрездена,¹⁴ вероятно, тем же путем он перемещался и ранее (см., например, письмо к И. И. Льховскому от 5 (17) июля 1857 года из Мариенбада),¹⁵ а также рекомендовал как самый быстрый способ доставки писем из Петербурга в Европу пароход в Штеттин или Любек.¹⁶

при этом не исключено, что авторство коллективное). Возможный аргумент против атрибуции только Гончарову — подпись «А. А.». Из действующих на этот момент сотрудников газеты такими инициалами обладал Александр Иванович Артемьев, редактор официального отдела, известный также своими трудами по статистике и этнографии. Однако других оснований атрибуции текста Артемьеву, кроме совпадения инициалов, не установлено.

⁹ РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6.

¹⁰ Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. IV. С. 125. La pointe (фр.) — стрелка, мыс Елагина острова, популярное место гуляний петербургской публики во второй половине XIX века.

¹¹ См. об этом: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. Письма. 1842 — январь 1855. С. 318—319.

¹² Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 64, 68.

¹³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. С. 322 (из письма к П. В. Анненкову от 20 мая 1859 года).

¹⁴ Письма И. А. Гончарова к А. В. Никитенко / Под ред. и с прим. В. Яковleva // Русская старина. 1914. Т. 157. № 2. С. 422—424. Опубликовано с неверной датой.

¹⁵ Письма [И. А. Гончарова] к И. И. Льховскому / [Подр. текста и комм.] А. И. Груздева // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 106—109.

¹⁶ Там же.

Темы публикуемого произведения обсуждались в других текстах Гончарова. Например, и раньше, в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1861. 17 янв. № 13), и позже, в «Голосе» (1865. 1 янв. № 1), Гончаров будет обращаться к теме появления пьяных на публике и общественной терпимости к пьянству.

Пиетет, испытываемый автором фельетона к немцам (во фрагменте о Тарасовом саде), также не противоречит взглядам создателя Штольца на роль немецких иммигрантов в России: «Еще доселе они у нас учителя, профессоры, механики, инженеры, техники по всем частям. Лучшие и богатые отрасли промышленности, торговых и других предприятий в их руках».¹⁷

В заключительной части фельетона описывается Летний сад, постоянное место прогулок Гончарова, жившего по соседству на Моховой улице, д. 3. Здесь вновь¹⁸ затронута «собачья» тема, ставшая для писателя в «Голосе» центральной: правила содержания животных в городе, налоги на их хозяев, необходимость намордников, ограничения для бродячих собак и проч. Эта тема, возможно, оказалась столь чувствительной для писателя, когда он благодаря племяннику В. М. Кирмалову сам стал хозяином собаки: «Мимишка — небольшая собачка, которую случайно у уличных мальчиков купил Виктор Михайлович и подарил дяде. Тот очень к ней привязался, и когда она околела <...> — даже плакал».¹⁹ Точная дата появления у Гончарова домашнего питомца неизвестна, но впервые о нем упоминается в письмах 1863 года. В феврале Гончаров сообщал Кирмалову: «Мимишка здравствует и каждый день гуляет со мной по саду, а когда не возьму, то воет на всю квартиру. <...> Я ей купил золотой с бархатом ошейник».²⁰ А в апреле писал им же: «...если Мимишка сильно захворает, я думаю, в тот день и газета не выйдет, а если бы она околела, я все продам и уеду за границу...»²¹

Регулярные прогулки с Мимишкой в Летнем саду, вероятно, и послужили источником анекдотической истории, рассказанной в «Летних гуляньях». Следящие за порядком полицейские получили указание не допускать в Летний сад собак. Однако бродячие животные свободно проникали через решетчатую ограду, и поймать их не удавалось. Тогда полицейские обратили свое рвение на «комнатных маленьких собачонок» и их хозяев. Это приводило, как пишет фельетонист, к забавным объяснениям:

« — Ну что может сделать такая собака, ты сам посуди, — говорила одна барыня, показывая приставшему к ней солдату собачонку величиной с кулак.

— Траву мнет, детей пужает, — резко отвечал солдат, — извольте взять на руки.

На это прохожие отвечали смехом.

— Не велено, — сказал с досадой солдат.

— Вот каких не велено пускать, — живо возразила барыня, указав на скакавшую в кустах собаку без хозяина. Солдат замялся.

— Те сквозь решетку пролезают, — заметил он.

— Ну, и я свою Бишишку буду сквозь решетку пускать — только не приставай».

О гончаровском домашнем животном по зозвучию напоминает кличка собачки в тексте фельетона (Бишишка). Еще одним аргументом в пользу его авторства можно считать повтор этого сюжета в статье «Одно из неудобств уличной

¹⁷ Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 81.

¹⁸ О бродячих собаках Гончаров писал и в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в 1861 году.

¹⁹ Суперанский М. Ф. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 432 (прим.).

²⁰ Там же. С. 431–432.

²¹ Там же. С. 432.

жизни (Письмо к редактору)» из «Петербургских отметок», атрибутированной Гончарову П. С. Рейфманом²² («...в Летнем саду <...> стражи не пускают маленьких собак с хозяевами, а крупных, проскаивающих сквозь решетку, выгнать не могут»).

Как представляется, публикуемый ниже текст может быть связующим звеном между двумя периодами «газетной» деятельности Гончарова (в «Северной почте» и в «Голосе»); его также можно воспринимать в качестве своеобразного пролога к «Петербургским отметкам», поскольку в нем намечены некоторые будущие темы Гончарова-фельетониста в газете Краевского. Общественные проблемы, устойчивый интерес к которым сохранял Гончаров, — создание комфортной городской среды, устройство транспорта, содержание домашних животных — оказались намного уместнее в частной газете Краевского, чем в государственной «Северной почте». Фельетон «Летние гулянья» может пополнить корпус газетных статей Гончарова и быть включен в соответствующий том Полного собрания сочинений писателя. Текст приводится по газетной публикации: Северная почта. 1863. 19 июня. № 134. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; опечатки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Летние гулянья

Благодаря давно желанным красным дням, хотя еще не совсем теплым, окрестности Петербурга заселились и зажили своею жизнию. Ближайшие из окрестностей, Острова¹ и так называемая Безбородкина дача² кишат толпами. Невские пароходы не успевают привозить и отвозить пассажиров, Каменноостровское шоссе³ напоминает собой парижскую дорогу, ведущую к Булонскому лесу: такая же суэта и гонка взапуски экипажей; к сожалению, пыль на нашей улице кладет слишком резкую печать различия между двумя дорогами. Острова по удобству сообщений, по прекрасным паркам и аллеям привлекают всего более гуляющих; многие ездят просто за тем, чтобы прокатиться по Неве и Невкам, подышать чистым, прохладным воздухом, даже иногда не сходя на берег. Удобство сообщений, т. е. скорость и дешевизна, дают всем средства к этим увеселительным поездкам. В праздничные дни часто негде сесть и иногда приходится пережидать следующих пароходов. И как все это недавно устроилось: отчего ж так долго думали до тех пор? Ведь пароходы существуют не десять лет... Но оставим на этот раз упреки: погода так хороша, пароходы ходят так часто, возят скоро — слава Богу пока и за то! А если компании пароходства подумают поудобнее устроить и пристани в тех местах, где они пристают, например, постилка из досок на одной из пристаней у Аптекарского острова буквально тонет в воде, когда пробираешься по ней до парохода, когда, говорим, приняты будут во внимание потребности публики до возможных мелочей, тогда компании достигнут своей цели — служить обществу.

Это мелкое неудобство по поводу неисправной пристани дает нам повод заметить, что вообще наши частные предприятия до сих пор не привыкли баловать публику, или точнее угоджать ей, а это между тем лежит на их прямой обязанности.

Говорим — *частные* предприятия, потому что казенные учреждения в этом отношении далеко оставили за собой частные: стоит взглянуть на станции московской железной дороги, на бывшие почтовые пароходы (между Пе-

²² Рейфман П. С. И. А. Гончаров и газета «Голос». С. 222–226.

тербургом и Штет^{<т>}ином), наконец, на почтовые кареты: все это не только удобно, но и роскошно, приняты во внимание все нужды публики, предусмотрены малейшие желания. Скажут, что там средства велики: но ведь и предприятия громадны. А вот тут хоть бы на пристанях частных пароходов: почтому бы, во-первых, не сделать их, эти пристани, немного покрасивее и, главное, поудобнее: не везде есть даже навес от дождя, не везде поставлены скамьи для ожидающих. Все это сколочено грубо, кое-как, из дерева, до которого нельзя дотронуться не занозившись. Все это мелочи: но на них-то прежде всего и надо обратить внимание, потому что с ними и легче справиться. Можно бы пожелать тоже и побольше аккуратности в отправлении пароходов: есть расписание часов, между тем редкий раз не приходится пережидать лишних минут, и больших минут, тогда как многие рассчитывают на приезд туда или сюда именно в определенную минуту. О крупных неудобствах пароходных сообщений не раз говорено было в газетах: например, об излишнем числе принимаемых пассажиров, что неприятно само по себе, потому что, как ни краток переход, а все же не хочется простоять полчаса в тесной толпе, так что иногда нельзя пошевелить рукой и ногой; но это ведет еще за собой, как недавно было заявлено в одной газете, и опасные последствия.

Если подобные заявленному случаю повторятся еще раза два, то компаниям самим предстоит опасность — от уменьшения пассажиров: никто не захочет рисковать жизни для прогулки и поневоле все обратятся к сухопутному сообщению, особенно если к августу, как носятся слухи, появятся легкие городские кареты.

Нельзя не сделать замечания о неудобстве распределения часов движения пароходов. Обе компании (легкого невского и северного пароходства) отправляют свои пароходы от пристаней или один раз в час — и тогда в разное время: одна компания через полчаса после другой (легкая невская в 1, 2, 3 ч. и т. д., северная в 1½, 2½, 3½ ч. и т. д.) — или по два раза в час, когда много едущих, обыкновенно с 4 ч. пополудни, — но тогда уже обе компании сходятся в часах: пароходы и той, и другой отправляются в 4, 4½, 5, 5½ ч. и т. д. Таким образом, несмотря на удвоенные рейсы, публика ничего не выигрывает: опоздал одну минуту — и все-таки жди полчаса, как в прочее время, когда едущих мало и пароходы отправляются по одному разу в час. А полчаса для многих — большое время, и провести их на плохой пристани — дело крайне неприятное. Почему бы в вечернее время пароходам двух компаний не отходить через четверть часа друг после друга, напр. легкой компании в 4, 4½, 5 ч. и т. д., северной в 4¼, 4¾, 5¼ ч. и проч.? Если этого не делается, то такой странности нечем больше объяснить, как известно неподвижностью, беззаботностью наших предпринимателей, если им и без того хорошо, или, что еще печальнее, — тем оригинальным пониманием конкуренции, при котором имеется в виду достигнуть успеха в подрыв конкуренту, а не путем представления больших удобств публике.

Пристани двух компаний рядом, пароходы отходят в одно время: «Пожалуйте на *наш* пароход, у нас дешевле»... «Нет, к *нам* пожалуйте, наш пароход скорее ходит»... А вся разница в пяти копейках да в пяти минутах.

Острова пока все те же, но, судя по множеству начатых и кончающихся построек, впереди много хорошего. Увеселительными центрами для публики служат те же минеральные воды,⁴ Хуторок, заменивший Ассамблею, Monde brilliant и старую Вилла Боргезе,⁵ для публики попроще увеселения на Петровском и Крестовском островах. Мы смотрим на это, как на преходящее: Острова ожидает еще будущность, когда эта наша Венеция осушит свои болота и населится густо. Там есть еще много пустырей, заросших диким кустарником и заваленных каменьями: все это ожидает воображения и руки артиста,

чтобы обратиться в роскошные приюты дачной жизни. Для этого, быть может, нужно еще немного лет, судя по тому, что только несколько лет назад нынешние Острова, Новую Деревню, Черную речку и проч. покрывал сплошной, полудикий лес.

Уже на даче графа Кушелева-Безбородко сделано почти все, чего могут пожелать не только скромные обитатели построенных там домиков, но и взыскательные посетители, ищащие каждый день новых развлечений. Огромный, тенистый, украшенный барскими затеями сад наконец имеет достойный его воксал. Большая дача, выходящая прямо к пароходной пристани, некрасивая снаружи, вмещает в себя две большие, хорошо убранные залы, из которых в одной помещается столовая, а в другой даются в известные дни балы по подpisке.

К обществу обычных жителей безбородкинских дач, т. е. к обществу скромных чиновников, прибавилось несколько английских и французских семейств; это много оживило общество и придало ему живой и занимателльный оттенок. Пока эти иностранцы да некоторые приезжие заходят отобедать в столовую, другие ограничиваются чаем, пивом и мороженым. Причиной этому дороговизна обедов: 1р. 50 к., 2 и 3 руб.: учредитель очевидно рассчитывает на немногих посетителей, и всего менее на тамошних жителей. К этим обедам ему бы надо было прибавить еще в 1 р., потом в 75 и даже, ежели можно, дешевле, чтобы привлечь массу. С семи часов ежедневно играет в саду перед воксалом хороший оркестр, в ясную погоду под открытым небом, а в дурную вновь выстроенной галерее с стеклянной крышей.

Все это ново, чисто, прилично, и гулянья, как сказывают жители дач, отличаются скромностью и приличием. Беда, ежели заберется и туда удаль и проделки широкой русской натуры, против которой общество наше протестует еще слабо и больше с улыбкой, нежели строгим взглядом смотрит на присутствие пьяного в общественном месте. Охотники выпить, видя это синхронное, не стесняются и не скрывают свои вкусы и привычки по домам, а несут их в толпу. До них, при равнодушии общества к приличиям, не доходит сознание, что даже и в таком случае, если они не буянят, не дерутся, один только вид пьяного оскорбителен для всякого порядочного человека. А у нас еще и буйство, и дерзость, и даже драка в толпе — не редкость.

Относительно порядка и приличия хвалят летние вечера в саду немецкого клуба, при доме Тарасова, на Фонтанке, у Измайловского моста.⁶ Говорят, он представляет единственный у нас образец заграничных немецких загородных гуляний «в зелени», куда являются семейства, располагаются около деревьев, как дома, семьями, слушают музыку, пьют кофе, пиво, видятся и беседуют с знакомыми и где появление пьяного, шум, буйство — почти невозможны.

Не худо бы занять эту черту нравов, этот характер тишины и порядка ремесленного клуба нашим и не ремесленным классам. Теперь нередко слышишь такое рассуждение: «Пошел бы или пошла бы на то или другое гулянье, да там, говорят, происходят сцены, от которых приходится бежать». И действительно, приходится. И скромные небогатые люди принуждены скучать и пылиться на проезжих дачных улицах или в крошечных палисадниках с воображаемою зеленью.

Сад этого клуба невелик, и кажется — с целью не стеснять себя еще более множеством посетителей, немецкое общество положило значительную плату за вход с гостей, именно по рублю серебром. Гуляющие находят там все, что есть в клубах, т. е. газеты, карты, биллиард, кегли, обед и ужин, и чего в клубах нет — музыку, даже фокусника. По вечерам сад будет освещаться газом. И все это внутри города.

Побывав в Тарасовом саду,⁷ и в Хуторке, и на минеральных водах, невольно задаешь себе вопрос: отчего общее впечатление, производимое первым и последними представляет такой контраст? Контраст этот тем более замечателен, что впечатление находится в обратном отношении к средствам заведений. Сады и помещения Хуторка и минеральных вод гораздо обширнее и разнообразнее, оркестры музыки под управлением известных артистов гораздо лучше, особенно на минеральных водах; певцы и певицы, танцовщицы и танцоры; великолепные иллюминации и фейерверки (на минеральных водах), — вообще все разнообразие удовольствий, на какое только способен изобретательный гений известного Ивана Ивановича Излера и его последователей. Самая публика в этих заведениях (непрекрасная половина) вообще отборнее, чем в Тарасовом саду. А между тем о вечере, проведенном в последнем, не пожалеешь, тогда как из названных двух загородных заведений порядочный человек иногда выйдет с чувством глубокого сожаления, тем более глубокого, что публика валит сюда чуть не тысячами. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что притягательная сила некоторых наших общественных собраний заключается в том классе прекрасного пола, из которого исключают себя порядочные женщины и который, водворившись там прочно, царит над непрекрасной половиной, над ветреными отцами, мужьями и сыновьями к великому сокрушению их дочерей, жен и матерей, скучающих дома в одиночестве. Не в силах ли были бы эти почтенные, скучающие в одиночестве дамы своим посещением превратить эти места в действительно увеселительные (из одуряющих и опьяняющих)? Это был бы своего рода подвиг, и далеко не неблагодарный для них самих. А учредители, открыв секрет привлечь к этому почтенных дам, стяжали бы себе и признательность своей изобретательности, а потом, вероятно, и выгоду. Газеты, биллиард, карты для матерей, отцов и мужей, танцы для жен, дочерей и сыновей, для всех музыка и проч., — кажется, были бы способны сообщить этим вечерам приличный семейный характер. Что это не невозможно, укажем для примера на новый вокзал Безбородкиной дачи. Там, говорят, даются прекрасные балы, посещаемые скромным, но порядочным обществом, а даются они по подписке членов-учредителей, из которых каждый ручается за вводимых им гостей. В этом весь секрет.

Чтобы видеть резкое разделение на разряды всего того, что в Петербурге называется публикой, стоит только в ясный летний день поглядеть с семи часов вечера откуда-нибудь à vol d'oiseau <с высоты птичего полета. — *фр.* на Острова. По Каменноостровскому шоссе, из города, по аллеям парков Каменного и Елагина островов с дач начинается какая-то беспокойная суeta, бешеное скаканье на отличных лошадях, в роскошных экипажах высшего и богатого классов. Все это стремится — на pointe Елагина острова, взглянуть на захождение солнца, т. е. взглянуть друг на друга, перекинуться словом и разъехаться опять по богатым верандам, спрятаться в зелени и цветах. Около того же времени стремятся в разнокалиберных экипажах к Излеру,⁸ на Хуторок, второклассные господа и госпожи (из первоклассных ездят только шалуны), кто в ямской карете, кто на сумасшедшем рысаке, но больше преобладают «дрожки удалые»:⁹ седоки легко и ловко соскаивают с экипажей и порхают в широко зияющие двери увеселительных храмов, с пароходов торопливо бегут пассажиры, будто боясь опоздать туда, куда никогда нельзя опоздать.

Наконец, на Крестовском, больше в воскресные и праздничные дни, на берегу¹⁰ против театра,¹¹ собирается публика, воздымающая ногами пыль превыше дач, публика сама поющая и плящущая и многие, многие годы с примерным терпением не перестающая удивляться канатному плясуни,¹² публика, составляющая сама собой и спектакль, публика искренняя и самонаслаждающаяся,

наполняющая шумом своего веселья не только заповедный трактир, но и рощи, его окружающие.

Затем в городе остаются дворники, кухарки и прочая челядь, составляющая вместе с ребятишками и собаками своего рода публику — у ворот каждого дома.

Все же те, кому нельзя или не хочется ехать за город, толпятся в Летнем саду, где по воскресеньям играет музыка. Как городской сад, конечно, это один из лучших садов в Европе по тенистым аллеям, по величине, по близости к реке. Загляните туда утром: какое благодеяние насадитель сада, не предвидя может быть, устроил на вечные времена для толпы малюток, бегающих, ползающих или носимых на руках, потом для множества дряхлых стариков, больных и т. п., приходящих подышать свежим воздухом в тени! По временам в саду разыгрываются комические сцены, героями которых служат полицейские солдаты и маленькие комнатные собачонки. Собак не велено пускать в сад, но те из них, до которых именно это запрещение относится, не спрашивают позволения; они забегают с боков сада, пролезают в решетки и бегают свободно, иногда целым обществом, всегда ускользая от полиции. Не имея возможности справиться с ними, несмотря на всевозможные гонки, солдаты, исполняя, однако, отданное им приказание, хотят непременно приложить строгость запрещения к комнатным маленьким собачонкам, хозяева и особенно хозяйки которых никак не могут понять, по какой причине их миньютурные, безвредные любимицы так неистово преследуются усатыми, молодцеватыми «кавалерами».

Это ведет часто к забавным объяснениям:

— Ну что может сделать такая собака, ты сам посуди, — говорила одна барыня, показывая приставшему к ней солдату собачонку величиной с кулак.

— Траву мнет, детей пужает, — резко отвечал солдат, — извольте взять на руки.

На это прохожие отвечали смехом.

— Не велено, — сказал с досадой солдат.

— Вот каких не велено пускать, — живо возразила барыня, указав на скавшую в кустах собаку без хозяина. Солдат замялся.

— Те сквозь решетку пролезают, — заметил он.

— Ну, и я свою Бишишку буду сквозь решетку пускать — только не приставай.

Собаки действительно расплодились неимоверно, и Петербург скоро в этом отношении достигнет такого же прогресса, как Константинополь.¹³ По улицам, по площадям, около рынков они бродят кучами; почти у каждого дворника их по несколько, и они свободно бегают везде, и в менее населенных улицах от них не совсем безопасно, особенно в жары, когда тут же ползают дети. Лучшее средство, кажется, чтоб они не забегали в сад и вообще всюду, где им быть не следует, не держать целые заводы их по дворам и рынкам, а потом запретить положительно выпускать их на улицу под опасением какого-нибудь взыскания.

Говорят, была серьезная речь о пошлинах с собак: отчего же речь эта не перешла в дело?

А. А.

¹ Историческое название группы островов на севере Невской дельты, традиционного места отдыха петербуржцев: «В 1830-х три острова, составляющие своеобразное единство, — Каменный, Елагин и Крестовский — получили имя собственное — Острова» (Конечный А. М. Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М., 2021. С. 18).

² Парк на Выборгской стороне, около Полюстрова (современный адрес: Свердловская наб., 40). С 1782 года принадлежал графу А. А. Безбородко. С 1830-х территория парка сдавалась под дачи.

³ То есть Каменноостровский проспект.

⁴ «Заведение искусственных минеральных вод» в Новой деревне — популярный увеселительный сад, в котором проводились концерты, фейерверки и проч.

⁵ Перечисляются увеселительные заведения 1850–1860-х годов, находившиеся на пересечении Каменноостровского проспекта и Песочной набережной: в 1855 году здесь открылась «Вилла Боргезе»; в 1858-м переименована в «Villa mon de Brilliant»; в 1860-м заведение получило новое название — «Кафе-шантан»; в 1862-м здесь открылась «Ассамблея»; в 1863-м — «Хуторок».

⁶ Один из адресов Петербургского немецкого собрания (Шустер-клуба).

⁷ Современное название: Измайловский сад.

⁸ Иван Иванович Излер — петербургский антрепренер и кондитер, создатель увеселительных заведений и ресторанов.

⁹ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Глава I, строфа XLIII.

¹⁰ Имеется в виду северо-восточный берег Крестовского острова, через реку Крестовка граничащий с Каменным островом. О многочисленных гуляньях на Крестовском см.: Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 23–24 и др.

¹¹ Имеется в виду Каменноостровский театр.

¹² Речь идет об акробате И. Вейнерте. См. о нем: Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. С. 23.

¹³ Огромное количество собак в Константинополе было многократно описано путешественниками. См., например: «Толпы собак еще многочисленнее голубей <...> Разделенные на огромные партии, константинопольские собаки наполняют все городские кварталы и бывают так смышлены, что часто можно подумать, будто у этих стай есть свои особенные привычки, правила и управление. Никогда Турция не имела более надежной и более дешевой полиции; собаки эти в особенности не жалуют европейцев и с остервенением бросаются на них, к великому удовольствию турок» (Диттель В. Ф. Краткие очерки городов Константинополя, Галлиполи, Родосто и Варны // Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый В. Путиловым. СПб., 1855. Кн. 17. С. 184 (Прил.)).

РЕПЛИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-84-89

© Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ РАБОТ М. Н. ВИРОЛАЙНЕН О ПОЭЗИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА И РОМАНТИЗМЕ

Вышедшая в первом номере «Русской литературы» за 2024 год статья М. Н. Виролайнен «Русский романтизм как проблема»¹ — часть большой работы по истории русской поэзии 1820–1830-х годов. Новая статья связана со статьей трехлетней давности «О жанровой природе лирики Золотого века»², последовательность их появления отвечает развитию мысли, но, если представить монографию, вторая должна была бы предшествовать первой. В ней ставится общий вопрос о романтизме, тогда как более ранняя работа содержит наблюдения над поэзией этого периода. Обе статьи отличает приподнятость, праздничность мысли, как бывает в тех редких случаях, когда взору ученого известный, казалось бы, предмет предстает в новом облике и непонятные ранее явления находят свое место в картине бытия. Поэзия пушкинского времени увидена М. Н. Виролайнен с новых позиций, открывшаяся панорама потребовала пересмотра сложившегося представления о смене литературных эпох. Такие события касаются всех, кто занимается историей литературы, и должны вызывать обсуждение, в ходе которого возникающая на наших глазах гипотеза может быть скорректирована. Это, а также работа над «Историей русской литературы», куда статьи в том или ином виде должны войти, побудило меня высказать мои соображения по вопросу.

Смысловой центр находится в первой из опубликованных статей, показывающей исключительную роль классицизма в поэзии пушкинской поры. В своем изложении М. Н. Виролайнен ничего не говорит о романтизме и даже избегает этого термина, что само по себе полемично по отношению к сложившимся взглядам. По ее мнению, русские поэты не только не отказываются от жанрового мышления, которое принято связывать с классицизмом, но и опираются на систему жанров, какой она сложилась на основе классицистической к 1810-м годам: ими широко используются в произведениях элементы классических жанров. Это в корне противоречит мнению исследователей романтизма 1930–1970-х годов, видевших в романтической поэзии отказ от жанровых принципов классицизма, смешение жанров и нивелирование их значения.

Как показывает М. Н. Виролайнен, жанровое мышление авторов обнаруживает прежде всего структура подготовленных ими сборников своих стихотворений, во многих из которых наблюдается жанровый принцип организации. Альтернативой жанровому принципу выступает хронологический, по-

¹ Виролайнен М. Н. Русский романтизм как проблема // Русская литература. 2024. № 1. С. 5–24.

² Виролайнен М. Н. О жанровой природе лирики Золотого века // Русская литература. 2021. № 4. С. 7–26.

ложенный в основу уже Н. М. Карамзиным в 1803 году, а затем использованный и другими авторами. Примечательно, что, разбирая множество изданий, М. Н. Виролайнен часто ссылается на современные работы других исследователей, подтверждающие тенденцию жанровой организации сборников в первые десятилетия XIX века. Явный интерес к структуре стихотворных сборников этой эпохи свидетельствует о том, что проблема жанрового мышления романтиков сегодня витает в воздухе. Организация сборников служит веским аргументом в пользу жанрового мышления. При этом крайне любопытным кажется тот факт, что поэты могли варьировать принципы организации своих сборников. Так, А. С. Пушкин поздний свой сборник 1836 года намечал издать в соответствии с жанровым принципом, а до этого то придерживался его, то пренебрегал им.³ В этой связи стоит вспомнить, что и Е. А. Баратынский в своем последнем, также не вышедшем сборнике планировал разместить стихотворения по жанрам, тогда как в издании 1835 года дал их без рубрикций, а в сборнике 1827 года — по жанрам.⁴ Верность жанровым принципам оказывается необязательной, то, что Пушкин и Баратынский возвращаются к ним в конце творчества, предмет отдельного размышления, но сама возможность выбора свидетельствует о новом в сравнении с классицизмом понимании значения жанров. В их рамки можно уложить свое творчество, а можно и не укладывать. Возможность выбора, неизвестная классицизму свободы отличают и сами стихотворения пушкинской поры.

К их рассмотрению М. Н. Виролайнен переходит во второй части статьи. Во-первых, она указывает на актуальность в этот период основных жанров, прежде всего послания, элегии и идиллии, но также эпиграммы и басни, наконец, поэмы. А во-вторых, показывает, как в стихотворениях без четкой жанровой определенности могут использоваться разные жанровые начала, а в жанровые стихотворения включаться элементы других жанров. Если с первым положением трудно не согласиться, второе в качестве подтверждения жанрового мышления поэтов вызывает сомнения.

Отличие классицистического мышления о поэзии от нового коренится в вопросе объективности ее законов. В классицизме, как и вообще в старой, доромантической теории поэзии, они виделись вечными и непреложными, и потому выведенные на основании их правила — обязательными. Новое чувство времени и его власти, открывшееся на рубеже XVIII и XIX веков, поставило под сомнение объективную данность законов. Встреча вечности со временем — основной конфликт эпохи. Вот как он звучит у М. Н. Виролайнен: «Издания типа словаря Остолопова или поэтики Грече устаревали не потому, что отраженные в них представления стали безразличными для поэтов, а потому, что эти издания — просто в силу их специфики — фиксировали жанр как некую неподвижную данность, структурно и тематически закрепленную. Между тем в творчестве крупных поэтов — и в XVIII, и в XIX веке — осуществлялись жизнь и развитие жанров. Жанр мыслился как форма, которую следует трактовать в смысле, близком к аристотелевскому, т. е. как начало деятельное и активное».⁵ Первая часть приведенной цитаты характеризует старую теорию, на которой основаны «Словарь древней и новой поэзии» (1821) Н. Ф. Остолопова и «Учебная книга российской словесности <...> с присовокуплением кратких правил риторики и пийтики и истории российской словесности» (1819) Н. И. Грече, — теорию, восходящую к учению Платона о форме. Ей противопоставлено иное понимание жанра, воплотившееся в творчестве крупных

³ Виролайнен М. Н. О жанровой природе лирики Золотого века. С. 13–14.

⁴ Бодрова А. С. Поздняя лирика Баратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии // Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 488–497.

⁵ Виролайнен М. Н. О жанровой природе лирики Золотого века. С. 18.

поэтов. М. Н. Виролайнен смотрит на проблему жанра глазами романтика. Здесь и выделение крупных поэтов, читай, гениев, как выразителей особого понимания поэзии, и признание именно его единственным верным, а другого требующим снисходительного объяснения «спецификой изда́ний», и противопоставление «неподвижности» и жизни, и, наконец, понимание жизни непременно как развития. Это ведь смотря что понимать под жизнью и что под развитием. В старой теории развитие не только не было ценностью, оно не мыслилось, т. е. ее представители не умели так помыслить, их взор был обращен вспять, в прошлое, на которое была ориентирована поэзия в своем стремлении воспроизводить его достижения. Если развитие и происходило, то помимо этого устремления. Отчасти поэтому жанры на протяжении веков фактически не изменялись, были «неподвижны» в своей основе: форме, тематике и эмоции. Новации если и бывали, то минимальными и некритичными. Косность старой поэзии вытекала из учения Платона, согласно которому форма возникает как воплощение верно познанной идеи. Однажды познанная, она находит для себя оптимальную форму, и потому обновление формы, по Платону, крайне нежелательно. Отсюда проистекает консервация формы, но также ее исключительное значение для старого искусства вообще и поэзии в частности. Именно форма выдвигалась на первый план в определениях жанров в поэтиках классицизма (но и более ранних), к которым восходят Остоловов и Греч. Сама передача в XVIII веке латинского термина *genus* (по-французски — *le genre*, жанр) по-русски как «род стиха», вбиравшего в себя и собственно стихотворную строку (стих), но также и строфы, указывает на исключительное значение для старой поэзии формы. Она-то и лежала в основе дифференциации поэзии. Старая поэзия, в том числе классицизм, была склонна к фетишизации формы, как это свойственно канонам: если верная идея воплощается в определенной форме, то повторение формы способно вызвать верную идею. Не стоит говорить, что старому учению подчинялись все, и «крупные поэты», и мелкие, по-другому мыслить поэзию тогда не умели. Различие в понимании основ поэзии романтизма и классицизма как раз и заключается в значении для них формы. Если для классицизма форма была определяющей, романтики в своих рассуждениях о поэзии, мастерски разобранных М. Н. Виролайнен во второй статье «Русский романтизм как проблема», почти ее не касались, а если и говорили о ней, то не как об определяющем начале (исключение — Пушкин). Главным в поэзии для них оказывалось содержание, идеи, настроение, дух. Смещение акцента с формы на содержание, может быть, и нечувствительным в далекой перспективе образом привело к величайшим последствиям. Прежде всего, оно свидетельствует об утрате понимания формы как воплощения идеи, а раз так, она становится намного более свободно связанный с содержанием, чем в старой поэзии, в том числе в классицизме, она теперь в известном смысле отделима от содержания. И как форма теперь отделима от содержания, так и содержание высвобождено от формы. Использование элементов того и другого в новых для них контекстах свидетельствует о принципиально ином понимании природы жанра, чем в классицизме. Да, учение о жанрах еще известно, но кажется предрассудком, обломком старой правды. Жанры воспринимаются вне его, что позволяет использовать их свободно. Амальгамы элементов разных жанров, внутренняя отсылка к жанрам, аллюзии на них, показанные М. Н. Виролайнен, в классицизме были немыслимы. Правда, и без участия классицизма они были бы невозможны. Это особое явление, с трудом поддающееся классификации. Можно было бы говорить, что оно переходное, от классицизма к романтизму, если бы оно не пережило романтизм и не было наследовано, например, Н. А. Некрасовым. Впрочем, поэты и более позднего времени использовали элементы классических жанров близким романтикам образом. Уже это мешает

отнести этот прием к признакам классицизма. Можно понять наших предшественников, оценивающих его как разложение жанровой системы, пусть они утверждали это несколько голосовно и понимали, может быть, упрощенно. Значение работы М. Н. Виролайнен состоит в том, что она показала, как это происходило на самом деле. В контексте таких проявлений жанрового мышления, как жанровый принцип организации сборников и сохранение в поэзии 1820-х годов жанровых стихотворений, перераспределение жанровых элементов в поэзии видится М. Н. Виролайнен как действие классицизма. Возможно, она слышит общую музыку эпохи, в которой классицизм задавал тон. Как ни странно, доминирующая его роль в поэзии пушкинской поры вполне правдоподобна. Между тем свободное использование элементов жанра в новых комбинациях выявляет новые, отличные от классицистических, принципы организации текста. Внутри старых форм производятся сдвиги, их элементы помещаются в новый для них контекст, что наделяет присущее им содержание новыми смыслами. Новые смыслы не только не стирают старые, но без них не могут быть полностью понятны. Отсюда впервые в истории для понимания стихотворения приобретает значение контекст, который становится условием его понимания, по существу, частью его самого. В противоположность этому поэзия классицизма, как и вся поэзия риторической эпохи, не только не нуждалась в контексте, но он был противопоказан самому ее устроению. Отдельное стихотворение претендовало на законченность, самодостаточность, абсолютность высказывания. Никаких цитат, реминисценций, обыгрывания чужого слова поэзия не знала, да они были и невозможными при такой установке. Эта ее в сравнении с новой поэзией особенность и позволяла использовать чужое (готовое) слово как свое, она же приводила к притупленному восприятию читателями (и авторами) чужого слова, к необязательности и даже нежелательности его узнавания. Чтение было ориентировано не на различие разных голосов, а на восприятие произведения в своей отдельности и целостности, при этом как очередное воплощение известного канона. Не контекст, а канон выступал необходимым условием понимания произведения. Может показаться, что между контекстом и каноном нет особого различия. Различие заключено не только в конкретности текстов, пусть и примерного их круга, образующих контекст, тогда как канон абстрактен, но и в самой возможности фрагментации текста при создании/восприятии контекста, фрагментации, для канона немыслимой, канон на то и канон, что целен. Появление в романтизме контекста как нового условия понимания произведения взаимосвязано с подключением к творчеству элемента игры. В классицизме игра отличала лишь пародии. Новое условие создания произведения (игра) и новое условие его восприятия (контекст) уже достаточны, чтобы говорить о принципиальной разнице классицистической поэзии и новой. К этому можно добавить и многозначность, обусловленную названными свойствами. Если соотнести свободное использование компонентов жанров, свидетельствующее все же, на мой взгляд, о разложении жанровой системы, с длящейся актуальностью самих жанров, о которой говорит М. Н. Виролайнен, а также с жанровым подходом при составлении сборников, то получаем подобие неровного ландшафта. Где-то жанровое мышление оказывается сильнее, где-то слабее, где-то оно преломлено, а где и вытеснено. Сама вариативность подходов, свобода отношения к жанровой системе как к своему наследству, которым можно распоряжаться, классицизму неведомы и отличают новое мышление, а вместе с ним и новую поэзию.

Установленная М. Н. Виролайнен зависимость поэзии Золотого века от классицизма подводит ее к мысли о необходимости пересмотра устоявшегося представления о романтизме как направлении, пришедшем на его смену.

Если в первой статье сомнение в реальности романтизма как направления звучит как начало музыкальной темы, во второй оно становится лейтмотивом. Во вступлении к ней объявляется о неточности и даже искусственности научного понятия романтизм, а также о сомнительности сложившейся схемы смены направлений. Все это, возможно, и так, но в своем стремлении к уточнению направлений мы часто упускаем из виду их условность. Все они заведомо проще и плосче самих явлений, и никакая не только литературная эпоха, но и отдельное ее произведение не покрываются никаким направлением. Между тем отказ от этих знаков движения мысли о литературе приведет к хаосу, рискованно также менять указатели на отдельных участках ее пути. Не менее условна и схема развития литературы, о чём говорит сам ее термин, но она так же необходима для мысли о литературе, как и направления. При этом для научной мысли крайне опасно удовлетворяться сложившейся условностью. Каждое поколение ученых, а в идеале и каждый ученый должны снова и снова пересматривать содержание направлений и схем, возвращая своими размышлениями этим знакам ускользающее значение. Уже поэтому работа М. Н. Виролайнен видится чрезвычайно ценной.

От подавляющей части выделенных наукой направлений романтизм, как отмечает М. Н. Виролайнен, отличает самоидентификация. И терминологически, и понятийно научное о нем представление восходит к характеристике его самими романтиками. Чтобы проверить правомерность научного понимания романтизма, М. Н. Виролайнен обращается к экскурсу мнений о нем романтиков и современных им литераторов, показывая несводимость их взглядов к каким-либо общим принципам. Скепсис М. Н. Виролайнен по отношению к сложившимся в науке представлениям о романтизме основывается на их расхождениях со взглядами романтиков. При их разборе несоответствие им научных положений всякий раз ею оговаривается в подтверждение сомнительности последних. Точно так же и само видение наукой последовательной смены классицизма романтизмом не кажется М. Н. Виролайнен бесспорным, поскольку оно отражает мнение о романтизме как новом в сравнении с классицизмом явлении лишь части его современников, и то небольшой. М. Н. Виролайнен связывает такой взгляд с русской спецификой. Отсутствие на Руси средневековой поэзии не позволяло применительно к новому в России направлению говорить о возрождении романтизма, как это было возможно по отношению к поэзии западноевропейской, и поэтому другое понимание романтизма, как универсального начала в поэзии, научной мыслью было опущено. Здесь интересен и кажется необходимым для выводов опыт западноевропейской науки. Ведь она также мыслит литературное развитие стадиально. Так, например, при всем богатстве во Франции средневековых традиций романтизм понимается во французской науке как смена классицизма. Не так четко обстоит дело с немецким романтизмом из-за слабости немецкого классицизма и рано заявившего о себе движения бури и натиска. Западноевропейский контекст крайне желателен и для осмыслиения самого феномена классицистического влияния на поэзию, которую пока еще принято называть романтической. Было ли нечто подобное во французской и немецкой поэзии, а также английской? Если было — такова закономерность, нет — значит, это особенность именно русской поэзии и можно думать о ее причинах. Подробно разобранная М. Н. Виролайнен традиционность школьных курсов, по которым учились будущие поэты, такой причиной служить не может, всюду в эту эпоху учились по подобным компендиумам, в Западной Европе, особенно во Франции, дольше, чем в России, поскольку традиции были несравненно сильнее.

Вернемся к определению романтизма. Ставить его в зависимость от взглядов на него современных ему литераторов кажется методологически невер-

ным. Для того чтобы определить направление, вовсе не обязательно, и даже в известном смысле противопоказано, идти по пятам его современников. Их взгляды, бесспорно, должны учитываться, изучаться, но между ними и научным видением предмета необходима дистанция, он должен быть рассмотрен отстраненно и отрешенно. Для этого взгляд ученого должен быть удален за пределы живой реальности, явление должно представать как некая абстракция. Погружение во мнения о романтизме самих его участников этому, понятно, мешает. Непривычность историкам романтизма абстрагирования выдает оговорка М. Н. Виролайнен при критике ею понятия преромантизм, к признакам несостоительности которого она относит породившую его «логику ретроспективы». Но вся наука подчинена этой логике, ее взгляд тем и ценен, что рассматривает явление в далекой перспективе, позволяющей увидеть первые признаки явления иногда задолго до его осуществления. При этом нельзя не согласиться с М. Н. Виролайнен, что понятие преромантизм нередко используют размахисто, что обесценивает его.

Между тем связь романтизма с классицизмом обнаруживается в зарождении внутри классицизма ценностей и категорий, наследованных впоследствии романтизмом. Это и открытие национального своеобразия, народного духа, о котором говорит М. Н. Виролайнен, и категория гения и связанного с ней вдохновения, восходящего к платоновскому восторгу, столь значимому в классицизме. В основе обоих направлений лежал платонизм, что и делает их родственными в противоположность последовавшему за ними реализму.

К противопоставлению классицизма с романтизмом реализму М. Н. Виролайнен подводит заключительную часть статьи, в которой выразительно говорит об одновременном угасании обоих направлений и сменившем их реализме.⁶ Изящную мысль, выраженную к тому же изящно, мешает принять перспектива развития поэзии, которая реализму не подчинилась. Проблема идентификации современной реализму поэзии выразительнее всего говорит о недостаточности нашего понимания смены литературных направлений и ограниченности самих направлений. С развитием искусства, как отмечает Д. С. Лихачев, опираясь на исследование венгерского ученого Тибора Кланицая, действие стилей (направлений) сужается, реализм затронул прозу и живопись, но оказался безвластен над музыкой и поэзией.⁷ В поэзии продолжали осуществляться принципы, открытые в эпоху романтизма, то же перераспределение жанровых элементов. Именно поэтому, кажется, не стоит связывать этот прием с классицизмом, он новый, при этом не специфически романтический. Усвоение его постромантической поэзией свидетельствует, что в чем-то весьма существенном водораздел в истории поэзии проходит между классицизмом и новой поэзией, в которой романтизм лишь этап.

Несмотря на возражения, взгляд М. Н. Виролайнен на поэзию эпохи романтизма представляется на редкость перспективным. Рассмотрение ее под углом зрения классицистической традиции позволяет впервые прояснить ее преемственность предшествующей эпохе, выявляя общие с нею черты, на фоне которых отчетливее проступают новые. В предложенном М. Н. Виролайнен ракурсе стоило бы, кажется, рассмотреть поэзию и следующей эпохи, что могло бы помочь выявить общие закономерности развития постклассицистической поэзии. На их основании удалось бы, можно надеяться, наметить новые принципы систематизации поэзии, выведя ее таким образом из-под гнета направлений.

⁶ М. Н. Виролайнен, разумеется, не называет новое направление реализмом, ведь если мы не знаем, что есть романтизм, про реализм и подумать страшно. Но « поиск прямых выходов к реальности » и характеризует новое направление, которое я для удобства называю реализмом.

⁷ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 33.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-90-103

© А. С. Бодрова

МЕЖДУ ОРИЕНТАЛЬНОЙ СТИЛИЗАЦИЕЙ И АВТОБИОГРАФИЕЙ: К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ИЗ ГАФИЗА»

Среди пушкинских стихотворений, содержащих в названии прямое указание на связь с «чужим словом» («Из Анакреона», «Из Barry Cornwall», «Из А. Шенье» и т. п.), наибольшее внимание интерпретаторов привлекают те тексты, для которых эта связь оказывается мнимой, а обозначение источника имеет иную функцию и pragmatику, требующую разъяснения. К числу таких стихотворений можно отнести хрестоматийное «Из Пиндемонти» (или, согласно первоначальному заглавию, «Из Alfred Musset»), и поныне вызывающее разноречивые трактовки,¹ а также менее известное и более раннее стихотворение, напечатанное Пушкиным и публикующееся в современных изданиях под названием «Из Гафиза» («Не пленился бранной славой...», 1829). Как и в случае «Из Пиндемонти», для этого текста не было обнаружено прямого источника в сочинениях «заглавного» автора. В пользу мистифицирующего, а значит литературно-прагматического характера печатного названия говорят и отличия перитекста в сохранившемся беловом автографе, где никакого упоминания персидского поэта не было.

Другая причина интереса к стихотворению лежит в обстоятельствах его создания и публикации. Из всех пушкинских поэтических текстов, написанных во время поездки в действующую армию летом 1829 года, увековеченной впоследствии в «Путешествии в Арзрум», он единственный был отдан в печать вскоре после возвращения Пушкина в столицы и, наряду с «Олеговым щитом», представлял столь ожидаемый публикой и властью лирический отклик на события русско-турецкой войны. В комментаторской традиции до сих пор превалирует интерпретация, вектор которой был задан чуть более поздними полемическими репликами Пушкина, возмущенного откровенно оскорбительной рецензией Ф. В. Булгарина на седьмую главу «Онегина» и содержащимися в ней упреками в молчании о победах армий Паскевича и Дибича.² И в черновых строфах «Домика в Коломне»,³ и затем в предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин так или иначе подчеркивал, что не собирался «воспевать <...> по-другому»: это «было бы <...> с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно».⁴

¹ Обзор основных направлений интерпретации стихотворения см.: Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 262–275; Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К. С. 227–235 (статья О. С. Муравьевой).

² Рецензию Булгарина см.: Северная пчела. 1830. 22 марта. № 35; 1 апр. № 39; ее комментированная републикация: Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830. С. 232–236, 457–459 (прим. Е. О. Ларионовой).

³ Варианты черновых набросков вступительных октав «Домика...»: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 371.

⁴ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. 1836. Т. 1. С. 18. Здесь и далее травелог цитируется по первой публикации в «Современнике», так как в сборниках сочинений Пушкина текст печатается в контаминированных редакциях, не отражающих окончательного авторского решения. Об истории произведения и проблемах текстологии «Путешествия...» см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2022. С. 49–69, 93–114.

Полемически заостренный тезис Пушкина о его принципиальном поэтическом молчании получил активное развитие в советскую эпоху — как под влиянием генеральной идеологической линии, т. е. устойчивой критики «империалистических войн» и колонизаторской политики Николая I на Кавказе и в Закавказье, так и под воздействием художественно-филологической концепции Ю. Н. Тынянова, сложившейся во время работы над романом «Смерть Вазир-Мухтара» и затем перенесенной в его исследования о «Путешествии в Арзрум».⁵ Общим местом стало убеждение в том, что Пушкин скептически и иронически относился к Паскевичу и его военным успехам, а тексты поэта, связанные с арзрумским походом, содержат «прямую полемику»⁶ с властным и общественным дискурсом. В статьях А. Л. Осповата и Р. Г. Лейбова⁷ и в особенности в работах А. А. Долинина о «Путешествии в Арзрум»⁸ эти устоявшиеся мнения, часто искажающие более сложную и динамичную картину пушкинского восприятия событий 1828–1829 годов, были подвергнуты необходимой ревизии и обоснованным уточнениям. Цель настоящей статьи — описать на микроуровне контексты создания и публикации стихотворения «Не пленяйся бранной славой...», суммировав и скорректировав предлагавшиеся интерпретации текста, и показать его место в истории пушкинских литературных и нелитературных отношений 1829-го — первой половины 1830 года.

Текстологическая история «Не пленяйся бранной славой...» восстанавливается с большой степенью надежности: известен беловой с поправками автограф, принадлежавший Н. Н. Раевскому-младшему,⁹ одному из главных собеседников Пушкина в арзрумском путешествии;¹⁰ первая публикация — в дружественном поэту альманахе «Царское Село» на 1830 год¹¹ — состоялась явно с его ведома, затем текст вошел в третью часть «Стихотворений А. Пушкина» 1832 года.¹² В сохранившейся цензурной рукописи сборника также содержится копия «Не пленяйся бранной славой...» с редакторскими пометами Плетнева, занимавшегося с ведома Пушкина подготовкой издания.¹³ Сопоставление белового автографа и первопечатного варианта, появившегося

⁵ О концепции Тынянова и ее влиянии на текстологические решения и подходы к интерпретации «Путешествия...» см.: Там же. С. 99–115.

⁶ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 194.

⁷ Осповат А. Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829) // Тыняновский сборник. Третий Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 61–69; Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Т.] 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. С. 71–88.

⁸ См.: Долинин А. А. 1) Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России: Сб. статей. М., 2010. С. 106–124; 2) «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны, 2009. С. 22–37; 3) «Кавказские врата» (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум») // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 203–218. Наблюдения исследователя суммированы в недавней книге (Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум»), пристальному чтению которой эта статья обязана своим замыслом и концепцией. Пользуясь случаем поблагодарить А. А. Долинина, прочитавшего статью в рукописи, за полезные советы и уточнения.

⁹ Описание автографа и указание на его провенанс см.: Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина / Собр. Л. Н. Майков. СПб., 1902. С. 269 (публ. В. И. Саитова); более точная публикация: Модзалевский Б. Л. Из семейного архива Раевских // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1904. Вып. 2. С. 17. Современный архивный шифр — ПД 111, описание см.: Модзалевский Б. Л., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М., 1937. С. 47.

¹⁰ О Раевском в «Путешествии в Арзрум» см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум» (по указ.).

¹¹ Царское Село. Альманах на 1830 год / Изд. Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб., 1830. С. 233. Об истории альманаха, тесно связанного с дельвиговским кружком, см.: Вацуро В. Э. «Сервные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 176–178.

¹² Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1832. Ч. 3. С. 16 (отдел стихотворений 1829 года).

¹³ ПД 420. Л. 8. Копия, сделанная с первой публикации, под заглавием «(Из Гафиза)», с пометой под текстом: «5 июля 1829 / Лагерь при Евфрите». Заглавие и датирующая помета

в «Царском Селе», показывает, что при публикации были изменены и уточнены не только отдельные выражения и формулы,¹⁴ но и элементы перитекста, вообще довольно разнообразного (заглавие, подзаголовок/посвящение, дата, локация).

И в автографе, и в первой публикации стихотворение сопровождалось авторской датировкой («5 июля 1829») и топографической пометой («Лагерь при Евфрате»¹⁵), привязывавшими создание текста к конкретному эпизоду пушкинского путешествия в Арзрум.¹⁶ При устойчивости этих элементов тем выразительнее выглядят расхождения в заголовочном комплексе: если в печатных изданиях стихотворение называлось «(Из Гафиза)»,¹⁷ то в автографе мы видим более экзотическое и энigmatическое заглавие «Шеерь I», а также подзаголовок-посвящение конкретному адресату — «Фаргат-Беку».

Эти первоначальные варианты заглавия, гораздо теснее связанные с бытовым контекстом создания стихотворения, нуждаются в комментарии, тем более что в исследовательской литературе до сих пор предлагаются противоречивые и не всегда точные интерпретации. Для того чтобы прояснить их, напомним конкретные обстоятельства пушкинского путешествия и закавказской кампании Паскевича, оттолкнувшись от указания на дату и локацию, сопровождающего стихотворение «Не пленился бранной славой...» и в автографе, и в печатном тексте.

* * *

Как известно из «Путешествия в Арзрум» и воспоминаний современников, 13 июня 1829 года Пушкин нагнал русскую армию, уже выступившую в поход из-под Карса, в Котаплы, на берегу Карс-чая,¹⁸ где встретился с братом Львом и своим давним другом Н. Н. Раевским-младшим, «начальником всей конницы»,¹⁹ командиром Нижегородского драгунского полка, вместе с которым продолжил движение по театру военных действий. Сопричастность опыта войны, тогда впервые пережитому Пушкиным в непосредственных ощущениях, послужила источником сильных впечатлений, отразившихся как в художественных текстах, так и в эго-документах и колебавшихся в широком диапазоне — от азарта и удальства, которые в один из первых дней в лагере заставили его броситься на преследование турецкого отряда (чем Пушкин бравировал в письмах родным и друзьям),²⁰ но о чем предпочел умолчать в «Путешествии в Арз-

вычеркнуты чернилами рукой Плетнева, его же рукой указание «(Лагерь при Эвфрате)» вписано чернилами справа над текстом; заголовок «Из Гафиза» перенесен в оглавление (л. 94). Описание цензурной рукописи «Стихотворений» 1832 года, подготовленное М. Н. Виролайнен, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1. С. 449.

¹⁴ Варианты автографа см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 2. С. 736.

¹⁵ В автографе слово «Евфрат» было написано иначе — через ижицу: «Лагерь при Эвфрате», что, вероятно, обусловлено библейским колоритом этого гидронима.

¹⁶ В третьей части «Стихотворений» «Не пленился бранной славой...» было помещено среди «стихов, написанных во время путешествия», в отделе стихотворений 1829 года. Учитывая хронологическую структуру сборника, конкретная датировка была снята, а локализующая помета — «(Лагерь при Эвфрате)» — помещена перед текстом.

¹⁷ В третьей части «Стихотворений» — в соответствии с общим принципом организации заглавий и подзаголовков — указание «(Из Гафиза)» было вынесено в оглавление.

¹⁸ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 65.

¹⁹ Формулировка из «Путешествия в Арзрум»: Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60.

²⁰ Письма Пушкина из Арзрума не сохранились, но их содержание известно из пересказов его адресатов. См. письмо С. Л. Пушкина к О. С. Павлищевой от 22 августа 1829 года: «Александр видимо в восторге от своего путешествия. Он пишет Плетневу и дает ему подробную картину своего образа жизни в лагере. Он ездит на казацкой лошади с нагайкой в руке...»; а также письмо Дельвига П. А. Вяземскому от 30 августа 1829 года: «...мы получили от него (Пушкина). — А. Б. письмо из Арзрума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казацкой лошади» (цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 87, 89).

рум»), до ужаса непосредственного свидетельства многих смертей, тяжелых ранений и разрушений.²¹

Пушкин, сопровождавший армию на ее пути к Арзруму, был очевидцем сражений при Саган-лу, преследования войска Гаки-Паши, захваченного в плен, и дальнейшего продвижения к Арзруму, который был взят без кровопролитного сражения 27 июня 1829 года.²² После капитуляции города Пушкин несколько дней жил в армейском лагере, разбитом недалеко от Арзрума еще при подходах к нему, а затем 7 июля по приглашению Паскевича переехал в город, в дом Сераскира, где располагался сам главнокомандующий и офицеры его штаба. Таким образом, помета под стихотворением — «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате» — относит создание (т. е. запись) текста к пребыванию в этом арзрумском лагере, когда обстоятельства более располагали к стихам, чем во время сражений и армейских переходов, уже после стратегически и символически важного взятия города.

Используя гидроним *Евфрат*, имеющий отчетливые библейские коннотации, Пушкин следует географическому узусу эпохи, отличающемуся от современного: Евфратом Пушкин называет протекающую неподалеку от Арзрума реку Карасу, северный исток собственно Евфрата (Большого Евфрата), образующегося при слиянии рек Карасу и Мурат.²³ Такое же словоупотребление находим в энциклопедических изданиях 1820–1840-х годов: «Евфрат <...> величайшая река Азиатской Турции, вытекает из гор Армении двумя рукавами: северный, *Кара-Су* (Черная вода), называемый собственно Евфратом, выходит из гор Думлу-Даг <...> к северу от крепости Арзрума...»;²⁴ в официальных корреспонденциях и позднейших записках знакомого с Пушкиным участника арзрумского похода подполковника И. Т. Радожицкого (1788–1861): «Хотя Евфрат удален от города...»;²⁵ «Евфрат от города в 6 верстах...».²⁶ В других текстах Пушкина также используется именно это название реки — ср. в стихотворении «Дон»: «От Аракса и Евфрата / Я привез тебе поклон»²⁷ — и затем в «Путешествии в Арзрум»: «Эвфрат течет в трех верстах от города».²⁸

В беловом автографе текст адресован одному из походных знакомцев Пушкина — Фаргат-беку, молодому офицеру 1-го конно-мусульманского полка, набранного из жителей Карабахской провинции. По возвращении в Москву Пушкин набросал его карандашный профиль в альбоме Ел. Н. Ушаковой (ПД 1723. Л. 85 об.), подписав рисунок «Фаргат-Бек».²⁹ Современные исследователи уточнили его полное имя и служебную биографию: Фаргад (Фархад)-бек Асланбекович Мелик-Асланов (1805–1889), вступивший в русскую службу весной 1829 года, успел отличиться уже в первых сражениях и был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с бантом, затем продолжил

²¹ Описаний подобных впечатлений особенно много в третьей и четвертой главах «Путешествия в Арзрум». О контрасте между азартным поведением Пушкина по приезде в военный лагерь и отражением этого опыта в травелоге см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 42–48.

²² Хронологию перемещений Пушкина по театру военных действий см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 65–82.

²³ Отмечено: Листов В. С. Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1. С. 45, 66.

²⁴ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб., 1841. Ч. 5. С. 331–332.

²⁵ Радожицкий И. Т. Письма из Кавказского корпуса // Северная пчела. 1829. 22 авг. № 101.

²⁶ Радожицкий И. Т. Взятие Эрзрума в 1829 году // Древняя и новая Россия. 1877. № 9. С. 33. См. также упоминание об иордани, устроенной для русских войск в январе 1830 года «на берегах пустынного Евфрата, верстах в восемь за городом», в фундаментальной истории Кавказской войны В. А. Потто (Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1889. Т. 4. Турецкая война 1828–1829 годов. Вып. 1. С. 634).

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 1. С. 176.

²⁸ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 75.

²⁹ Воспроизведение рисунков см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 351, № 823.

военную карьеру в царской армии (с мая 1830 года — прапорщик, с 1834 года — поручик).³⁰ Вероятно, он пользовался покровительством Раевского, в ведении которого находились все кавалерийские полки, в том числе мусульманские. По крайней мере известно, что «Мелик-Аслана сын Фороад-бек» был одним из немногих представителей знатных карабахских семейств, который был готов записаться в полк (точнее, сводную кавалерийскую бригаду) Раевского, когда тот, судя по письму князя И. Н. Абхазова от 20 апреля 1829 года, хотел еще «завербовать <...> молодых людей из бекских фамилий» для русской армии.³¹ В «Путешествии в Арзрум» Пушкин вспоминал, что «в палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика».³² Посредничество при знакомстве или общении Пушкина с Фаргат-беком объясняет тот факт, что автограф оказался в бумагах Раевского — по всей видимости подаренный или от данный поэтом незадолго до отъезда генерала из арзумского лагеря.³³

Судя по «Путешествию в Арзрум» и другим свидетельствам, на Пушкина вообще произвели впечатление экзотические участники военной кампании — уроженцы «Закавказских <...> областей и жители земель, недавно завоеванных»,³⁴ которые вступили в русскую службу. Под командованием Раевского, начальствовавшего над всей кавалерией, состояли сформированные в марте 1829 года четыре мусульманских конных полка «из татар дистанций, принадлежавших к Грузии, и провинций: Карабахской, Ширванской, Шекинской и Армянской»,³⁵ а также отдельная часть под названием «конница Кенгерлы», вошедшая вместе с дивизионом черноморских казаков в состав сводного конного полка. Эти полки, организованные по инициативе Паскевича, набирались по территориальному признаку, «сохранили национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких остроконечных папахах <...>. Командовали полками русские офицеры, а сотнями — беки или почетные агалары. Эти офицеры-азияты с бородами, в длиннополых чохах, в папахах, в эполетах и шарфах — представляли непривычному глазу весьма оригинальное зрелище <...> полки являли собою превосходный вид: всадники были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены и <...> сидели на кровных жеребцах карабахской породы».³⁶ К одному из таких полков, а именно 1-му конно-мусульманскому, или карабахскому, принадлежал и Фаргат-бек, — чем объясняется, как уже указывали комментаторы, окончательный вариант последней строки первого краткого: «Не брайся в бой кровавой / С карабахскою толпой!».

³⁰ О нем см.: Ениколов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой» // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 91–93; Асадов Ю. А. 3000 армянских офицеров царской России: Историко-биографическая книга памяти (1701–1921): В 2 кн. М., 2018. Кн. 2. С. 241–242. Подробные биографические сведения о Фаргат-беке см. также в «Циклопедии»: URL: https://cyclowiki.org/wiki/Фаргат-бек_Мелик-Асланов (дата обращения: 20.07.2024).

³¹ Письмо И. Н. Абхазова см.: Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 449. В этом письме также упоминается Фараджула-бек, еще один офицер мусульманского полка, чей портрет Пушкин зарисовал в альбоме Ушаковой (ПД 1723. Л. 86; Жукова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. С. 351, № 822).

³² Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 59.

³³ 10 июля 1829 года Раевский покинул Арзрум «по неудовольствию с фельдмаршалом» (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 77), оставив таким образом Пушкина без своего общества и попечения. Можно предположить, что отъезд Раевского был одной из причин, побудивших поэта вскоре отправиться в обратный путь, а не продолжать движение вглубь Турции вместе с войском под командованием Паскевича.

³⁴ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60.

³⁵ Цит. по: Исмаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии // История. 2019. № 1 (97). С. 29.

³⁶ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4. С. 391; о мусульманских полках см. также: Ениколов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой». С. 92–93; Исмаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии. С. 26–37.

Храбрость и решительность карабахского полка произвели впечатление на Пушкина вскоре после его приезда в армейский лагерь, что было впоследствии отмечено в «Путешествии в Арзрум» (ср.: «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку, и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами...»³⁷), в котором мусульманские или, как их иначе называли, «татарские» полки упоминаются неоднократно: «На левом фланге <...> происходило жаркое дело. Перед нами <...> скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского <...>. Турки исчезли. Татаре наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля»; «Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою».³⁸ С героем-иноверцем, служившим в одном из мусульманских полков, связана также драматическая сцена «Путешествия...», когда рассказчик наблюдает мужественную смерть татарского бека и неутешное горе его «любимца»: «Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга».³⁹ Этот эпизод, построенный на контрасте нежного чувства, описанного в ориентальной гомоэротической оркестровке, и ужаса смерти на войне, представляет близкую параллель к образной системе стихотворения,⁴⁰ противопоставляющего «прелест неги и стыда» обманчиво опоэтизированной «бранной славе».

В отличие от позднее написанного «Путешествия в Арзрум», в котором ориентальные штампы стали объектом эксплицированной рефлексии и — часто — деконструкции, в стихотворении 1829 года Пушкин в большей степени следует конвенциям европейского ориентализма, опираясь на приемы и образцы, уже освоенные им прежде при работе над «Бахчисарайским фонтаном» и «Подражаниями Корану». Характерный в этом отношении пример — использование образа ангела смерти Азраила⁴¹ («Знаю, смерть тебя не встретит: / Азраил, среди мечей, / Красоту твою заметит — / И пощада будет ей!»), чье имя в автографе было записано как «Азраель». Эта огласовка выдает, как кажется, его европейский генезис — именно в таком виде («Azrael», а не «Azrail») именование ангела смерти встречается в хорошо знакомой Пушкину поэме Байрона «Абидосская невеста» (1813), где возникает близкий мотив жалости ангела смерти перед лицом настоящего чувства.⁴² То же написание находим

³⁷ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60–61.

³⁸ Там же. С. 61–63.

³⁹ Там же. С. 65–66; о параллелях к этому эпизоду в официальных реляциях и воспоминаниях Радожицкого см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 85–86.

⁴⁰ Отмечено: Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 194.

⁴¹ Азраил (или Израил) — «в мусульманской мифологии ангел смерти, один из четырех главных ангелов (наряду с Джабрилом, Микалом и Исафилом)» (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 488 (статья М. Б. Пиотровского)); см. также описание Азраила/Азраэля в популярном в пушкинскую эпоху «Инфернальном словаре» Ж. О. С. Коллена де Планси (1818): *Collin de Plancy J. Dictionnaire infernal, ou Bibliothèque universelle sur les êtres, les personnages, les livres, les faits et les choses qui tiennent aux apparitions, à la magie, au commerce de l'enfer...* 2-е éd., entièrement refondue. Paris, 1825. Т. 1. Р. 298.

⁴² Cp. в монологе Зюлейки, обращенном к ее возлюбленному Селиму: «Years have not seen, Time shall not see / The hour that tears my soul from thee: / Even Azrael, from his deadly quiver / When flies that shaft, and fly it must, / That parts all else, shall doom for ever / Our hearts to undivided dust!» Рус. пер.: Годы не видели и Времени не дано будет увидеть / Того часа, который оторвет мою душу от тебя: / Даже Азраил, когда из своего смертоносного колчана / Пошлет неотвратимую стрелу, / Которая разделучает все и вся, лишь навсегда превратит / Наши сердца в неразделимый прах (цит. по франкфуртскому изданию, подаренному Пушкину Мицкевичем и находившемуся в его библиотеке: *The Works of Lord Byron: Complete in one volume*. Frankfurt a/M., 1826. Р. 71; упоминание Азраила было снабжено авторским примечанием: «Азраил — ангел смерти» (Р. 732)). См. также в переводе И. И. Козлова: «Не бил и не пробьет для нас / Ужасный расставанья час! / Сам Азраил, явясь пред нами, / С колчаном смерти за плечами, / Стрелой одною нас сразит / И в прах один соединит!» (*Байрон Дж. Г. Невеста Абидосская. Турецкая повесть / Пер. с англ. И. Козлов. СПб., 1826. С. 25.*)

в мифологической «восточной» поэме Р. Саути «Талаба-разрушитель» (1801), послужившей, вероятно, одним из источников стихотворения «Анчар», написанного осенью 1828 года, незадолго до поездки Пушкина в Арзрум.⁴³ Эпиграф из «Талабы» с упоминанием Азраэля-Азраила был предпослан одной из глав популярного романа В. Скотта «Ламмермурская невеста» (1819);⁴⁴ в другом его романе «Талисман» (1825) имя ангела смерти также фигурирует в аналогичном написании.⁴⁵ В поэтическом сборнике В. Гюго «Восточные стихотворения» (*«Les Orientales»*), который вышел в январе 1829-го и стал громкой европейской новинкой, выдержанной в том же году множество изданий,⁴⁶ в стихотворении «Грусть паши» также появляется образ ангела смерти: «*Lui font-ils voir en rêve, aux bornes de la terre, / L'ange Azraël, debout sur le pont de l'enfer?*»⁴⁷ При этом, судя по пояснениям, которыми часто сопровождается упоминание Азраила/Азраэля, неустойчивости написания этого имени⁴⁸ и единичным примерам более раннего его появления в печати (прежде всего в переводных «восточных» текстах), этот образ только начинал входить в русскую ориентальную поэтику.⁴⁹ Сам Пушкин вскоре использует его в неоконченной поэме «Тазит» (1829–1830), основанной на том же материале арзрумского путешествия, — ср.: «Слагают тело на арбу / И с ним кладут снаряд воинской: / <...> / Чтобы крепка была могила, / Где храбрый ляжет почивать, / Чтоб мог на зов он Азраила / Исправным воином восстать».⁵⁰

Еще одну примету, характерную для европейской ориентальной поэтики, в том числе байроновской, можно видеть в использовании явных языковых калек, ярких экзотизмов, иногда сопровождавшихся авторскими примечаниями. В этом ряду, как кажется, следует рассматривать заглавие, данное стихотворению в беловом автографе: «Шеерь I», интерпретация которого до сих пор оставалась предметом разногласий. В комментарии к венгеровскому зданию сочинений Пушкина Н. О. Лернер⁵¹

⁴³ Близкие параллели между отрывками из поэмы, где речь идет о смертоносном дереве упас, и «Анчаром» отмечены Долининым (см.: Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 64–70).

⁴⁴ «Who comes from the bridal chamber? / It is Arzael, the angel of death. Southeys's *Thalaba*» (*The Prose Works of Sir Walter Scott*. Paris, 1827. Vol. 2. P. 509; разрозненные тома этого издания были в библиотеке Пушкина — см.: Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9–10. С. 333, № 1369). В русском переводе романа имя ангела смерти было передано как «Азраил»: «Кто исходит из брачной комнаты? Это Азраил, это ангел смерти. *Талаба*» (*Скотт В. Невеста ламмермурская. Новые сказки моего хозяина, собранные и изданные Джедедием Клейшботамом...* М., 1827. Ч. 3. С. 612).

⁴⁵ См., например: *The Prose Works of Sir Walter Scott*. Vol. 4. P. 684, 686, 738, 759.

⁴⁶ В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр шестого издания *«Les Orientales»*, также выпущенного в 1829 году (*Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина>*. С. 254, № 1011). О внимании к сборнику Гюго говорят явные реминисценции из стихотворения «Джинны» (*«Les Djinns»*) в пушкинских «Бесах», черновые наброски которых датируются поздней осенью 1829 года (*Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание*. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года. С. 304–305, 323–324, 327–328 (комм. О. А. Проскурина)).

⁴⁷ *Hugo V. Les Orientales*. Paris, 1829. P. 112.

⁴⁸ Если в переводе «Ламмермурской невесты» мы находим написание «Азраил», то в переводе «Талисмана», вышедшем в том же 1827 году, — напротив, «Азраель»: «...от лица которого Ангел-Азраель отлетает, покидая одр болящего...», «Азраель оберегал одр его с одной стороны...» (*Скотт В. Талисман, или Ришард в Палестине. Из истории времен Крестовых походов*. М., 1827. Ч. 1. С. 209, 222). Аналогичный вариант см. в русском переводе поэмы Скотта «*The Bridal of Triermain, or The Vale of St. John*» (1813): «...Азраель обнажил меч свой и восклицает: Музульмане, подумайте о гробе!» (*Скотт В. Невеста Трирмена, или Долина Святого Иоанна. Поэма в трех песнях / Пер. с фр. М., 1825. С. 83*).

⁴⁹ Уже в самом начале 1830-х годов Азраил станет центральным героем неоконченной поэмы или драмы юного Лермонтова (*«Азраил»*, 1831), а сюжет об ангеле смерти, склонившемся над горем любящего и воскресившем умершую возлюбленную, будет подробно разработан в поэме с соответствующим названием (*«Ангел смерти»*, 1831).

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 5. С. 71–72.

⁵¹ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. XXIX.

со ссылкой на публикацию известного этнографа и историка Кавказа Е. Г. Вейденбаума⁵² сообщил, что будто бы «шер — значит по-татарски войско или полк», и интерпретировал заголовок как указание на 1-й конно-мусульманский полк, в котором служил адресат стихотворения. Из примечаний Лернера эти сведения перешли в комментарии к авторитетным собраниям сочинений Пушкина 1930—1940-х годов⁵³ и более поздние издания,⁵⁴ в исследовательскую и справочную литературу.⁵⁵ Однако еще В. Я. Брюсов отметил,⁵⁶ что по-азербайджански слово «шер(ъ) (šeir)» означает ‘стихотворение, песня’ (ср. татарское «шигырь»), на что впоследствии также обращали внимание специалисты — носители и знатоки тюркских языков⁵⁷ — и что, конечно, значительно лучше объясняет выбор экзотизма в качестве заглавия текста.

Тем не менее поэтика этого, отчасти экспромтного стихотворения не ограничивается применением ориентальных формул к конкретному лицу и слушаю. В контексте других пушкинских записей и набросков и в перспективе «Путешествия в Арзрум» примечателен выбор героя-адресата, за которым стоит не только и не столько колониальный интерес к экзотическому Другому.⁵⁸ Как кажется, особый интерес Пушкина — уже во время путешествия 1829 года, как об этом позволяют судить его синхронные дневниковые записи⁵⁹ и поэтические тексты, — вызывали такие представители Другого, ориентального мира, которые так или иначе совершают переход границы между разными мирами,⁶⁰ готовы или вынуждены отказаться от своей исходной идентичности, хотя бы отчасти переменить судьбу. Таков направляющийся в Россию в свите принца Хозрева-Мирзы персидский поэт Фазиль-Хан, владеющий европейской «простою, умной учтивостию порядочного человека»⁶¹ (набросок поэтического обращения к нему — «Благословен твой подвиг новый...»)⁶² — сделан вскоре после их встречи, описанной в «Военной Грузинской дороге» и затем в «Путешествии...»), таков сам принц Хозрев-Мирза, посланный в Петербург с дипломатическими «извинениями» за убийство Грибоедова и разгром русской миссии в Тегеране (встречу с принцем Пушкин

⁵² Вейденбаум Е. Г. Пушкин на Кавказе в 1829 году // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 680.

⁵³ См., например: Пушкин А. С. 1) Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 769 (прим. М. А. Цявловского); 2) Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 498 (прим. Б. В. Томашевского).

⁵⁴ Пушкин А. С. Стихотворения / Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. С. 569 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁵ См.: Ениковолов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой». С. 93; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 535; Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 2. С. 222 (статья О. С. Муравьевой).

⁵⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. статья и комм. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 300. В комментированных изданиях это верное указание см., например: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 711 (прим. Т. Г. Цявловской).

⁵⁷ См.: Курбанов Ш. А. С. Пушкин и Азербайджан. Баку, 1959. С. 65–66; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 193; Гаджиев А. В науке нет мелочей // Литературный Азербайджан. 1987. № 6. С. 108. Такая интерпретация варианта заглавия позволяла высказывать предположение, что Пушкин уже во время путешествия в Арзрум задумывал цикл стихов, связанных с военными или — шире — с ориентальными впечатлениями (*Садыхов М. Судьба соединила нас...* // Там же. 1974. № 5. С. 73; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 193).

⁵⁸ Ср. одну из ранних и последовательных интерпретаций «Путешествия...» в рамках постколониальной теории: Thompson E. M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000. P. 61–67.

⁵⁹ Реконструкцию текста и уточнение хронологии «кавказского дневника» Пушкина см.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 5–26.

⁶⁰ О важности темы границ и возможности их преодоления в «Путешествии...» см.: Greenleaf M. Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4. P. 940–953. Обоснованную полемику с предложенной Гринлиф интерпретацией трансграничного путешествия через понятие лиминальности см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 143–144.

⁶¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 32.

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 2. С. 160, 1181–1182.

фиксирует в своем «арзрумском дневнике» и потом упомянет в «Путешествии...»); к героям такого типа принадлежит и центральный персонаж неоконченной кавказской поэмы Пушкина «Тазит» (1829–1830), нарушающий родовые традиции, отказавшийся от кровной мести, по-видимому, под влиянием христианства. Офицеры мусульманских полков, чаще всего выходцы из древних кавказских родов, отошедшие от традиционного уклада и вступившие в русскую службу, тоже, как кажется, вписывались в этот ряд.

С другой стороны, тема преодоления границ между привычным миром европейской христианской цивилизации и экзотическим миром «древнего Востока» имела для Пушкина и личные проекции. Вопрос о том, может ли человек цивилизации переменить участь, оказавшись в Другом, инокультурном мире, занимал поэта еще в период создания «Кавказского пленника» и «Цыган»; в 1829 году Пушкин искал ответ на него на собственном опыте, памятую при этом о смертельном исходе, которым закончились сходные попытки его предшественников на этом пути — Байрона и Грибоедова.⁶³

Сразу по приезде в армейский лагерь Пушкин, как вспоминали об этом очевидцы, как будто искал возможности испытать судьбу и «бросался в бой кровавый» вопреки реальной опасности и заботам его более опытных друзей и знакомых — Раевского, М. И. Пущина, брата лицейского друга Пушкина, и даже графа Паскевича. И в официальной истории русско-турецкой войны, написанной генералом Н. И. Ушаковым, и в позднейших мемуарах М. И. Пущина фигурирует яркий эпизод, относящийся к первым дням пребывания поэта в действующей армии, когда турки напали на русские аванпосты: «Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устроился противу неприятельских всадников»;⁶⁴ «...неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям <...> Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отдельившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблею наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкой, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал».⁶⁵

В таком контексте стихотворение, и в особенности его первый кратен («Не пленяйся бранной славой, / О красавец молодой, / Не бросайся в бой кровавой / [С этой ратио слепой] С Карабахскою толпой»), может прочитываться и как авторефлексив-

⁶³ Об этих проекциях см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 145–169.

⁶⁴ Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 2. С. 305–306.

⁶⁵ Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 98. Ср. там же другие эпизоды чрезмерного энтузиазма Пушкина в ожидании схватки с неприятелем («Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!», «...в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпускать от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда» — Там же. С. 97, 99), а также написанное по горячим следам письмо Пущина брату Ивану в Сибирь, где упоминается «Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом» (письмо от 25 августа 1829 года; цит. по: Там же. С. 483).

ное высказывание, демонстрирующее, пусть и в такой остраняющей форме, дистанцирование от безрассудно пленявшей Пушкина «бранной славы».⁶⁶

В этом смысле любопытную параллель сюжетной конструкции пушкинского стихотворения представляет заметка о поэте, написанная его тифлисским знакомцем, редактором местных «Ведомостей» П. С. Санковским, в которой он выстраивает сходную логику «заклинания» от опасности: «Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках <...> Теперь читающая публика наша <...> вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов браны».⁶⁷

Таким образом, биографические проекции и отсылки к конкретным военным впечатлениям существенно усложняют структуру и семантику ориентального стихотворения, оценить которые в полной мере могли лишь немногие посвященные, как, например и в первую очередь, Раевский. В этом смысле не удивительно, что именно он, как своего рода «идеальный читатель» этого пушкинского сочинения, оказался обладателем автографа «Не пленяйся бранной славой...». Однако все эти особенности текста, каким он представлял в рукописи, делали его слишком «темным» для более широкой аудитории. Для публикации стихотворения соотношение между узнаваемой ориентальной поэтикой, отсылками к недавним событиям военной истории и «домашней семантикой» должно было быть изменено; примечательно, что Пушкин обошелся для этого весьма экономными средствами, затронувшими прежде всего перитекст.

* * *

Отдавая стихотворение в альманах Е. Ф. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село», Пушкин снял название и посвящение-адресацию Фаргат-беку, заменив их на мистифицирующий подзаголовок «Из Гафиза», определявший прочтение текста через при надлежность к традиции европейской и русской ориентальной лирики.

Имя Гафиза (Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Ширази, ок. 1325 — 1389 или 1390), наиболее известного, наряду с его предшественником Саади (между 1200 и 1219 — 1292), персидского поэта, было хорошо знакомо русскому читателю, хотя собственно поэтические переложения Гафиза и подражания ему в 1810—1820-е годы были немногочисленны.⁶⁸

⁶⁶ Ср. указание на вероятную «ретроспективную самоиронию» Пушкина в стихотворении «Делибаш», еще одном военном тексте кавказского цикла, также связанном с впечатлениями Пушкина от первых сражений с турками (Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание. Вып. 3. С. 263 (комм. А. А. Долинина)).

⁶⁷ Тифлисские ведомости. 1829. 28 июня. № 26; курсив мой. — А. Б. (перепеч. в «Северной пчеле» в № 88 от 23 июля — отмечено: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 74). До 5 июля, которым датирован беловой автограф «Не пленяйся бранной славой...», Пушкин не успевал получить этого номера «Тифлисских ведомостей», однако можно предположить, что нечто подобное Санковский мог говорить Пушкину при личных встречах в Тифлисе, где поэт пробыл около двух недель по пути в действующую армию (о любопытных разговорах с Санковским Пушкин упоминает в «Путешествии в Арзрум», где его фамилия скрыта за инициалом «С.»; Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 41).

⁶⁸ Прежде публикации пушкинского текста в русской печати появились «Ода Гафица» («Без красавицы младой...») Д. П. Ознобишина (Северная лира. М., 1827. С. 89), переводы Ю. И. Познанского (Познанский Ю. Ода Гафица // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. № 10. Отд. I. С. 66—67), Ф. Н. Глинки (Глинка Ф. Нетленные глаза. Восточный аполлон (Из Хафиса) // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. Отд. «Поззия». С. 231—232). См. также стихотворение А. А. Бестужева-Марлинского «Из Гафиза» и несколько «восточных» стихотворений, переведенных им из «Западно-восточного дивана» Гете (Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961. С. 147—153 (Библиотека поэта. Большая сер.)). Сводную библиографию переводов из Гафиса и упоминаний о нем в русской печати см.: Карнеев С. Б. Персидская поэзия: Материалы к библиографии русских переводов // Библиография Востока. 1936. М., Л., 1937. Вып. 10. С. 101—103; Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток. 1800—1950: Опыт библиографии. М., 1975 (по указ.).

Интерес к Гафизу и его творчеству (прежде всего к газелям, составившим основу его поэтической книги «Диван») возник — на фоне более широкого просветительского, а затем и преромантического интереса к Востоку — в начале 1770-х годов, когда появились первые переводы его текстов на европейские языки.⁶⁹ В 1771 году британский филолог-востоковед У. Джонс (Jones, 1746–1794) поместил в своем трактате «Грамматика персидского языка»⁷⁰ прозаический перевод двух газелей Гафиза и поэтическое переложение одной из них («A Persian Song»),⁷¹ а венгерский дипломат и ориенталист К. Э. Ревицкий (Reviczky, 1737–1793) напечатал в Вене латиноязычный трактат о персидской поэзии с приложением перевода на латынь 16 газелей Гафиза с подробным комментарием.⁷² Расширению знакомства англо- и франкоязычных читателей с газелями Гафиза способствовали труды и переводы Джонса — прежде всего его «Трактат о восточной поэзии», впервые опубликованный по-французски в 1770 году как приложение к переводу «Истории Надир-шаха». В «Трактате...» содержалась подробная характеристика поэзии Гафиза и приводились переводы — прозаические и стихотворные — его десяти газелей.⁷³ Вслед за переводами Джонса в Англии вышли две книги избранных переводов «од» Гафиза, принадлежавших Дж. Ричардсону и Дж. Нотту,⁷⁴ которые затем стали образцом ориентальной поэтики для Дж. Г. Байрона и Т. Мура.⁷⁵

Важной вехой в освоении наследия Гафиза в Европе стал выход печатного собрания его сочинений на персидском языке.⁷⁶ В 1812–1813 годах крупнейший австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) опубликовал полный перевод «Дивана» на немецкий язык,⁷⁷ послуживший источником-посредником для многих последующих европейских переводов Гафиза и оказавший большое влияние на «Западно-восточный диван» И. В. Гете (1819), в котором неоднократно упоминается Хафиз и отдельный раздел которого носит название «Книга Хафиза».⁷⁸ История европейских переводов Гафиза была знакома и русскому читателю⁷⁹ — см., например, ука-

⁶⁹ Обзор европейской рецепции Гафиза см.: *Буяновская С. М.* Основные этапы освоения персидской поэзии на Западе (на материале наследия Хафиза). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987; *Маленька Т. Ф.* Поезія Гафіза в Європі: дослідження, переклади, рецепція // Східний світ. 2005. № 2. С. 102–107.

⁷⁰ A grammar of the Persian language. London, 1771.

⁷¹ Ibid. P. 137–140.

⁷² Specimen Poeseos Persicæ sive Muhammedis Schems-Eddini notions agnomine Haphyzi ghazalæ, sive Odae sexdecim ex initio Divani depromptæ: nunc primum latiniatate donatae, cum metaphrasi ligata & soluta, paraphrasi item ac notis. Vindobonæ, 1771; о переводах Ревицкого и его биографии см.: *O'Sullivan M.* A Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45. P. 61–88.

⁷³ Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, empereur de Perse / Trad. d'un manuscrit persan... avec des notes chronologiques, historiques, géographiques; et un traité sur la poésie orientale par Mr. Jones. London, 1770. Part. 2. P. 264–275, 290–314. По-английски эта книга Джонса была опубликована в 1773 году.

⁷⁴ Specimen of Persian poetry or odes of Hafez; with an English translation and paraphrase / By J. Richardson. London, 1774; Select odes from the Persian poet Hafez / Transl. into English verse, with notes critical and explanatory, by J. Nott. London, 1787.

⁷⁵ Об этом см.: *Yohannan J. D.* The Persian Poetry Fad in England, 1770–1825 // Comparative Literature. 1952. Vol. 4. № 2. P. 137–160. Библиографию английских переводов Хафиза см.: *Loloi P.* Hâfiz, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004; описание французской рецепции Гафиза см.: *Shams-Yadolahi Z.* Le retentissement de la poésie de Hâfez en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.

⁷⁶ The works of Hafez, with an account of his life and writings. Calcutta, 1791.

⁷⁷ *Hafis Mohammed Schemsed-din.* Der Diwan. Stuttgart; Tübingen, 1812–1813. Bd. 1–2.

⁷⁸ См., например: *Гете И.-В.* Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлова. М., 1988. По указ. (сер. «Литературные памятники»).

⁷⁹ О русской рецепции Гафиза см.: *Чалисова Н. Ю., Смирнов А. В.* Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная филология. М., 2000. С. 245–344.

зание в статье «Московского вестника» 1827 года: «Полные творения его напечатаны в Калкутте на персидском языке. Г-н Гаммер перевел их на немецкий язык. На французском и английском языках переведены они отрывочно».⁸⁰

Общим местом в европейских интерпретациях Гафиза, изложение которых нередко публиковалось в русских журналах 1810–1820-х годов, было сравнение его поэзии с анакреонтикой и именование Гафиза «персидским Анакреоном»: «Поразительно, насколько оды Гафиза похожи на те отрывки, которые дошли до нас от греческих лириков. Можно уверенно сказать, что в этом поэте очарование и живость Анакреона сочетаются с нежностью и прелестью Сапфо»;⁸¹ «Гафиз, Анакреон Персидский, явился и прославил свое отчество»;⁸² «Персы имеют во всех родах превосходных поэтов: Фир-Дуси их Омер, Гафес их Пиндар и Анакреон <...> прославился одами и легкими стихотворениями, которые дышат негой».⁸³ Такое сближение обусловило формальные и языковые особенности русских стихотворных переводов и подражаний Гафизу, в том числе использование в них лексики, характерной для анакреонтики и «легкой поэзии», а также — в некоторых случаях — выбор 4-стопного хорея, традиционного размера русских переводов Анакреона (кроме пушкинского стихотворения, 4-стопным хореем написана уже упоминавшаяся «Ода Гафица» Д. П. Озношина).

Для Пушкина источниками знакомства с поэзией Гафиза, по-видимому, послужили названные французские и английские переложения, статьи о Гафизе в европейской и русской печати и — прежде всего — ориентальные тексты Байрона и Т. Мура («Лалла Рук»), которые во многом опирались на традицию европейских переводов Гафиза, заложенную У. Джонсом и его последователями, и в которых Гафиз прямо упоминался в примечаниях.⁸⁴ Именно в связи с Муром Пушкин впервые называет имя персидского поэта, рассуждая в письме к Вяземскому от конца марта — начала апреля 1825 года о «восточном слоге»: «Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в „Гяуре“, в „Абидосской невесте“ и проч.».⁸⁵ В поэтических текстах Пушкина упоминания Гафиза встречаются только в связи с арзрумским путешествием: помимо комментируемого стихотворения, имя Гафиза возникает рядом с Саади в незавершенном наброске «<Фазиль-хану>» (25–27 мая 1829 года): «Благословен твой подвиг новый, / Твой путь на север наш суровый, / Где кратко царствует весна, / [Но где Гафиза и Саади] / [Знакомы — < > имена]».⁸⁶ Об актуализации наследия Гафиза в контексте арзрумской кампании может говорить публикация стихотворения «К виночерпию. Подражание Хафису (С персидского)» с пометой «А<p>зерум. 1829-го года» в «Тифлисских ведомостях» в самом начале 1830 года.⁸⁷

⁸⁰ [Кошелев А. И.]. Взгляд на Персию, из записок одного путешественника по Востоку // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 24. С. 472.

⁸¹ Histoire de Nader Chah... Part. 2. P. 264–265. Перевод мой. — А. Б.

⁸² [Журден А.]. О языке персидском и словесности (продолжение) / [Пер. Н. С. Победина] // Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 14. С. 114.

⁸³ Уваров С. С. Речь президента Императорской Академии наук <...> в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года. СПб., 1818. С. 10.

⁸⁴ См.: Byron G. G. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2e éd., revue, corrigée et augmentée de plusieurs poèmes. Paris, 1820. Vol. 2. P. 454; Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole, histoire orientale / Trad. de l'anglais par le traducteur des œuvres de lord Byron [A. Pichot]. Paris, 1820. T. 2. P. 223.

⁸⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 160.

⁸⁶ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 160. Подробнее об истоках и контекстах интереса Пушкина к Гафизу см.: Махмади З. Пушкин и Хафиз: К проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

⁸⁷ Тифлисские ведомости. 1830. 2 янв. № 1. Автор переложения, скрывшийся за подпицью «Пл. Ст....в», по всей видимости — Платон Викторович Степанов (1798–1872), подполковник Грузинского grenadierского полка, участник русско-турецкой войны, впоследствии архан-

На тематическом и стилистическом уровне «Не пленяйся бранной славой...» вполне соответствует представлениям о поэтике Гафиза (ср. выше), однако гораздо более дискуссионной остается прагматика этой мнимой отсылки.⁸⁸ Для уточнения ответа на этот вопрос следует, как кажется, вновь обратиться к многократно обсуждавшемуся сюжету, связанному с литературными откликами Пушкина на события русско-турецкой войны.

Публичность самовольного путешествия поэта в действующую армию, его собственные mots в московском обществе перед отъездом на Кавказ и высказывания в письмах наряду со сложившейся поэтической репутацией подогревали ожидания значимого пушкинского высказывания на военно-патриотическую тему. Вопреки позднейшим декларациям о принципиальном отказе воспевать подвиги и победы, рукописные материалы свидетельствуют, что осенью 1829 года Пушкин предпринимал попытки написать тексты о победном окончании войны с Турцией — это оставшиеся в набросках, более конвенциональные и эксплуатирующие известные топосы «Опять увенчаны мы славой...» и «Восстань, о Греция, восстань...»,⁸⁹ а также завершенное и опубликованное в «Северных цветах» на 1830 год стихотворение «Олегов щит». Показывая экспериментальность жанрового и сюжетного решений в этом последнем тексте и, наоборот, тесную связь незавершенных отрывков с одической и военно-песенной традицией («Опять увенчаны мы славой...») и «радикальной эллинофильской риторикой начала 1820-х гг.» («Восстань, о Греция, восстань...»), Р. Г. Лейбов и А. Л. Осповат убедительно заключают, что «Пушкин, по-видимому, не захотел изготавливать тексты по хорошо известным жанрово-стилистическим лекалам, отвечая социальным запросам, которые сопровождали пребывание поэта в действующей армии».⁹⁰

Стихотворение «Из Гафиза» представляется сходным жанровым и стилистическим экспериментом, позволявшим перевести тему турецкой войны «в иной более общий план, который уже не подразумевал прямой оценки».⁹¹ Военная конкретика, обозначенная сохраненным Пушкиным указанием на время и место создания текста, нивелировалась и обобщалась за счет обращения к экзотическому «чужому слову», литературной «маске» средневекового персидского поэта.

Таким образом, реакцию Пушкина в этот период точнее было бы описывать не как демонстративное молчание, но как поиск нетривиальной формы высказывания поэта-Протея, оказавшегося «во стане русских воинов».⁹²

В этом отношении любопытно, что стихотворение «Из Гафиза» было отдано в альманах Коншина и Розена отдельно и позднее, чем другие тексты Пушкина, «Зимнее утро» и «Загадка (При посылке бронзового Сфинкса)» («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»), помещенные на первых страницах альманаха вместе со стихами А. А. Дельвига.⁹³ Как следует из «Ведомости о пропущенных к напечатанию писах в 1829 году» и «Ведомости об одобренных к напечатанию писах в 1830 году» цензора К. С. Сербиновича, «Зимнее утро» и «Загадка» были рассмотре-

гельский губернатор, поэт-дилетант. В семейном архиве Степановых (РГАДА. Ф. 1484. Оп. 1) сохранились многочисленные тетради с его стихотворениями, переводами и другими сочинениями, а также датированная 1829 годом подорожная на проезд от Одессы до Тифлиса (Там же. № 5). Рукописный сборник стихотворений Степанова находится также в РГБ (Ф. 178/1. № 4769).

⁸⁸ Краткое резюме высказывавшихся точек зрения см.: Рак В. Д. Хафиз // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 360–361.

⁸⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 1. С. 168, 169.

⁹⁰ Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит». С. 84.

⁹¹ Осповат А. Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829). С. 66.

⁹² Такое решение Пушкина было отмечено, но не оценено его московским журнальным Зоилем — Н. И. Надеждиным, который в язвительной рецензии на альманах «Царское Село» замечал: «Стишки из Гафиза, на коих значится в подпись: *Лагерь при Евфрате*, показывают, что наш любимый поэт вывез кое-что и из-за Кавказа, на утешение наше» (Вестник Европы. 1830. № 3. С. 248; Пушкин в прижизненной критике. [Вып. 2]. С. 441).

⁹³ Царское Село. Альманах на 1830 год. С. 1–2, 4.

ны и дозволены к публикации еще 5 ноября 1829 года, а «Из Гафиза. Стих<отворение> А. Пушкина» — только 1 января 1830 года.⁹⁴ Можно осторожно предположить, что возвращение Пушкина к этому тексту в конце декабря 1829 года было вызвано серией публикаций «Северной пчелы» об арзрумской кампании, как раз о тех ее эпизодах, свидетелем которых оказался во время своей поездки Пушкин. В нескольких номерах газеты Булгарины была помещена довольно подробная статья Радожицкого,⁹⁵ написанная в ответ на замечания пушкинского арзрумского собеседника В. Д. Сухорукова, напечатанные в «Тифлисских ведомостях» и перепечатанные в «Русском инвалиде».⁹⁶

С другой стороны, выход в свет альманаха Розена и Коншина, анонсированный в «Литературной газете» 16 января 1830 года,⁹⁷ совпал с работой Пушкина над еще одной арзрумской публикацией — статьей «Военная Грузинская дорога»,⁹⁸ которая основывалась на материалах его путевого дневника. Как представляется, этот *фрагмент из путевых записок* (так определен жанр статьи в подзаголовке) — еще одна попытка Пушкина найти литературную модель для оригинального описания своих военных впечатлений, модель, противопоставленную стилизации и подражанию «чужому слову», в центре которой индивидуальный, личный опыт и условно дневниковый рассказ о нем. Любопытно, что в то же самое время Пушкин прибегает к дневниковой модели в поэтических текстах, публикуя сразу несколько стихотворений с маркированными датами, которые вводятся в перитехст. Так, в «Северных цветах» на 1830 год он помещает «Дар напрасный, дар случайный...» с известной датой-подзаголовком «26 мая 1828», «Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю...», открывающееся датой «(2-го ноября)», «К **» («Подъезжая под Ижоры...») с датой «1828. Ижоры» под текстом, а также интересующее нас стихотворение «Из Гафиза» с датой «5 июля 1829» в альманахе «Царское Село».

* * *

В 1835 году, вновь возвратившись к истории своего кавказского странствия в «Путешествии в Арзрум», Пушкин объединит эти две модели — автобиографическую/автофикациональную и стилизаторскую (ср. поданное как «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром амином-Оглу» «Стамбул гяуры нынче славят...»⁹⁹). Примечательно, что обе они оказались намечены почти сразу после возвращения из путешествия и отразились в истории создания и публикации стихотворения «Не пленился бранной славой...».

⁹⁴ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 234. Л. 14 об., 21; ср. также «Список статей для повременных изданий, одобренных цензором К. С. Сербиновичем», где стихотворение «Из Гафиза» упомянуто в числе текстов, дозволенных им к печати с 1 по 14 января 1830 года (Там же. Ф. 777. Оп. 1. № 1014. Л. 2).

⁹⁵ Радожицкий И. Т. Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса // Северная пчела. 1829. 21 дек. № 153; 24 дек. № 154.

⁹⁶ Сухоруков В. Поправка статьи, напечатанной в Северной пчеле и Инвалиде под заглавием: Письма из Кавказского корпуса... // Тифлисские ведомости. 1829. 10 окт. № 41; перепеч.: Русский инвалид, или Военные ведомости. 1829. 30 окт. № 275. В заметке особенно подчеркивалась отвага 1-го мусульманского полка в сражении 17 июня 1829 года, который, по сведениям Сухорукова, «вел весьма продолжительную и упорную перестрелку около 2-х часов».

⁹⁷ Литературная газета. 1830. Т. 1. 16 янв. № 4. С. 32.

⁹⁸ Опубликованная в начале февраля в «Литературной газете» (1830. Т. 1. 5 февр. № 8. С. 57–59) статья «Военная Грузинская дорога» была отдана цензору Сербиновичу 16–17 января; 17 января датируется запись в дневнике Сербиновича о чтении «Путешествия в Арзрум» (см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 140). О статусе этого очерка см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 49–52.

⁹⁹ О роли этого вставного текста в «Путешествии в Арзрум» и проблемах его интерпретации см.: Долинин А. А. 1) Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 184–200; 2) Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 129–134.

© Т. В. Федосеева, © Н. И. Тангаева

«КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА» В РОССИИ 1840-Х ГОДОВ: М. Н. МАКАРОВ

Печатные издания, специально предназначенные для народного чтения, широко распространялись в России во второй половине XIX века. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана «народная литература» была разделена по типу функционирования на два вида: к первому отнесены издания преимущественно развлекательного характера (в узком смысле — лубочная литература), ко второму — «произведения, специально составленные или изданные для народного чтения с целями просветительными (популярно-народная литература)».¹ В дальнейшем градация получила иные обозначения: первый вид был определен как «литература народа», второй — как «литература для народа».² В. Г. Базанов от такого деления отказался, сделав акцент на связи «народной книги» с устным народным творчеством.³ Современными исследователями издания такого рода рассматриваются в контексте социокультурной традиции попечительства образованного класса о народе и его просвещении.⁴ Их распространение в России 1840-х годов связывают с укреплением в деятельности Министерства народного просвещения, возглавляемого в 1833–1843 годах С. С. Уваровым, принципа государственности, сформулированного через три ценностно-исторические константы: «Православие. Самодержавие. Народность». Главную роль в оформлении жанра специалисты не без основания отводят В. И. Даля, указывая также на определяющее значение альманаха и сборников типа «Сельского чтения» (1843–1846) В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого-Десятковского, которые называют «крестьянскими» или «народной хрестоматией».⁵

Сочинения малоизученного русского писателя, фольклориста и этнографа Михаила Николаевича Макарова (1785/1789–1847) в данном контексте нами рассматриваются впервые. Заслужив у современников репутацию легкомысленного человека и недобросовестного перелагателя фактов, до недавнего времени он оставался в отечественной науке фигурой одиозной, а его вклад в развитие отечественной словесности не привлекал внимания исследователей. Ситуация изменилась в 1990-х годах, когда была поставлена задача дать объективную оценку деятельности Макарова как писателя и фольклориста, отразившего момент становления исторической методологии в российской филологии и фольклористике.⁶

В настоящей публикации осуществлен жанрово-стилевой и контекстуальный анализ сочинений писателя, вошедших в сборник «Московские рассказы о бедных» (1840), а также опубликованных отдельными книжками — «Московский калач» (1841).

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Народная литература // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб., 1897. Т. XXа. С. 572.

² Соколов Ю. М. Народная литература // Литературная энциклопедия: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина [и др.]. М.; Л., 1925. Т. 1. А–П. Стб. 474.

³ Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1983. С. 63.

⁴ См.: Тиманова А. Р., Тиманова О. И. Связанность российской «книги для народного чтения» с попечительством о народе как социокультурная традиция XIX столетия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (34). С. 31–37.

⁵ См.: Шаповалова Г. Г. Опыт создания первых книг для народа («Матрёсские досуги» В. И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. II / Отв. ред. Р. С. Липец, В. К. Соколова. С. 58–70; Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матрёсские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. Т. 2. № 2. С. 106–116.

⁶ См.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 468–470; Иванова Т. Г. Макаров Михаил Николаевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2018. Т. 3. С. 371–379.

и «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского» (1843), с целью уточнения и конкретизации представлений о раннем периоде распространения в России предназначенных для народного чтения изданий двух направлений — нравоучительного и образовательного.

В конце 1790-х годов Макаров обучался в Московском университете благородном пансионе. Он был вхож в литературные круги и приобрел значимые для дальнейшей деятельности знакомства с такими писателями, как И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, Д. И. Хвостов, В. Л. Пушкин и др. Эмоциональная натура начинающего писателя предопределила характерные для раннего творчества увлечение стилистикой сентиментализма, стремление к детальной передаче любовных переживаний персонажа, обращение к изящному образу читательницы, а также участие в нескольких не самых популярных периодических изданиях: «Журнал для милых» (1804), еженедельник «Московский курьер» (1805–1806), «Московский вестник» (1809), «Журнал драматический» (1811). Духу времени отвечал интерес Макарова к народному творчеству, вылившийся в издание сборника «Русское национальное песнопение» (1809) с пояснениями и рассуждениями составителя в виде «Кратких исторических известий о национальном российском песнопении». В сборник вошли суждения о его стилистической и стихотворной специфике, а также Введение и заметки «От издателя». По нашим наблюдениям, структура сборника и комментарии к текстам отразили переходный момент в отношении к фольклору — от просветительской оценки его как эстетически несовершенной формы словесного творчества к признанию поэтической значимости его исторического функционирования.⁷ Как один из любителей русской старины, Макаров вел собирательскую деятельность в области археологии и этнографии, которая послужила ряду публикаций 1810–1830-х годов в журналах «Сын отечества», «Вестник Европы», «Труды Общества любителей Российской словесности», «Московский телеграф», «Телескоп». Как этнограф и фольклорист, он много сделал для описания исторических памятников Рязанской губернии, а также местных праздников, верований, обычаям и обрядов, преданий, сказок, песен, былин.⁸ Результатом многолетних упорных разысканий стали оригинальные статьи и очерки 1840-х годов. Между тем отношение к его этнографической деятельности и литературному творчеству среди современников было неоднозначным. Труды в области фольклористики поддерживали такие крупные специалисты, как З. Доленга-Ходаковский, А. А. Прокопович-Антонский, К. Ф. Калайдович и О. М. Бодянский, в то время как В. Г. Белинский отзывался о них скептически. Значительное расхождение во мнениях в данном случае, скорее всего, было обусловлено различной направленностью критики: первые обращали внимание на новизну и значимость публикуемых Макаровым материалов, а второй — на комментарии к ним, нередко носившие характер вольных интерпретаций. В 1840-х годах, несмотря на резкую и не всегда справедливую критику с позиций набиравшей влияние философии позитивизма, писатель придерживался романтической концепции народной культуры, считая ее почвой для единения сословий, напряжение между которыми росло и требовало разрешения. Одним из путей преодоления расколотости нации многие современники Макарова считали просвещение, распространению которого в России благоприятствовала общая направленность литературного творчества первой трети XIX века на обретение самобытности. На фоне литературных дискуссий данного периода Ю. М. Лотманом выделяется фигура И. А. Крылова, который решительно противопоставил «книжной мудрости» — «мудрость жизненную» и обратил читателя «к здравому смыслу каждодневного опыта, народному толку».⁹ На волне роста в стране национального самосознания, связанного также и с победой над Наполеоном, русскими писателями

⁷ См.: Федосеева Т. В. «Русское национальное песнопение» (1809) М. Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики // Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017. С. 91–106.

⁸ Иванова Т. Г. Макаров Михаил Николаевич. С. 375–377.

⁹ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 8 (Библиотека поэта. Большая сер.).

создавались сочинения, предназначенные непосредственно для грамотного человека из народа и обнаруживающие основания духовно-нравственного фундамента русской жизни.

В 1818 году в рецензии И. В. Киреевского была отмечена одна из первых таких публикаций — «народная повесть» Ф. Н. Глинки «Лука да Марья». Критик приветствовал появление «маленькой книжки» «для народа» и отозвался о труде писателя как о «добром» и «благодетельном». Повесть Глинки он трактовал с точки зрения выраженного в ней нравственного чувства и умственной потребности простого русского человека к развитию, придавал произведениям подобного толка охранительное значение в противостоянии разрушительному влиянию второсортной литературы развлекательного характера. Киреевский предупреждал, что неискушенному в знании человеку из народа может навредить приобщение «к самой вредной, самой пустой, самой невежественной литературе».¹⁰ В Глинке он видел человека «с дарованием, любящего отчество и его будущую судьбу, пишущего не по заказу, но по внутренней необходимости и знающего народ наш не по слухам», который противостоит «искажению народных мнений».¹¹ История Луки, считает критик, проистекает из отношений, известных автору не понаслышке, и особенно ценна как поучительный пример исправления человеком собственной жизни.

Таким образом, сложившаяся у Киреевского концепция народного чтения включала соответствие пользе для читателя из народа в утверждении морали, которая извлекается из обстоятельств действительной русской жизни, в глубоком патриотизме, в укреплении российской государственности.

Междудоемко времени создания анализируемых рассказов Макарова явно обозначилась дискуссионность самого вопроса о народном чтении. Отношение к нему определялось тяготением участников дискуссии к западническим или славянофильским умонастроениям. Первые ратовали за внедрение знаний европейской цивилизации и влияние образованного сообщества «русских европейцев» на духовное и нравственное состояние людей из простого народа. Вторые считали это знание вредным, при этом грамотность — необходимой: «...направление народного образования должно стремиться к развитию *чувства веры и нравственности* преимущественно перед *знанием*», — писал И. В. Киреевский, — лучшее средство к сей цели есть *изучение словенского языка*, дающее возможность *церковному богослужению* действовать прямо на развитие и укрепление *народных понятий...*».¹²

Рассматриваемые нами сочинения Макарова вполне вписывались в намеченную Киреевским программу народного чтения и служили восполнению явного недостатка печатной продукции, доступной простым людям не только по форме и содержанию написанного, но и по стоимости. Большая часть его «московских» рассказов, подобно «народной повести» Глинки, была адресована людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и могла стать руководством к действию — никогда не сдаваться, искать жизненную опору в вере и поддержку у власти имущих.

Материал для сочинения «рассказов о бедных» писатель получал из общения с простыми людьми во время многочисленных поездок по служебной надобности. Наиболее продуктивными в этом отношении были 1824–1826 годы, когда он состоял чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе А. Д. Балашове. Выполняя задания по статистической части, писатель ездил по всему московскому округу, Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской землям, где проводил археологические исследования, собирал и записывал народные предания, легенды, сказания. Произведенные в эти годы записи послужили в дальнейшем изданию сборников «Древние и новые божьбы, клятвы и присяги русские» (1828),

¹⁰ Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и прим. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 225.

¹¹ Там же.

¹² Киреевский И. В. Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России (1839) // Киреевский И. В. Критика и эстетика. С. 391.

«Русские предания» (1838–1840), а также для подготовки «Опыта русского простонародного словотолковника» (1848). Археологические и фольклористические изыскания привели также к созданию ряда лингвистических и этнографических работ.

Написанию «Московских рассказов о бедных» и «Московского калача» способствовала также благотворительная деятельность московского комитета Человеколюбивого общества, активным членом которого и попечителем городской части являлся Макаров. В предисловии к первому изданию «Московского калача» он сообщал, что «книжки» распространялись бесплатно, а «добрые» и «бедные» люди их «принимали <...> в милостыню».¹³ Бедственное положение героев этого сборника определялось обычными для простых людей обстоятельствами — сиротством, болезнью или потерей кормильца.

Напечатанные Макаровым «книжки для народа» были отмечены критикой журнала «Отечественные записки».¹⁴ Автор одной из заметок П. Н. Кудрявцев в целом благосклонно отнесся к «Московским рассказам о бедных», которые, хотя и не обладали, по его мнению, «существенно литературными достоинствами», были написаны «просто, без претензий, сообразно с понятиями простолюдинов» и преследовали благую цель — «ознакомить простой народ» с деятельностью Комитета для призрения просящих милостыню.¹⁵ В сентябрьском номере журнала за 1841 год публикацию рассказа «Московский калач» поддержал А. Д. Галахов, желая писателю «успеха на многие лета» в составлении «книжек» для бедных.¹⁶

Действительно, автор прямо адресует свои произведения простым людям. Язык рассказчика максимально приближен к простонародному. В частности, отмечаем использование в его речи характерного постфиксса «-ся» вместо «-сь»: «перекреститесь», «научилася», «сбылося», «увижуся», «решилася» и т. п. Другие особенности народной орфоэпии и морфологии воссоздают колорит непринужденного разговора малограмотного человека из народа: «срода» (сроду), «растеряция» (ресторация, т. е. ресторан, в контексте произведения — столовая), «оттудова», «лихоманка» (лихорадка), «отдох» (отдохнул), «енерал» (генерал), «суседнее» (соседнее), «трафлялось» (случалось). Ту же функцию выполняют просторечная лексика: «брякнулся» (упал), «баражаться» (возиться); диалектные слова: «баять» (рассказывать), тавтологические словосочетания («деловые дела»); устойчивые разговорные выражения («там и сям»). Героям рассказов свойственно самоуничижение. В духе древнерусской традиции они определяют себя словами «грешница», «горькая» (т. е. несчастная), «бедняга», «убогая». Разговорный характер стилю придает применение частицы «-де» («помолюсь-де», «что-де», «у нас-де», «точнехонко-де», «с умилением-де»), присоединение к глаголам повелительного наклонения частицы «-ко» («отведи-ко», «ступай-ко», «пожирай-ко», «глядите-ко»), многочисленные архаизмы («аль», «кабы»).

В качестве рассказчика в свои «книжки для народа» Макаров вводит образ сочувствующего «бедным» отставного полковника Макария Тихоновича Быстрорецкого.¹⁷ Рассказчик наследует свойственное автору отношение к терпящим бедствия героям, а его автобиографичность объясняет и происхождение фамилии — от реки Быстрицы, протекающей вблизи его родной деревни Перекаль в Рязанской губернии.¹⁸

Язык произведений Макарова отличается орфоэпической и лексической своеобразностью, он формирует собственную поэтическую стилистику. Автору свойственно использование пословиц, поговорок, устойчивых сказовых формул: «пришла беда — отворяй ворота», «скорбь на деньгу нейдет», «милостыня всех равняет», «не все вору споров», «все в руках наших», «кто за чем идет — тот то и находит», «чем богат, тем

¹³ Макаров М. Н. Московский калач. М., 1841. С. 3.

¹⁴ Авторы рецензий установлены по изданию: Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985. С. 95, 135, 212.

¹⁵ Отечественные записки. 1840. Т. XI. № 8. Разд. «Библиографическая хроника». С. 46.

¹⁶ Там же. 1841. Т. XVIII. № 9. Разд. «Библиографическая хроника». С. 16.

¹⁷ В статье В. П. Степанова в написании псевдонима писателя допущена опечатка: «Быстрицкий». См.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. С. 470.

¹⁸ См.: Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Псевдонимы рязанских писателей // Российский научный журнал. 2017. № 3 (56). С. 175–186.

и рад»; «година вражья», «вымолвил слово ласковое», «долго ли», «добрый молодец», «напоили, накормили, в баню сводили». Из рассказанных Макарием Быстроверецким историй извлекается без искажения то, что Киреевский называл «народным мнением». В целом же его язык отличается близкой фольклору образностью и метафоричностью, крестьянский быт изображается путем детализации с оценочной характеристикой. Нередки слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что придает тексту дополнительную эмоциональную окраску и побуждает читателя к умилению обстоятельствами воссозданной в нем жизненной ситуации: «рученки», «котомочка», «уголок», «окошечко», «ложечки», «старушка», «бабушка-голубка», «детушки», «сироточки», «малюточки», «батюшка», «барьинька».

Критический анализ лексического состава текстов Макарова показывает, что стилизация речи простого народа приводит к перегруженности языка произведений просторечиями. Так, рассказ «О том, какой и где был самый древнейший быт...» он начинает с сообщения о предполагаемом читателю: «Ученым по мудрости людям этот рассказ мой придет ли в их толк привычной, кто их знает?! Мне не до них! Я моракую с своими и *своим*, моя речь *по-своему ж, по-нашински*.¹⁹ Выгодно в этом отношении отличается опыт Даля, которому удается избежать искусственности тона и говорить с читателем из народа органичным всякому русскому человеку языком. В предисловии к сборнику «Солдатские досуги» (1843) он обращается к своему читателю: «Так вот вам, ребята, книжка, которая написана не спроста, а с молитвою; в ней худа не найдете, а найдете одно добро. Она писана для солдат и, похвалюсь, писана таким, который сам сиживал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на учении, а видел его и в чистом поле».²⁰ Возможно, столь очевидное стилистическое различие может быть объяснено обстоятельствами биографии двух авторов. Странствия Макарова по русской глубинке всегда носили характер внешнего наблюдения, будь то поездка по личному желанию или служебной надобности, в то время как Даляр собирал материал для своих «Солдатских досугов» в более тесном общении с солдатами, когда служил военным врачом во времена русско-турецкой войны 1828–1829 годов, а в 1830-х — в столичном военно-сухопутном госпитале Санкт-Петербурга.

При том что Макаров не обладал присущим Даля языковым чутьем, стилистическое расхождение текстов не умаляет общности движавших каждым из них благородных побуждений. Историями из жизни простых людей оба они утверждают правду народной нравственности, коренящейся в православии. Автор «московских» рассказов ставит акцент на дидактическом значении «чудесных» случаев избавления «бедных» от гибельных обстоятельств жизни, которое они обычно получают в результате Божьего заступничества, а также частного или государственного попечительства. Семантическое поле «Солдатских досугов» гораздо шире, но и в них популярно изложенные сведения о происхождении мира и истории России сочетаются с бытовыми жизненными эпизодами, притчами, загадками, пословицами, поговорками. Рассказы Даля окрашены патриотическим чувством, а их жизненная мудрость подтверждается верой в Бога: «Отечество тебе колыбель и могила. Не отрекайся от земли Русской: да не отречется от тебя Господь».²¹ По справедливому замечанию современного исследователя, в адресованных служилым людям сборниках писатель решал комплексную задачу: дать «первоначальные знания о мире, о науках, расширить кругозор, дать развлечение во время отдыха».²²

Истории, рассказанные хорошо знавшим народные нужды отставным полковником Макарием Быстроверецким, открыто дидактичны, среди них преобладают поучительные случаи из жизни, но выделено значение «чудесного» избавления от несча-

¹⁹ Быстроверецкий М. [Макаров М. Н.]. О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского. Не для всякого, а токма про робят русских. М., 1843. С. 3.

²⁰ Даляр В. И. Солдатские досуги // Даляр В. И. Соч.: В 8 т. СПб., 1861. Т. 8. С. 90.

²¹ Там же. С. 122.

²² Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля... С. 116.

стя. Хронотоп «рассказов о бедных» ценностно маркирован и показывает ориентированность крестьянской жизни на православие в народной его интерпретации. Странствующие в поисках лучшей доли персонажи говорят о себе, что «идут именем Христовым», места благополучного проживания называют «Христовой гостиницей» и «Христовой светличкой». Добротель для них — «благодать небесная» и несовместима с угоджением плотским желаниям («жить припеваючи», «не дать маху»), а порок губителен. Рассказанные Быстрорецким истории свидетельствуют о горьких последствиях для того, кто не находит сил противостоять искушению и оказывается в «когтях дьявольских», под действием «дури бесовской», «дури поганой».

Хотя рассказчик в произведениях Макарова и постулирует свою близость к народу, все же указывает на определенную дистанцию между нуждающимся и попечителем, которую признают и сами персонажи. Так, пекарь Петр Петрович («Увильнение на поручительство») вспоминает: «...а за мною смотрят, как за малым за ребенком!.. води его на помочах; а не то и свое горло порежет»,²³ а в рассказе «Помещение в багадельню» о героине говорится, что «благородное начальство <...> как детскую колыбельку убрало ее *добрым*, надежным да сладким покоем».²⁴ Любопытна также одинаково радостная реакция на оказанное попечительство малолетнего Вани («Определение на службу») и пожилого солдата Хватского («Определение к mestу»): «Ура! Нашему Отцу Милосердному Государю!»²⁵ Таким образом, в рассказах Макарова от лица рассказчика и персонажей утверждается идеальный, восходящий к патриархальному, библейскому укладу иерархический тип попечительства старшего по отношению к младшим, с одной стороны, и благодарное чувство опекаемого — с другой.

Религиозный пафос анализируемых рассказов Макарова подкрепляется обязательным обращением героев за помощью к Богу, Богородице, ангелам, святым. В повествование включаются цитаты из Священного Писания и фрагменты молитв, хорошо известных народу: «Слава тебе Господу Богу нашему!» (благодарение за всякое благодеяние Божие), «с нами Бог!» (Великое повечерие), «духом бодр был, да плоть-то немощна» (Мк. 14: 38), «Да не приемли имени Господа Бога твоего всуе!» (Исх. 20: 7), «Уповающему на Господа, Сам Он Спаситель щитом и крепостью...» (Пс. 27: 7), «Тот, Кто-де Иже Еси на Небеси!» (Мф. 6: 9, Лк. 11: 2), «всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше» (Иак. 1: 17, заамвонная молитва). Поучительный смысл жизненных историй, рассказанных Макарием Быстрорецким, кратко выражен триединством: «молитва, покаяние, труд». Не случайной в этом контексте является также рецепция жанра и стиля евангельской притчи. Нами установлены следующие соответствия ее композиционным и стилевым особенностям: параболичность повествования, кольцевая композиция, учительная направленность текста на устное восприятие, сказовая стилизация, эмоциональность и патетичность речи, простой бытовой сюжет, предполагающий выход к духовно-ценной области жизни. Произведения «московского» цикла ориентируются на сюжеты целого ряда евангельских притч: о неправедном судии (Лк. 18: 2–8) и о человеке, просиящем хлеба в полночь у своего друга (Лк. 11: 5–10) («Билет на обеды», «Выздоровление», «Возвращение на родину» и др.), о заблудшей овце (Мф. 18: 10–14, Лк. 15: 4–7, Ин. 10: 1–16), о потерянной драхме (Лк. 15: 8–10), о мытаре и фарисее (Лк. 18: 10–14), о двух должниках (Лк. 7: 41–43), о верном слуге (Мф. 24: 42–51, Мк. 13: 33–37, Лк. 12: 35–48), о богаче и Лазаре (Лк. 16: 19–31), о неразумном богаче (Лк. 12: 16–31), о работнике, пришедшем с поля (Лк. 17: 7–10) («Новая хозяюшка», «Определение к mestу», «Увильнение на поручительство», «Помещение в багадельню»). Подобные приемы приближают текст к тому уровню знания и чувствования, который был близок человеку из народа.²⁶

²³ Макаров М. Н. Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого: [В 3 кн.]. М., 1840. Последняя тетрадка. С. 8.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Макаров М. Н. Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого. Еще одна тетрадка. С. 10.

²⁶ См.: Тангаева Н. И. Притчевый характер «Московских рассказов о бедных» М. Н. Макарова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 103–118.

В изображенных Макаровым межличностных отношениях подчеркивается отличающая крестьянское сообщество патриархальность. Персонажи уважительно обращаются друг к другу, не называя полного имени, по отчеству: старушка Трофимовна, хозяйка Ивановна и ее подруга Антоновна, кума Андреевна, старушка Ильинична (в искаженно-просторечном произношении — «Ильвишина»), в то время как состоятельные благодетели именуются более уважительно: купцы Тихон Савельевич и Аниким Никитич, офицерская вдова Наталья Карповна (хоть и обедневшая, но не потерявшая статус) и ее сын Сергей Тихонович, священник Иван Герасимович. К рассказчику также обращаются не иначе как «родной батюшка Макарий Тихонович». Нельзя не заметить при этом, что отдельные сюжеты рассказов Макарова включают органичные простонародному быту элементы магизма. Так, героини рассказа «Новая хозяюшка», вернувшиеся к благополучной жизни, «прячут» свою «беду» в крепко запертом сундучке, сложенные в нем вещи («тряпье грязное, дистрикто») символизируют их прежнюю, несчастную жизнь. Таким образом подчеркивается синкретизм в народном быту дохристианских верований с каноническими формами христианской духовной жизни.

Сюжетно-фабульное построение рассказов Макарова также служит достижению дидактико-нравоучительной цели. Писатель использовал как линейный принцип в последовательности событий, когда герои выходят из бедственного состояния при помощи благотворителя («Увольнение на поручительство», «Помещение в богадельню», «Определение на службу»), так и прием обратной композиции, когда сразу представляется результат «чудесных» перемен в жизни бедняка, после чего вскрываются обстоятельства предшествовавшего ему неблагополучия («Билет на обеды», «Выздоровление», «Помещение детей в ученье», «Возвращение на родину», «Московский калач»). В отдельных случаях сюжет строится на параллели: исправлению судьбы героя служит положительный пример другого человека («Новая хозяюшка», «Определение к месту», «Увольнение на поручительство»). Каждый из типов структурирования текста заставляет читателя сосредоточить свое внимание на проблеме нравственного выбора, который делает герой рассказа.

Наряду с нравоучительностью, Макаров стремился и к просветительской направленности «книжек» для народного чтения. В этом аспекте напрашивается сравнение их со сборником «Сельское чтение», издаваемым в 1843–1848 годах В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским при поддержке В. И. Даля, М. Н. Загоскина, А. Ф. Вельтмана, В. А. Соллогуба и других авторов, которым близко было этнографическое направление в русской литературе. Значительная часть помещаемых в сборнике материалов носила обучающий характер, при том что научное знание адаптировалось авторами к восприятию малообразованным читателем. Н. В. Гусев отмечает преимущественно светский характер публикаций в «Сельском чтении».²⁷

Действительно, более половины всех рассказов, опубликованных в сборнике, касается самых разных областей знания: сельского хозяйства («О том, какой хлеб какую землю любит»), математики («О мерах, весах и деньгах»), зоологии («О том, что такое животное, как оно живет, что ему здорово и что нездорово»), ботаники («О том, что такое растение, как оно живет и чем оно питается»), медицины («Как дядя Ириней рассказывал о том, что такая чистота и к чему она пригодна»), картографии («Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что все это пригодно»), географии («О том, что называется миром и что такое земля, и о том, как велико славное Русское государство и что в нем есть»), истории («Рассказ о том, какие православные государи царствовали в России после Петра Великого и какие дела сделала императрица Екатерина Великая»), литературы («Кто такой дедушка Крылов?»). Однако немаловажное значение, по нашему мнению, имеют рассказы, служащие не столько просвещению ума, сколько укреплению души и духа. Среди них выделяются истории нравоучительные и обличительные. Первые — о том, как следует поступать, чтобы жить достойно: «Отец Василий», «Рассказы о том, как крестьянин Спиридон научал крестьянина Ивана не

²⁷ Гусев Н. В. Одоевский и альманашный тип издания в России 1820–1840-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 41–53.

пить вина и что из этого вышло», «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро»; вторые — о негативных проявлениях человеческого характера, доводящих до нищеты, тюрьмы или гибели близких: «Кто делает все на авось, у того все хоть бросясь», «Как узнается ленивый крестьянин», «Пить до дна — не видать добра», «Добра не забывай, обиду прощай». Совмещение дидактико-просветительского пафоса издания с утверждением православных ценностей, извлекаемых из народного быта, по замечанию А. А. Никодимовой, привело к тому, что в публикациях «Сельского чтения» «возник интересный синтез материалистических и теоцентрических представлений».²⁸

В большинстве рассказов «Сельского чтения» прослеживается опора авторов на этические ориентиры христианства, которые, в отличие от «ученых» аргументов, возможно малоубедительных для крестьянина, способны показать пользу образованности и добросовестного труда. Так или иначе, авторы утверждают мысль, которая сопровождает рассказанные Макаровым истории: «Молись и трудись; трудись и молись; в том — вся жизнь человека»;²⁹ «Трудящемуся Бог никогда не отказывает. <...> Кто любит труд и работу, тот любит добро».³⁰

Тематически публикациям «Сельского чтения» близка «книжка» Макарова «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского...», в которой освещается вопрос о становлении российской государственности от племенных времен до призвания на княжение Рюрика. Как и в «Рассказе о том, откуда пошло русское государство, как оно было и какие великие дела в нем сделали православные государи» А. П. Заблоцкого, опубликованном в «Сельском чтении» на 1848 год, в целом исторический рассказ сюжетно отвечает летописанию Нестора. Однако Макаров дополняет текст соображениями, восходящими к сложившейся в Европе к концу XVIII века гипотезе о том, что Индия была прародиной всех индоевропейских языков. Известно, что, в числе других, ее придерживался Ф. Шлегель, чья философия определяла мировоззрение романтически настроенных «архивных юношей», к которым в начале своей службы принадлежал Макаров. Версия индийского происхождения славян была изложена им в цикле статей 1833 года «Листки из пробных листков для составления истории русских сказок».³¹ Согласно содержанию «Листков...», предки древних славян были выходцами из Индии — «подсолнечного королевства», о чём, по мнению автора, говорят экзотические образы русского фольклора — жар-птицы, златогривых коней, золотых рек с кисельными берегами, камней самоцветных и т. д. Обстоятельствам древнеславянской истории Макаров дает морально-нравственное объяснение: беззаботная и вполне благополучная их жизнь омрачилась завистью и взаимной враждой племен. В результате одни остались в «стране подсолнечной», другие разбрелись по Европейской равнине.

Первобытных предков славян Макарий Быстрорецкий сравнивает с детьми, которых, «как ребят малых, подманил он (иностранец. — Т. Ф., Н. Т.) красными своими придумками: новыми для нас, лесных людей, полевыми игрушками...».³² «Детскость» сознания славянских народов, обусловленная потерей исторической родины, по мнению рассказчика, сохраняется и сейчас, что вынуждает постоянно оглядываться на иностранцев, перенимать их обычай и ремесла, даже когда это вредит собственной культуре. Таким образом, рассказ из русской истории оборачивается не столько просветительской, сколько дидактической своей стороной. Каждое описываемое событие трактуется как следствие Божьего Промысла о народе — избранной для него «законной меры».

²⁸ Никодимова А. А. «Сельское чтение» Владимира Одоевского: Монография. Тверь, 2018. С. 66.

²⁹ Сельское чтение: [В 4 кн.]. СПб., 1848. Кн. 3. С. 44.

³⁰ Там же. Кн. 1. С. 18.

³¹ См.: Тангаева Н. И. М. Н. Макаров об истории русской народной сказки (по журнальным публикациям 1830–1833 годов) // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 3/56. С. 87–98.

³² Быстрорецкий М. [Макаров М. Н.]. О том, какий и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского... С. 25.

Своеволие праславянских племен названо причиной, повлекшей тяжелые для них последствия, преодолеть которые возможно единственным способом — молитвой и твердостью в православной вере.

Адресуя исторический рассказ малообразованному читателю, Макаров стремится выстроить доверительные отношения с ним, называет слушателей «робята», «голубчики», «робятушки», «братьцы-товарищи», «молодчики», постоянно активизирует внимание призывами: «слушайте», «вспомните», «скажу я вам», «смекайте», «думай», «поняли?». Чтобы история была доступнее для понимания, в конце книжки он приводит краткий (в 21 лексическую единицу) словарь с толкованием «не всякому известных слов», например: «первобыт» — «начало бытия, жизни», «планыда» — «планета, участь жизни», «свар» — «сброд, окоп», «сивир» — «север, холод» и др. Нельзя не заметить, что в большей своей части авторские интерпретации и ассоциации наивны: хижины и землянки, строившиеся предками славян, названы прообразами царских и княжеских дворцов; имя сказочного царя Гороха возведено толкователем к слову «гро́дох» (по Макарову — «установщик строя, строитель, царь; начальник огорожи, властитель города, отец семейства»).³³ Вряд ли слово «гро́дох» в этом значении он где-то слышал и записал, поскольку не включил его в «Опыт русского простонародного сло-вотолковника». Однако соединение в логическую цепочку однокоренных и близких по звучанию слов: «город», «огород», «горох» — свидетельствует о наблюдательности автора, интуитивно уловившего своеобразие речевой и мыслительной деятельности народа. Говоря современным языком, это своеобразие определяется мифологическим типом сознания, закрепляющим в наименовании вещи живое впечатление от соприкосновения с ней в качестве слова-образа, о котором писал А. А. Потебня.

Помимо словаря, к тексту добавлены подстрочные сноски с разъяснением отдельных исторических фактов. Однако, как мы заметили, сноски служат не столько популяризации знания, сколько обоснованию точки зрения Макарова, они включают не только общедоступные издания, такие как «Кормчая книга» и «Повесть временных лет», но и труднодоступные: «Новейшая всеобщая география» (1809) У. Гутри, рукопись И. Гайзлера (польского врача, этнографа-любителя³⁴), «Историко-критическое исследование о русах и славянах» (1842) Ф. Л. Морошкина. Эпизоды основного повествования писатель уточняет и комментирует, изредка делает прямые отсылки к текстам привлекаемых источников.

«Книжка» «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского...» подверглась в заметке «Отечественных записок» строгой критике Кудрявцева. Автор указал на непрофессионализм Макарова в обращении с историческими фактами, вольные допущения в истолковании этимологии славянских названий и имен; в отношении к адресатам — «русским ребятам» — отмечал наивную уверенность в том, что сказки о жар-птицах и волшебных королевичах, якобы существовавших на заре славянской цивилизации, могут иметь значение реальной благотворительной поддержки нуждающихся. Свою рецензию Кудрявцев завершает словами: «О, пощадите нас, г. Быстрорецкий! Не напускайте тумана на эти беззащитные головы! Не раздавайте хотя даром вашей мудрости: пусть, по крайней мере, она останется безвредною».³⁵

Гипотеза индоевропеизма была довольно широко распространена в России 1820–1830-х годов, но не принята научным сообществом, тогда как для Макарова недостаточная ее обоснованность не была препятствием для применения в комментариях к фольклорным текстам. По справедливому замечанию В. П. Степанова, не только безвестный

³³ Там же. С. 17.

³⁴ Рукопись Гайзлера, на которую ссылается Макаров, нам не известна. Опираясь на материалы его статьи 1846 года «Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 4. С. 37–42), можно предположить, что она содержала заметки по славянской филологии с попытками этимологического толкования славянских топонимов, мифологических и летописных имен.

³⁵ Отечественные записки. 1843. Т. XXXI. № 11. Разд. «Библиографическая хроника». С. 9–11.

документ, но и любой случайный рассказ писатель склонен был трактовать как «предание» при «возможности его исторического приурочивания».³⁶ Да и сам писатель сетовал на отсутствие системы в его разрозненном собрании фактов и свидетельств. Вместе с другими своими современниками, страстными любителями и собирателями древностей, он опережал время, действуя интуитивно, без соответствующих навыков научной обработки собранных материалов. Историческая методология в России первой половины XIX века находилась в стадии становления. Оставаясь верным романтической трактовке истории, Макаров интерпретировал «предание» исходя из собственных представлений и размышлений о современной ему российской действительности.

Подводя итог, заметим, что своими «книжками для народа» 1840-х годов Макаров внес значительный вклад в развитие русского литературного этнографизма. Сочинениям писателя была свойственна стилистика, соответствующая простонародной фольклорно-сказовой традиции, а нравоучительный пафос рассказа «из первых уст» типологически близок евангельской притче. Макаров адаптировал к восприятию малограмотного читателя отвлеченные понятия, согласовывая их с обыденными для крестьян предметами и образами. В целом он следовал в развитии печати для народа направлению, определенному Ф. Н. Глинкой и поддержанному старшими славянофилами, видевшими ее назначение в том, чтобы «утешить трудолюбивых питателей наших, возбудить в них благовение к Вере отцов, надежду на Пророчество, любовь к родным и родине, приверженность к Государю, уважение к порядку и властям; укрепить узы согласия супружеского и связи семейные и, наконец, помирить, сдружить поселянина с состоянием, в котором он рожден...».³⁷ Ориентируя свои издания на практическую пользу, Макаров служил распространению в России религиозно-воспитательной и образовательно-просветительской книги для народного чтения.

³⁶ Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. С. 470.

³⁷ Глинка Ф. И. Письма к другу / Сост., вступ. статья и комм. В. П. Зверева. М., 1990. С. 384.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-113-121

© А. А. Петров

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Генезис антинигилистического романа — одна из центральных проблем, которая встает перед исследователями этого явления литературы XIX века. Традиционно первым антинигилистическим произведением русской литературы было принято считать роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованный в 1862 году. Этой точки зрения придерживались некоторые современники (например, М. А. Антонович),¹ а вслед за ними — крупнейшие раннесоветские исследователи антинигилистической прозы, например А. Г. Цейтлин.² В дальнейшем эта концепция начала пересматриваться, очевидно, в том числе и для того, чтобы «очистить» репутацию закрепившегося в советском каноне классика от связи с «реакционно-охранительной беллетристикой».³ На современном

¹ Антонович М. А. «Новь», роман г. Тургенева // Тифлисский вестник. 1877. № 93.

² Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 33–47.

³ Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97–120; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. Расцвет реализма. С. 279–314.

этапе единой позиции по этому вопросу не выработано: например, А. С. Ефимов возвращается к концепции Цейтлина, говорившего о Тургеневе как о родоначальнике антинигилистического романа,⁴ Г. А. Склейнис утверждает, что роман Тургенева только «способствовал популяризации» темы нигилизма,⁵ а К. Ю. Зубков относит появление такого типа романа к еще более позднему периоду.⁶ Исследователи, полагавшие, что антинигилистическая литература зародилась еще до выхода в свет романа Тургенева, указывали на фарс Д. В. Григоровича «Школа гостеприимства» (1855), в котором в образе Чернушкина был сатирически изображен Н. Г. Чернышевский,⁷ также предтечей антинигилистической прозы называли роман В. И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858).⁸ Склейнис пришла к выводу, что истоки темы нигилизма в русской литературе относятся к XVIII веку, но обращала внимание именно на его связь с русским Просвещением, а не на противостоящее «протонигилизму» направление.⁹

Представляется, что для решения вопроса о генезисе этого явления необходимо в первую очередь определиться с его природой. Говорить об антинигилистическом романе как об отдельном жанре, как это делает, например, Склейнис в упомянутых работах, — значит искусственно ограничивать предмет изучения (чего, впрочем, сама исследовательница, несмотря на заявленный подход, избегает). Мнение о недостаточности понятия «антинигилистический роман» находится в диссертации Ефимова, предпочитающего употреблять термин «антинигилистическая проза», потому что «между антинигилистическими романом и повестью нет принципиальных различий ни с точки зрения идеологии, ни на уровнях характерологии, мотивов и сюжетики».¹⁰ Однако и такие границы кажутся нам недостаточно широкими, поскольку они оставляют за рамками рассмотрения драматические произведения, содержащие тот же комплекс мотивов и сюжетов, а также «антинигилистические» басни, стихотворения и проч. Более уместно было бы говорить об антинигилистическом *дискурсе* как «совокупности высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций»,¹¹ т. е. системном множестве текстов, объединенных общей идеей («отрицание отрицания») и средствами ее прежде всего художественного воплощения (единство сюжетов, образов, мотивов). Дискурс может включать в себя множество подтипов — жанров,¹² при этом такое понимание жанра сочетается с традиционным определением этого термина как «исторически складывающегося типа литературного произведения»,¹³ т. е. мы можем говорить об «антинигилистических» романах, повестях, комедиях, трагедиях и т. д., встраивающихся в систему соответствующего дискурса и являющихся ее частными случаями. Таким образом, под антинигилистической литературой в работе будет пониматься совокупность произведений, направленных против нигилизма как «умонастроения, связанного с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры».¹⁴

⁴ Ефимов А. С. Краткая история русской антинигилистической прозы // Ефимов А. С. Нигилизм и готика. М., 2022. С. 308.

⁵ Склейнис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа // Вестник Вятского гос. университета. 2008. № 4. С. 145.

⁶ Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 137.

⁷ Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов. С. 288–289.

⁸ Безносов Э. Л. Аскоченский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 118.

⁹ Склейнис Г. А. Русский антинигилистический роман: генезис и жанровая специфика. Дис. ... доктора филол. наук. Магадан, 2009. С. 34–42.

¹⁰ Ефимов А. С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и готическая проза второй половины XVIII — первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 4.

¹¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 108.

¹² Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. 2010. № 6. С. 78–83.

¹³ Кожинов В. Б. Жанр // КЛЭ. 1964. Т. 2. Стб. 914–917.

¹⁴ Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 86–86.

В настоящем исследовании антинигилистический дискурс будет рассмотрен только в рамках художественной литературы, поскольку в первую очередь нас интересуют именно приемы изображения героя-нигилиста и соотносимый с ним комплекс сюжетов и мотивов.

Истоки антинигилистического дискурса: русский XVIII век

Русский нигилизм, как полагают историки идей, является порождением немецкой материалистической философии XIX века (Л. А. фон Фейербах, К. Фохт и др.), идеи французских утопистов и анархистов (Ш. Фурье, П.-Ж. Прудон), а также, как особо подчеркивает Ефимов, революционеров-якобинцев конца XVIII века, которые, в свою очередь, во многом переняли идеологию у французских просветителей (например, барон Анахарсис Клоотс, который называл зародившуюся республику «нигилистической» и занимался «дехристианизацией» Парижа¹⁵). В совокупности своих философских и социально-политических («приход» разночинцев, александровские реформы, сменившие «мрачное семилетие» правления Николая I) предпосылок русский нигилизм в узком понимании этого термина, безусловно, ограничен второй половиной XIX века, хоть и связан генетически с эпохой Просвещения. Антинигилистический дискурс, ставший в некотором роде ответом на дискурс нигилистический, нельзя, однако, трактовать только как его прямое следствие и отражение, что обычно делают исследователи (показательный пример такой трактовки — объявление фарса Григоровича родоначальником антинигилистического романа только по той причине, что там дан сатирический портрет Чернышевского, несмотря на то что в фарсе высмеиваются не столько его идеология, сколько личные качества). Русская литература реагирует на относительно новое общественное явление, используя уже известные ей художественные приемы, опираясь на давно высказанные идеи (которые при этом совершенно не претендуют на новаторство: в отличие от нигилизма, антинигилизм показательно традиционен). В этом смысле легитимным представляется поиск истоков антинигилистического дискурса в литературе предшествующих эпох.

Если взять в качестве объекта рассмотрения именно антинигилистический дискурс, то вопрос о его генезисе в русской литературе должен решаться иначе, чем при использовании (в качестве родового) понятия «антинигилистический роман». Склейнис справедливо связывала зарождение нигилистической темы в русской литературе именно с XVIII веком — однако важно, что в этот период не только появляются первые русские предшественники нигилистов, но и формируется «протоантинигилистическая» линия отечественной литературы (аналогичные иноязычные произведения мы здесь рассматривать не будем, хотя их влияние на формирование русского антинигилистического дискурса также может быть изучено).

Как указывает исследовательница, своего рода «импульсом к рецепции идей нигилизма на отечественной почве стали реформы Петра I»,¹⁶ способствовавшие секуляризации русского общества. Подлинную популярность «вольнодумство» (включающее наиболее радикальную свою форму — атеизм) набирает уже в середине и второй половине столетия в связи с распространением идей французских просветителей, прежде всего Вольтера (а также Ж.-Ж. Руссо, существенные отличия философии которого часто нивелировались в сознании читателей). История восприятия взглядов Вольтера в России неоднократно привлекала внимание исследователей.¹⁷ Обобщая их суждения, можно сказать, что, несмотря на попытки серьезного и глубокого постижения концепций философа (рецепция работ Вольтера, в том числе и их критика, в «Философических предложениях» Я. П. Козельского (1768), «Рассуждении о злоупотреблении

¹⁵ Косыхин В. Г. Нигилизм и диалектика. Саратов, 2009. С. 23.

¹⁶ Склейнис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа. С. 143.

¹⁷ См., например: Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 13–56; Златопольская А. А. Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI век) // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013. С. 7–28, и мн. др.

разума...» И. В. Лопухина (1780), «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона» В. А. Левшина (1781) и др.), массовую популярность в обществе середины XVIII века приобрела упрощенная трактовка идей Проповеди как тотального отрицания, подразумевающего «насмешки над церковью и религией, над русской „стариной“, общий скептический настрой, при этом без особого углубления в философские материи».¹⁸ Такое «вольнодумство» (согласно «Словарю русского языка XVIII века», «скептическое отношение к религиозным взглядам и политическим установлениям»),¹⁹ т. е., по сути, синоним вольтерянства как «прежде всего атеизма со всеми его неизбежными „спутниками“ — душевной холодностью, цинизмом, корыстолюбием, безграницным эгоизмом и множеством иных пороков»²⁰), конечно, не является прямым предшественником нигилизма XIX века, однако на внешнем уровне их объединяет совокупность общих черт, критика которых исходит из схожих предпосылок и реализуется в художественных произведениях похожим образом.

Мода на такое «нигилистическое» вольтерянство (под этим термином в работе понимается не столько «серьезная» рецепция работ Вольтера, сколько вульгарное повторение его искаженно воспринятого «отрицательного» пафоса) вызвала закономерное противодействие у более консервативно мыслящей части общества (с особой силой эта тенденция проявилась после начала французской революции 1789 года, когда резко меняется отношение к Вольтеру со стороны властей). В последние десятилетия XVIII века начинают активно публиковаться антивольтеровские сочинения (по преимуществу — переводные): «Вольтер обнаженный» (1787), «Вольтер изобличенный» (1792), «Предохранение от безверия и нечестия» (1794) и др.; подобные произведения будут печататься и в следующем столетии. Еще задолго до «официального» попадания французских просветителей в немилость вульгарное вольтерянство многократно высмеивалось и изобличалось в литературе и публицистике — в стихотворениях В. Д. Санковского, П. А. Озерова, повестях М. Д. Чулкова, А. Е. Измайлова, воспоминаниях Д. И. Фонвизина, романе П. Ю. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» и др. Например, герой последнего Плуталов называет церковную службу «заблуждением и пустосвятством»,²¹ а также отрицает святость брачных уз — эти черты, как будет показано в дальнейшем, в той же степени определяют и нигилистов XIX века.

Особое место в развитии «протоантинигилистического» дискурса XVIII века при надлежит жанру комедии. Тип героя-вольтерянца справедливо выделил еще в 1917 году В. В. Сиповский, усмотрев его черты в комическом щеголе.²² Хотя данная концепция не была принята в советской науке и не получила развития,²³ на современном этапе эта линия изучения была продолжена К. С. Мирутенко, которая, помимо рассмотренных Сиповским драматургов «первого ряда» (М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, В. И. Лукин и др.), анализирует в этом ключе пьесы других авторов, а также анонимные сочинения.²⁴ Герои драматических произведений этих писателей в совокупности воплощают многие черты, присущие образам нигилистов: они отрицают Бога, религию и вечную жизнь (Злорадов в «Моте, любовию исправленном» Лукина, Руфин в «Безбожнике» Хераскова, Молокосов и Непустов в комедии «О время!» Екатерины II, Иванушка в «Бригадире» Фонвизина и др.), святость брачных и вообще родст-

¹⁸ Майданская И. А., Майданский М. А. Вольтер, Руссо и русские вольнодумцы // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 195.

¹⁹ Вольнодумство // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 51.

²⁰ Заборов П. Р. Вольтерянство: К истории слова и явления // Вольтер: Pro et contra. С. 624–646.

²¹ Львов П. Ю. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки: В 2 ч. М., 1794. С. 32.

²² Сиповский В. В. Из истории русской комедии XVIII века: К литературной истории «тем» и «типов». СПб., 1917. С. 3–70.

²³ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 56.

²⁴ Мирутенко К. С. Вольтерянство в русской комедии XVIII — начала XIX века: к вопросу о типовых приметах образа петиметра в русской сатирической драматургии // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 142–160.

венных уз (Ядон в анонимной комедии «Злоумный», Руфин в «Безбожнике» и Змеяд в «Ненавистнике» Хераскова, Иванушка в «Бригадире», Беглоумов в анонимной комедии «Перемена в нравах» и др.), понятие законов и чести (Злорадов в «Моте» Лукина, Герострат в «Ядовитом» Сумарокова и др.), всё русское (Иванушка в «Бригадире», герои «Неудачного сговора» А. А. Майкова и др.). Часто вольтерьянцам в комедиях противостоят герои-резонеры — слуги (например, в «Моте, любовию исправленном», в анонимной комедии «Обман на обман, или Неудачный развод»), представители старшего поколения (как в комедии «Так и должно»).²⁵ Подобный идеологический конфликт и составит основу будущего антинигилистического романа.

Несмотря на общую закономерность, выявленную Сиповским и Мирутенко, черты героев-вольнодумцев не всегда совпадают с амплуа петиметра. Так, в комедии Лукина «Мот, любовию исправленный» (1765) кокеткой автор прямо называет Княгиню, обманутую Злорадом, как и сам центральный герой Добросердов.²⁶ У Злорада, главного антагониста произведения, черт щеголя не просматривается, зато его образ формируют другие характерные особенности: атеизм — неверие в посмертные муки и выбор в пользу земного, а не вечного наслаждения («...я не из числа тех простаков, которых будущая жизнь и адские муки ужасают. Лишь бы здесь пожить в довольствии; а там что со мною ни случится, о том не пекуся»²⁷), лицемерие и фарисейство (притворная дружеская верность Добросердову в начале произведения и его обличение в развязке), эгоизм («Добро делать, конечно, надлежит, но себе самому, а не людям. Вить мы для себя родимся; и потому лишь о себе и стараться нам должно»;²⁸ позднее именно «разумный эгоизм» станет благодаря Чернышевскому одной из основных нигилистических «добродетелей»).

Руфин из героической комедии Хераскова «Безбожник» также не принадлежит к категории петиметров. Уже название комедии определяет главную черту его мировоззрения — безбожие, причем не в виде атеизма (герой верует в Бога и даже просит Его о помощи в своих злодеяниях²⁹), а в виде отрицания божественных заповедей, богохорчества. Отсюда вытекают прочие свойства Руфина: он бесчестен, лицемерен, презирает институт брака (обманывает свою невесту Ксению и домогается жены друга). А. В. Западов справедливо говорит о том, что эти черты были присущи «французским материалистам и их русским последователям».³⁰

Таким образом, можно установить, что в русской литературе XVIII века (в частности, в комедии) присутствует особый тип героев-вольтерьянцев, который сочетается с иными амплуа (например, комического щеголя), но не сводится к ним. Перечисленные тексты, конечно, не исчерпывают весь перечень подобных и аналогичных явлений в литературе этой эпохи. Так, показательны «антимасонские» комедии Екатерины II, герои которых также разрушают семьи — например, в комедии «Обольщенный» (1785) — и, будучи обольстителями, заставляют своих жертв совершать преступления в том числе против религии — так, в комедии «Обманщик» (1785) Калифалкжерстон призывает Самблина отдать ему на переплавку складень — икону. Будучи взятыми по отдельности, черты таких персонажей характерны для многих злодеев мировой литературы (в меньшей степени — русской, к XVIII веку знавшей не так много подобных героев), но в совокупности в текстах полемической направленности они составляют особый тип, который, как можно предположить, впоследствии и сформирует антинигилистический дискурс.

Представляется, что в зарождении антинигилистического дискурса принимает участие и другой важнейший жанр драматургии XVIII века — трагедия. Ефимов

²⁵ Там же. С. 156.

²⁶ Лукин В. И. Мот, любовию исправленный // Российский Феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений. СПб., 1788. Ч. XIX. С. 32.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ Там же. С. 101.

²⁹ Херасков М. М. Безбожник // Российский Феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений. СПб., 1786. Ч. X. Т. 1. С. 35.

³⁰ Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избр. произведения. Л., 1961. С. 18 (Библиотека поэта. Большая сер.).

в исследовании, посвященном влиянию готической литературы на антинигилистическую прозу, справедливо указывает на то, что в целом ряде героев-нигилистов (Василий Свитке и Ардальоне Полоярове из дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пух», Глафире Бодростиной из романа Н. С. Лескова «На ножах»; сюда же можно было бы добавить, например, Бронского из романа В. П. Ключникова «Марево», Белоярцева из романа Лескова «Некуда» и т. д.) угадываются черты «трагического властителя», пользующегося своей неограниченной властью над людьми, фигуры, необходимой «для раскрытия тоталитарной / диктаторской сущности нигилистического мировоззрения».³¹ Исходя из концепции работы, ученый выводит генеалогию такого героя только из готической прозы, однако у этого персонажного типа есть и иной претекст — трагические тираны, в частности герои русской трагедии XVIII века (например, Клавдий в «Гамлете» Сумарокова (1748) и Димитрий Самозванец в его одноименной трагедии (1771), заглавный герой «Подложного Смердия» (1769) А. А. Ржевского, Христиан в «Рославе» (1784) и Мал и Зловред в «Ольге» (начало 1770-х) Я. Б. Княжнина и др.). Тесно связанные с такими персонажами мотивы безбожия или богооборчества, утверждения права сильного, отрицания ценности семьи, пренебрежения честью и законом также имеют свои аналогии в антинигилистическом дискурсе и позволяют рассматривать жанр трагедии как один из его возможных истоков.

Антинигилистический дискурс в литературе XIX века

Бытование «протоантинигилистического» дискурса в первой половине XIX века не является специальным объектом изучения в настоящей работе, но понятно, что он сохраняется в творчестве консервативно настроенных литераторов и публицистов. Так, с ним связаны и письма «Мелодора к Филалету» и «Филалета к Мелодору» (1793–1794) Н. М. Карамзина, направленные против идей французской революции, и статья Н. И. Надеждина «Сонмище нигилистов» (1829), в которой на русском языке впервые говорят о «мрачной преисподней губительного нигилизма»³² как отрицания культуры и образования.

Роман Аскоченского (помимо прочего, знатока и поклонника литературы XVIII века, в частности — трагедий Сумарокова и комедий Фонвизина и Княжнина)³³ «Асмодей нашего времени», названный предтечей антинигилистической прозы, многое черпает именно из литературы XVIII века. Комические герои-вольтерьянцы и трагические безбожники — генезис образа нигилиста Пустовцева, воспитывавшегося на трудах Вольтера и других просветителей прошлого столетия³⁴ (это расхожий источник формирования нигилиста: например, в романе Ключникова «Марево» гимназисту Коле проповедовали идеи Вольтера, Руссо и французских революционеров),³⁵ отрицающего религию и ценность семьи, насмехающегося над обществом и традициями, чуждого законам чести и гибнущего, отвергая божественную благодать и проклиная Его миро-зование, как Руфин у Хераскова или Полоний и Димитрий у Сумарокова. Кроме того, роман содержит и другие характерные приметы жанра комедии: говорящие имена (так, фамилия главного протагониста «Софьян» отсылает к имени «Софья» (мудрость), использовавшемуся в таком качестве, например, в «Недоросле»; внутренняя форма фамилии «Пустовцев» связана с пустотой, мертвенною бесплодностью его нигилизма), систему комических амплуа (комический простак, кокетки, резонер и т. д.), отдельные элементы драматической формы («рудименты» драматических монологов и диало-

³¹ Ефимов А. С. Готическое мироощущение русской антинигилистической прозы // Ефимов А. С. Нигилизм и готика. С. 192–193.

³² Надеждин Н. И. Сонмище нигилистов (Сцена из литературного балагана) // Вестник Европы. 1829. № 1, 2.

³³ Аскоченский В. И. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846. С. 70–82.

³⁴ Аскоченский В. И. Асмодей нашего времени // Аскоченский В. И. За Русь святую! М., 2014. С. 248.

³⁵ Ключников В. П. Марево. М., 2012. С. 233.

гов).³⁶ Как и в статье Надеждина, антинигилистический пафос Аскоченского сопряжен с антибайроническим: роман в какой-то мере является ответом на «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, критике подвергается романтизация демонического, свойственная этому писателю.³⁷ На литературу романтизма Аскоченский смотрит скорее не с позиции более «прогрессивного» реализма, а наоборот, из предшествующей эпохи, отчасти солидаризируясь в этом со своим героем Онисимом Небедой, консервативно настроенным старым чиновником, полагавшим, что «изящная словесность <...> ни на волос не подвинулась вперед со времени Державина и Карамзина».³⁸

Начиная с романа «Отцы и дети» в литературу вошла целая галерея героев-нигилистов. Центральную позицию в антинигилистическом дискурсе занимают романы и повести, однако участвуют в нем и комедии («Зараженное семейство» (1864) и «Нигилист» (1866) Л. Н. Толстого), и басни (например, многочисленные басни того же Аскоченского), и стихи (как то «Пантелеев-целитель» (1866), «Порой веселой мая» (1871), «Поток-богатырь» (1871) А. К. Толстого). Комплекс основных мотивов, содержащийся в этих текстах, роднит их с литературой XVIII века. Наиболее показательны здесь произведения, в которых неприятие нигилизма выражено предельно открыто и резко и которые содержат сатиру на это явление (если понимать под ней вслед за М. М. Бахтиным просто отрицательное «отношение творящего к предмету своего изображения»³⁹).

Обратимся к основным мотивам, характеризующим антинигилистический дискурс XVIII и XIX столетий.

а) Мотив атеизма/богоборчества

Этот мотив является, пожалуй, определяющим, поскольку в христианской картине мира именно Бог и отношение к Нему выступают главным критерием всей человеческой деятельности. По мысли Н. Н. Стыргиной, антинигилистический роман на всех уровнях утверждает христианские духовные ценности.⁴⁰ Нигилизм как всеобщее отрицание начинается с отрицания Бога. Фраза «Если Бога нет, то все позволено», приписываемая Достоевскому, довольно точно резюмирует взгляды писателя и его отношение к атеизму как источнику всякого зла. Этот принцип реализуется и в его антинигилистическом романе «Бесы» (в образах Петра Верховенского, Николая Ставрогина, участников кружка и др.), и в иных произведениях, обычно не причисляемых к антинигилистическим, но близких к этому дискурсу — романах «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Примечательно, что именно за безбожие Достоевский критиковал французского просветителя Руссо, называя его гуманизм «добродетелью без Христа».⁴¹ Атеистами-материалистами были тургеневский Базаров, нигилисты из романов «Некуда» и «На ножах» Лескова, дилогии «Кровавый пух» Крестовского и др. Зачастую им противостоят протагонисты — православные христиане-праведники, иногда даже священнослужители, что заостряет религиозную сторону конфликта. Стыргина обнаруживает черты праведника в отце Евангеле («На ножах»), владыке Иосафе и попе Сильвестре («Кровавый пух»),⁴² этот ряд можно дополнить и другими героями Крестовского и Лескова.

б) Мотив отрицания православия и всего русского

Мотив, характерный для комических петиметров-галломанов или, например, для Димитрия из трагедии Сумарокова, ненавидевшего русских и мечтавшего обратить

³⁶ Статья с подробным анализом этого романа в настоящий момент готовится к печати.

³⁷ Сартаков Е. В. Литература как публицистика: «антибайронский» текст С. А. Бурачка и В. И. Аскоченского // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II Междунар. науч. конф. Псков, 2018. Т. 1. С. 68–75.

³⁸ Аскоченский В. И. Асмодей нашего времени. С. 194.

³⁹ Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х. С. 8.

⁴⁰ Стыргина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

⁴¹ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8. С. 345.

⁴² Стыргина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики... С. 180–199.

Россию в католичество (пьеса была написана после польских волнений 1768–1772 годов), особенно часто связывается в романах XIX века с польской темой. Восстание 1863–1864 годов занимает существенное место в дилогии Крестовского «Кровавый пух» (в которой именно поляки объявляются источником революционных настроений в России и подробно описывается польская русофobia и ненависть католиков к православной церкви), романе Лескова «Некуда», романе Клюшникова «Марево» и др. Одно из основных отличий нигилиста XIX века состоит в том, что он политически активен, стремится преобразовать общество и государство, однако эта деятельность, с точки зрения авторов антинигилистической литературы прежде всего — разрушительная и руководимая врагами России, в целом сводится к обозначеному мотиву.

в) Мотив разрушения семьи

Этот мотив может быть разложен на множество более конкретных — неприятие брака, конфликт «отцов и детей», отказ от ребенка или его гибель и т. д. С точки зрения И. П. Смирнова, именно «продолжаемость родовой жизни» является главной ценностью антинигилистической литературы, и важнейшая черта героя-нигилиста в ней — выпадение из рода, отрицание ценности «родовой непрерывности».⁴³ Действительно, этот мотив неизменно формирует антинигилистический дискурс, начиная от драматических произведений Хераскова и Сумарокова и продолжая многочисленными героями, не признающими ценность семьи вообще (как Базаров, Марк Волохов и т. д.) или подменяющими ее коммуной (Белоярцев в «Некуда» и Горданов в «На ножах» Лескова, Поляров в «Кровавом пухе» Крестовского), что всегда оканчивается трагически. Оторванность от ценностей отцов — заглавная тема произведения Тургенева — находит свое предельное воплощение в романе В. П. Мещерского «Тайны современного Петербурга», в котором «зараженные» нигилизмом дети способствуют смерти матери (Ефимов трактует это как убийство России⁴⁴). Не менее важна и тема детей. Так, в романе «Панургово стадо» после похорон Нюты Лубянской, соблазненной нигилистом Поляровым, попавшей в коммуну и насилию лишенной ребенка, Устинов, один из главных протагонистов, рассуждает о том, что нигилисты, любящие говорить о свободном браке и женской эмансипации, в своих произведениях «тщательно избегают детей».⁴⁵ Бесплодность нигилизма, отсутствие в нем созидательного начала не раз подчеркивается в антинигилистической прозе именно через мотив гибели ребенка («Асмодей нашего времени» Аскоченского, «Марево» Клюшникова, «Кровавый пух» Крестовского и др.).

г) Мотив преступления

Герои-нигилисты, будучи имморалистами, зачастую творят зло (от поступков злонравных героев драматургии XVIII века до «уголовщины» в «Бесах» Достоевского, «На ножах» Лескова и др.). Отрицание моральных норм неизбежно приводит к их нарушению, отказ от Бога и категории греха — к грехопадению. Демонстрация преступлений, совершаемых такими персонажами, имеет основной целью преподнести нигилизм как общественную опасность, предупредить о катастрофических последствиях идеологии. Отдельный подвид таких «преступлений» — нравственные, не против закона, а против морали, например фарисейство, роднящее, скажем, Злорада у Лукина и Полярова у Крестовского (герой-нигилист при необходимости сам готов активно бороться с нигилистами, наказывать и обличать их).

д) Мотив власти и права сильного

Несмотря на постулируемый отказ от авторитетов, нигилисты объединяются в сообщества с жесткой иерархией и практически неограниченной властью лидера (мотив «Бесов», «Кровавого пуха» и др.). Герой-нигилист часто стремится к власти, дающей ему силу и положение «вершителя судеб», которым он пользуется, подменяя собой отрицаемого им Бога. Таковы и тираны из трагедий XVIII века (чаще всего — узурпаторы, как в случае с сумароковскими Клавдием и Димитрием, т. е. люди, получившие власть не от Бога, а собственным произволением), и герои произведений следующего

⁴³ Смирнов И. П. Психодиахронологика. М., 1994. С. 115–119.

⁴⁴ Ефимов А. С. Готическое миоощущение русской антинигилистической прозы. С. 267–272.

⁴⁵ Крестовский В. В. Кровавый пух: В 2 кн. М., 2021. Кн. 1. Панургово стадо. С. 331.

столетия. Нередко демонстрируется, как такие персонажи тлетворно влияют на окружающих, сбивая их с истинного пути: их жертвами оказываются и Добросердов в «Моте, любвию исправленном» Лукина, и Бакланов во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского, и Лиза в «Некуда» Лескова. Зачастую нигилисты получают реальную власть, становясь чиновниками и расшатывая государственность изнутри (например, Термосов в «Соборянах» или инспектор народных училищ Охрименко в «Торжестве Баала», прямо постулирующий этот тезис).

Приведенный список мотивов, общих для антинигилистического дискурса, безусловно, является открытым. При этом понятно, что в конкретных произведениях упомянутые мотивы могут быть реализованы в разной степени или не реализованы вовсе. Невозможно провести четкую границу между текстами, входящими в число антинигилистических, и теми, которые к ним не относятся: дискурс устроен по полевому принципу,⁴⁶ причем в его центре находятся те тексты, в которых основная группа мотивов выражена наиболее полно (например, роман Лескова «На ножах»), а на периферии — те, где они представлены слабо (к примеру, фарс Григоровича «Школа гостеприимства»).

Истоки антинигилистического дискурса в пределах русской литературы, таким образом, обнаруживаются уже во второй половине XVIII века. Эта линия вновь актуализовалась уже спустя столетие в виде антинигилистической литературы (что подтверждает Тыняновскую концепцию литературной эволюции).⁴⁷ Описанный здесь в своем единстве, безусловно, этот дискурс внутренне эволюционировал, не был однородным и неизменным — однако анализ этой эволюции уже выходит за рамки настоящей статьи. Другой важный вопрос, который еще предстоит разрешить, — какова дальнейшая судьба антинигилистического дискурса после рубежа 1870–1880-х годов — времени, когда, по мнению исследователей, уходит в прошлое антинигилистическая проза.

⁴⁶ Барбун В. В. Дискурс как поле и принципы его построения // IN SITU. 2022. № 7. С. 20–23.

⁴⁷ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-121-130

© Е. Н. Пенская

КОМЕДИЯ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО» И ТРАДИЦИИ УСАДЕБНОГО ТЕАТРА*

Первая пьеса трилогии «Картины прошедшего», как и весь драматический цикл, прочно вписаны в исследовательскую практику изучения литературы и театра конца XIX — XXI века.¹ Об этом свидетельствуют последние научные издания, в которых представлена полная библиография, посвященная драматургу.² «Свадьба Кречинского», одна из самых известных пьес, наиболее часто обсуждалась в критике и академических трудах, благодаря чему сложилось несколько устоявшихся интерпретаций литературно-театрального дебюта автора, отсылающих, с одной стороны, к разнообразной французской комедийной традиции XVII–XVIII веков, к зрелищной природе бульварных

* Работа выполнена при поддержке РНФ. Проект № 22-68-00066, НИУ ВШЭ.

¹ Соколова Т. В. Фонд А. В. Сухово-Кобылина в ГЛМ: опыт архивной реконструкции // Альбом-каталог «Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея». М., 2021. С. 69–107.

² Соколинский Е. К. А. В. Сухово-Кобылин: расширенная библиография 2012–2018 // «Невидимая величина». А. В. Сухово-Кобылин: Театр. Литература. Жизнь. М., 2024. С. 410–433.

театров, хорошо знакомых Сухово-Кобылину.³ С другой стороны, оправдан анализ, подтверждающий глубокие связи сочинений Сухово-Кобылина с русской литературой середины XIX века.⁴

Однако, на наш взгляд, остается упущенными целый пласт традиций русского усадебного театра, в почве которого укоренена «Свадьба Кречинского».

История изучения частного театра в России, или, как еще принято его называть с учетом нюансов каждого родственного типа — усадебного, любительского, домашнего, крепостного, — насчитывает более 100 лет. За это время собраны и прокомментированы многие источники, разработана методология их описания на разных этапах с учетом накопленного исследовательского опыта.⁵

Историко-культурный и бытовой контекст крепостного театра в Выксе, одной из крупнейших негосударственных сцен в России, где во второй половине 1850-х годов была создана и поставлена «Свадьба Кречинского», — серьезная лакуна в изучении самой пьесы в рамках развития усадебного театра.

Выксунский крепостной театр — самый ранний театр, основанный И. Р. Баташевым (1732–1821), по мнению ряда исследователей, на рубеже XVIII–XIX веков или даже около 1812–1814 годов,⁶ просуществовал до смерти владельца, когда усадьба перешла его зятю Д. Д. Шепелеву (1771–1841). По всей вероятности, это тот самый театр, который был указан в описании Выксунских заводов и усадьбы 1823 года, сделанном П. П. Свииным.⁷ Здание было заменено театром Шепелевых в 1830-е годы. Оно находилось в конце центральной аллеи парка, идущей от господского дома Баташевых. Театр посещали члены семьи Баташева, его родственники, знакомые и гости. Здесь имелся оркестр и актерская труппа, состоявшая, по большей части, из талантливых крепостных крестьян и мастеровых. Кроме того, Баташев приглашал в Выксу артистов Москвы и Санкт-Петербурга. Театр «баташевского» периода в основном был предназначен для постановок драматических произведений и опер-водевилей.

С 1821 года, после смерти Баташева, его зять становился полновластным хозяином Выксы и опекуном своих детей. Точных даты существования нового здания театра источники не дают, но по косвенным указаниям можно предположить, что Шепелев приступил к его постройке в период с 1816 по 1826 год либо уже, что вероятнее, после 1830-го, когда окончательно вышел в отставку.

Следующий этап истории Выксунского крепостного театра — конец 30-х — начало 40-х годов XIX века. После смерти Шепелева заводы и усадьба перешли к его наследникам. Это период наивысшего расцвета, когда за театром утвердилась репутация одного из сильнейших среди домашних. Само здание театра, сценическая и техническая части, внешняя и внутренняя отделка были великолепны. Постановки отличались пышностью, а игра актеров — безупречностью. «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста» Л.-Ж.-Ф. Герольда, «Волшебный стрелок» К. М. фон Вебера, «Фра Дьяволо, или Остория в Террачино» Д.-Ф.-Э. Обера, «Пират» В. Беллини, «Дон-Жуан» В. А. Моцарта — эти оперы шли на его сцене.⁸

³ Гроссман Л. П. Театр Сухово-Кобылина. М.; Л., 1940. С. 37–39.

⁴ Калмановский Е. С. Драматические произведения А. В. Сухово-Кобылина и русская литература 1850–1860-х гг. // Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л., 1989. С. 243–283 (сер. «Литературные памятники»).

⁵ Ефремова Н. Г., Купцова О. Н. Театр // История русского искусства: В 22 т. М., 2023. Т. 13.2. Искусство провинции второй половины XVIII века / Отв. ред. Г. К. Смирнов. С. 1018–1187.

⁶ Комовская Н. Д. Из истории крепостного театра в Выксе // Люди русского искусства. Горький, 1960. С. 37.

⁷ Свиинин П. П. Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его детям. СПб., 1826.

⁸ Пенская Е. Н. Усадебный театр в Выксе. По материалам рукописного наследия Евгении Тур // Карабихинские научные чтения «Литература — усадьба — музей. Диалог культурных пространств (От некрасовской эпохи до нашего времени)»: Материалы науч.-практ. конф. (Ярославль — Карабиха, 29–30 июня 2023 года). Ярославль, 2023. С. 80–88.

Сохранилось несколько сделанных очевидцами описаний театра, позволяющих примерно реконструировать его внешний вид и планировочную структуру.

Известно, что часть живописи в интерьере и декораций, помимо крепостного художника Кораблева, была выполнена обрусевшим итальянцем М. И. Скотти (1814–1861). Некоторые подробности работы сохранились в его личной переписке. В апреле 1838 года Скотти сообщал В. И. Григоровичу из Выксы о том, что он закончил большие декорации к французской опере «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста» и немецкой опере «Волшебный стрелок».⁹

Первое подробное упоминание театра Шепелевых было сделано знаменитым балетмейстером А. П. Глушкиным (1793 — ок. 1870), который прожил в Выксе несколько месяцев в 1839 году.¹⁰ Краткое описание интерьеров есть и у П. А. Стрепетовой (1850–1903), ранняя биография которой также связана с Выксой.¹¹ Восхищение театром отразилось и в мемуарах скрипача и композитора Н. Я. Афанасьева (1821–1898). Он служил капельмейстером в Выксе с 1841 по 1846 год, создал оркестр и руководил им, а также поставил более десяти опер. Он сравнивает выксунский театр со столичными, сопоставляя с Мариинским.¹²

Еще одно свидетельство принадлежит Е. М. Феоктистову (1828–1898), писателю, журналисту, сотруднику «Современника» и «Отечественных записок» и редактору «Русской речи», а затем чиновнику, главному цензору России, в течение 30 лет руководившему управлением по делам печати Министерства внутренних дел. В 1840–1850-х годах он был домашним учителем детей Евгении Тур (урожденной Е. В. Сухово-Кобылиной, сестры драматурга). Он бывал в Выксе в те годы, когда огромный Шепелевский театр уже не использовался, но воспоминания о нем еще были свежи.¹³

Судя по источникам, деревянный театр просуществовал до начала 1850-х годов, когда был разобран, что совпало с разорением Шепелевых и передачей управления Василию Александровичу Сухово-Кобылину. Вскоре после введения опеки театральные представления были прекращены, здание театра сломано, театральное имущество — декорации, костюмы, бутафория — отвезено в Нижний Новгород в распоряжение местной театральной дирекции.

Через некоторое время по просьбе наследников Шепелевых было выстроено новое, третье по счету каменное здание театра. Оно было значительно меньше предыдущих. Отделка его не была столь роскошной. Евгения Тур в 1854 году упоминает «павильон», где ставили сцены владельцы усадьбы и их гости.¹⁴ Предположительно он просуществовал до 1893/1894 года, когда был окончательно разрушен.

Кроме немногочисленных мемуаров, есть и другие группы источников, в основном не опубликованных, где рассредоточены упоминания о Выксе. Прежде всего это дневники и записные книжки А. В. Сухово-Кобылина, его сборания газетных и журнальных вырезок с пометами разной степени подробности, вставками дневникового характера (РГАЛИ), а также эпистолярный корпус нескольких семей — Сухово-Кобылиных, Петрово-Соловово, Кутайсовых, Голицыных, Щербатовых, — связанных узами родства (ОР РГБ).¹⁵

С середины 1840-х до 1860-х годов корреспонденты среди прочих документов в общей сложности обменивались примерно двумя сотнями писем, циркулировавших между Выксой и другими городами (РГБ. Ф. 223. Петрово-Соловово и Сухово-Кобылины).

⁹ Маркина Л. А. Живописец Михаил Скотти. М., 2017. С. 57.

¹⁰ Глушкинский А. П. Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 117–128.

¹¹ Стрепетова П. А. Воспоминания и письма. М.; Л., 1934. С. 218.

¹² Афанасьев Н. Я. Воспоминания // Исторический вестник. 1890. Т. 41. С. 23–49.

¹³ Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний // Атеней: Историко-литературный временник. Л., 1926. Кн. 3. С. 48–50.

¹⁴ Пенская Е. Н. «Потерянный рай» Евгении Тур (Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнэм и ее «Воспоминания») // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 39. Р. 194–227.

¹⁵ Родионова А. Е. Семейные документы Сухово-Кобылиных в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения-2020: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–24 апреля 2020). М., 2021. Ч. 2. С. 236–245.

Из всего объема опубликовано примерно полтора десятка писем самого драматурга за данный период.¹⁶ Остаются неопубликованными его записные книжки¹⁷ и большая часть его дневников.¹⁸ Это десятки тысяч листов. Расшифрованные же требуют тщательной сверки с рукописными первоисточниками и уточнения.

Выкса упоминается в рукописном наследии Сухово-Кобылина неоднократно и прежде всего в 1850-х годах в связи с созданием пьесы «Свадьба Кречинского». В дневнике фиксируются приезды в Выксу, времена года, занятия, описания природы и погодных условий, хозяйственные хлопоты, круг общения.¹⁹

Ниже приведены дополненные по архивным источникам упоминания о Выксе в сухово-кобылинском дневнике, имеющие отношение к пьесе «Свадьба Кречинского». Они помогают выявить архитектонику комедии, метаморфозы пространства, языка и системы персонажей. Их корни уходят в выксунский мир, где театр являлся частью усадебной жизни, сложно устроенного хозяйства, цивилизации баташево-шепелевских заводов.

Обозначим несколько линий.

Как известно, метафоры охоты отчетливо проступают в языковом рисунке пьесы, сопровождая ее основные коллизии.²⁰ Матrimonиальный сюжет — поиск жениха и невесты — превращается в охотничий промысел, а система персонажей подвижна: те, кто в предыдущем эпизоде относились к охотникам, в последующих становились добычей, жертвой. Охотничий язык «Свадьбы Кречинского» — это не просто ряд терминологических вкраплений в бытовую речь. Это языковой каркас, стилистическая основа, придающая ей совершенно необыкновенный лингвистический колорит, неожиданное звучание. Охотничий язык в пьесе соединен с другими речевыми пластами множеством ассоциативных связей: каждое слово становится целым миром, «бездной пространства» по Гоголю.

Богатый словесный бестиарий разворачивается между кульминациями в речевой перестрелке реплик VIII явлений первого и последнего действия:

«А тут ева. А вот вам Нелькин дался! Вы бы его в свете посмотрели, так, думаю, другое бы сказали. Ведь это просто срамота! Вот вчера выхлопотала ему приглашение у княгини — стащила на бал. Приехал. Что ж, вы думаете? Залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой: никого не знает. Вот что значит в деревне-то сидеть!»²¹

И в самом finale, когда вскрылся обман Кречинского:

«Бек (кричит). Да ведь это зверь! ведь он зверь! уйдет! Держи! Моих шесть тысяч за стекло выдано, за фальшивую булавку!.. Подлог!.. В тюрьму его, в тюрьму!»²²

Возьмем на заметку, что этот охотничий пласт — событий и их описаний в дневнике Сухово-Кобылина — достаточно насыщен. Так, работа над пьесой фиксируется параллельно с финансовыми хлопотами, заботами в связи с продолжающимся судебным процессом, приготовлениями к охоте в Выксе, кратким итогом добычи. Неизменным спутником в охотничьих сборах выступает Николай Дмитриевич Шепелев, дядя, двоюродный брат матери Сухово-Кобылина, страстный театрал, вкусу которого дра-

¹⁶ Сухово-Кобылин А. В. Письма к родным // Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. М., 1934. Вып. III. С. 187–274.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 221, 223, 225, 226, 229, 234, 241–250, 252, 254.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 219, 222, 224, 227, 228, 230–233, 235–240.

¹⁹ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // Дело А. В. Сухово-Кобылина / Сост., подг. текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой; вступ. статья и комм. В. М. Селезнева. М., 2002. С. 239, 242, 250, 291, 303, 349, 466, 483 (сер. «Россия в мемуарах»).

²⁰ Пенская Е. Н. Стрелок или игрок? «Призрак оперы» и границы комедийного мира в «Свадьбе Кречинского» // Феномен пограничной зоны в литературе и культуре. Новосибирск, 2014. С. 66–90.

²¹ Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского // Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. С. 13. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

²² Там же. С. 64.

матург доверял и которому посвятил последнюю часть трилогии «Смерть Тарелкина». Кроме того, эта совокупность записей имеет еще и дополнительные коннотации спра-вочно-библиографического характера, поскольку отражает и факты литературно-теа-трального собирательства, ориентированного в том числе и на усадебную постановку в шепелевском театре. О наличии «библиотеки охотника» свидетельствуют упоми-нания авторов тематических книг: например, Н. М. Реутт «Псовая охота» (1846), спе-циалист по русской борзой, и «Коннозаводство и охота», издаваемый им с 1842 по 1866 год журнал; «Псовая охота вообще, составленная служившим государевым стре-мянным в придворной охоте А. Венцеславским, членом-корреспондентом Специаль-ной комиссии коннозаводства и корреспондентом Императорского Вольного экономи-ческого общества» (1847). Выписки Сухово-Кобылина сопровождаются комментария-ми. Среди них находим также отсылки к тонким лингвистическим наблюдениям Н. Д. Шепелева над фантастическими терминами и языком Реутта, «подходящим раз-ве что мелодрамам и отжившим свое время повестям, à la Марлинский и Дриянский».²³ Романтический ритм и лексика обнаруживаются читателями 1850-х годов сразу во введении к «Псовой охоте»: «На необозримом пространстве России, под влиянием раз-нообразного климата и множества природных средств, охота производится в исполн-ских размерах: там тысячи метких выстрелов оглашают горизонт; там твердая рука острый железом убивает разъяренного зверя; там с быстротою молнии, на лихих, чуд-ных конях, со сворами кипящих борзых пролетают и плодоносные поля, и пустынные степи; там, наконец, и расчетливый механизм и неусыпная бдительность предают во власть человека полезных ему животных».²⁴

Отметим еще один тип работы Сухово-Кобылина с «охотничьей библиотекой», использованный им в «Свадьбе Кречинского». К журнальным оттискам публикаций он нередко обращается как к сырьевым заготовкам для собственных сочинений. На-верное, неслучайно соединение «спорта» и «охоты» в репликах Расплюева относится в том числе к теме, апробированной во второй половине 1840-х годов.

А. С. Хомяков опубликовал в журнале «Москвитянин» в феврале 1845 года ста-тью «Спорт, охота», в которой Сухово-Кобылиным подчеркнут фрагмент: «Всякого рода охоту англичане называют спорт. Охота с собаками, с ружьем, с птицею, ловля зайца, волка, льва, слона, бабочки, ловля удочкой или неводом, багром или острогою, ловля гольца или кита, все это спорт <...> Важность, с которой англичане говорят об охоте, сильное участие, которое она возбуждает, огромность сумм, ежегодно употреб-ляемых для ее усовершенствования и поддержания, почти невероятны». А на полях оттиска²⁵ вписаны слова Расплюева: «Англичане! хе, хе, хе! Помилуйте! да от кого вы это слышали? ... Ненавижу я, сударь, эту нацию». Здесь приведена фраза Расплюева в усеченном виде. С ним, как центром охотничьего бестиария в «Свадьбе Кречинско-го», связаны коннотации английского бокса, преследования, травли, погони, запуты-вания следов, путаницы положений. В ответ на попытку выяснить хозяйственныe, в особенности агрономические навыки Расплюева, Муромский слышит: «Англичане! хе, хе, хе! Помилуйте! да от кого вы это слышали? Какая там агрономия? все с голоду мрут — вот вам и агрономия. Ненавижу я, сударь, эту нацию....» (с. 54).

К охотничьему срезу, столь многообразно отразившемуся в текстовой ткани пер-вой пьесы Сухово-Кобылина, можно отнести и данные Н. Д. Шепелеву рекомендации обратить внимание на «Записки мелкотравчатого» Е. Э. Дриянского, первый вариант которых под названием «Мелкотравчатые. Очерк из охотничьей жизни» опубликован в «Москвитянине» (1851. № 2). Оттиск хранился Сухово-Кобылиным в той же его кол-лекции вырезок,²⁶ что подтверждает погруженность в «охотничий эпос», посвященный

²³ Сухово-Кобылин А. В. Альбом газетных и журнальных вырезок // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 29.

²⁴ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // Там же. Ед. хр. 221. Л. 23, 24, 24 об. (запись 17 февра-ля 1854 года).

²⁵ Сухово-Кобылин А. В. Альбом газетных и журнальных вырезок. Л. 18.

²⁶ Там же. Л. 24–52.

изображению мира псовой охоты с его особой поэзией, психологией и мифологией, когоритной языковой фактурой.²⁷

Любопытен диапазон этой коллекции, содержащей столь разные произведения, — от «Комедии в комедии в 3 действиях» Дриянского²⁸ до драмы актера и писателя А. В. Иффланда «Охотники. Изображение сельских нравов в пяти действиях» (1785).

Последняя, видимо, ставилась на выксунской сцене, так как в дневнике Сухово-Кобылина цитирует диалог Рудольфа и Матвея, открывающий первое действие «Охотников»: «Рудольф, имея на себе охотничью суму, ставит ружье к стенке и входит в боковую комнату на левой руке, потом входит Матвей, одетой, волосы в бумагах, и белой колпак на голове.

Матвей, лениво идущи тихими шагами, держа руки в карманах. Рудольф, Рудольф! малой этот глух, ей! Рудольф!

Рудольф (в комнате). Что там?

Матвей. Мне нужда с тобой поговорить.

Рудольф (входит, чистя ружье). Мне недосуг — старик и так сердится, что мы опоздали, на возьми — подержи.

Матвей. Будь я бездельник, есть ли хотя за одно ваше ружье примусь».²⁹

Цитата сопровождается пояснением: «бесподобно исполняли роли Федор и Иван»,³⁰ возможно крепостные актеры. «Охотники» в свое время вызывали восторг не только публики, но и прессы. Указание на их присутствие в выксунском репертуаре показательно, поскольку выбрана одна из когда-то самых популярных пьес, в которой занимательная интрига заставляет зрителя сопереживать положительным героям, преодолевающим все несчастья, следить за перипетиями противостояния добродетельной и простодушной семьи лесничего и развращенной, испорченной стяжательством семьи горожанина-чиновника.³¹

Очевидно, что обращение Н. Д. Шепелева и Сухово-Кобылина к охотничьей теме, к 1850-м годам в литературе потерявшей остроту и новизну, с одной стороны, рутинно объясняется общими бытовыми пристрастиями поколения, но с другой — помогает восстановить наглядно тот плавильный котел, что представлял собой усадебный театр. Эстетическая непрогнозируемость, эклектизм, субъективность, нерегламентируемость выбора художественной стратегии — все эти факторы прихотливо преображались в первой пьесе Сухово-Кобылина, ставшей ядром национального репертуара. Охотничья метафорика порождает другую голосовую и образную партию, родственную, разбойничью, столь же интенсивно пропитавшую драматургическую плоть «Свадьбы Кречинского»:

«1853. Генварь, февраль, март на Выксе писал ответ в Министерство финансов и писсусу. <...>

Сентябрь. <...> Отправился на Выксу и заключил условие с Николаем <Шепелевым. — Е. П.».

Кроме хозяйственных дел, наметили постановки в домашнем театре. Читали вместе и смеялись немало. А кругом „Не леса шумят, не погодушка / Разыгралася! / Нет, рязанская наша волюшка / Разгулялася! / Родились мы врозь, породнились вдруг, / Ночкой темно! / Съединил друзей закадычный друг/ Свахой остроу!..“³²

²⁷ Щеголев П. Е. Вступительная статья // Дриянский Е. Э. Записки мелкотравчатого. М.; Л., 1930. С. 2–37.

²⁸ Дриянский Е. Э. Комедия в комедии. Оттиск из журнала «Москвитянин». 1855. № 6 // Сухово-Кобылин А. В. Альбом газетных и журнальных вырезок. Л. 11.

²⁹ Иффланд А. В. Охотники. Изображение сельских нравов в 5 действиях / Пер. с нем. М. Фрейтах. СПб., 1802. С. 2.

³⁰ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 11 (запись 10 апреля 1853 года).

³¹ Тронская М. Л. Мещанская драма и роман 80–90-х годов // История немецкой литературы: В 5 т. М., 1963. Т. 2. С. 326.

³² Сухово-Кобылин А. В. Дневник // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 7 (запись 9 сентября 1853 года).

Следуя сложившейся привычке, Сухово-Кобылин вводит чужой текст в свои дневниковые размышления — в данном случае хор разбойников из драмы популярного в 1830-е годы поэта, писателя К. А. Бахтюрина³³ «Козьма Рощин, рязанский разбойник».³⁴

Атаман Кузьма Рощин — не только герой народных сказаний, один из многочисленных нижегородских разбойников, известный в первую очередь по сборнику «Пре-дания и сказки Нижегородской области», составленному фольклористом Н. Д. Комовской (1897–1986),³⁵ но и реальная историческая фигура, популярная в литературе и театре XIX века.³⁶ Захватывающие похождения Рощина, чуть ли не центрального персонажа богатой выксунской мифологии, соотносились с деятельностью заводчиков братьев Ивана и Андрея Баташовых, основавших в 1750–1770-х годах металлургические заводы в Выксе. Об устойчивости этих разбойничьих преданий, зародившихся в Муромских лесах, свидетельствуют реальные факты. Много позднее Н. Я. Афанасьев вспоминал о том, как при отъезде из Выксы во второй половине 1840-х годов ему выделили в дорогу сопровождающих, чтобы благополучно избежать последствий встречи с шайкой разбойников, орудовавших в лесной глухи.³⁷

Нельзя исключить постановку пьесы Бахтюрина на выксунской сцене, но также значимо знание Сухово-Кобылина о ней, приобщение к лаборатории работы над «Свадьбой Кречинского», где разбойничья тема составляет каркас текста, развиваясь на нескольких уровнях.

Завязка пьесы предполагает вполне ординарное, проходное значение лексемы «разбойник» в речи персонажей. Речевой акт сам по себе не несет какой-либо маркированной составляющей, и наименование «разбойник», адресованное Тишке, уравнивает его с предметом, вещью, в данном случае с колокольчиком, который он безуспешно пытается прикрепить. Сама по себе ситуация глупая, досадная, разбойничья. Она нарушает порядок, установившийся баланс в домашнем обиходе помещика Муромского. И Тишка падает с лестницы, теряя равновесие:

«А т у е в а (складывая крестом руки). А! ты, разбойник, со мною шутку шутишь, что ли?.. Что ж, ты нарочно туда влез разговоры вести... а? Прибивай!..

Т и ш к а. Где милости вашей...

А т у е в а (выходит совершенно из себя и топает ногою). Прибивай, разбойник, куда хочешь прибивай... ну постой, постой, пьяная бутылка, дай мне срок: это тебе даром не пройдет» (с. 9).

«М у р о м с к и й. <...> Эй, ты, Тишка! епанчай! пономарь пустой колокольни! поди сюда! <...> Поди сюда! сымай его, разбойника!» (с. 18).

Развитие действия и кульминация маркируются сгущением языковых вариаций разбойничьего словаря вокруг Расплюева, обсуждающего с Федором, слугой Кречинского, и самим Кречинским карточный грабеж, в котором замешан Расплюев. Нарастающая частотность слова «разбойник» сама по себе является сигналом, организующим элементом сцены-репетиции, триггером дальнейших лихорадочных планов Кречинского, его догадок, озарений. Кречинский словно бы запускает сначала речевой механизм, а затем молниеносно созревает стратегия. Так из пустой словесной перепалки с Расплюевым мгновенно возникают в сознании Кречинского все контуры тайной

³³ Ильин-Томич А. А. Бахтюрин Константин Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 185–186.

³⁴ Бахтюрин К. А. Козьма Рощин, рязанский разбойник. Драма в трех действиях, в стихах. СПб., 1839. С. 19. Издание представляет собой приложение к журналу «Репертуар русского театра» за 1839 год. На титуле пьесы обозначено: «Сюжет заимствован из известного прозаического рассказа М. Н. Загоскина. Первый раз представлена в Александринском театре в 1836 г.». Повесть Загоскина была напечатана в 1836 году в журнале «Библиотека для чтения».

³⁵ Комовская Н. Д. Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1951. С. 12.

³⁶ Турусов И. В. Окский разбойник Рощин в нижегородских и владимирских преданиях // Уваровские чтения. Муром, 2006. [Вып.] VII. С. 75–92.

³⁷ Афанасьев Н. Я. Воспоминания. С. 27.

разбойничьей операции с подделкой булавки — «Эврика!» — непостижимой для Федора и Расплюева:

«Расплюев. Какое ж ученье?.. Собаки той нет, которая бы этакую трепку вынесла: так это уж не ученье. — Просто денной разбой.

Федор. Гм... разбой? В чужой карман лезете, так — как не резнуть: всякий резнет...» (с. 30).

«Кречинский. Ведь я тебе, разбойнику, велел украсть... (запальчиво) обворовать!!! (душишт его) и достать мне денег!..» (с. 36).

«Расплюев (потерявши). Как?! Да это... это, стало, разбой!.. измена! ай, измена!!! (Идет опять к двери и толкает его.) Пусти, пусти, разбойник! пусти, говорю!..» (с. 43).

«Расплюев. Ах, Хам! Хам! (Бьет себя по лбу.) Зарезал!!! Аах! чертова шайка! вижу, вижу... Так вы меня под обух!.. Нет, постой! (Наступает на него в азарте.)» (с. 44).

И наконец, катастрофическая развязка закольцовывает действие и возвращает к началу. Семейство Муромских оказалось в окружении разбойников. Сообщники все — Тишка, Расплюев, Кречинский. Слово «разбойник», вытесняя все остальные речевые средства, захватывает собой все языковое пространство.

«Бек. Вот он, разбойник! разбойник! Ох ты, разбойник; стекло заложил! под стекло деньги взял, разбойник! (Бегает.)

Кречинский стоит покойно, сложа руки.

Берите его: вот он! берите, берите же! <...> Стой, стой! Куда, разбойник? ах, разбойник!» (с. 63).

Такой взаимообмен выксунского закулисия и «большой» сцены, на которую ориентируется «Свадьба Кречинского», происходил по-разному.

Еще один случай, косвенно связанный с усадебным театром, но ставший одним из ключевых звеньев в комедии, в дневнике Сухово-Кобылина озаглавлен «Колокольчик».

Драматург вспоминает о поездке в Италию вместе с Н. Д. Шепелевым. Не исключено, что к этому времени относится и мемуарный пассаж о том, как они «еще юношами жили <...> на высотах Альбано, <...> и зачитывались Гоголем до упаду» (с. 139) — посвящение к фарсу «Смерть Тарелкина». В дневниковой записи Сухово-Кобылина речь идет о совместном посещении премьеры в 1836 году оперы-буфф «Il campanello» G. Donizetti («Колокольчик» Г. Доницетти) в Teatro Nuovo в Неаполе, о возможности постановки в Выксе этого произведения.³⁸ Через десять лет «Колокольчик» шел в Петербурге, в Марииинском театре. Комические гротескные положения составляют суть буффонной основы.

В роскошном доме Аннибale Пистакко собрались гости, чтобы отпраздновать свадьбу знаменитого врача и его юной невесты Серафины. Среди гостей — Энрико, коварный кузен Серафины и бывший любовник, который полон решимости вернуть ее. Потерпев неудачу, Энрико умиrotворяет жениха зажигательным тостом перед отъездом. Как раз в тот момент, когда Аннибale готовится к брачной ночи с Серафиной, раздается звон дверного колокольчика и начинается «театр в театре» — каскад переодеваний и смены ролей — появляется Энрико то в одежде пациента, нуждающегося в лекарствах, то в костюме певца, потерявшего голос, то в образе слепого, требующего лекарства для своей больной «жены». Он рассказывает длинные истории, устраивает беспорядок в квартире и отвлекает доктора, чиня ему бесконечные препятствия и отдавая сладость брачной ночи. По мере того, как раздражение Аннибale растет, Энрико находит все более абсурдные причины, чтобы не дать доктору уснуть. Он уходит и возвращается снова. Аннибale безрезультатно пытается выпроводить его и вернуться к Серафине, но уже слишком поздно. Наступил рассвет, и он должен отправиться в Рим, чтобы проследить за исполнением завещания своей тети. Серафина выправливает его за дверь, а Энрико присоединяется к гостям и напоминает Аннибale, что

³⁸ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 32 (запись 18 августа 1853 года).

удовольствия первой брачной ночи будут сопровождать его всю оставшуюся жизнь. Все прощаются с Аннибале.

Этот зловещий комизм по-своему отразился в «Свадьбе Кречинского». Колокольчик — единственный «звуковой» инструмент во всей пьесе — сыграл роковую роль предвестника беды и разрушения. Комедия открывается вроде бы нелепым эпизодом — перебранкой Атуевой и Тишкой по поводу размещения колокольчика в гостиной. Колокольчик становится камнем преткновения и одновременно пусковым механизмом для раздражения Муромского, назвавшего Тишку «пономарем пустой колокольни» (с. 18). Контрапунктный речитатив Атуевой и Муромского, их буффонный спор, вызванный колокольчиком, обретает «экзистенциальный» характер и вскрывает их разногласия по поводу главных жизненных принципов — воспитания, ведения хозяйства в столице и в деревне, светской жизни. Появление Кречинского и его предложение снять колокольчик и повесить его у входной двери, а не в комнате, стимулирует метаморфозы колокольчика, словесную эквилистику, им порождающую: «колокольчик — вечевой колокол» становится катализатором дальнейших почти судорожных движений персонажей, скопившихся ожиданий, взаимных игр, подозрений:

«Муромский. Помилуйте! как что? Да ведь это напущение адское! болен сделался. Именно вечевой. Вот здесь как вчера какое собирается.

Кречинский (*идет к колокольчику, все идут за ним и смотрят*). Да, велик, точно велик... А! да он с пружинкой, à marteau (с молоточком. — фр.)... знаю, знаю!..

Нелькин (*в сторону*). Как тебе колоколов не знать: это по твоей части.

Атуева (*утвердительно*). Это мне немец делал.

Кречинский. Да, да, он прекрасный колокольчик; только его надо вниз, на лестницу... его надо вниз» (с. 17–18).

В то же время жест Кречинского разрешает конфликт, снимает напряжение, и колокольчик становится в подсчетах одной из трех составляющих в продуманной многоходовой комбинации обмана:

«Кречинский (*думает*). Эге! Вот какая шуточка! Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать — вот вопрос! (*Задумывается и расставляет руки*.) Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей — и только. Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша — раз; хоть и тупенек, да до фундаменту охотник. Нелькин — два. Ну, этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Теперь за меня: вот этот вечевой колокол — раз; Лидочка — два и... да! мой бычок — три...» (с. 22–23).

Финальная фраза Кречинского — «Сорвалось!» — обреченно вырывается из его уст под удар колокольчика. Именно «удар», повторенный несколько раз, сопровождает вход полицейского и знаменует всеобщее крушение и одновременно гибельное завершение четреды внутренних спектаклей, из которых состоит «Свадьба Кречинского».

Отметим, что имя Доницетти как автора оперы «Любовный напиток» вернется в следующей части трилогии, в драме «Дело».

Эти проекции дневниковых записей о Выксе, об усадебном театре могут быть продолжены. Они прорастают и в ономастическом измерении пьесы. Имена отсылают к выксунским реалиям и к постановкам на домашней сцене. В каждом персонаже соединились несколько черт, несколько масок обитателей выксунского мира в его театральном изводе: Кречинский — отражение самого автора, кречет; Кречетников М. Н. (1729–1793) — человек екатерининской эпохи, губернатор Малороссии, Калужского, Тульского, Рязанского, Псковского и Тверского наместничеств, один из родоначальников усадебных театров, повсюду им открываемых. Н. Д. Шепелев, о ком мемуаристы оставили самые противоречивые воспоминания, совпадающие в одном — в признании его артистизма, увлеченности театром, житейской неприкаянности, отсутствии практической жилки, — отчасти Нелькин, Атуева — Annette Голицына, «сводница», настойчиво предлагавшая Сухово-Кобылину жениться и устроившая его брак с француженкой М. де Буглон. Этот ряд обитателей в Выксе и зеркал в «Свадьбе

Кречинского» можно было бы увидеть и в других коннотациях и распознать выксунский след в трилогии.

Отмечая свой 40-й год рождения в 1857 году, Сухово-Кобылин перечисляет достигнутые «результаты»: приведение в порядок, насколько возможно, шепелевских дел, запуск производства на своем сахарном заводе, изменение семейных отношений: «...Таким образом, я стал Корнем, Центром и Шкворнем семьи — и это почти против общего желания. Таким образом, год этот я выполнил много знаменательных задач. Даже в обществе мое положение к нынешнему только году начало изменяться. У света после восьми лет Клеветы притуплены уста и измолчен Гортань. <...> В нашем околодке я начал приобретать твердую и добрую репутацию практического Человека. „Кречинский“ помог <...> Мне кажется, что именно в этом году я принял положитель но характер замечательного Человека».³⁹

Закономерно, что, оглядываясь на прожитые десятилетия, подводя промежуточные итоги, Сухово-Кобылин соотносит самое главное с Выксой, ставшей для него вехой, мерой мер, а опыт усадебного театра во многом предопределил новую поэтику сухово-кобылинской драматургии.

³⁹ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // Дело А. В. Сухово-Кобылина. С. 312 (запись 17 сентября 1857 года).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-130-146

© М. М. Павлова

ЗАЛОЖНИК «СТАРИННОГО СПОРА»: ВОКРУГ «СТИХОТВОРЕНИЙ» (1887) Н. М. МИНСКОГО

В статье представлены новые и ранее не учтенные материалы, относящиеся к выходу в свет второй поэтической книги Н. Минского «Стихотворения» (СПб., 1887), ставшей важной вехой в его творческой эволюции¹ и заметным событием в истории русского пресимволизма; именно здесь впервые было напечатано стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы людей...» (1887), воспринятое современниками как манифест новой поэзии.²

Критическая рецепция сборника основательно изучена и описана С. В. Сапожковым — ведущим исследователем и публикатором литературного наследия Минского.³ Мы остановимся на двух сугубо локальных сюжетах: первый эксплицирует ранее неизвестные в полном объеме письма Минского к А. М. Скабичевскому⁴ в ответ на его рецензию и отклики на возникшую между ними полемику Л. Гуревич и А. Волынского⁵ — ближайших литературных союзников Минского (в 1891 году они возглавили пе-

¹ О месте сборника в поэтической эволюции Минского см.: Сапожков С. По опасной тропе «холодных слов»: Поэзия и судьба Николая Минского. М., 2021. С. 74–94 (часть «Первая жизнь», гл. 3).

² Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 176.

³ См.: Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. В. Сапожкова и А. А. Кобринского. СПб., 2005. С. 340–344 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты).

⁴ Скабичевский Александр Михайлович (1838–1910/1911) — литературный критик, публицист и историк литературы, близкий либерально-демократическому направлению; сотрудничал в «Современнике», после его закрытия в 1868 году — в «Отечественных записках».

⁵ Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1840) — писательница, переводчица, литературный и театральный критик, с 1891 года издательница журнала «Северный вестник». Волынский Аким Львович (наст. имя: Хаим Лейбович Флексер; 1863–1926) — литературный критик, искусствовед, историк балета; идеолог и ведущий критик журнала «Северный вестник». В 1887 году

решедший в их руки «Северный вестник», предоставив площадку журнала молодым творческим силам — символистам (русским Modernen, как их называла Гуревич);⁶ второй знакомит с ново найденным письмом Минского к Н. К. Михайловскому (от 8 февраля 1888 года),⁷ которое с полным правом можно назвать «программным» текстом поэта. Оба сюжета подсвечивают литературную ситуацию конца 1880-х годов — наметившийся в кругах творческой элиты поворот от позитивизма и утилитаризма «шестидесятников» к эстетизму и идеализму ранних символистов.

1

Ко времени выхода сборника Николай Минский — автор книги стихов (СПб., 1883), уничтоженной по распоряжению цензуры, и ходившей в списках запрещенной поэмы «Гефсиманская ночь» (1884), печатавший свои произведения в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича и «Северном вестнике» А. М. Евреиновой и Н. К. Михайловского (1885–1889) — имел репутацию одного из наиболее значительных поэтов постнароднической поры (С. Я. Надсон ушел из жизни в январе 1887 года). Его стихи пользовались исключительной популярностью у молодого поколения. «Не понимаю, почему в восьмидесятых годах Надсон так затмил Минского, — вспоминал В. В. Вересаев. — Надсон, бесспорно, был лиричнее, задушевнее, доступнее Минского. Но Минский был глубже, мужественнее и гораздо полнее отражал настроения эпохи. Особенно в больших своих поэмах: „Белые Ночи“, „Песни о родине“, „Гефсиманская ночь“. Минский почему-то не спешил издавать сборника своих стихов, мы их разыскивали в старых книжках „Вестника Европы“ и „Русской мысли“».⁸

Во вторую книгу стихов поэт включил тридцать стихотворений из первой (не дошедшей до читателя), пять поэм, в их числе получившие признание «Белые ночи» и «Песни о родине», а также большой корпус новых произведений; она открывалась и заканчивалась программными поэтическими текстами, соответственно — «Вакханкой молодой она ко мне пришла...» и «Как сон пройдут дела и помыслы людей...».

Книга поступила в продажу в начале октября 1887 года, в ближайшие недели на нее откликнулись газетные рецензенты, основная масса статей и заметок в «толстых» журналах («Русской мысли», «Русском богатстве», «Северном вестнике», «Вестнике Европы», «Деле») последовала в книжках за ноябрь–декабрь 1887-го и первых выпусках 1888-го.⁹ Сборник был встречен по преимуществу сдержанными и негативными отзывами как со стороны народнической и либерально-демократической печати, так и консервативной.

Минский, Волынский и Л. Гуревич образовали дружеский кружок — «тройственный союз», который Минский называл мистическим. Подробно см.: К истории раннего русского символизма: Переписка Л. Я. Гуревич с Н. М. Минским / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 г. СПб., 2024. С. 268–387.

⁶ Библиография по истории журнала обширна, см.: История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 402–404; Богомолов Н. А. Печать русского символизма. Saarbrücken, 2012. С. 99–100; в прим. к кн.: Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009; из позднейших работ: Богомолов Н. А. В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3. С. 170–180; Азадовский К. М. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2021. № 1. С. 121–145; Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60; Павлова М. М. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Там же. № 3 (21). С. 108–154.

⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 102. В архивной описи документ значится как письмо к неустановленному лицу.

⁸ Вересаев В. В. Литературные воспоминания // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. / Подг. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М., 1961. Т. 5. С. 264, 267–268 (гл. «В студенческие годы»).

⁹ См.: Сапожков С. В. Библиография Н. М. Минского. Части 2–3 // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 337–338.

В литературной биографии Минского был эпизод, отчасти предопределивший прохладный прием книги. Летом 1884 года поэт принял участие в дискуссии о задачах науки и искусства, инициированной И. Ясинским в киевской газете «Заря» (июль–август).¹⁰ В опубликованной в ходе дискуссии статье «Старинный спор» (29 авг. № 193. С. 1)¹¹ он высказал ряд суждений программного характера: «Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу. Творчество существует только в искусстве»; «...русская музя стала в действительности служанкой торжествующей публицистики»; «Всякий критик или публицист есть, в сущности, по выражению В. Г. Белинского, недоношенный художник, и когда публицист, питающийся крохами со стола поэзии, решается предписывать поэзии законы и даже требовать, чтобы поэты творили свои произведения по ее образу и подобию, то поистине приходится сказать, что яйца курицу учат. Но бывают эпохи, когда вечное и чистое уступает на время место времененному и суетному. Такую эпоху мы переживаем в последние тридцать лет. Вечные цели поэзии были забыты, и сами поэты думали, что они принесут больше пользы своей родине, если вместо того, чтобы свободно творить, станут поучать и резонировать» и т. п. Статья получила отрицательный резонанс в народническом лагере, ее восприняли как отход от идеалов общественного служения и апологию «чистого искусства».

Эти обстоятельства повлияли на критическую оценку книги. В совокупности отзывов проглядывают две тенденции: одни рецензенты не могли простить Минскому статьи «Старинный спор» и исходя из этого судили о его поэзии; другие — открыто или завуалированно переводили обсуждение в национальную плоскость — протестовали против ассимиляции русских евреев и нарождавшейся русско-еврейской культуры, проникновения в отечественную словесность так называемого инородческого элемента. «Смущаться враждебным отношением большинства критиков ему (Минскому. — М. П.) нет причины, — писал К. К. Арсеньев. — Одни произнесли суровый не-заслуженный приговор не лично над ним, а над всей молодой русской поэзией. Даже над всей русской жизнью; это осуждение имеет слишком общий характер, чтобы быть чувствительным для каждого из осужденных. Другие приложили к нему узконациональный масштаб, оценив его не столько по тому, что он сделал, сколько по справкам, наведенным о происхождении; такая оценка упадет всей своей тяжестью на голову самих критиков».¹²

Обе отмеченные тенденции в той или иной степени сказались в рецензии А. М. Скабичевского.¹³ Это было первое пространное высказывание о сборнике, к тому же произвучавшее из уст литературного «властителя умов», бывшего сотрудника «Отечественных записок», убежденного защитника утилитарной эстетики, который своим пафосом, подобно камертону, настроил голоса рецензентов (укажем, к примеру, «intonационно» преемственные статьи «Наши теперешние стихотворцы» Л. Оболенского¹⁴ и «Потуги творческого бессилия» Д. Рудина¹⁵).

Обозревая книгу Минского, Скабичевский аттестовал его поэтиком-лилипутом, с «претензией на титанизм». Язык статьи изобилует уменьшительными суффиксами (многократно на разные лады варьируется слово «поэтик»), весь тон рецензии отдает ёрничеством и издевкой («Муза г. Минского весьма серьезная, почтенная крошка, и надо ей отдать справедливость, пресимпатичная муза»; курсив мой. — М. П.). Сильные стороны и явные поэтические достижения Минского в рецензии замалчиваются (Скабичевский не упомянул стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы

¹⁰ Подробно см.: Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избр. тр.: В 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 150–161.

¹¹ Переизд.: Библиотека русской критики. Критика русского символизма. М., 2002. Т. 1 / Автор-сост. Н. А. Богомолов. С. 22–31.

¹² Вестник Европы. 1888. № 1. С. 462–463 (подп.: К. К.).

¹³ Новости и Биржевая газета. 1887. 5 нояб. № 304. С. 2; 12 нояб. № 311. С. 2. Далее в тексте рецензия Скабичевского цитируется по этому изданию.

¹⁴ Русское богатство. 1887. № 12. С. 193–215.

¹⁵ Дело. 1888. № 1. С. 38–76.

людей...»), нивелируются или искажаются, слабые выделяются как достоинства (прием, рассчитанный на эффект подслащенной пилюли). По этому поводу Н. К. Михайловский заметил: «Некто пишет мне, что фельетон г. Скабичевского неприятно поражает не тем, что он обзывают все и всех лиллипутами (так!), а тем, что он делает, „точно именины сердца празднует“».¹⁶

Скабичевский декларировал: «Наша эпоха не есть эпоха крупных и громких событий и великих людей. Наша эпоха скромная, тихая, воды не замутяющая, а главное дело — все в ней, на что ни взгляните, до последней степени миниатюрно, точно как будто это не настоящая действительность, а так, какая-то модель или игрушка, сделанная к вербам: в миниатюрных домиках копошатся маленькие козявочки, воображающие, что они представляют собою как есть настоящее человечество, миниатюрные бюрократики, миниатюрные прокурорчики, миниатюрные публицистики, миниатюрные беллетристы, миниатюрные поэтики, миниатюрные критики. <...> Да не посетует на меня г. Минский, если и я, микроскопический фельетонист нашего лиллипутского поколения, и на него буду смотреть не как на настоящего поэта, какие и на Западе, и у нас бывали в иные времена, а как на миниатюрного поэтика в общем уровне нашего века. Пусть он будет спокоен, не он один является перед нами с такою уменьшительною кличкою. Она вполне приложима и ко всем собратам (так!) его, не исключая и Надсона, несмотря на то что последний одним махом выдержал шесть изданий.¹⁷ Небычайный успех Надсона показывает лишь одно: именно, что лиллипутская публика обрела поэтика по своему росту и возлюбила его. <...> Да не огорчится и г. Минский, если я его считаю не поэтом, а поэтиком. Это я делаю вовсе не ради унижения его <...> цель — искреннее желание принести г. Минскому посильную пользу с своей стороны: самая же большая услуга, какую я в силах оказать ему, это довести его до истинного самосознания относительно своих сил. <...> Настоящая сфера г. Минского — это антология; для возбуждения поэтического творчества г. Минский нуждается непременно в каком-нибудь внешнем явлении жизни, которое так или иначе поразило бы его и вокруг которого он мог бы сгруппировать целый ряд своих ярких образов и тихих меланхолических раздумий. Поэтому ему следовало бы совсем оставить в покое свое собственное я, вполне отрешиться от себя, от тех личных и субъективных страстей, которые составляют внутреннюю интимную жизнь его сердца, а посвятить свое творчество исключительно изображению окружающих его явлений жизни и тех чувств, тех мыслей, какие эти явления вызывают». (Самым выразительным, с этой точки зрения, критик нашел стихотворение «Засуха» (1879) — в письме к Гуревич Минский назвал эту раннюю пьесу «одним из самых мелких стихотворений»).¹⁸

В таком же язвительном ироническом духе Скабичевский характеризовал поэтическую индивидуальность Минского, владение стихом и русской речью:¹⁹ «Досаднее всего при этом-то, что видишь перед собою поэтика, который так презрительно относится ко всему человечеству со всеми его радостями и скорбями, томится тоскою такою

¹⁶ Н. М. [Михайловский Н. К.]. Дневник читателя: Кое-какие итоги // Северный вестник. 1888. № 1. Отд. II. С. 130.

¹⁷ При жизни С. Надсона вышло пять изданий его книги «Стихотворения»: 1-е изд.: 1885; 2-е, 3-е, 4-е и 5-е изд.: 1886 (на обложке 5-го изд. стоит 1887 год); 6-е (посмертное) изд.: 1887. В статье «Нечто о полемике и о поэзии» Михайловский приводит дополнительные сведения: «Шестое издание стихотворений Надсона (2.000 экземпляров) было буквально расхвачано в три-четыре месяца. Литературный фонд, которому, по завещанию покойного, принадлежит право издания его сочинений, немедленно приступил к седьмому изданию в количестве 6.000 экземпляров» (Михайловский Н. К. Собр. соч. СПб., 1897. Т. 6. С. 586; впервые: Северный вестник. 1888. № 2. Отд. II. С. 160).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 56 (письмо от 12 ноября 1887 года).

¹⁹ Впоследствии критики не раз отмечали встречающиеся у Минского языковые погрешности, но, как правило, эти замечания были уравновешены признанием объективных достоинств его поэзии. См., например, письмо В. Я. Брюсова к П. П. Перцову от 25 февраля 1896 года и прим. к нему: Лит. наследство. 2023. Т. 113. Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894–1911 гг. / Сост., вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова; подг. текста Ю. П. Благоволиной, А. В. Лаврова, Т. В. Павловой. С. 158–159, 162.

всеобъемлющею, что одно только Небо в состоянии почтить и измерить ее, — а сам, между тем, до сих пор не научился еще владеть стихом вполне правильно и без запинки и беспрестанно путается в обилии местоимений, союзов или допускает ударения совсем не там, где бы им следовало быть». В заключение Скабичевский высказал «искреннее желание»: «...пусть г. Минский, скромно сознавши, что он не поэт в настоящую величину, а поэт, неуклонно держится в своих определенных размерах, не становится на ходули, не изображает из себя титана, скорбь которого доступна одному Богу и который способен ветры превращать в ураганы или останавливать звезды на небе... Он не создаст ничего нового, но <и> не произведет ничего смешного, а напишет несколько вещей истинно поэтических, которыми будем наслаждаться мы, маленькие люди, под рост г. Минскому» и т. п.

В тот же день по прочтении рецензии Минский писал Л. Гуревич: «...мне принесли газеты — и я прочел фельетон Скабичевского — и душа моя на весь день болезненно сжалась. Презираю я от души эту писаревскую закваску говорить о поэзии и поэтах с разнуданной небрежностью, вывалить в грязи на потеху публики имя поэта. <...> душа моя болезненно сжалась от слов Скабич<евского>, как будто меня обнимал и целовал безобразно-пьяный человек».²⁰

Гуревич советовала не отвечать на пасквильный фельетон, тем не менее Минский отправил в газету О. К. Нотовича, напечатавшую рецензию, «Открытое письмо» с требованием публичного извинения. Приводим текст по автографу из архива Скабичевского:

«6 ноября 1887 г. Спб. Б. Итальян<ская>, д. 15, кв. 12

Открытое письмо г. Скабичевскому

Милостивый государь Александр Михайлович,

Пишу Вам это письмо, до глубины души огорченный и оскорбленный Вашим „хвалебным“ фельетоном. Ругай Вы меня, признай Вы меня писателем без дарования или вредным, — я бы, конечно, молчал. Ваша обязанность публично казнить все, что Вам кажется бесчестным или бездарным. Но признавать мою музу „серезной крошкой, пресимпатичной“, признавая половину моей книги, состоящей из „стихотоврений глубоко прочувствованных, пережитых, в которых г. Минский является поэтом в истинном смысле этого слова“²¹ — за что, скажите, за что Вы публично оскорбляете меня, за что Вы с бесцельно жестокостью казните меня, применяете ко мне позорную кличку „поэтика“? Разве Ваше сердце и Ваш тakt не подсказали Вам, что есть слова, от которых нельзя производить „уменьшительные клички“, не нанося смертельного, неизгладимого оскорблений? Неужели Вы бы не обиделись смертельно, если бы я, желая *Вас умеренно похвалить*, печатно высказал, что Белинский был честный человек с отзывчивой душой, а г. Скабичевский — честный человек с отзывчивой душонкой? Неужели Ваши друзья не возмущались бы, если бы после Вашей смерти, случайно совпавшей с годовщиной смерти Пушкина, Ваши литературные приятели воскликнули печатно: умер писатель, умер *писателишко!* А ведь кличка „поэтик“ еще обиднее, ибо она применяется к человеку, живущему сердцем и фантазией, более чувствительному, чем все люди, более других нуждающемуся в мягким и симпатичном отношении к себе.

Вы в своем фельетоне и себя называете лиллипутским писателем, но известно: унижение паче гордости. Не будь я уверен в Вашей честности, я бы Ваше самоуничижение принял за комедию, равно как похвалы, расточаемые мне Вами в том же фельетоне за то, что я не пишу пасквилий в стихах, что я не гаерничаю в угоду газетной публике, словом, за то, что моя музя чем-нибудь да отличается от музы Буренина.²² Но

²⁰ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 20.

²¹ Текст, заключенный в кавычки, — цитаты из статьи Скабичевского (далее не оговариваются).

²² Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — литературный и театральный критик, поэт; ведущий публицист «Нового времени», известный своими скандальными фельетонами и пародиями на современных писателей.

если Вы не играли комедию, а в самом деле хотели меня умеренно похвалить, отчего же Вы сделали так, что, прочитав Ваши умеренные похвалы, я почувствовал себя дурно, словно вырвался из объятий безобразно-пьяного, обласканный и в то же время облёнванный им с головы до ног?

Что означает эта бесцельная жестокость, эта разнужданность языка, этот мучительский, пыточный тон по отношению к писателю, который, по Вашим же словам, относится к своим силам „серъезно и честно“!.. Я Вам скажу, сударь, что это означает: это означает российское самодурство, перенесенное из лабаза в литературу. Что такое самодурство, как ни бесцельное мучительство, издевательство над человеческим достоинством беззащитных людей? Вы хорошо понимаете, что писатель (беллетрист, поэт) беззащитен перед Вами, оттого Вы над ним и тешитесь, даже и тогда, когда сами признаете его честным, серьезным служителем слова. Внутренней порядочности, заставляющей щадить человеческое достоинство всякого честного человека, даже случайно очутившегося в Вашей власти, — в Вас нет и следа!

И как подумаешь, что так пишут литературные друзья, стоящие с тобою под одним знаменем, чувства которых ты отражал в своих стихах, страданиями которых ты больше страдал, чем они сами! Счастливый Надсон, рано сбросивший с себя непосильный, мучительный крест русского поэта, смертью освобожденный от этой позорной и тягостной жизни, от этого изнемогания под когтями „независящих обстоятельств“, доносами Мещерских,²³ пасквилями Бурениных и разнужданным, бессмысленно-жестоким издевательством друзей, „чуждых желания унизить“...

Если Вы, в самом деле, писатель, а не писателишко, если Вы честный человек с душою, а не человек с душонкой, то пусть Вам по прочтении этих строк станет стыдно до боли, до слез...

Н. Минский.

NB. Прочтите, как „Новое Время“ в сегодняшнем номере воспользовалось Ваши-ми умеренными похвалами, расточаемыми мне. Позор, позор Вам!

6 ноября 1887 г.».²⁴

В анонимной заметке «Нового времени», усугубившей впечатление поэта от статьи Скабичевского, сообщалось: «Г. Минскому повезло. Об его стихах говорят и „Новости“ устами г. Скабичевского. Правда, стихами эти г. Скабичевский недоволен, на-ходя, что они отличаются „детским гимназическим характером“ и „вязнут у него во рту“: до того хороша их форма! <...> Для него Минский „не поэт, а поэтик“, „лиллипутский поэтик“; в заключение автор напутствовал читателей не возносить «современных божков» — Надсона и Минского.²⁵

7 ноября Минский получил телеграмму от Нотовича — в ответ на посланное в редакцию его газеты «Открытое письмо». Неудовлетворенный этим ответом, он в тот же день писал ему:

«7 ноября <18>87
Б. Итальян<ская> д. 15 кв. 12.

Многоуважаемый Осип Константинович,

Судя по Вашей телеграмме, Вы сочли неудобным сделать публику судьею между мною и насмехавшимся надо мною критиком; взамен этого Вы мое открытое письмо г. Скабичевскому отсылаете ему же с просьбой поговорить о письме в следующем фель-етоне. Таким образом г. Скабичевский становится судьею в собственном деле и получает возможность, выдернув произвольно из моего письма несколько цитат, вторично надругаться надо мною и истерзать мое сердце своею тупою спесью и непониманием.

²³ Мещерский Владимир Петрович, кн. (1839–1914) — публицист, прозаик, в 1872–1914 годах издатель и редактор ультраконсервативной газеты «Гражданин».

²⁴ ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 1–2.

²⁵ Среди газет и журналов // Новое время. 1887. 6 (18) нояб. № 4199. С. 2 (без подп.).

Я не знаю, Осип Константинович, как Вы лично относитесь ко мне, т. е. к моей литературной деятельности. Если Вы ни во что не цените моего дарования, тогда, конечно, я теперь должен Вам казаться навязчивым и неприятным, обуреваемым мелким авторским самолюбием. Но если Вы признаете во мне искру божию, если я хоть одним стихотворением, одним стихом когда-нибудь взволновал или тронул Вас, — тогда Вы согласитесь, что я в самом деле бесцельно и жестоко оскорблен гаерским тоном Скабичевского, что я имею право на удовлетворение, и что этого удовлетворения мне никак не может дать Скабичевский в своем будущем фельетоне.

Взгляните на дело беспристрастно, со стороны, и Вы увидите, что Скабичевский тут не судья. Бог его знает, может быть, он на самом деле „a honorable man“,²⁶ хотя отношение его к молодой литературе более чем странно. Как может честный критик одного и того же писателя сегодня хвалить, а через две недели ругать? Между тем Скабичевский сделал это с Фофановым, расхвалив его у Вас и обругав в „Северном Вестнике“, ко всеобщему изумлению всей молодой литературы.²⁷ Отношение же Скабичевского ко мне в особенности нельзя назвать ни честным, ни порядочным. Судите сами. Давно ли он признал Надсона (и вполне, по моему мнению, заслуженно) поэтом душевной красоты, стихи которого будут жить до тех пор, пока будет звучать русский язык?²⁸ Вяжется ли это определение Надсона с кличкою поэтика, лиллипутника? А между тем Скабичевский, забыв собственные восторги, теперь угощает Надсона этиими кличками, лишь бы иметь право безнаказанно поглумиться надо мною и больнее уязвить меня. Честный ли это критический прием? И не только Надсона, но все и всех согласен Скабичевский признать и умалить для этой цели — и даже самого себя признать (конечно, на время, до минования надобности) лиллипутским критиком! Странная манера наносить удар сзади, третировать людей с высоты своего собственного ничтожества! Отказываюсь понять, каким образом у Вас в газете могла появиться такая нелепая тирада, будто в наше время все — и публицистика, и философия, и беллетристика, и читающая публика — все лиллипутски ничтожно и мелко. Да ведь это вздор и ложь! И прежде всего, разве Вы считаете лиллипутски мелким себя самого, свою эрудицию, свои философские труды,²⁹ свое цельное миросозерцание? Смешон и мизерен один только Скабичевский со своей презренною писаревской отрыжкой, со своей самодурной спесью, воспитанной в известном литературном лабазе, в котором молодцы признавали за людей только друг друга и с «п»ьяну гоготали над всяkim, проходившим мимо. Ведь если бы газете, равно как природе, не был присущ *horror vacui*,³⁰ разве эта критическая мокрица ползала бы теперь по молодой литературе, слюняв ее

²⁶ достопочтенный, благородный человек (англ.)

²⁷ Имеются в виду рецензии Скабичевского на первый поэтический сборник Константина Михайловича Фофанова (1862–1911) «Стихотворения» (СПб., 1887): Новости и Биржевая газета. 1887. 26 февр. (10 марта). № 55. С. 2; Северный вестник. 1887. № 4. Отд. II. С. 105–106. В газетной рецензии критик отозвался о книге более или менее сдержанно: отметив несомненный талант поэта, указал на достоинства сборника («Стихи г. Фофанова, в общем, не лишины и звучности, и легкости, и своеобразной красоты») и на «вопиющие недостатки» («крайняя небрежность», «плоскость и пошловатость», «наивность» — «словно это стихи гимназиста четвертого класса»). Основной тезис журнальной рецензии заключен в первой фразе: «Книга эта представляет собою большую сорную кучу».

²⁸ Скабичевский А. Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1887. 29 янв. (10 февр.). № 28. С. 2. В статье критик выступает в защиту Надсона от грубых оскорблений его памяти, травли и нападок на него «пасквилянтов „Нового времени“» — А. С. Суворина и В. П. Буренина, которые «не допускают расцвести ни одной новой силе в нашей литературе и каждый молодой всход спешат затоптать в грязь и уничтожить» («Но пусть Надсон — пигмей перед Пушкиным, а он, все-таки, был человек, и если вы не разделяли с публикой всех ее надежд на молодого поэта, то вы обязаны были, все-таки, пощадить в нем человеческое достоинство. <...> Вы же напали почти на ребенка, на беззащитного страдальца, прикованного к своему смертному одру, как жалкие трусы, рассчитывая в этом случае на полную безнаказанность»).

²⁹ Имеются в виду книги О. К. Нотовича «Немножко философии. Софизмы и парадоксы. По поводу религиозно-философских произведений гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1886) и «Еще немножко философии (К вопросу о свободе воли). Софизмы и парадоксы» (СПб., 1887).

³⁰ боязнь пустоты (лат.)

во имя Пушкина, как во времена оны она слюнявила Пушкина — уж не знаю во имя чего! Взгляните на последний фельетон Скабичевского, как на критический отзыв — и оторопь возьмет Вас! Чего там не нагорожено! Что если бы я серьезно хотел почерпнуть для себя урок в этом фельетоне, — что было бы со мною! Из него я, во-первых, узнаю, что преобладающие свойства моей музы, это — „тихие, меланхолические раздумия“ и „яркая образность“, а через несколько строк оказывается, что лирика мне совершенно чужда; моя область — антология (!!!), между тем моими лучшими стихотворениями, „глубоко прочувствованными, пережитыми“, признаются „Белые ночи“, „Песни о родине“, „На чужом пиру“, т. е. пьесы насквозь лирические? Хороша антология и хороши критические советы! Благо, за этим поводырем никто не пойдет!

Но всего возмутительнее высокомерие и нахальство, с которым лиллипуттный критик укоряет меня в том, что вот я скорблю мировою скорбью, а сам еще „не владею стихом, путаюсь в обилии местоимений, союзов и допускаю ударения не там, где следует“. Не правда ли, такие обвинения, бросаемые в лицо поэту, должны быть подкреплены доказательствами. Вот какие примеры приводит Скабичевский в доказательство того, что я не владею стихом:

1) В могиле того, над кем плачет страна,
Грядущее спит, как дитя в колыбели.³¹

Сказать по совести, Ваше ухо оскорблено этими стихами? Вы находите „ужасными“ слова: *над кем?* Убейте меня, не понимаю, чем эти стихи неправильны. Также Скабичевский находит ужасными стихи:

Что не для наслаждений вечных
На свет все люди рождены...³²

Первый стих, по его словам, „вянет во рту!“. Во рту у Скабичевского?

Он пишет: у него во рту
Завял мой стих... И что за диво!
Дыханье тупости кичливой
Всегда мертвило красоту...³³

А вот еще стихи, ужасающие Скабичевского своею бессмыслицей:

Наставники мои! О Пушкин величавый,
Мятежный Лермонтов! *Давно* ль вас гений славы
Бессмертьем увенчал, а *между тем* вы мне
Певцами кажетесь счастливейших столетий...³⁴

По мнению Скабичевского, эти стихи столь же бессмысленны, как если бы кто сказал: „*давно* ль я вас встретил, а *между тем* у меня печка топится“.³⁵ Может ли быть что-нибудь яснее смысла этих стихов? *Давно* ли прославились Пушкин и Лермонтов, а *между тем* они уже кажутся певцами не нашего злосчастного века, а других, счастливейших столетий?

Но довольно... Мое негодование становится равносильным тупоумию и нахальству Скабичевского.

³¹ Последние строки стихотворения Минского «Над могилой К. Д. Кавелина (7 мая 1885 г.)» («Еще один светоч погас...»), впервые: Вестник Европы. 1885. № 6. С. 811.

³² Цитата из стихотворения Минского «На чужом пиру» («Я видел праздник на чужбине...»), 1880; впервые: Там же. 1880. № 11. С. 151–157.

³³ Оккзиональная эпиграмма Минского на Скабичевского.

³⁴ Первые строки стихотворения «Наставники мои! О Пушкин величавый...» (1885), впервые: Минский Н. Стихотворения. СПб., 1887. С. 58–59.

³⁵ Цитата из рецензии Скабичевского.

Если Вы находите меня неправым, faites l'incident clos.³⁶ Если же Вы мне сочувствуете и признаете за мною право на удовлетворение, отдайте мою книгу разобрать беспристрастному критику. Лучше всего Вы могли бы сами это сделать, ибо я, насколько себя понимаю, поэт скорбной мысли; увы, ничто так не раздражает неучей и самодуров, как свободная и гордая мысль. Во всяком случае умоляю Вас: не дайте Скабичевскому вторично глумиться надо мной! Я этого не заслужил ни своей жизнью, ни своими стихами.

Искренне уважающий Вас

Виленкин».³⁷

Полный текст «Открытого письма» в газете так и не появился, фрагмент из него Скабичевский привел в следующей статье (в продолжение первой) — «Литературная хроника: Открытое письмо г. Минского ко мне и мое с ним объяснение по поводу его», в которой вновь муссировал суждение о мизерабельности дарования поэта: «Поэтики это вовсе не есть принадлежность одной нашей эпохи. Всегда рядом с титанами, каковы были Пушкин и Лермонтов, рядом с поэтами, каковы были Некрасов, Плещеев, Ап. Майков, Як. Полонский и пр. — был целый рой поэтов, наполнявших своими стихами журналы и газеты. О титанах мы говорить уже не будем, но вот какую существенную разницу ставлю я между поэтами и поэтиками. Каждый поэт, во-первых, имеет резко выраженную, определенную физиономию: вы, например, не смешаете Некрасова с Плещеевым; Як. Полонского — с Фетом и Майковым <...> каждый поэт имеет свое, хотя бы маленько место в истории литературы, определяющее, что этот поэт внес в сокровищницу российской словесности, что он создал хотя бы и маленькое, но лично ему неотъемлемо принадлежащее.

Совсем не таковы поэтики: во-первых, вы не отличите их одного от другого; все они представляются чирикающими воробьями, две капли воды похожие друг на друга; правда, у них вы найдете кое-какие особенности; у одного, например, более чувства, у другого — фантазии, третий предпочитает ямб, четвертый — анапест. Но эти отличия не составляют индивидуального характера. Поэтики часто стараются выражать в своих стихотворениях идеи и дух своего века, но в этом отношении они представляют или слабые отголоски настоящих поэтов, которым подражают, или же выражают дух века крайне отвлеченно и банально. Но ведь нельзя сказать, чтобы они были бездарны; некоторые из них поют очень приятно и слушать их можно иногда не без удовольствия <...>.

Так вот что, собственно, хотел я сказать, называя г. Минского поэтиком, и не одного его, а всех его сверстников; именно то, что если у нас и есть настоящие поэты, то все они принадлежат к прошлому времени и ныне, по большей части, безмолвствуют... <...> Симпатичнее всех из них был Надсон и всех более обещал сделаться настоящим поэтом, но, ведь, и он не успел еще выработать какого-либо определенного индивидуального характера своих стихов».

Отвечая на реплику Минского из «Открытого письма» («И как подумаешь, что так пишут литературные друзья, стоящие с тобою под одним знаменем...»), Скабичевский не преминул припомнить ему статью «Старинный спор»: «...я и не знал, что г. Минский стоит под одним со мною знаменем, не предполагал, чтобы г. Минский стоял под каким бы то ни было знаменем. Я помню и никогда не забуду тяжелой, мучительной для всех честных литераторов минуты...»³⁸ И вот, в эту-то минуту, словно ради еще большего ее утяжчения, вдруг выступает на страницах „Зари“ г. Ясинский, с торжественным отречением от всех лучших заветов прошлого, глумясь над наукой, знанием,

³⁶ инцидент исчерпан (фр.)

³⁷ РГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Ед. хр. 66.

³⁸ Речь идет о закрытии по личному распоряжению начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова журнала «Отечественные записки» (с 1878 года выходил под редакцией М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. К. Михайловского); Скабичевский был постоянным сотрудником журнала с начала 1860-х годов.

необходимостью для каждого честного писателя иметь направление.³⁹ Вслед за г. Ясинским выступил в той же „Заре“ и г. Минский, и, в подтверждение глумления г. Ясинского, провел ту доблестную идею, что поэты не нуждаются ни в каких науках, потому что искусство куда выше всех наук: ученые только и делают, что изучают наш тленный мир; поэты же творят новые миры; что же касается критиков, то не они создают поэтов, а, напротив, поэты вызывают критиков; и поэтому критики, дерзающие предписывать поэтам какие-либо законы, уподобляются яйцам, учащим куриц. <...> Этот фельетон г. Минского очень пришелся по душе большинству молодых поэтов, плохо в детстве учащихся и потому не питающих уважения к наукам⁴⁰ и т. д.

Гуревич сочла «Открытое письмо» «ужасной психологической ошибкой» Минского: «Зачем Вы написали Скабичевскому, да еще в таком искреннем и мягком тоне? <...> Неужели Вы, глядя на него сверху вниз, николько не дорожа его суждением, — все-таки могли „огорчиться“ его словами — зачем Вы снизошли до объяснения с ним и обнаружили свою рану! И потом Вы взяли такой неосторожный тон в письме: Скабич<евский> виноват не тем, что употребляет слово, огорчающее Вас в качестве „человека, живущего сердцем“, а тем, что подходит с глупой *предвзятой* меркой к произведениям современных поэтов, с пошлой тенденцией о „литературном времени“. <...> В этом фельетоне он уже так явно, для *всех* явно, хватил через край! Оставьте его в этом дурацком положении, с разинутым для декламации ртом: он конечно ждет еще письма от Вас, ждет, как радость, как повода еще раз прогуляться по столбцам „Новостей“ в этой прекрасной мантии!..»⁴¹

13 ноября Минский писал в ответ: «Совет Ваш получил я сегодня, когда ответ Скаб<ичевскому> уже был отправлен. <...> Читали Вы вчерашний „Гражданин“?⁴² 12 ноября в ультраправой газете Мещерского появилась рецензия на книгу Минского; по мнению автора, весь сборник «есть только тенденциозная брань на действительность, на Россию, „стихотворная прокламация“». <...> Он не понимает русского народа и относится к нему с глумлением. <...> Это пишет космополит; раб заученных теорий и личных страстей. <...> Нет, здесь не может быть и речи о законах искусства потому уже, что здесь нет искусства, нет поэзии. <...> Минский — не поэт, его стихи не есть произведение искусства».⁴³

В тот же день Минский отправил Нотовичу второе «Письмо в редакцию», которое на сей раз было опубликовано:

«М. г. Мое открытое письмо г. Скабичевский напрасно превратил в полуоткрытое, напечатав лишь его начало — то место, по которому читатели могут предположить, будто я писал с целью разжалобить его. Прочитавши письмо до конца, г. Скабичевский, конечно, знает мое намерение.

Г. Скабичевский удивляется, почему я один обиделся кличкой, которую он применяет не мне, а ко всем стихотворцам. Но из этого он не мог бы заключить, что я обиделся не за себя. В самом деле, кличка „поэтик“, применяемая к такому глубоко-симпатичному и чудному поэту, как Надсон, кажется мне, по меньшей мере, странной, хотя я не менее г. Скабичевского почитаю Полонского и Майкова.

Не в этом дело, я бы оставил без внимания ответ г. Скабичевского, если бы он ограничился в нем рассуждениями рецензентского свойства, но он, сверх того, обронил неосторожную фразу, будто бы он „не предполагает, чтобы г. Минский стоял под каким бы то ни было знаменем“ и что воздерживается от решения того, „под каким знаменем стоит г. Минский“.

³⁹ Имеется в виду статья И. Ясинского «По поводу отрывка из неизданной „Исповеди“ графа Л. Н. Толстого» (Заря. 1884. 22 июля. № 163. С. 1–2), которая положила начало дискуссии о науке и «чистом искусстве». Скабичевский выступил с критикой позиции Ясинского (см.: Русские ведомости. 1885. 22 марта. № 79. С. 1–2).

⁴⁰ Новости и Биржевая газета. 1887. 12 нояб. № 311. С. 2.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 57 (письмо Л. Гуревич от 12 ноября 1888 года).

⁴² РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 14.

⁴³ Гражданин. 1887. 12 нояб. № 43. С. 3 (подп.: Кр.).

Мне совершенно безразлично, как г. Скабичевский смотрит на мои стихи, какие из них „взянут у него во рту“ или „взянут на зубах“, но я не могу допустить голословных сомнений в том, стою ли под каким бы то ни было знаменем. Он строит свои выводы на моем фельетоне, помещенном в „Заре“ (1884 г., № 193). Фельетон этот касался вопроса чисто-эстетического, — об отношениях между наукой и поэзией. Я находил, что ученый и художник действуют каждый в своей области, первый разъясняет существующий мир, а последний творит новый мир, свободно отдаваясь своим вдохновениям. При чем тут „глумление над необходимостью для каждого человека иметь направление“?

„Значение поэзии для жизни громадное и польза ее неизмеримая“, писал я в фельетоне, на который ссылается г. Скабичевский. „Поэзии мы обязаны лучшими движениями сердца — и самая любовь к людям есть мечта, впервые зачатая в благородной душе поэта“.

Эти слова повторяю я и теперь.

Н. Минский

12-го ноября 1887 г.»⁴⁴

На следующий день поэт написал Скабичевскому (ответа не последовало; на этом их переписка закончилась):

«13 ноября <18>87 г.
Б. Итальянс<кая> д. 15, кв. 12.

Милостивый Государь
Александр Михайлович,

Что с Вами, что с Вами приключилось! Меня обвинять в неимении политического знамени! Меня, стихи которого дважды были уничтожены цензурою, против которого после сожжения книги было начато дело „по обвинению в политической неблагонадежности“. Или Вы этого не знали, или Вы ослеплены личною враждою? Посылаю Вам для ясности вечерний № „Гражданина“. Неправда ли, это весьма мило: Мещерский, называющий мою книгу сплошной стихотворной прокламацией, и Вы, обвиняющий меня в неимении знамени. Бывают же такие курьезы! Меня все уверяли, что Вы честный человек. Хотелось бы верить, но Вы делаете все, чтоб пошатнуть эту веру. Перед Вами лежит книга, от первого до последнего слова проникнутая известными политическими идеалами, а Вы с каким-то слепым упорством твердите свое, потому что я держусь пушкинских традиций во взглядах на назначение поэта. Что это! Непонимание? Легкомыслie? Недобросовестность?

И затем история с поэтами! Разве Вы не видите, что это слово нас оскорбляет, как безобразное, неэстетическое. Зачем Вы оскорбляете наши чувства? Разве Ваши читатели потеряли бы что-нибудь, если бы Вы щадили не наше самолюбие, поймите же наконец — наши нервы!

Ведь Вы хотите нам пользу принести, а если бы Вы знали, как Вы вредите! Тут дело не в Вас, а в трибуне, с которой Вы говорите. Вы делаете нас *смешными* в глазах читателей, между тем как на самом деле (Вы понимаете разницу между тем, что *есть*, и тем, что *кажется*?) не мы смешны, а Вы — со своим нелепым упорством и грубостью. Охотно допускаю, что мы — средние поэты, небольшие поэты, обыкновенные дарования — ничего в этом нет обидного. Но кличка Ваша, заимствованная у Буренина, отвратительна по своей грубости. Вы, конечно, будете *нарочно* дразнить нас, — на потеху литературных шулеров.

А, может быть, у Вас, в самом деле, веревочные нервы — и кличка „поэт“ их не оскорбляет. Но тогда какое Вы право имеете разбирать *поэтические* произведе-

⁴⁴ Минский Н. Письмо в редакцию // Новости и Биржевая газета. 1887. 13 нояб. № 312. С. 2.

ния? Для этого ведь требуется и нежное сердце, и тонкое ухо, умеющее различать диссонансы.

Отлично вижу, что во всей этой истории я остался при печальном интересе. Но я поступал и говорил, как чувствовал. Что прикажешь делать при таких литературных нравах, где „открытые письма“ остаются закрытыми, где самодурство делается защищено монополией. Если бы Вы — стоящий под знаменем свободы — знали, сколько унижений я вынес, прежде чем Нотович согласился напечатать мой ответ Вам, и как этот ответ искромсан и обескровил его карандашом. — Только что прочел фельетон Буренина: „Теперь г. Скабичевский произнес именно то, что я всегда говорил“.⁴⁵ Поздравляю Вас. Тем более что Буренин вполне прав.

Н. Виленкин».⁴⁶

В фельетоне Буренина речь шла, главным образом, о Надсоне, однако в контексте газетной риторики, часто соединявшей имена поэтов, Минский принял буренинскую сентенцию на свой счет (к тому же его имя в статье было упомянуто): «Быть первым стихотворцем среди разных мелких певцов, вроде Минского, Фруга, Мережковского и прочих, <...> — это вовсе не значит быть первым после Пушкина, как, положим, был Лермонтов <...>. — Никакой своей идеи в русскую поэзию он не внес, никаким своеобразием содержания и формы он не отличается настолько резко и определенно, чтобы в нем можно было приветствовать новую крупную поэтическую силу. <...> Русская поэзия не Надсонами держится и не такими поэтиками движется вперед», и далее по буренинским лекалам (во всем виноваты «психопаты и психопатки, жиды и либералы»).⁴⁷

22 ноября в «Недельной хронике „Восхода“» А. Е. Ландау появилась статья А. Волынского «Два слова о „жидовстве“ в русской литературе» (1887, № 47)⁴⁸ — в защиту Минского. Еще до выхода тиража книги он поддержал товарища двумя положительными заметками, которые посвятил его библейским поэмам «Вавилонское столпотворение» и «Прокаженный»,⁴⁹ назвав их «лучшими созданиями молодой русской поэзии».⁵⁰

Выстраивая линию «защиты», Волынский продемонстрировал вполне сложившийся взгляд на традиционную — «русовую» критику. Эта статья по своему бойцовскому мажорному заряду (что сказалось в заметно приподнятых оценках поэзии Минского) стоит особняком в ряду других критических отзывов на книгу, в том числе и позднейшей рецензии Волынского (на второе издание).⁵¹ В ответ на филиппики Скабичевского и ксенофобские выпады ультраправой печати («Нового времени» и «Гражданина») он заявил, что книга русского еврея Минского — занимает достойное место в современной русской поэзии. Приводим текст статьи в полном объеме:

«Наша повседневная пресса успела уже высказаться о сборнике стихотворений Н. М. Минского. Как и следовало ожидать, петербургская печать отнеслась к оригиналь-

⁴⁵ Буренин В. Критические очерки: Скандал, шарлатанство, психопатия // Новое время. 1887. 13 (25) нояб. № 4206. С. 2 (ср.: Скабичевский «сам признал печатно, что эти „новые силы“ и „молодые всходы“ в сущности оказываются продуктами современного литературного бессилия и бесплодия, что эти силы — мелкота по сравнению с настоящими талантами, то есть признал именно то, что я всегда говорил...»). См. также прим. 28.

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 3.

⁴⁷ Там же. О С. Г. Фруге см. прим. 54.

⁴⁸ В 1884–1888 годах Волынский печатался в русско-еврейских журналах «Рассвет», «Русский еврей» и «Восход». См.: Веккер Б. Библиография трудов А. Л. Волынского // Памяти Акима Львовича Волынского: Сб. под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. С. 83–84. Обзор публикаций этого периода см.: Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М., 2013. С. 18–30.

⁴⁹ Волынский А. Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 64–74; [Волынский А.]. Заметки литературные, художественные и др. // Недельная хроника «Восхода». 1887. № 43 (25 октября). С. 1090.

⁵⁰ Волынский А. Библия в русской поэзии. Этюд второй. С. 74.

⁵¹ Живописное обозрение. 1888. № 35. С. 142–143 (подп.: А. Флексер).

ному дарованию поэта с тем легкомыслием, которое не выносит ничего серьезного, сильного, всего, что не укладывается в рамки опереточных понятий, что не повторяет грубым животным инстинктам полуинтеллигентной массы столичной. У Минского, с точки зрения господствующих теперь общественных и литературных нравов, два крупных недостатка. Во-первых, он еврей, и, во-вторых, он серьезен. Быть евреем — это у нас теперь большое несчастье. Талант, ум, образование — ничто не извинит вам теперь вашего „происхождения“. Широкие гражданственные и нравственные понятия — это такой вздор, который современный, в особенности петербургский интеллигент презирает со всею возможной искренностью, от всей своей изношенной и выдохшейся души. Скандал, оперетка, легкая музыка трактирного органа, пошлая мазня газетных порнографов — вот чем собственно занимают теперь несчастного русского читателя. И вдруг среди этой серой публики газетных литераторщиков появляется человек *еврейского происхождения*, с горячим словом, с умом, воспламененным более или менее возвышенными стремлениями, — как тут не завопить: ату его! Фраза! Карапуз! Вольтерьянство! Один, печальной известности, критиканствующий фельетонист, по поводу стихотворений Минского — как это ни дико — заявил о разворащающем влиянии жида на русскую литературу. Какая возмутительная нелепость! Газетный мужчина, совершенно отупевший от многолетних порнографических упражнений, паяц и гаер, аккуратно по пятницам хватающий за икры мимопроходящую публику, без разбора пола и возраста, смеет говорить о чьем-либо разворащающем влиянии! Проституция, вопиющая о падении нравов — как вам это покажется! Г. Буренин в прошлом, кажется, году издал ничтожную книжицу под названием „Песни и шаржи“.⁵² Если вам попадалось на глаза собрание плодов жалкого, семинарского бессилия, то вы уже имеете представление о том, каково обычное, нормальное настроение этого типичного нововременского писателя. Конечно, для человека *такого* вечно веселого настроения, всякая серьезная книга — хуже чумы, хуже смерти. Все, что будит в обществе здоровую мысль, бьет беспощадно по лицу всех этих гг. Бурениных, Сувориных, Жителей⁵³ и других делателей широких литературных порнографических скандалов.

Литературная деятельность Минского носит, в самом деле, черты национального характера, — но в этом вся его сила, вся оригинальность. Минский постольку еврей, поскольку он глубоко и страстно ищет нравственной свободы, поскольку он всей душой рвется к „несбыточным мечтам“ и способен создать себе „мираж среди пустыни бесконечной“. В этом смысле симпатичнейший автор „Прокаженного“ в большей степени еврей, чем Фруг,⁵⁴ которому стремление к красивой форме, во что бы то ни стало красивой, не позволяет развить в себе широкого мировоззрения. Мы не умоляем заслуг Фруга и его талант, к которому питаем глубокие симпатии, но справедливость все-таки требует сказать, что этому певцу страданий русского еврейства не достает глубины чувства и вдохновения, сильной мысли, и потому его значение, как в общерусской, так и в специально-еврейской литературе, должно, по необходимости, идти на убыль. Значение же Минского, при благоприятных условиях, будет с каждым годом возрастать и, без сомнения, дождется общего признания. Нас нисколько не удивляет, что современная русская критика, за немногими исключениями, не способна с должным уважением отнести к полной глубокого интереса книге Минского. Русловая

⁵² Сборник пародий Буренина «Песни и шаржи» (СПб., 1886).

⁵³ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, публицист, критик, с 1876 года издатель газеты «Новое время», в которой вел собственную рубрику «Маленькие письма». Под псевдонимом Житель публиковался Александр Александрович Дьяков (1845—1895), сотрудник «Нового времени».

⁵⁴ Фруг Семен (Шимон) Григорьевич (1860—1916) — еврейский русский поэт, постоянный сотрудник журналов «Восход» и «Недельной хроники „Восхода“»; близкий друг Волынского, который высоко ценил его поэтическое дарование, см.: Волынский А. 1) Новый сборник стихотворений С. Г. Фруга (С. Г. Фруг. «Думы и песни». Стих. 1884—1887) // Восход. 1886. № 11. С. 30—48; 2) Библия в русской поэзии. Этюд первый // Там же. 1887. № 7—8. С. 72—96.

критика, русловой читатель не способны оценить чувства, идущего из личной психики поэта, из его личного, индивидуального созерцания. Писатель должен говорить базальным языком улицы, если только он дорожит своею популярностью — это истина, конечно, старая, но ее нередко забывают люди, которых природа одарила не одним только талантом, но и сколько-нибудь оригинальным умом. Брошенный в глубь невежества современный читатель всего более жалуется на отсутствие „истинных талантов“ среди молодых писателей. Мы так приобыкли к этому общему жужжанию руслового читателя, что и всерьез подумали, что весь вопрос только в том, как бы побольше талантов развести. Нет, господа, не в „таланте“ дело. Дух опошился, идеи выдыхаются из литературы и жизни. Нет властной мысли, которая давала бы тон уму и сердцу. На место прежних идеалов воцарились одна только неутолимая жажда чувственной красоты, изящных форм, непременно изящных, ради Бога — изящных. Сколько-нибудь оригинальная мысль — фраза, самое простенькое азбучное размышление — резонерство, глупенькая конфектная бомбоньерка — верх творчества и таланта. Мы не станем доказывать, что в произведениях своих Минский является носителем какой-нибудь особенной выдающейся идеи; но беспристрастная, а не пошлоШутовская, высокомерная с высоты своего собственного ничтожества, критика должна признать, что печать серьезного мышления постоянно выделяла их из необозримой массы совершенного индифферентного материала. Что делать!

Как еврей, Минский — прежде всего индивидуалистичен, и это мешает ему уловить господствующий тон, ходячие тенденции, приспособиться к дирижирующим понятиям и взглядам. Толпа требует, чтобы поэты воспевали ее мимолетные интересы и желания, а Минский на все шаблонные запросы отвечает словами, полными высокого, философского разочарования:

Как сон пройдут дела и помыслы людей,
Забудется герой, истлеет мавзолей.
И вместе в общий прах сольются
И мысли, и любовь, и знанья, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся...

Это, конечно, такой ответ, смысл которого не всякому доступен и уж совсем недоступен людям, эстетическое и нравственное чувство которых предпочитает «стальны́е» носки Цукки и Лимидо⁵⁵ всем этим „глупым“, „несбыточным“ мечтам. По своему душевному и умственному развитию, Минский целою головой выше всей этой кишащей кругом литературной мелкоты, этих Андреевских, Апухтиных,⁵⁶ ретиво и убежденно воспевающих цыганские нравы и шансонетную добродетель, и нет ничего удивительного, повторяем, что при всеобщей низменности вкуса, такие стихотворения, как „Фантазия“, „Прокаженный“, „Молитва“, „Как сон пройдут дела...“ и др., должны возбудить недоумение и искренние жалобы на тенденциозное совращение с пробитого и привычного пути... Г. Буренин ошибся в слове: „жидовство“ не разворачивает, а *сворачивает*... Это правда, против которой мы спорить не станем⁵⁷.

⁵⁵ Цукки Вирджиния (1847–1930) — итальянская танцовщица, прима-балерина Мариинского театра в 1884–1888 годах. Джованнина Лимидо (1851–1890) — итальянская балерина, соперница В. Цукки, в 1887 году с большим успехом гастролировала в Петербурге. «Стальными» носками здесь называются пантанты, с металлическими вкладышами.

⁵⁶ Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) — поэт, литературный критик; юрист по профессии, автор единственного поэтического сборника «Стихотворения» (СПб., 1886; 2-е изд.: СПб., 1898); Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893) — поэт, прозаик; в 1886 году выпустил свой первый сборник («Стихотворения»).

⁵⁷ Волынский А. «Два слова о „жидовстве“ в русской литературе» // Недельная хроника «Восхода». 1887. № 47 (22 ноября). С. 1189–1190. Буренин ответил Волынскому через год (в фельетоне по поводу второго издания книги Минского), позаимствовав лексику и образный ряд из статьи Скабичевского. См.: «Представьте себе, читатель, двух-вершковый пьедестальчик. На этот

С других позиций в защиту Минского выступил Н. К. Михайловский. В январской книжке «Северного вестника» (1888. № 1) в своей постоянной рубрике «Дневник читателя» он выразил недоумение Скабичевскому по поводу уподобления им всей современной русской литературы — лилипутии, в то время как совсем недавно ушли из жизни Островский и Достоевский, живы и работают Щедрин, Л. Толстой, Г. Успенский, а также подающие надежды молодые писатели («Я упоминаю только общепризнанные вершины литературы, воздерживаясь указаний на силы еще окончательно не определившиеся, и думаю, что литература, в которой живут и действуют даже только приведенные имена, имеет право оскорбиться титулом лилипута»).⁵⁸ Статья была обращена, главным образом, к Скабичевскому, позволившему себе недопустимый тон критических оценок, о предмете его высказываний — рецензируемой книге, речи почти не шло.⁵⁹ Тем не менее Минский, неудовлетворенный реакцией критики на сборник, воспринял этот отзыв как слова одобрения.

2

Второе издание книги вышло в свет в начале февраля 1888 года.⁶⁰ Личное знакомство с Михайловским (оба сотрудничали в «Северном вестнике», встречались у А. М. Евреиновой, в салоне А. А. Давыдовой и т. д.) и слова поддержки в «Дневнике читателя» побудили Минского обратиться к нему с просьбой о рецензии (к тому же случился подходящий повод — 1 февраля Михайловский написал ему по одному редакционному делу).

Неизвестно, было ли это письмо отправлено, имя адресата в тексте густо зачеркнуто и едва читается. Возможно, Минский намеревался оформить свои размышления в виде статьи, которая осталась ненапечатанной; более вероятно, что он обсудил волнующие его вопросы в личной беседе с Михайловским и отложил письмо за ненадобностью. В любом случае, мы имеем дело с программным высказыванием поэта 1880-х годов, которое по своему «весу» и значению может быть поставлено рядом с его статьей «Старинный спор».

«8 февр^{аля} <18>88 г.
Б. Итальянская, д. 15 кв. 12

[Многоуважаемый Николай Константинович,]

Посылаю Вам экземпляр поступившего сегодня в продажу второго издания (2-й тысячи) моей книги. Если Вы пожелаете коснуться в статье моих стихов — то вот Вам формальный предлог.

Я считаю Ваш голос в этом деле крайне важным, почти решающим. Мне не доводилось читать Ваши статьи чисто эстетического характера, но Вы — единственный писатель, способный верно и глубоко определить общественную и нравственную тенденцию художественных произведений. А тенденция любой поэзии общественная или философско-нравственная, служение красоте играет в ней первостепенную или, вер-

пьедестальчик карабкается из всех сил и, наконец, утверждается на нем и утверждается на нем в самой торжественной позе маленький писатель. Около надувшегося на пьедестальчике маленького стихокропателя стоит еще более маленький критиканчик и с серьезным благоговением взирает на него, его торжественную позу, его усиленного надувания!» и т. п. (Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1888. 2 (14) сент. № 4494. С. 2).

⁵⁸ Н. М. [Михайловский Н. К.]. Дневник читателя: Кое-какие итоги. С. 129.

⁵⁹ Месяцем раньше в «Северном вестнике» в разделе «Новые книги» была напечатана (без подписи) сочувственная, хотя и весьма сдержанная рецензия на книгу Минского, автором которой, судя по всему, также был Михайловский; она посвящена разбору «титульного» стихотворения «Вакханкой молодой она ко мне вошла...» и идейной эволюции поэта (Северный вестник. 1887. Отд. II. № 12. С. 116–120). В заключение автор выразил надежду, что Минский вернется к своим прежним идеалам («богине строгой»).

⁶⁰ Минский Н. Стихотворения. СПб.: Тип. В. С. Балащева, 1888.

нее, служебную роль. Глубока ли эта тенденция, почему она такая, а не другая — это Вы нам и скажете.

В последнем разговоре Вы как-то заметили, что вам необходимо знать, как современные поэты сами себя понимают. Для этой цели Вы перечитываете в „Заре“ полемику о значении искусства.⁶¹

Но в этой полемике, сколько мне помнится, говорилось об искусстве вообще, о принципах чистого искусства вообще, в сравнении с принципами чистой науки, об идеале, к которому стремится художественное творчество, о современном же искусстве и о современной поэзии речи не было. А между тем современная поэзия не служит и не может служить принципам чистого искусства. Почему — отчасти догадываюсь, а еще более жду ответа от Вас. Но так оно есть. Если бы современный поэт захотел служить чистой эстетике, он бы этим доказал, что он не сын своего времени, что он не отзывчив и, следовательно, не поэт. Когда человеческая жизнь придет в равновесие, опять восторжествует чистое искусство, которое вечно и прекрасно, как солнце. Но смотря потому, как жизнь поворачивается к этому солнцу в литературе, и наступает то весна, то осень. Птица, которая среди осени щебечет по-весеннему, глупая птица.

Гете сказал, что душа человека должна идти от полезного через истинное к прекрасному. Русская поэзия шла не этим путем. Она от прекрасного (Пушкин, Лермонтов) через полезное (Некрасов) пришла конечно не к истинному — но к скорби по истинному, к жажде <ложной?> и цели, которой нет. Если положительно проводить параллель между талантливыми и обыкновенными писателями, то следует сказать: Пушкина вдохновляла красота, Некрасова — народные страдания, а современных поэтов — больная совесть. В эпоху Пушкина русская жизнь пришла в равновесие, какое бы оно ни было, поэзия Пушкина была выражением этого равновесия, его живою гармонией. Потом жизни разладилась, и поэзия Некрасова есть сплошной ряд диссонансов, в которых, однако, вся сила и пафос и залог искренности этого поэта. Но среди диссонансов Некрасова слышна одна мажорная нота: беззаветная вера в будущую победу „погибающих за великое дело любви“.⁶² Но вот погибающие погибли — и никакой победы не последовало.⁶³ Народ со всем своим удовольствием устраивал облавы на преследуемых народолюбцев, а интеллигенция озабочивала себя гнусностями и претендентствами неслыханными. И вот человеческая душа, испуганная и ошеломленная, невольно стала метаться. Она жаждет постигнуть дело разума или терзается сомнениями, она баюкает себя грезами о какой-то вечной мистической любви. Характеры <обставлены?>, нет больше личности, всех одолела болезненная чувствительность и жажда экстаза. Говоря по совести, я разумею молодых вообще и современных поэтов в особенности.

Когда слова нашего отрицания и пессимизма коснулись Толстого (других писателей они, кажется, не касались), этот гигант встряхнулся и создал новую религию.⁶⁴

Современные поэты, у которых нет и десятой части его силы — новой религии не создадут. Но в их сомнениях и жажде веры есть нечто религиозное. Замечали ли Вы, что в современной поэзии идет сплошное покаяние? И даже пессимизм наш какой-то религиозный. Это не пессимизм новой французской поэзии, обусловленный извращенностью чувств (или наоборот), заставляющий вместо слов употреблять какие-то символы, слышать глазами и видеть ушами или носом (симфония запахов), или вместо описания природы и людей изображать запахи различных частей женского тела

⁶¹ В «Заметках о поэзии и поэтах» — в части, посвященной поэзии Надсона, Михайловский цитирует фрагменты его статей «Заметки о теории поэзии» и «Поэты и критика» (1884), суждения о поэзии Минского предваряет обширными цитатами из «Старинного спора» (Михайловский Н. К. Собр. соч. Т. 6. С. 610–611; впервые: Северный вестник. 1888. № 3. С. 130–156).

⁶² Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

⁶³ Речь идет о казни первомартовцев и разгроме организации «Земля и воля».

⁶⁴ Имеется в виду религиозно-философский трактат Л. Толстого «В чем моя вера» (1884). Дискуссия о науке и искусстве в «Заре» началась с публикации отрывка из запрещенной в России «Исповеди» Толстого (текст был перепечатан из журнала «Ребус»).

(одна часть пахнет «кислым пасленом, а другая — опопанаксом»!). Наш пессимизм видит глазами, и не только видит, но еще не теряет способности плакать; наш пессимизм жаждет подвига, но не находит его. Что будет дальше — не знаю. Может быть, мы живем накануне полного декаданса, хотя сердце этому не верит.

Вот как я себе представляю генезис и роль современной поэзии, — прав ли я? Или же самообольщаюсь, и никакой глубокой связи между современностью и современной поэзией нет, и следует признать, что последняя „торжествует“ не только „преувеличенно“, но и случайно. Вот вопросы, на которые жду ответа от Вас и только от Вас.

Маленькая поверка, под современными поэтами я вовсе не разумею всех, кто теперь пишет стихи. Есть несколько стихотворцев (весьма талантливых), которые ударились в фетовщину и чистое искусство.⁶⁵ Это дань литературы — реакции. То же замечается и в беллетристике. В произведениях одних (Гаршина, Короленки, Безродной⁶⁶) чуяется голос наболевшей совести, от других так и разит самодовольствием — беспечальных художников. Что говорить, чистое искусство — великое дело, и вдохновенный музыкант, конечно, выше пожарного, но, если горит в соседнем доме и слышны крики о помощи, вдохновенный музыкант бросит играть сонату и побежит помогать пожарным, или он — не художник, а сухой и скучный педант искусства. Простите за бесконечное письмо. Я часто начинал с Вами разговор об искусстве, но на словах не сказать всего, что хочешь.

Искренно уважающий Вас

Н. Виленкин

<Приписано позднее:> Это последний <позор?> на музыканте, который продолжает играть вальс, когда под окном слышны крики о помощи. Мы не верим, играть вальс бросили, но от этого не легче. К нам взывали о помощи, о слове утешения тысячи и тысячи опустошенных душ, мы отвечаляем им — их же криками, только в более звучной форме, кладем их стоны на музыку».⁶⁷

Михайловский на свой лад ответил Минскому в мартовской книжке «Северного вестника» очерком «Заметки о поэзии и поэтах», в котором высказал ряд тонких наблюдений о современной поэзии и стихотворцах, прокомментировал (с позиции «направления») дискуссию в киевской «Заре» и статью «Старинный спор», а в заключение дал оценку сборнику: «...это большой успех. Большой и заслуженный, потому что г. Минский и талантлив, и никогда не топит мысли в озере музыкальных созвучий. <...> его стихи всегда обращаются к сознанию читателей, но огромное число его читателей, наверное, не откликаются на это обращение. <...> Поэзия Минского вся из противоречий, он не гармоничен. Вы просто видите человека, который когда-то имел веру и ныне потерял ее, ищет новой веры и не находит, и, может быть, даже не желает, в тайниках-то души, ее найти, потому что положение ищущего ему кажется поэтически красивым».⁶⁸

Поставленный Минским в письме к Михайловскому вопрос о будущем современной поэзии как будто остался без прямого ответа, однако сам факт состоявшегося диалога поэта и критика фиксирует поворотный момент в истории русской литературы и эстетической мысли конца XIX века.

⁶⁵ Поэты «чистого искусства» — последователи А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова («парнасцы», как их называет Н. К. Михайловский в статье «Заметки о поэзии и поэтах», 1888) — К. М. Фофанов, М. А. Лохвицкая, А. Н. Апухтин, А. А. Голенищев-Кутузов и др.

⁶⁶ Безродная Юлия (наст. имя: Юлия Ивановна Яковлева; 1858–1910) — писательница, первая жена Н. Минского; состояли в гражданском браке с 1877 года, в 1882 году после принятия Минским православия венчались; с 1886 года в разводе.

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 280. В письме речь идет о рукописи романа, присланного в редакцию «Северного вестника» (имя автора не поддается прочтению).

⁶⁸ Михайловский Н. Заметки о поэзии и поэтах // Михайловский Н. К. Собр. соч. Т. 6. С. 617 (впервые: Северный вестник. 1888. № 3. Отд. II. С. 130–156).

**«СВОРА ИМЕН»:
ОТ ЮБИЛЕЯ Н. В. БУГАЕВА (1900) К ЧЕСТВОВАНИЮ КОРОБКИНА
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)**

Сцена чествования профессора-математика Ивана Ивановича Коробкина — одна из наиболее ярких в романе «Москва» (1926).¹ Многочисленные коллеги, студенты, да и просто почитатели отмечают его научные заслуги, но делают это так, что чествование превращается в издевательство над юбиляром и в откровенную для него муку. На скромного Ивана Ивановича, чувствующего себя в парадной обстановке неловко и ведущего себя крайне нелепо, выливается бурный и нескончаемый поток глупейшего, экзальтированного славословия. А потом и вообще начинается «беснование, гавк голосов, щелк ладоней, пропот каблуков, разрыв глаз». Толпа с криком «Гип—гип, — ура!» подхватывает испуганного юбиляра и, наделяя его «пинками и даже щипками», тащит «по лестнице, вниз — на руках, перебрасывая в руки с рук: с непочетом»: «...он, дико вращая глазами, с промятой манишкой, мотаясь вихрами, с усилием выпростал ногу (за левую крепко держали), и ей опираясь в ступени, — преглупо скакал: на одной ноге — вниз, отбиваясь другою (носком и коленом)» (МПУ, с. 72–73).

Сцена юбилея — комедийна и пародийна. Но она — комедийный и пародийный пролог к завершающей первый том «Москвы» трагической сцене пыток Коробкина,² прямо отсылающей к сцене распятия Христа. Сцена чествования также приобретает библейский масштаб, библейское измерение. Как подчеркивает сам Белый, юбилейное действие — это «скорей бичевание, чем прославление», оно превращается в «мистерию „Страсти Коробкина“».³

Выглядит это прославление-бичевание одновременно и смешно, и страшно, даже пугающе: в черновых записях к роману Белый определил его как «дикий гротеск»,⁴ в окончательном тексте — похожим «на бред в стиле Брегеля» (МПУ, с. 78).

В. Ф. Ходасевич, жестко «Москву» раскритиковавший, тем не менее, очень точно определил, как Белый создает этот эффект: «...бесконечное множество каких-то фантомов, проносящихся по страницам романа, — фантомов шушукающихся, подглядывающих, предупреждающих, доносящих, творящих дикости. Бог весть куда и зачем проносятся здесь уроды и маски с дикими именами и неправдоподобными ухватками: карлик Кавалькас, Кавалевер, генерал Ореал, Цецерко-Пукиерко, мадам Миндалянская, мадам Эвихкайтен, Айвазулина, Бабзе, Ветмашко, Глистирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослабабнев, Олябыш, Олесссерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Уппло, Федерцерцер, доцент Лентельпель и т. д.».⁵

«Я выписал лишь немногие имена, не все», — поясняет Ходасевич, но показательно, что большая часть этих «диких» гротескных имен (начиная с Айвазулиной) — из сцены чествования Коробкина. Упоминаются в этой сцене и реальные лица, известные

¹ Белый А. Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926. С. 60–75. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: МПУ, с указанием номера страницы.

² В книге это конец первой главы «Москвы под ударом». Но согласно первоначальному замыслу, как следует из автографа, сданного для перепечатки в издательство «Круг» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32), чествованием Коробкина должна была заканчиваться третья, предпоследняя глава первого тома «Москвы».

³ Кожевникова Н. А. Евангельские мотивы в романе А. Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 493–504 (Проблемы исторической поэтики; вып. 5).

⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 201.

⁵ Ходасевич В. Ф. Аблеуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Сост., вступ. статья, комм. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 750. У Белого в романе «Фердерперцер».

и не очень известные деятели науки и культуры, которые также «проносятся» перед читателем, «не вмешиваясь в ход событий и на него не влияя». «В хороводы призраков <...> врываются имена исторические», что, опять-таки по справедливому замечанию Ходасевича, только увеличивает «фантасмагорию».⁶ Именно на такое восприятие романа рассчитывал, как кажется, и Андрей Белый, предупреждая (в заметке «Вместо предисловия»), что, с одной стороны, «первая и вторая часть романа («Московский чудак» и «Москва под ударом») суть сатиры-шаржи», а с другой — что «„Москва“ — наполовину роман исторический».⁷

Задачи данной статьи: проанализировать историческую подоснову описанной в романе сцены чествования главного героя и сопоставить реально бывшие события с их художественным отражением и преображением; вычленить «имена исторические», затесавшиеся «в хороводы призраков», и объяснить, почему их «носители» оказались на юбилее; рассмотреть персонажей «с дикими именами и неправдоподобными ухватками» с точки зрения их прототипов и в их связи с исторической подосновой.

«Отчествовать „Математический Сборник“»

Сцена чествования Коробкина основана не просто «на реальных событиях», но на одном конкретном, причем неплохо документированном событии — торжественном заседании Московского математического общества, состоявшемся 21 марта 1900 года в физической аудитории Московского Императорского университета.

Читателя романа готовят к грядущему празднеству (в романе оно происходит в 1914 году) загадя. За тягостным обедом жена профессора Василиса Сергеевна бросает реплику: «Вам, говорят, бенефис приготовили?» Профессор отвечает с присущей ему скромностью: «И не мне, в корне взять: двадцатипятилетие празднует „Математический Сборник“... Я тут ни при чем...» (МПУ, с. 46). Еще ранее становится известно, что Коробкин — и автор, и редактор этого издания; об этом он сам рассказывает подосланному немцу, интересующемуся его судьбоносным открытием: «...профессор заметил, что он, вероятно, к вопросу вернется и выскажется подробней по этому поводу в „Математическом Вестнике“ — в мартовской книжке (не ранее) <...> — Знаете, книжечки желтые — «Математический Вестник»... Да, да: редактирую — я...».⁸

«Математическим вестником» Белый ошибочно называет журнал и в «Московском чудаке», и в драме «Москва»,⁹ и в мемуарах «На рубеже двух столетий».¹⁰ «Книжечки желтые» — это, конечно, «Математический сборник», старейший математический журнал в России, издававшийся с октября 1866 года (и издающийся поныне) Московским математическим обществом, работавшим (и работающим поныне) при Московском университете. Московское математическое общество возникло сначала как кружок единомышленников, собиравшихся ежемесячно с сентября 1864 года на дому у знаменитого математика Н. Д. Брашмана. «16 марта 1866 года было решено обратиться к властям с прошением об официальном утверждении общества и в начале 1867 года оно было утверждено Императором».¹¹ Отец Андрея Белого математик Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) — а именно его биографией наделен в романе «Москва» математик Коробкин — присоединился к кружку после возвращения в 1865 году из за-

⁶ Там же.

⁷ Белый А. Московский чудак. Первая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926. С. 7.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Белый А. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комм. и публ. Т. Николеску. М., 1997. С. 98.

¹⁰ Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989. С. 59. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: НР, с указанием номера страницы.

¹¹ Демидов С. С. «Математический сборник» в 1866–1935 гг. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 1996. Вып. 1 (36). № 2. С. 132. Подробнее см.: Демидов С. С., Токарева Т. А. Московское математическое общество: фрагменты истории // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2003. Вып. 8 (43). С. 27–48.

граничной научной командировке и стал одним из его первых действительных членов. В Уставе Общества он назван в числе тринадцати его членов-учредителей.¹² В 1869 году Бугаева избрали секретарем, в 1886-м — вице-президентом, в 1891 году — президентом Общества.¹³ На президента (должность была пожизненной) возлагались и обязанности ответственного редактора «Математического сборника». Как автор же Н. В. Бугаев печатался в «Математическом сборнике» регулярно, начиная с самого первого выпуска 1866 года. «Он становится одним из основателей Московского Математического общества и журнала „Математический Вестник“; председателем первого и редактором второго состоял он в ряде лет», — отмечал Белый в мемуарах (НР, с. 59).

Причиной торжества в романе названо то, что «двадцатипятилетие празднует „Математический Сборник“».¹⁴ В мемуарах же говорится о «юбилее Математического общества, превратившемся в чествование отца» (НР, с. 435, также на с. 61). Однако ни двадцатипятилетия «Математического сборника», ни юбилея Математического общества в 1900 году не было. Двадцатипятилетие журнала осталось далеко в прошлом (в 1891 году), как и двадцатипятилетие Математического общества. Оно пышно отмечалось, но не в 1892 году, как положено, если отсчитывать с даты официального утверждения, а на два года позже.¹⁵ В 1896 году по этому поводу была выпущена специальная брошюра, наверняка имевшаяся в домашней библиотеке Бугаевых. Возможно, отсюда и неточность Белого.¹⁶

На самом же деле «21 марта 1900 года в физической аудитории Московского Университета состоялось торжественное заседание Московского Математического Общества по поводу выхода в свет двадцати томов издаваемого Обществом журнала „Математический Сборник“».¹⁷ Каждый том, за исключением первого, состоял из четырех книг-выпусков со сплошной нумерацией, а выходили книги в зависимости от возможности их финансирования. То есть в какой-то год могли издать все четыре выпуска, но чаще публикация тома растягивалась на два или три года. Юбилейный XX том начал печатать в 1897 году (1-й выпуск), а закончили (4-й выпуск) в 1899 году. Само же празднование перенесли на начало следующего года.

В том, что юбилей журнала превратился в бенефис Н. В. Бугаева, была дополнительная немаловажная мотивировка. В 1865 году Бугаев был избран доцентом по кафедре чистой математики, так что в 1900 году вместе с выходом XX тома «Математического сборника» отмечалось и 35-летие его научной деятельности, что подчеркивалось в приветствиях.

Белый присутствовал на этом мероприятии (НР, с. 61, 425), наверняка оно обсуждалось в семье, и наверняка Белый был знаком с теми поздравительными материалами и подарками, которые отец принес тогда из университета домой. Не исключено, что Белый проглядывал эти материалы и при их передаче в библиотеку и архив Московского университета (часть — после смерти Н. В. Бугаева в 1903 году, часть — после

¹² Устав Московского математического общества (28 января 1867 года) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. С. 52 (раздел «Правительственные распоряжения»); Устав Московского математического общества. М., 1904. С. 1.

¹³ См. прим. А. В. Лаврова к мемуарам «На рубеже двух столетий» (НР, с. 475).

¹⁴ О «двадцатипятилетии» говорится и в драме «Москва», см.: Белый А. Москва. Драма... С. 106.

¹⁵ См. Протокол заседания [Московского математического общества] от 9 января 1894 года: «9 января 1894 года Московское Математическое Общество в соединенном заседании с IX Съездом русских естествоиспытателей и врачей праздновало двадцатипятилетие своей деятельности. Хотя двадцать пять лет со дня основания Московского Математического Общества исполнилось на самом деле ранее, именно 28 января 1892 года, но Общество отложило празднование двадцатипятилетия до предстоявшего в Москве Съезда, чтобы дать большему числу русских математиков принять в празднике личное участие» (Математический сборник. 1896. Т. XVIII. № 1. С. V).

¹⁶ Двадцатипятилетие Московского математического общества (1867–1891): Протокол заседания 9 января 1894 г. М., 1896.

¹⁷ Заседание Московского математического общества 21 марта 1900 года: [Протокол] // Математический сборник. 1900. Т. XXI. № 3. С. 537. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: МСб. 1900, с указанием номера страницы.

смерти матери Белого Александры Дмитриевны в 1923 году).¹⁸ В «Математическом сборнике» был напечатан и подробный протокол заседания Математического общества от 21 марта 1900 года (МСб. 1900, с. 537–578). Иными словами, сочиняя сцену чествования Коробкина в романе, Белый помнил и/или знал, что происходило в действительности, и сознательно что-то отбирал, что-то отбрасывал, добавлял и придумывал.

Так, сцена чествования начинается со смещения Коробкина с поста председателя, что — это подчеркивается — вопиюще нарушает сложившийся порядок: «...обычно он вел заседания; он — был заседанием: решал, открывал, заседал; сообщал — только он; все иные, присутствующие в „Математическом Обществе“ — только молчали: сегодня он был отстранен от всего (Младзиевский взял в руки его); дело ясное, — да-с, — что предмет заседания — он; в этом случае сам соблюдал отстраненность; держался „предметом“ <...>» (МПУ, с. 62).

Однако в протоколе заседания отмечено, что оно проходило «под председательством президента Общества Н. В. Бугаева» и «было открыто <...> речью президента Общества Н. В. Бугаева». В речи говорилось о значении математики в современном мире, о целях и успехах Математического общества, о тех задачах, которые Обществу предстоит решать в будущем.¹⁹ «После речи Н. В. Бугаева секретарем Общества были провозглашены имена <...> лиц, избранных к настоящему заседанию в действительные члены Московского Математического Общества» (МСб. 1900, с. 537–542). Затем знаменитый механик, профессор Николай Егорович Жуковский (1847–1921) представил пространный доклад «Аналогия между двумя задачами механики». Далее шел не менее пространный доклад-обзор профессора Николая Алексеевича Умова (1846–1915) «Современное состояние физических теорий», а затем профессором, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук (с 1914 года) Витольдом Карловичем Цераским (1849–1925) «было сделано сообщение „Астро-фотографические работы Московской обсерватории“» (МСб. 1900, с. 542–569). И лишь по окончании этих трех выступлений Жуковский «обратился к Н. В. Бугаеву с следующими словами»:

«Многоуважаемый Николай Васильевич!

Когда прошло осенью поднялся вопрос об ознаменовании выпуска двадцати томов Математического Сборника особым, торжественным заседанием, то среди Московских членов нашего Общества сама собою возникла мысль о чествовании на этом заседании Вас, как президента Общества и ученого, неутомимая деятельность которого неразрывно связана с жизнью Математического Общества с самого его основания.

Эта мысль встретила горячее сочувствие наших иногородних членов и многих ученых учреждений. Были получены адресы и приветствия, обращенные к Математическому Обществу и к Вам лично.

Извиняемся, что мы все это дело от Вас скрывали, зная, что Вы всегда уклонялись от всякого личного чествования, и просим Вас покорнейше выслушать наши приветствия» (МСб. 1900, с. 569–570).

Затем шли выступления коллег, вручавших Бугаеву «адресы», а после «секретарем были прочитаны телеграммы, присланные по случаю настоящего торжественного собрания». Возможно, были и еще какие-то поздравления, со сцены или в кулуарах, но их следов не сохранилось. «В заключение заседания президент Н. В. Бугаев высказал глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, почтившим его выражениями своего сочувствия и внимания» (МСб. 1900, с. 557).²⁰

¹⁸ Архив Н. В. Бугаева находится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (далее — ОРКиР), ф. 41. Фонд был описан Н. Т. Тарумовой в 2006 году; благодарю ее за ценные консультации.

¹⁹ Во вступительной речи Н. В. Бугаева много внимания было уделено прошлому юбилею, двадцатипятилетию Московского математического общества, что также могло запомниться Белому.

²⁰ См. заключительную речь Н. В. Бугаева: МСб. 1900, с. 577–578. В романе Коробкин пытается выступить, но председательствующий не дает ему это сделать (МПУ, с. 68). Зато в драме Коробкину слово предоставляется (*Белый А. Москва. Драма... С. 109–111*).

Кратко поздравительную часть этого заседания описал в мемуарах о Н. В. Бугаеве его ученик математик Л. К. Лахтин: «Неожиданно для Николая Васильевича члены Общества подготовили к этому дню чествование его как своего президента. Большинство присутствовавших в многолюдной зале были ученики Николая Васильевича. В произнесенных речах, в присланных со всех концов России приветствиях и телеграммах от различных учреждений, обществ и лиц было высказано признание заслуг Николая Васильевича, всеобщее к нему уважение, горячая любовь к нему учеников».²¹

«За адресом — адрес»: главные участники двух юбилеев

В романе «Москва» Белый полностью пренебрег научной частью торжественного собрания, остановившись лишь на чествовании героя. Однако эту финальную часть он передал с такой исторической точностью, как будто держал перед глазами в качестве шпаргалки мемуары Лахтина, Протокол собрания и материалы отцовского архива. Впрочем, главным подспорьем Белому в работе была, конечно, его феноменальная память. Порой путаясь в мелких деталях или именами демонстративно пренебрегая, он передавал суть происходящего.

Многие участники и гости юбилея профессора Н. В. Бугаева попали на юбилей профессора Коробкина под своими именами и в той роли, в которой они выступали в 1900 году на чествовании своего коллеги.

Так, например, заседание в романе открывает Болеслав Корнелиевич Млодзиевский (1858–1923), математик, профессор Московского университета, друг Н. В. Бугаева: «Млодзиевский, пропаявшись крахмалом и докторским знаком, таким перевертышем сел рядом с ним в белоцвет из грудей, обрамленных блестательно фраками <...>. И рукой со звонком произвел он курбет, приглашая к вниманию зал: он приветствовал „Сборник“ в лице основателя сборника» (МПУ, с. 66–67). Затем идет «веер приветствий» (на них остановимся позже), часть которых Млодзиевский зачитывает (МПУ, с. 68–70). Затем «фраком вильнув и схватясь за звонок, Млодзиевский закрыл заседание» (МПУ, с. 72).

Почему обязанности председательствующего Белый возложил именно на него? Случайно выбранный коллега-математик? Отнюдь нет. В те годы Млодзиевский был Секретарем Московского математического общества и именно как Секретарь проявлял в ходе заседания заметную и, видимо, запомнившуюся Белому активность. Так, в протоколе собрания отмечено, что Секретарем Общества «были прочитаны телеграммы, присланные по случаю настоящего торжественного собрания» (МСб. 1900, с. 577). То же и в романе: «Млодзиевский хотел исчерпать бесконечный поток телеграмм (после каждой — шлеп, гавк)» (МПУ, с. 70).

«На реальных событиях» почти полностью основан эпизод вручения поздравительных адресов, хотя некоторые моменты, если сопоставить романное описание с архивными и печатными материалами, можно и уточнить: «Тотчас же встал с очень нервным закидом свисающей пряди волос Тимирязев <...>; говорил он от „Общества естествоведенья“; сзади топталися с адресом в папке, — Крометов и Суперцев; „Общество антропологии и этнографии“ было представлено носом Ануцина; „Общество распространенья технических знаний“ двуоко стояло профессором Умовым, а „Инженерное Общество“ нудилось где-то Жуковским; все три делегации плачем, двуочим, носа защемом хотели почтить» (МПУ, с. 67).

Профессор Московского университета Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920), биолог, естествоиспытатель, был действительно председателем биологического отделения «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (с 1863-го по 1867 год называлось «Общество любителей естествознания»). Однако на бенефисе Н. В. Бугаева он выступал в ином качестве — им был преподнесен и зачитан адрес «От товарищей по факультету» (МСб. 1900, с. 572–773).²² В этом адре-

²¹ Лахтин Л. К. Николай Васильевич Бугаев (биографический очерк). М., 1904. С. 16.

²² ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243. Под адресом стоит 23 подписи.

се обращает на себя внимание странное обращение к юбиляру — «Глубокоуважаемый товарищ, Николай Васильевич!». Не исключено, что от этого обращения Белый отталкивался, когда рисовал в романе другого, вымышленного участника мистерии, Шепепенева, который «ругательским лаем грозил юбиляру: <...> Товарищ, друг, брат!» (МПУ, с. 68).

Выступление Тимирязева особенно запомнилось Белому. Оно единственное было не только упомянуто, но подробно и с благодарностью отмечено в мемуарах «На рубеже двух столетий»: «...я не забуду профессора Тимирязева на юбилее Математического общества, превратившемся в чествование отца; он читал ему адрес; и в этот акт силу сердечности внес, когда голос его задрожал, и он рывом, бросаясь как бы, его подал отцу» (НР, с. 432). И еще раз, там же: «...не забуду, с какой сердечностью К. А. Тимирязев читал ему адрес в день юбилея Математического общества, ставшего его юбилеем <...>» (НР, с. 61).

Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), географ, этнограф, археолог, антрополог, профессор Московского университета, академик (1896), в 1890–1922 годах действительно был президентом «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» и в этом смысле Общество представляло. Однако никаких упоминаний о специальном адресе от Общества, им поднесенном, обнаружить не удалось. Зато его имя — в числе подписавших зачитанный Тимирязевым адрес «От товарищем по факультету».

А вот упоминавшиеся выше Н. А. Умов и Н. Е. Жуковский действительно выходили на сцену. Правда, Умовым был прочитан адрес не от «Общества распространенья технических знаний», одним из организаторов которого он являлся, а «От Императорского московского общества испытателей природы» — в качестве Президента этого общества. А Жуковский преподнес адрес не от «Инженерного Общества» (скорее всего, имеется в виду Московское Политехническое общество, основанное в 1877 году при Императорском Московском техническом училище; его членом состоял Жуковский), а «От физического отделения общества любителей естествознания» (МСб. 1900, с. 573–574).²³

Важно отметить, что и Младзиевский, и все стоящие в очереди на чтение поздравительного адреса, — не только коллеги, но и друзья Бугаева, все они были хорошо знакомы Белому с самого детства, а потом многие стали еще и преподавателями Белого в период его учёбы на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. И все они — герои не только романа «Москва», но и мемуаров «На рубеже двух столетий». Пересечения между их романными и мемуарными характеристиками бросаются в глаза.

Например, во внешности Д. Н. Анучина в романе акцентированы две детали: «выдающийся» нос и сходство с лисом: «„Общество антропологии и этнографии“ было представлено носом Анучина»; «...маленький ростом Анучин с лицом лисовато-простецким, с лисичими глазками, морща свой лобик, хватался за нос <...>» (МПУ, с. 63). В мемуарах портретных деталей больше, но главными остаются те же, что и в романе: «...Анучин — все седенький до желтизны, размохрастый, с огромнейшим носом, но с маленьким лобиком, плачущим той же морщиной, в то время как рот под усами седыми до... желчи оранжевой цвел той же лисьего вида улыбкою; <...> по волосянистому покрову, по козьей бородке — вполне дряхлолетнее козлище, очень спокойно копытце влагающее в сюртучок, чтобы, из бокового кармана платочек доставши, схватиться за мясо могучего сизого носа, навислины очень достойной; „ан фас“ — хитрый лис; профиль же козерожий; <...>; при приближении фасом повернут он был: добродушной, лукавой-лукавой, улыбочкой: лис — лис ласковый, а не козел» (НР, с. 425; курсив наш. — М. С.).

Младзиевский в сцене чествования Коробкина перемещается по залу «бегушком», «летунчиком» и даже садится в кресло «перевертышем» (МПУ, с. 62, 66). Но и в мемуарах подчеркивается, что он «был — вертуном, непоседой», «не ходил, а — носился, вертаясь и припрыгивая» (НР, с. 77; курсив наш. — М. С.).

²³ Там же. Ед. хр. 226, 246.

Тимирязев в романе подносит юбиляру поздравительный адрес, танцуя: «Тотчас же встал с очень нервным закидом свисающей пряди волос Тимирязев, держася за палку (удар был полгода назад); его встретили: гаки и бешеный плеск; стеганул, раздаваясь прыжком звонковатого голоса, — ярким приветствием, быстро бросаясь бородкой, рукою и грудью, как некогда ловкий танцор перед „на“ <...>» (МПУ, с. 67; курсив наш. — *M. C.*).

Так же, как «ловкий танцор», двигается Тимирязев и в мемуарах, где его выразительный портрет Белый рисует с опорой на студенческие воспоминания, ведь Тимирязев читал ему лекции по анатомии и физиологии растений на первом курсе университета: «Я им любовался: взволнованный, нервный, с тончайшим лицом, на котором как прядала смена сквозных выражений, особенно ярких при паузах, когда он, вытянув корпус вперед, а ногой отступая, *как в па менютном*, готовился голосом, мыслию, рукою и прядью нестись на при-взвизге, — таким прилетал он в большую физическую аудиторию, где он читал и куда притекали со всех факультетов и курсов, чтобы встретить его громом аплодисментов и криков: влетев в сюртуке, обтягивающем тончайшую талию, он, громом встреченный, бег обрывал и отрывал, точно *танцор* перед его смутившее импровизацией тысячного визави в сложном акте свершаемой эвритмии <...>» (НР, с. 430; курсив наш. — *M. C.*).

Правда, выступая на юбилее Н. В. Бугаева и читая лекции Бугаеву-студенту, Тимирязев еще не «держался за палку». Эта подробность («удар был полгода назад») — своего рода анахронизм; она взята из позднейшей биографии ученого. Кровоизлияние в мозг, парализовавшее руку и ногу, произошло в 1909 году. Примечательно, что и эта вставленная в роман деталь в мемуарах раскрыта и, можно сказать, прокомментирована: «Позднее удар с ним случился. В 1910 году мы встречались в Демьяновском парке, где жили как дачники; он в коляске сидел в тени лип, иль прихрамывал, опираясь на палку <...>. В 1917 году я опять с ним встречался, в Демьянове же, где еще Тимирязевы жили; он двигался лучше <...>» (НР, с. 432–433).

Здесь важно отметить, что роман писался раньше, чем воспоминания «На рубеже двух столетий» (Белый работал над ними в 1929 году),²⁴ и, судя по указанным пересечениям, может рассматриваться как подготовительная платформа для мемуаров, в которых предельно лаконичные романные характеристики московской профессуры будут развернуты и дополнены.

Лица без маски и профессура «под прикрытием»

Но вернемся к роману.

Как отмечала Н. А. Кожевникова, «антимир Белого заключен в границы реального мира, которые оказываются, однако, зыбкими и легко переходимыми». «Эта зыбкость сознательно подчеркнута», в частности, тем, что на протяжении всей сцены чествования Коробкина персонажи, пришедшие на юбилей под своими фамилиями, смешиваются с носителями фамилий вымышленных. И часто они «сталкиваются в пределах одной строки».²⁵ Так, в уже рассмотренном эпизоде вручения поздравительных адресов в группу московских ученых с мировой известностью затесались, подобно Бобчинскому и Добчинскому, некие «Крометов и Суперцев», которые «сзади топталися с адресом в папке».²⁶ Их фамилии снова появятся в сцене юбилея — в ряду

²⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930.

²⁵ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 231. Эта работа заложила основу для дальнейшего (в том числе и нашего) изучения и развития темы.

²⁶ Белый упомянул в романе не все преподнесенные Н. В. Бугаеву поздравительные адреса и, соответственно, не всех, кто выходил с ними на эстраду. Так, например, торжественная часть заседания открывалась адресом «От членов Московского Математического Общества» (МСб. 1900, с. 570–572; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 239, 243). Его зачитал хорошо знакомый Белому Павел Александрович Некрасов (1853–1924), вице-президент Математического общества (с 1903 года — президент), ученик Бугаева, сделавший, к его неудовольствию, административную карьеру

персонажей-фантомов, введенных в повествование исключительно для создания масштабности и гротескной атмосферы: «У двери — всемерная бежность: проход на эстраду, где, к стенке прижавшись, стояли магистрики; профессора выплывали квадратами: Суперцов, Видите, Ябов, Крометов, Мермалкин, Орпко, фон-Зоалзо; и — прочие; приват-доценты летели меж ними, построив косые углы» (МПУ, с. 66).

Про этих профессоров и приват-доцентов никакой информации не сообщается, мы знаем только их вымышленные фамилии. Однако в ряде случаев Белый дает носителям придуманных фамилий такие детали биографии, которые позволяют или точно определить их прототипы, или хотя бы предположить, чьи черты использовались при создании образа.

Вот, например, три профессора обсуждают, как увековечить имя юбиляра: «Физиолог растений Люстаченко (гербаризировал двадцать пять лет) с Щебрецовым шептался в углу: говорил, что хотели — ей-ей — в гидравлическом прессе системы Дави назвать винтиком ответственный — „винтик Коробкина“; и утверждалось, что Павлов, геолог, в штирихе „гиперстена“ найдя что-то новое, новое это принес, чтоб отметить „Коробкинский день“ <...>» (МПУ, с. 62–63).

Шутка о прессе «системы Дави» настраивает на то, что фантазиен и весь пассаж. Но нет. Геолог, нашедший «в штирихе „гиперстена“» «что-то новое», — реальное лицо. Это Алексей Петрович Павлов (1854–1929), палеонтолог, профессор Московского университета, академик (1916). Белый знал его сначала как друга отца, а потом, будучи студентом, у него учился (НР, с. 234–238). «Внутренне-строгий к другим, еще более строгий к себе, — он прекрасно, дельно, конкретно читал нам лекции по геологии (исторической и динамической) над принесенным им в аудиторию ящиком горных пород <...>», — вспоминал Белый (НР, с. 237). В романе Павлов ведет себя так же, как и в мемуарах: ведь гиперстен — одна из тех горных пород, которая могла быть в принесенном им в студенческую аудиторию ящиком с камнями. На юбилее Бугаева он должен был непременно присутствовать. Ведь его подпись стоит под адресом «От товарищей по факультету».²⁷

О Щебрецове неизвестно ровно ничего, кроме вымышленной «растительной» фамилии (щебрец — то же, что чабрец, чобрец). А вот за вымышленной фамилией «физиолога растений Люстаченко», который «гербаризировал двадцать пять лет», можно узнать вполне реального ученого, Ивана Николаевича Горожанкина (1848–1904), знаменитого ботаника, директора Ботанического сада Московского университета и, естественно, профессора. Знаменитых ботаников в Московском университете было много, однако ботаник, прославившийся прежде всего работой с гербариями, — только Горожанкин. Еще в 1870-е он стал заведующим гербариями Московского университета и Московского общества испытателей природы и с тех пор приводил в порядок, систематизировал и описывал эти богатейшие коллекции. И наконец, он сам вместе со студентами на протяжении многих лет «гербаризировал» в Московской

(в 1893–1898 годах — ректор Московского университета, в 1898–1905 годах — Попечитель Московского учебного округа). Если Белый его не упомянул, то не потому, что забыл, а так как не захотел. Кто зачитывал адрес «От Киевского Физико-Математического Общества», остается неизвестным (МСб. 1900, с. 575; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 245). А вот адрес «От Казанского Физико-Математического Общества» (МСб. 1900, с. 574; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 240) прочитал Леонид Кузьмич Лахтин (1863–1927), доктор чистой математики (1897), профессор Московского университета, преданный ученик Н. В. Бугаева, «скромный, тихий, застенчивый, точно извечно напуганный, точно извечно осколенный» (НР, с. 85). «От Константиновского Межевого Института» (МСб. 1900, с. 575–576; ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 244) адрес прочитал Георгий Николаевич Шебуев (1850–1900), математик, геодезист, приват-доцент Казанского университета (1879), с 1893 года — инспектор классов Константиновского межевого института. В мемуарах Белого он не упоминается. Есть соблазн увидеть в Суперцеве и Крометове Лахтина и Шебуева, однако по «остаточному принципу» прототипы все же определять опасно. Точнее было бы сказать, что Суперцев и Крометов — те выступавшие с поздравительными адресами, кого Белый не запомнил или не захотел наделять именами и чертами биографии, указывающими на конкретный прототип.

²⁷ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243.

губернии, на берегах Оки, в Крыму и в других местах, сделав при этом массу открытых относительно флоры исследуемых регионов.²⁸ Его уникальными личными гербарными сборами также впоследствии пополнилась коллекция Московского университета.

Горожанкин, как и другие названные выше участники юбилея, был не просто колледой, но другом и частым гостем дома Бугаевых: «Жуковский, Павлов, <...> Анучин, <...> Умов, Горожанкин <...> и прочие, прочие, прочие из стаи славной роились вокруг меня <...>», — вспоминал Белый (НР, с. 41). На торжественном заседании в 1900 году он был и в качестве друга юбиляра — его подпись стоит под адресом «От товарищей по факультету», и в качестве вице-президента (с 1894 года) Императорского московского общества испытателей природы — его подпись стоит и под этим адресом, после подписи президента Н. А. Умова. Оставил Горожанкин свою подпись (третий раз!) и под адресом «От физического отделения Общества любителей естествознания», преподнесенным Н. Е. Жуковским.²⁹

Среди тех ученых, которые также «увенчали присутствием» юбиляра, названы два персонажа с явно говорящими фамилиями: «бактериолог Бубонев и Штернберг, астроном». Фамилия бактериолога вымышленная, но логично вымышленная: произведена от названия болезни³⁰ — бубонной чумы, вызываемой бактерией *Yersinia pestis*. Фамилия астронома также кажется вымышленной. Как и фамилия бактериолога, она говорящая: «Stern» в переводе с немецкого — звезда («Berg» — гора). Однако ее носитель — реальный человек, Павел Карлович Штернберг (1866–1920), с 1888 года — ассистент Астрономической обсерватории на Красной Пресне, с 1890 года — приват-доцент, с 1913 года — профессор Московского университета. В 1916 году он возглавил Краснопресненскую обсерваторию, которой в 1920 году было присвоено его имя. Белый видел Штернберга «в 1890 или 1891 году», когда профессор В. К. Цераский пригласил его с матерью посмотреть на звездное небо. Тогда их в обсерватории встретил Штернберг, в то время «помощник» Цераского, «впоследствии профессор астрономии, деятельный большевик и деятельный боец в Октябрьские дни» (НР, с. 240). В 1900 году Штернберг был еще только приват-доцентом, и слова ему, скорее всего, не давали. Однако есть все основания полагать, что он присутствовал в зале. Напомним, что после вступительной речи Н. В. Бугаева Секретарем Общества, то есть Б. К. Младзиевским, «были провозглашены имена <...> лиц, избранных к настоящему заседанию в действительные члены Московского Математического Общества». Среди тех, кто удостоился этой чести, назван «Павел Карлович Штернберг» (МСб. 1900, с. 542). Белый мог его узнать и запомнить.

И бактериолог, и астроном пришли на заседание не с пустыми руками, а с подарками-открытиями, выглядящими одновременно и комично, и символично: «...последний поднес юбиляру открытое только перед этим светило, — не „альфу“, не „бэту“, не „дельту“ и даже не „эпсилон“: звездочку „каппа“,³¹ которой и дали название „каппа-Коробкин“; а бактериолог Бубонев поднес юбиляру бактерию „Нинам Коробкиниэнзим“; она представляла собой разновидность известного вида уже „Нина Грацилис“ <...>» (МПУ, с. 70–71).

Оба подарка невозможно увидеть простым глазом: для звезды нужен телескоп, для бактерии — микроскоп. По этому принципу они и противопоставлены: как возвышенное и низменное, как бесконечно далекое, но манящее, и — как ничтожно малое, нутряное и отвратительное. Перед Коробкиным встает проблема выбора — выйти, раскрыться в космос или, наоборот, отгородиться от мира, замкнувшись в малом мире, подобном кишечнику таракана: «Сиял в отстоянии тысячи солнечных лет <...>:

²⁸ Алексеев Л. В., Колесник Е. В. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). М., 1998. С. 81–89, 108–111 (разделы «Ботанический сад Московского университета», «Флористические исследования. Гербарий»).

²⁹ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед хр. 243, 226, 246.

³⁰ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 258.

³¹ Каппа — десятая буква греческого алфавита. В названиях звезд греческая буква обозначает их яркость (самая яркая — альфа).

то — счет километрам меж бренной землей и меж „*каппа-коробкинским*“ миром. С другой стороны, надо было суметь ограничить себя тараканьим кишечником, чтобы оценить обладание „*Нина Коробкинензис*“, водящейся в оном; профессор не мог проживать в тараканьей кишке; и не мог ничего предпринять в своем „*каппа-коробкинском*“ мире <...>» (МПУ, с. 71).

Как ни странно, но у подарка реального астронома Штернберга связь с реальной подосновой меньшая, чем у подарка бактериолога Бубонева, кажущегося, на первый взгляд, фигурой вымышенной. *Nina gracilis* существует, хотя это не бактерия, но одноклеточный, простейший организм отряда грегаринов, специфических паразитов, населяющих преимущественно кишечники насекомых (в том числе помянутых Белым тараканов), членистоногих (например, сколопендровых), иглокожих, кольчатых червей и других беспозвоночных. Известно более 1800 описанных и зарегистрированных грегаринов, но предполагается, что на самом деле их во много раз больше. Этим паразитам посвящена обширная научная литература.

Более того, Белый лично «встречался» с «*Нина Грацилис*» в период учебы в университете у знаменитого зоолога Николая Юрьевича Зографа (1851–1919). В отличие от других названных выше профессоров, Зограф оставил по себе у Белого дурную память, так как «принципиальных работ, двигающих науку, профессор терпеть не мог»: «...подход мой к предмету — теоретический; интерес к фактам — тоже; Зограф, крохобор, теорий не выносил <...>» (НР, с. 383). Научное крохоборство Зографа проявлялось в его требованиях к ученикам: «...не нужно домыслов; прокрась себе усик лет шесть; „материалы“ к естественнонаучному изучению будут; открытий — не надо <...>» (НР, с. 397). Белый с раздражением вспоминал, что Зограф «усаживал на годы за исследование окрасок кишечников таракана»: «Кто сидел над окраскою „*Нина грациенс*“, паразита, водящегося в кишечнике таракана? Никто; коли напутал, — тебя не проверят; с выводами неудобно: подымется полемика; вздумают проверить ошибки твои, скандалящие „школу Зографа“» (НР, с. 397).

Как кажется, запомнившийся со студенческих лет кишечный паразит, подаренный Коробкину бактериологом Бубоневым, дает основание увидеть в дарителе профессора Зографа, тем более что он имел непосредственное отношение к чествованию Бугаева: подпись Зографа стоит под адресом «От товарищей по факультету».³²

Приводит Белый на юбилей своего героя и представителей гуманитарных наук, отмечая, что «среди „точных“ ученых терялись „неточные“: Л. М. Лопатин и Г. И. Олессер» (МПУ, с. 65). Здесь опять фамилия реального лица соседствует с фамилией вымышенной. Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — философ, психолог, профессор Московского университета. Бугаева и Лопатина связывали не только дружеские отношения, но и многолетняя работа в Московском психологическом обществе с самого момента его основания в 1885 году. В 1889 году Лопатин стал его Председателем; Бугаев же был не просто активным членом Общества, но одним из его учредителей.³³ В этой связи на юбилее Коробкина Белый не случайно определил Лопатину место среди тех представителей науки, которые к началу мероприятия «уже на эстраде сидели». Как следует из протокола заседания, последним в череде адресов было «произнесено приветствие» «От Московского Психологического Общества». Зачитано оно было «председателем его профессором Л. М. Лопатиным» (МСб. 1900, с. 576).³⁴ О том, что Белый прекрасно об этом помнил, свидетельствуют ранние черновики романа: в них это выступление поставлено сразу после выступлений Жуковского, Анутина, Умова, Тимирязева и специально оговорено, что «Лопатин блистал, представляя собой делегацию от Общества Психологического».³⁵

³² ОРКИР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 243.

³³ Ждан А. Н. История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885–1922): К 125-летнему юбилею МПО // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 35.

³⁴ Текст этого выступления, видимо, не был оформлен в поздравительный адрес и потому не сохранился: он не приведен в протоколе заседания, и его нет в архиве Н. В. Бугаева.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 204.

Через несколько лет после юбилея, 16 марта 1904 года, Лопатин выступит на торжественном заседании Математического общества, посвященном памяти друга, с обстоятельной речью «Философское мировоззрение Н. В. Бугаева».³⁶ Не исключено, что и эту речь мог иметь в виду Белый, когда высмеивал в романе словословие в адрес Коробкина-философа: «Казалось, что <...> брошиорочка „Метод“, в которой профессор едва обронил две-три шаткие мысли, есть вклад в философию. Если б так было! Но было — не так» (МПУ, с. 68; ср. у Лопатина: «Покойный Николай Васильевич изложил свои философские взгляды в очень немногих и коротких очерках и набросках»).³⁷

Сосед Лопатина — малосимпатичный философ с вымыщленной, но национально маркированной фамилией Олессерер и столь же национально маркированным именем Гитман Исаич. Белый достаточно подробно излагает его философские подходы,³⁸ указывает на очень определенные, уникальные черты его внешности («лицо оквадратил») и детали биографии. Так, например, сообщается, что Олессерер «женат был на дочери брата Кассирера» (МПУ, с. 64). Первоначально в автографе давался и портрет его жены, весьма отвратительный, но он был вычеркнут: «...тычечек практически супруги Олессерера — меньше чела; чело — меньше лица, а лицо — меньше шеи, которая зобом терялась в грудях импозантных; а груди тонули — в расталии; эта последняя — в бедрах; супруга квадратного мужа собою являла квадрат, иль — дугу: четверть круга». А сообщение о родственных узах с Эрнстом Кассирером (1874–1945) имело продолжение, тоже вычеркнутое: «с этим последним дружил». Упоминание о Кассирере, кстати, тоже еврея, снабжено в книге лаконичным примечанием: «Германский философ»; в автографе чуть более развернуто: «Немецкий философ школы Когэна».³⁹

Все указывает на то, что у Олессерера должен быть конкретный прототип, но его пока не удается обнаружить. Впрочем, биографическим характеристикам отчасти соответствует Дмитрий Осипович Гавронский (1883–1949), «философ-когэнинец и социалист-революционер»⁴⁰ еврей (настоящее имя Меер Ошерович), близкий друг Эрнста Кассирера и, как и Кассирер, ученик немецкого философа, главы Марбургской школы неокантианства Германа Когена (1842–1918). Белый познакомился с Гавронским в Дорнахе в марте 1915 года⁴¹ и тесно общался в октябре, когда в Глионе писал «Котика Летаева»: «Много брошу по горам; часто видаюсь с Гавронским, живущим в „Les Avans“».⁴² Там же Белый встречался и с женатым на сестре Гавронского (А. О. Гавронской) Ильей Исидоровичем Фондаминским (1881–1942), общественным

³⁶ Вскоре после произнесения она была опубликована дважды: в журнале «Вопросы философии и психологии» (1904. Кн. 72 (II). С. 172–195) и в «Математическом сборнике» (1905. Т. XXV. № 2. С. 270–292).

³⁷ Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 72 (II). С. 195; Математический сборник. 1905. Т. XXV. № 2. С. 292.

³⁸ «Олессерер плоскость сознанья разбил на квадраты наук, иль — кварталы; и в каждом поставил квартального: здесь стоял Дарвин; там — Кант: и — показывал палочкою: „от сих пор — до сих пор“; умерял циркуляцию мысли квартальным законом («от сих» и — «до сих»); когда мыслил Олессерер, — переменял он кварталы: здесь — звездное небо; там — максима долгa; его мировоззрение не было, собственно, „мировоззрением“, — адресной книгой участка, где каждый прописку имел; здесь прописан был Дарвин; там — Кант; на вопрос, что есть истина, он отвечал себе: „Мысли в таком направлении — то; мысли в эдаком — это!“ Был враг прагматизма; боролся с Бергсоном и Джемсом: „Помилуйте, — хаос сплошной!“ Все ж, — Бергсон мыслил хаос, пускай хаотически; Гитман Исаич Олессерер люто боролся с прочтением чего бы там ни было, с уразумением чего бы там ни было; читывал он лишь прописки в участки *того* или *этого* факта, в принципе невнятного; строгость логических функций его был отказ от попытки: помыслить» (МПУ, с. 63–64).

³⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 139.

⁴⁰ Белый А. Материал к биографии // Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. С. 208. Благодарю за указание на эту фигуру Н. С. Плотникова и А. И. Резниченко.

⁴¹ Там же. С. 208. Так же: Белый А. Ракурс к дневнику // Там же. С. 418.

⁴² Там же. С. 421. Les Avans — городок неподалеку от Глиона.

деятелем, публицистом, издателем, членом ЦК партии эсеров.⁴³ Возможно, Белый не смог разобраться в родственных узах разветвленных еврейских кланов и просто перепутал, кто с кем дружил и на чьих сестрах был женат?

При этом важно оговорить, что философские взгляды Гавронского никак не совпадают с взглядами Олессерера. Быть может, Гавронский здесь вообще ни при чем (да и не испытывал Белый к нему таких негативных чувств, как к Олессереру). Возможно, Олессерер — собирательный образ, соединивший в себе те черты, которые Белый не любил в философии вообще, а в еврейской философии и в евреях в особенности. Ведь наделил же он друга детства Коробкина профессора Задопятова чертами сразу двух либеральных профессоров-филологов — Н. И. Стороженко и Алексея Н. Веселовского, а также приписал ему все пороки, которые видел в профессорском окружении отца.

Почтенных московских ученых Белый «разбавляет» суетливым японским математиком Исси-Нисси, считающим себя учеником Коробкина. Он приезжает из Нагасаки и заявляется домой к Коробкину, чтобы познакомиться со своим кумиром (МПУ, с. 25–33), а оказавшись на юбилее, прорывается на эстраду, чтобы передать поздравления от своих соотечественников: «В узком фраке, прилизанном к узкому телу, летком пробежал Исси-Нисси, застряв под эстрадою в первых рядах, и, бочком прооркнувши, исчез в центре их; вновь привыкнул и — на эстраду взвился, точно ласточка, взвеяя развилишки фалд; и — шептались:

— Вот...
— Где?...
— Исси-Нисси.
— Японский ученый!
— Известный ученый!
А Исси уже на эстраде сисикал:
— Си-си... С Нагасака плисла телегламм...
— Си-си-си...
— С Нагасака плофессолы все...
— Ишикава, Конисси!.. Си-си... Катааками!..
— Я есть Исси-Нисси. Вот кто!» (МПУ, с. 64–65).

Комизм образа Исси-Нисси, от начала и до конца вымыщенного, строится прежде всего на его речевой характеристике. Японец коверкает русский язык (вместо «Япония» у него получается «Жапан», вместо «земля» — «элда» — МПУ, с. 31) и постоянно «сисикает». Имена японских ученых, названных в выступлении Исси-Нисси, так органичны в потоке его сисиканья, что кажутся вымыщенными и подобранными прежде всего по звуковому подобию: «— С Нагасака плофессолы все... — Ишикава, Конисси!.. Си-си... Катааками!..»; «— Я есть Исси-Нисси» (МПУ, с. 65, 25). А вместе с тем все трое — реальные люди, хотя и не имевшие отношения к юбилею Н. В. Бугаева (и, вопреки утверждению Исси-Нисси, никак не связанные с городом Нагасаки).

Тиёмацу Ишикава (Ishikawa Chiyomatsu; 1861–1935) — японский биолог, зоолог, ихтиолог; первый последователь и пропагандист теории Дарвина в Японии.⁴⁴

Масутаро Конисси (1862–1940) — японский русист, принявший в молодости православие (в крещении Даниил Павлович / Петрович), выпускник Киевской духовной семинарии и Московского университета, профессор университета в Киото, с 1892 года

⁴³ «...там вижусь с Фондаминским <...>» (Там же. С. 421).

⁴⁴ Ранее, характеризуя Исси-Нисси, Белый отметил, что его «имя гремело во всех частях света <...> громчей Ишикавы», и сопроводил первое упоминание Ишикавы примечанием: «Известный японский биолог» (МПУ, с. 26). Непонятно, чем Ишикава (Ишикава) был Белому известен. Возможно, приверженностью к теории Дарвина или своими открытиями. Но возможно, и громким скандалом, связанным с закупкой в конце 1900-х для зоопарка Уэно, в котором он был тогда директором, двух жирафов, первых в Японии. Так как стоимость экзотических животных превышала бюджеты всех зоопарков, а купить их очень хотелось, Ишикава написал в сопроводительных документах, что это не жирафы, а цилин (китайские единороги), занимающие в восточной мифологии место рядом с драконом и фениксом. Впоследствии обман раскрылся, Ишикава был уволен, но в японском языке цилин и жираф до сих пор обозначаются одним словом.

действительный член Московского психологического общества, переводчик на русский язык Конфуция и его последователей; автор журнала «Вопросы философии и психологии».⁴⁵ В его переводах юный Белый знакомился с китайской философией: «...мои „теософские“ настроения получают пищу <...> переводами из книг „Тао-Те-Кинг“ Лао-Дзы и „Середино и постоянством“ Конфуция; все мной прочитано в „Вопросах Философии и Психологии“» (НР, с. 337).⁴⁶ В мемуарах «Между двух революций» «японец Конисси» упоминается как «переводчик отрывков Лао Тзе <...>, знававший отца».⁴⁷ Очевидно, что Бугаев и Конисси были связаны именно по работе в Московском психологическом обществе, а значит, его имя в ряду приветствующих юбиляра Коробкина вполне уместно.

А вот Нобуру Катаками (1884–1928) — ученый из другого поколения. Н. В. Бугаев ничего о нем слышать не мог, да и Катаками вряд ли что-то знал о профессоре Бугаеве. Зато с Белым Катаками был знаком. Японский славист, переводчик, основатель отделения русской литературы в университете Васэда в Токио (1920), он жил в Москве с ноября 1915-го по март 1918 года и активно вращался в литературных и литературоведческих кругах, общаясь с разными людьми: с П. Н. Сакулиным, С. А. Венгеровым, Н. К. Пиксановым, К. Д. Бальмонтом, Ю. И. Айхенвальдом и др., в том числе и с Андреем Белым.⁴⁸ Одну из своих бесед с ним Катаками пересказал в книге «Действительность в России» (Токио, 1919), написанной после возвращения в Японию; там же он отметил, что Белого «уважал» и что с ним перед отъездом прощался.⁴⁹ Катаками ненадолго приезжал в Россию и в 1924–1925 годах, как раз когда Белый работал над романом «Москва». Тогда они не встречались, но о том, что японский ученый вернулся, Белый мог от кого-то прослышать и по старой памяти вставить его имя в роман.

По точному выражению Н. А. Кожевниковой, в романе «Москва» «удостоверяет-ся реальность вымыщенного и ставится под сомнение реальность реального».⁵⁰ На протяжении всей сцены юбилея придуманные фамилии маскируются под реальные, а иногда, наоборот, реальные кажутся придуманными. Оба типа смешения представлены в эпизоде оглашения поздравительных телеграмм. Так, «прочли от сенатора Кони, Веснулли, от Артура Вхорчера, от Мака-Драйда, от Поля Буайе, Ильи Мечникова, Николая Морозова; не перечислишь <...>» (МПУ, с. 70).

А. Ф. Кони, И. И. Мечников, шлиссельбуржец Николай Морозов не просто реальны, но и легко узнаваемы. В какой-то степени это может относиться и к известному французскому филологу-слависту Полю Буайе.⁵¹ А это создает впечатление, что и другие

⁴⁵ См.: Маслов К. С. Между Востоком и Западом: член Московского психологического общества Даниил Павлович Конисси (1862–1940) // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 251–260.

⁴⁶ Упоминаются: «Тао-те-кинг» Лаоси / Пер. с китайского Д. П. Конисси // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 23 (3). С. 380–408; «Средина и постоянство». Священная книга последователей Конфуция / Пер. с китайского с прим. Д. П. Конисси // Там же. 1895. Кн. 29 (4). С. 382–403.

⁴⁷ Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 400.

⁴⁸ Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии / Отв. ред. Л. Л. Громковская. М., 1989. С. 38–47; *Ота Дзётаро*. Андрей Белый в Японии: восприятие и переводы // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017. С. 398–412.

⁴⁹ См. перевод фрагмента об Андрее Белом из книги Катаками в статье Ота Дзётаро: «В отношении не только работ последних лет, но и успехов, ожидаемых в будущем, Андрея Белого надо считать самым достойным внимания среди сравнительно молодых, современных литераторов. Белый — соединение поэта, философа, критика и романиста; он сейчас пишет философские статьи. Старался составить собрание своих сочинений, но не получилось по вине издательства и вышли в свет только два тома» (*Ота Дзётаро*. Андрей Белый в Японии. С. 398–399).

⁵⁰ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 231.

⁵¹ С Полем Буайе (1864–1949), директором Парижской школы Восточных языков, часто бывавшем в России, Белый неоднократно встречался и когда был ребенком, и в 1906 году в Париже: «...лет семнадцать назад Поль Буайе жил два года в Москве, изучая языки и бывая у нас, Стороженок и многих ученых <...>» (*Белый А. Между двух революций*. С. 164; также: НР, с. 333).

упомянутые в том же ряду лица (Веснулли,⁵² Артур Вхорчер, Мак-Драйд) имеют профессию, биографию, даты жизни, что не так: они вымышлены.⁵³

С другой стороны, среди вымышленных фамилий авторов восторженных телеграмм прячется, маскируясь под придуманную, фамилия вполне реального лица. Между Ложечкиным, Блошкиным, Ивотевым и Курководовым вставлен знаменитый французский математик и политик Поль Пенлеве (Панлеве; Painlevé; 1863–1933), отправивший поздравление (*fellicitation*) из французской столицы (Десятый округ Парижа).⁵⁴ Из общего ряда персонажей-фантомов он выделен лишь тем, что вызвал «гром приветствий», что естественно — поздравление от столь крупной фигуры в науке должно было восприниматься с восторгом: «„В радостный день юбилея приветствуют — Ложечкин, Блошкин“; „В высокоторжественный день шло привет с пожеланием многих трудов юбиляру. Махориер-Порцес“; „Луганск. Гаудеamus. Ивотев“; „Владимир. Коробкину — слава! От брат, славянин, Ярошиль“; „Париж. Десять. Фелиситатион. Панлевэ“ (гром приветствий). „Калуга: Веди к недоступному счастью того, кто надежды не знал. Инженер Курководов“» (МПУ, с. 70).

Кстати, эпизод с зачитыванием поздравлений тоже отчасти основан «на реальных событиях» или, точнее — на впечатлении от «реальных событий». Стопка телеграмм — из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Харькова, Киева, Варшавы, Тулы, Нижнего Новгорода, Пензы — сохранилась в архиве Н. В. Бугаева.⁵⁵

В них будет обычный для поздравлений избыточный пафос. Так, телеграмма от «Отделения физики и химии Варшавского общества естествоиспытателей» заканчивается восклицанием «Да дружно идет на Руси научная работа и в будущие годы». А слова про служение «науке и дорогому нашему университету» повторяются многократно.

Будет и некоторая доля нелепости. Например, в поздравлении от гимназии, которую Н. В. Бугаев заканчивал: «Московская первая гимназия сохраняя на вечные времена Ваше имя как отличного ученика выпуска 1855 года с особым чувством шлет Вам в настоящий день свое приветствие как дань уважения ныне чувствуемой высоко полезной научной и педагогической деятельности Вашей. Директор Гобза».

Однако в целом тексты телеграмм не абсурдны, а, скорее, шаблонны; они вполне соответствуют жанру. И тем не менее все вместе они вызывают оторопь. Вот лишь некоторые образцы:

«Поздравляю Математическое общество поздравляю маститого председателя же-
лаю продолжения плодотворной деятельности на многие годы — Шеффер»;

«В нынешний торжественный день, дозвольте глубокоуважаемый Николай Васильевич пожелать Вам от всего сердца долголетнего процветания на пользу науки, на славу родного Вам университета и математического общества. Сердобинский»;

«Вследствие тяжелой и опасной болезни сына в заседании быть не могу. Прошу передать уважаемому учителю сердечное приветствие и пожелание здоровья благополучия на многие годы — Андреев»;

«Приветствуем математическое общество с 35-летним юбилеем и желаем ему дальнейшего процветания маститого президента Николая Васильевича нашего дорогого и уважаемого учителя поздравляем с истекающим 35-летием его профессорской деятельности да продолжится она еще многие годы на пользу и славу нашего отчества — директор Иванов, преподаватель Десятовский»;

⁵² В фамилии Веснулли обыгрывается фамилия знаменитой семьи швейцарских математиков Бернулли. Якоба Бернулли (1655–1705) Белый упоминает среди тех, кто составляет «созведение ярких, славных имен, восходивших над Базелем» в «Кризис жизни» (Пб.: Алконост, 1918. С. 63). Коробкин будет рассказывать о нем во втором томе «Москвы», в романе «Маски».

⁵³ Аналогичным образом доминируют реальные имена в другом пассаже из сцены юбилея Коробкина: «...поздоровался с Суперцовым, с Тарасевичем, Львом Александрычем, с Узвисом; маленький ростом Анучин <...> хватался за нос <...>; но задержался с Олессером» (МПУ, с. 63). Реальный Анучин, реальный Тарасевич (1868–1927) создают впечатление, что реальны и соседствующие с ними носители вымышленных имен.

⁵⁴ Как политик (он дважды, в 1917-м и в 1925 году был премьер-министром Франции) Пенлеве еще появится в романе «Маски».

⁵⁵ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 247.

«Приветствуем многочтимого президента с славным юбилеем сердечно желаем продолжения прежней плодотворной деятельности на многие многие годы — Зинин, Зилов, Делоне, Вороной, Анисимов».

Кто эти люди без указания профессии и места работы? Непонятно, какое отношение они имеют к юбиляру... У них нет ни имен, ни даже инициалов, точно так же, как у многочисленных персонажей-фантомов, участвующих в чествовании Коробкина.

Конечно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что подписи под поздравлениями поставили известные иуважаемые люди. Наверняка многие из них были знакомы Н. В. Бугаеву и другим членам Математического общества.⁵⁶ Но вот сыну юбиляра фамилии отправителей телеграмм (а под каждой телеграммой стоит чаще всего несколько подписей), по-видимому, уже ничего не говорили, и потому их авторы могли казаться сбежавшейся со всех концов страны «сворой имен»... что и было обыграно в романе.

В наибольшей степени впечатление «своры имен» производят подписи под поздравлениями от учеников Н. В. Бугаева. От них пришло несколько телеграмм. Одна подписана аж восемнадцатью фамилиями.⁵⁷ И еще был зачитан адрес «От студентов-посетителей заседаний Московского Математического Общества», под которым стоит более сотни фамилий, самых разнообразных, простых и затейливых, по-разному национально окрашенных, но равно незнакомых. Даже если представить, что на чествовании присутствовали и стремились прорваться к юбиляру только подписанты этого адреса, то уже и их достаточно для образования толпы, способной в восторженном порыве растерзать героя бенефиса, превратить прославление в бичевание. Конечно, фамилии студентов под поздравительным адресом не столь выразительны, как фамилии гостей юбилея, сконструированные воображением Белого, но все вместе (фамилии занимают две страницы, на каждой — по два плотных столбца) они создают впечатление фантасмагорическое.⁵⁸

Если же сложить все поздравления, и адреса, подписанные фамилиями московских профессоров, и телеграммы от «неведомо кого», то получится то же смешение имен, на котором построена сцена юбилея в «Москве»: имен реальных, знакомых автору романа с детства, и имен совершенно незнакомых, кажущихся вымышенными.

«Список чудовищностей»: реальность вымысла

Количественное соотношение в сцене юбилея фамилий вымышенных и реальных — в пользу вымышенных. Вымышенных — чуть более пятидесяти. Реальных — чуть менее двадцати. А если учесть, что многие вымышенные фамилии повторяются несколько раз, то очевидно, что именно они и создают атмосферу «дикого гротеска», напоминающую «бред в стиле Брегеля». Белый своим словотворчеством (или — «имятворчеством») гордился, считая, что это, как он объяснял Иванову-Разумнику, — «упражненье со звуками», направленное на то, чтобы, установив связь с пräзыском,

⁵⁶ В Протоколе, опубликованном в «Математическом сборнике», дали перечень телеграмм, «присланных по случаю настоящего торжественного собрания»: «1) от С.-Петербургского Математического Общества, 2) от Харьковского Математического Общества, 3) от отделения физики и химии Варшавского Общества Естествоиспытателей, 4) от профессора Казанского Университета А. В. Васильева, 5) от профессора Московского Университета К. А. Андреева, 6) от профессора Московского Технического Училища А. И. Сидорова, 7) от профессоров Варшавского Университета П. А. Зилова, Н. Н. Зинина, Н. Б. Делоне, Г. Ф. Вороного и В. А. Анисимова, 8) от директора Пензенского Землемерного Училища В. Е. Сердобинского, 9) от группы преподавателей Московских гимназий, 10) от профессора Московского Университета В. А. Шеффера, 11) от Московской первой гимназии, 12) от группы преподавателей Нижегородского реального училища, 13) от бывших учеников Н. В. Бугаева — П. И. Александровского, А. П. Модестова и М. А. Соколова, 14) от группы студентов Киевского Политехнического Института» (МСб. 1900, с. 577). В этом перечне часть отправителей «деанонимизировали» (прежде всего профессуру), но большую часть «подписантов» предпочли просто не упоминать.

⁵⁷ Первая подпись в этом списке — «Федор Семенович Коробкин выпуск 1880 года». Скорее всего, совпадение фамилии главного героя «Москвы» с фамилией одного из подписантов поздравительной телеграммы — случайность. Но все же отметить это совпадение стоит.

⁵⁸ ОРКиР. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 242.

при помощи его колдовской силы «омолодить <...> мертвое слово». Уже закончив первый том «Москвы» и готовясь приступить к работе над вторым («Маски»), Белый поделился своими «фамильными» достижениями, которые сам же назвал «списком чудовищностей»:

«Для шутки посылаю Вам список квартирантов одного дома с Табачихинского переулка <...> из 2-го тома „Москвы“ <...>: —

— Абакралова, фон Клаккенклипс, Клико-такин, Клопакер, Кекадзе (Иван), Кока Поков, Моавр, Индихинес, Маврулия Боврин-чиксинчик, Паханций, Велес-Непещевич, Орловикова, Сидервишкин, Тарас Верли-вёрко, Какгацкий, фон-Винзельт, Егор Гнидоедов, Воняй-Кизмет, фон Пудопаде, Пепардина, князь Лужердинзе-Щербун-Двусерпянский, Зербадина, Жак Вошенвайс, Пеццен-Цвакке, Сергей Колзцов, Шмуль Лерович, Илкавин, Мамай-Алмамед, Милдоганин, Илья Неласетов, Тулпянская, Нил Галдаган, Милалайкис, Сергей Селелёньев, Липанзин, Хотлипина, Плитезев, Лев Подподольник, Гнильян, Ангелоков, Гортензия де-Дуроприче, Достойнис, Желдицкая, Юдалионов, Жевало-Быгало, Жижан-Дощан (Ян), Депрезоров, Иван Педерастов».⁵⁹

К фамилиям в первом томе и в особенности к фамилиям гостей юбилея писатель подошел с таким же экспериментаторским энтузиазмом. «Списком чудовищностей» рассказ о чествовании Коробкина начинается: «<...> там, на эстраде, в проходах — стояли, сидели, обменивались впечатлением, поклонами иль протирали пенснэ, — Айвазулина, Бабзе, Ветмашко, Глистирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослабабнев, Олябыш, Олессерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Уппло, Фердерперцер и прочие, прочие — вплоть до Богочика: свора имен!» (МПУ, с. 60).

И — кольцевая композиция — прощанием с той же «сворой имен» рассказ завершается: «Опускалися вниз, расходясь: Айвазулина, Бабзе, Ветмашко, Глистирченко-Тырчин, Икавшев, Капустин-Копанчик, Нахрай-Харкалев, Ослабабнев, Олябыш, Олессерер, Пларченко, Плачей-Пеперчик, Шлюпуй, Убавлягин, Уппло, Фердерперцер <...>» (МПУ, с. 75).

Это издевательски поданный «цвет российской науки»: «Из них каждое — „имя“, собгенное бременем лет, многотомных трудов, орденов и ученых дипломов, уже заключенное заживо в „Энциклопедию“ <...>» (МПУ, с. 60–61).

Представлены «имена» с нарочитым, тоже, можно сказать, с издевательским почтением: приходят, рассаживаются в алфавитном порядке и уходят друг за другом, по алфавиту. В такой последовательности они могли бы фигурировать в официальных документах или в словарях. Именно к рассчитанному на самый широкий круг читателей популярному «Настольному энциклопедическому словарю», выпускавшемуся товариществом «А. Гранат и К°», отсылает Белый, чтобы подчеркнуть общероссийскую известность прибывших на юбилей ученых и общероссийское признание их научных заслуг (здесь — псевдопризнание и псевдонаучных заслуг).

О Пластальцеве в романе сообщается, что это ученый (специальность не уточняется), «лет десять сидящий в „Гранате“ <...> меж „пластрон“ и меж „Плантагенеты“» (МПУ, с. 61). Про научное светило с фамилией Шлюпуй говорится, что его не следует путать со «шлюпяком», хотя «в словаре у „Граната“ они оказались рядом» (МПУ, с. 61). Апелляция к словарю — очередная шутка Белого. «Плантагенеты, английская королевская династия (1154–1399)», в «Гранате» действительно отмечены небольшой заметкой.⁶⁰ Но ни пластрон (брюшной щит панциря черепахи или же деталь мужской одежды — фасон галстука, нагрудник), ни шлюпак (старый размокший гриб) словарных статей не удостоились, так же как и Пластальцев со Шлюпяком: они — плоды беловских языковых упражнений, вымыщленные персонажи-фантомы.

⁵⁹ Андрей Белый, *Иванов-Разумник*. Переписка / Публ., вступ. статья А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста и комм. Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 354. Письмо датировано первой декадой августа 1926 года.

⁶⁰ Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. 1915. Т. 32. Стб. 307–308.

В этом пассаже, в отличие от большинства рассматривавшихся выше, невымышленных фамилий вообще нет. В черновых материалах сохранились следы его отделки: неподходящие фамилии отмечались или вычеркивались, их место занимали более выразительные. На отдельных страницах писатель записывал столбцами «фамильные» пробы, чтобы потом из них выбрать наиболее достойные и наилучшим образом между собой сочетающиеся образцы. Н. А. Кожевникова в «Заметках о собственных именах в прозе Андрея Белого» прослеживает механизм образования фамилий: «от имен исторических лиц, от названий зверей и птиц, насекомых (звериные маски), от названий народов и стран (национальные маски), от названий растений <...>, от названий частей человеческого тела, от обозначения человеческих качеств и отвлеченных понятий», «от названия болезней <...> и разного рода физиологических отравлений» и т. д.⁶¹ Однако, несмотря на то, что семантика ряда фамилий или легко узнаваема (Икавшев от икать, Харкалев от харкать), или может быть разъяснена с помощью обращения, например, к словарю В. И. Даля (олябьши — пирожки, оладьи), назвать эти фамилии говорящими нельзя. Они самодостаточны в своем гротескном уродстве и если на что-то указывают, так только на то, что носители этих «диких» имен сами под стать этим «диким» именам.

Биографии, которыми наделены некоторые из них, столь же фантасмагоричны: «Хотя б — Айвазулина: женщина-стереохимик, взошедшая на Титикаку, сказавшая спич в Сантафэ-де-Боготе, надевшая около острова Пасхи скафандр и после едва не бежавшая с дон-Бордигере-Хуан-де-Петелло, министром бразильским; Глистиренко-Тырчин, прорезавший опухоль горла у вдовствующей кронпринцессы австрийской; Нахрай-Харкалев, путешественник, автор двухтомья „Цвай ярен мит антропофаген“, друживший с Ньям-Ньямами, съевший в Уганде засохшие уши убитых врагов негра Мбэбвы, ошибочно думая, что то — сухие грибы; а Капустин-Копанчик (вот он — челюсть пятит к мадам де-Моргаско), он автор работы „Отчет по окраске плазмодиев осмивым препаратом“ (три тома); Шлюпуй — <...> профессор и автор работы „О действии Леонтодон-Тараксакотум на сокращение кишечника Лутра Вульгарис“; а Плачей-Пеперчик, известный в Германии, в Льеже? Досель в Гейдельбергском химическом техникуме стоит крик о „пепертиш‘с титрирунген“» (МПУ, с. 61).

Эти подробности выглядят как не просто зрелый, но как перезрелый плод фантазии писателя. Ну что может быть, на первый взгляд, неправдоподобнее, чем людоеды «Ньям-Ньямы» и их друг Нахрай-Харкалев? А вместе с тем ньям-ньямы вполне реальны, это «народ нубийского племени в Центральной Африке», который «сам себя называет» народ Сандех, но «на языке соседнего народа динка известен под именем ниам-ниам, или ньям-ньям (т. е. обжоры, намек на людоедство)»: «...среднего роста, коренасты, мускулисты; голова круглая и широкая; лоб сверху суживается; нос вдавленный, прямой или с семитическим изгибом, но с плоским кончиком и широкими ноздрями; большие, далеко отстоящие друг от друга глаза миндалевидны и стоят несколько косо; губы весьма широкие. <...> Людоедство господствует повсеместно».⁶² В отличие от шлюпоя и пластрона, ньям-ньямам было отведено место в словарях, и в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона» (откуда взято процитированное выше определение), и в «Гранате»⁶³ (причем во много раз большее, чем Плантагенетам). Вполне реальное лицо скрыто и под отвратительной фамилией Нахрай-Харкалев. Путешественник и автор вымышленного труда «Zwei Jahre mit Anthrophagen» (нем.: «Два года с людоедами») — это Василий Васильевич (Вильгельм) Юнкер (1840–1892), знаменитый географ, первый русский исследователь Африки. Свои полные драматических событий экспедиций в земли Ньям-Ньям, обычаи, верования и культуру ньям-ньямов Юнкер описал в трехтомном сочинении «Reisen in Afrika» (Wien, 1889–1891). На него опираются авторы статей и в «Брокгаузе», и в «Гранате».

⁶¹ Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 254, 256.

⁶² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. 1900. Кн. 28А (Т. 56). СПб., 1900. С. 256.

⁶³ Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. 1915. Т. 30. Стб. 265 — отсылка к статье «Санде» — [1917]. Т. 37. Стб. 209–210.

Однако и нъям-нъямов, и Юнкера Белый, побывавший в 1911 году в Тунисе и Каире, выучил не по словарям. Собираясь в путешествие, он интересовался работами исследователей африканского континента и, в частности, работами Юнкера. В «Африканском дневнике» Белый с гордостью подчеркивает, что Юнкер — «москвич», ссылается на него, ставит его в ряд с теми великими путешественниками, которые «нам дороги» («их труды, их отвага, их воля нам бросили свет на „Офейру“»), и даже не без восторга прослеживает маршруты его экспедиций, в том числе в «людоедские страны, Нъям-Нъям»: «Немного позднее наш Юнкер исследует реки Собат и извилистый Бахр-ель-Газаль (то притоки великого Нила); он в семьдесят девятом году пробегает впервые по странам Нъям-Нъям, и дойдя до водораздела между Нилом и Конго, исследует реку Узла, приток Конго, растянутую на тысячу километров; ее переходит; и — ходит по речке Непоко — притоку реки Арувими <...>; затем Юнкер правит свой путь до великого, нильского устья <...>».

Или: «...вся страна, распростертая к юго-западу от впадения Бахр-ель-Газала в Бахр-ель-Абиад, простирается в людоедские страны, Нъям-Нъям <...>, впоследствии же углубился в них Юнкер на семь долгих лет».⁶⁴

Столь явную связь других обладателей этих гротескных имен и биографий с именами историческими обнаружить не удается. Но все же, как кажется, можно говорить если не о прямой, то об ассоциативной перекличке с некоторыми персонами, предположительно послужившими если не точными прототипами, то источниками фантастических образов, стимулами к их созданию.

Первой в «своре имен» идет Айвазулина, наделенная столь невероятными характеристиками, что их стоит повторить: «женщина-стереохимик, взошедшая на Титикаку, сказавшая спич в Сантафэ-де-Боготе, надевшая около острова Пасхи скафандр и после едва не бежавшая с дон-Бордигере-Хуан-де-Петелло, министром бразильским».

Даже женщин-химиков в начале века было мало, русских женщин-химиков совсем мало, а те, что были, никак не похожи на явившуюся на юбилей Коробкина Айвазулину.

Черновики романа не приоткрывают ее тайну, но позволяют, как кажется, вычленить костяк образа. В первоначальных набросках Айвазулина фигурирует как женщина-палеонтолог. Это, как минимум, означает, что ее специальность не так уж важна. После спича, произнесенного в столице Колумбии Сантафэ-де-Боготе, идет плохо читаемое пояснение, из которого следует, что «<нрзб.: некие (?)> сланцы не так уж богаты».⁶⁵ Возникает ощущение, что Богота возникла не как реальная биографическая деталь, а из-за переклички с «богаты...».

Восхождение на Титикаку (почему-то Белый упорно называет высокогорное озеро вулканом)⁶⁶ и погружение «со скафандром» у острова Пасхи есть уже в первоначальных набросках, хотя, насколько нам известно, этими подвигами не только женщина-ученый, но и вообще никто из русских в начале века похвастаться не мог. А вот несуществующий бразильский министр, видимо, придумался позже.

Логика отбора гостей юбилея в романе подсказывает, что источником образа Айвазулиной должна быть не просто женщина-ученый, но знакомая с Н. В. Бугаевым и/или находящаяся в поле зрения Белого. И еще — это должна быть женщина, склонная к ярким эпатажным поступкам.

Этим параметрам, похоже, отвечает Анна Сергеевна Гончарова (1855–?) — известная русская последовательница Е. П. Блаватской, привившая Белому интерес к теософии и вовлекшая его в деятельность московских теософских кружков. Согласно

⁶⁴ Белый А. Путешествие по Средиземноморью / Сост. С. Д. Воронин. М., 2015. С. 428, 429, 432. Мбэбва — достаточно распространенное африканское имя. Однако в «Африканском дневнике» это — дерево или кустарник: «...всюду мбэбва дарит чернокожих плодами <...>» (Там же. С. 433).

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 202.

⁶⁶ См.: Белый А. 1) Офейра. Путевые заметки. Часть первая. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1922. С. 198; 2) Начало века / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 183.

мемуарам Белого, она была не просто единственной женщиной-ученым из близкого окружения Н. В. Бугаева, но его «любимицей» и «гордостью».

«А. С. Гончарова, любимица, даже гордость отца, утверждавшего: некогда он заинтересовал Анну Сергеевну вопросами психологии, да так, что она, поехав в Париж и окончив Сорbonну, стала доктором философии, была лично знакома с Шарко, с Рише и с Бутру; она, первая из женщин, взошла на Монблан; и после этого триумфа — явились в Москву; часто бывала у нас <...>», — говорится в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (НР, с. 249).

В «Начале века» Гончаровой и ее кузену П. Н. Батюшкову посвящена целая главка, в которой повторены ее основные характеристики: «...первая из женщин взошла на Монблан; и первая из русских женщин стала доктором философии».⁶⁷

В «Материале к биографии» встреча «с вернувшейся из Парижа, где она жила много лет, Анной Сергеевной Гончаровой» описывается почти в тех же словах, что и в мемуарах: «...давние разговоры ее с папой пробудили в ней интерес к философии; она окончила в свое время Сорbonну и стала первым „доктором философии“ (из русских женщин); с той поры она годы жила исключительно интересами философии, психологии, будучи лично знакома с Рише, Бутру и Шарко; она потом вся ушла в интересы экспериментальной психологии, изучала книги по гипнотизму; вместе с тем она первая из русских взошла на вершину Монблана <...>».⁶⁸

Однако в «Материале к биографии» к двум ранее названным ее «первенствам» (восхождение на Монблан и докторская степень) добавляется еще и третья: «А. С. Гончарова <...> была одна из первых эмансипированных русских женщин».⁶⁹ Но и Айвазулина — эмансипа, которой мог прийти в голову побег с «министром бразильским».⁷⁰

Научные специальности у Гончаровой и Айвазулиной разные, но все же обе они — обладательницы научной степени, почтенные доктора...

Женщина-ученый, «взошедшая на Титикаку» и «надевшая около острова Пасхи скафандр», должна была, по замыслу автора «Москвы», поразить читателя этими экстремальными увлечениями и достижениями. Но и Гончарова — женщина-экстремал, она тоже «взошла», пусть и не на Титикаку, а на Монблан, что, конечно, не так экзотично, но все же, по мнению Белого, — «триумф» (НР, с. 249).

Айвазулина в романе не только покорительница высот, но еще и покорительница глубин. В этой связи возникает вопрос, почти риторический: зачем, почему, для чего ей или вообще кому-либо захотелось бы надеть «скафандр» и погрузиться на дно океана вблизи острова Пасхи? Цель здесь могла быть только одна — поиск следов древней погибшей цивилизации, Лемурии или Атлантиды, в существование которых свято верила Елена Блаватская и ее последователи-теософы. Да и сам Белый был не чужд этим взгляям. Так, в «Москве» упоминаются «чудовищные изваянья <(> „морданы“ болванные <(>) с острова Пасхи», «уроды гигантских размеров, рассклабленные в пустоту, с двумя баками», представляющие собой «остаток культур допотопных, погибнувших некогда здесь» (МПУ, с. 163). «Циклопические монументы и монолиты на берегах озера Титикака» рассматривались Блаватской в том же ряду, что и другие следы исчезнувших культур и материков.⁷¹

⁶⁷ Белый А. Начало века. С. 66.

⁶⁸ Белый А. Материал к биографии. С. 66.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ В характеристике, данной Айвазулиной в драме «Москва», «министр бразильский» отсутствует (Белый А. Москва. Драма... С. 109). Кстати, любопытно, что в драме Белый представлял Айвазулину как «тощую даму» (Там же). В мемуарах она такой же комплекции: «тонкосукая, как палка» (Белый А. Начало века. С. 67).

⁷¹ См. работу Е. П. Блаватской «Land of Mystery» (1880), публиковавшуюся в основанном ею журнале «The Theosophist» (см. № 6 (март), № 7 (апрель); <https://www.theosociety.org/pasadena/theosoph/theos-hp.htm>; перевод на русский: «Таинственная страна»: <https://incamusic.narod.ru/latinorama/epb/epb.htm> (дата обращения: 31.10.2024)). В драме «Москва» «восхождение на Титикаку» не упомянуто, осталось только погружение «со скафандром» «около острова Пасхи» (Белый А. Москва. Драма... С. 109). Из этого можно сделать вывод, что остров Пасхи важнее, чем Титикака.

Как следует из мемуаров Белого, его общение с Гончаровой делилось на два периода: период до ее увлечения теософией, когда еще «слова такого не было в лексиконе у Анны Сергеевны» (НР, с. 250), и период теософский. «В эпоху 1888–1892 годов»⁷² она была прежде всего гостьей и собеседницей отца и вела ученые разговоры на философские темы, но в начале 1900-х «вернулась в Москву — убежденнейшей *теософкою*, лично знакомой с Анни Безант, Ледбиттером и Паскалем (парижским теософом)».⁷³ Тогда, вспоминал Белый, Гончарова стала ему «явно <...> проповедовать теософию и восхвалять Блавадскую», а он «с жадностью выспрашивал у А. С. Гончаровой детали доктрины».⁷⁴ Можно предположить, что, отправив Айвазулину в теософки маркированные места, на Титикаку и остров Пасхи, Белый намекал не только на ее страсть к путешествиям и к спорту, но и на то, что она, как и Гончарова, смотрела на мир сквозь призму теософской доктрины Блаватской...

Следующий в списке почетных гостей — Глистирченко-Тырчин, «прорезавший опухоль горла у вдовствующей кронпринцессы австрийской». Кронпринцесса — лицо историческое. Это Стефания Бельгийская (Стефания Клотильда Луиза Эрмина Мария Шарлотта; 1864–1945), дочь короля Бельгии Леопольда II и вдова (с 1889 года) кронпринца Австрии Рудольфа. Сведениями о том, были ли у нее проблемы с горлом, мы не располагаем. Однако вымышленная фамилия врача, спасшего королевскую особу, — Глистирченко-Тырчин — указывает на клистир как на его рабочий инструмент.⁷⁵ А это наводит на подозрение, что медицинские манипуляции были связаны не с горлом, а с областью материально-телесного низа. Белый мог, например, знать историю про то, как знаменитый врач-гинеколог, профессор Московского университета Владимир Федорович Снегирев (1847–1916/1917) в 1902 году был призван к королеве Сербской Драге Обренович (1861–1903), которая, несмотря на подошедшие сроки и большой живот, никак не могла разродиться. Прибегнув к помощи клистиров, Снегирев добился того, что живот опал, и поставил диагноз — ложная беременность. Бугаевы были с ним знакомы: мать Белого в 1902 году «по совету профессора Снегирева» легла на лечение в его клинику «и с ей свойственной яркостью передавала рассказы, ходившие об изумительных операциях Снегирева, рассказывала, как ругается на операциях он и какое подчас уважение он вызывает, несмотря на ругань, у ассистентов; как он, совершив операционное чудо, на радостях кутит <...>».⁷⁶ Сам же Белый учился в Поливановской гимназии вместе с сыновьями «проф. Снегирева» (НР, с. 291). Как кажется, нельзя исключить, что Белый мог знать от них или от своей матери и про это «операционное чудо».

После Нахрай-Харкалева (В. В. Юнкера) идет Капустин-Копанчик, «автор работы „Отчет по окраске плазмодиев осмиеевым препаратом“ (три тома)» (плазмодии — простейшие паразитические организмы), и Шлюпуй, «профессор и автор работы „О действии Леонтодон-Тараксакотум на сокращенье кишечника Лутра Вульгарис“» (т. е.: «Влияние одуванчика на сокращение кишечника речной выдры»; тема бессмысленна, ведь выдра — хищный зверек и одуванчиками не питается). Думается, что эти двое, как и бактериолог Бубонев, пришли в роман из студенческих занятий Белого по зоологии: «Круг зоологических дисциплин первым врывается в мое сознание: микробиология (ткани и клетки) — во мне поднимает волну интересов, которым вполне отдаюсь <...>» (НР, с. 386). Но за увлечением пришло разочарование, в котором Белый прежде всего обвинял уже упоминавшегося выше Н. Ю. Зографа и его последователей: «Зограф силился формировать кадр весьма примитивных студентов, одушевленных сидением и сбирианием материалов, способных стать раковыми опухолями на

⁷² Белый А. Начало века. С. 66.

⁷³ Белый А. Материал к биографии. С. 66–67.

⁷⁴ Там же. С. 67.

⁷⁵ Н. А. Кожевникова называет эту фамилию одной из тех, в которых «гротескный принцип „смешного смещения“ становится еще более отчетливым при наложении основ друг на друга» — «Глистирченко (глист — клистир)» (Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого. С. 245).

⁷⁶ Белый А. Начало века. С. 221.

организме науки» (НР, с. 397). Именно Зограф, по воспоминаниям Белого, заставлял учеников «окрашивать метиленовой синькою иль осмиеовым препаратом какой-нибудь усик: год красить, два красить, три красить; разглядывать, вести дневник» (НР, с. 397). Работа с кишечником (таракана ли, выдры ли) также не вызывала у Белого восторга («к чистке кишечников я испытывал равнодушие» — НР, с. 399). Да и упоминается в мемуарах кишечник также исключительно в связи с «крохоборством» Зографа. И микроскоп, и тупое механическое окрашивание «усиков», и «кишечник» становятся у Белого символами псевдонауки; они противопоставляются широкому научному кругозору и высоким научным устремлениям. Примечательно, что в черновиках романа Белый хотел сделать Шлюпую специалистом в еще более «низменной» области, не пищеварительной, а половой: исследователем действия сока одуванчика на секрецию, а еще раньше — на простату выдры...⁷⁷

Плачей-Пеперчик, которого славили в Гейдельбергском химическом техникуме криком о «пепертщик’с титриунген», по дороге от черновиков к окончательному тексту романа, как и Айвазулина, сменил специальность. Сначала он появляется как ученик, «чей труд по баллистике (1000 мелкого шрифта страниц) был известен в Германии, Австрии, Чехии».⁷⁸ Потом Белый переквалифицирует его в химика, занимающегося титрованием (нем.: Titrirung), т. е. определением особым способом содержания какого-либо химического соединения в растворе. Здесь, как кажется, писателю тоже припомнились его студенческие мучения, на этот раз — «от прохожденья количественного анализа у Дорошевского», заставлявшего его для получения зачета по девять часов в день просиживать «над взвешиванием и цежением капелек из титровальных приборов»: «...я споткнулся о часовое подвешивание крупинок, которые становились просто ведрами растворов; я ж, выпарив их, находил ту же крупинку, которую снова усаживался перевешивать; смертная скука! <...> Меж двух взвешиваний (данной крупинки и найденной после выпаривания) — скучнейшая, простая реакция, но ужасавшая медленностью разведения вод и выпаривания» (НР, с. 416).

Антоний Грацианович (Антон Григорьевич) Дорошевский (1868–1917) занимался физической химией водноспиртовых растворов. В Московском университете он проработал не так долго: придя в середине 1890-х, он в 1903 году ушел, став заведующим Московской центральной химической лабораторией Министерства финансов. Белый застал его или ассистентом, или приват-доцентом. До профессора Дорошевский не дорох и мировой славы не снискал, но его школу Белый запомнил и описал в мемуарах весьма выразительно: «...четкость и кропотливость, — они только спрашиваются: сообразительности — никакой; провиденциальная скука, — таков уж предмет!» (НР, с. 416). Скорее всего, именно он стоял перед внутренним взором Белого, когда Плачей-Пеперчик обрастил научной биографией.

* * *

В заключение вновь вернемся к основному принципу Белого-романиста: смешению исторически достоверного и вымыселенного. Анализ сцены юбилея в романе «Москва» позволяет в ряде моментов уточнить и пересмотреть его.

Архивные и печатные материалы, рассказывающие о чествовании в 1900 году Н. В. Бугаева, наглядно демонстрируют, как сильно Белый ориентировался на него при создании сцены чествования Коробкина. Белый в деталях воспроизвел структуру финальной части торжественного собрания, посвященного выходу XX тома «Математического сборника», а персонажи, введенные в роман под своими именами, по большей части действительно были участниками бенефиса Бугаева, выступали с приветствиями от различных научных сообществ, ставили подписи под поздравительными адресами, просто сидели (или могли сидеть) в зале (Б. К. Младзиевский, Н. Е. Жуковский, Н. А. Умов, Д. Н. Анучин, К. А. Тимирязев, А. П. Павлов, Л. М. Лопатин, П. К. Штернберг и др.).

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 197.

⁷⁸ Там же. Л. 207.

Практически всех их Белый знал лично — как друзей отца и/или как своих преподавателей. Изображение «профессорской Москвы» в романе «Москва» предваряет ее изображение в мемуарах «На рубеже двух столетий» и может рассматриваться как разбег, как своеобразная «проба пера».

Многие персонажи, введенные в сцену юбилея под придуманными, «экспериментальными» фамилиями и кажущиеся, на первый взгляд, вымыщленными, имеют прототипы, полностью или частично покрывающие образ. (Люстаченко — И. Н. Горожанин, Бубонев — Н. Ю. Зограф, Нахрай-Харкалев — В. В. Юнкер; предположительно: Айвазулина — А. С. Гончарова, Глистирченко-Тырчин — В. Ф. Снегирев, Плачей-Перчик — А. Г. Дорошевский и др.)

В этой связи, видимо, имеет смысл говорить не о двух типах персонажей (исторических и вымыщленных), а, как минимум, о трех: исторических, т. е. действующих под собственными именами, вымыщленных, т. е. выступающих под придуманными фамилиями и не имеющих даже в потенции никаких связей с реальной подосновой (о них, как правило, ничего, кроме гротескной фамилии, не сообщается), и... реальных персонажах, действующих «под прикрытием», введенных в роман под вымыщленной фамилией. Степень замаскированности может варьироваться от минимальной (например, в случае с Коробкиным, биография которого буквально списана с биографии Н. В. Бураева) до весьма значительной (например, в случае с Айвазулиной / Гончаровой).

В плане смешения реальности с вымыслом и полувымыслом сцена чествования Коробкина показательна, но не уникальна. Этот принцип реализуется и в других сценах «Москвы». Несомненно, при дальнейшем исследовании выявится более объемный пласт реальности, лежащей в основе романа и преобразованной в соответствии со сложным, многоуровневым авторским замыслом и мировидением.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-168-173

Ф. К. СОЛОГУБ. МОНГОЛЬСКИЙ ПАРАДОКС (ПУБЛИКАЦИЯ © В. В. ФИЛИЧЕВОЙ)

В наследии Ф. Сологуба выделяются два периода, когда работа писателя в области публицистики была особенно плодотворной: статьи 1904–1905 годов¹ и 1914–1918 годов.² Оба были связаны с войнами, которые становились триггером для осмыслиения устройства мира и страны. В очерках не столько освещались военные события, сколько были представлены вызванные ими размышления писателя о вневременных проблемах (образования, национального характера, бюрократизма, патриотизма, свободы слова и мысли и т. д.), а также его наблюдения над общественными настроениями. Неудивительна поэтому и распространенная форма построения статьи, выбранная Сологубом: отклик на прочитанное³ и услышанное.⁴ Ср., к примеру, названия и подзаголовки статей: «Приятная беседа» (1904), «Лига родителей (Современный разговор)»

¹ См. диссертацию, посвященную этому периоду: *Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба: проблематика и историко-литературный контекст: на материале русских газет 1904–1905 гг.* Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

² См. статью и републикацию текстов: *Павлова М. М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы.* М., 2014. С. 15–161.

³ См.: Там же. С. 18; Д. В. Верташов указывает на «газетно-журナルное происхождение» большей части информации для заметок (*Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 110*).

⁴ На «диалоговое начало» в публицистике писателя, распространенные в заметках «диалоговые вставки», которые создают «иллюзию обмена мнениями», обращает внимание также Д. В. Верташов, см.: Там же. С. 139.

(1904), «Древняя история (Разговор)» (1917), «Беседа с друзьями» (1917) — или зачина очерков: «Ехали на пароходе через моря и океаны, целыми неделями не видели берега. Разговоров было много, — было о чем говорить»;⁵ «Передо мной в вагоне сидели двое: добродушный капитан с фронта <...>; помещик — земец, по-видимому из левых, пожилой, нервный, недоверчивый, беспокойно засыпавший своего случайного собеседника массой самых разнообразных, жгуче-любопытных для обывателя тыла вопросов. <...> Коснулись в трехчасовой беседе решительно всего...»⁶

Среди неопубликованных заметок писателя, сохранившихся в его личном архиве, обращают на себя внимание тексты времен русско-японской войны, которые оказывались актуальны в эпоху Первой мировой войны — и которые Сологуб пытался опубликовать спустя 10 лет.⁷ Так произошло, к примеру, со статьей «Бесенята войны». Она была отправлена в «Новости и Биржевую газету» 9 июня 1904 года, затем в «Весы» 1 июля,⁸ но не была опубликована. 20 марта 1915 года Сологуб передал статью в газету «День», где она и напечатана.⁹ В тексте при повторном обращении к нему не было изменено ни слова.¹⁰

Другой статье — «Монгольский парадокс» — повезло меньше. Она была написана 12 августа 1904 года, а на следующий день передана в «Новости...», однако на страницах газеты так и не появилась. В 1916 году Сологуб вернулся к тексту, внес небольшую правку и 22 июня послал его в «Биржевые ведомости», но заметка также не была опубликована.¹¹

В этой статье Сологуб описывает разговор о русско-японской войне, точнее, передает мнение одного из его участников — «офицера из татар» князя В., излагающего свою теорию: Россия могла стать могущественной империей, если бы не свергла власть монголо-татар, а поддержала ее, так как та обладала обширными связями в Азии, при этом не трогала «ни веры, ни обычаев, ни правительства». Свержение ига — это ошибка, и оно ничего не дало стране. Россия могла сохранить целостность и стать настолько сильной, что, «может быть, прельщающая вас Византия была бы теперь не столицей турецкой империи, а городом Российско-Татарского государства» и «западная Европа трепетала бы пред силою и доблестию татарско-русских полчищ».

Завершался текст фразой «Так говорил князь татарской крови, — и никто с ним не был согласен». Указание на это несогласие повторяется в тексте дважды. Первый раз в ремарке, предваряющей речь князя, Сологуб оговаривается: «Он долго молчал, и наконец, высказал следующие мысли, с которыми никто не согласился, — а потому и я приведу только его речь, не приводя возражений (ведь, может быть, и никто этих мыслей не разделит, а возражения всякий найдет в изобилии)». Эти оговорки снимают

⁵ Сологуб Ф. Сдавшиеся (Историческая фантазия), 1905 // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 456.

⁶ Сологуб Ф. Два пути // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 1 окт. № 15121. С. 4 (совм. с Ан. Н. Чеботаревской).

⁷ Подобное — возвращение как к неопубликованным, так и к опубликованным текстам и их переработка — свойственно и поэтическому творчеству Сологуба. В 1914 году эта стратегия была использована писателем при составлении сборника «Война» (см. об этом: Мисникевич Т. В. Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста // Русская литература. 2014. № 2. С. 42–63). Наиболее показательный для нас пример — стихотворение «Перед подвигом великих...» (Новости и Биржевая газета. 1904. 29 февр. (13 марта). С. 2), которое для сборника было сокращено (в частности, убрано упоминание «порт-артурских башен») и вошло в него под названием «Единение племен» (см.: Мисникевич Т. В. Книга стихов Федора Сологуба «Война»... С. 58–59).

⁸ Статья была отправлена вместе с кратким письмом В. Я. Брюсову. Но тот отвечал, что она не может быть напечатана, так как «„Весы“ обязаны по программе печатать только статьи о книгах и „по литературе и искусствам“» (Соболев А. Л. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. М., 2013. С. 337 (Летейская библиотека; т. 2)).

⁹ Сологуб Ф. Бесенята войны // День. 1915. 22 марта. № 79 (877). С. 2. Перепеч.: Верташов Д. В. Газетная публицистика Федора Сологуба (1904–1905) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7 (69). С. 166–168.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 227. Сведения об отправке указаны Сологубом в картотеке художественной прозы и статей (Там же. № 546).

¹¹ Там же. № 356.

с писателя ответственность за радикальные высказывания, не дают однозначно представить, как относился сам Сологуб к изложенной идее.

Схожие мысли, хотя и не такие радикальные, были высказаны Сологубом в близкой по времени создания к интересующему нас тексту статье «Жалость и любовь» (датирована 8 августа 1904 года; опубл. 21 августа), их суммирует исследователь публицистики этого периода, комментируя статью: «...для Сологуба принципиально важно не столкновение, а совмещение западного и восточного миров, которое в потенциале может привести к формированию нового мировоззрения на русской почве: „...взаимопроникновение этих двух начал скорее дает возможность предсказывать их будущий синтез, создание нового, более совершенного миропонимания, новой морали, новой метафизики. И этот синтез особенно ярко предчувствуется на русской почве“».¹²

Идея о «синтезе» и «слиянии» «двух противоположных мировоззрений»¹³ — Востока и Запада — повторяется и в других статьях Сологуба этого периода: «Харакири», «Коварные пленники», «Поведение» и др. Но в это же время писателем высказывались и иные идеи — разрушающего влияния заимствований: «Обращаясь к нашей истории, мы без большого труда найдем в ней источники этих мнимо русских начал. И эти источники — не в своем, а наносном. Это — те позаимствования наихудшего, которые были сделаны нашими предками, отчасти по незнанию, вместе с позаимствованием наилучшего <...>. И заимствования эти — византизм и татарщина. <...> роковыми для народа были последствия татарщины, с которыми мы и теперь не совсем разделялись. Громадная орда, навалившаяся на неокрепшую еще Россию, повела к уничтожению того, удельно-вечевого строя, который обещал создание у нас, как это было и на Западе, множества центров культурной и государственной деятельности. Собранная скучными и хитрыми московскими князьями, собранная умно, не без широкого государственного одушевления, русская земля скоро вкусила все плоды преждевременной централизации, т. е. такого государственного строя, который хорош только при высоком развитии народа в культурном и политическом смысле. <...> Возникло государство огромное, сильное, жизнеспособное, но насквозь пропитанное духом татарщины: грубость семейной жизни, жестокость в общественных отношениях, произвол власти, угодничество и низкопоклонство управляемых».¹⁴

Статья «Монгольский парадокс» оказалась актуальна для Сологуба и в 1916 году, несмотря на то что изменилась не только общественная обстановка, но и внешний враг. Заметки, написанные в это время, создавались «в русле всеобщего диалога об историческом пути России, ее самоопределении между Востоком и Западом».¹⁵ Хотя именно в 1916-м, по оценке М. М. Павловой, писатель отходил от появившейся в его статьях с началом войны идеологии панславизма и возвращался к западничеству, которое было свойственно Сологубу: «...по своей культурной ориентации Сологуб всегда тяготел к западничеству, его славянофильство 1914–1915 гг. было прежде всего реакцией на начавшуюся войну и изменившийся в Европе политический климат».¹⁶

В этот момент в тексте был сделан ряд правок. Во-первых, в начальных абзацах произведены замены, по которым определяется время: «И, конечно, не без употребления остались все ходячие полуистины: [японский школьный учитель] {германская культура}, русская неподготовленность, [желтая опасность] прочее, что полагается»; «...никто не смел бы теперь говорить о [желтой опасности] {германском засилии}».¹⁷

¹² Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 64–65.

¹³ См.: «Теперешняя война поучительна, помимо прочего, еще и потому, что мы наблюдаем в ней не только встречу и борьбу двух рас, двух противоположных мировоззрений, „их поединок роковой“, но и намечаемый мало-помалу их синтез, их слияние» (Сологуб Ф. Харакири // Новости и Биржевая газета. 1904. 3 (16) окт. № 273. С. 2).

¹⁴ Сологуб Ф. Истинно-русские люди // Новости и Биржевая газета. 1905. № 10. 17 (30) янв. С. 2.

¹⁵ Павлова М. М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба. С. 19.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ В квадратные скобки заключены вычеркнутые Сологубом фрагменты текста, в фигурные — вставленные.

Во-вторых, дополнилось заключение: «Так говорил князь [N] татарской крови, — и никто с ним не был согласен. {Напрасно. Сожалеть о прошлых ошибках бесполезно, но извлекать из прошлого уроки вперед не мешает. Если судьба пошлет нам союз (скажем, хотя бы с Англиею), не будем много заботиться о том, кому сейчас этот союз выгоднее и кто станет на первое место}».

Правка, на первый взгляд, весьма скромная. Если замены в начале статьи понятны и логически выводятся из контекста, то толкование двух фраз, добавленных в финал, требует специального исторического комментария. Вопрос о союзничестве широко обсуждался с начала Первой мировой войны, и в «программных» статьях конца 1914 года — «Мира не будет» и «Выбор ориентации» — Сологубом высказывалась мысль, что России необходимо повернуться к Востоку. Англия была наиболее подходящим союзником, потому что также, по мнению Сологуба, более всего тяготела к Востоку. О союзе двух стран Сологуб высказался и в 1915 году, подготовив по просьбе А. А. Измайлова статью «Мировая громада», где «отметил точки сближения в национальном характере русских и британцев» и, в частности, писал: «...единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Им двум предстоит великая задача объединить в одну мировую громаду миролюбивые и воинственные народы Индии, Китая, Японии».¹⁸

Но если сложные отношения России с Англией как союзником были с самого начала войны,¹⁹ то почему Сологуб вернулся к заметке в июне 1916-го? Весной в Государственной Думе активизировались обсуждения о договорах с союзниками.²⁰ Тогда же была предпринята поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию.²¹ 18 и 19 июня состоялись заседания Государственной думы и Государственного Совета с докладами делегатов, о чем сообщалось во всех центральных газетах 20 и 21 июня, т. е. накануне отправки «Монгольского парадокса» в «Биржевые ведомости».²²

Итак, текст соответствует воззрениям Сологуба в 1904-м и в 1914–1916 годах, и при этом он оказался согласован с другими статьями периода Первой мировой войны как идеями, так и своим построением (ср. опубликованный весной 1916 года по впечатлениям от лекционного турне по России иозвучный названию статьи цикл «Парадоксы с пути», где представлены наблюдения и фрагменты разговоров во время путешествия²³).

Смысл заметки изменился благодаря тому, что на передний план вышел вопрос о союзе с другой страной против общего врага. Тема могущества империи объединяет оба варианта, но в них раскрываются разные ее аспекты: в первом — сама идея пань-евразийского государства, сближающая построения Сологуба с разными вариациями

¹⁸ Там же. С. 22. Статья републ.: Там же. С. 44–45, 130 (комм.); впервые: Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 28 янв. № 14638. С. 3.

¹⁹ См. об этом, например: Грушина В. Ю. Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 г. — декабрь 1916 г. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2002.

²⁰ См. об этих событиях: История внешней политики России: В 5 т. М., 2018. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). С. 507–510.

²¹ См.: Там же. С. 515–519.

²² См., к примеру, в изданиях, где Сологуб активно публиковался: *Днепров* А. В гостях у союзников (Заседание Государственного Совета 19 июня) // Петроградский голос. 1916. 20 июня (3 июля). № 167. С. 2; В Государственной Думе (Заседание 20-го июня) // Там же. 21 июня (4 июля). № 168. С. 2–3 (б. п.); Государственный Совет (Заседание 19 июня) // День. 1916. 20 июня. № 167. С. 2–3 (б. п.); Доклад парламентской делегации // Там же. 21 июня. № 168. С. 2–3 (б. п.), и др.

²³ Ср.: «Езжу по России, читаю о ней лекцию, встречаюсь с людьми разных толков и разных вкусов. Нередко приходится разговаривать на темы общелитературные, — не все же о войне, о договизне, о министрах» (Сологуб Ф. Парадоксы с пути. V. Встречи и недоумения // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 4 (17) апр. № 15482. С. 3).

русской политической утопии;²⁴ во втором — уважение к текущим союзникам и умение учиться на ошибках прошлого. Сохраняется и актуальность текста, и его парадоксальность, но теперь ее природа становится объяснима и приложима к конкретным событиям другого времени. При этом, если в первом случае тема была вызвана к жизни самим событием русско-японской войны, во втором содержание не прямо относится к внешним обстоятельствам; к ним подводит добавленный вывод, «мораль», что делает статью похожей на политическую притчу. В целом же «Монгольский парадокс» в двух его версиях свидетельствует о развитии историософских взглядов Сологуба и дает представление о публицистических приемах писателя.

Публикуемый ниже текст статьи Ф. Сологуба «Монгольский парадокс» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 356. Л. 5–9) приводится по верхнему слою правки (датируем ее 1916 годом). Вычеркнутые фрагменты помещены в примечаниях. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой.

* * *

Сошлись и разговорились о войне. Заспорили, конечно. И конечно, не без употребления остались все ходячие полуистины: германская культура,¹ русская неподготовленность,² и прочее, что полагается. Случилось, что среди разговаривающих был офицер из татар, магометанин, человек хорошей семьи, превосходного воспитания, очень любезный и очень надменный, князь В.³ Он долго молчал и, наконец, высказал следующие мысли, с которыми никто не согласился, — а потому и я приведу только его речь, не приводя возражений (ведь, может быть, и никто этих мыслей не разделит, а возражения всякий найдет в изобилии).

Итак, князь В,⁴ осматривая собравшихся слегка насмешливыми, узкими глазами и сдержанно улыбаясь, говорил:

— В истории вашей, господа, — или вернее, в нашей, — сделана была ошибка, которая повлекла за собою неисчислимые последствия. Не будь этой ошибки, никто не смел бы теперь говорить о германском засилии,⁵ и наша великая и прекрасная родина давно уже была бы государством всемирным, или, по крайней мере, имела бы решительное преобладание во всех международных делах, — если бы еще остались дела международные. И ошибка эта была в том самом, что вы считаете одним из величайших деяний русской истории, что вы называете свержением монгольского ига и что с лояльной точки зрения представляется восстанием против власти Монголо-русского императора.

Семь столетий тому назад вам дана была Империя, и вы ее отбросили, — за что? За ее гнет или за ее слабость? Но гнет Империи был заметен только в первые годы после завоевания татарами русских княжеств. И в чем выражался этот гнет? В платеже дань, т. е. в уплате налогов по указу центрального правительства? Конечно, это не было самообложение, но с течением времени податные дела упорядочились бы, приняли бы тот же вид, какой они имеют и на всем земном шаре. Татары не трогали ни веры, ни обычая, ни правительства русского: полная автономия была предоставлена русским областям, а себе Император оставил только верховную власть и, как ее выражение, некоторые особенности этикета: выдача ярлыка на велиокняжие, ну и еще кое-какие мелочи. В общем, положение князей было не хуже, скорее даже лучше, чем положение союзных государей в современной Германии. Происходили, конечно, кое-где незаконные поборы баскаков и другие их злоупотребления; но ведь и русские чиновники, и в гораздо более позднее время, не всегда были безгрешны. Да и баскаки под конец не приезжали в Россию, а сбор дань перешел в руки московским князьям. Говорят, что эта операция была для них довольно выгодна. Впоследствии, по мере роста православного самосознания в обществе, все это устроилось бы еще лучше.

Да и не гнет монголов был причиной свержения власти монгольского императора, а его слабость. И вам следовало бы эту власть не рушить, а поддержать, ибо эта

²⁴ Верташов сравнивает положения этой статьи с «концептуальными построениями, разработанными „школой евразийства“» (Верташов Д. В. Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба. С. 150), оформленвшейся, как известно, позже.

была организация уже готовая, с обширными связями в Азии. Чистосердечно поддержанная русскими силами, власть татарских императоров легко распространилась бы на всю Азию, и, может быть, прельщающая вас Византия была бы теперь не столицею турецкой империи, а городом Российско-Татарского государства.

Что выиграли вы от свержения Монгольского ига? Все равно, к русской крови примешалось немало татарской; множество славных русских фамилий, Аксаковы, Урусовы, Юсуповы, да и мало ли кто еще, — из татар; приняты многие слова, обычай татарские. В Европе говорят: «Поскоблите русского — откроете татарина». Смысл тот, что под кожею высшей расы — натура низшей, татарской. И европейское неумное презрение к татарской благородной крови разделяете и вы. Но по какому праву?

Государство, разделившееся на части, страшно ослабило себя. Завоевали Казань, Астрахань, двинулись в Сибирь, — и в то же время терпели неудачи в Ливонии. А при лояльном отношении к Казани, к Астрахани, к Крыму, к Сибири, как к союзным государствам одного политического целого, не нужны были все эти изнурительные походы и кровопролития, — и Западная Европа трепетала бы пред силою и доблестью татарско-русских полчищ.

Вы говорите, что в этом союзе роль русских была бы унизительною. Не понимаю, почему. В интересах ли татар было бы не дорожить русскими силами? Занять выгодное положение в союзе — это была бы достойная цель московской политики. Самые династии могли бы слиться: были же брачные союзы татарских принцесс с русскими князьями; царствовали же в Москве цари Борис I и Федор II из татарского рода Годуновых. И если бы к этому времени отделения от Орды еще не было бы, — разве не сумел бы хитрый Годунов завязать такие связи в Орде, которые возвели бы его на общий престол Российской-Монгольской Империи?

Так говорил князь⁶ татарской крови, — и никто с ним не был согласен.⁷ Напрасно. Сожалеть о прошлых ошибках бесполезно, но извлекать из прошлого уроки вперед не мешает. Если судьба пошлет нам союз (скажем, хотя бы с Англиею), не будем много заботиться о том, кому сейчас этот союз выгоднее и кто станет на первое место.

¹ Было: японский школьный учитель

² Далее было: желтая опасность

³ Было: Н

⁴ Было: Н

⁵ Было: желтой опасности

⁶ Далее было: Н

⁷ Следующий за этим фрагмент до конца текста — вставка 1916 года.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-173-188

© Е. А. Глуховская

«БЮРО ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ» С. А. СОКОЛОВА КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МОДЕРНИСТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ И ИХ ЧИТАТЕЛЯМИ*

19 ноября 1907 года Вяч. И. Иванов получил письмо от С. А. Соколова и Сергея Глаголя (С. С. Голоушева, 1855–1920) на фирменном бланке со штампом «Снабжение прогрессивной провинциальной печати литературным материалом». Начиналось оно так: «Некоторые из редакций провинциальных газет обратились к нам с просьбой помочь им в привлечении к их изданиям столичных литературных сил. Усматривая

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012, <https://rsccf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

в этом признаки общего нарастания в провинции интереса к литературе, мы организуем и с 1-го декабря этого года начинаем дело систематического снабжения литературным материалом прогрессивных органов провинциальной печати. Думаем, что дело это не может не заинтересовать Вас, так как, направляя в провинциальные издания произведения наших сотрудников, мы создаем им совершенно новую аудиторию с сотнями тысяч читателей, и для каждого писателя открываются широкие перспективы идейной и литературной пропаганды. Кроме того, если предприятие наше разовьется до размеров, на которые мы надеемся, то у нас явится возможность и значительно повысить существующие в России писательские гонорары».¹

Амбициозный проект Соколова в итоге получил название «Бюро провинциальной прогрессивной прессы»,² что в переписке и рекламных объявлениях чаще сокращалось до «Бюро провинциальной прессы» (далее — Бюро). Просуществовало оно меньше года, но за это время успело поспособствовать популяризации модернистской литературы среди широкого круга читателей.

Идея создания Бюро появилась у Соколова, вероятно, осенью 1907 года в связи с несостоительностью предыдущих проектов и необходимостью искать новые формы распространения своих идей. 17 ноября он писал Андрею Белому: «„Перевал“ умирает. Вчера вышел № 12 и разослан. Дальше, как видно, конец. Вожусь над организацией Бюро провинциальной прессы. В середине декабря заработка. Если дело двинется, может выйти нечто очень большое. Заведую литературным отделом „Часа“, но толку из этого мало».³

Общественно-политическая ситуация пореволюционного времени, рост количества газет, прежде всего провинциальных, спрос на жанр фельетона, вероятно, подтолкнули Соколова к тому, чтобы создать сеть влияния, позволяющую быстро и эффективно формировать актуальную литературную повестку по всей Российской империи. При этом, в отличие от декларативно «надпартийного» «Перевала», новое начинание Соколова носило ярко выраженный политический характер: Бюро планировало сотрудничать исключительно с прогрессивными изданиями, и при его создании Соколов, до осени 1907 года активный член кадетской партии,⁴ ориентировался, вероятно, на успешно функционирующее кадетское «Бюро прогрессивной печати».⁵ Об идеологической осно-

¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 54. Л. 3. Ранее такое же письмо получил Ф. Сологуб: Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындиной Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Подр. текста и комм. Н. А. Богомолова // Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века: от fin de siècle до Вознесенского. М., 2021. Т. 1. Время символизма. С. 220–221.

² Такое название указано на штампе в письме Соколова Ремизову от 29 марта 1908 года, см.: РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 203. Л. 26.

³ РГБ. Ф. 25. Карт. 23. № 2. Л. 42–42 об. Этот номер стал последним в истории «Перевала». Газета «Час» закрылась в конце января 1908 года. Подробнее о Соколове и журнале «Перевал» см.: Лавров А. В. «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 486–498; Богомолов Н. А. Сергей Соколов и Сергей Кречетов: литератор и политик // Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века. Т. 1. С. 181–195.

⁴ См. в автобиографии Соколова: «...года 2–3 был в партии КД и принимал деятельное участие в партийной работе. Осенью 1907 года вышел из состава партии, находя, что она утрачивает оппозиционную яркость» (Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Предисловие, публ. и комм. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 449).

⁵ «Бюро прогрессивной печати» было создано в апреле 1906 года, просуществовало до июля 1906 года и возобновило работу в феврале 1907-го. Оно должно было создать сеть партийных изданий в провинции и обеспечивать их статьями по политическим, экономическим, финансовым, земским вопросам, корреспонденциями о деятельности Государственной Думы и т. д. Благодаря его работе большое число либеральных газет оказалось под влиянием кадетов. Подробнее о принципах работы «Бюро прогрессивной печати» в первые годы см.: Отчет Центрального Комитета конституционно-демократической партии (партии народной свободы). За два года с 18 октября 1905 по октябрь 1907 г. СПб., 1907. С. 75–77; о трудностях, с которыми столкнулось «Бюро прогрессивной печати» к 1913 году, и вариантах его реформирования см.: Протокол заседания ЦК 10 ноября 1913 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. / Сост. Д. Б. Павлов. М., 1997. Т. 2.

ве соколовского Бюро говорит в воспоминаниях и его первый секретарь А. Я. Брюсов: «Подписька принималась только от прогрессивных газет. Рассчитывали таким образом задушить реакционную прессу».⁶ Кроме этого, согласно Брюсову, в организации Бюро, помимо Соколова и Глаголя, участвовал Н. Н. Щепкин (1854–1919), член кадетской партии, с 1907 года — председатель московского городского комитета партии.⁷

Другая не менее важная задача Бюро — использование возможностей организации в литературной полемике. Именно так его работу оценивал Андрей Белый в воспоминаниях «Между двух революций»: «...борьба с нами, ставши борьбой из-за нас, скоро превратилась в борьбу одних из нас с другими из нас: орудием прессы; в одних органах чтили „мистических анархистов“ и боролись с „весовцами“; „бюро прессы“, возглавляемое Глаголем, размножало фельетон поэтов „Грифа“ в массе провинциальных газет, объявляя провинции тех, кого „Весы“ отвергали».⁸ И далее: «...часть „перевальцев“ „Весы“ ненавидела; и среди них — Стражев, Зайцев, Муратов, редакторы „Литературно-художественной недели“; за спинами их притаился Бунин, Глаголь с „Бюро прессы“, которое поставляло московские фельетоны в провинцию; так: по приказу „Бюро“ В. Я. Брюсов мог быть атакован в не менее чем в двадцати пяти органах: сразу!»⁹

Принципы работы Бюро были просты и действенны. В письме Вяч. Иванову сообщалось: «...каждое литературное произведение, принятое редакцией, воспроизводится при помощи одного из размножительных аппаратов, рассыпается провинциальным газетам, вошедшими с нами в соглашение (одной в каждом городе), и приблизительно одновременно воспроизводится на страницах этих газет. Каждая газета платит нам очень незначительный, вполне доступный самому скромному газетному бюджету, построчный гонорар (около 1,5 коп.), мы же, черпая средства из целого ряда этих копеечных построчных плат за одну и ту же вещь, получаем возможность предложить Вам гонорар в размере 15 коп.¹⁰ за среднюю газетную строку в 35 печатных знаков. <...> Стихи 50 коп.».¹¹ В примечании указывалось, что «ни одной из столичных московских или петербургских газет литературный материал сообщаться не будет».¹²

Создавалось Бюро без чьей-либо финансовой поддержки, организаторы рассчитывали на самоокупаемость, о чем Соколов 3 января 1908 года сообщал А. М. Ремизову: «Очень прошу: пришлите для Бюро провинциальной прессы небольшую вещь, строк на 200–250. О большой пока просить не рискую, ибо за Бюро не стоит никаких капиталистов, и мы располагаем лишь тем, что получаем с газет. А этого, пока дело не развернулось широко, хватает лишь при осторожно построенном бюджете».¹³

Формат газетной публикации накладывал ограничения на приобретаемые материалы. Из письма Соколова и Глаголя Иванову: «Так как все рассылаемые нами произ-

С. 246; о кадетской печати см.: Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001.

⁶ Брюсов А. Я. Литературные воспоминания // Север. 1965. № 4. С. 132. Выражаю глубочайшую признательность А. Л. Соболеву за указание на эту публикацию, а также на ряд других источников.

⁷ Впрочем, как замечал Брюсов, Глаголь и Щепкин особого участия в работе Бюро не прияяли: «Щепкин появился в „редакции“ только один раз на учредительном собрании, С. С. Голоушев также побывал у нас один раз» (Там же).

⁸ Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 173.

⁹ Там же. С. 221–222.

¹⁰ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты текста, вписанные чернилами.

¹¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 54. Л. 3.

¹² Там же.

¹³ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 203. Л. 22. Об этом же Соколов писал Сологубу 2 января 1908 года: «Вожусь с Бюро Провинциальной Прессы, которое, правда, понемногу, но все же развертывается. Очень прошу, — пришлите одно-два стихотворения и еще, о чем я хочу Вас просить, две-три сказочки строк 150–200 газетных. Просить Вас о большой вещи пока не решаюсь, ибо основных капиталов у нас в Бюро нет, а получения наши пока весьма неогромны и заставляют очень осторожно формировать бюджет» (Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындиной Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. С. 222).

ведения предназначаются исключительно для газет, то желательно, чтобы эти произведения не превышали размера, удобного для размещения в одном № (т. е. не свыше 400–500 строк). Нами предложено доставлять провинциальной прессе: 1) стихотворения и беллетристику, 2) критические очерки по русской и иностранной текущей литературе, 3) сжатые очерки по общим вопросам и текущей жизни литературы и искусства, 4) фельетоны общественного характера, 5) сжатые очерки по политico-экономическим и социальным вопросам текущей жизни, 6) популярно-научные очерки из области последних открытий и изобретений, 7) культурно-общественные корреспонденции из главнейших городов Европы, 8) систематические обзоры литературы и библиографические и 10) календарь писателя».¹⁴

О начале работы Бюро было сообщено в нескольких столичных изданиях. Так, например, в середине декабря 1907 года появилось объявление в газете А. А. Курсинского «Клуб»: «В Москве организовалось по инициативе редактора „Перевала“ С. А. Соколова „Бюро провинциальной прессы“. Заручившись согласием популярных беллетристов, бюро намерено рассыпать их произведения одновременно всем своим клиентам — редакциям провинциальных газет».¹⁵ А через месяц — в газете «Свободные мысли»: «В Москве образовалось „Бюро провинциальной прессы“ для снабжения провинциальной печати беллетристикой и др. материалом. Инициатива предприятия принадлежит С. Кречетову и Сергею Глаголю. Среди сотрудников значатся Леонид Андреев, Блок, Белый, Куприн, Сергеев-Ценский и др.».¹⁶

В истории Бюро, согласно письмам Соколова и публикациям в газетах, было два периода. Первый — с декабря 1907 по февраль 1908 года, второй — с апреля по июль 1908 года.¹⁷ Нам удалось выявить два десятка провинциальных газет, с разной степенью продолжительности публиковавших присыпаемые Бюро материалы. Очевидно, таких изданий было больше, однако мы не ставили задачу найти их все, для понимания принципов работы Бюро имеющихся у нас примеров достаточно. Это издания либерально-демократического толка (преимущественно прокадетские) и иллюстриро-

¹⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 54. Л. 3.

¹⁵ Клуб. 1907. 14 дек. С. 3.

¹⁶ Свободные мысли. 1908. 14 янв. С. 4.

¹⁷ Воспоминания А. Брюсова, безусловно, являются важным свидетельством работы Бюро, однако хронология описываемых в них событий не соответствует сведениям о Бюро в письмах Соколова и газетных публикациях. Приведем фрагменты из воспоминаний: «Осенью 1907 года гласный Московской думы Щепкин, С. А. Соколов и известный критик и искусствовед С. С. Голоушев (Сергей Глаголь) основали в Москве „Бюро провинциальной прессы“. <...> Началось все довольно хорошо. Подписались около пятидесяти газет. Но учредители и руководители дела оказались весьма халатными. <...> С. А. Соколов, который по существу один вел дело, вскоре был привлечен к суду за выпуск его издательством (издательство «Гриф») перевода книги Марселя Швоба „Вымыселные жизни“. Книга была конфискована, а С. А. Соколов был присужден к штрафу, но принципиально отказался платить его и сел в тюрьму. Через полтора месяца, заплатив половину штрафа, он вышел на свободу. Во время отсутствия Соколова полновластными хозяевами бюро провинциальной прессы стали А. Койранский и я. <...> Все шло благополучно до возвращения С. А. Соколова. Вернувшись, он первым делом извлек из портфеля редакции отложенные статьи, которых оказалось немало, и стал включать их в отправляемую почту. Большинство этих статей провинциальные газеты не печатали. Оставшийся материал не мог заполнить соответствующие разделы газет. Подпись стала сокращаться. Тщетно Соколов пытался поднять ее, снизив подписную плату. На 1908 год подписалось только десятка полтора газет. В конце января 1908 года я уехал отдохнуть в Батум, а вернувшись через месяц, узнал, что „Бюро провинциальной прессы“ уже прекратило свое существование» (Брюсов А. Я. Литературные воспоминания. С. 132–133). В этом отрывке присутствуют анахронизмы, которые не позволяют опираться на воспоминания Брюсова как на достоверный источник при реконструкции работы Бюро. Так, история с привлечением Соколова к суду за выпуск «Грифом» книги Швоба развернулась не в конце 1907 года, как указывает Брюсов, а в конце 1908 — первой половине 1909 года. Книга вышла в конце 1908 года (Швоб М. Вымыселные жизни = Vies imaginaires: [Рассказы] / Пер. Л. Рындиной под ред. С. Кречетова. М.: Гриф, 1909), о ее конфискации см. в письме Соколова Сологубу от 30 ноября 1908 года (Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындиной Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. С. 224), а история с судом и арестом Соколова происходила в мае–июне 1909 года (подробнее см. в письме Соколова М. А. Волошину: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1126. Л. 13 об.).

ванные приложения к ним, в большинстве случаев появившиеся после 1905 года и издававшиеся непродолжительное время (от полугода до нескольких лет): «Астраханец», «Вестник Волыни», «Вестник Либавы», «Волга» (Астрахань), «Волжский листок» (Казань), «Голос» (Одесса), «Далекая окраина» (Владивосток), «Заря жизни» (Екатеринбург), «Киевская искра», «Киевские вести», «Наш путь» (Оренбург), «Нижегородский листок», «Ростовский вестник», «Смоленский вестник», «Ташкентский курьер», «Тифлисский листок», «Уральский край» (Екатеринбург), «Утро» (Харьков), «Царицынский вестник», «Южный край» (Харьков). Беллестристические отделы в них если были, то заполнялись, как правило, перепечатками из столичных газет или материалами местных журналистов на актуальные региональные темы.

Стратегии публикации присыпаемых Бюро материалов у газет были разные. Одни помещали их хаотично, без специальных объявлений и почтения к столичным авторам (например, «Смоленский вестник» или «Ташкентский курьер»), другие, наоборот, на первых страницах печатали объявление о начале сотрудничества с Бюро и активно анонсировали ожидавшиеся произведения (например, «Ростовский вестник»¹⁸). Одно из первых известных нам объявлений о начале сотрудничества с Бюро появилось 13 декабря в газете «Тифлисский листок». В нем был указан широкий круг авторов, на которых, вероятно, рассчитывал Соколов при создании Бюро. Это прежде всего литераторы и популярные публицисты, хорошо знакомые ему по «Перевалу», видные представители кадетской партии и ученые либеральных взглядов: «В целях привлечения литературных сил для систематического снабжения нашей газеты разнообразным материалом: беллестристикой, статьями по всем вопросам текущей политической и общественной жизни, науки, литературы и искусства, равно корреспонденциями из главнейших городов Европы, редакция „Тифл^{исского} Листка“, благодаря соглашению с группой писателей, заручилась на 1908 г. сотрудничеством следующих авторов: Леонид Андреев, В. А. Анзимиров, С. Ауслендер, Alexander, Валентин Амфитеатров (Junior), прив.-доц. А. Бачинский, прив.-доц. А. Н. Бернштейн, Александр Блок, прив.-доц. Алексей Боровой, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, К. Бальмонт, И. А. Белоусов, Андрей Белый, Л. Вилькина, В. В. Вересаев, Макс. Волошин, А. Воротников, В. Высоцкий, Леонид Галич, D-r Ге, Сергей Глаголь, Е. П. Гославский, Сергей Городецкий, Б. Грифцов, Б. Дикс, А. Диесперсов, Борис Зайцев, В. Зоргенфрей, А. Кизеветтер, Н. Киселев, А. Кондратьев, П. Кожевников, Ф. Ф. Кокошкин, С. Котляревский, Н. Крашенинников, А. Койранский, В. Е. Кошарский, Сергей Кречетов, Марк Криницкий, А. И. Куприн, Е. Лундберг, В. Линденбаум, Н. А. Морозов (шлиссельбуржец), Миэр, И. И. Митропольский, Муни, П. П. Муратов, С. А. Муромцев (председ. 1-й Государст. Думы), Иван Новиков, И. И. Нежлукто, П. Нилус, Нина Петровская, А. Печковский, Борис Попов, С. Попич, М. К. Первухин, Н. Поярков, Алексей Ремизов, Н. Русов, Сергей Соловьев, А. С. Серафимович, С. Сергеев-Ценский, Скиталец, В. Стражев, Ф. Сологуб, Е. Тарасов, Н. Телешов, Н. И. Тимковский, А. Федоров, С. В. Филиппов, В. Ходасевич, Юрий Череда, Георгий Чулков, А. Чапыгин, Н. Чириков, С. Шумаков, Н. Н. Щепкин, С. Юшкевич, Екат. Экк, Конст. Эрберг, Е. Янтарев, П. М. Ярцев, прив.-доц. Ященко и др.».¹⁹

Аналогичный список был опубликован 14 декабря в астраханской газете «Волга». Объявление сопровождалось также анонсом, свидетельствующим, что далеко не все перечисленные выше литераторы готовы были сразу предоставить для Бюро тексты:

¹⁸ Начав публиковать материалы Бюро с апреля 1908 года, «Ростовский вестник» не только сразу сообщил об этом читателям, но и многократно рекламировал присыпаемые тексты. Так, рассказ Н. И. Тимковского «Муля», вышедший 1 мая 1908 года, был анонсирован четыре раза: 17 апреля, 24 апреля, 29 апреля и в день публикации — 1 мая.

¹⁹ Тифлисский листок. 1907. 13 дек. С. 1. Первого января «Тифлисский листок» сообщил, что «с 15 декабря присоединились к этой группе еще след^и лица: прив.-доц. Сыромятников, прив.-доц. Н. Устинов, С. Любощиц, Вячеслав Иванов, Е. Лундберг, Валерий Брюсов, В. Станюкович, А. Щербак, Осип Дымов, К. Чуковский, М. Шик, В. Э. Мейерхольд, прив.-доц. Ф. Рыбаков» (Там же. 1908. 1 янв. С. 1). С 6 января из общего списка исчезает фамилия Бальмонта, зато с 13 января добавляется кн. В. В. Барятинский (Там же. 6 янв. С. 1; 13 янв. С. 1).

«В ближайших №№ будут помещены рассказы: Сергеева-Ценского „Свищов и Психев“, Серафимовича „Чудо“, Бориса Зайцева „Равенна“, Евг. Гославского „Тьма“, П. Кожевникова „Вестники ночи“, И. Нежлукто „Услуга“, В. Амфитеатрова „Норвежские сказки“. Стихотворения: Бальмонта, А. Блока, Н. Морозова, Андрея Белого, Сергея Кречетова. Статьи, фельетоны и пр.: С. Котляревского „Россия в международном мире“, Д-р Ге „Половой вопрос“, В. Кошарского „Вопросы военной жизни“, Вис. Калемина „Сюрпризы русской революции“ (махаевщина), А. Воротникова „Литературные силуэты“ (Меттерлинк, Д’Аннуцио, Реми-де-Гурмон). Постоянные фельетоны Е. Н. Чирикова».²⁰

В реальности авторов, сотрудничавших с Бюро, оказалось еще меньше. К сожалению, определить все тексты, посыпаемые в провинциальные газеты, не представляется возможным, однако нам удалось выявить более двадцати произведений, публикацию которых мы связываем с работой Бюро.²¹ Перечислим их:

Alexander (А. Я. Брюсов):

«Из писем возмущенного человека. I. Об интеллигенте выше среднего»²² (Астраханец. 1908. 12 мая. С. 3; Вестник Либавы. 1908. 12 янв. С. 2; Голос. 1908. 10 марта. С. 3; Далекая окраина. 1903. 30 янв. С. 4; Тифлисский листок. 1908. 13 янв. С. 3).

«Капитан Кид» [Перевод рассказа Марселя Швоба «Le Capitaine Kid»]²³ (Вестник Либавы. 1908. 5 янв. С. 2; Волга. 1908. 3 февр. С. 3; Далекая окраина. 1908. 15 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 4 янв. С. 3; Царицынский вестник. 1908. 1 янв. С. 3–4).

Валентин Амфитеатров:

«Норвежские сказки» (Вестник Либавы. 1907. 21 дек. С. 2; Волжский листок. 1907. 25 дек. С. 6; Далекая окраина. 1908. 11 янв. С. 3; Ташкентский курьер. 1908. 1 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 1 янв. С. 2; Южный край. 1907. 20 дек. С. 4).

Андрей Белый (Б. Н. Бугаев):

«О пьянстве словесном» (Волга. 1908. 21 янв. С. 2; Далекая окраина. 1908. 8 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1908. 1 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 1 янв. С. 2; Южный край. 1907. 21 дек. С. 4).

Александр Блок:

«Зима» [Стихотворение] (Волга. 1908. 8 янв. С. 3; Волжский листок. 1907. 25 дек. С. 5; Далекая окраина. 1908. 13 янв. С. 3; Ташкентский курьер. 1907. 29 дек. С. 2; Тифлисский листок. 1907. 25 дек. С. 2; Южный край. 1907. 21 дек. С. 4).

«Летний вечер» [Стихотворение] (Вестник Либавы. 1908. 5 янв. С. 3; Волга. 1908. 28 янв. С. 2; Далекая окраина. 1908. 22 янв. С. 3; Киевские вести. 1908. 4 янв. С. 2–3; Нижегородский листок. 1908. 4 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 9 янв. С. 2; Таш-

²⁰ Волга. 1907. 14 дек. С. 2.

²¹ При отборе мы исходили из следующих критерии: во-первых, текст должен быть напечатан минимум в двух изданиях; во-вторых, фамилия автора должна быть в числе сотрудников Бюро, представленных в газетных объявлениях. Так, в предложенный нами список публикаций не попал, например, рассказ Б. А. Лазаревского «Молодость» (Вестник Волыни. 1908. 17 марта. С. 2; Далекая окраина. 1908. 30 марта. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 16 марта. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 16 марта. С. 2; Уральский край. 1908. 16 марта. С. 2), поскольку имени автора не было в объявлении. И наоборот, не учитывались публикации литераторов, чьи имена были в анонсах о сотрудничестве с Бюро, однако тексты встретились нам только в одной газете. Вполне вероятно, что такие публикации были в изданиях, которые в нашу выборку не попали. Так, например, в архиве А. Брюсова сохранилась газетная вырезка — очерк «Письмо из Египта», подписанный псевдонимом «W. Sadler» (РГБ. Ф. 708. Карт. 1. № 30. Л. 33–38). На первом листе есть помета Брюсова «„Бюро провинциальной прессы“, 1907 (Напечатано в ряде газет-подписчиков)». К сожалению, найти эти газеты нам пока не удалось.

²² В ряде газет указывалась только вторая часть названия — «Об интеллигенте выше среднего».

²³ Примечательно, что публикация рассказа в «Волге» сопровождалась пометой о том, что Alexander перевел его специально для «Волги», а в «Царицынском вестнике» — специально для их газеты.

кентский курьер. 1908. 18 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 27 янв. С. 3; Южный край. 1908. 5 янв. С. 4).

Валерий Брюсов:

«Дар поэта» [Стихотворение] (Вестник Либавы. 1908. 18 янв. С. 2; Волга. 1908. 3 февр. С. 2; Голос. 1908. 25 февр. С. 1; Далекая окраина. 1908. 2 февр. С. 3; Киевские вести. 1908. 16 янв. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 15 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 22 янв. С. 2; Ташкентский курьер. 1908. 20 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 20 янв. С. 2; Южный край. 1908. 17 янв. С. 2).

Владимир Высоцкий:

«Молодая Польша» (Далекая окраина. 1908. 18 янв. С. 3; 19 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 3 янв. С. 2; Южный край. 1907. 29 дек. С. 4).

Сергей Глаголь (С. С. Голоушев):

«„Жизнь человека“ на сцене Московского художественного театра» (Волга. 1908. 28 янв. С. 2–3; Волжский листок. 1907. 30 дек. С. 2; Далекая окраина. 1908. 16 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 6 янв. С. 2).

Осип Дымов (М. М. Переильман):

«Королевский парк» (Далекая окраина. 1908. 10 февр. С. 3; 12 февр. С. 3–4; Нижегородский листок. 1908. 25 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 27 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1908. 5 февр. С. 2).

Николай Киселев:

«Старая книга» (Волга. 1908. 17 февр. С. 2; Волжский листок. 1908. 6 янв. С. 2; Далекая окраина. 1908. 29 янв. С. 3; Ташкентский курьер. 1908. 9 марта. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 27 янв. С. 2).

Петр Кожевников:

«Вестники ночи» (Вестник Либавы. 1907. 25 дек. С. 2; Волга. 1908. 28 янв. С. 2; Далекая окраина. 1908. 13 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1908. 13 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 4 янв. С. 2).

Александр Кондратьев:

«О старинном театре в Петербурге» (Волга. 1908. 3 февр. С. 2; Голос. 1908. 25 февр. С. 4; Далекая окраина. 1908. 30 янв. С. 3).

«Призраки юных» (Вестник Либавы. 1908. 5 янв. С. 2; Голос. 1908. 17 марта. С. 3; Далекая окраина. 1908. 23 янв. С. 2–3; Нижегородский листок. 1908. 4 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 11 янв. С. 3; Южный край. 1908. 5 янв. С. 4).

«Тоскующий ангел» (Далекая окраина. 1908. 15 февр. С. 3; Ташкентский курьер. 1908. 17 февр. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 2 февр. С. 3).

Сергей Кречетов (С. А. Соколов):

«Дровосек» [Стихотворение] (Волга. 1908. 21 янв. С. 3; Волжский листок. 1908. 6 янв. С. 2; Голос. 1908. 3 марта. С. 1; Далекая окраина. 1908. 17 янв. С. 3; Смоленский вестник. 1908. 9 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 1 янв. С. 2).

Мирэ (А. М. Моисеева):

«Сентябрьский вечер» (Волга. 1908. 21 янв. С. 3 (под названием «Январский вечер»); Далекая окраина. 1908. 9 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1907. 29 дек. С. 2; Тифлисский листок. 1907. 29 дек. С. 2; Южный край. 1907. 21 дек. С. 5).

«Снег» (Далекая окраина. 1908. 10 февр. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 20 янв. С. 3; Ташкентский курьер. 1908. 26 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 24 янв. С. 3).

Иван Новиков:

«Полосатый жучок» (Вестник Либавы. 1908. 13 янв. С. 2–3; Волга. 1908. 3 февр. С. 2; Голос. 1908. 25 февр. С. 1–2; Далекая окраина. 1908. 6 февр. С. 3–4; Нижегородский листок. 1908. 12 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 12 янв. С. 2; Ташкентский курьер. 1908. 10 февр. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 23 янв. С. 2; Южный край. 1908. 13 янв. С. 5).

Нина Петровская:

«Франк Ведекинд» (Волга. 1908. 17 февр. С. 2; Голос. 1908. 25 февр. С. 3; Далекая окраина. 1908. 1 февр. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 16 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 22 янв. С. 2; Ташкентский курьер. 1908. 25 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 20 янв. С. 3).

Николай Поярков:

«Октав Мирбо» (Далекая окраина. 1908. 10 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1908. 6 марта. С. 2; Тифлисский листок. 1907. 29 дек. С. 3).

«Петер Альтенберг» (Нижегородский листок. 1908. 25 янв. С. 2; Ташкентский курьер. 1908. 20 янв. С. 2).

Николай Русов:

«Два поколения поэтов» (Далекая окраина. 1908. 22 февр. С. 3–4; Нижегородский листок. 1908. 3 февр. С. 2–3; Тифлисский листок. 1908. 8 февр. С. 2).

Сергей Сергеев-Ценский:

«Свищов и Псищев» (Вестник Либавы. 1907. 30 дек. С. 2–3; Волга. 1908. 8 янв. С. 2; 21 янв. С. 3; Волжский листок. 1907. 22 дек. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 6 янв. С. 3–4; Ташкентский курьер. 1907. 25 дек. С. 5–6; Тифлисский листок. 1907. 30 дек. С. 5; Южный край. 1907. 19 дек. С. 3–4).

Николай Тимковский:

«Древо жизни» (Астраханец. 1908. 31 марта. С. 5–7; Волжский листок. 1908. 1 янв. С. 4–5; Далекая окраина. 1908. 20 янв. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 1 янв. С. 2–3; Ташкентский курьер. 1908. 6 янв. С. 2–3; Тифлисский листок. 1908. 8 янв. С. 2).

Владислав Ходасевич:

«Критико-библиографический обзор» [под псевд. «Маслов Ф.】 (Далекая окраина. 1908. 10 февр. С. 3–4; Нижегородский листок. 1908. 20 янв. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 20 янв. С. 5; Тифлисский листок. 1908. 1 февр. С. 3).

«О последних книгах Бальмонта» [под псевд. «Георгий Р-н】 (Астраханец. 1908. 19 мая. С. 3; Вестник Либавы. 1907. 25 дек. С. 5; 28 дек. С. 3; Далекая окраина. 1908. 15 янв. С. 3–4; Тифлисский листок. 1908. 5 янв. С. 2; Южный край. 1907. 23 дек. С. 7).

«Смерть» (Вестник Либавы. 1908. 6 янв. С. 3–4; Волга. 1908. 3 февр. С. 2; Далекая окраина. 1908. 29 янв. С. 2; Киевская искра. 1908. 10 янв. С. 14; Смоленский вестник. 1908. 9 янв. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 12 янв. С. 2).

Ефим Янтарев (Е. Л. Бернштейн):

«О третьем альманахе „Шиповник“» (Волга. 1908. 3 февр. С. 2; Волжский листок. 1908. 6 янв. С. 4; Далекая окраина. 1908. 18 янв. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 3 янв. С. 3).

Из этого списка следует, что Бюро удалось заручиться поддержкой небольшого круга литераторов преимущественно из ближайшего окружения Соколова. Среди рассылаемых материалов преобладала беллетристика и критические заметки. Рассказы развивали типичные для того времени темы: духовный кризис интеллигенции («Об интеллигенте выше среднего» Alexander, «О пьянстве словесном» Белого) и невозможность творческих людей жить в мире обманутых надежд («Призраки юных» Кондратьева), косность провинциальной жизни («Свищов и Псищев» Сергеева-Ценского) и вырождение аристократии («Вестники ночи» Кожевникова, «Королевский парк» Дымова), тщетные попытки молодых людей вырваться во имя красоты и искусства за пределы мещанской морали («Древо жизни» Тимковского, «Сентябрьский вечер» и «Снег» Мира), неоромантические мотивы судьбы и неотвратимости смерти («Тоскующий ангел» Кондратьева, «Смерть» Ходасевича).

Критические заметки способствовали знакомству читателей с актуальными зарубежными писателями («Октав Мирбо» и «Петер Альтенберг» Пояркова, «Франк Ведекинд» Петровской), выстраиванию иерархии в современной русской литературе и расстановке «правильных» оценок (прежде всего, «О третьем альманахе „Шиповник“» Янтарева и очерк Ходасевича «О последних книгах Бальмонта», полемичный по отношению к рецензиям Брюсова в «Весах»).²⁴ Рекламный характер носил «Критико-библиографический обзор» Ф. Маслова (Ходасевича), в котором комплиментарно описы-

²⁴ Подробнее см. в комментарии к современному изданию статьи: Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / Сост. и подг. текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова; комм. И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова. С. 541–542.

вались последние издания произведений В. Я. Брюсова, С. М. Городецкого, Е. С. Тарасова, И. А. Новикова, В. И. Стражева, Г. И. Чулкова — нынешних и будущих авторов Бюро. Ту же функцию выполнял и «Литературно-художественный календарь».²⁵ В этой новостной рубрике сообщалось о публикации в книгоиздательстве «Шиповник» новых произведений Л. Н. Андреева, Б. К. Зайцева, А. Белого; в издательстве «Гриф» — А. Белого, С. А. Ауслендера, Н. И. Петровской, И. А. Новикова; о новых книгах В. И. Стражева, П. А. Кожевникова, С. Кречетова, Г. И. Чулкова; и в самом конце буквально одной строкой о стихах В. Я. Брюсова и переводах Эллиса (Л. Л. Конышевского). Таким образом, календарь служил тизером будущих публикаций Бюро, рекламировал издательства «Шиповник» и «Гриф» и их авторов, а порядок представления новостей отражал литературные приоритеты.

Бюро просуществовало около двух месяцев и в феврале приостановило работу.²⁶ Однако уже в середине марта Соколов писал Сологубу: «Бюро провинциальной прогрессивной печати, с февраля приостановившееся, основательно финансировалось и воскресает. Около Пасхи начнем рассыпать материалы».²⁷ А в письме к Чулкову от 13 апреля уточнял: «Бюро Провинциальной Прессы одно время приостановилось, но теперь снова воскресло, добыв денег под моей редакцией (без Сергея Глаголя). С 15 апреля начнется рассылка материалов вновь абонировавшимся газетам».²⁸ Из этих сообщений следует, что второй этап работы Бюро был связан с важными организационными изменениями: во-первых, Соколов стал единоличным руководителем проекта; во-вторых, появилось постоянное финансирование, которое, вероятно, позволило увеличить авторские гонорары. Так, например, если в ноябре Соколов предлагал Сологубу 35 копеек за строку (35 знаков),²⁹ то в марте уже указывал: «Гонорар гарантирую в размере 40 коп. — строка. Быть может, удастся даже 45. Строки — 36 букв».³⁰

Самое раннее из обнаруженных нами объявлений о начале сотрудничества со «вторым» Бюро появилось в «Ростовском вестнике» 9 апреля, а произведения начали печататься в газетах с 17 апреля. Из списка обещавших сотрудничество авторов исчезли Ю. А. Бунин, И. А. Белоусов, Л. Вилькина, Д-р Ге, Е. П. Гославский, Б. Дикс, В. Е. Кошарский, И. И. Нежлукто, С. Попич, М. К. Первухин, С. В. Филиппов, М. Шик, С. Шумаков, Екат. Экк. Зато появились И. Данилин, А. Дживелегов, А. Тимофеев и, что особенно примечательно, Эллис.³¹

В «Вестнике Волыни» анонсировались предложенные Бюро к публикации «рассказы Ф. Сологуба, Н. Телешова, А. Серафимовича, Н. Тимковского, И. Данилина, С. Сергеева-Ценского; статьи Ф. А. Головина, А. Дживелегова; фельетоны Джона Браунинга, С. Любаша, О. Дымова, В. Амфитеатрова; стихи А. Блока, Валерия Брюсова, Ив. Бунина, Ф. Сологуба, А. Белого, С. Городецкого, Сергея Кречетова».³²

²⁵ Волга. 1908. 3 февр. С. 2 (опубл. частично в рубрике «Новости литературы»); Далекая окраина. 1908. 1 февр. С. 4; Ташкентский курьер. 1908. 25 янв. С. 3 (опубл. частично); 27 янв. С. 3 (опубл. частично); Тифлисский листок. 1908. 22 янв. С. 3; Смоленский вестник. 1908. 15 янв. С. 3; Южный край. 1908. Иллюстрированное приложение. 20 янв. С. 11–12.

²⁶ Приобретенные у Бюро материалы при этом продолжали печататься до конца марта.

²⁷ Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындинои Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. С. 222 (письмо от 16 марта 1908 года).

²⁸ РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 2. Л. 19–19 об.

²⁹ См. в письме от 8 ноября 1907 года: Письма С. А. Соколова и Л. Д. Рындинои Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. С. 221.

³⁰ Там же. С. 223 (письмо от 16 марта 1908 года). Ремизову, впрочем, предлагалось всего 25 копеек за строку (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 203. Л. 24), а Чулкову и того меньше — 20 копеек (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 2. Л. 17).

³¹ Ростовский вестник. 1908. 9 апр. С. 3. Эллис был одним из главных полемистов «Весов», автором гневных статей о журнале «Перевал» и литературных альманахах издательства «Шиповник». Появление Эллиса в списке авторов Бюро, возможно, связано с попытками Андрея Белого сгладить противостояние «грифовцев» с «Весами». См. в воспоминаниях Белого: «...я через Соколова давил на „Бюро“; на три месяца я был прикован к сиденью в редакции; сколько потрачено сил на удерживание петербуржцев и на умаление влияния Бунина, Зайцева» (Белый А. Между двух революций. С. 222).

³² Вестник Волыни. 1908. 18 апр. С. 2.

Однако, как и в случае с «первым» Бюро, не все обещанные тексты были получены газетами.³³

Начало работы «второго» Бюро послужило поводом для беспокойства в журналистских кругах. В «Общество деятелей периодической печати и литературы» поступило заявление одного из московских литераторов, которое 19 апреля перепечатала газета «Приазовский край». Автор выступал против «фабричного производства в столицах газетного материала для провинции»³⁴ и оценивал деятельность таких организаций как пагубно влияющую на развитие современной журналистики.³⁵ Он призывал «не допускать образования таких бюро или же, если этого нельзя сделать, то ослабить конкуренцию на провинциальном газетном рынке провинциальных журналистов и столичных журнальных имен»,³⁶ обеспечив им одинаковую оплату. Однако этот страстный призыв не был услышан. В «Обзоре деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за четырехлетие. 1907–1911 г.» сообщалось: «Одним из членов Общества был поднят вопрос о недопустимости организации особых бюро по составлению циркулярных статей для провинциальных газет. Вопрос этот был, однако, снят общим собранием с очереди, во-первых, потому что деятельность этих бюро недостаточно еще обрисовалась, а во-вторых, потому что московская организация этого рода прекратила свое существование ко времени рассмотрения вопроса общим собранием».³⁷

Всего нами было обнаружено около сорока произведений, разосланных Бюро и опубликованных газетами с середины апреля по конец июля 1908 года. По этим статьям можно судить о том, как изменилась стратегия Бюро. Если на первом этапе работы рассыпались материалы преимущественно авторов из ближайшего окружения Соколова, в том числе начинающих (А. Брюсов, Ходасевич), большое внимание уделялось литературной полемике и утверждению собственных эстетических идей, то на втором литературная борьба уступила место политической (о чем свидетельствует, в частности, появление статей активного деятеля кадетской партии Дживелегова); удалось привлечь к сотрудничеству известных литераторов (Зайцева, Ремизова) и популярных газетных беллетристов (Дымов, Любошиц); количество критических статей заметно уменьшилось, преобладали материалы на актуальные общественные темы.³⁸ Наиболее востребованными у газет были сатирические очерки Дымова, остросоциальные рассказы «Город» Зайцева и «Муля» Тимковского, а также «Сказки» Амфитеатрова и стихотворение Брюсова «Сны».³⁹ В рекламных целях вновь использовался «Литера-

³³ Сологуб и Бунин, несмотря на все уговоры Соколова, судя по всему, так ничего и не пришли. Настойчивые просьбы Соколова к Бунину см. в письмах: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. № 204. Л. 1–3.

³⁴ Приазовский край. 1908, 19 апр. С. 3. Фамилия автора письма не называлась.

³⁵ Основные угрозы он видел в том, что неизбежное уменьшение числа публикаций «местного характера» приведет к снижению гонораров провинциальных беллетристов, вследствие чего они вынуждены будут поехать за заработком в столицу, а там возросшая конкуренция станет причиной снижения «нравственного уровня столичной журналистики». В то же время из-за сотрудничества с большим количеством газет произведения писателей прогрессивного направления могут появиться в идеологически сомнительных изданиях, что «даст скверное воспитание обществу» (Там же).

³⁶ Там же.

³⁷ Обзор деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за четырехлетие: 1907–1911 г. М., 1912. С. 22.

³⁸ Такая стратегия «второго» Бюро, вероятно, выработалась не сразу. Так, 13 апреля, приглашая Чулкова к сотрудничеству, Соколов предлагал написать ему в том числе фельетон о мистическом анархизме, т. е. продолжить печатную полемику с «Весами»: «„Что такое мистич-*е*ский“ анархизм“ — краткая, сжатая формулировка. Строк — 125–150. (Гонорар — 15 коп...) Имейте в виду, пройдет местах в 30» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 2. Л. 20 об.).

³⁹ Стихотворения не были приоритетом Бюро и отбирались, главным образом, с учетом популярности их авторов (Бельй, Блок, Брюсов). Ср. в письме Соколова Чулкову: «Стихов пока не прошу, ибо мы посыпаем их в микроскопических количествах» (Там же). Примечательно, что стихотворение Брюсова «Сны» было опубликовано в газете «Уральский край» 20 апреля 1908 года, а 30 мая — в иллюстрированном приложении к этой газете «Заря жизни».

турно-художественный календарь»⁴⁰ и анонимный библиографический обзор «О новых книгах. Беллестиристика», в котором рассказывалось о книгах Кожевникова, Петровской, Ремизова и Новикова.⁴¹

Приведем список публикаций:

Валентин Амфитеатров:

«Сказки» (Вестник Волыни. 1908. 12 мая. С. 2–3; Голос. 1908. 12 мая. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 22 мая. С. 3; Заря жизни. 1908. 14 мая. С. 6–7; Киевские вести. 1908. 7 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 16 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 10 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 11 мая. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 11 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 24 июня. С. 3; Утро. 1908. 11 мая. Иллюстрированное приложение. С. 2).

Андрей Белый:

«В лодке» [Стихотворение] (Голос. 1908. 16 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 1 июня. С. 3; Заря жизни. 1908. 18 мая. С. 1; Киевская искра. 1908. 15 мая. С. 1; Наш путь. 1908. 20 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 10 мая. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 18 мая. Иллюстрированное приложение. С. 1; Смоленский вестник. 1908. 11 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 18 мая. С. 3; Утро. 1908. 18 мая. Иллюстрированное приложение. С. 1).

«Мюнхен вечером» (Вестник Волыни. 1908. 26 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 13 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1–2; Киевские вести. 1908. 22 июня. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 20 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 25 июня. С. 2; Уральский край. 1908. 27 июня. С. 1–2; Утро. 1908. 20 июня. С. 3).

Александр Блок:

«Гамаюн, птица вещая» [Стихотворение] (Голос. 1908. 5 мая. С. 2; Далекая окраина. 1908. 14 мая. С. 3; Киевские вести. 1908. 17 апр. С. 2; Наш путь. 1908. 1 мая. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 29 апр. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 4 мая. Иллюстрированное приложение. С. 5; Смоленский вестник. 1908. 1 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 11 мая. С. 3; Уральский край. 1908. 4 мая. С. 3; Утро. 1908. 4 мая. Иллюстрированное приложение. С. 4).

«Не признавай и не сули...» [Стихотворение] (Вестник Волыни. 1908. 18 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 6 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1; Киевские вести. 1908. 18 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 15 июня. С. 2; Утро. 1908. 22 июня. Иллюстрированное приложение. С. 1).

«Теряет берег очертанья...» [Стихотворение] (Далекая окраина. 1908. 22 июня. С. 3; Вестник Волыни. 1908. 7 июня. С. 2; Заря жизни. 7 июня. С. 1; Киевская искра. 1908. 5 июня. С. 1; Ростовский вестник. 1908. 8 июня. Иллюстрированное приложение. С. 5; Смоленский вестник. 1908. 15 июня. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 29 июня. С. 4; Утро. 1908. 8 июня. С. 1).

Валерий Брюсов:

«Сны» [Стихотворение] (Астраханец. 1908. 19 мая. С. 3; Вестник Волыни. 1908. 18 апр. С. 2; Волжский листок. 1908. 8 мая. С. 2; Голос. 1908. 28 апр. С. 2; Заря жизни. 1908. 30 мая. С. 1; Киевские вести. 1908. 18 апр. С. 2; Наш путь. 1908. 20 апр. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 17 апр. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 18 апр. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 19 апр. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 18 мая. С. 5; Уральский край. 1908. 20 апр. С. 3; Утро. 1908. 20 апр. Иллюстрированное приложение. С. 1).

Антоний Воротников:

«Корифей западной поэзии. И. Габриэле д'Аннуンцио» (Далекая окраина. 1908. 22 июня. С. 4; Киевские вести. 1908. 16 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 21 мая. С. 3–4; Нижегородский листок. 1908. 23 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 20 мая. С. 2–3; Утро. 1908. 17 мая. С. 3).

⁴⁰ Астраханец. 1908. 5 мая. С. 3; Вестник Волыни. 1908. 6 мая. С. 3; Наш путь. 1908. 8 мая. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 3 мая. С. 4; Тифлисский листок. 1908. 7 мая. С. 4.

⁴¹ Вестник Волыни. 1908. 24 апр. С. 4; Голос. 1908. 28 апр. С. 3–4; Наш путь. 1908. 11 мая. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 26 апр. С. 4; Тифлисский листок. 1908. 26 апр. С. 3; Уральский край. 1908. 4 мая. Приложение к № 99. С. 2.

«Корифеи западной поэзии. П. Морис Метерлинк» (Далекая окраина. 1908. 13 июля. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 24 июня. С. 3; Тифлисский листок. 1908. 29 июня. С. 5).

Сергей Городецкий:

«Ковер-самолет» [Стихотворение] (Вестник Волыни. 1908. 21 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 13 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1; Киевские вести. 1908. 23 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 19 июня. С. 2–3; Тифлисский листок. 1908. 29 июня. С. 4; Уральский край. 1908. 22 июня. С. 2; Утро. 1908. 29 июня. Иллюстрированное приложение. С. 1).

«У древнего моря» [Стихотворение] (Вестник Волыни. 1908. 8 июня. С. 3; Далекая окраина. 1908. 29 июня. С. 3; Киевские вести. 1908. 9 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 5 июня. С. 2; Уральский край. 1908. 18 июня. С. 3; Утро. 1908. 15 июня. Иллюстрированное приложение. С. 1).

Алексей Дживелегов:

«Очередная задача» (Вестник Волыни. 1908. 24 апр. С. 2; Далекая окраина. 1908. 13 мая. С. 2; Киевские вести. 1908. 22 апр. С. 1; Наш путь. 1908. 4 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 24 апр. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 22 апр. С. 1).

«Хозяева положения» (Вестник Волыни. 1908. 24 мая. С. 1–2; Далекая окраина. 1908. 8 июня. С. 2–3; Киевские вести. 1908. 24 мая. С. 1; Наш путь. 1908. 27 мая. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 28 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 1 июня. С. 2).

Осип Дымов:

«В думе Будущего» (Астраханец. 1908. 2 июня. С. 4; Вестник Волыни. 1908. 26 мая. С. 3; Далекая окраина. 1908. 8 июня. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 24 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 27 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 30 мая. С. 3).

«Журналисты» (Далекая окраина. 1908. 20 июля. Иллюстрированное приложение. С. 4; Киевские вести. 1908. 2 июля. С. 2; Уральский край. 1908. 5 июля. С. 3).

«Нахodka» (Вестник Волыни. 1908. 16 мая. С. 3; Далекая окраина. 1908. 1 июня. С. 3; Киевские вести. 1908. 12 мая. С. 2–3; Наш путь. 1908. 18 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 10 мая. С. 3; Смоленский вестник. 1908. 17 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 27 июня. С. 2; Уральский край. 1908. 16 мая. С. 3; Утро. 1908. 11 мая. С. 4).

«Оппозиционная газета» (Далекая окраина. 1908. 13 июля. С. 3; Киевские вести. 1908. 24 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 29 июня. С. 3; Уральский край. 1908. 27 июня. С. 3).

«Патриотизм» (Астраханец. 1908. 9 июня. С. 3; Вестник Волыни. 1908. 31 мая. С. 3; Далекая окраина. 1908. 15 июня. С. 2–3; Киевские вести. 1908. 30 мая. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 30 мая. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 29 мая. С. 3; Уральский край. 1908. 8 июня. С. 3; Утро. 1908. 30 мая. С. 4).

«Проблема пола» [под псевд. «Кайн»] (Вестник Волыни. 1908. 23 апр. С. 3; Вестник Либавы. 1908. 23 апр. С. 4; Волжский листок. 1908. 20 мая. С. 3; Голос. 1908. 28 апр. С. 3; Киевские вести. 1908. 22 апр. С. 2; Наш путь. 1908. 6 мая. С. 3; Ростовский вестник. 1908. 25 апр. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 26 апр. С. 2–3; Уральский край. 1908. 27 апр. С. 3).

«Экзамены» (Вестник Волыни. 1908. 12 июня. С. 3; Далекая окраина. 1908. 27 июня. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 11 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 14 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 18 июня. С. 3; Уральский край. 1908. 17 июня. С. 3; Утро. 1908. 12 июня. С. 3).

Борис Зайцев:

«Город» (Вестник Волыни. 1908. 19 апр. С. 3; Волжский листок. 1908. 20 апр. С. 2–3; Голос. 1908. 28 апр. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 9 мая. С. 3; Киевские вести. 1908. 18 апр. С. 2; Наш путь. 1908. 20 апр. С. 2–3; Нижегородский листок. 1908. 17 апр. С. 2–3; Ростовский вестник. 1908. 18 апр. С. 2–3; Смоленский вестник. 1908. 19 апр. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 24 апр. С. 2–3; Уральский край. 1908. 20 апр. С. 2; 23 апр. С. 3; Утро. 1908. 17 апр. С. 2–3).

Петр Кожевников:

«Час предутра» (Вестник Волыни. 1908. 28 мая. С. 3; Далекая окраина. 1908. 15 июня. С. 3; Наш путь. 1908. 29 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 1 июня.

С. 2; Ростовский вестник. 1908. 29 мая. С. 3; Смоленский вестник. 1908. 28 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 1 июня. С. 2; Утро. 1908. 1 июня. С. 1–2).

Александр Кондратьев:

«В час угасанья зари» (Заря жизни. 1908. 30 мая. С. 1–2; Киевские вести. 1908. 16 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 21 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 16 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 22 мая. С. 3; Смоленский вестник. 1908. 21 мая. С. 2; Утро. 1908. 18 мая. С. 3).

«Надпись на саркофаге греческой куртизанки» (Далекая окраина. 1908. 20 июля. Иллюстрированное приложение. С. 4; Нижегородский листок. 1908. 2 июля. С. 3; Утро. 1908. 13 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1).

Марк Криницкий:

«Начальник» (Вестник Волыни. 1908. 20 мая. С. 2; Далекая окраина. 1908. 15 июня. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 19 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 24 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 4 июля. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 7 июня. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 31 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 15 июня. С. 3; Уральский край. 1908. 7 июня. С. 1–2; Утро. 1908. 27 мая. С. 2–3).

Семен Любощ (С. Б. Любощиц):

«А. Б. и т. д.» (Вестник Волыни. 1908. 28 мая. С. 2; Далекая окраина. 1908. 22 июня. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 27 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 29 мая. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 29 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 1 июня. С. 2).

«Даровое средство» (Вестник Волыни. 1908. 18 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 5 июля. С. 3; Киевские вести. 1908. 18 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 22 июня. С. 2; Уральский край. 1908. 19 июня. С. 3).

«Как писать романы» [под псевд. «Джон Браунинг»] (Вестник Волыни. 1908. 13 мая. С. 3; Голос. 1908. 16 июня. С. 3; Далекая окраина. 1908. 29 июня. С. 4–5; Киевские вести. 1908. 7 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 14 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 7 мая. С. 1; Ростовский вестник. 1908. 10 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 20 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 27 мая. С. 3; Утро. 1908. 9 мая. С. 3).

Мирэ:

«Перед смертью» (Голос. 1908. 16 июня. С. 2; Наш путь. 1908. 20 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 11 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 16 мая. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 11 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 17 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 24 мая. С. 3; Утро. 1908. 14 мая. С. 4).

Нина Петровская:

«Максим Горький на Капри» (Астраханец. 1908. 5 мая. С. 2–3; Вестник Волыни. 1908. 1 мая. С. 4; Волжский листок. 1908. 3 мая. С. 2; Далекая окраина. 1908. 6 июня. С. 3; Заря жизни. 1908. 9 мая. С. 1–2; Наш путь. 1908. 4 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 30 апр. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 2 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 15 мая. С. 2; Утро. 1908. 2 мая. С. 2).

«Мертвый город» (Вестник Волыни. 1908. 16 июня. С. 3; Далекая окраина. 1908. 6 июля. С. 5; Нижегородский листок. 1908. 18 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 21 июня. С. 5–6; Уральский край. 1908. 26 июня. С. 3; Утро. 1908. 15 июня. С. 4–5).

Алексей Ремизов:

«Каэнная дача» (Вестник Волыни. 1908. 7 июня. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 6 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1–3; Киевские вести. 1908. 4 июня. С. 2; 5 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 1 июня. С. 2; 11 июня. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 6 июня. С. 2–3; Смоленский вестник. 1908. 13 июня. С. 2; 14 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 11 июня. С. 2–3; Уральский край. 1908. 13 июня. С. 1–2; 14 июня. С. 2).

Николай Русов:

«Круг» (Далекая окраина. 1908. 19 июля. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 1 июля. С. 3).

Александр Серафимович (А. С. Попов):

«Город» (Астраханец. 1908. 26 мая. С. 2; Вестник Волыни. 1908. 10 мая. С. 2–3; Город. 1908. 12 мая. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 22 мая. С. 3–4; Заря жизни. 1908.

14 мая. С. 1–6; Киевские вести. 1908. 5 мая. С. 2–3; Наш путь. 1908. 11 мая. С. 3; 13 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 8 мая. С. 2; 9 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 16 мая. С. 2; 18 мая. С. 3; Утро. 1908. 4 мая. С. 2–3).

Евгений Тарасов:

«Если тени стали гуще...» [Стихотворение] (Далекая окраина. 1908. 8 июня. С. 5; Киевские вести. 1908. 18 мая. С. 2; Наш путь. 1908. 21 мая. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 16 мая. С. 2; Смоленский вестник. 1908. 28 мая. С. 2; Уральский край. 1908. 20 мая. С. 3; Утро. 1908. 18 мая. Иллюстрированное приложение. С. 1).

Николай Тимковский:

«Муля» (Вестник Волыни. 1908. 29 апр. С. 3; Волжский листок. 1908. 4 мая. С. 3; Голос. 1908. 5 мая. С. 2–3; Далекая окраина. 1908. 18 мая. С. 3–4; Киевские вести. 1908. 28 апр. С. 2; Наш путь. 1908. 1 мая. С. 2–3; Нижегородский листок. 1908. 1 мая. С. 2; Ростовский вестник. 1908. 1 мая. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 26 июня. С. 3–4; Уральский край. 1908. 3 мая. С. 1; Утро. 1908. 27 апр. С. 4).

«Пустыня (Сон или явь?)» (Вестник Волыни. 1908. 21 июня. С. 2; Далекая окраина. 1908. 6 июля. Иллюстрированное приложение. С. 3; Киевские вести. 1908. 20 июня. С. 2; Нижегородский листок. 1908. 27 июня. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 25 июня. С. 2; Уральский край. 1908. 22 июня. С. 2; Утро. 1908. 22 июня. С. 2).

Георгий Чулков:

«Последнее признанье» (Далекая окраина. 1908. 20 июля. Иллюстрированное приложение. С. 1–2; Киевские вести. 1908. 29 июня. С. 3; Нижегородский листок. 1908. 6 июля. С. 2; Тифлисский листок. 1908. 6 июля. С. 5; Уральский край. 1908. 3 июля. С. 2).

Рассылаемые Бюро материалы проходили через цензуру, вследствие чего опубликованные в разных газетах тексты могли отличаться друг от друга. В письме Ремизову от 24 марта Соколов сообщал: «Спасибо за „Казенную дачу“». Только присылайте как можно скорее. Материал будет рассыпаться нами в печатном виде и потому его придется представлять в ценз^{урный} комитет».⁴² С. В. Киссин (Муни), судя по всему, смеивший А. Брюсова на посту секретаря Бюро, 28 мая более развернуто описывал Ремизову ситуацию: «Рассказ Ваш „Дача“ будет отправлен 31-го мая или 1-го июня. Вслед за сим сумею Вас уведомить, в каких газетах он будет напечатан [ибо число газет может возрасти (раз), ибо газеты обязательства печатать не принимают (два), ибо цензура кое-где любит показать свой норов (три)]. Так в Харькове из безобидного зайцевского „Города“ сделали прямо смешные выпуски».⁴³ Речь идет, вероятно, о публикации в харьковской газете «Утро» от 17 апреля. В рассказе из обобщенного описания жизни разных социальных слоев провинциального города были исключены все упоминания административной и церковной власти, а также военных. Похожим образом текст был сокращен в «Волжском листке». Цензурной правке подвергся и очерк Тимковского «Муля», рассказывающий о травле еврейского мальчика сверстниками: в газетах «Волжский листок», «Наш путь» и «Утро» из него был изъят фрагмент с описанием распятия Христа.

В первой половине мая Соколов, в очередной раз обратившись к Бунину с просьбой прислать стихотворение, отмечал, что доволен работой Бюро: «Был бы очень обрадован, получив для Бюро Ваше стихотворение (хотя бы небольшое). Уплатим по 1 р. На июнь собираю^{сь} в Северную Италию. В Бюро все наладил».⁴⁴ Однако по возвращении из Италии он с грустью сообщал Ремизову: «Увы! В бытность мою за границей

⁴² РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 203. Л. 25.

⁴³ Там же. № 121. Л. 1.

⁴⁴ Письмо Соколова Бунину от 1 мая: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. № 204. Л. 3. С предстоящей поездкой и стремлением наладить работу Бюро, вероятно, связано и обращение Соколова к Белому в письме от 13 мая: «Т. к. в конце мая я уезжаю на месяц, то мне необходимо составить литературный запас и распределить его. Потому очень прошу: дайте вскорости на днях фельетон (строк 150–175) о „Simplicissimus“ или бытовой рассказик. Мне очень надо» (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. № 2. Л. 44).

с 1 июля Бюро приостановило свою деятельность вторично. Издатель удручился быстрыми и крупными расходами (платил я прилично) и небыстрыми доходами. С печалью посылаю „Сказки“ обратно заказней бандеролью.⁴⁵ С 8 числа буду в Москве (перееду с дачи) и начну оглядываться. Т. к. без литературного дела дней моих не скончиваю, уверен, что мы еще поработаем вместе!»⁴⁶

На закрытие Бюро неожиданным образом откликнулся «Волжский листок». Газета социал-демократического толка одной из первых начала сотрудничество с Бюро и на протяжении полугода регулярно публиковала присылаемые материалы, чередуя их с текстами местных фельетонистов. Однако 3 августа 1908 года вышла статья И. Г. Верещагина (1883–?) под псевдонимом «Джон»,⁴⁷ в которой автор представлял Бюро как характерное явление эпохи модерна, результат развития современной литературы с ее писателями-декадентами, во что бы то ни стало стремящимися к славе.⁴⁸ Принципы работы Бюро — оптовая продажа литературного материала по низким ценам, активная реклама и яркие имена, — по мнению автора статьи, разрушительно оказались и на без того плохо организованной работе провинциальной прессы: «Помню, у многих провинциальных „братьев“ при чтении „разудальных“ афиш Бюро невольно поднялась рука, чтобы замереть в русском классическом жесте: „плохо!“... <...>

В провинции нет газет капиталистического пошиба. Местные литературные предприятия или основаны на паях, или ведутся каким-нибудь не крупным коммерсантом — „по-хозяйски“.

Первые обычно еле перебиваются „с хлеба на квас“. Положение сотрудников весьма двусмысленно: „построчные“ (размер провинциального гонорара вообще очень низок!) сплошь и рядом задерживаются чуть ли не месяцами, а в „лучших случаях“ выдаются с такими „охами да вздохами“, что сотруднику как-то совестно становится прятать в кармане „свои кровные“.

Не лучше обстоит дело и во-вторых. Деньги своим сотрудникам „купец“ — издатель, понятно, платит регулярно. <...> Беда в том, что эта разновидность провинциальных газет ведется обычно с расчетом на „дивиденды“ <...>. Тут уже не до „идей“! Не даром так скоро тупеют ножницы в редакциях „купеческих“ газет!

Царствует принцип: „перепечатка — ве事儿, а прочее все гниль!“ Приходится, конечно, давать место и самостоятельному материалу («читатель на перепечатку обижается!»). Но все это „в пору да в меру“ <...>.

Но... пожалели „столичники“ „меньшего брата“, — пришли к нему „на помощь“ своей фабрикой литературы... „Давайте, мол, и провинцию просветим“... <...> К чести „паевых издательств“ нужно отметить, что, в подавляющем большинстве, они не откликнулись на „призывы сладкие“... <...>. Торжествовал зато „купец“, как водится, весьма неравнодушный к дешевке и шумной рекламе...»⁴⁹

Однако и «купец» вскоре разочаровался, поскольку присыпаемый Бюро материал был маловыразительным и с эстетической, и с политической точки зрения: «Л<итературное> Б<юро> не было в состоянии давать „идейный“ материал: в списках сотрудников

⁴⁵ РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 203. Л. 29 (письмо от 1 августа 1908 года). В конце мая Соколов просил Ремизова прислать небольшой текст вроде «маленьких сказочек»: «К концу июня не прислете ли еще рассказик, только небольшой, никак не более 250 строк. Всего лучше бы ряд маленьких сказочек. Я раз видел такие у Вас в какой-то газете» (Там же. Л. 28; письмо от 29 мая 1908 года).

⁴⁶ Там же. Л. 29. В годы революции и Гражданской войны Соколов руководил «Литературно-политическим пресс-бюро» — секцией отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, основанной, как предполагает Н. А. Богомолов, на тех же принципах, что и «Бюро провинциальной прессы». Подробнее см. в комментарии к письму Соколова Бунину от 17 сентября 1919 года: Письма С. Кречетова к И. А. Бунину / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова // Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века. Т. 1. С. 303.

⁴⁷ Настоящее имя автора статьи устанавливается на основании «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 340).

⁴⁸ Волжский листок. 1908. 3 авг. С. 2–3.

⁴⁹ Там же. С. 2.

Б⁵⁰ юро> царила невообразимая „смесь одежд“. С такой „разноголосицей“ недалеко уйдешь по пуританскому пути идейности!.. <...> Копеечный материал Б⁵⁰ юро>, за весьма редкими исключениями, „гроша ломаного“ не стоил; „знаменитости“ не корреспондировали; рассказы и стихотворения разили такой макулатурой, что даже беззастенчивому русскому коммерсанту зазорно пускать их в обиход». ⁵⁰ За всеми этими событиями Верещагин видел гораздо более глобальную исторически обусловленную проблему — централизацию страны и, как следствие, огромный интеллектуальный разрыв между столицей и провинцией.

Эта заметка Верещагина объясняет, почему на первый взгляд перспективное предприятие, позволившее читателям провинциальных газет познакомиться с современной модернистской литературой, не имело коммерческого успеха. «Бюро провинциальной прессы» не смогло найти компромисс между эстетическими и идеологическими задачами Соколова, интересами писателей и запросами провинциальных газет: известные столичные литераторы не были заинтересованы в сотрудничестве; рассылаемые статьи по своей остроте и престижности авторов не соответствовали ожиданиям газет; попытка заместить столичными писателями провинциальных беллетристов встречала естественное сопротивление со стороны последних.

⁵⁰ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-188-201

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ:
1917 ГОД В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. С. АЛЕКСАНДРОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

История отношений А. А. Измайлова и И. И. Ясинского, подробно отраженная в их многолетней переписке, по праву служит образцом длительного делового и дружеского общения.¹ Тематика большинства писем 1917 года связана с деятельностью Измайлова в качестве редактора газеты «Петроградский листок». Данный пост он занял в апреле 1916 года и привлек к участию в издании маститых литераторов и журналистов, в том числе и Ясинского.² Оценивая преобразования, осуществленные Измайловым, Ясинский впоследствии отметил в «Романе моей жизни»: «Перед самой революцией Измайлов сделался редактором „Петербургского листка“, и в литературном отношении он придал ему характер весьма порядочной газеты».³

В 1917 году Ясинский периодически печатался в «Петроградском листке», помимо статей, стихотворений и рассказов, упомянутых в переписке, он опубликовал в газете еще два стихотворения: «Умер поэт...» («Как все необычайно...»), «Арфа» («Подобен арфе небосклон...»),⁴ ответ на «Анкету о часе признания художника» (наряду

¹ Подробнее см.: Мисникевич Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2. С. 157–168.

² См.: Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 133–142.

³ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 538.

⁴ Петроградский голос. № 25. 1917. 26 янв. (8 февр.). С. 6; № 45. 16 февр. (1 марта). С. 6. Стихотворения были посланы Ясинским в числе других в письме Измайлову от 9 декабря 1916 года; стихотворение «Арфа» предлагалось для рождественского номера «Петроградского листка» (см.: Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология

с Н. А. Тэффи, начинающими драматургами А. С. Поляковым и Р. П. Кумовым, художниками А. И. Куинджи и Н. С. Самокищем — под общим заголовком «Милые призраки»),⁵ статьи о проблемах и задачах в связи с переживаемым Россией моментом: «Амнистия», поддерживающую ходатайство освобожденных политзаключенных Шлиссельбурга об амнистии уголовных преступников,⁶ «Роль интеллигенции»,⁷ «Союз торговцев» — об объединении мелких торговцев и снижении стоимости товаров.⁸

Рассуждения Ясинского о проблемах и задачах российского общества после февральской революции на фоне прочих представленных в газете выступлений литераторов и политиков не отличались каким-либо радикализмом; он не декларировал и открытой приверженности к программе большевиков. Однако в «Романе моей жизни» именно сюжет своего сотрудничества в «Петроградском листке» в 1917 году Ясинский использовал для подтверждения того, что еще до октябрьского переворота он стал исповедовать идеологию осуществившей его партии. События тех дней он интерпретировал следующим образом: «В конце февраля вечером я отправился повидать Измайлова в редакцию „Петербургского листка“. С ним я поддерживал личные дружеские отношения, тогда как в политических взглядах мы не сходились, и я напечатал у него за все время только два маленьких „праздничных“ рассказа — рождественский и новогодний. <...> Я застал редакцию „Петербургского листка“ пораженной страхом и трепетом».⁹

В качестве наиболее весомого аргумента, подтверждающего закономерность и искренность своего «обращения», Ясинский использовал факт публикации ответа на инициированную редакцией «Петроградского листка» анкету «Русские люди о революции». Среди откликнувшихся на просьбу Измайлова были А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, профессора С. А. Венгеров, А. О. Гримм, И. Х. Озеров, В. Н. Сперанский, члены Государственной думы М. А. Александров, А. А. Бубликов, М. А. Карапулов, священник В. И. Востоков и др. Ясинский прислал такой ответ: «Государственный переворот был принят за революцию, и в этом ошибочном представлении всячески старались утвердить народ, слепо веривший своим взглядам. Но мало-помалу революционная маска стала спадать с государственного переворота, и отсюда антагонизм и вражда между народом собственно и господствующими классами. Боюсь, что кончится нехорошо».

Государственный переворот — значит удачный бунт, переселивший царей в Сибирь, а тех, кто с ними сражался, водворивший в Зимнем дворце; причем в государстве все осталось, можно сказать, по-старому: также бессмысленная война, те же международные договоры (неизвестно какие), те же Кресты и политические аресты, та же охранка и запрещения газет и даже смертная казнь.

А революция значит — мир, довольство, свобода личности и слова и равенство. Увы! Революция была погашена в первые же дни.

Величайшим врагом ее, разумеется, была и есть война.

анализа. Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 398).

⁵ В анкете Ясинский отметил: «Самым литературным днем своей жизни я считаю тот, в который получил письмо от Салтыкова и немедленно помчался к нему на Литейную. Я сидел у него в кабинете, он говорил мне что-то поощрительное, а у меня шумело в голове» (Петроградский листок. 1917. № 43. 14 (27) фев. С. 2).

⁶ Там же. № 61. 12 (25) марта. С. 2.

⁷ Там же. № 64. 16 (29) марта. С. 2; в статье, рассуждая о возникших в ходе революции объединениях по профессиональной и социальной принадлежности, Ясинский отметил: «Роль интеллигенции объединять, а не объединяться, не брать, а дарить <...> Истинная задача интеллигенции — не в выделении себя в группу особых деятелей прогресса, в какой-то интеллигентский пролетариат, а в неуклонной работе ума, смотря по способностям и наклонностям каждого интеллигента, располагающего большим или меньшим досугом и дарованием, направленной к совершеннейшему объединению всех объединяющихся для сплочения их в одну великую национальную, а впоследствии и в одну всенародную семью».

⁸ Там же. № 76. 29 марта (11 апр.). С. 1.

⁹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 685.

Мертвая петля на шее России, а вас продолжают звать к „победному концу“. Сырые войска сваливают военные неудачи на генералов, а сырые генералы — на войска. Десятками тысяч погибают ежедневно русские люди в неравной борьбе с врагом, и в помощь Вильгельму пришел еще голод, ляскает зубами беспардонный русский мадорер и пожирает наши последние крохи. Благородная французская печать призывает японцев занять Сибирь своими гарнизонами! Америка великодушно готова взять в аренду русскую страну! Граница заперта, и мы даже для обороны не можем достать тех материалов, из которых строится смерть.

Не сегодня-завтра мы обанкротимся, и тем не менее дух безумия веет над Россией и, изнемогая в жестокой неволе нужды, мы даже молоденьких девушки бросаем с налитыми кровью глазами в жертву современному Молоху в его союзе с Марсом.

Истреблено уже несколько поколений здоровых молодых людей.

И, если бы не остановлена была революция, — разве продолжалось бы это страшное истребление жизней и разве генералы наши, прославившие свое имя отступлением и позором сдачи неприятелю миллиардных запасов, неизвестно для какой надобности сведенных ими на чужую территорию, решились бы говорить еще о „пролитии крови в недрах самой русской армии“, так сказать, домашними средствами? Ведь не армия выбирала генералов, и разве может армия отвечать, когда она безответственна? И наконец, спросила ли революция, если это была революция, хочет ли народ продолжать, при новых условиях государственной жизни, не им начатую войну?

Только прекратив войну, вздохнет страна более или менее свободно, и может разгореться нормально, а не в виде неожиданных страшных и кровавых эксцессов та революция — на началах братства, равенства, мира и всеобщего довольства, которой так жаждет народ.

И прежде всего необходимо заполнить бездну, которую последние месяцы вырыли между собою, между господствующими классами и народом наши властодержцы. А чтобы бездны не было между буржуазией и рабочим народом, надо ввести обязательную трудовую повинность, и только государство, забывшее о своей великодержавности и перековавшее меч на плуг и уравнявшее всех без исключения в одной кузнице производительного труда, будет пользоваться уважением и любовью соседей извне и счастьем и радостью жизни — внутри.

Разумеется, политики, строящие жизнь или, вернее, разрушающие ее железом и кровью, казнями и террором, пожмут плечами, пробежав юбилейные мысли старого пацифиста, набрасывающего эти строки. Не сомневаюсь также, что только разве в форме анкеты могут появиться они даже в газете, которую подписывает редактор с известным литературным именем. Оттого вот уже в течение нескольких месяцев я ничего не печатаю, ибо я, в качестве писателя, не могу и не хочу быть партийным. А те мысли, которые жгут меня и томят и просятся на волю, свободного приюта не находят. Все же рад слушаю, воспользовавшись приглашением редакции, сказать хотя бы немногое из того, что я хотел бы сказать по поводу шестимесячного юбилея нашего „государственного переворота“ на тему о том, что именно помешало и мешает ему стать „революцией“.¹⁰

В книге мемуаров Ясинский дважды прокомментировал сюжет с анкетой (в главе LXXV об Измайловой и в главе СI о событиях 1916–1917 годов): «Когда по поводу шестимесячной годовщины нашей Февральской революции Измайлов стал печатать мнения, более или менее восхваляющие мещанский социализм Керенского и его сподвижников, я тоже дал Измайлову, в ответ на его обращение ко мне, статью и в ней высказал отрицательное отношение к политике народников, эсеров, кадетов и меньшевиков и подчеркнул подозрительное поведение Корнилова, между тем как поведение большевиков выставлял единственным правильным и лозунги их единственными приемлемыми. Измайлов был настолько литературен, что напечатал мое письмо, урезав в нем только одно резкое слово, но сопроводил письмо примечанием от себя, что за содержа-

¹⁰ Петроградский листок. 1917. 27 авг. (9 сент.). № 206. С. 2.

ние его редактор не отвечает, не разделяя моих взглядов»; «В статейке моей, которую редакция сопроводила уничтожающим примечанием, что она не отвечает за ее содержание, я открыто высказался за прекращение войны, за недоверие Корнилову и за программу большевиков».¹¹

Однако в самом выпуске «Петроградского листка» было опубликовано лишь общее примечание: «Газета не есть „парламент мнений“. Но единственный ее отдел — отдел опроса известных людей (анкета) приближается к парламенту, и здесь редакция считает себя обязанной дать место всякому свободному суждению, даже если оно расходится с ее идейной программой».¹² При тексте ответа Ясинского персональное «уничтожающее примечание» редакции отсутствует; в действительности писатель лишь предполагал, что такое намерение может возникнуть (см. п. 9). Вероятно, Ясинский опасался, что редакцию не устроит позиция «старого пацифиста» относительно войны, в целом совпадающая с позицией большевиков,¹³ никак не упомянутых в его рассуждениях; более того, Ясинский всячески подчеркивал свою внепартийность.

Как известно, на страницах своих автобиографических очерков и прежде всего сочинения, подводящего итоги его жизни, Ясинский нередко прибегал к «переверстке» собственной биографии.¹⁴ Стремление к подобной «переверстке» и одновременно самооправданию в глазах коллег по цеху, оказавшихся по большей части по другой сторону баррикад, намечено и в адресованном Измайлова «Письме к редактору». Письмо не датировано, но присутствующая в нем острота реакции Ясинского на обвинения левой прессы после поддержки власти большевиков позволяет отнести его к концу 1917-го — началу 1918 года. Зафиксированные в нем оправдания по большей части дословно перенесены на страницы «Книги воспоминаний».¹⁵

Однако аргументы Ясинского не убедили его современников. Петр Пильский писал в рецензии на мемуары: «Каково же было мое удивление, когда я сейчас прошел в этих воспоминаниях Ясинского о том, что он в „Биржевых ведомостях“ „проводил социал-демократическую линию“, в своем революционном пафосе был неудовлетворен „мирной политикой таких социал-демократов, как Струве“, и даже сверхчеловеку Ницше „придавал облик большевика“. Конечно, это грубая неправда. Ни о каких большевиках в „Биржевых ведомостях“ никто не думал. О них не было помину. Никогда Ясинский не склонялся не только к крайностям социал-демократической программы, но и отдаленно не был марксистом. <...> В своем радикализме, в своей давней левизне он хочет, конечно, уверить большевиков. Но не только их одних. Бессознательно (а быть может, и обдуманно) он желает убедить и нас в том, что он перешел в этот стан последовательно, естественно, даже органически. <...> Он убеждает, но мы не верим. Искренность всегда слышна. У Ясинского мы ее не слышим. Здесь

¹¹ Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 538, 685. В автобиографии 1920 года для Второго городского района РКП (большевиков) Ясинский также указал на существование отдельного примечания к своему ответу: «В „Петербургском листке“ под редакцией Измайлова в августе 1917 г. мне удалось напечатать статью и в ней определенно высказать свое сочувствие большевикам и осуждение политики Керенского; статью эту редакция снабдила примечанием, что сотрудники газеты не согласны со мною» (Там же. Т. 2. С. 169).

¹² Петроградский листок. 1917. 27 авг. (9 сент.). № 206. С. 2.

¹³ Ранее Ясинский отзывался о продолжении войны в ином ключе: «Время не ждет. Надо помнить ежесекундно, что враг у ворот и что если старый режим довел страну до тяжкого положения и не мог защитить ее от потери (дай Бог, временной) восемнадцати великолепных провинций и от непомерной задолженности, и поставил нас лицом к лицу с возможностью захвата наших национальных богатств чужестранцами <...> и, наконец, можно сказать, без боя сдал свои позиции народу, а вместе с тем и возложил на него ответственность за исход войны, то новому режиму, новому народному правительству предстоит одна из труднейших задач ликвидации горя, доставшегося России в наследство от павшего навсегда политического рабства» (Ясинский Иер. Установление порядка // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 16 марта. № 16138. С. 5).

¹⁴ См.: Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 5–42.

¹⁵ См.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 700–702.

все подтасовка и искажение. Вся книга освещена неверным светом фальши. Она — длинное самооправдание». ¹⁶

Каких-либо документальных свидетельств о реакции Измайлова на «Письмо к редактору» на сегодняшний день не обнаружено. Косвенным подтверждением его нежелания обострять отношения с Ясинским и тем более разрывать их служит тот факт, что в газете «Петроградский листок» не появилось ни одной публикации, впрямую осуждающей позицию писателя. Возможно, Измайлов, ценивший писательские, журналистские и редакторские достижения Ясинского, придерживался мнения, сходного с мнением А. Волынского: «Литературная карьера его необычайно капризна. Она всегда извивалась зигзагами, колесо фортуны то и дело скакало в гору и под гору, с рывками на рывину. Он был ценим, читаем, но никогда не был любим. И сейчас занимаемая им позиция в литературе советской России рождает ему много врагов во всех лагерях, и в правоверных, и в протестантских». ¹⁷

В состав настоящей публикации включены письма Измайлова и Ясинского из их личных фондов, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752) и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392); часть писем датирована их авторами, остальные отнесены к 1917 году по содержанию. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой.

1 И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

<до 20 февраля 1917 года>

Дорогой Александр Алексеевич,

А так ждали Вас на собрании поэтов!¹

Истинно пожалел Вас. Газета живая. Но не за живость же оштрафовали?²

Проболел, а теперь здоров, но уже разленился. Не вылезаю из своей берлоги.

Посылаю Вам два стихотворения (Петербургских) или, вернее, одно: -I-II. Не пригодится ли?³

Обнимаю Вас

Иер. Ясинский

¹ По-видимому, речь идет о заседании литературного кружка «Вечера Случевского», существовавшего в 1904–1917 годах; объединение являлось продолжением «Пятниц Случевского». Ясинский возглавлял «Вечера Случевского» с 1913 года; заседания часто проходили в его доме на Черной речке (ул. Головинская, 9); Измайлов был участником кружка (см.: Штуба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004. С. 215). В «Романе моей жизни» Ясинский отмечал непринужденную атмосферу собраний кружка и его преемственность «пятницам» Случевского: «Справедливость требует сказать, что хотя мы обязаны были строго относиться к плодам нашей музы, но и этот кружок можно было бы назвать также „клубом взаимного восхищения“». Был это последний кружок поэтов, дотянувших свое бытие до революционного перелома. На его собраниях было весело, все чувствовали себя непринужденно, по-товарищески...» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 362–363).

² Накануне февральской революции «Листок» был оштрафован на 2000 рублей; об этом говорилось в заметке «Кары на печать», в которой сообщалось о репрессивных мерах московских властей, взявших под цензуру всю московскую печать, и распоряжении командующего войсками петроградского военного округа о закрытии на время действия военной цензуры газеты «Kurier nowy» («Новый курьер») и журнала «Преступление и наказание» и наложении штрафов на «Петроградский листок» и «Русскую волю» (Петроградский листок. 1917. 15 (28) февр. № 44. С. 5); см. также письмо А. В. Владимиринского к Измайлову от 18 февраля 1917 года (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1).

¹⁶ Цит. по: Пильский П. Роман лицемера // Там же. Т. 2. С. 186.

¹⁷ Волынский А. Лица и лики // Жизнь искусства. 1923. № 40. С. 17.

³ Стихотворения «Трамвай» («Поют хрустальные вагоны...»), «Где-то пожар» («Медь трутся сигналь унылый...») были опубликованы в газете «Петроградский листок» (1917. 21 февр. (6 марта). № 50. С. 3) под рубрикой «Петроградские картинки».

2

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

20/2 1917 г.

Дорогой Иероним Иеронимович,

Сердечно благодарю за стихи. Рад бы был и рассказать. И самая главная просьба — не отказать «Петроградскому листку» в рассказе для пасхального номера. Просьба не стесняться никакими условностями пасхального рассказа, — может быть, избегая только мрачного настроения.

Ввиду намерения вместить в газету много рассказов, желателен размер 250-300-350 строк. Не откажите в любезном сообщении о Вашем согласии и том сроке, когда Вам угодно было бы присыпать рукописи.

Я уже писал Вам об этом, но сейчас удостоверился, что многие из тогда посланных писем не дошли, — почта ужасная! Утешите согласием. — Сам я страшно жалел, что не мог быть у Вас с поэтами кружка Случ-*<евского>*, — почти никуда не удается выехать. Хочу на днях поехать отдохнуть, и кажется, удастся побывать с А. И. Куприным в одном санатории.¹

Душевно Вас любящий А. Измайлов

Прелестен Ваш последний рассказ в «Б-*<иржевых>* в-*<едомостях>*», — вижу и денника и горничную, похожую на барышню.²

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок». Часть письма (типовое обращение с просьбой о рассказе) отпечатана типографским способом.

¹ А. И. Куприн находился на лечении после перенесенной малярии в санатории в Гельсингфорсе с середины декабря 1916 года; в конце февраля 1917 года вернулся в Петроград.

² Имеется в виду рассказ «Тень Володеньки», опубл.: Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 февр. № 16108. С. 3.

3

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

24 февраля 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Благодарю Вас за лестное мнение о моем рассказе. Что же касается рассказа для Вас, то он давно готов и, как только отдаля его, немедленно представлю. Нельзя сказать, чтобы он был святочный. Во всяком случае — весенний.¹

От всей души поздравляю Вас с газетой, которую Вы так оживили² и которую я начинаю читать раньше других газет.

Сердечно Ваш, целую Вас Иер. Ясинский

¹ В анонсе пасхального номера (см.: Петроградский листок. 31 марта (13 апр.). № 78. С. 1) значился рассказ Ясинского «Малютка». Однако он был напечатан позже, в иллюстрированном приложении к газете, см.: Петроградский листок. 1917. 23 апр. (6 мая). № 98. С. 6-10. В праздничном номере приняли участие многие известные литераторы, предоставившие рассказы: А. И. Куприн («Люди-птицы»), К. С. Баранцевич («Уклейка»), В. Ф. Бояновский («Повесть о Муции, воине римском»), А. С. Грин («Мрак», «Труп-невидимка»), И. Н. Потапенко («Тетя Варя») и др.

² Ясинский, как и многие писатели-современники, высоко оценивал преобразования, осуществленные Измайловым на посту редактора «Петроградского листка». В письме к Волынскому от 18 января 1917 года он сообщал, что, по его мнению, «Петроградский листок» был «единственной газетой, в которой главный редактор настоящий литератор» (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1–11).

4
И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

25 февр^{яля} <1>917

Дорогой Александр Алексеевич,

Еще две картинки.

И два рассказа — похолоднее один, «Малютка»,¹ а другой — потеплее — «Прогулка».²

Обнимаю Вас.

Преданный Вам и любящий Вас Иер. Ясинский

¹ См. прим. 1 к п. 3.

² Рассказ «Прогулка» был опубликован в иллюстрированном приложении к «Петроградскому листку» (11 (24) мая. № 114. С. 7–10). Публикация сопровождалась фотопортретом Ясинского.

5
А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

Марта 1917 г^{ода}

Дорогой Иероним Иеронимович,

Редакция газеты «Петроградский листок» имеет честь покорнейше просить Вас высказаться по поводу переживаемого Россией момента в какой Вам угодно форме, — в фельетоне ли, в передовой ли, в передаче ли личных наблюдений, в рассказе ли о личной когда-либо встрече со старой властью, о столкновениях с нею и т. д. — по всему простору. Очень прошу подписи.¹

Глубоко обязали бы Вашего искреннейшего почитателя. За р^{асска}зы сердечно благодарю.² М^{ожет} б^{ыть}, будут стихи к моменту?

Простите безобразное письмо.

Ваш душевно —

поздравляющий Вас с праздником

А. И.

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок». Часть текста отпечатана типографским способом.

¹ Ясинский откликнулся на просьбу Измайлова. В заметке «О политическом моменте», наряду с мнением «представителей прогрессивных групп Государственного совета» барона В. В. Меллера-Закомельского и М. А. Стаховича, было напечатано суждение Ясинского: «Говорят и пишут: „свершилось чудо“ А по моему мнению, нет чуда в естественном процессе созреваний народной мысли и народной совести. Созрел и плод, из зеленого и желтого стал красным, и только ждать надо было первого свободного ветра, чтобы он упал с нашего дерева. Оттого-то великое дело обновления произошло с такой неимоверною быстротою и почти без пролития крови, чему я, враг каких бы то ни было кровавых стрессов, особенно радуюсь. И если бы не предательства кучки полицейских, не было бы пролито ни единой капли крови. Случилось бы то, что много лет тому назад было предсказано, не помню уже в какой книге своей, Кропоткиным и что казалось утопией, но во что хотелось верить и во что я верил... Счастлив, что пришлось дожить все-таки до беспримерной в истории революции и что наше отечество явилось ее великой ареной» (Петроградский листок. 1917. 8 (21) марта. № 57. С. 4).

² См. прим. 1 к п. 3 и прим. 2 к п. 4.

6

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

11/V <1917>

Дорогой Иероним Иеронимович, я взял кратковременный, двухнедельный отпуск, ибо совершенно изнемог за год с месяцем непрерывной каждодневной работы и ответственности. Теперь я наслаждаюсь отдыхом и сплю. Очень бы хотелось Вас по-видать. Позвольте Вас посетить, но хотелось бы ехать наверное и застать Вас. В «Б^{иржевых} в^{едомостях}» мне не могли дать точных справок. Побывать у Вас, м^{ожет} б^{ыть}, удалось бы и соблазнить Вас провести вечерок у меня в самой маленькой и интимной компании.

Письма нынче ходят неаккуратно. Не будете ли Вы добры закинуть мне в телефон 132-24 через кого-либо из Ваших одно слово: когда Вы смогли бы видеть меня, в субботу, в воскресенье? Понедельник я не свободен. Душа просит встречи и беседы.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Ваш А. Измайлов

На личном бланке Измайлова.

7

А. А. Измайлов — И. И. Ясинскому

Дорогой Иероним Иеронимович,

Ввиду изменения закона по статье 1039, очень интересен был бы для нашей газеты Ваш фельетон (200 <строк>) о том, как Вас, как редактора, «казнили» за клевету и диффамацию при старом режиме.

Покорная просьба признать это предложение весьма срочным.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности

Искренне Ваш

А. Измайлов

24 мая 1917 г.

На редакционном бланке газеты «Петроградский листок», типовое с правкой. К письму приложена вырезка из газеты с заметкой в рубрике «Дела печати» с сообщением: «Комиссия по пересмотру уголовного уложения 1903 г. постановила отменить известную по судебным процессам II часть статьи 1039 улож^{ения} о нак^{азаниях}, которая гласит: „Если подсудимый, посредством письменных доказательств, докажет справедливость позорящего обстоятельства, касающегося служебной или общественной деятельности лица, занимающего должность по определению от правительства или по выборам, то он освобождается от наказания, налагаемого этой статьей (штраф до 500 руб., тюрьма до 1 года и 4 мес.); но он может быть подвергнут взысканию по следующей 1040 ст. (штраф до 300 р., арест до 3 мес.), если суд в форме преследуемого сочинения или в способе его распространения и других обстоятельствах усмотрит явный умысел нанести должностному лицу или установлению оскорблению“». Ответ Ясинского не выявлен.

8

И. И. Ясинский — А. А. Измайлову

<после 20 августа 1917 года>

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам анкету¹ и ужасно не сомневаюсь, что Вы проверите сами корректуру, дабы не было пропущено чего-нибудь, ибо с какими бы то ни было пропусками эти слова мои не будут иметь уже никакого значения.

Сердечно Ваш
Иер. Ясинский

¹ См. вступ. статью.

9

И. И. Ясинский — А. А. Измайлова

<после 20 августа 1917 года>

Дорогой друг Александр Алексеевич,
 Вероятно, мое излияние Вы найдете нужным снабдить примечанием.
 Очень был бы счастлив, если бы Вы сами перечитали корректуру.
 Когда Вас повидать интимно?
 Целую Вас

Иер. Ясинский

10

И. И. Ясинский — А. А. Измайловой¹

<после 19 ноября 1917 — начало 1918 года>

О большевиках, о сверхчеловеке и жабах

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

Дорогой Александр Алексеевич,

Охотно откликаюсь на Ваше предложение рассказать Вам о моих последних переживаниях. Наша литературная дружба не может пострадать от этого и не внесет новых острых недоразумений в наши политические разногласия. К тому же Вы однажды уже допустили в редактируемой Вами газете некоторые мои признания, напечатанные хотя и в форме анкеты,² однако вообще неприемлемые с точки зрения какой бы то ни было политической партии, за исключением партии большевиков, в то время еще гонимой, а ныне главенствующей. Это было в конце августа.

Моя почти болезненная застенчивость заставляла меня всю жизнь избегать кружковщины и партийности и держаться в стороне. Этому помогала еще художественная натура моя. Можно сказать, я не был политиком. К политическим вопросам я относился как к каким-то масонским тайнам, переплетенным шарлатанскими символами и уголовными преступлениями. Тянуло меня искони к анархизму — как к такому учению, которое, вытекая из христианских источников, отрицает богатство, неравенство, власть и условную мораль, а взамен проповедует радость жизни и требует для всех счастья. Вы были долгое время сотрудником «Б^{<иржевых>} ведомостей», когда я был их редактором.³ Поэтому Вы помните, в каком истинно демократическом духе велась газета и каким страшным гонениям она тогда подвергалась. То было время расцвета газеты, и защита в ней насущных интересов рабочих, крестьян и вообще всей русской и европейской бедноты сделала ее чрезвычайно популярной в провинции,⁴ а г. Пропперу принесла миллионы. Будем беспристрастны, Александр Алексеевич: г. Проппер потом забыл, что своим благополучием он обязан пролетарской России...⁵

В 1906 г. в журнале своем «Беседа» я стал проводить анархистские идеи и знакомить своего читателя с мыслями Кропоткина, Бакунина, Штирнера и др. Но уже в следующем году журнал был арестован, а я отдан под суд. Хотя судебная палата оправдала меня, но журнал пришлось прекратить.⁶

Междуд анархизмом, как бы он культурен ни был, и социал-демократическою постепеновщиною — большая разница. Небо и земля. И мои симпатии не лежали ни на стороне социал-демократов, ни на стороне социал-революционеров. В повести «Облачко» я вывел образованного и культурного идеалиста-анархиста в его столкновении с социалистом, способным «на все».⁷

Мне хотелось когда-нибудь изобразить богатыря, каким он должен представляться современному русскому человеку. Уже Достоевский намекнул на тип богатыря в своих изображениях нигилистов, несмотря на все его отрицательное отношение

к ним. Создавал и ненавидел.⁸ Но все написанное мною в этом направлении осуждено было лежать в письменном столе и лежит до сих пор.⁹

Знакомство с сочинениями Ницше бросило свет на мой замысел о русском сверхчеловеке. Я претворил и переломил в своей призме гордые и величавые идеи Ницше...¹⁰ И вдруг революция. И вдруг русская действительность выдвинула большевика!

Самое название символично. Исходит большевизм как будто из социал-демократического гнезда, а на самом деле — глубоко русское явление. Большевизм тот же анархизм, только организованный. Иначе — коммунизм. Большевики есть и могут быть разные. Но тип большевика определенный, яркий и мощный тип сильного физически и морально, русского богатыря. Меня сразу повлекло к нему.

Мои «Отблески Ницше» печатались в «Биржевых ведомостях» еще до революции, еще в январе. Сотрудничать я перестал после 21 апреля.¹¹ И лишь по просьбе А. Л. Волынского напечатал в «Биржевых ведомостях» около пяти стихотворений.¹² Коробило меня соседство контрреволюционных статей.

Во всяком случае я не был и не мог быть «нынешним» редактором «Биржевых ведомостей», как утверждает «Речь».¹³ Это ужасно невежественно или недобросовестно.

Кронштадт официально обратился ко мне еще в апреле с предложением «принять участие в органической работе Совета». Осенью предложение было повторено от местной культурно-просветительской комиссии, и я, тяжелый на подъем, наконец поехал, и отрадное впечатление произвел на меня этот спокойный, самоуправляющийся город, населенный сознательными и в полном смысле слова равнодушными гражданами, стремящимися к свету и к правде.¹⁴

С А. В. Луначарским, пригласившим меня к себе, я познакомился накануне моего отъезда в Кронштадт, и таким образом состоялось в Зимнем дворце «сретение», за которое так досталось мне и ему.

Много горьких жаб преподнесла мне прежде всего «Новая жизнь», а вслед за нею и другие враги большевиков.¹⁵ Конечно, проклятая фраза в моем слабом и измызганном цензурой романе «Первое Марта» о том, что городовой не взял тридцати сребреников, предложенных ему Лидией Антоновой, выхваченная отдельно, непростительно отвратна. Хотелось что-то язвительное сказать по адресу полицейского, и не удалось.¹⁶ Но однако же этим приемом можно положить в лоск кого угодно. Беру сейчас «Известия», раскрываю газету и в первой же статье натыкаюсь на фразу: «следует разоблачать злоказненные замыслы большевиков».¹⁷ Такие приемы носят название передержек.

Вообще мои антагонисты ужасно чисты, а я ужасно грешен. Бог с ними. Все-таки я не в их стане и остаюсь самим собою. Смотрю на них сверху вниз, а жаб проглотил; и признаюсь Вам, это самое гнусное блюдо, каким когда-либо близкий угощал ближнего.

Рассчитывать на какие-либо милости и подачки правительства я не думал и не думаю. Не пользовался я милостями и Соловьева, как клевещет «Речь».¹⁸ И, если бы правительству понадобилась моя литературная работа, я готов был бы послужить бесплатно. Это ведь служба народу. И у меня сделана привычка к бескорыстию.

И не я, как утверждало «Русское богатство», обобрал г. Проппера («сумел обобрать»)¹⁹ — а г. Проппер «сумел» не заплатить мне построчный гонорар за две с половиной тысячи статей, когда я попросил рассчитать меня хотя бы по пяти копеек, что составило бы около тридцати тысяч за семь лет напряженной работы. Он предложил мне всего три тысячи, и я, прижатый к стене срочным векселем, должен был согласиться.²⁰ Дело, так сказать, коммерческое, и я бы ни за что не упомянул о нем, если бы не эти жабы, реагировавшие на «Сретение» соединенным остервенением («Речь», «Вечернее время», «День», «Дело народа», «Новая жизнь»).²¹ Впрочем, такое уж теперь остервенелое время (выражение М. А. Спиридоновой).²²

Колют мне также глаза тем, что я безработный. Негде писать, что же делать. Но горжусь тем, что голодая, а не пишу под чужую дудку.

Впрочем, должны же народиться свободные литературные журналы. И то, что я пишу теперь для себя, после моей смерти, все равно, будет напечатано. Отравленный жабами, я все-таки «весь не умру».

Уже, конечно, не увижу великого духовного расцвета русского народа, но твердо верю, что обновится душа его, что вместо отшатнувшейся от него дворянской интеллигенции народится новая народная интеллигенция, которая создаст еще замечательные произведения искусства, что необыкновенно широко в близком будущем расправит свободные крылья наша национальная поэзия и что скоро, скоро русский день перестанут омрачать враждебные ему тени.

Жму Вашу руку
Иер. Ясинский

¹ Текст этого письма был использован в комментарии к изданию: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 2. С. 338–340.

² Имеется в виду анкета «Русские люди о революции»; подробнее см. во вступ. статье.

³ Ясинский занимал должность редактора «Биржевых ведомостей» с июля 1896 по январь 1903 года; Измайлов в 1898–1916 годах вел в издании еженедельную рубрику «Литературное обозрение».

⁴ Во втором издании «Биржевых ведомостей» под псевдонимом «Независимый» Ясинский вел рубрику «Что думают и делают в провинции», ранее рубрику вел Д. А. Линев под псевдонимом «Далин», она пользовалась популярностью; Ясинскому удалось существенно увеличить аудиторию. А. Е. Кауфман вспоминал: «Второе провинциальное издание „Биржевых ведомостей“ сразу получило широкое распространение в провинции, проникая в самые отдаленные медвежьи углы. Своим завоеванием русской провинции газета почти всецело обязана Д. А. Линеву, его еженедельным беседам за подписью „Далин“, и сменившему потом Далина — И. И. Ясинскому. Беседы Далина, писавшиеся с большим пафосом, который в наше время показался бы не сколько наивным, затрагивали все современные „проклятые вопросы“, будили общественную совесть горячим заступничеством за униженных, оскорбленных и обездоленных» (Кауфман А. Е. Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. 1912. № 12. С. 1072). В очерке «Мои цензоры» (1911) Ясинский также отдавал должное Линеву и описывал свои преобразования следующим образом: «Подписчики привыкли к тону Далина, корреспонденты усвоили даже его слог, он имел большое влияние на аудиторию, и я начал получать письма, что я не справлюсь с делом, которое я взял на себя, и что подписки не будет. <...> Самолюбие мое было задето, и я решил поднять „Биржевые ведомости“. Расчет был ясеный. Раз дело было поставлено Линевым, надо было, разумеется, прежде всего удержать его хотя бы на прежней высоте, а затем постараться привлечь к газете не один Западный край, как это было раньше, а всю Россию. Сделать же это можно было искреннею беседою с русскими людьми о том, что больше всего их занимало и терзalo. Надо было, проповедуя терпимость и гуманность — банальные, но вечные принципы, — приимрить национальные противоречия, которыми так богаты русские области, и слить их в одном чувстве справедливости и протестующих настроений» (Ясинский И. И. Мои цензоры // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 2. С. 109–110). В «Романе моей жизни», принизив роль Линева, Ясинский усилил присутствующий в письме акцент на обострении социального пафоса во время его редакторства; см.: Там же. Т. 1. С. 506–508, 517–518.

⁵ Проппер Станислав Максимилианович (1855–1931) — издатель (1880–1917) и редактор (1891–1906) газеты «Биржевые ведомости»; пользовался среди современников репутацией предпринимчивого и умевшего приспосабливаться к различным общественно-политическим обстоятельствам человека; подробнее см.: Кауфман А. Е. Из журнальных воспоминаний. С. 1067–1078; Витте С. Б. Воспоминания: В 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 3. С. 58–62. Данные качества Проппера также подробно описаны Ясинским в «Романе моей жизни» (см.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 502–529).

⁶ Ясинский издавал ежемесячный иллюстрированный литературный журнал «Беседа» в 1903–1908 годах, где регулярно публиковались его статьи, посвященные различным общественно-политическим движениям и их деятелям; см., например: «Афоризмы Макса Штирнера» (1905. № 4. С. 18–24), «Жизнь анархиста. Статья первая» (1907. № 1. С. 54–63), «Гениальная догадка («Откровение в грозе и буре, исследование Н. А. Морозова») (1907. № 1. С. 367–373). 2 февраля 1907 года Санкт-Петербургский цензурный комитет вынес постановление о привлечении Ясинского как редактора-издателя «Беседы» к уголовной ответственности (по закону от 24 декабря 1906 года и Высочайшему указу от 24 ноября 1905 года) за публикацию рассказа Федора Черного «Жертвы красного воскресенья» (Беседа. 1907. № 1) и о наложении ареста на первый номер журнала (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1547. Л. 31). 14 февраля по определению Санкт-Петербургского окружного суда арест был отменен обвинения, выдвинутые против Ясинского, сняты (см.: Там же. Л. 42). В 1908 году вышла только одна книга: «Беседа. Литературный сборник И. Ясинского на 1908 г.». Подробнее об истории издания журнала и его цензурных преследований см.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 545, 578; Т. 2. С. 345, 352.

⁷ См.: Ясинский Иер. Облако // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 1 июля. № 14230. С. 2; 4 июля. № 14236. С. 2; 5 июля. № 14238. С. 2; 8 июля. № 14240. С. 2; 9 июля. № 14242. С. 2; 10 июля. № 14244. С. 2; 12 июля. № 14246. С. 2.

⁸ О восприятии Ясинским личности и творчества Достоевского см.: Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского. С. 31–33.

⁹ По-видимому, подразумевается неопубликованное произведение, в архиве Ясинского его текст представлен в трех вариантах: «Анархист Конон», «Анархист Конон единственный», «Единственный»; все они датированы 1908–1911 годами; см.: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 125, 126, 127; упоминается в «Романе моей жизни» (см.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 570). Сохранился внутренний отзыв Д. А. Горбова: «Ясинский. Конон единственный. Отрывок из романа. В отрывке действуют три лица: бандит, художник и девушка. Первые двое поочередно насилиют третью. Но это не из хулиганства, а по „глубоким“ психологическим мотивам. В конце концов бандит убивает девушку, т. к. она отвлекает его от бандитизма. Этюд, очевидно задуманный с установкой на психологизм, странным образом оббегает психологию и сосредоточивается на смене внешних событий. Возможно, что в контексте романа это получает свое оправдание. Но в таком виде отрывок в „Книжках недели“ идти не может» (ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 3. Ед. хр. 118).

¹⁰ Ясинского и ранее привлекала художественная форма философии Ницше и его проповедь свободы в проявлении человеческой индивидуальности: «Ницше действует на умы не столько силой убеждения и логикой доводов, сколько поэтическими красками <...>. Ницше — блестящий нигилист, приведший в своих сочинениях в систему все действительно отрицательные веяния XIX века» (Нравственность и безнравственность // Ежемесячные сочинения. 1902. № 2. С. 151 (без подп.)). О влиянии Ницше на Ясинского см.: Нымм Е. «Новый человек» в повести И. Ясинского «Учитель» // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. 15. С. 90–107. Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского. С. 17, 23–24.

¹¹ Ясинский неточен — после апреля 1917 года он продолжал печатать публицистические статьи в «Биржевых ведомостях», см.: «Накануне» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 2 июля. № 16314. С. 7), «Памяти Бакунина» (Там же. 9 июля. № 16326. С. 4), «Алексей Толстой и наши дни» (Там же. 10 сент. № 16435. С. 2), «Открытие товарищеской выставки» (Там же. 24 сент. № 16459. С. 6).

¹² А. Л. Волынский был редактором Литературно-критического отдела «Биржевых ведомостей» с середины 1916 года, подробнее см.: Александров А. С. А. Л. Волынский — сотрудник и редактор в газете «Биржевые ведомости» в 1911–1917 гг. (по архивным материалам) // Русская литература. 2022. № 2. С. 55–66. С апреля до Октябрьской революции в «Биржевых ведомостях» были опубликованы следующие стихотворения Ясинского: «18-го июня» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 25 июня. № 16308. С. 6), «Вне закона» (Там же. 6 авг. № 16374. С. 5), «Отблески Ницше» («Избегает подаянья...») (Там же. 10 сент. № 16435. С. 5), «Осень (Из отблесков Ницше)» (Там же. 1 окт. № 16471. С. 6).

¹³ Имеется в виду статья П. Мартынова «Священный старец», в которой представлен такой комментарий к встрече Ясинского и Луначарского: «Теперь наступило царство нового режима, очень похожее, по своим приемам, на царство Николая. И Иеронима-Богоприимца потянуло в Смольный. Почем знать? Может быть, завтра какая-нибудь из „буржуазных“ газет получит приказ избрать себе в редакторы Иеронима Ясинского. Иначе она будет запрещена» (Мартынов П. Священный старец // Свободная речь. 1917. 19 нояб. № 1. С. 3).

¹⁴ 14 ноября 1917 года Ясинский выступил с приветствием на заседании Кронштадтского Совета и с лекцией о Ницше в зале Кронштадтского инженерного училища; организатором лекции была Просветительно-культурная комиссия Кронштадтского Совета. Данное событие подробно описано в очерке Ясинского «Среди моряков (Из «Книги воспоминаний»)» (Красный флот. 1923. № 3. С. 51) и в «Романе моей жизни» (см.: Т. 1. С. 693–696). См. также: Сверхчеловек и большевик // Эра. 1917. 21 дек. № 2 (без подп.).

¹⁵ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — государственный и партийный деятель, нарком просвещения, литературно-художественный критик. В статье «Сретение» (Известия. 1917. 17 нояб. № 228. С. 3) он подробно описал свою встречу с Ясинским в Зимнем дворце. После выхода статьи на Ясинского, пошедшего на сотрудничество с новой властью, обрушился поток обвинений в беспричинности и аморализме со стороны антибольшевистской печати. В газете «Новая жизнь» М. Горький откликнулся на встречу Ясинского и Луначарского в статье из серии «Несвоевременные мысли»: «В среду лиц, якобы „выражающих“ волю революционного пролетариата, введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бесстолковый А. В. Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации. Это значит — пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат» (Новая жизнь. 1917. № 194. 6 дек. С. 1). Газета продолжала нападать на Луначарского в связи с Ясинским и далее, см., например, статью В. Базарова «Бегемот в посудной лавке» (Там же. 1918. № 74. 23 апр. С. 1). Перечень откликов на статью Луначарского в газетах «День», «Русские ведомости», «Дело народа» и др. и выдержки из

них см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 1. С. 61–62, 67, 71.

¹⁶ Речь идет о романе «1 марта 1881» (Ежемесячные сочинения. 1900. № 1–12; подп.: И. Я.). Одиннадцатый номер журнала был задержан по распоряжению Санкт-Петербургского цензурного комитета, а Ясинский был вызван для объяснений (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Ед. хр. 1299. Л. 15–16). Впоследствии Ясинский неоднократно оправдывался за публикацию романа, в котором в негативном свете было изображено революционно-освободительное движение; в частности, в очерке «Мои цензоры», вспоминая преследования журнала «Ежемесячные сочинения», он отметил: «В этом отношении больше всех пострадал и подвергся переделкам роман „Первое марта“. Надо было бы совсем выбросить его, но он уже начал печататься; я уже согласился на целый ряд изменений и просто не умел скориться с всемогущим цензурным ведомством» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 2. С. 160–161). В рецензии на «Роман моей жизни» И. Н. Кубиков так прокомментировал самооправдания Ясинского: «Цензура могла вырезывать из романа страницы, но ведь не она же водила рукой Ясинского, когда он под именем Лидии Антоновны выводил Софью Перовскую. Ведь у него в романе Перовская, арестованная на улице, обращается к полицейскому чину с просьбой взять тридцать рублей и отпустить ее. Этую главу Иер. Ясинский заканчивает патетически: „Но полицейский не продал себя за тридцать сребреников“. Цареубийство в романе квалифицируется автором как „неслыханная дерзость преступления“. Смазывая дегтем облики великих подвижников революции, говоря о том, что народовольцы действовали „на английские деньги“, Иер. Ясинский такими светлыми красками рисовал появление Александра III — этого грубого бурбона — перед народом...» (Кубиков Н. И. Из литературного прошлого // Там же. С. 204).

¹⁷ Вероятно, имеется в виду ежедневная газета «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» — официальный орган Совета крестьянских депутатов; издавалась в Петрограде с 9 (22) мая по декабрь 1917 года; редактор — Н. Я. Быховский. Газета выражала взгляды право-го крыла эсеров; октябрьский переворот встретила враждебно и была закрыта.

¹⁸ Соловьев Михаил Петрович (1842–1901) — начальник Главного управления по делам печати (1896–1900). История знакомства Ясинского с Соловьевым и контактов с ним во время сотрудничества в газете «Биржевые ведомости» подробно изложена в его мемуарном очерке «Мои цензоры» и в «Романе моей жизни» (см.: Там же. Т. 1. С. 496, 503–506, 517–518, 522–531; Т. 2. С. 103–104). В газете «Свободная речь» о роли Соловьева в судьбе Ясинского говорилось следующее: «Ему ведь после 1905 года жилось плохо. Старый его покровитель, главноуправляющий по делам печати, Соловьев, сошел в могилу. Он уже не мог навязывать себя в редакторы газет, как он это сделал в свое время с „Биржевыми ведомостями“. И почтенный старец хирел в бедеательности. Каких-нибудь двадцать лет тому назад „Биржевые ведомости“, „избрав“, по принуждению Соловьева, своим редактором Ясинского, спасли свое существование. Ясинский остался таким же, каким был. Только место Соловьева занял Луначарский. Разница не велика» (Мартынов П. Священный старец. С. 3). Ср. свидетельство литературного критика Вл. Краинхельда: «Ясинский был <...> навязан насильственно газете в редакторы цензурным ведомством <...>. Дело в том, что время, когда во главе цензурного ведомства стоял покровитель Ясинского, было временем беспримерного даже в России цензурного террора. <...> Ставясь во что бы то ни стало реабилитировать память своего покровителя, Ясинский в некрологе, напечатанном в № 2 „Ежемесячных сочинений“ (1901 г.), рисует Соловьева как социального реформатора, мечтавшего придавать издателей и заставить их плясать под дудку литераторов <...>. Как ни нелепо такое оправдание соловьевского цензурного режима, но я не могу оспаривать его» (Краинхельд Вл. Литературные отклики. Два юбилея // Современный мир. 1911. № 3. С. 314).

¹⁹ Имеется в виду статья А. В. Пешехонова «На волне пошлости», в которой он обвинял Ясинского в приспособленчестве и нарушении этических норм, выразившемся в согласии занять пост редактора «Биржевых ведомостей» после устранения Д. А. Линева; о том, что Ясинский «обобрал» Проппера, речь в статье Пешехонова не шла, однако данный миф регулярно воспроизводился Ясинским на страницах «Книги воспоминаний» (см.: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 521, 577–576, 701).

²⁰ Данный эпизод также представлен в мемуарах Ясинского: «Если даже считать по пятаку за строчку, а меньше 10 копеек у нас не получали, то за 3 тысячи с лишком статей мне причиталось к концу семилетней работы моей около 40 тысяч рублей. Несколько раз я говорил Пропперу, что коплю эти деньги на черный день. Наконец мне понадобились деньги. Я потребовал. Проппер целую неделю медлил и наконец прислал мне 3 тысячи» (Там же. С. 522).

²¹ Возможно, Ясинского особенно задел отклик В. Г. Короленко, поскольку он писал о Ясинском и новой власти предельно жестко: «В лице И. И. Ясинского в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая рептилия, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой... У большевизма очень „дурная пресса“. Материально он преуспел. В его руках сила, в его руках власть, в том числе власть над русской печатью... Торжествующий большевизм не только закрывает „неблагонадежные“ газеты, но еще сажает писателей в тюрьмы за их „противо-

правительственное направление“; он реквизирует типографии и бумагу независимых газет и отдает их своим официозам, он монополизировал в пользу официозов и рептилий частные объявления... Это ли не могущество! Да, могущество, но не морального порядка... Власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола. Берегитесь же! Ваша победа — не победа. Русская литература, и притом вся она... без различия партий, оттенков и направлений, — не с вами, а против вас. Горькие уходят, приходят Ясинские. И я поздравляю вас, бывший писатель, а ныне министр-комиссар, гр-н Луначарский, с этой символической заменой» (Короленко В. Торжество победителей // Русские ведомости. 1917. 3 дек. № 265); см. также: Ясинский И. Золото... но не американское. Мой ответ В. Г. Короленко // Петроградская вечерняя почта. 1917. 13 дек. № 19.

²² Спиридонова Мария Александровна (1844–1941) — российская революционерка, одна из лидеров партии левых эсеров. Вероятно, Ясинский говорит о ее позиции, высказанной на Первом съезде партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), проходившем в Петрограде 19–28 ноября 1917 года; рассуждая о задачах партии в новых исторических обстоятельствах, Спиридонова, в частности, отметила: «Мы вступили в новый фазис истории, ожесточенной классовой борьбы; остервенение и вражда достигли крайнего напряжения, дошли до апогея. Вспомните, с кем мы сейчас боремся. Мы забыли наших общих врагов — капиталистов и фабрикантов и с большим озлоблением боремся с нашими же товарищами, перед которыми многие из нас преклонялись» (Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г. С. 94–95).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-201-214

© С. А. Огурцов

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ НАРРАЦИЯ В КИНОСЦЕНАРИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО*

Интерес нарратологии к сценарному тексту связан с переходом от изучения готового фильма к словесным нарративам, сопровождающим реализацию замысла. Если в период становления film studies первостепенной задачей исследователей был анализ фильма как законченного авторского произведения, то затем их внимание стало все более смещаться к различным сторонам творческого процесса. При таком взгляде киносценарий становится интересен не только как литературное произведение, но и как особого рода нарратив, предопределяющий киноповествование.

В 2000–2010-е годы в англоязычном литературоведении появляются академические труды о киносценарии, независимые от многочисленных руководств по сценарному мастерству. Среди них «Сценарное письмо: история, теория и практика» Стивена Мараса, книги Стивена Прайса «История киносценария» и «Киносценарий: авторство, теория и критика», книга Тэда Нанницелли «Философия киносценария», диссертация Энн Игельстрём «Наррация в сценарном тексте», книга Александры Ксенофонтовой «Модернистский киносценарий».¹

Интерес к киносценарию был и в советской науке. В 1920–1930-е годы стала формироваться «теория кинодраматургии» как отдельная область. Следует назвать книги В. К. Туркина «Сюжет и композиция сценария», В. М. Волькенштейна «Драматургия

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01040, <https://rscc.ru/project/23-78-01040/>.

¹ Maras S. Screenwriting: History, Theory and Practice. London; New York, 2009; Price S. 1) The Screenplay: Authorship, Theory and Criticism. Palgrave Macmillan, 2010; 2) A History of Screenplay. Palgrave Macmillan, 2013; Igelström A. Narration in Screenplay Text: A Thesis Submitted to the College of Arts and Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Bangor University, 2014; Nannicelli T. A Philosophy of the Screenplay. New York; London, 2016; Ksenofontova A. The Modernist Screenplay: Experimental Writing for Silent Film. Palgrave Macmillan, 2020.

кино», более поздние работы Л. И. Беловой и С. Д. Гуревич, посвященные отдельным писателям и сценаристам, книгу И. Л. Долинского о подготовке сценария к фильму «Чапаев», содержащую подробный разбор разных его вариантов, работу И. В. Вайсфельда «Мастерство кинодраматурга», в основу которой была положена докторская диссертация по кинодраматургии.² Некоторые рассуждения о сюжете в этих работах могут рассматриваться как предыстория нарратологических подходов к киносценарию.³

Но как в работах первой половины XX века, так и в недавних исследованиях киносценарий рассматривается главным образом как мономодальный нарратив. Например, австралийский исследователь С. Марас, отталкиваясь от понятия *screenwriting*, предлагает несколько взаимосвязанных дефиниций, которые, на наш взгляд, можно возвести к постструктуралистскому пониманию письма (Марас даже упоминает Жака Деррида, когда пишет, что с позиций этимологии слова «кинематограф» и «фотография» обозначают «формы письма»). Центральное понятие своей книги — *screenwriting* — Марас определяет следующим образом: это «написание киносценариев (*screenplays*), мастерство сценарного письма (*screenwriting*), которое понимается как подготовка размещенных на странице скриптов (*script*)». Исследователь сосредоточен на изучении границы между письмом и фильмом, часто рассматриваемых изолированно друг от друга. Для этого он вводит дополнительные термины: *screen writing* — «практика письма, которая привязана не только к странице (например, в случае письма камерой)» — и *scripting* — «расширение нашего понимания сценарного письма (*screenwriting*) за счет включения других подходов к экранному письму (*screen writing*), выходящих за пределы подготовки рукописи (письмо при помощи тела или света), но все

² Туркин В. К. Сюжет и композиция сценария. М., 1934; Волькенштейн В. М. Драматургия фильма. М.; Л., 1937; Долинский И. Л. Чапаев: Драматургия. М., 1945; Вайсфельд И. В. Мастерство кинодраматурга. М., 1961; Гуревич С. Д. Советские писатели в кинематографе (20–30-е годы). Л., 1975; Белова Л. И. Сквозь время. Очерки истории советской кинодраматургии. М., 1978.

³ Наиболее значимой представляется книга Туркина «Сюжет и композиция киносценария», в которой анализ сценария совмещается с руководством по сценарному мастерству. Туркин уже в предисловии оговаривает, что «кинодраматургии как науки еще нет», поэтому, строя свои определения, он отталкивается от театральной драматургии и литературной поэтики. Сюжет он понимает как «завершенный с точки зрения выявления идеи, замысла, круг событий (состав событий, взятый сам по себе, именуется обычно фабулой), определяемых героями («характерами», «образами людей») и раскрывающих этих героев в их отношении к происходящему, в их поведении, в действии» (Туркин В. К. Сюжет и композиция сценария. С. 33). Строки своих определений, Туркин опирается на Аристотеля, Г. Фрейтага, В. Дибелиуса, В. Гессена, но называет также имена советских авторов — в частности, С. С. Динамова и Н. Н. Асеева. Вряд ли можно говорить о каком-то систематическом обзоре источников, поскольку для Туркина часто достоверны те суждения, которые соответствуют его интуициям как практика и педагога. Он склоняется к процитированному определению сюжета, поскольку, с его точки зрения, оно применимо для анализа наиболее удачных советских киносценариев. В то же время подчеркнутый интерес к персонажу связан, по-видимому, с уходом советского кино рубежа 1920–1930-х годов от принципов монтажной эстетики, в соответствии с которыми персонаж имел второстепенное значение. Туркин выделял несколько типов сюжетной композиции. «Драматический» тип (яркий пример — сценарий Н. Зархи к фильму «Мать») противопоставлялся «фабулистическому» («По закону», «Обломок империи», «Привидение, которое не возвращается»), в котором важен «интересный состав событий», а не драматический конфликт (Там же. С. 93). Обе формы могут сливаться в «драматизированном повествовании», как в драматургии фильмов «Земля» и «Броненосец „Потемкин“». В качестве отдельного вида кинодраматургии Туркин выделяет сценарии, основанные на «лирическом повествовании», — «непрерывность фабулы будет здесь разрушена, но фабула должна ощущаться в отдельных фрагментах, и временные разрывы между фрагментами легко должны восполняться воображением» (Там же. С. 98). В качестве примеров таких «кинобаллад» Туркин называет фильмы мастерской ФЭКС («С. В. Д.», «Новый Вавилон», «Одна»). Работы Эйзенштейна (в первую очередь, «Октябрь») он относит к типу не сюжетной, а «риторической композиции», в которой «осмыслиение событий» происходит «не путем включения их в причинный ряд, а путем сопоставления и метафорических сравнений» (Там же. С. 99). Работа Туркина была новаторской для своего времени и вместе с книгой Волькенштейна «Драматургия кино» внесла наиболее значимый вклад в «сюжетологическое» изучение сценария.

еще привязанных к пространству письма в расширительном смысле».⁴ Письмо в работе Мараса становится не только объектом изучения, но и условием осмыслиения визуальной природы кино.

Британский исследователь Ян Макдональд полагает, что концепция текста Р. Барта уместна для анализа киносценария, но предостерегает от прямолинейного обращения к ней. Несмотря на множественность и подвижность сценарного текста, в нем есть то, что должно быть точно зафиксировано хотя бы потому, что на кинопроизводстве он выполняет функцию средства планирования. Другой аргумент — реально существующий поиск автора, продиктованный как потребностями критической мысли и производственной практики, так и стремлением реабилитировать незаслуженно забытых авторов, «невидимых» во время работы над фильмом. Наиболее важная особенность подхода Макдональда состоит в том, что он предлагает рассматривать киносценарий как способ раскрытия «идеи фильма». Такой подход позволяет, по его мнению, совместить «традиционистскую и бартезианскую перспективы» анализа, поскольку все изменения текста так или иначе ориентированы на раскрытие идеи.⁵

Наиболее значимой работой непосредственно по нарратологии киносценария стала диссертация британской исследовательницы Э. Игельстрём «Наррация в сценарном тексте», посвященная анализу сценария как литературной формы, «коммуницирующей потенциальный фильм».⁶ Игельстрём использует коммуникативный подход, позволяющий изучить различные виды нарративных голосов (экстрафиксационный голос, безличный фикционный голос, личный фикционный голос, голоса персонажей и их адресатов). Важным отличием сценария от других нарративных жанров названа возможность такой коммуникации с читателем, в ходе которой посредством этих голосов объясняется, как должен сниматься будущий фильм. Особенность сценария в том, что в нем одновременно присутствует наррация о вымышленном мире и напрямую адресованная читателю информация о способах его воплощения на экране.

Проблемы перечисленных выше подходов обусловлены тем, что киносценарий рассматривается лишь в одной модальности — текстовой, хотя сценарий может иметь, например, устную форму передачи, сам его облик зависит от технических параметров съемки, а в ходе постановки фильма он трансформируется, принимая формы либретто, литературного и режиссерского сценариев, и порой сопровождается рисунками и раскадровкой. В этой связи важно обратиться к творчеству писателей, создававших киносценарии. Владимир Маяковский, безусловно, был одним из наиболее интересных советских сценаристов, но, к сожалению, ни один из его замыслов не получил полноценной реализации на экране. Его творчество во многом тяготеет к нарративному началу, которое проявилось как в поэзии, так и в кино, и в плакатах для «Окон сатиры РОСТА». В некоторые периоды его работы словесная наррация отходила на второй план. В. А. Кузнецова пишет, например, что в 1926 году «у Маяковского снова обнаруживается известная разочарованность в литературе, печатном слове».⁷ Мы полагаем, что киносценарии в первую очередь демонстрируют ограниченность представления о сугубо вербальной основе наррации у Маяковского. Скорее нужно говорить о неразрывной связи верbalного, визуального и телесного, что накладывает особый отпечаток на построение вымышленного мира. Нельзя не учитывать и медиальный аспект кино, поскольку кино было единственным медиумом, позволявшим передать события технически опосредованно — и не раз исследователи отмечали, что Маяковский комбинировал в своих сценариях разные виды кино, при этом не было предложено сколько-нибудь убедительной концепции, позволяющей осмысливать его поиски. В. А. Кузнецова пишет только, что он был продолжателем линии Ж. Мельеса, обогатив ее за

⁴ Maras S. Screenwriting: History, Theory and Practice. P. VII. Здесь и далее пер. с англ. наш. — С. О.

⁵ Macdonald I. W. Screenwriting Poetics and the Screen Idea. Palgrave Macmillan, 2013. P. 21.

⁶ Igelström A. Narration in Screenplay Text. P. 28.

⁷ Кузнецова В. А. У кино был друг: Кинодраматургия В. В. Маяковского (рукопись).

счет обращения к «остросоциальному материалу». А. Ксенофонтова говорит о смешении лирической поэзии и сценарного творчества у Маяковского; по ее мнению, киносценарий давал возможности «воскресить посредством фильма языковые средства, претерпевшие автоматизацию», например, при показе на экране реализации метафоры.⁸ Нарратология только подходит к изучению мультимодальных нарративов, возникающих при взаимодействии литературы и кино. По-прежнему хорошо заметны ограничения, продиктованные вниманием лишь к тексту и не позволяющие обратиться к другим модусам нарратива.

Концепция мультимодальной наррации

Мы полагаем, что концепция мультимодальной наррации, которая в последние годы широко применяется в нарратологии и многих других гуманитарных дисциплинах, может служить ключом к сценарным поискам Маяковского. Но прежде чем говорить об этой концепции, нужно обратиться к работам лингвистов, поскольку впервые проблема мультимодальности была поставлена именно в лингвистике и, как правило, возводится к трудам Гюнтера Кressa и Тео ван Леувена.⁹ А. А. Кибrik пишет, что «подход, при котором разные типы коммуникативного поведения рассматриваются совместно, в последние годы получил название мультимодального».¹⁰ Дело в том, продолжает Кибrik, что «помимо сегментных (вербальных) единиц, звуковой сигнал содержит целый комплекс несегментных явлений, таких как интонация, акцентирование, темп, громкость и др., кумулятивно именуемых просодией»¹¹ — и от них невозможно абстрагироваться. Кроме того, «говорящий человек не только порождает звуковой сигнал, который затем воспринимается органами слуха, но и осуществляет кинетическое поведение, воспринимаемое органами зрения собеседника, а именно жестикулирует руками, головой, лицом и другими частями тела, направляет свой взор на различные части наблюдаемой сцены, занимает те или иные положения в физическом пространстве и т. д.».¹²

Как отмечает лингвист и нарратолог Рут Пейдж, в действительности все тексты мультимодальны, поскольку основаны на «множественной интеграции семиотических средств» в коммуникативном событии, в то время как мономодальность — «не актуальное свойство текстов, а скорее способ мышления об отдельных семиотических средствах, абстрагированных от коммуникативных ансамблей, частью которых они являются».¹³ Тем не менее, на наш взгляд, не любой нарратив имеет смысл рассматривать как мультимодальный: концепцию стоит применять там, где обращение к ней обосновано герменевтическим подходом. Что касается самого понятия «модус», то в нарратологии оно использовалось уже в классический период в работах Ж. Женетта и Ф. К. Штанцеля, с которыми, пожалуй, до сих пор не были соотнесены современные концепции мультимодальности. Если у Женетта речь шла о степенях передачи нарративной информации, регулируемой дистанцией и перспективой, то у Штанцеля — о различных свойствах сознания самих агентов коммуникации — нарратора и рефлек-

⁸ Ksenofontova A. The Modernist Screenplay. Р. 143.

⁹ Подробнее о развитии представлений о мультимодальности и о разных подходах к этому явлению говорится, в частности, в книге Алисон Гиббонс (Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. London; New York: Routledge, 2012). Исследовательница отмечает, что мультимодальность впервые стала рассматриваться напрямую в работе Гюнтера Кressa и Тео ван Леувена «Читая образы: Грамматика визуального проектирования» (1996). «Составные или мультимодальные тексты» они определили как «любые тексты, значение которых реализуется посредством более одного семиотического канала» (Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. Р. 13).

¹⁰ Кибrik A. A. Русский мультиканальный дискурс. Часть 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 71.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Там же.

¹³ Page R. Introduction // New Perspectives on Narrative and Multimodality / Ed. by R. Page. New York; London: Routledge, 2010. Р. 4.

тора. Современное представление о модусах сохраняет привязку к семиотике, но в то же время является принципиально иным. Р. Пейдж пишет, что «семиотические модусы» понимаются как «системы возможностей, позволяющих передать значение». Количество модусов не ограничено — в их ряд входят, «помимо прочего, язык, изображение, цвет, шрифт, музыка, свойство голоса, одежда, жест, средства создания пространства, парфюм и кулинарное искусство».¹⁴

Для работы с мультимодальным нарративом важен контекст. Если ранее контекст подразумевал те или иные реалии культуры, то теперь важно изучение «непосредственных контекстов нарратации».¹⁵ Предполагается характеристика не только участников нарратации (например, их пол или возраст), но и самой ситуации общения, потому что именно в таких рамках звуковые и вербальные знаки можно рассматривать не как нечто внешнее по отношению к нарративу, а как самостоятельные модусы передачи истории. Этот тесный контекст взаимодействия был назван нарратологом Алисон Гиббонс «миром дискурса» (discourse-world) по аналогии с миром текста — в литературе мир дискурса чаще всего расколот, потому что «писатель и читатель занимают разные пространственные и временные позиции».¹⁶ Если же учесть, что любой нарратив имеет ту или иную медиальную природу, то локализация повествования становится одной из основных его характеристик. В случае большей локализации отсутствует аппарат, позволяющий распространить нарратив в обширном пространстве, — например, аудиоустройство; в случае меньшей — нарратив записывается и может быть транслирован и ретранслирован. В этой связи нарратолог Дэвид Герман выделяет две стратегии построения мира истории — экзофорическую и эндофорическую. Первая соотносит мир истории с той средой, в которой происходит процесс коммуникации; во втором случае такая привязка не выражена.¹⁷

Еще одна особенность, которую необходимо осветить, — различие модусов и медиа. Если модус — семиотическое понятие, то в случае медиа мы говорим либо о самих материальных носителях, вовлеченных в процесс коммуникации, либо о каналах связи. Ниже мы обратимся к разграничению и упорядочиванию модусов и медиа, которое провел в своей работе Д. Герман, поскольку его построения будут важны непосредственно для анализа сценарного нарратива Маяковского.

Нарратологи связывают изучение мультимодального дискурса с поисками когнитивной науки. Например, нарратолог Соня Земан рассматривает устность как мультимодальное явление, выделяя устность когнитивную, перформативную и композиционную.¹⁸ Такого рода поиски связаны с критикой представления о мышлении как сугубо вербальном феномене. Об этом пишет, в частности, нарратолог Алан Палмер, подчеркивая, что «нарратологические подходы к сознанию были искажены хваткой вербальной нормы»,¹⁹ поэтому в классической нарратологии приоритетным было изучение лишь той части сознания, которая наиболее вербализована. Однако многие ментальные события невербальны (внутренняя речь, визуальные образы, внимание, оценки, верования и т. д.), — гораздо продуктивнее изучать мысль во многих случаях «в терминах мотивов и интенций, поведения и действия».²⁰ Конечно, существует и противоположная крайность — «догматический антивербальный подход Энн Бэнфилд»,²¹ согласно которому мышление вообще не имеет вербальной природы. Нарратолог Вольфганг Галлert отмечает, что «мультимодальность является естественным когнитивным

¹⁴ Ibid. P. 6.

¹⁵ Ibid. P. 2.

¹⁶ Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. P. 34–35.

¹⁷ Herman D. Storytelling and the Sciences of Mind. Cambridge; London, 2013. P. 109.

¹⁸ Zeman S. Oraliry, Visualization and the Historical Mind: The «Visual Present» in (Semi-)oral Epic Poems and its Implications for a Theory of Cognitive Oral Poetics // Oral Poetics and Cognitive Science. Berlin; Boston, 2016. P. 168–195.

¹⁹ Palmer A. Fictional Mind. Linkoln; London, 2004. P. 64.

²⁰ Ibid. P. 66.

²¹ Ibid. P. 65.

актом смыслопорождения»,²² поскольку в нашей повседневной жизни восприятие нарратива часто предполагает кинетические, вербальные и визуальные модусы. Мульти-модальный роман обращен к нашей естественной способности расшифровывать множество модусов, а не декодировать только вербальные знаки. Позиция Галлете близка и А. Гиббонс, которая полагает, что «практика чтения мультимодальной литературы может быть рассмотрена как более близкая к опыту восприятия реальности по сравнению с чтением более привычных романов».²³

Обратимся к концепции мультимодальной наррации, предложенной Д. Германом. Исследователь исходит из предпосылки о том, что нарратив порождает тот или иной воображаемый мир, выделяя два противоположных процесса — «проекция истории в мир» (*storying the world*) и «построение мира истории» (*worlding the story*). Модальности — «семиотические среды» — способствуют вовлечению в воображаемый мир и в то же время формируют ограничения на этом пути, регулируя сам процесс построения мира. В своей работе Герман предлагает целый ряд схем, иллюстрирующих мультимодальную наррацию. Приведем ниже эти схемы, поскольку они будут важны и при работе с киносценариями Маяковского. На рисунках введены следующие буквенные обозначения: N — нарратив; T — текст; RW — референциальный мир; SW — мир истории.²⁴

Рис. 1. Мономодальная наррация, отсылающая к одному референциальному миру

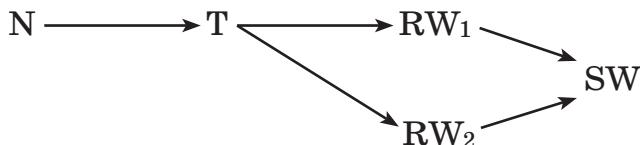

Рис. 2. Мономодальная наррация, отсылающая к нескольким референциальным мирам

Перед нами два варианта мономодальной наррации: примером может послужить любой печатный рассказ. Если в нем нет рамочных конструкций, то он отсылает лишь к одному референциальному миру (рис. 1), если же рамочные конструкции присутствуют, то предполагается несколько референциальных миров (рис. 2), которые вместе формируют мир истории. Если же в нарративе присутствуют ментальные миры персонажей, сосуществующие с тем миром, который для них реален, нарратив тоже соответствует второй схеме.

Мультимодальные нарративы включают более одного семиотического канала, что позволяет иначе смоделировать вымышленный мир (рис. 3). Так, устные рассказчики обычно пользуются двумя семиотическими каналами (SC), производя вербальное и визуальное (жестовое) высказывания. Другой пример — взаимодействие текста и изображения в комиксах или графических романах.

²² Hallet W. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // Anglistic. 2018. Vol. 29. Iss. 1. P. 28.

²³ Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. P. 40.

²⁴ Herman D. Storytelling and the Sciences of Mind. P. 110–111.

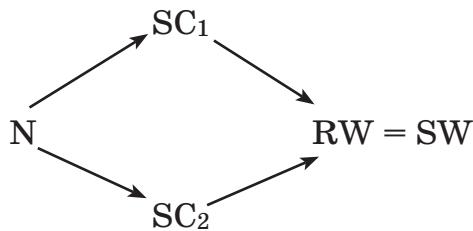

Рис. 3. Мультимодальная наррация, отсылающая к одному референциальному миру

При мультимодальной наррации несколько семиотических каналов могут отсылать к нескольким референциальному мирам (рис. 4). Примером эндофорической презентации, соответствующим приведенной ниже схеме, может служить эпизод фильма, в котором звуки отсылают к прошлому героя, а изображение соответствует его текущему состоянию. Но звуки, присутствующие как воспоминания, могут соединяться со звуками настоящего времени, так же как флешбеки могут соседствовать с синхронным показом событий — это случай перекрестной связи семиотических каналов и референциальных миров. Возможен еще и вариант экзофорической мультимодальной репрезентации, например, когда рассказчик, комбинируя жесты и слова, повествует о чем-то на месте — тогда его рассказ привязан к месту, например, он может указывать на объект, находящийся рядом с ним, как в случае новостного репортажа на месте происшествия, при этом сами события происходят в другом времени.

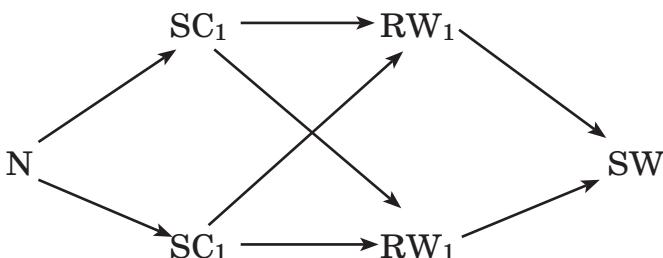

Рис. 4. Мультимодальная наррация, отсылающая к нескольким референциальным мирам

Как видно из приведенных выше положений и схем, разговор о мультимодальной наррации предполагает целый ряд условий, которые не учитывались в классической нарратологии. Тем не менее интерес к модальным характеристикам нарратива связывает поиски современных исследователей с их предшественниками. Применение этой концепции к сценарному материалу, на наш взгляд, дает возможность переосмыслить соотношение сценария и фильма.

Сценарий как мультимодальный нарратив

Киносценарии ранее не рассматривались в связи с концепциями мультимодальности. Некоторым исключением, пожалуй, нужно считать нашу статью «Устный нарратив личного опыта в киносценариях А. Г. Ржешевского»,²⁵ где устность понята как мультимодальное явление, имеющее не только вербальный, но и перформативный и композиционный аспекты. Особенности устного нарратива определяли интерес к сценариям Ржешевского со стороны режиссеров, а в историю кино его работы вошли

²⁵ Ogudov S. The Film Script as Oral Narrative of Personal Experience in Aleksandr Rzheshhevskii's Oeuvre // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2022. Vol. 16. Iss. 3. P. 183–199.

как так называемые эмоциональные сценарии. Мы стремились переосмыслить концепцию эмоционального сценария, сформулированную некогда Эйзенштейном и с тех пор закрепившуюся за творчеством Ржешевского. Отправной точкой наших рассуждений стала связь устности и кино: когда киносценарий является устным нарративом личного опыта, устность перформативная уже во многом предполагает визуализацию, поскольку рассказчик голосом и жестом стремится изобразить события будущего фильма как нечто для него знакомое, — что и было характерно для творчества Ржешевского.

Такого рода читки не были чем-то совершенно необычным в практике утверждения киносценаристов. Очень ярким примером является творчество Вс. В. Вишневского, которому будет посвящена отдельная статья. Устный модус исполнения киносценария служил одним из способов вызвать интерес к своей работе, утвердить ее в кинематографической среде. Например, О. Л. Леонидов, говоря о сценарии Вишневского «Мы из Кронштадта», подчеркивал качества сценария как устного нарратива личного опыта: «Вещь, которую прочел Вишневский, очень талантлива — на меня нахлынули воспоминания, мне припомнилось, как на фронтах во время старой войны и гражданской, в известные моменты, в особенности перед атакой, перед штурмом в каком-нибудь месте собираются красноармейцы и начинают рассказывать про всякие случаи, начинают импровизировать. Вот я почувствовал в Вишневском эдакого хорошего импровизатора, который умеет заразить хорошим настроением, который эмоционально заражает. Я не мог слушать эту вещь как литературное произведение, и не потому что в ней нет достоинств литературного произведения, наоборот, они там имеются в достаточной мере, но потому что чтец Вишневский и то, как он показывает, подавляет своей силой и воспринимается в первую очередь».²⁶

Мы полагаем, что на примерах из творчества Ржешевского и Вишневского можно говорить не только о применимости концепции мультимодальной нарратии к сценариям, но и о прямом влиянии Маяковского, бывшего для обоих авторов образцом операторской речи. О сценариях Маяковского написан целый ряд работ: следует назвать в первую очередь до сих пор не изданную монографию киноведа В. А. Кузнецовой «У кино был друг: кинодраматургия Владимира Маяковского», законченную в начале нулевых годов; упомянутые выше книги Л. И. Беловой и С. Д. Гуревич, а также книгу А. А. Пронина.²⁷ Но все эти исследования посвящены вопросам истории литературы и кино. Неудивительно, что творчество Маяковского подчинено в них рассмотрению общих проблем развития кинематографа в 1920-е годы, или же в духе биографического литературоведения сценарии связываются с жизнью поэта, проводятся параллели между сценариями, пьесами и стихами.

Перейдем к рассмотрению сценарного творчества Маяковского в связи с проблемой мультимодальной нарратии. Что касается перформативного измерения устности, о котором шла речь выше, то оно, безусловно, было характерно для Маяковского, когда поэт читал свои стихи вслух перед аудиторией. Сразу заметим, что почти нет данных об устном исполнении сценариев со стороны Маяковского — известно лишь, что он сам читал сценарий «Как поживаете?» «литературному заву и отделу Совкино» — «чтение шло под сплошную радость и смех».²⁸ Но знаки композиционной устности очень характерны для его сценариев (цитаты из стихов и рифмы, разбивка текста на короткие простые предложения, анафоры, крылатые слова и выражения). Можно все же предположить, что способ донесения сценария до аудитории в творчестве Маяковского в целом предполагал мультимодальную нарратию.

Мы обратимся к иному аспекту мультимодальности в его сценарном творчестве. Читая сценарии Маяковского, несложно заметить, что их постановка потребовала бы

²⁶ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Ед. хр. 1 (20 ноября 1933 г.). Л. 49 (стенограмма заседания редакции журнала «Знамя» по обсуждению сценария В. Вишневского «Мы из Кронштадта»).

²⁷ Пронин А. А. Бумажный Вертов / ЦеллULOидный Маяковский. М., 2020.

²⁸ Маяковский В. В. Караул! // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1947. Т. 11. С. 412.

комбинаций разных видов кино: игрового кино, анимации и хроники. Каждый из этих видов кино допустимо рассматривать в качестве отдельного медиума, определяющего способ наррации. Если в хронике возможность отбора элементов внутри кадра со стороны нарратора практически сведена к нулю (камера фиксирует проишествия без предварительного структурирования предкамерной реальности), то в игровом кино роль интенционально отобранных элементов возрастает, а в анимации нарратор получает полный контроль над изображаемым миром, регулируя всевозможные его превращения, недоступные другим медиумам кино.²⁹

В сценариях Маяковского можно проследить установку на взаимосвязь разных медиа (видов кино), определяющих собой модальности нарратива (семиотические каналы). Наррация в сценариях соответствует каждый раз тому или иному семиотическому каналу, привязанному к хроникальному, игровому или мультипликационному кино. Обозначим это явление как медиальную мультимодальность нарратива. Именно такая наррация была характерна как для ранних, так и для более поздних сценариев Маяковского. Ниже (рис. 5) мы предлагаем схему взаимодействия разных модусов передачи истории в сценариях Маяковского, которая будет более подробно объяснена в следующих разделах статьи.

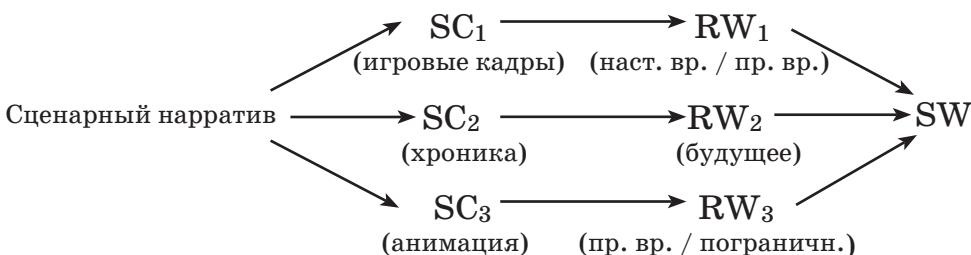

Рис. 5. Мультимодальная наррация, отсылающая к нескольким референциальным мирам, в киносценариях Маяковского

Взаимодействие разных видов кино в сценарном нарративе Маяковского

Совмещение разных видов кино, вероятно, было характерно уже для сценария «Закованная фильмой» 1918 года (к сожалению, сценарий не сохранился, и мы можем судить о нем лишь на основе пересказа фильма, сделанного Л. Ю. Брик). Это был первый сценарий Маяковского, «стоявший в ряду с нашей литературной новаторской работой».³⁰ Если все же обратиться к другим ранним сценариям, таким как «Погоня за славой» (1913), «Барышня и хулиган» (1918), «Не для денег родившийся» (1918), то едва ли можно говорить о том, что для них была свойственна медиальная мультимодальность. Ни один из них не сохранился (мы можем сомневаться даже, что «Погоня за славой» — точное название сценария Маяковского), тем не менее и в этих работах заметен интерес к самой смене слова и изображения на экране. По воспоминаниям В. Б. Шкловского, в сценарии «Погоня за славой» содержалась интрига, основанная

²⁹ Работе Маяковского с разными видами кино в сценарии «Как поживаете?» была посвящена отдельная статья, поэтому в настоящей работе мы не будем касаться этого сценария: Огудов С. А. Киноповествование В. В. Маяковского: соединение разных видов кино в сценарии «Как поживаете?» // Славистический сборник. 2019. № 95. С. 153–163. О проблеме отбора элементов в кинонарративе см. статью: Шмид В. Отбор и конкретизация в словесной и кинематографической наррации // Narratorium. 2011. № 1–2 (<http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2017636;data обращения: 31.10.2024>).

³⁰ Маяковский В. В. Предисловие к сборнику сценариев // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 408.

на игре со словом: «...знаменитый футурист для купчихи Белотеловой издавал стихи, чтобы прославиться, но забыл подписать свое имя и потом бегал подписывать на всех экземплярах».³¹ В фильме «Не для денег родившийся» главный герой Иван Нов читал стихи Маяковского в кафе футуристов. Мы полагаем, что предпосылками для появления мультимодальной наррации в сценарном творчестве Маяковского стало совмещение текста (в том числе, предположительно, его же стихов), телесных практик (актерская игра) и рисунка (Маяковский рисовал плакаты к фильмам «Не для денег родившийся» и «Закованная фильмой»). Синтез кинетического, живописного и вербального повествования в раннем кинотворчестве мог, на наш взгляд, подтолкнуть Маяковского к использованию мультимодальной наррации, основанной уже на синтезе разных видов кино. Так и происходит в сценарии «Закованная фильмой». Воображаемый мир, модель которого была задана сценарным нарративом, по всей вероятности, предполагал воплощение средствами игрового кино и анимации. В одном из первых эпизодов персонажи начинали «просвечивать», и вместо сердец у них оказывались те или иные предметы низкого быта — шляпа, кастрюлька, бутылка и т. п.; другой пример — сцены, когда балерина «оживала» на плакате. Вполне вероятно, что Маяковский планировал воплощение этих сцен при помощи анимации.

Зрелые сценарии Маяковского, написанные с 1926 по 1928 год, отнюдь не всегда включали мультимодальную наррацию, поэтому некорректным будет противопоставление в этом смысле «раннего» и «зрелого» сценарного творчества. В первую очередь нужно указать сценарий «История одного нагана», полностью построенный на возможностях игрового кино. Более того, в ряде случаев синтез разных видов кино можно назвать скорее спорадическим приемом, чем стратегией рассказа. Например, в сценарии «Декабрюхов и Октябрюхов» есть эпизод, в котором повествование строится при помощи одних титров: кадры 5–20 второй части представляют собой гротеско-вымысленный рассказ Николая Декабрюхова о его «подвигах». Заслуживают внимания примеры мультимодальной наррации в сценариях «Дети», «Слон и спичка», «Любовь Шкафолюбова», «Товарищ Копытко, или Долой жир!». Анимация в сценариях «Слон и спичка» и «Дети», на наш взгляд, — это не только сатирический прием, необходимый для того, чтобы подчеркнуть нелепость происходящего, но и метауровень превращений мира истории. Анимационные вставки возникают среди стремительной смены событий и демонстрируют изменчивый природный мир: «2. Рисованное плакатное солнце, от которого линейкой расходятся лучики. Снизу подымается сначала цветочный горшочек, потом из него разрастается зелень, наконец бутон и из бутона красная роза».³² Другой пример — появление солнца над Ай-Петри: «541. Под № 9. Засыпающий в ужасе глядит на небо. / 542. Под № 10. Улыбающееся солнце в зените».³³ В сценарии «Дети»: «99. Экран над папашей становится белым, и на нем мультипликацией веточка, вырастающая в огромную клюкву, под клювой сам подымается стол, и контурный медведь волочит издали огромный самоварище».³⁴ Оба сценария, конечно, ориентированы на наррацию игрового фильма и в жанровом смысле напоминают более всего построенную на буффонаде американскую комическую, но не сводятся к воспроизведению жанровых клише, о чем ниже будет сказано более подробно.

Центральными в плане мультимодальной наррации являются сценарии «Как живете?», «Сердце кино» и «Позабудь про камин», которые можно считать наиболее важными во всем сценарном творчестве Маяковского. Им предшествовал незаконченный сценарий рекламного фильма «Бенц № 22»: пролог этого сценария демонстрирует виртуозное мультимодальное повествование, объединяющее три вида кино. «Бенц № 22» — первый из сохранившихся сценариев, в котором противопоставляются хроника и игровое кино: в кинотеатре «на краю экрана поцелуйная пара», — а затем Маяковский пишет о том, как реагирует на этот кадр буржуазная публика: «Крупно: пре-

³¹ Цит. по: [Февральский А. В.]. Работа Маяковского в кино // Там же. С. 516.

³² Там же. С. 44 («Слон и спичка»).

³³ Там же. С. 73.

³⁴ Там же. С. 14.

паршиво закатывает глазки, расплывшиеся слюною, жирный и дама».³⁵ «Ложь» игрового кино опровергается кино хроникальным, поскольку, как сообщает титр, «голая жизнь и то интересней». Затем: «Внизу автобусы и трамваи, в небе переплет вагонов, мчащих от вокзала к вокзалу».³⁶ Автомобиль «Бенц», рекламе которого и был посвящен сценарий, поработлен буржуазным порядком — тем не менее, анимация, раскрывающая его устройство, сама по себе не является маркером буржуазности, в отличие от кадров игрового кино: «Автомобильные части выкатываются, составляя автомобиль. Буржуа разваливается и упархивает».³⁷ Объемная анимация конструктивна — с ее помощью буквально происходит конструирование автомобиля в воображаемом мире фильма. Кино становится подобием машины, попавшей в подчинение буржуазии, но сохранившей свой революционный потенциал: «Двое, прохожие, вежливо снимают шляпу перед автомобилем, берет каждый за колесо, вводят его на лист бумаги, делается плакат фильма. Плакат подымается. Под ним вход в кино».³⁸

Сценарий «Сердце кино», как известно, представлял собой переработанную вариацию раннего сценария «Закованная фильмой». Персонажи экранной реальности становятся ближе кинематографу середины 1920-х: среди них теперь Чарли Чаплин, Дуглас Фэрбенкс, Рудольф Валентино, Гарольд Ллойд. Героиня фильма — не балерина, а красавица, в которую влюблена рисующий плакаты маляр. Она советская мещанка, благодаря внешности приглашенная таинственным иностранным концессионером сниматься в кино. Сценарий обыгрывает не только очевидные отсылки к разным референциальнym мирам — реальному и экранному, — но и воспроизводит паттерны мультимодальной наррации. Выход персонажей фильма из экрана сопровождается введением двух семиотических каналов — анимации и игрового кино. Мультимодальная наррация проявляется уже в начале сценария, когда «американовидный» кинематографист «оживает» искусства прошлого: «11. Американовидный крутит аппаратову ручку — раздирается паутина, гранд слазит с картины, сует Венере цветы, обнимает гранда ожившая Венера, и вылезшие из книг солисты-трубачи славят любовь».³⁹ Кино становится способом уйти от абстракции, вернуть искусства к синкетизму — отсюда метафункциональное значение мультимодальной наррации. Несмотря на то, что в сценарии, вероятно, не предполагались кадры хроники, — рефлексия по поводу хроники все же присутствует и подводит итог истории о сбежавшей из мира фильма красавице и влюбленном в нее маляре: «11. Оператор останавливается и, взяв за локоть девушку, показывает вперед рукой. / 12. На гигантских лесах гигантской стройки уместился плотник, беззаботно и весело над всем городом крепя какое-то бревно. / 13. Оператор снимает с плеча ремень и торопливо ловит фокус. / 14. Почему бы и кино не взяться за живую жизнь? Этот трюк почище Дугласа».⁴⁰ Именно хроникальное поествование в finale сценария задает модель «живой жизни», противостоящей абстракциям, порожденным игровым кино, — к такому выводу приходит и сам Маяковский в своих декларациях (см. статьи «О кино», «Караул!»).

Рассмотрим проявления мультимодальной наррации в сценарии «Позабудь про камин». Это история о рабочем времен НЭПа, замерзшем после кутежа на свадьбе и оживленном спустя 25 лет (на основе этого сценария позже Маяковским была написана пьеса «Клоп»). Использование разных семиотических каналов наиболее очевидно в третьей части сценария. Действие переносится в будущее, где во время многолюдного собрания показан «Пятилетний план восстановления промышленности». Он должен был быть показан на экране в виде книги, где на правой странице — то, что было в прошлом, на левой — то, что будет в будущем. В ремарке Маяковский пишет, что монтаж следует производить «по хронике наших действительных, к моменту съемки,

³⁵ Там же. С. 444.

³⁶ Там же. С. 445.

³⁷ Там же. С. 446.

³⁸ Там же. С. 445.

³⁹ Там же. С. 78.

⁴⁰ Там же. С. 104.

достижений». В левой части экрана предполагалось поместить хроникальные кадры. Например, «200. Слева: момент работ Днепростроя, охват плотинами воды Днепра» или «210. Слева: работа огромного магнитного крана». В то время как справа, по-видимому, должны быть игровые или мультипликационные кадры: «207. Справа: под обвисающими обоями общежития вузу столик с водочной четвертью; ерошащий волосы мультипликационный юнец мусолит Есенина» или «209. Справа: мультипликационный грузчик с вылезающими изо рта буквами „эй, ухнем!“ тащит непомерный груз».⁴¹ Игровое кино и анимация как модальности кинонarrатива отсылают к референциальному миру прошлого, в то время как хроника — к миру будущего.

Отсылки к разным референциальным мирам посредством кино разных видов далеко не всегда у Маяковского несут столь очевидный смысл. Но все же характерна привязка: хроника — мир будущего или будущего в настоящем; игровое кино — мир современности или прошлого в настоящем. Игровое кино в сценариях Маяковского зачастую имеет гротескные черты — идет ли речь о воображаемом будущем, ставшем настоящим, или же о настоящем, сохранившем признаки прошлого. В сценарии «Позабудь про камин» фигура Присыпкина сочетается с квазихроникальным показом будущего: «285. Перспектива улицы с домами типа Госторга. / 286. Вид сверху — лава автомобилей. / 287. Рабочий протирает глаза, оседая на дрожащие ноги, орет».⁴²

В сценарном нарративе Маяковского часто нет рамочных конструкций, и порой довольно сложно уловить границу между семиотическими каналами и, соответственно, между разными референциальными мирами. Анимация может неожиданным образом вторгаться в игровые вставки, более того, отсутствуют прямые указания на то, что это именно анимация. Например, в том же сценарии во время пьяного кутежа во время мещанской свадьбы — кадр «160. По комнате пробегают огромные буквы М.»⁴³ — это некий вариант комбинированной съемки или, возможно, анимации. Особой сложностью отличается сценарий «Как поживаете?», где эти переходы порой неуловимы, поэтому постановка такого сценария потребовала бы от режиссера большой концентрации внимания.

В этой связи напомним о различии экзофорической и эндофорической репрезентации, введенном Д. Германом. В первом случае важна привязка к «миру дискурса». Рассказчик комбинирует высказывания и жесты, передавая ту или иную историю: вербальная коммуникация при этом поддерживается аудиальным и жестовым (визуальным) каналами (как в упомянутом выше случае с ведущим новостного репортажа). Полагаем, что в случае сценария в качестве указателей на «мир дискурса» выступают ремарки, привязывающие историю к реалиям кинопроизводства. Маяковский пользуется в ряде случаев довольно развернутыми ремарками. Пример из сценария «Позабудь про камин»: «Кадры этой части приведены только для показа построения, так как подробный монтаж должен быть произведен на реальном материале нашего хозяйственного строительства, по хронике наших действительных, к моменту съемки, достижений».⁴⁴ Любопытно, что отсутствуют, казалось бы, необходимые ремарки, указывающие на введение анимационных и хроникальных кадров. В сценарии «Любовь Шкафолюбова» неясно, идет ли речь об анимации или другом приеме, например многократной экспозиции: «28. Черты и зава, и прогульщика, и локонистой машинистки сливаются в огромного Шкафолюбова, вокруг появляются рисованные лица, в удивлении постепенно расплывающие губы в хохот».⁴⁵ Вероятно, Маяковский оставлял возможность режиссеру решить, какой вид кино будет использован в том или ином эпизоде.

Мы предполагаем, что введение хроники, прямо не маркированной, присутствует в сценарии «Любовь Шкафолюбова»: «21. Для коммуны нужны машины. / 22. Пано-

⁴¹ Там же. С. 226–227.

⁴² Там же. С. 232.

⁴³ Там же. С. 224.

⁴⁴ Там же. С. 227.

⁴⁵ Там же. С. 107.

рамы заводов, планы Днепростроя, Волховстрой и т. п. / 23. Нужна работа... / 24. Корпят над делами кривые, усталые люди. / 25. И новый человеческий материал. / 26. Тренированные рабочие стройно и ловко метают старую фабричную смену».⁴⁶ Сам Шкафолюбов становится в этом сценарии не только цитатой из игрового кино, но и буквально персонажем иного референциального мира, само существование которого демонстрирует переходный характер «игрового» настоящего времени. В то время как герой-авиатор, с которым Шкафолюбов соревнуется за право обладать девушкой, оказывается наоборот «выходцем» из хроники, героем мира будущего.

Читатель может предположить, что именно модус кинохроники Маяковский считал превосходящим по отношению к игровому кино и анимации. К подобному выводу подталкивают как некоторые высказывания самого Маяковского, так и рассуждения об особой творческой близости Маяковского и Дзиги Вертона, рассматриваемой, например, в недавней книге А. А. Пронина. Подтверждению этой мысли в работе Пронина служит главным образом биографический материал, хотя и не вполне ясно, почему сопоставляются именно Вертов и Маяковский и не принимается во внимание более широкий историко-литературный контекст. Еще более преувеличенными представляются параллели на уровне творчества, ведь «оба утверждали идеологические и эстетические принципы левого авангарда».⁴⁷ В качестве главного доказательства творческой близости приводится известный эпизод с куском хлеба в сценарии «Как поживае?», который назван «прямой цитатой» из фильма Вертона «Киноглаз», хотя никаких доказательств того, что это именно «прямая цитата», а не творческая параллель, нет. Гораздо важнее, на наш взгляд, был бы разговор о различиях Вертона и Маяковского. Маяковскому был решительно чужд свойственный Вертову пафос мономодальной наррации хроникального кино, поскольку наррация в сценариях Маяковского мультимодальна. Если у Вертона медиум документального фильма берет верх над всеми остальными, то медиальная программа Маяковского скорее предполагает именно равноправие и синтез разных медиа. Поэтому даже утверждения Маяковского о превосходстве хроники над всеми остальными видами презентации в кино — это лишь декларации, далекие от его сценарного творчества, возможно, еще одна попытка «наступить на горло собственной песне».

Более продуктивно, на наш взгляд, искать параллели между творчеством Маяковского и разными национальными кинематографиями, в первую очередь американским и немецким кино, составлявшим в 1920-е годы значительную часть советского кинорепертуара. Например, в сценариях «Закованная фильмой» и «Сердце кино» фигурирует таинственный концессионер, утверждающий свою власть над другими персонажами посредством фильма. Такого рода сюжеты очень близки киноэкспрессионизму, и в этом смысле интересно было бы продолжить исследования В. Н. Терехиной,⁴⁸ в которых говорится о близости русского футуризма и немецкого экспрессионизма, переместив фокус внимания в интермедиальное поле. Тогда и мультимодальная наррация в сценариях Маяковского получит дополнительное обоснование уже в историческом контексте развития кино.

В заключение предложим подход к такому сопоставлению. Одной из наиболее значимых особенностей немецких фильмов была тесная связь персонажа со средой. О размывании границ между живым и неживым миром, «персонификации предметов» в экспрессионистском фильме, говорили уже первые исследователи. При этом актерам необходимо было соответствовать деформированному миру вещей так, чтобы общая композиция кадра была ориентирована на выражение некой идеи. Лотте Айснер пишет, что актеры «упрощают мимику, уплотняют свои жесты, сводя их до почти линейных математически абстрактных движений, которые остаются плоскими и, несмотря на некоторую, говоря словами Курца „двусмысленную закругленность“,

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Пронин А. А. Бумажный Вертов / Целлулоидный Маяковский. С. 186.

⁴⁸ Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М., 2009.

кажутся такими же резкими, как ломаные линии декораций».⁴⁹ Установка на сложную композицию кадра была характерна уже для первого экспрессионистского фильма «Кабинет доктора Калигари», в котором взаимодействие персонажа с декорацией и освещением достигалось посредством наложения, преувеличения и деформации подобных друг другу форм. В фильме «Раскольников» искривленные очертания петербургских зданий сочетались со сгорбленной фигурой главного героя, тем самым усиливая призрачный облик окружающей его реальности. Киновед Сабин Хейке пишет об идейном контексте этих поисков, комментируя теорию кино Белы Балаша: «Выразительное движение, конечно, предполагает расширенное определение физиognомики, в равной степени применимой к живому и неживому миру. Обращение к кинематографическому образу при таком подходе становится значимым и обоснованным, а посредством феноменологических и герменевтических свойств физиognомики дается обещание как духовного искупления, так и политического освобождения».⁵⁰

В сценариях Маяковского обнаруживаются многочисленные метафоры, стирающие границу между человеком и вещами и объединяющие их в некой общей анимированной реальности. В сценарии «Слон и спичка»: «522. Завтраст хватается за ляжку. Горит плечо — хватается за плечо, всыхивают лопатки. / 523. Завтрестиха встает, не в силах усидеть на обгорелом».⁵¹ В этом же сценарии содержится реализация метафоры «Три шкуры слазят»: «560. Подоспевший зав снимает полностью кожу с ноги, затем вторую, затем третью и ставит их рядом».⁵² Той же цели служат и оживающие пла-каты в сценарии «Сердце экрана». В сценарии «Товарищ Копытко...» исчезает граница между руками персонажа и полами палатки: «285. Разросшиеся руки второго Копытко сливаются с сорванной полой палатки. / 286. Рука-парусина бьет по щеке спящего Копытко».⁵³ В сценарии «Дети» персонажи отождествляются с пространством: «113. Голова рабочего. Из открытых глаз встает план города с длиннющими улицами, а по самой длинной стрелка пробегает путь, лежащий шахтеру».⁵⁴ Таким образом, мультимодальная наррация в сценариях Маяковского позволяет сблизить их с поисками немецких экспрессионистов. Конечно, серьезный разбор этих параллелей потребовал бы отдельной работы, которая продолжила бы линию исследований творчества Маяковского как поэта, близкого к экспрессионизму.

Если же подвести краткий итог вышесказанному, то сценарии Маяковского можно рассматривать как мультимодальные нарративы, построенные на основе сочетания разных видов кино, отсылающих к разным референциальным мирам: обозначим их в качестве рабочей гипотезы как миры прошлого, будущего и некий переходный, по-граничный мир, созданный за счет анимации. Настоящее в сценариях Маяковского исчезает — оно либо затемнено прошлым, показано как фарс, либо содержит в себе те или иные проблески будущего — кадры кинохроники. Полагаем, что кино мыслилось Маяковским как возможность показать альтернативные миры. Его сценарии не столько рассказывают истории, порой совершенно обыденные или гротесковые («Закованная фильмой», «Любовь Шкафолюбова»), сколько говорят о существовании разных референциальных миров, достижимом посредством мультимодальной наррации. Маяковский мыслил паттернами разных видов кино, комбинируя их на основе своих сценариев, создавая тем самым сложный повествовательный универсум. Перспективным было бы изучение мультимодальной наррации в кино как коррелята устного нарратива в творчестве Маяковского: возможно, соседство разных каналов передачи устного слова как-то коррелировало с повествованием в разных видах кино. Но ответ на этот вопрос — задача отдельного исследования.

⁴⁹ Айснер Л. Демонический экран. М., 2010. С. 24.

⁵⁰ Hake S. Weimar Film Theory // Weimar Thought: A Contested Legacy / Ed. by P. E. Gordon, J. P. McCormick. Princeton University Press, 2013. P. 284.

⁵¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 72.

⁵² Там же. С. 73.

⁵³ Там же. С. 206.

⁵⁴ Там же. С. 16.

Н. К. ГУДЗИЙ О И. А. БУНИНЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА И ПЕРЕПИСКИ УЧЕНОГО)*

Тема, давшая название предлагаемой вниманию читателей статье, при знакомстве с библиографией печатных трудов литературоведа Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) представляется далеко не очевидной. При жизни И. А. Бунина их имена пересекались лишь однажды и достаточно случайно (лично они знакомы не были, в переписке не состояли). Осенью 1918 года, в первом номере журнала «Родная земля», вышедшем в Киеве, были опубликованы два бунинских стихотворения — «В дачном кресле, ночью, на балконе...», «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», а также рассказ «Конец». В критико-библиографическом отделе того же номера увидели свет две рецензии Гудзия — на второй том редактируемой М. О. Гершензоном серии «Русские пропилеи» и книгу А. С. Пругавина «Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий». По всей видимости, ученый был хорошо знаком с редакторами журнала, Д. М. Однинцом и А. К. Елаичем, поскольку в сентябре 1918 года М. А. Волошин в переписке именно с Гудзием интересовался судьбой своей поэмы «Протопоп Аввакум», которая вскоре была опубликована в том же номере «Родной земли».¹ В списке «лиц, сообщивших о своем согласии участвовать в журнале», опубликованном в конце издания, имена Бунина и Гудзия были упомянуты на соседних строчках.

Вместе с тем, как выясняется при изучении неопубликованной части научного и эпистолярного наследия Гудзия, он всю жизнь хранил краткие, но дорогие его сердцу книжника и на редкость восприимчивого читателя воспоминания о Бунине, продолжал размышлять о его истинной роли и подлинном масштабе в истории русской литературы. В конце 1961 года он избрал его творчество в качестве предмета своей так и не увидевшей свет работы. Предположительно, она предназначалась для журнала «Вопросы литературы», с которым Гудзий сотрудничал как автор с момента его возникновения. Обратимся к предыстории появления «бунинской» темы в наследии Гудзия.

В ноябре–декабре 1955 года ученый совершил поездку в Англию и Шотландию, посетил города Глазго, Лондон, Эдинбург, Кэмбридж, Бирмингем, Стредфорд, Оксфорд, познакомился с тем, как организована система высшего образования в университетах этих городов, общался с коллегами, выступал с лекциями. Именно в Эдинбурге в ноябре 1955 года состоялось его знакомство с писателем, а впоследствии душеприказчиком И. А. и В. Н. Буиних Леонидом Федоровичем Зуровым (1902–1971), которого представил Гудзию Дэннис Уорд (1924–2008), доцент Русского отделения Эдинбургского университета и, что немаловажно, учитывая сферу научных интересов Гудзия, — автор обратившего на себя внимание специалистов перевода «Слова о полку Игореве» на английский язык, напечатанного в том же 1955 году. Гудзий записал в дневнике 8 ноября: «Беседа с доцентом русского языка и литературы, истории D. Ward <...> Тут же познакомили меня с писателем Л. Ф. Зуровым, видимо, эмигрантом, живущим в Париже». После знакомства Зуров присутствовал на лекции Гудзия

* За возможность познакомиться с письмами Н. К. Гудзия и копиями писем к нему из собрания Русского архива в г. Лидсе, Великобритания (РАЛ), а также за разрешение опубликовать их вместе с материалами В. Н. Буиной и Л. Ф. Зурова из личного архивного фонда Гудзия (Отдел рукописей РГБ, ф. 731) я считаю своим приятным долгом сердечно поблагодарить Ричарда Д. Дэвиса, куратора Русского архива (Special Collections, Leeds University Library). За советы и уточнения, касающиеся вопросов текстологии произведений И. А. Бунина, приношу благодарность С. Н. Морозову. За ценные замечания, касающиеся интерпретации публикуемых текстов, выражаю искреннюю признательность А. В. Лаврову. Тексты В. Н. Буиной и Л. Ф. Зурова печатаются с разрешения The Vera Bunina Estate and The Leonid Zurov Estate.

¹ Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова; подг. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой; комм. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. С. 174–175.

о Л. Н. Толстом, а затем 10 ноября посетил выступление ученого, посвященное древнерусской литературе.²

31 августа 1958 года Зуров, желая продолжить общение с Гудзием, отправил ему открытку, предельно лаконичную по содержанию: «Привет из Шотландии».³ Эта первая «реплика» в их эпистолярном диалоге осталась без ответа Гудзия. Осенью 1958 года, а именно 21 октября, от Зурова пришло еще одно письмо: в нем упоминается Дэннис Уорд (Зуров назвал его в русской манере «Денис Фомич»), который, вернувшись с IV Международного съезда славистов, проходившего в Москве с 1 по 10 сентября, по-видимому, рассказал о встрече с Гудзием и его докладе «Литература Киевской Руси и другие инославянские литературы». Также в письме мы находим упоминание о М. Э. Грин, коллеге Уорда по Эдинбургскому университету и близкой знакомой Зурова, впоследствии активно занимавшейся изучением и публикацией бунинского наследия: «Денис Фомич, вернувшись с конгресса славистов, рассказывал о встрече с Вами. Очень меня огорчило известие о болезни Вашей жены. От всей души желаю ей здоровья, а Вам бодрости, сил и плодотворной работы. Радует меня (сужу по письмам друзей), что конгресс славистов прошел с большим успехом. Денис Фомич и Милица Эдуардовна шлют Вам сердечный привет <...> P. S. Через 3 дня я уезжаю в Париж. Привет из суровой Шотландии».⁴

Мы подробно остановились на обстоятельствах общения Гудзия с Зуровым, поскольку именно ему ученый обязан заочным знакомством с вдовой Бунина, переводчицей, мемуаристкой Верой Николаевной Буниной (1881–1961). В декабре 1958 года она прислала в подарок Гудзию свою книгу «Жизнь Бунина», незадолго до того вышедшую в Париже. Тронутый подарком и оказанным ему вниманием, ученый откликнулся 3 января 1959 года:

«Москва
3/1 1959

Глубокоуважаемая
Вера Николаевна!

Вернувшись после месячного отсутствия в Москве из Чехословакии, я получил вчера из Академии наук посланную Вами для меня Вашу книгу „Жизнь Бунина“.

Позвольте принести Вам мою сердечную благодарность за ценнейший подарок. Ваша книга настолько значительна по содержанию, настолько богата первоклассным биографическим материалом о замечательном, большом русском писателе, что навсегда останется первостепенным источником для изучения жизни и творчества Ивана Алексеевича. К большому моему сожалению, я лично не был знаком с Иваном Алексеевичем, но, живя в Киеве, в мой приезд в Москву, в 1916 г. я слушал чтение им его прекрасного рассказа „Петлистые уши“.

Честь и слава Вам за то, что Вы с таким искусством, с такой тщательностью и любовью собрали и опубликовали такой незаурядный по своему качеству материал. То, что Вы сами написали, написано прекрасным русским языком, который одобрил бы такой мастер языка, каким был Иван Алексеевич.

Не сомневаюсь в том, что Вы послали мне Вашу книгу по рекомендации Леонида Федоровича Зурова, с которым я имел удовольствие познакомиться в Эдинбурге. Прошу Вас передать ему мою благодарность за эту рекомендацию и мой искренний привет.

Примите от меня поздравление с новым годом и самое душевное пожелание Вам крепкого здоровья и всяческого благополучия.

Искренне уважающий Вас и глубоко признательный
Ник. Гудзий».⁵

² РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. № 2. Л. 5 об., 6, 7.

³ Там же. Карт. 26. № 36. Л. 1.

⁴ Там же. Разд. II. Карт. 7. № 16. Л. 1. Машинопись с припиской и подписью — автографом. Опубликовано А. М. Любомудровым по машинописной копии, выполненной М. Э. Грин (сообщено Р. Дэвисом): РАЛ. MS 1068/3212. См.: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». Переписка с российскими писателями и учеными: 1957–1971 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Любомудрова. СПб., 2023. С. 226.

⁵ РАЛ. MS 1067/2725.

В феврале Гудзий получил ответное письмо от В. Н. Буниной, подтвердившее предположение о роли Зурова как инициатора их заочного знакомства и содержавшее живейший отклик на воспоминания ученого о выступлении Бунина в 1916 году:

«Париж, 12 II 59

Многоуважаемый Николай Калинникович,⁶

Благодарю Вас за письмо с лестным отзывом о „Жизни Бунина“. Вашим мнением я дорожу, — оно для меня ценно.

Порадовало меня, что Вы слышали чтение рассказа „Петлистые уши“ автором и что рассказ Вам понравился. Думаю, Вы правы: это могло быть в 1916 г. А где это было? Не на „Среде“ ли? В этом рассказе дан необыкновенно жуткий вечерний Петербург в соответствии с самим героем Соколовичем.

Я много слышала о Ваших лекциях в Эдинбургском университете от Леонида Федоровича, и Вы совершенно правы: это он посоветовал послать Вам мою книгу.

Он шлет Вам сердечный привет. Спасибо за пожелания на 1959 г. Я в свою очередь желаю Вам здоровья, творческой работы и возможных радостей.

Искренне уважающая Вас

В. Бунина

Р. С. Ваши книги здесь пользуются заслуженным успехом».⁷

В том же году, но несколькими месяцами позднее Зуров, очевидно, по просьбе вдовы писателя отправил Гудзию по почте и книгу Бунина «О Чехове», вышедшую в 1955 году в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова» с предисловиями М. А. Алданова и В. Н. Буниной. Книгу ученому не выдали, ее положили на специальное хранение в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ, что заставило его обратиться к директору А. М. Сахарову 12 декабря 1959 года: «В спецхране (теперь в профессорском зале) находится <...> присланная мне из Кэмбриджа (Англия) книга Бунина о Чехове. И в этой книге я не нахожу ничего столь опасного для моего личного использования, что заставляло бы лишать меня права владеть ею».⁸ Книги из Франции, Англии, Германии, США Гудзий получал и до 1959 года, и после: западные издания в его библиотеке насчитывали сотни экземпляров. Но в данном случае он не избежал прямого столкновения с обычной практикой цензурных инстанций по отношению к зарубежным изданиям, пересыпаемым в СССР официальной почтой.

Несколько важных эпизодов, позволяющих реконструировать историю общения Буниной и Зурова с Гудзием, относятся к 1960–1961 годам. В Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 года проходил Международный конгресс, приуроченный к 50-летию со дня кончины Л. Н. Толстого. В качестве участника советской делегации принял участие в конгрессе и Гудзий. Вполне возможно было бы пройти мимо этого события, если бы не сохранившаяся, к счастью, переписка В. Н. Буниной с литературным критиком, поэтом и переводчиком Г. В. Адамовичем. В письме от 12 июля 1960 года он сообщал Буниной: «Вы спрашиваете о Венеции. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента <...> Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности <...> Меня очаровал проф. Гудзий, — кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке. Умный, скромный, милый и много рассказавший интересного».⁹

В октябре–ноябре 1960 года Гудзий перенес две серьезные операции и находился в Боткинской больнице. К этому времени относится публикуемое нами ниже письмо

⁶ Отчество было написано с ошибкой, правильно: Каллинникович.

⁷ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 18. № 61. Л. 1–1 об. Согласно второму тому «Летописи жизни и творчества И. А. Бунина», выступление писателя с чтением рассказа «Петлистые уши» состоялось в Москве 21 декабря 1916 года на заседании литературного кружка «Среда» (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. М., 2017. Т. 2. 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов. С. 812).

⁸ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 14. № 13. Л. 2.

⁹ Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. С. 159.

литературоведа, хорошего знакомого ученого, Александра Кузьмича Бабореко (1913–1999), обращенное к Гудзию, — оно было написано 27 октября 1960 года:

«Дорогой Николай Калинникович!

23-го октября я получил письмо от Веры Николаевны Буниной. Она пишет:

„Леонид Федорович очень опечален болезнью Н. К. Гудзия. Пожалуйста, передайте от него Николаю Калинниковичу самые добрые пожелания скорейшего выздоровления“.

Я с огорчением узнал, что Вы нездоровы. Ваша многообразная литературная работа всегда была заметна и так необходима многим, а теперь, в толстовские дни, она необходима особенно.

От всей души желаю Вам скорейшего выздоровления, возвращения к творческой работе и много радостей.

С приветом сердечно А. Бабореко

27.10.<19>60».¹⁰

3 апреля 1961 года не стало В. Н. Буниной. Гудзий узнал об этом, спустя несколько дней, но сразу же откликнулся на ее уход из жизни в письме Зурову 7 апреля: «Сегодня А. К. Бабореко сообщил мне печальную весть о кончине Веры Николаевны Буниной. Зная, как душевно Вы были связаны с Иваном Алексеевичем и Верой Николаевной, я живо понимаю, как эта новая утрата одного из двух близких Вам людей больно Вами переживается. Позвольте выразить Вам свое сердечное сочувствие в постигшем Вас горе, — тем более искреннее, что у меня сохранилось самое теплое воспоминание о нашей встрече в Эдинбурге пять с половиной лет тому назад».¹¹ 27 апреля 1961 года Зуров, отвечая на искренний отклик своего корреспондента, писал Гудзию: «Ваше сердечное письмо тронуло меня бесконечно. Вера Николаевна очень беспокоилась, узнав, что Вы заболели. Я ей рассказывал о наших эдинбургских встречах. Помните, как мы с Вами беседовали о Вере Николаевне в Эдинбургском замке. Вера Николаевна читала Ваши книги. Видела в Париже Ваш фильм „Л. Н. Толстой“ и очень его хвалила. Очень мне тяжело».¹²

В 1950-е годы, после многолетнего замалчивания в СССР, выхода в свет изданий произведений Бунина приходилось добиваться, преодолевая многочисленные препятствия самого разнообразного происхождения — политического, бюрократического, административного. Если единичным изданиям чудом удавалось выйти в свет, то и они сопровождались предисловиями, вроде текста, написанного незадолго до ухода из жизни А. К. Тарасенковым и открывавшего первый в Советском Союзе «бунинский» том стихотворений в большой серии «Библиотеки поэта» (1956). Этот текст объединял в одно целое наблюдения над поэтикой Бунина, его писательским мастерством и одновременно — осуждение великого писателя за его якобы «классовое ослепление», за то, что он «не останавливался перед ординарной клеветой на Советскую Россию», и за многие другие растиражированные советской печатью «идейно-политические заблуждения» Бунина, «не сумевшего ни понять, ни принять новую эпоху».¹³

¹⁰ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 16. № 1. Л. 4. Машинопись с подписью — автографом. Та же тема звучит и в письме Зурова В. И. Малышеву, написанном в тот же день: «Пожалуйста, передайте мой привет профессору Гудзию <...> Мне сообщили недавно, что он заболел. От всей души желаю ему скорейшего выздоровления» (Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 97).

¹¹ РАЛ. MS 1068/3214. Опубликовано А. М. Любомудровым по автографу: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 227.

¹² РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 26. № 36. Л. 2. Опубликовано А. М. Любомудровым по черновику (РАЛ. MS 1068/3213) и датировано октябрем 1960 года, см.: Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 226–227. В письме упомянут документальный фильм «Лев Толстой» (1953; режиссер С. Бубрик, авторы сценария Л. Никулин, С. Бубрик), научным консультантом которого был Гудзий.

¹³ Бунин И. А. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. К. Тарасенкова. Л., 1956. С. 21 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Надо сказать, что и с текстологической стороны выходившие в свет издания нельзя назвать удачными.

Как известно, начало публикациям бунинской прозы было положено однотомниками «Рассказы» (1955) и «Избранные произведения» (1956). Редактором их был П. Л. Вячеславов, состоявший в переписке с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым.¹⁴ Он же подготовил книгу «Повести, рассказы, воспоминания» (1961), выход которой в издательстве «Московский рабочий» заставил Гудзия высказаться относительно советских изданий наследия Бунина. Еще раньше, в 1956 году в четвертом томе пятитомного Собрания сочинений писателя, вышедшего в серии «Библиотека „Огонек“» под редакцией Вячеславова, увидела свет повесть Бунина «Лика» (отдельным изданием напечатана также в 1958 году), являющаяся органической частью романа «Жизнь Арсеньева».

Обстоятельства сложились таким образом, что Гудзий познакомился с романом не только по советскому изданию, но и по нью-йоркскому, последнему прижизненному и авторизованному автором. Это подтверждает письмо Бабореко, адресованное Зурову и датированное 9 мая 1961 года: «„Жизнь Арсеньева“ произвела на многих, в буквальном смысле слова, потрясающее впечатление. Николай Каллинникович прочел эту удивительную книгу только прошлый год. Встретив меня, он говорил: — Что за книга! Какие изумительные описания природы! А изображения людей, России!»¹⁵ Указание на год знакомства Гудзия с романом Бунина позволяет нам предположить, что именно Бабореко дал Гудзию возможность познакомиться с его экземпляром издания, вышедшего в «Издательстве имени Чехова» в 1952 году и снабженного пометой «Первое полное издание». 21 марта 1958 года датирована дарственная надпись В. Н. Буниной на этой книге, подаренной Бабореко: «Дорогому Александру Кузьмичу Бабореко в знак благодарности и дружеского отношения. Это — последний экземпляр в издательстве. В. Бунина».¹⁶ В переписку с Зуровым Гудзий вступил несколько позже, и в том случае если бы у него имелся собственный экземпляр, то он был бы получен, думается, раньше упомянутого 1960 года, а это противоречит истории эпистолярного общения ученого с Зуровым и Буниной. Можно допустить и присылку Зуровым имевшегося у него экземпляра «Жизни Арсеньева» Гудзию, хотя этот момент не отображен в переписке.

Выход однотомника в 1961 году дал Гудзию повод задуматься о том, в каком виде предстает впервые перед советским читателем литературное произведение, которому он дал высокую оценку, как «выдающемуся явлению новейшей русской художественной литературы». Единомышленника ученый нашел в лице Бабореко, который с сочувствием отнесся к замыслу Гудзия и, разделяя его критическое отношение к принципам, положенным в основу публикации «Жизни Арсеньева», а вернее сказать — отсутствию каких бы то ни было четких текстологических принципов, 23 декабря 1961 года писал своему корреспонденту: «Слышал, что Вы пишете об однотомнике сочинений Бунина, изданном „Московским рабочим“; в этом издании — тот же „текстолог“, который возмутил Бунина в 1946–47 годах своей „текстологией“, сейчас испакостил жемчужину русской прозы „Жизнь Арсеньева“ сокращениями. Это, прежде всего, его работа, а не издательства, я-то это хорошо знаю. Я хочу дать Вам некоторые сведения об этом романе, которые пригодятся, может быть, когда Вы будете писать о нем. — Прежде всего, ссылка текстолога и комментатора на то, что будто бы сам Бунин дал право на сокращения, сущее вранье. Есть единственное письмо Бунина, опубликованное мною в Смоленске, в котором он писал исключительно о книге „Освобождение Толстого“ (Н. Д. Телешову, 8 января 1947) <...> Ему и в голову не могло прийти проделать

¹⁴ В воспоминаниях Бабореко крайне отрицательно оценивал и личные, и профессиональные качества Вячеславова: Бабореко А. К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М., 1993. С. 45.

¹⁵ Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 276.

¹⁶ Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). С. 4, ил.

сокращения в художественном произведении или соглашаться на таковые. Прошедшим летом мне рассказывали Кодрянские, будучи в Москве, что Бунин слал телеграмму И. В. Кодрянскому из Парижа в Нью-Йорк с просьбой изменить запятые в книгах, печатавшихся в Чеховском издательстве <...> Бунин обычно на оригинал, на корректуре надписывал: „строго держаться оригинала — сохранить все мои знаки препинания“ <...> Бунин дорожил словом и всю жизнь боролся с теми, кто не ценил русскую речь. Мне кажется, хорошо бы было помнить это всякому, кто берется редактировать и издавать Бунина <...> Сокращения в „Жизни Арсеньева“ преступны еще и потому, что уничтожают построение, художественную гармонию частей, что в прозе Бунина всегда исключительно важно».¹⁷

Упоминание о 1946–1947 годах, по-видимому, имеет отношение к планам советского правительства убедить писателя вернуться из эмиграции на родину. Для этого были предприняты разнообразные меры — на Бунина воздействовали через сотрудников посольства (так, осенью 1945 года писатель встречался с послом А. Е. Богомоловым, и встреча эта была истолкована даже частью ближайших знакомых Бунина превратно), через писательские круги (встречи с К. М. Симоновым летом 1946 года).¹⁸

В это же время шли переговоры с писателем и об издании его произведений в Советском Союзе — по всей вероятности, Бунин еще не успел подробно познакомиться с первыми опытами работы советских редакторов (в частности, Вячеславова) с его произведениями, но пришел в негодование от недопустимых для автора обстоятельств подготовки книг, отказавшись от подобных инициатив, после чего получил телеграмму от руководства Государственного издательства о том, что публикация его произведений откладывается на неопределенный срок (на деле готовый набор сборника был рассыпан).¹⁹ Кроме того, Бунину стало известно, что в основу первого однотомника,

¹⁷ РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 16. № 1. Л. 11–13. Упомянуты хорошие знакомые Бунина, врач, предприниматель, меценат И. В. Кодрянский и его супруга, писательница Н. В. Кодрянская. В письме от 8 января 1947 года Бунин, уже сообщивший о своем категорическом решении Н. Д. Телешову и в издательство, но еще не знаящий о том, что набор издания был рассыпан, в ответ на сожаление своего друга относительно отказа и убеждения в необходимости издания однотомника в Советском Союзе писал ему буквально следующее: «...пока спешу горячо просить тебя сказать Государственному издательству: пусть издает из моих писаний *все что угодно*, но выбирает только из собрания моих сочинений издания „Петрополиса“ в Берлине 1934 и 1935 годов (если в Москве этого издания нет, — я вышлю свой экземпляр, последний, ибо это издание давно разошлось). Можно издать еще в *сокращенном виде* мою книгу „Освобождение Толстого“». См. это письмо и переписку Бунина с Н. Д. Телешовым, подготовленную к печати А. Н. Дубовиковым: Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / [Ред. А. Н. Дубовиков, С. А. Макашин]. Кн. 1. С. 623–632 (письма 1940-х годов, цитируемое письмо см. на с. 631).

¹⁸ См.: Пономарев Е. Р. Как И. А. Бунин оказался красивым? (По материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4. С. 202–208; Морозов С. Н. И. Бунин и К. Симонов: парижские встречи // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 205–215.

¹⁹ См. в письмах Бунина к Алданову отголоски, складывающиеся в некоторую хронику, демонстрирующую живую реакцию Бунина на новости, получаемые из Советского Союза: «...на днях прочел в московской „Литературной газете“ о выходе в свет каких-то моих „избранных“ произведений <...> Это меня ужасно взволновало и продолжает волновать: навалят в это издание Бог знает что, без разбору, перемешают путное с ничтожным, ранним — и т. д., словом, сделают то, от чего многие, так уже изданные, в гробу переворачиваются!» (11 октября 1945 года); «...была телеграмма из Москвы на имя писательницы Триоле <...> эту телеграмму она передала мне по телефону и в этой телегр<амме> была просьба прислать „не медя“ сборник моих последних рассказов; я тогда отправился к Борису Даниил<овичу> Михайлову, заведующему здесь „бюро прессы“ по назначению Москвы, и попросил его запросить Москву, зачем и кому именно нужны мои рассказы <...> недели через три пришел ответ из Москвы — там желают издать эти мои рассказы (только для России) и еще что-нибудь из моих последних книг <...> и я попросил Баухра отвести Михайлову рукопись моих рассказов (3/4 их), „Освобождение Толстого“ и „Жизнь Арсеньева“, а также письмо к Телешову: вот, мол, посылаю, по желанию Москвы, кое-что из моих последних писаний „для осведомления“» (26 декабря 1945 года); «Открыта мне от Телешова из Москвы: „Государств<енное> издательство печатает твою книгу избранных произв<едений>. Листов в 25“. Это такой ужас, которому имени нет! Ведь я еще жив! Но вот, без спросу, не сове-

подготовка которого планировалась еще в 1945 году, были положены тексты Собрания сочинений в шести томах 1915 года в издании А. Ф. Маркса, которое Бунин не раз в переписке называл «ужасным». Авторский комплект Собрания сочинений, выпущенного берлинским издательством «Петрополис» в 1934–1936 годах, после кончины писателя передала в СССР его вдова. В настоящее время он хранится в РГБ.²⁰

В 1950–1960-е годы предпринимались неоднократные попытки организовать возвращение в Советский Союз архива Бунина, для чего велись многолетние и безуспешные переговоры с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым. О позднем этапе этих переговоров красноречиво свидетельствует подробнейшее письмо С. А. Макашина к руководству Союза писателей СССР от 17 января 1969 года, где он рассказал об истории «борьбы» за архив Бунина, в которой и сам принимал ближайшее участие. Отчали оказался причастен к этим переговорам и Гудзий, которого привлек Бабореко.²¹

Издание однотомника в «Московском рабочем» спустя пятнадцать лет после первых аналогичных попыток, несмотря на то, что готовилось оно в иной политической ситуации, тем не менее, оказалось изуродовано многочисленными варварскими купюрами по решению Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совмине СССР и его руководителя П. К. Романова.²²

Начало работы Гудзия над статьей «О „Жизни Арсеньева“ И. А. Бунина в советских изданиях» оказывается возможным датировать достаточно точно: декабрь 1961 года. В ней упомянута публикация «Жизни Арсеньева» в трех номерах журнала «Москва» — июльском, августовском и ноябрьском («Лика» в ее составе напечатана не была). Что же касается завершающего этапа работы, то представляется правильным отнести его к январю–февралю 1962 года.

Несмотря на очевидный восторг автора статьи перед писательским даром и отсутствие какой бы то ни было предвзятости во взгляде, она отчасти похожа на другие работы о Бунине, появлявшиеся в печати в описываемый период. В ней повторяются некоторые общие места, клише, усвоенные советским литературоведением по отношению к Бунину еще в 1930-е годы.²³ Но благодаря высказанным автором и заслуживающим

сяться со мной, — выбирая по своему вкусу, беря старые тексты... Дикий разбой» (23 января 1946 года); «В Москву я отправил 2 больших письма — Телешову и Государственному издаельству — написал не в меру резко, что именно там выбрали из меня? И какие тексты? „Огромное количество экземпляров“ меня ничуть не радует, я вне себя от горя» (14 февраля 1946 года); «Федин <...> сказал <...> что мои писания издаются сразу и в Москве и в Петербурге — по 80 печатных листов каждое издание! Я убежден, что я за все за это и гроша не получу, но черт с ним, с грошом — ужасно то, повторяю, что мною распоряжаются, как своими собственными штанами и без всякого моего ведома» (24 февраля 1946 года); «...все-таки не в деньгах дело, а в том, что выберут и как будут сокращать, выкидывать им неподходящее!» (12 марта 1946 года); «Впал ли я „в немилость“ — не знаю. После той телеграммы и моего ответа на нее нет больше никакого движения дела, молчание» (10 мая 1946 года). См.: И. А. Бунин: *Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология* / [Сост. Б. В. Аверин и др.]. СПб., 2001. С. 56–60.

²⁰ Лит. наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 631.

²¹ «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подг. текста А. Ю. Галушкина; вступ. заметка А. Ю. Галушкина при участии М. А. Фролова; комм. М. А. Фролова и А. Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С. 79–82; Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». С. 224; Бабореко А. К. Дороги и звоны. С. 98–99. В этой связи нелишним будет упомянуть, что начиная с 1956 года В. Н. Бунин передавала в Советский Союз некоторые материалы архива писателя. См. публикацию, раскрывающую сложный, к несчастью запутанный и наполненный противоречиями, процесс, участниками которого оказались представители различных государственных ведомств и структур (от членов правительства до литературной общественности): Любомудров А. М. «Неприличная, позорная история»: О несостоявшейся передаче бунинского наследия на родину (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021. С. 398–433.

²² Максименков Л. Битва за Бунина // Огонек. 2020. № 39–42 (5611). С. 38–40.

²³ Именно эта особенность текста заставляет допустить следующее предположение. Несмотря на то, что, судя по процитированному выше письму Бабореко, коллеги Гудзия знали о его

внимания соображениям относительно публикации художественного текста, который Гудзий уже в самом начале 1960-х годов относил к фонду классических произведений, она не теряет своей исторической и научной ценности. Очень важен не только сопоставительный анализ советского однотомника 1961 года и авторизованного нью-йоркского издания 1952 года, но и само время закрепления наблюдений ученого на бумаге в надежде на дальнейшую публикацию. Напомним, что автор — выдающийся текстолог и источниковед, имевший к моменту написания статьи значительный (несколько десятилетий) практический опыт подготовки как академических, так и неакадемических изданий литературных памятников XI–XX веков.

Статья Гудзия позволяет представить примечательный эпизод в изучении бунинского наследия в начале 1960-х годов, на этапе, многое определившем и предшествующем выходу из печати Собрания сочинений писателя в девяти томах в издательстве «Художественная литература» (1965–1967) — первой значительной победе отечественного буниноведения и его неравнодушных сторонников. В шестом томе этого издания, вышедшем в 1966 году, роман «Жизнь Арсеньева» был напечатан по тексту авторского экземпляра издания 1952 года (с учетом правки писателя и исправлением дефектов предыдущих советских публикаций). В комментариях впервые в советских изданиях была приведена информация относительно всех предшествующих публикаций (от первой газетной 1927 года до книги, выпущенной «Издательством имени Чехова») и некоторые материалы к творческой истории романа — в частности, анализ переданных В. Н. Буниной в СССР рукописей первых четырех книг, а также сведения, почерпнутые из книг И. А. и В. Н. Буниных, отклики на роман писателей и критиков. Сходным образом обстояло дело и с публикацией романа в пятом томе собраний сочинений писателя в шести и в восьми томах, напечатанных в 1988 и в 1996 годах соответственно.

В трех собраниях сочинений Бунина, последовавших за однотомником 1961 года, радикальным образом нарушившим авторскую волю, такие редакторы, как Л. В. Котляр и А. К. Бабореко, в своей работе стремились приблизиться к тому, что называется «критикой текста».²⁴ Тем символичнее выглядит тот факт, что одним из ранних свидетельств этого «движения к автору» является публикуемая нами работа Гудзия.

В архиве Гудзия сохранились две редакции статьи в виде двух машинописей с авторской правкой (РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 2. № 11. Л. 1–10). Текстуальное их сравнение позволяет без труда определить очередность их появления на свет. Мы публикуем последнюю, предназначенную автором для печати редакцию статьи (Л. 5–10), но в затекстовых примечаниях приводим разнотечения с ее первой редакцией, чтобы читатель имел возможность познакомиться с ходом работы Гудзия. Из этих разнотечений следует, что она шла по линии сокращений первоначального текста (под предполагавшийся и заранее обозначенный редакцией журнала объем), придания формулировкам большей лаконичности, а также поправок, отражающих стремление избежать утрирования некоторых оценок и положений. При публикации источника нами сохраняются индивидуальные особенности авторской орфографии и пунктуации.

намерении написать статью о «Жизни Арсеньева», что у него были добрые отношения с редакцией журнала «Вопросы литературы» и что в архиве Гудзия других следов «бунинской темы» нам обнаружить не удалось, нельзя исключить иную первоначальную жанровую принадлежность и предназначение публикуемого текста. Допустимо, что это могла быть внутренняя рецензия, которая преследовала, по сути дела, ту же цель, что и статья — добиться публикации текста без купюр или существенно сократить их число.

²⁴ О сложностях и хитросплетениях творческой истории «Жизни Арсеньева», о принципах, которые должны быть положены в основу современного научного издания романа, полнее всего рассказывает опубликованная совсем недавно статья: Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. С. 617–624. Вполне справедливо и обоснованно замечание автора о том, что правка Буниным издания 1952 года в целом случайна и непоследовательна и в качестве выражения последней авторской воли рассматриваться не может, но должна быть оценена как «нереализованный проект» писателя. В то же время сам текст романа, опубликованный в 1952 году, следует считать основным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. К. Гудзий

О «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина в советских изданиях

Роман «Жизнь Арсеньева» относится к числу выдающихся произведений И. А. Бунина. Писатель работал над ним в общей сложности на протяжении около двадцати пяти лет, в то же время это едва ли не самое значительное произведение в его писательском наследстве. В соединении с повестью «Лика», органически связанной с «Жизнью Арсеньева» и составившей его последнюю, пятую книгу, роман в окончательно обработанной автором редакции вышел в «Издательстве имени Чехова», под заглавием «Жизнь Арсеньева. Юность» и с пометой «Первое полное издание» (Нью-Йорк, 1952).

Повесть «Лика» в 1956 году была полностью напечатана в составе пятитомника сочинений Бунина, изданного Гослитиздатом; что касается «Жизни Арсеньева», то впервые в советском издании роман появился лишь в 1961 году — почти одновременно в однотомном собрании сочинений Бунина в издательстве «Московский рабочий» и в трех номерах журнала «Москва» (в последнем — без пятой книги, то есть без «Лики», видимо потому, что в журнале неуместно было бы перепечатывать недавно опубликованное в советской печати произведение). Текст первых четырех книг романа в обоих советских изданиях подвергся одинаковым, совершенно сходным сокращениям.¹ Сокращения эти выразились в исключении из текста романа целиком двенадцати глав (нужно сказать, однако, что по своему объему главы в «Жизни Арсеньева» обычно довольно коротки), а также отдельных мест в некоторых других главах, всего около двух печатных листов.

Арсеньев — в самом существенном — образ автобиографический. В нем Бунин отразил душевное развитие обедневшего, но дорожащего своими родовыми традициями, художественно одаренного, постоянно эмоционально взволнованного выходца из дворянской среды.² Арсеньев плотью и кровью связан с патриархальной помещичьей Русью, с ее не столько политическим, сколько бытовым консервативным укладом, с убаюкивающей поэзией старозаветного провинциального господского и крестьянского быта, сложившегося в окружении бескрайних среднерусских просторов. Ему свойственна повышенная наблюдательность, живое проникновение³ в мир человека и в мир природы, углубленная и сосредоточенная жизнь в самом себе, психология индивидуалиста, равнодушного, а порой и враждебно настроенного к тому, что занимало современное ему передовое общество, религиозная настроенность, как устоявшееся, с детских лет нажитое, переживание, рожденное традицией чувства, а не голосом веры и убеждения.

Таков Арсеньев, таков и сам Бунин, и до Октября, по существу, стоявший в стороне от острых вопросов современности, а после Октябрьской революции, в эмиграции, сначала внутренней, потом внешней, зарубежной, ставший в резко враждебное отношение к обновленной России. Такого рода позиция писателя, естественно, не могла не оказаться особенно явственно на его послеоктябрьском творчестве, не могла она не сказаться и на «Жизни Арсеньева», как и на некоторых других его произведениях, созданных в эмиграции. Это определило, в частности, идейную ущербность романа.⁴

Возникает вопрос, насколько оправданы купюры в советских изданиях романа, если вообще возможно говорить о допустимости купюр при печатании выдающегося, хотя и не совсемозвучного с нашей идеологией произведения большого писателя.⁵

Но и самому своему характеру купюры эти даже при самом строгом подходе, на наш взгляд, представляются совершенно необоснованными. Ведь нужно было принять во внимание, что мы имеем дело не с советским писателем, а с писателем-эмигрантом, чуждые нам идейные и политические позиции которого хорошо известны.⁶

Совершенно недопустимый и уже не раз обсуждавшийся в советской печати редакторский произвол, в данном случае допущенный по отношению к бунинскому роману, произведенные в нем купюры искажают облик Бунина — политический и художественный. Изъяты в романе места, вскрывающие те социально-сословные

и религиозно-мистические корни мировоззрения писателя, которые во многом обусловили его эволюцию, переход в лагерь врагов и хулителей Октябрьской революции. «Подчищая» Бунина, «улучшая» его идеально, издатели невольно играют на руку тем, кто его безоговорочно идеализирует, кто не хочет замечать в его мировоззрении крупнейших изъянов, приведших его к духовной трагедии и внутреннему опустошению. Единственно целесообразным было бы, не прибегая к купюрам, сопроводить издание романа такой статьей, в которой нашло бы себе место объяснение ущербности политической и идеальной эволюции Бунина.

Недоумения наши начинаются с первой же главы первой книги романа. Глава обрывается почти в самом начале, на словах Арсеньева: «Знаю, что род наш „знатный, хотя и захудалый“, после которых, подкрепляя свою мысль ссылкой на церковную молитву, он признается, что всю жизнь дорожил знатностью своего древнего рода, чистотой и непрерывностью крови и породы, гордясь и радуясь, что он «не из тех, у кого нет ни рода, ни племени». Опущена далее вся десятая глава той же первой книги, где Арсеньев говорит о том, что с самого детства он жил с обостренным чувством смерти, как живут иные люди чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни. Для нас ясно, что размышления о смерти, действительно преследовавшие Бунина всю жизнь, ассоциировались со всем мировоззрением человека, оказавшегося не в силах порвать со своим умирающим классом, обезволненного, отуманенного («...Замкнулся он в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданий, самоизнурения, самоистязания»). С понятием о смерти родилось у Арсеньева и понятие о боже и вера в него. Особенно сильно, по его словам, чувство смерти у него самого и в его семье проявлялось в великопостные и страстную неделю, не убывая и с наступлением пасхального праздника. И дальше исключены части глав и отдельные главы, в которых речь идет о религиозной настроенности Арсеньева, о действии на его чувства и на лирически-мечтательную психику церковной службы, об отношении к смерти. Целые главы во второй и третьей книгах романа, в которых описываются переживания Арсеньева в связи со смертью его сестры Нади и родственника, помещика Писарева, также опущены — вероятно, только затем, чтобы уберечь читателя от пессимистического взгляда на вещи.

Из романа исключены отрицательные высказывания Арсеньева об увлечении русской интеллигенцией революционными идеями, пренебрежением ее к повседневному, спокойному, практически оправданному труду, не способному кружить голову и не дающему простора кипучей подпольной деятельности, опьяняющей и импонирующей своим политическим риском,⁷ побуждающей к самопожертвованию и самоотречению в пользу и во благо страждущего народа. Все эти суждения Арсеньева, как и его отношение к передовым деятелям русской литературы и культуры, ко всему тому, что связано с революционно-освободительными настроениями студенческой молодежи, как и его скорбь по поводу гибели старой России, проникнуты самоочевидной реакцией.⁸ Однако все это настолько типично для внутреннего облика Арсеньева, что с устранением подобных суждений из текста романа искажается центральный образ произведения, как исказились и упростились бы образы ряда персонажей Толстого и Достоевского, например, если бы мы устранили из характеристик этих персонажей все то, что не согласуется с нашими представлениями о передовых традициях русской общественной мысли. Если мы хотим, чтобы читатели знали подлинного, а не прикрашенного Бунина, таким, каким он был в эмиграции, нельзя скрывать его недоброжелательных мыслей о революционерах, потому что они объясняют сделанный им политический выбор после Октября.

Исключены, наконец, четыре последние (XIX–XXII), как обычно, короткие главы четвертой предпоследней книги «Жизни Арсеньева», правда, композиционно никак не связанные с романом в целом. В главе XVIII речь идет о встрече Арсеньева с Ликой и его влюбленности в нее, а вся пятая книга посвящена рассказу об их любовной связи и драматическом разрыве. И между этой главой и текстом пятой книги вклиниваются четыре главы, перебивающие и нарушающие хронологическую последовательность повествования. Арсеньев, на время расставшись с Ликой, уезжает из Орла, где произошло их знакомство, и на вокзале смешиается с привилегированной толпой, встре-

чающей траурный поезд, везущий тело умершего вдали от столицы царя.⁹ Во время остановки поезда в Орле на платформу выходит молодой ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, поразивший Арсеньева своей незаурядной внешностью; в следующих трех главах четвертой книги рассказывается о том, как через много лет этого красавца-гусара, великого князя, не названного по имени, но, очевидно, Николая Николаевича-старшего, поселившегося теперь на чужбине, во Франции, по соседству с Арсеньевым, Арсеньев видит на смертном одре и присутствует на торжественной панихиде по нему. Весь этот рассказ, при всей его художественной выразительности, повторяя, представляется действительно посторонней вставкой, но и тут не следовало нарушать авторской воли; необходимо было, до конца соблюдая последовательность, сохранить эти главы в тексте романа.¹⁰

Нам кажется, что произведения такого писателя, как Бунин, должны доходить до читателя без редакторского вмешательства, как доходят до читателя произведения других наших классиков.¹¹

¹ Далее следовало: проделанным одной и той же редакторской рукой

² Было: из года в год склоняющей дворянской среды

³ Было: живейшее вчувствование

⁴ Этот абзац оканчивался более пространным пассажем: Это определило, в частности, идеиную ущербность «Жизни Арсеньева», благодаря чему роман в течение долгого времени не появлялся в советской печати. Однако его высокие художественные достоинства, его первостепенное значение в творческом наследстве Бунина, наконец, сделали его доступным для советского читателя, но с купюрами, как об этом сказано было выше.

⁵ Абзац имел следующее продолжение: И не целесообразнее ли было бы вовсе отказаться от советского издания даже художественного шедевра, раз возникает сомнение в полезности ознакомления с ним советского читателя в первозданном обличии этого шедевра и если сопроводительная критическая статья советского комментатора не способна спасти положение?

⁶ Абзац имел следующее продолжение: Обратим, прежде всего, внимание на те изъятия из романа в обоих советских изданиях, которые даже при самом строгом цензурном подходе, на наш взгляд, не заслуживали этого, особенно если принять во внимание, что мы имеем тут дело не с советским писателем, а с писателем-эмигрантом, чуждые нам идеиные и политические позиции которого нам хорошо известны, которых мы не намерены оправдывать, но мимо которых мы терпеливо проходим в уверенности, что советский читатель не нуждается в усиленной опеке и что он самостоятельно разберется в том, что для него ценно в Бунине-художнике и что неприемлемо, и, главное, вовсе не заразительно.

⁷ Предложение оканчивалось иначе: вовлекающей в тайные кружки с присущей им романтической жаждой самопожертвования и самоотречения в пользу и во благо страждущего народа

⁸ Предложение оканчивалось следующим пассажем: что связано с революционно-освободительной фразеологией революционно настроенной студенческой молодежи, как и его скорбь по поводу гибели старой России, утратившей в его представлении после Октябрьской революции свою духовную и материальную мощь и свое гордое величие, — все это проникнуто самоочевидной реакционностью

⁹ Далее следовало: Имя его не названо, но ясно, что речь идет о прахе Александра III, скончавшегося в Крыму, в Ливадии, в 1894 году и направляемом для погребения в Петербург.

¹⁰ Абзац оканчивался следующим пассажем: Весь рассказ о высокопоставленном в прошлом покойнике проникнут щемящей лирической грустью, подробности церковного панихидного обряда переданы с художественной выразительностью, но, повторю, все, что рассказано в этих четырех главах, завершающих четвертую книгу романа, и что не вошло в советские его издания, представляется посторонней, случайной и тем самым вовсе не оправданной, хотя идеиной довольно безобидной вставкой. Роман ничего не потерял бы, а скорее выиграл бы без этой вставки, но и тут сам собой напрашивается вопрос — следовало ли и в данном случае нарушать авторскую волю и не правильнее было бы, до конца соблюдая последовательность, не исключать из советских изданий романа и этой чуждой его содержанию и архитектонике вставки, критически отнесся к ней в сопроводительном к роману комментарии.

¹¹ Далее следовало: Если мы признаем, что для Бунина настала пора причислить его к классикам русской литературы, то, очевидно, должны признать и то, что, по крайней мере, первостепенные его произведения, к числу которых мы по праву относим «Жизнь Арсеньева», должны доходить до читателя без цензурного посредства, даже принимая во внимание их идеиную ущербность, как доходят до читателя произведения других наших классиков, не всегда свободных от такой ущербности.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ГИПЕРОБЪЕКТ (ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ К ЦИФРОВОМУ)

Едва ли сегодня кто-то отождествляет произведение с его материальным носителем — автографом, копией или прижизненным изданием, которые могут содержать случайные напластования (цензура и автоцензура, ошибки и т. п.). Когда невозможность такого отождествления подверглась рефлексии в пушкинистике 1920–1930-х годов, была выдвинута концепция текста как идеального феномена, несводимого к его материальной фиксации. Г. О. Винокур, подробнее всех разработавший это представление, писал в 1927 году, что речь может идти только о бесконечном приближении к идеальному тексту, о «некоторой потенции его», о «частичном осуществлении этого идеального задания», которое стоит перед ученым.¹ Эти убеждения оставались актуальными и в позднейшие десятилетия.² В результате при подготовке академического Полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 годов был узаконен практикуемый и в более ранних изданиях принцип контаминации разновременных источников. Нередко это приводило к появлению такого текста, какого автор никогда не писал, не видел и не держал в руках. Яркие примеры тому — стихотворение «Деревня» и трагедия «Борис Годунов».³

Представление об идеальной природе текста имеет достаточно сложный генезис. С одной стороны, оно перешло в текстологию литературы Нового времени из библейской критики, классической филологии и медиевистики, которые часто вынуждены реконструировать исходный текст на основании разных текстов-посредников. В этих случаях искомый текст идеален лишь в том смысле, что не существует в качестве, так сказать, материального предмета. Конечно, и в пушкинском наследии имеются произведения, известные только по спискам, но в большинстве случаев мы имеем дело с автографами и прижизненными изданиями. А если исходный текст наличествует и, тем не менее, объявляется недосягаемым идеальным феноменом, ситуация в корне меняется, происходит подмена понятий и инверсия смыслов. Текстолог начинает трактовать тот вид, в котором текст зафиксирован в определенный момент времени рукописью или изданием, как всего лишь одну из акциденций его идеального бытия, которое начинает реконструироваться из общей совокупности акциденций — отсюда принцип контаминации на основе разных источников текста произведения с опорой на факты его творческой истории.

Часто кажется, что текстология — область сугубо прикладная, прагматическая. Между тем и критика текста, и принципы его подачи бывают самым тесным образом связаны с областью идей. Так, например, показательно, что для Г. О. Винокура одним из главных авторитетов в области герменевтики и критики текста был Фридрих Шлейер-

¹ Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 59. На следующей странице Винокур цитирует слова Б. В. Томашевского из предисловия к подготовленному им изданию «Гавриилиады» (Пг., 1922): «Установление канонического текста <...> есть деятельность непрерывная, деятельность бесконечного приближения к идеалу, вообще недостижимому». О принципиальной разнице, имевшейся при этом в позициях Винокура и Томашевского, см.: Ларионова Е. О. «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 299–302.

² См., например, стенограмму относящихся к 1936 году выступлений С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура: Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 260, 270, 271, 274, 276.

³ См. примечания к ним в новом академическом издании: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 592–594 (прим. Е. О. Ларионовой, О. С. Муравьевой и С. Б. Федотовой); 2009. Т. 7. С. 592–593 (прим. М. Н. Виролайнен и С. А. Фомичева).

махер.⁴ Опора на этот авторитет показательна: здесь важно и то, что Шлейермакер был филологом-классиком, и то, что он был протестантским теологом, и то, что он разработал понятие герменевтического круга, на которое Винокур опирается. Но может быть, важнее всего то, что, по Шлейермакеру, в творчестве создателя бессознательное преобладает над сознательным, а в творчестве интерпретатора сознательное преобладает над бессознательным. Интерпретатор, поэтому, может соучаствовать в творчестве, в своем диалоге с автором лучше понимая его, чем тот сам понимает себя. Весь этот круг идей, несомненно продуктивный в зоне чистой интерпретации, едва ли может быть без ущерба для дела перенесен на поле текстологии, стремящейся к точности. Когда такой перенос был осуществлен в первой половине XX века, суровая идеология эпохи вызвала к жизни подмену самих оснований принципа контаминации. То, что изначально трактовалось как приближение к недосягаемой идеальной природе текста, стало восприниматься как восстановление его объективных черт. Не случайно за текстом произведения, помещенным в основном корпусе академического издания, закрепилось определение «канонический».⁵

Между тем великие пушкинисты, готовившие разделы «Других редакций и вариантов» в издании 1937–1949 годов, не случайно отказались от транскрипции, схватывающей только застывшую графику черновика: они стремились передать *процесс* создания произведения.⁶ Трудно сказать, было ли тогда осознано противоречие между этим стремлением и представлением о каноническом тексте как об остановленной раз и навсегда реальности. Ясно лишь, что к концу XX века понятие «канонический текст» было вытеснено более мягкими, но все же достаточно определенными понятиями «основной» или «критический» текст.

Склонность культуры к определенному и застывшему постоянно чередуется с любовью к текущему и подвижному. Последняя тенденция была ярко выражена во второй половине XX столетия. Предлагая обоснование интертекстуального подхода, Ролан Барт писал: «Текст подлежит наблюдению не как законченный, застывший продукт, а как его производство, „включенное“ в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом, с историей, но не по детерминистским законам, а путем межтекстовых ассоциаций».⁷ Идея о том, что текст — не продукт, а его производство, генетически связанная с провозглашенной еще Гумбольдтом идеей о том, что язык — не предмет, а деятельность, стала чрезвычайно популярной в последние десятилетия минувшего века.

Любопытно, что попытка уйти от текста как однозначной заданности была предпринята в далекой от всякого теоретизирования пушкинистике Института русской литературы. В первом томе нового академического Полного собрания сочинений Пушкина (СПб., 1999) В. Э. Вацуро решил помещать в основном корпусе произведений сразу две редакции лицейских стихотворений — раннюю и позднее переработанную. Примеру последовали редакторы Полного собрания сочинений и писем Баратынского,⁸ приняв более радикальное решение: здесь в основном корпусе представлены *все* имеющиеся редакции *всех* стихотворений.

Эти принципы не вызвали единодушной поддержки. Сложившиеся навыки обращения с текстом требуют определенности: какую редакцию нужно цитировать? какую перепечатывать в массовых изданиях? какую преподносить школьникам? В томах

⁴ См., например: Винокур Г. О. Критика поэтического текста. С. 25–27.

⁵ Задача выработки «неопровергимого» и «вечного» канонического корпуса пушкинских текстов была выдвинута еще М. Л. Гофманом — см.: Гофман М. Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922. С. 101.

⁶ См., например, выступления по этому поводу С. М. Бонди и Д. П. Якубовича: Из истории советского академического издания сочинений Пушкина. С. 261, 264.

⁷ Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. Лингвостилистика. С. 307.

⁸ См.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1 / Руководитель проекта А. М. Песков; ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. В следующих томах, вышедших в 2002 и 2012 годах, выдержан тот же принцип.

нового академического издания Пушкина, следующих за первым, случаи представления в основном корпусе двух редакций сведены к минимуму — они допускаются лишь тогда, когда редакции самостоятельны и, так сказать, равноценны, а их параллельная подача позволяет избежать контаминации источников.

Наиболее радикальный способ фиксации текста в его неподвижной данности — представление его в виде последней прижизненной публикации (или последней рукописной версии, если текст не был опубликован), со всеми ее особенностями, включая орфографические и пунктуационные. Несколько огрубляя принципы издания Баратынского 2002–2012 годов, можно сказать, что оно демонстрирует фундаментальное противоречие современного выбора между статикой и динамикой при подаче текста: стихотворение предстает в основном корпусе как череда сменяющих друг друга редакций, но каждая из них является копией своего источника (своего рода «транскрипцией», которая всего лишь переводит в другой шрифт изображенное на листе бумаги). Принципы статики и динамики скорее оспаривают, чем дополняют друг друга.

Эти противоречия в большой своей части продиктованы условиями книжного формата. Книга не может быть безразмерной, в ней фиксируется лишь самое важное (то, что признано самым важным), в ней должны реализоваться принятые при ее подготовке единые принципы (эти, и никакие другие), она задает линейное одностороннее чтение. Впрочем, последнее условие действует только в пределах внутренне связанных фрагментов: собранные в томе произведения можно читать вразброс, а разделы «Другие редакции и варианты» и комментарии, обладая частичной автономией, так сказать, параллельны основному корпусу текстов.

Описанные противоречия, как и многие другие, могут быть сняты при переводе академического издания в электронный формат. Речь идет, разумеется, не о цифровом воспроизведении книги, а о тех новых способах организации материала, которые предлагает проект «Пушкин <цифровой>». При всей новизне электронных возможностей, некоторые важнейшие из принятых в рамках проекта решений подсказаны традициями, подчас весьма давними.

Спор между статикой и динамикой в передаче и восприятии объектов культуры возник неоднократно. Один из способов его разрешения был найден много веков назад в русской иконописи, представлявшей канонический образ святого, окруженный клеймами, изображавшими ключевые эпизоды истории его жизни. Каждый эпизод чаще всего был статичен, но в целое была заложена динамика восприятия (движение и перефокусировка взгляда того, кто предстоит иконе). Отношения между центральным образом и клеймами были строго иерархичными: размер и композиционное положение фигуры святого придавали ей подобающее значение и канонический статус. Давно отмечена зависимость церковной живописи от процесса чтения: иконы не только почитаются, но и «читаются» — так же, как внутрихрамовая настенная роспись, зачастую разворачивающая эпизоды Священного Писания в их текстовой последовательности. Однако линейной односторонности процесса чтения здесь также противостоит свобода перемещения в храме и выбора позиции внутри него. Некое композиционное подобие этому можно видеть в средневековых рукописях Талмуда: центральный текст окружён комментариями, иногда несколькими концентрическими их кольцами; комментарии могут оспаривать и сам текст, и друг друга.

Во всех этих случаях и текст, и изображения ограничены одним условием: они располагаются на двухмерной плоскости. Такую же плоскость представляет собой и экран компьютера, но он способен отобразить и трехмерный мир, что создает новую степень свободы в представлении материала. Впрочем, и в рамках двух измерений открываются принципиально новые, сравнительно с книгой, возможности. Прежде чем их описывать, необходимо сказать несколько слов о самом проекте и его базовых принципах.

Проект «Пушкин <цифровой>» задуман в Пушкинском Доме и осуществляется совместно с Университетом ИТМО и ФИЦ РАН. Цель проекта — представление в цифровом формате результатов почти двухсотлетней деятельности пушкинистов, и в первую очередь — результатов работы над научными изданиями Пушкина. Возникший

в отделе пушкиноведения академического института, проект мотивирован стремлением сохранить академические традиции в быстро меняющемся контексте цифровой виртуальной реальности. Этим продиктованы и принципы представления текста, и понимание самой его природы.

Отказавшись от понятия «канонический текст», текстологи ничуть не понизили значения критически подготовленного текста, который помещается в основном корпусе произведений. Они лишь признали, что сама критика текста не дает раз и навсегда фиксированного результата, поскольку она развивается, как и всякая наука. На портале мы имеем возможность сохранить все версии научно подготовленных основных текстов, отдавая приоритетное место последнему из них, но в то же время делая расхождения между ними частью истории текста, доступной ученому. Очевидным преимуществом электронного издания перед бумажным является возможность вносить корректиды в последнюю (приоритетную) версию текста.

Другое столь же очевидное преимущество электронного издания перед книжным — неограниченность его объема. Прежде всего оно позволяет экспонировать все рукописи Пушкина, впервые специально подготовленные в рамках проекта сотрудниками Рукописного отдела Пушкинского Дома, а также все прижизненные издания — источники основного текста. Отметим, что это сразу снимает предмет многолетнего спора двух текстологических школ (условно называемых петербургской и московской) по вопросу о том, следует ли модернизировать орфографический и пунктуационный режим текстов, или же единственным достоверным является аутентичное воспроизведение источника. В электронном издании это перестает быть альтернативой. Но расширение круга его материалов идет гораздо дальше, и, как увидим, это в конечном счете ведет к переосмыслению самой природы произведения. Вначале, однако, перечислим хотя бы основные направления такого расширения.

Основными источниками материалов портала являются академическое Полное собрание сочинений Пушкина 1937–1949 годов, новое Полное собрание сочинений, тома которого готовятся в Пушкинском Доме, и подготовленная там же «Пушкинская энциклопедия» (серия «Произведения», завершенная в 2024 году). Но по мере развития и пополнения портала на нем будут появляться: все другие авторитетные издания Пушкина, от посмертного, подготовленного Жуковским, до выпущенных в XX веке; пушкиниана XIX–XXI столетий; книги, сохранившиеся в составе библиотеки Пушкина; журналы и другие издания пушкинского времени; разного рода справочные материалы. Важно отметить, что добавление каждого нового круга источников ставит новые задачи по обработке и извлечению информации, по разметке и описанию, а иногда требует дополнения или изменения структур данных. В результате разметки в научных комментариях и статьях, которые непосредственно относятся к произведению, постепенно выделяются все упомянутые в них другие статьи и издания, исторические лица, географические названия, события, художественные или эпистолярные тексты Пушкина и других авторов. Каждое такое упоминание связывается с помощью гиперссылки с отдельной страницей, на которой представлены соответствующие документы, публикации, сведения о персоналиях, о событии, дате и т. д. В свою очередь, от каждой страницы мы можем перейти ко всем другим материалам портала, в которых содержатся ссылки к ней. Объекты, ранее разнесенные по разным частям бумажного издания, разным книгам или даже архивам, теперь окажутся собраны в одном пространстве и соположены друг другу. А значит, эти материалы станут доступны не только для сквозного поиска, но и для того, чтобы на основании выделенных признаков и связей производить новые сопоставления — например, сравнивать произведения между собой на основании групп связанных с ними потенциальных претекстов, сходства набора документов, относящихся к творческой истории этих произведений, или каких-либо других формализованных связей. Та информация, которая потенциально содержалась в научной литературе, будет объединена, актуализирована и визуализирована в интерфейсе.

Вернемся теперь к основной проблеме статьи: как меняется в результате подобной организации портала понимание самой природы произведения? Оно оказывается

включено в разветвленную и подвижную систему связей, постоянно пополняемую и в пределе неисчерпаемую. Совокупность этих связей отражает жизнь произведения: его движение от рукописи к тому, что мы называем основным (или критическим) текстом, через прижизненные и позднейшие печатные воплощения; его погруженность в контексты (биографические, литературные, исторические); его оценки и интерпретации. Пушкинский текст, сохранив свою целостность и определенность, оставаясь основным и центральным, перестает быть замкнутой системой, он раскрывает свои границы, не разрушая их. Что же касается границ того поля, в котором осуществляется жизнь произведения, то они всегда остаются подвижными, потенциально расширяемыми. Внутренняя связность такого поля, представленного на портале, может постоянно возрастать по мере добавления новых типов разметки, выявляющей новые классы объектов и формализующей новые свойства их отношений.

Если понятие «текст» понимать в том значении, в каком принято говорить, например, о «петербургском тексте», то жизнь пушкинского произведения, погруженную в описанное поле связей, можно трактовать как его виртуальный текст, который следует отличать от его основного текста. Можно сказать, что произведение становится гиперобъектом.

Мы используем этот термин, пришедший из информатики, в смысле, близком, но не тождественном тому, какой придан ему философом и экологом Тимоти Мортоном, пытавшимся характеризовать с помощью этого понятия такие феномены, как, в частности, глобальное потепление или экономические отношения.⁹ Термин быстро перешел в другие области — его, например, стали применять для описания городской среды.¹⁰ Ограничиваая объем понятия, предложенный Мортоном, который использовал его для описания катастрофических процессов, выделим те свойства гиперобъектов, которые представляются принципиально важными в нашем контексте. К числу таких свойств относятся следующие. Гиперобъекты формируются связью между многочисленными объектами, и сама эта связь многомерна. В отличие от обычных объектов, гиперобъекты не локализованы в пространстве и времени, они не подлежат непосредственному восприятию, которое каждый раз улавливает лишь их рассредоточенные части. Не обладая непосредственным проявлением, гиперобъекты не являются абстракцией — их бытие онтично в отнюдь не метафорическом смысле. Все это подходит для описания жизни произведения, которая осуществляется, проявляется и фиксируется в конкретных, но рассредоточенных точках пространства и времени, получает множественные текстовые воплощения, представляя собой, однако, подвижное целое, формируемое многочисленными связями. Многомерность таких связей принципиально не переводима в то, что может быть отражено на листе (листах) бумаги. Жизнь произведения как гиперобъекта существует вся целиком и постоянно возрастает, но ее полнота всегда остается виртуальной. Представлению этой жизни и должен служить, по замыслу его создателей, портал «Пушкин <цифровой>». Так на новом этапе развития культуры к нам возвращается представление об «идеальном тексте». Но теперь речь идет уже не о произведении, бытие которого подлежит реконструкции с опорой на такие методы, как контаминация, а о приближении к тому смыслу, который восходит к Шлейермахеру, к траекториям движения по герменевтическому кругу, вновь и вновь связующего текст и контекст.

⁹ См.: Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. Пермь, 2019.

¹⁰ См.: Вилейкис А., Ханова П. Город — гиперобъект: Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 7–16.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-231-234

© А. Ю. Соловьев

НЕУЧТЕННАЯ РЕДАКЦИЯ РАННЕГО ПЕРЕВОДА А. Д. КАНТЕМИРА

В 1726 году во время учебы в Академическом университете А. Д. Кантемир перевел с французского языка сатирическое сочинение Дж. П. Мараны (1642–1693) «*Lettre d'un Sicilien à un de ses amis*» («Письмо сицилийца одному из друзей»). Памфлет описывает жизнь парижан в конце XVII века, как она видится рассказчику — живущему в Париже сицилианцу, стороннику умеренной жизни, поклоннику стоиков. Этот первый опыт работы Кантемира с «живыми» языками был опубликован лишь в 1868 году В. Я. Стоюниным, в ефремовском собрании сочинений писателя.¹ Однако он был известен и в XVIII веке. Именно копия конца 1720-х годов, ныне хранящаяся в РНБ² и описанная Б. А. Градовой,³ послужила источником для стюинской публикации. Позже к ней обратились Д. В. Руднев и Фу Хэн, проведя лингво-стилистический анализ перевода, а также сделав ряд уточнений к тексту по рукописи.⁴

Этот список до сих пор считался единственным, но уже в 1960 году И. В. Шкляр идентифицировала с кантемировским переводом анонимную рукопись,⁵ хранящуюся в РГАДА в фон-

де Паниных (далее — Панинский список), вложив в архивную единицу листок с указанием: «Это „Письмо неизвестного лица“ является кантемировским переводом с французского „Письма некоего сицилианца...“ <...> опубликовано в ефремовском издании Кантемира». Поскольку в описи эта атрибуция не отразилась, ново найденный текст так и остался вне поля зрения исследователей Кантемира. Вместе с тем в разное время Панинский список, судя по записям в листе использования дела, привлекал внимание специалистов по русско-французским взаимосвязям, но не был учтен в работах и этой тематики.

Рукопись представляет собой тетрадь с расчерченными полями, в обложке и переплете. Надпись на обложке: «№ 321 Описание французов», на титульном листе также надписи: «№ 58» (поверх текста исправлено на «67»), «Описание французов», «334». Текст перевода расположен на 28 листах. Вся бумага одного типа, с филигранями «БАГ / Pro patria / вензель» (бумага фабрики Афанасия Гончарова, 1740-е годы).⁶ Знаков препинания нет, из графики отметим использование «и» вместо «й» и «е» вместо «ъ».

Панинский список — это копия (возможно, какого-то промежуточного списка): ряд ошибок выдает непонимание переписчиком смысла именно русского текста, а не оригинала, в том числе иностранных слов, переданных кириллицей. Например: «понт иобр» (л. 7) вместо «понт неф» (с. 364) (Новый мост), «Фсанистокли» (л. 6 об.) вместо «Темистоклес» (с. 364), «муха<м?> сметане» и «зело крат» (л. 7 об.) вместо «мухаметане» и «Зенократ»⁷ (с. 365), «к тому же в местах закона» (л. 11 об.) вместо «к тому же вместо закона» (с. 368), «камедии инграzer» (л. 13 об.) вместо «комедии и трагедии» (с. 370), «Камон» (л. 16 об.) вместо

¹ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избр. переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 359–383. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

² РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q.IV.176.

³ Градова Б. А. Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 46–57; см. также: Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 17–33.

⁴ Руднев Д. В., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // Словене = Slovène. 2019. Vol. 8. № 1. С. 223–253.

⁵ РГАДА. Ф. 1274 (Панины). Оп. 1. № 3076. В описи озаглавлено: «Письмо неизвестного лица из Парижа, о быте и нравах парижан. Б/д». Далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Графика и пунктуация модернизированы, особенности орфографии сохранены.

⁶ Клепиков С. А. Филиграны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. Табл. 1. № 80.

⁷ Такое написание в списке РНБ (Ф. 550 (ОСРК). Q.IV.176. Л. 7 об.), в издании: «Ксенократ» (впервые отмечено: Руднев Д. В., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира... С. 234).

«Катон» (с. 373), «ставят их всех в круг» (л. 23) вместо «ставят их всех вдруг» (с. 378; об уличных фонарях) и т. д.

В одном месте выпущен фрагмент, объемом соответствующий примерно четырем страницам данной рукописи и начинающийся словом «который»; оно же идет первым в продолжении текста. Очевидно, копируемый источник «залистали».

Каких-либо маргинальных рукописей не содержит. Единственный след ее перечитывания: во фразе «...в то время не было не было...» (л. 26 об.) второй из повторов вычеркнут. При этом прочие, содержательные ошибки не исправлены, а значит, правка возникла из-за того, что либо переписчик проверял текст, либо его взял в руки читатель, не знакомый с оригиналом.

При всей неисправности Панинского списка нетрудно заметить, что он значительно отличается от известного нам текста перевода Кантемира. Прежде всего, это касается объема переведенного текста: Панинский список короче, в нем отсутствуют целые фразы, которые есть в списке РНБ (например: «Муз мой (ныне пять не знающая) слагала поэзии сладостнейшие, нежели оные, от Гвардии сочиненные» — с. 361), нет стихотворного посвящения в конце. Далее, при сравнении списков бросается в глаза использование полногласных форм в одном и неполногласных в другом (наиболее распространенные в этом тексте, конечно, «град» / «город», но есть и другие), а также распределение глагольных окончаний «-тся / -ца» и «-ти / -ть». При этом Панинский список тяготеет к разговорным формам, а список РНБ — к книжным.⁸ Но более всего различий в лексических вариантах и в порядке слов. Так, только в первых трех абзацах 16 вариантов слов (не считая служебных) и 6 перестановок. Часто церковнославянским формам списка РНБ (*и аbie, понеже знаешь, буде же*) в Панинском списке соответствуют разговорные формы (*где скоро, ведая, ежели*). Эти различия нередко сочетаются в одной фразе. Ср., например: «Не великое убо диво» (с. 370) / «Того ради не великое диво» (л. 13 об.).

В Панинском списке заметно меньше «книжности» стиля и в синтаксисе. Так, в списке РНБ читаем: «...хотешь ли быть богат, и ничтоже желай» (с. 360). Приписанная Сенеке цитата⁹

⁸ Фу Хэн и Руднев указывают на гибридную природу стиля перевода Кантемира.

⁹ В разных вариациях эта мысль часто повторяется в разделенных на книги «Нравственных письмах к Луцилию», например: «*Cui cum paupertate bene convenit dives est*» (*Seneca, Ad Lucilium Epistulae Morales, 4, 11*; пер.: «*Кому и в бедности хорошо, тот богат*» — *Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию* / Изд. подг. С. А. Ошеров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1977. С. 9 (сер. «*Литературные памятники*»)). Или: «...non qui *param habet, sed qui plus currit, pauper est*» (*Seneca, Ad Lucilium Epistulae Morales, 2, 6*; пер.: «*Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше*» (*Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 6*)).

восходит к стоической морали и согласуется с христианскими добродетелями. Построение фразы с использованием церковнославянского синтаксиса, по нашему мнению, подчеркивает эту связь. В то же время простой язык Панинского списка («...ежели кто хочет богат быть, то ничего не желай» (л. 2)) лучше передает смысл, чем форму источника: «*Voulez-vous être riche, ne désirez rien*¹⁰ (в обоих вариантах перевода совпадает с оригиналом глагол в повелительном наклонении — «(не) желай»). Другой пример такого рода: «Есть же пальмы древо, которое не дает тому плода, от него же насажденно есть» (с. 372) / «Пальма древо такова свойства, что кто оное посадит, тот плода ее дождаться не может» (л. 16 об.).

Стилистическое расхождение списков проявляется не только в использовании церковнославянских: «На поварнях по вся часы огонь не гаснет, понеже по вся часы едят» (с. 363) / «На поварнях николи огонь не гаснет, для того что всегда едят» (л. 5 об.) / «...les cuisines fument à toute heure, parce qu'on mange à toute heure...».¹¹ В данном случае в Панинском списке дается менее точный перевод. Однако если смотреть на него как на русский текст, то это более гладкий вариант, в котором место лексического повтора занимает антонимическая конструкция «николи» — «всегда».

Такие примеры, которые можно умножить, на наш взгляд, носят характер последовательного редактирования (от какого бы списка к какому оно нишло), оба варианта стилистически выдержаны, хотя и по-разному.

Загадочным кажется обращение «Мой друг ратман», с которого начинается Панинский список (в оригинале «*Mon ami*», в списке РНБ — «Мой друг»). Слово «ратман» в значении «член магистратура» известно с XIII века и встречается вплоть до XVIII столетия.¹² Что заставило переводчика включить его в обращение к адресату «Письма...» — неясно.

Как видим, отличий от известного варианта перевода Кантемира столько, что возникают сомнения в том, является ли он автором данного варианта. Напомним: Кантемир переводил

Epistulae Morales, 2, 6; пер.: «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше» (*Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 6*)).

¹⁰ *Marana J. P. Lettre d'un Sicilien à un de ses Amis / Introduction et notes par V. Dufour. Paris, 1883. P. 8.* Это издание воспроизводит редакцию «Письма...» по кн.: *Élise des bons mots et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres Auteurs, & principalement des Livres en Ana: En 2 part. Amsterdam, 1725. Part. 2. P. 102–145.* Мы пользуемся данным вариантом оригинала вслед за Д. В. Рудневым и Фу Хэном, обосновавшими его выбор.

¹¹ *Ibid. P. 16.* Курсив мой. — А. С.

¹² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 115; Словарь Академии российской. СПб., 1794. Ч. 5. Стб. 87.

«Письмо...» Мараны в 1726 году, будучи студентом Академического университета. И к тому же периоду относится список РНБ. В Панинском же списке бумага 1740-х годов. Если он выполнен с автографа, то какой путь проделал текст за 15–20 лет? Как и когда попал к Паниным?

Предположение, что автор обоих вариантов перевода — одно и то же лицо, не невероятно. То, что нам известно о раннем периоде биографии писателя, позволяет признать за юным Кантемиром не только необыкновенное языковое чутье, но и серьезную филологическую подготовку,¹³ позволившую использовать при переводе два разных принципа, по сути создав две самостоятельные версии одного текста.

Несмотря на то что в них нет, пожалуй, ни одного абзаца, в котором не различаются хотя бы одно-два слова (помимо орографических вариантов), довольно продолжительные фрагменты обоих списков почти дословно повторяют друг друга. Более того, между ними есть совпадения, которые сложно объяснить чем-либо, кроме ближайшей связи их протографов.

Пропуски текста, оказавшиеся в переводе по списку РНБ, есть в тех же местах и в Панинском списке.¹⁴ Проанализированные Фу Хэном добавления, сделанные Кантемиром к тексту Мараны, совпадают с аналогичными в Панинском списке. Ср.: 1) «...l'avarice d'autrui, nous mettent premièrement en chemise» / «...прочим скопостью первое обнажит нас даже до последней рубашки» (с. 361) / «...проттих скопостью первее обнажат до последней рубашки» (л. 2 об.); 2) «...ni en celui de chicaner, & de vendre chérément les choses mêmes qui leur demeurent»¹⁵ / «...ни в спорах и продаже дорогою ценою самых остатков последних своих товаров» (с. 365) / «...ни в спорах и продаже дорогою ценою самых остатков последних своих товаров» (л. 7 об.); и т. д. Выбор многих лексем для перевода многозначных слов также совпадает в обоих списках: «...nous serons toujours hommes, tant qu'il y aura des femmes; et le meilleur moyen est de nous soumettre le plaisir, et non pas de lui être soumis»¹⁶ / «Мы будем всегда люди, пока будут женщины, и лучшее посредство есть похоти себе покорить, нежели оным покорится» (с. 360) / «Будем мы быть всегда людми, пока будут женщины, лучшее посредство похоть себе покорить, нежели оным покоритца» (л. 2). Приводя оригинал и перевод по списку РНБ

последней фразы, Фу Хэн отмечает, что Кантемир учитывает контекст и переводит «le plaisir» здесь как «похоть», а в другом предложении как «забава».¹⁷ В Панинском списке в соответствующих местах находим те же варианты. Ср.: «Главная моя забава есть чтение» (с. 359) / «Наиболшая моя забава есть чтания» (л. 1 об.).

То же наблюдается и в заменах: «Les étrangers sont bien venus en ce pays ci, pourvū qu'ils ne demandent rien. Ils n'y ont d'autre emploie que de se divertir»¹⁸ / «Чужестранные здесь охотно приемлются, пока ничего не просят, которые никакого дела не делают кроме гуляния» (с. 360) / «Чужестранные здесь охотно приемлются, докамест ничего непросят, которые никакова дела неделают кроме гулянья» (л. 2). (Здесь сохраняется также объединение двух предложений оригинала в одно при помощи замены местоимения «Ils» союзом «которые»).

Если бы автором второго варианта перевода был кто-то из окружения Кантемира, например соученик, часть совпадений, наверное, можно было бы объяснить общими пособиями, по которым их учили, и усвоенными принципами, а часть — слушаем. Но одно совпадение никак не поддается такой трактовке: выявленная Фу Хэном и Рудневым перестановка в списке РНБ фрагмента оригинала (два абзаца из середины текста Мараны попали почти в конец перевода¹⁹) также есть и в Панинском списке. Такое возможно только при наличии общего источника. Между тем ни в одном издании оригинала такой последовательности текста нет.²⁰

Итак, связь этих двух списков или их протографов, на наш взгляд, несомненна; речь должна идти о двух редакциях перевода. Ответ на вопрос, каково их соотношение и порядок появления на свет, зависит от атрибуции. Если авторы двух вариантов перевода два разных лица, значит, протограф списка РНБ или он сам попал к некоему неизвестному нам редактору, перепианившему текст, или к переводчику, который взялся за собственный труд по переводу «Письма...» Мараны, положив в его основу имевшийся в его распоряжении вариант Кантемира. При этом по неясным нам причинам он остался анонимом и избавился от заглавия.

Если же предположить, что перед нами — новая редакция перевода Кантемира, выполненная им самим, встает вопрос, почему этот труд был предпринят. Он мог это сделать под влиянием критики кого-то из учителей или того «читателя», к которому он обращается в стихотворении, завершающем перевод: «Пер-

¹³ См. об этом: Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959. С. 9–12 и след.; Николаев С. И. Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 16.

¹⁴ См.: Руднев Д. В., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира... С. 230.

¹⁵ Marana J. P. Lettre d'un Sicilien... Р. 9, 20.

¹⁶ Ibid. Р. 8.

¹⁷ Фу Хэн. Переводы А. Д. Кантемира: реPERTUAR, приемы, примечания. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. С. 103.

¹⁸ Marana J. P. Lettre d'un Sicilien... Р. 9.

¹⁹ Руднев Д. В., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира... С. 230–231.

²⁰ Там же.

вы-*й* труд мой в французском прими сей, друже, хотя неисправно, однако скончанный есть уже, / Вымарай, что недобро, исправь, что ясно, да трудец мой погублен не будет напрасно».²¹

Атрибуцию Кантемиру второй редакции перевода можно согласовать с имеющимися представлениями об эволюции его стиля. Если своеобразие поэтического языка Кантемира, по наблюдению С. И. Николаева, подразумевает не упрощение, а усложнение на пути от первоначальной редакции к окончательной,²² то в переведном памфлете про парижские нравы разговорный стиль более уместен, и редактирование вполне могло идти в этом направлении. Фу Хэн в диссертации, посвященной переводам Кантемира в целом, приходит к выводу о том, что они «демонстрируют с ходом времени постепенную тенденцию к уменьшению употребления славянизмов и заимствований».²³ Кроме того, отметим, что обнаруженное Николаевым особое внимание Кантемира к «родному порядку», его «исключительно педантичное» отношение к грамматике,²⁴ свидетельствует о стремлении писателя к усложнению языка, но вместе с тем и к пониманию текста читателем. Эта двойная задача вызвала к жизни примечания, в которых поэт объясняет, как нужно читать то или иное место в его стихах.²⁵ Полагаем, что редактирование перевода (или создание двух равноправных вариантов: мы ведь не знаем, как они должны были соотноситься между собой) — в определенном смысле явление того же порядка, направленное не на упрощение текста, а на его объяснение, своего рода автокомментарий.

В любом случае, «первый труд» Кантемира «в французском», видимо, давался нелегко. В общей сложности изменения затронули до половины текста.

Остается выяснить, как этот список мог попасть в собрание Паниных. Известно, что материалы Кантемира в 1744 году были отправлены из Парижа в Россию. Большину их части после смерти наследников (1780-е годы) переместили в Московский архив Коллегии иностранных дел (президентом которой был Н. И. Панин); это наиболее вероятный путь. Некоторые бумаги в середине 1740-х годов могли оказаться у М. Л. Воронцова,²⁶ но доступ Паниных к ним крайне сомнителен. Можно было бы также предположить, что интересующий нас список происходит из Архангельской библиотеки

кн. Д. М. Голицына, в которой отложилась часть архива Кантемира. Но вероятность этого мала: кроме отсутствия на списке характерного для голицынского собрания экслибриса, против допущения категорически говорит тот факт, что владелец коллекции умер в заключении в 1737 году, а она сама была конфискована; список же датируется 1740-ми годами, поэтому к Голицыну мог попасть разве что его протограф. В описи Архангельской библиотеки читаем: «297. Критическое описание о городе Париже, рукописная» (в четверть листа).²⁷ Именно эту запись Б. А. Градова сооносит с переводом Кантемира.²⁸ Между тем приведенное здесь название не соответствует полностью ни списку РНБ («<Перевод> с итальянского на французской язык некоего итальянского писма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов...»), ни Панинскому списку («Описание французов» на обложке, отсутствие заглавия в самом тексте), хотя все же ближе к списку РНБ, с ним совпадает и указанный формат (но различаются номера). Градова не делает вывод о том, что список РНБ и есть рукопись из голицынского собрания. Вместе с тем ей не был известен Панинский список, но и мы не можем идентифицировать его с инвентарной записью; можно лишь допустить, что во время разбора библиотеки кто-то решил снять копию.

Мы предполагаем следующую последовательность событий. Поскольку некоторые рукописи Кантемира попали в Россию к наследникам после его смерти в 1744 году, то к этому времени логично отнести создание копии (на русской бумаге 1740-х годов), которая позже через архив Коллегии иностранных дел попала к Паниным (отметим, что в их фонде много материалов о разных народах и странах, а также путешествий). А голицынская рукопись — вероятный оригинал списка РНБ — могла быть скопирована в те же годы, что создан первый вариант перевода, в семействе Кантемиров. Однако это лишь гипотеза. Вся творческая история переводного труда Кантемира не может быть восстановлена до полного построчного сличения имеющихся редакций и до прочих разысканий.²⁹

²⁷ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 248.

²⁸ См.: Градова Б. А. Рукописи Кантемира. С. 22.

²⁹ К сожалению, обращение к русско-французскому словарю Кантемира (Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. / Вступ. статья и публ. Е. Бабаевой. М., 2004) не проясняет ни проблемы атрибуции Панинского списка, ни проблемы хронологии появления обеих редакций перевода: выбранные произвольным образом варианты, различающиеся в них, присутствуют в словаре как заголовочные слова, соответствующие одному и тому же французскому слову.

²¹ РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q.IV.176. Л. 29 об. Графика и пунктуация приведены к современной норме.

²² Николаев С. И. Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 6.

²³ Фу Хэн. Переводы А. Д. Кантемира: реPERTUAR, приемы, примечания. С. 192.

²⁴ Николаев С. И. Трудный Кантемир. С. 4.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ См. об этом: Градова Б. А. Рукописи Кантемира. С. 17–18.

© А. Н. Першина

Я. П. БУТКОВ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВО

Яков Петрович Бутков — литератор второго ряда, чья писательская активность пришлась на период 1845–1848 годов. Критики-свременники: В. Г. Белинский,¹ В. Н. Майков,² П. В. Анненков³ — относили его творчество к существенным явлениям русской литературы 1840-х годов и ставили его имя в одном ряду с Ф. М. Достоевским, но наследие Буткова до сих пор остается малоизученным. В биографии его сохраняются значительные лакуны, а рецензированный И. С. Чистовой список текстов и замыслов⁴ нельзя считать полным. Это происходит, с одной стороны, из-за малого числа сведений о его жизни и творчестве. С другой — из-за того, что имеющиеся материалы еще не максимально использованы. Мы хотим внести уточнения в описание начала творческого пути Буткова в 1845 году, а также сделать предположение относительно того, какие тексты были переработаны под воздействием внешних факторов. В нашей работе мы следуем за разысканиями И. С. Чистовой, которой удалось восстановить историю публикации повести Буткова «Степная идиллия» (запрещенной в 1849 году и изданной только в 1856 году), благодаря материалам Санкт-Петербургского цензурного комитета, где содержалась информация о рассмотрении этого текста.⁵ Обратившись к цензурному архиву, мы нашли там другие возможные упоминания Буткова и его произведений. Самое сложное и неочевидное из них мы хотели бы разобрать в этой статье. Другая задача — ввести в научный оборот некоторые цензурные заметки, относящиеся к истории «Литературной газеты» в трудный для нее период середины 1845 года, когда редакция покинул Н. А. Некрасов, а издатель газе-

ты А. А. Краевский столкнулся с цензурными сложностями.

Наш основной источник — журнал заседаний Санкт-Петербургского цензурного комитета в 1845 году. В протоколе 31-го заседания, которое прошло 14 августа, зафиксировано: «Господа цензоры слушали: <...>

3. Представленную на рассмотрение Комитета г. цензором статским советником Крыловым статью для „Литературной газеты“ под заглавием „Синий мост. Происшествие фантастическое, факт полумногого“. В статье этой описываются похождения, думы и рассуждения одного недостаточного чиновника, склонного к помешательству или даже полуумного. Комитет по выслушанию статьи сей признал, что она в настоящем ее виде не может быть дозволена к напечатанию. А как исключение всех непозволительных мест совершенно изменит цель и направление статьи, то положено возвратить ее автору для исправления отмеченных в ней красными чернилами мест <...>

5. Представленную на разрешение Комитета г. цензором статским советником Крыловым статью для „Литературной газеты“ под заглавием „Битка“, написанную в том же роде, как и „Синий мост“. Положено возвратить ее автору для исправления по указаниям г. цензора».⁶

Мы полагаем, что эта запись если не целиком, то в той части, где обсуждается рассказ «Битка», касается Буткова. Сплошной просмотр петербургских газет, журналов и рекламируемых в них сборников и книг за 1845 и 1846 годы дал один результат. Единственное произведение с называнием «Битка» в это время было опубликовано в составе первого тома «Петербургских вершин» Буткова. Меньше чем через месяц после этого заседания цензурного комитета разрешение на публикацию получил первый том сборника «Петербургские вершины», на обложке указана дата разрешения 7 сентября 1845 года. В него вошли пять рассказов: «Порядочный человек», «Ленточка», «Почтенный человек», «Сто рублей» и «Битка». Четыре рассказа из пяти объединены общей темой приключений и злоключений бедных чиновников. «Порядочный человек» рассказывает про чиновника, который не мог найти денег, чтобы целый месяц нормально питьаться, но потом обнаружил у себя талант к карточной игре. «Ленточка» — это история про бедного чиновника, который однажды выполнил важное поручение начальства, получил за это награду на ленточке (возможно, орден

¹ См.: Белинский В. Г. Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. Книга первая // Отечественные записки. 1845. Т. XLIII. № 12. Отд. «Библиографическая хроника». С. 56–63.

² См.: Майков В. Н. Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым // Там же. 1846. Т. XLVII. № 7. Отд. «Библиографическая хроника». С. 1–13.

³ См.: Анненков П. В. Заметки о русской литературе 1848 года // Современник. 1849. № 1. Отд. III. С. 1–23.

⁴ Чистова И. С. Бутков Яков Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1988. Т. 1. С. 376–377.

⁵ См.: Чистова И. С. Об одной запрещенной повести Я. П. Буткова // Вестник Ленинградского университета. 1973. № 8. Сер. «История, язык, литература». Вып. 2. С. 145–147.

⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 38. Л. 97–97 об.

Святого Станислава третьей степени⁷), попробовал посвататься к дочери немца-булочника, но был отвергнут. «Почтенный человек» — рассказ про бывшего бедного чиновника, который когда-то стал порядочным человеком, а потом женился и приобрел уже звание «почтенный» и вместе с супругой пытался организовать пару афер, чтобы увеличить семейное благосостояние. «Сто рублей» рассказывают о том, как бедный чиновник выиграл в лотерее сто рублей и сошел с ума от счастья.

Пятый рассказ называется «Битка». В центре его сюжета обсуждение последних новостей извозчиками в трактире, где живет битка — бойкий человек, как его определяет сам Бутков. Когда-то у него были должность и заработка, но потом его поймали на воровстве и взятке, он потерял все и теперь побирается в трактире, в обмен на угощения рассказывая, как он был хороши в делах. Важно отметить, что история битки занимает меньшую часть рассказа, большая отдана под разговоры извозчиков.

«Битка» выделяется на фоне других произведений «Петербургских вершин», причем не только первого, но и второго тома, в который вошли еще три текста, все про чиновников, которые ищут деньги и пропитание. Можно было предположить, что рассказ имеет особую функцию — ввести читателя в контекст конкретного времени, которое определяет условия жизни остальных героев сборника. Но этого не происходит, потому что события, о которых говорят герои «Битки», взяты из разных временных периодов.⁸ К тому же рассказ не открывает сборник, а идет только четвертым по очереди. Но отличие «Битки» от других рассказов объяснимо, если его публикация в составе сборника изначально не была запланирована или текст был переработан.

Велика вероятность, что Санкт-Петербургский цензурный комитет 14 августа 1845 года рассматривал возможность публикации именно этого рассказа в «Литературной газете» и постановил вернуть его автору на доработку. Далее Бутков решил в периодику рассказ не отдавать, переписал его для сборника, как мог. Работал, возможно, на скорость, чтобы успеть до отправки в цензуре первого тома «Петербургских вершин». Подобная спешка объяснила бы художественные огрехи и сюжетное несоответствие общей концепции сборника. Но рассказ все-таки дошел до читателей.⁹

⁷ См.: Першкина А. Н. «Петербургские вершины» Я. П. Буткова: как исторический комментарий помогает прояснить историю создания // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2020. Вып. XI. С. 37–44.

⁸ Там же.

⁹ Остается вопрос с рассказом «Синий мост», который также готовился к печати в «Литературной газете» и который также читал цензор А. Л. Крылов. Параллель между ним и «Биткой» фиксирует тот, кто вел журнал заседаний цензурного комитета, скорее всего, со слов выступавшего коллеги. Поверхностное описание

Неожиданным, на первый взгляд, кажется то, что рассказ «Битка» изначально предполагался для «Литературной газеты». Летом 1845 года дебютные прозаические тексты¹⁰ Буткова были опубликованы в другой газете — «Северной пчеле». В первой половине 1840-х годов издания вели между собой ожесточенную полемику. Один из ключевых ее эпизодов подробно описал А. И. Рейтблат.¹¹ В конце 1843 года редактор «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин пожаловался на «Литературную газету» и «Отечественные записки» попечителю Петербургского учебного округа и главе Петербургского цензурного комитета князю Г. П. Волконскому, обвиняя издания сначала в интригах против него лично, а потом в том, что они представляют опасность для государства. После этого возможность запрета на полемику обсуждалась на высочайшем уровне при участии министра народного просвещения графа С. С. Уварова, шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа и даже императора. После этого почти на полтора года полемика стихла, отчасти потому, что цензоры получили инструкции запрещать все возможные выпады. Возобновились споры в мае 1845 года. Рейтблат связывает это с тем, что попечителем Петербургского учебного округа стал М. Н. Мусин-Пушкин, который отменил ограничения на полемику. «Северная пчела» и «Литературная газета» снова могут ругаться между собой. А Бутков в это время пробует напечататься в обоих изданиях.

В «Северной пчеле» появляются его рассказы «Порядочный человек» (1845, № 132–136) и «Ленточка» (1845, № 170–171). Публикация «Порядочного человека» сопровождалась небольшим рекомендательным текстом от редакции: «Это один из первых опытов молодого человека, который еще ничего не печатал. Он сам

сюжета похоже на то, о чем писал Бутков в это время, и хорошо укладывается в общую концепцию «Петербургских вершин». Мы бы хотели сделать осторожное предположение, что «Синий мост» — это также произведение Буткова. Но это только предположение, которое требует дальнейших изысканий. Последующая судьба рассказа неизвестна. Его название, судя по всему, было выбрано по локации — самому широкому из исторических петербургских мостов, перекинутому через Мойку напротив Исаакиевского собора и соединяющему Казанский и второй Адмиралтейский острова. Сплошной просмотр журналов и газет за те же 1845–1846 годы, а также за 1847 год не дал результатов, произведения с таким названием или с сюжетом, привязанным к этому месту, мы не обнаружили.

¹⁰ Им предшествовало только появление стихотворной поэмы «Гайдамак» в «Сыне отечества» (1840, № 1).

¹¹ Рейтблат А. И. Булгарин и вокруг 2. Круги по воде, или большие последствия одного письма Ф. В. Булгарина // Литературный факт. 2017. № 3. С. 215–234.

образовался чтением и трудом, и приобрел много опыта в жизни. Принадлежит он к купеческому званию. Читатели сами решат, есть ли в нем талант».¹² Когда у Буткова вышла первая книжка «Петербургских вершин» (кстати, в типографии Н. И. Греча), «Северная пчела» откликнулась на нее хвалебной рецензией, которую традиционно приписывают Ф. В. Булгарину.¹³ В этом тексте Бутков противопоставляется Гоголю: «Г. Гоголь смешит карикатурами и сидя на высоте пишет картины грязью; г. Бутков сидит внизу, но рисует с натурой и светлыми красками. Мы не сравниваем двух писателей, но это один род с тою разницей, что язык Буткова чист и правилен и картины светлы и что он не решится назвать своей повести поэмою и не найдет приятеля, который назвал бы его Гомером <...> Некоторые журналы, разумеется, употребят все свое усилие, чтобы уничтожить г. Буткова за то, что „Северная пчела“ его хвалит (и это ужасное преступление!)».¹⁴ В том же номере газеты на последней странице была напечатана реклама первого тома «Петербургских вершин». Последовательная благосклонность «Северной пчелы» показывает, что со стороны редакции это было осознанное покровительство молодому автору. Но про его собственные мотивы отдать свои произведения именно в эту газету ничего не известно. В силу устоявшихся представлений о «партийности» периодических изданий середины XIX века, их отношений между собой, публикация в «Северной пчеле» может выглядеть как позиция автора. И это странно, потому что по сохранившимся воспоминаниям о Буткове известно, что он был настроен либерально и даже радикально, посыпал революционные кружки, был в числе тех, кого допрашивали по делу петрашевцев.¹⁵ Непонятно, как этот человек мог оказаться протеже Булгарина и Гречи.

Мы допускаем, что летом 1845 года Бутков просто ничего не знал о внутреннем устройстве газетной и журнальной кухни Петербурга, о позициях тех или иных изданий, например, о полемике 1843 года. Поэтому он мог передать свои тексты в две газеты, которые были ему известны как ведущие литературные издания, ожидала, что хотя бы в одной из них его напечатают. С «Северной пчелой» ему повезло, с «Литературной газетой» — нет.

Что же такого было в первой редакции «Битки», что вызвало негативную реакцию цензуры и чего не было в остальных рассказах Буткова? Мы допускаем, что причина отказа была не в его текстах, а в том издании, где их хотели напечатать. Обратим внимание на время, когда с этим рассказом случается цензурная неуда-

ча. Это август 1845 года. «Литературная газета» переживает редакционную ротацию. Как пишет Б. В. Мельгунов, Некрасов с апреля не принимал участия в работе издания,¹⁶ а в мае оно само попросило «всех, имеющих какое-нибудь дело до „Литературной газеты“ <...> относиться к Ф. А. Кони в редакцию газеты».¹⁷ На том же заседании 14 августа, когда обсуждались рассказы «Синий мост» и «Битка», цензоры рассматривали прошение издателя А. А. Краевского об изменении программы «Литературной газеты» на следующий 1846 год.¹⁸ Краевский сознавался, что она, «не переменяясь в сущности содержания, была неоднократно изменяема как в расположении частей и предметов, так равно и в самом выходе и формате газеты»,¹⁹ и просил официально утвердить новый формат. Краевский хотел издавать газету листами три раза в неделю, а не еженедельными тетрадями, как было ранее. Предполагалось «исключить политикахи, удалить хозяйственные записки и излишнюю легкость статей заменить более ученым и литературным содержанием»,²⁰ а также принять следующий порядок разделов: «Известия иностранные, ученые, художественные и литературные», «Известия отечественные», «Критика и библиография», «Театр и музыка», «Литература», состоящая из двух подразделов, «Изящная словесность» и «Литература научная», «Смесь». Указывалось, что «г. Краевский пригласил к изданию многих литераторов и приворобил от них статьи в рукописи».²¹

Судя по всему, до того самого момента цензоры не имели повода говорить о несоответствиях между программой и реальным содержанием «Литературной газеты». Однако уже через неделю, на следующем заседании комитета 21 августа, было зафиксировано словесное донесение цензора Крылова о том, что «редакция „Литературной газеты“ весьма часто не означает отделов программы в корректурных листах этой газеты, присыпаемых на рассмотрение цензуры».²² От редакции потребовали впредь так больше не делать. Закончилась эта история в октябре, когда «Главное управление цензуры не изъявило согласия на изменения в форме и составе „Литературной газеты“ в 1846 году и предоставило издателю продолжать и без всяких перемен строго придерживаться той программы, на основании которой эта газета выходила в свет в последние годы».²³

По нашему мнению, именно повышенное внимание к «Литературной газете» могло за-

¹² Северная пчела. 1845. № 132. С. 526.

¹³ См.: Степанова А. С. Физиологические очерки Ф. В. Булгарина и натуральная школа // Русская литература в контексте современной культуры. 2021. № 1. С. 2–12.

¹⁴ Северная пчела. 1845. № 243. С. 971.

¹⁵ Чистова И. С. Бутков Яков Петрович. С. 376.

¹⁶ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». СПб., 1995. С. 113.

¹⁷ Литературная газета. 1845. № 17. С. 304.

¹⁸ Историю изменений фактического содержания «Литературной газеты» в отрыве от ее программы см.: Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. СПб., 2005.

¹⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 38. Л. 94–97.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 100–100 об.

²³ Там же. Л. 122.

ставить цензуру особенно тщательно рассматривать произведения, которые там предполагалось опубликовать. В итоге от этого пострадал Бутков.

Интересно, что издание про молодого автора не забыло и в ноябре откликнулось на выход первого тома «Петербургских вершин» отдельной статьей, а в конце номера поместило рекламу этой книги. Буткова в рецензии хвалят за «яркие краски», «глубокое чувство и много психической наблюдательности», за то, что его герои не карикатуры и возбуждают сочувствие, а языки автора «всезде правилен, разговарен и приятен».²⁴ Рассказы Буткова, по мнению автора статьи, «имеют некоторое сходство с физиологиями, очерками нравов, с книгою „Наши“».²⁵ Этот положительный отзыв с краткой характеристикой автора, обширными цитатами из разбираемых произведений и рекомендациями для публики ранее не рассматривался исследователями, например, его нет в списке откликов на произведения Буткова, который приведен в словарной статье о нем И. С. Чистовой. Но эта рецензия важна при попытке восстановить творческую траекторию Буткова. Мы считаем, что «Литературная газета» обратила на него внимание по старой памяти, редакция была знакома с произведениями писателя, напечатать их у себя не смогла, но положительный отзыв все равно дала. Это происходит еще и на фоне полемики издания с «Северной пчелой»,²⁶ значит, «Литературная газета» не считает Буткова представителем булгаринского лагеря.

Важно еще другое: история общения Буткова и Краевского традиционно начинается с рас-

сказа о том, как редактор купил для начинаящего литератора рекрутскую квитанцию в 1847 году, об этом вспоминают осведомленные современники, например Белинский.²⁷ Версий, как они могли познакомиться, мемуаристы не оставили, а исследователи не выдвигали. Мы предлагаем свою: Краевский запомнил Буткова летом 1845 года как раз из-за казуса с «Биткой», заинтересовался его творчеством и в итоге привел его в «Отечественные записки». По замечанию Г. П. Талашова, это было в те годы обычной практикой для двух его изданий, «круг авторов и сотрудников „Литературной газеты“ практически совпадал с кругом авторов и сотрудников „Отечественных записок“».²⁸

Таким образом, зафиксированная в исследовательской литературе связь Буткова с «Северной пчелой» и «Отечественными записками» — во многом результат его действий летом 1845 года, когда он пытался напечататься хоть где-нибудь и отправил свои произведения минимум в два издания. Вариант с «Северной пчелой» был удачным, с «Литературной газетой» — нет, не исключено, что из-за собственных проблем издания и повышенного внимания к нему цензуры. Но у попытки опубликоваться в «Литературной газете» для Буткова был другой результат. Именно так о нем мог узнать Краевский и потом привести его в свои «Отечественные записки». История Буткова может служить примером литературных траекторий молодых писателей 1840-х годов, которые вступали в литературу, не зная всех деталей и особенностей уже идущего полемического процесса, а также цензурных проблем того или иного издания, и поэтому их творческие судьбы во многом определялись случайностью и совпадением внешних факторов.

²⁴ Литературная газета. 1845. № 45. С. 742.

²⁵ Там же. Имеется в виду альманах А. П. Башшукова «Наши, списанные с натуры русскими» 1841 года.

²⁶ См.: Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. С. 98–125.

²⁷ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 12. С. 418.

²⁸ См.: Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. С. 137.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-238-241

© О. А. Лекманов

«ЗАПИСКИ ПОКОЙНИКА» М. А. БУЛГАКОВА: К ГЕНЕЗИСУ ЗАГЛАВИЯ

18+ Настоящий материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Лекмановым Олегом Андершановичем либо касается деятельности иностранного агента Лекманова Олега Андершановича

Хотя юмористическим журналам «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» посвящено несколько обстоятельных научных работ,¹ раз-

дел «Почтовый ящик» этих журналов, устроенный по образцу одноименного раздела в юмо-

1968; Николаев Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореф. дис. ... канд.

¹ См., например: Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.,

ристическом журнале «Стрекоза» (1875–1908), специального и подробного внимания исследователей пока не привлекал.

Между тем «Почтовый ящик» «Сатирикона», а затем «Нового Сатирикона» пользовался столь большой популярностью у читателей, что празднованию пятилетнего юбилея этого раздела был целиком посвящен 10-й номер «Нового Сатирикона» за 1913 год. Ассоциировался «Почтовый ящик», прежде всего, с именем Аркадия Аверченко, который, несомненно, и был инициатором появления этого раздела в журнале. Впервые подборка «Почтовый ящик» появилась в № 9 «Сатирикона» за 1908 год, значительно совпав с дебютом Аверченко в качестве главного редактора (в предыдущих восьми номерах редактором числился художник Алексей Радаков). В течение следующих одиннадцати лет («Новый Сатирикон» был закрыт в августе 1918 года) почти в каждом номере печатались ядовитые ответы редакции журнала незадачливым авторам и виртуозно подобранные микродиатры из их произведений, присыпаемых в «Сатирикон», а с 1913 года — в «Новый Сатирикон». Большинство ответов было подписано псевдонимом «Ave», которым Аверченко всегда пользовался в качестве ведущего этого раздела.

Саша Черный свидетельствовал в статье «Памяти А. Т. Аверченко»: «Почта приносила в „Сатирикон“ со всех концов России груды рукописей (вернее сказать, „ногописей“). Оглушительно-нелепые цитаты, смешившие всех в „почтовом ящике“, не сочинялись шутки ради самим редактором, как казалось многим. Сотни и сотни акцизных и почтово-телеграфных гравоманов заваливали своими корявыми куплетами и набросками редакционный стол. Аверченко все сам читал, молниеносно прощевив, натыкал несчастных авторов, как жуков, на булавки своего юмора, двумя-тремя словами распластывал на последней странице и хоронил на дне редакционной корзинки».²

Сквозной просмотр всех номеров «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» продемонстрировал, что среди тех, кого Ave и другие редакторы «Почтового ящика» отказывали в праве публиковаться в журнале, были не только «акцизные и почтово-телефрафные гравоманы», но и несколько прославившихся в дальнейшем прозаиков и поэтов. Назовем здесь имена восемнадцатилетнего Валентина Катаева (вердикт Ave из «Почтового ящика» в № 29 «Нового Сатирикона» за 1915 год: «Вал. Катаеву. — Одесса. — <...> Все присланное не подошло»); восемнадцатилетнего же Михаила Слонимского

филол. наук. М., 1993; Дьякова Е. Писатели-сатирионцы: Аркадий Аверченко, Тэффи, Саша Черный // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1; Брызгалова Е. Творчество сатириконцев в литературной парадигме Серебряного века. Тверь, 2006.

² Саша Черный. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 3. С. 387.

го (приговор Ave в № 3 за 1915 год: «Мих. Слонимскому. — Не подходит, конечно»);³ будущего участника бакинского «Цеха поэтов», девятнадцатилетнего Юрия Дегена (Ave в № 31 за 1915 год: «...не подошло»); а также приобретшего позднее скандальную известность омского писателя Антона Сорокина (ему отказом ответил сначала Н. Д. в «Почтовом ящике» в № 28 «Сатирикона» за 1910 год, а затем и Ave в № 31 «Нового Сатирикона» за 1915 год).

Справедливости ради необходимо констатировать, что Ave в «Почтовом ящике» не только бранил неудачливых авторов, но и хвалил, хотя гораздо реже, тех, в чьих стихах и рассказах он обнаруживал проблески таланта. Приведем здесь, пожалуй, самую комплиментарную его реплику из раздела «Почтовый ящик» (№ 30 «Сатирикона» за 1909 год), обращенную, впрочем, не к потенциальному автору журнала, а к его вдумчивому читателю: «Крепкое вам спасибо за письмо о „Сатириконе“». Такие читатели насчитываются десятками, но они дороже тысяч. Многое приняли к сведению».

Будущим исследователям подробное изучение материалов «Почтового ящика» «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» может помочь при раскрытии сразу нескольких тем, ключевых для истории русской литературы начала XX столетия. Едва ли не самая интересная и малоразработанная из них — это эволюция восприятия авторами не модернистами и читающей публикой в целом поэзии и поэтики русских модернистов.

Так, в «Почтовом ящике», помещенном в № 19 «Сатирикона» за 1908 год, Ave уличил некоего Л. К-на со станции Дебальцево в plagiatе у Федора Сологуба: «...это стихотворение принадлежит перу Федора Сологуба и выкрадено вами из старых приложений к „Ниве“».

В № 35 за 1909 год Ave издевательски намекнул на скандал с порчей книг в библиотеке Румянцевского музея поэтом-символистом Эллисом. В газетном отчете об этом нашумевшем инциденте рассказывалось так: «На днях в читальном зале библиотеки Румянцевского и Публичного музеев обнаружено злоупотребление с книгами одного из постоянных посетителей библиотеки, некоего литератора Л. Кобского, писавшего в декадентских журналах под псевдонимом „Эллис“». Этот посетитель из выдаваемых ему книг для чтения вырезал страницы текстов и брал себе».⁴

³ Отметим, между прочим, что один из адресатов «Почтового ящика» «Сатирикона» избрал себе псевдоним, как бы предсказывающий название того литературного объединения, в котором Слонимский будет состоять после революции — «Брат Серапион» (1908. № 33).

⁴ Русские ведомости. 1909. 5 авг. Цит. по: Глуховская Е. А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 138. В статье Глуховской подробно изложены и проанализированы

Аверченко, посвятивший скандалу с Эллисом фельетон «Крайние течения», в «Почтовом ящики» обыграл идентичность фамилии очередного своего корреспондента с настоящей фамилией Эллиса — Кобылинский: «Москва. Ко-му. — Это настолько нехорошо, что напечатайте это в книге, положите перед Московским Эллисом и он — не вырвет ни листочка».

В № 39 «Сатирикона» за 1909 год Ave просил И. Д. из Петербурга больше не присыпать пародий на одно из самых известных стихотворений Константина Бальмонта: «Пародию на „Хочу быть смелым, хочу быть дерзким“ мы получали от разных лиц раз десять. Я тоже хочу быть смелым и скажу раз навсегда:

— Один раз хорошо, а десять — смертельно скучно.

И хочу быть дерзким:

— Не присылайте таких слабых стихов».

Затем настал черед футуристов, которых очень много высмеивали в «Новом Сатириконе», в том числе и сам Аверченко. Однако к адресатам сообщений «Почтового ящика» Ave был строг и в этом отношении. В № 23 журнала за 1913 год Аверченко ясно дал понять потенциальным авторам «Нового Сатирикона», что печатать пародии на стихи и манифести представителей футуризма он не намерен: «Еще раз повторяю — футуристы надоели»; даже если эти пародии будут забавными: «Кое-что в одной пародии на футуристов недурно, но сами футуристы так ничтожны, что пародировать их — много чести» (1914. № 2).

Тем не менее взгляды главного редактора «Нового Сатирикона» не только на творчество символистов, но и на стихотворную продукцию футуристов очевидным образом эволюционировали. Простейшее доказательство: с февраля 1915-го по март 1917 года в «Новом Сатириконе» регулярно печатался Владимир Маяковский.

Не покушаясь здесь на детальный и затрагивающий разные темы обзор и анализ раздела «Почтовый ящик» журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», мы далее сосредоточимся на достижении вполне конкретной и скромной цели — указании на возможный источник заглавия неоконченного романа Михаила Булгакова «Записки покойника» (1936–1937) и обоснования нашей гипотезы. Этим источником, на наш взгляд, могла послужить одна из заметок Ave-Аверченко в «Почтовом ящике» «Нового Сатирикона».

В связи с булгаковским заглавием уже вспоминали про переизданные в 1932 году в Советском Союзе «Замогильные записки» В. С. Печерина, чье название дублирует название знаменитых «Замогильных записок» («Mémoires d'outre-tombe») Р. де Шатобриана, а также про сочинение знакомца Э.-Т.-А. Гофмана — Генриха фон Пюклера-Мускау, которое в русском переводе получило длинное название «Предпоследнее странствование Семилассо по свету: сны и существенность, извлечение из бумаг по-

наиболее существенные обстоятельства, связанные с этим скандалом.

койника», а в оригинале по-немецки называлось гораздо короче и энергичнее — «Briefe eines Verstorbenen» («Письма покойника»). Во втором томе «Указателя заглавий художественных произведений» содержатся сведения о «Записках покойного Колечкина» Ф. Дершуа и «Записках покойного Якова Васильевича Безлова» И. Грузинова.⁵

Однако заглавия Печерина, Шатобриана, Пюклера-Мускау, Дершуа и Грузинова правомерно будет называть лишь синонимами заглавия романа Булгакова. А вот в выпуске «Почтового ящика», помещенном в № 23 «Нового Сатирикона» за 1915 год, обнаруживается очередной ответ Ave очередному автору-неудачнику, в котором встречается название произведения этого автора, совпадающее с заглавием будущего булгаковского романа дословно: «Москва. Автору „Записок покойника“. <...> — Не подошло».

Здесь самое время упомянуть, что «Новый Сатирикон» и помещавшиеся в нем тексты Аверченко по воспоминаниям сестры Булгакова Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской были настольным чтением в его семье в Киеве в 1910-е годы: «Мы выписывали „Сатирикон“, активно читали тогдашних юмористов — прозаиков и поэтов (Аркадий Аверченко и Тэффи)».⁶ Более того, имеется свидетельство, что как раз тексты Аверченко 1915 года особенно хорошо запомнились будущему писателю. 14 октября 1916 года друг юности Булгакова А. П. Гдешинский сообщил Надежде Булгаковой-Земской: «От Миши получили письмо, полное юмора над своим сычевским положением. Он перефразировал Аверченковское: „Я, не будучи поэтом, расскажу, как этим летом поселился я в Сычевке, повинуясь капризу судьбы-плутовки...“».⁷

В своем письме молодой Булгаков сообразно собственным биографическим обстоятельствам переделал рефренные стихотворные строки из юмористического рассказа Аверченко «Как женился Панасюк», напечатанного в сборнике его рассказов «Чудеса в решете» 1915 года, который вышел под маркой «Издание журнала „Новый Сатирикон“»:

Я, не будучи поэтом,
Расскажу, что прошлым летом
Жил на даче я в Терновке,
Повинуясь капризу судьбы-плутовки.⁸

Можно предположить, что парадоксальное и эффектное название отвергнутого Аверченко рассказа или стихотворного фельетона отло-

⁵ Указатель заглавий произведений художественной литературы (1801–1975): В 7 т. М., 1986. Т. 2. С. 175.

⁶ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 60.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Цит. по: Аверченко А. Собр. соч.: В 13 т. М., 2017. Т. 10. С. 45–49.

жилось в памяти Михаила Булгакова и в свой срок было им использовано.

Рискнем сделать еще один шаг и высказать осторожную догадку, что автор «Записок покойника» мог и в 1936 году помнить об источнике заглавия своего романа. Тогда как типичный пример сцены, содержащей «пасхальное яйцо», т. е. шутку для себя самого, можно рассматривать один из эпизодов пятой главы «Записок покойника». В этом эпизоде «молодой человек», визитер главного редактора журнала Ильи Ивановича Рудольфи, напечатавшего большой фрагмент романа Сергея Максудова «Черный снег», в присутствии автора романа (о чем визитер не подозревает) подвергает роман суровой критике, чем-то напоминающей знаменитые разносы из «Почтового ящика» «Сатирикона» и «Нового Сатирикона»: «— Ну, а стиль! — кричал молодой человек. — Боже мой, какой ужасный стиль! Кроме того, все это эклектично, подражательно, беззубо как-то. Дешевая философия, скольжение по поверхности... Плохо, плоско, Илья Иванович! Кроме того, он подражает...

— Кому? — спросил Рудольфи.

— Аверченко! — вскричал молодой человек, вертя и поворачивая книжку и пальцем раздирая слипшииеся страницы, — самому обыкновенному Аверченко! Да вот я вам покажу. — Тут молодой человек начал рыться в книжке, причем я, как гусь, вытянув шею, следил за его руками. Но он, к сожалению, не нашел того, что искал. „Найду дома“, — думал я.

— Найду дома, — посулит молодой человек, — книжка испорчена, ей-богу, Илья Иванович. Он же просто неграмотен! Кто он такой? Где он учился?»⁹

⁹ Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 4. С. 421–422.

Автор прекрасной работы о Булгакове и «сатириконах», Мирон Петровский, цитируя этот эпизод, далее приводит фрагмент из мемуаров второй жены писателя, Л. Е. Белозерской-Булгаковой, которая так вспоминала об одной из сцен пьесы «Бег»: «Что касается „тараканьих бегов“, то они с необыкновенным булгаковским блеском и фантазией родились из рассказа Аркадия Аверченко „Константинопольский зверинец“, где автор делится своими константинопольскими впечатлениями тех лет. На самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало. Это лишь горькая гипербола и символ, — вот, мол, ничего иного эмигрантам не остается, кроме тараканьих бегов».¹⁰

Если это действительно так, то перед нами еще одна шутка для себя, ведь никто из многочисленных критиков Булгакова в заимствовании из рассказа Аверченко его не упрекал и упрекнуть не мог, как минимум — потому, что «Бег» при жизни Булгакова не был опубликован или поставлен на сцене.

Лишь сам автор «Записок покойника» тогда знал, кого он обязан поблагодарить за сцену с тараканьими бегами в своей пьесе и, возможно, за заглавие своего неоконченного романа. Самая суть булгаковского отношения к Аркадию Аверченко, по точной формулировке Петровского, состояла «в напитанности — до высокой концентрации — творческой памяти Булгакова аверченковским и всяким иным сатириконством, сыгравшим значительную роль в формировании булгаковского стиля и типологии творчества».¹¹

¹⁰ Петровский М. С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001. С. 217–218.

¹¹ Там же. С. 218.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-242-244

© Е. Е. Дмитриева

ДИАЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ С СОВРЕМЕННИКАМИ, ИЛИ КАК СОВМЕСТИТЬ ИДЕАЛ ГУМАНИЗМА И АСКЕТИЗМА*

Елена Ивановна Анненкова давно известна в интеллектуальной среде как историк литературы, умеющий тонко, умно и вместе с тем прозрачно говорить о сложнейших проблемах русской истории и общественной мысли. Там, где другой исследователь будет скорее отстаивать свою точку зрения, солидаризуясь с той или иной идеологической позицией, Е. И. Анненкова предпочитает рассматривать проблему в ее, казалось бы, неразрешимой противоречивости, давая право на жизнь разным возможным интерпретациям и разному пониманию. Это качество ее критической мысли в полной мере сказалось и в недавно вышедшей монографии «О Гоголе в историко-литературном контексте» (2023).¹ Название одновременно и точное и немного лукавое. Поскольку автора, конечно же,² интересуют прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями», один из самых, если не самый сложный, плохо понятый или вовсе не понятый текст Гоголя, воспринятый и воспринимаемый многими как своего рода «нормандская дыра», остановка или даже провал в творческом пути Гоголя, в котором, однако, Е. И. Анненкова видит тот самый стягивающий воедино «большой, общий узел», где «ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело», о чем сам Гоголь писал в «Театральном разъезде», формулируя свое требование к современной драме.³

Так и собранные в единую книгу квазицеральные, но в первую очередь литературные и фи-

лософские письма «Выбранных мест» (и не случайно в монографии они сополагаются с «Философскими письмами» П. Я. Чаадаева (с. 364)) в интерпретации Е. И. Анненковой — и читатель по мере чтения глав книги (а их всего 20) проникается пониманием этого — есть не перечеркивание всего предыдущего и последующего, что написал Гоголь, но, напротив, развитие того, что имманентно присутствовало уже в самых ранних текстах, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Среди других гоголевских текстов, ведущих к «Выбранным местам», отдельно выделяется «Рим» (глава «„Рим“ и „Выбранные места из переписки с друзьями“»), так называемый петербургский цикл (глава «„Выбранные места из переписки с друзьями“ как антипетербургский проект Гоголя») и его записные книжки (глава «Записные книжки Гоголя. Материя жизни и творчества»). Хотя главным, пусть иногда и кривым зеркалом «Выбранных мест» оказываются «Мертвые души», в особенности второй, незавершенный их том. Наблюдениями над взаимоотражениями этих двух текстов наполнены страницы монографии, и они позволяют глубже и неожиданнее проникать в возможные интенции Гоголя, скрытые то за учительной интонацией «Выбранных мест», так раздражившей многих, то за изысканным художественным слогом поэмы, позволяющим читателю пройти мимо проблем онтологического свойства, столь для писателя важных.

Если «Выбранные места» вступают в монографии Е. И. Анненковой в диалог с другими произведениями Гоголя, то в не меньшей степени реконструируется автором их диалог с современниками и современностью (что, собственно, и оправдывает вторую часть заглавия монографии), причем не только с конкретными авторами, но и с жанрами (например, с жанром дружеского послания (с. 210–211), идеологемами и проч. Нищенство и богатство на фоне историко-культурной и религиозной традиции, богатыри, бродяги и странники в гоголевском и славянофильском понимании, феномен красоты в народной словесности и в понимании Гоголя, телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н. В. Гоголя — все

* Анненкова Е. И. О Гоголе в историко-литературном контексте. СПб.: Росток, 2023. 536 с.

¹ Е. И. Анненкова — автор книг «Гоголь и декабристы» (1989), «Аксаковы» (1998), «Путеводитель по поэме Н. В. Гоголя „Мертвые души“» (2010), «Гоголь и русское общество» (2012), «Константин Аксаков: Веселье духа» (2018).

² Е. И. Анненкова — один из комментаторов, готовивших «Выбранные места из переписки с друзьями» для нового академического Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1949. Т. 5. С. 142.

эти идеологемы, соответственно вынесенные в заголовки глав монографии, позволяют по-новому структурировать мысль Гоголя, явленную и в «Выбранных местах...», и в других его произведениях. Они-то и сообщают ей тот необходимый историко-литературный контекст, без учета которого любой, будь то читатель или исследователь, неминуемо поддается искусу односторонности, от которой в свое время так предостерегал В. Ф. Одоевский, и об этом тоже говорится в монографии (с. 108).

Круг собеседников, они же — оппоненты, союзники и соперники Гоголя — достаточно четко очерчен. На некотором отдалении фигурируют в монографии имена А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, занимавшихся, подобно Гоголю, «поиском идеальной общественной системы» в первой половине XIX века (с. 368–370; глава «Страхи и ужасы России»). Но главные гоголевские собеседники, с которыми вот уже два неполных века Гоголь ведет незримый диалог, — современники: протопоп Аввакум, декабристы (глава «Осмысление итогов жизненного пути») — и среди них в первую очередь Г. С. Батеньков, «более всего занимающий и интригующий» автора (с. 10), славянофилы, и из них поздний И. С. Аксаков, по-видимому особо близкий не только сознанию Гоголя, но и автору монографии (ему, чье имя постоянно появляется на страницах книги, посвящена и отдельная глава «Гоголь и Иван Аксаков: „беспрерывная внутренняя переработка“ как фактор творчества»). Но конечно же, основной собеседник и он же оппонент — А. С. Пушкин. В литературе уже немало сказано об отношении этих двух столпов российской словесности, отношений, сублимировавшихся в известном скетче Д. Хармса о спотыкающихся друг о друга Пушкине и Гоголе. Но здесь Е. И. Анненковой тоже удается сказать свое, очень нетривиальное слово.

В четырех главах, так или иначе посвященных дуэту Гоголя с Пушкиным и его эпохой («Наука жизни в художественном сознании Гоголя и литераторов пушкинского круга», «„Всё — не только самая правда, но еще как бы лучше ее“ (тайна единства этического и эстетического в творческом сознании Пушкина и Гоголя)», «„Клеветникам России“ в пушкинском и гоголевском контекстах», «„Я возмужал среди печальных бурь...“ (о теме духовного возмужания и формах ее воплощения у Пушкина и Гоголя)»), Е. И. Анненковой удается найти точки схождения в том, что внешне и на первый взгляд представляется как несопоставимое. Казалось бы, «гоголевский моноцентризм, обособленность, поиск монастырского уединения противоположны (если не противостоят) общности пушкинского круга: гоголевская серьезность, нацеленность на осуществление определенных задач исключают ту атмосферу свободы (бытовой, творческой, бытийной), которую создавали и поддерживали

ли поэты пушкинской поры» (с. 209). Но при этом гоголевская «Переписка с друзьями» не только вызывает ассоциации с жанром дружеского письма и дружеского послания пушкинской эпохи, но обладает еще и «редкостной» религиозной «общительностью», сближающей ее с «художественной общительностью» Пушкина.⁴ Неожиданно объединяет Гоголя и Пушкина (и его окружение) также и поиск «науки жизни» (формула, появляющаяся во втором томе «Мертвых душ», но определяющая, по сути, все содержание «Выбранных мест»). Казалось бы, что может объединять пушкинский круг, с его недоверием к иерархическим, упорядоченным формам жизни, с исканиями Гоголя. Но не есть ли наука дружбы, нравственного совершенствования, эстетической отзывчивости, культивируемых в пушкинском кругу, — та же наука жизни, которую так страждал Гоголь. И на этом фоне мечты Манилова о хорошем соседстве, Чичикова о радости дружеского взаимопонимания и даже чуть ли не слезы Плюшкина об «однокорытнике» предстают как результат не только иронической, но и серьезной мысли автора «Мертвых душ» (с. 212–213).

Из перечисленных «пропушкинских» глав некоторое возражение вызывает, пожалуй, глава «„Клеветникам России“...» — прежде всего в той ее части, что посвящена «осмыслению функциональности слова» (с. 246), позволяющей сблизить Гоголя с Пушкиным. Если для Гоголя умение «удержать» слово, обращаться с ним честно и не произносить «в те поры, когда <человек> находится под влиянием страстных увлечений», действительно, первостепенно (с. 245), то видеть в пушкинских строках «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России...» сходный посыл несколько рискованно. Думается (хотя это мое частное мнение), что в строках этих не стоит искать эмблематического подтекста, отразившейся в них будто бы «проблемы слова» и его предназначения как «выражения миросозерцания, восходящего к святоотеческому преданию» (с. 246). Как и не стоит приписывать Пушкину осознание «онтологического несходства России и Запада» (с. 243). В данном случае можно перефразировать очень справедливые слова самой Е. И. Анненковой, сказанные ею, правда, в другом контексте и не о Пушкине, а о Гоголе: подобное прочтение «под каким-то одним углом зрения вряд ли продуктивно» (с. 200).

Но здесь мы переходим к главному: к тому, что составляло проблему, бесконечно решаемую самим Гоголем, и что, не будучи вынесено в заглавие обсуждаемой книги, составляет, как представляется, ее главную тему и заботу. Собственно, об этом мы читаем уже на первых

⁴ Здесь Е. И. Анненкова солидаризуется с мнением В. А. Грехнёва (с. 210).

страницах, в предведомлении «От автора»: «Гоголь совершил свой эволюционный — и эстетический и духовный — путь, на каждом этапе которого хотел бы учесть и даже умножить многогликие возможности искусства, а также сохранить „необъятный простор христианства“. Его собственное слово принимало форму устного народного сказа, могло выразить „невыразимое“ романтического сознания, стать учительным, опирающимся на неисчерпаемый запас библейского и святоотеческого опыта. <...> Однако и „всякая всячина“ жизни до последних дней занимала писателя» (с. 3).

Вопрос о «соотношении гуманистического и аскетического идеала», о «необходимости взаимодействия или несовместимости светской и собственно духовной культур» (с. 6) мыслится автором монографии как то, что было предопределено процессами, происходившими в Древней Руси с ее принятием христианства и переходом к литературе Нового времени, столь отличным от византийского пути. Ссылаясь на наблюдение Г. П. Федотова, Е. И. Анненкова пишет о том, что Нестор, говоря о книголюбии Феодосия Печерского в его житии, о любви его к духовному просвещению, пресекал на Руси соблазн аскетического отвержения культуры (с. 10). Очень важное соображение для тех, кто ныне пытается сделать из Гоголя христианина-аскета, государевенника, отказав ему в не-поддельном интересе к живой жизни, красоте и проч. Пример Аввакума с его совмещением мирского сознания и сознания религиозного, Батенькова, чьи «не вполне понятные тексты» позволяют увидеть, как человек XIX века пыт-

тается совместить аскетизм и гуманизм, самосознание автора и его безличность, поиск веры и желание обрести собственную, уникальную веру (с. 17), размышления И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» становятся своего рода матрицей, на фоне которой по-иному прочитаются искания и метания Гоголя и его потребность прояснить для себя «внутреннее существо „русской образованности“» и православного просвещения, столь отличного от Просвещения западного.⁵ Потребность-попытка описать Божественную литературу и тем самым включить литературу в литературное творчество, а творчеству придать литературический пафос — такова тезеология, которая определяет одну из самых ярких и в смысловом отношении самых сложных глав книги: «Монашество в миропонимании Гоголя» (с. 70–86).

Что можно сказать в заключение? Перед нами книга, которая, повествуя о Гоголе, погружает нас вместе с ним в глубинные проблемы нашей истории и нашего сегодняшнего бытия. И потому, будем надеяться, способна будет увлечь не только специалиста, но и просто человека взыскующего.

⁵ Главы «От древнерусской культуры к литературе Нового времени: духовные основы и сложности эволюционного пути» и «„Древнерусская православно-христианская образованность“ в интерпретации Гоголя и Киреевского».

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-244-246

© А. М. Грачева

МАКСИМ ГОРЬКИЙ: ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО НА ФОНЕ ГЕРМАНИИ*

В настоящее время появилось много серьезных научных исследований, посвященных различным аспектам личных, творческих, политических взаимосвязей и соприкосновений писателя, журналиста, общественного деятеля Максима Горького (А. М. Пешкова) с культурами, народами, национальным наследием различных стран мира.¹ На этом фоне, несом-

мненно, актуальным и востребованным становится изучение его разносторонних контактов с общественно-политической жизнью и культурой Германии. Немецкие философские, эстетические, театральные, социально-политические теории и практики как прошлых веков, так и современности (конца XIX — первой четверти XX века) оказывали значительное воздействие на Горького. В связи с чем интерес

* А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-мейдийном пространстве / Отв. ред. О. А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 298 с.

¹ См., например: *Ариас-Вихиль М. А. Буревестник versus Альбатрос. Французский кон-*

текст творчества Максима Горького. М., 2018; А. М. Горький в Италии. К 150-летию со дня рождения писателя. СПб., 2021; *Шуган О. В. Восток в жизни и творчестве М. Горького*. М., 2023.

ученых к этой научной проблеме обоснован и оправдан.

На обороте обложки книги «А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-междийном пространстве» изложена краткая мотивация ее появления и основной предмет представленного исследования: «Коллективная монография посвящена малоизученному периоду жизни и творчества А. М. Горького в Германии (1921–1923 гг.). Основные авторы — участники проекта РНФ (№ 21-18-00131), а также специально приглашенные ученые, эксперты по данной теме».

Филологам-русистам хорошо известна значимость периода так называемого Русского Берлина,² когда многие деятели культуры, покинувшие Советскую Россию и оказавшиеся в Германии, имели возможность краткой «передышки», чтобы попытаться осознать опыт произошедшей в пореволюционные годы гигантской трансформации русской культуры, а также чтобы определить свой дальнейший жизненный и творческий путь, избрав возвращение на Родину или эмиграцию. После октябрьского переворота Горький, в силу специфики своего положения в русском литературно-общественном континууме начала XX века, а также давнего знакомства с рядом лидеров нового государства, сыграл ключевую роль в диалоге культуры и власти. Будучи вынужден уехать из России, именно в Германии он должен был обдумать и сформировать принципы дальнейшей общественно-политической стратегии и во многом переосмыслить опыт своей журналистской и писательской деятельности. Значимость для Горького «берлинского периода» обуславливает несомненную важность его серьезного научного изучения.

Обратимся теперь к книге «А. М. Горький в Германии...» и рассмотрим ее содержание, как говорил Тацит, *sine ira et passione*. Прежде всего, невольно поражает тот факт, что, кроме аннотации на обороте обложки, в книге отсутствует Вступление, аналитически представляющее читателям концепцию труда и мотивирующее его целостность как *коллективной монографии*. За открывающим том Содержанием следуют шесть глав.

В первой главе «А. М. Горький в социокультурном пространстве Германии» помещены четыре статьи. Одна из них касается мемуаров о жизни Горького в веймарской Германии (автор — О. А. Клинг), другая рассматривает взаимосвязи творчества писателя с немецким экспрессионизмом (Н. Н. Примочкина); третья посвящена перечислению объектов разного рода

на карте Германии, которые носят имя пролетарского писателя (Т. В. Кудрявцева), наконец, в последней приводятся оценки немецкой критикой первых постановок его пьес 1902–1906 годов (М. Бёмиг). При общем высоком профессионализме авторов статей, уже в первой главе книги заметен странный диссонанс. Какое отношение ко времени «Русского Берлина» 1921–1923 годов имеют рецензии на постановки горьковских пьес 1902–1906 годов, о которых так профессионально и убедительно рассказано в статье Бёмиг?

Наиболее целостное тематическое единство, соответствующее заявленной в аннотации главной цели книги, представляет собой вторая глава — «А. М. Горький и междийное пространство». В статьях Е. Н. Никитина, Е. Р. Матевосяна, А. Л. Семеновой, Ю. У. Каскиной на основе редких материалов из Архива А. М. Горького по-новому открываются разные аспекты журналистской и издательской деятельности писателя в период его пребывания в Берлине в начале 1920-х годов.

Третья глава «А. М. Горький и немецкая философия» по своему составу эклектична. Само ее название вполне могло бы быть титулом обширной специальной книги, причем не одной. В нашем случае эту главу составляют всего три статьи. Первая из них — работа О. В. Шуган «Осмысление М. Горьким немецкого периода идеи „Заката Европы“ О. Шпенглера» — это серьезная научная заявка на большую тему «М. Горький и О. Шпенглер», и хотелось бы, чтобы автор продолжила свое исследование. Статья С. М. Демкиной «Немецкие философы в личной библиотеке А. М. Горького (Музей А. М. Горького ИМЛИ РАН)» содержит краткое перечисление соответствующей литературы с указанием на пометы писателя и имеет несомненное практическое значение. Но наибольшее внимание в этой главе привлекает статья М. М. Ожиговой «Эстетика прозы немецкого периода А. М. Горького: „полемика“ с Иммануилом Кантом в „Рассказе об одном романе“ (1924)». Приведу только несколько цитат из этой публикации: «Для больших писателей характерно включение философии в творчество, часто в их произведениях можно обнаружить объемные философские концепции, иногда образующие собственное мировоззрение писателя, а иногда отсылающие к взглядам конкретных философов или даже целых философских школ. Философии чужда эстетизация, она стремится в конкретных терминах описать сложнейшие вопросы мироздания, приблизить их к человеческому пониманию» (с. 189); «С одной стороны, Горький не стремится к эстетизации явлений, которые описывает, по сути, он показывает все без прикрас, используя минимум средств поэтики. С другой стороны, его тексты написаны живым языком, в них много бытовых реалий, часто герой списаны с натуры, автобиографичны» (с. 190); «При этом важно

² Подробнее об этом см., например: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. 2-е изд. Paris; М., 2003.

подчеркнуть, что Горькому была не совсем чужда метафизика, однако сложные подробные описания процесса творчества, предложенные Кантом, совершенно не могли соответствовать стремлению Горького к изображению простой жизни людей (крестьян, рабочих и даже купцов) во всей ее полноте» (с. 200). Как говорится, *nomina sunt odiosas...* странно видеть работу подобного уровня в труде ИМЛИ РАН имени А. М. Горького.

Краткий период «Русского Берлина» был моментом интенсивнейшего общения деятелей культуры, попавших в Германию из революционной «взвихренной Руси», временем образования различных писательских клубов, объединений, проведение публичных диспутов, встреч, чтений. В связи с этим в книге на заявленную тему закономерна глава «А. М. Горький и его окружение», в которой ожидаешь массы разного рода информации о контактах Горького в период его жизни в Берлине 1921–1923 годов. В данном случае раскрытию темы отвечают, во-первых, небольшая по объему, но информативная статья О. С. Кудлай «А. М. Горький и В. Б. Шкловский: к истории личных и творческих отношений», а во-вторых, излагающая известные факты, но все же соответствующая общей теме книги статья Д. А. Сухоевой «„С космобю дымною на лбу“: портреты А. М. Горького в литературном наследии В. Ф. Ходасевича». Однако отметим, что по расположению в книге последняя работа была бы более уместна в качестве скромного дополнения к статье О. А. Клинга. Замыкает главу статья Л. В. Суматохиной «М. Горький и немецкий писатель Теодор Плилье». Это содержательное исследование, в котором представлены новые факты из биографии «буревестника революции» и использованы неизвестные архивные материалы. Единственный недостаток статьи состоит в том, что она посвящена событиям 1930-х годов и никакого отношения к периоду «Русского Берлина» не имеет.

Пятая глава «Восприятие художественных и эстетических идей А. М. Горького в Германии» содержит интересные работы о рецепции творчества Горького в эстетике Георга Лукаша (автор — А. И. Жеребин), о рефлексии немецкой прессы и цензуры на повесть «Мать» (Ю. М. Егорова) и о трансформации ее идей и тем в драматической переработке Б. Брехта (М. В. Ромашкина). Однако, как и ранее, все эти статьи не относятся к периоду пребывания Горького в Германии в 1921–1923 годах.

Наконец, ударной является финальная, шестая глава книги, названная так: «А. М. Горь-

кий до (sic!) Германии». Прежде всего удивляет, что эту главу составляет всего лишь одна лапидарная заметка Е. М. Захаровой «Перед отъездом: „Южный край“ о Горьком (1914–1917 гг.)». Вообще-то Горький перед Германией прожил долгую жизнь и как человек, и как писатель, в связи с чем этот раздел книги (если уж он обязательно должен был существовать!) мог бы быть гораздо объемнее. Но в данном случае вся жизнь и деятельность Горького до Германии сосредоточилась на шести с половиной страницах текста, который составляют по-библиографически краткие подразделы: «„Южный край“ и литературный контекст», «Классификация текстов о Горьком», «Публикации о событиях личной жизни Горького», «Рецепция творчества на международном уровне», «Писатели-современники о Горьком», «Публикация авторских текстов Горького», «Образ Горького и его трансформация в „Южном крае“». Учитывая общий объем статьи-заметки, на каждый подраздел приходится от трети до четверти страницы.

Как уже ранее говорилось о предисловии, послесловие к коллективному труду также отсутствует.

В итоге можно сделать вывод о том, что книга «А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве» представляет собой не коллективную монографию, посвященную периоду пребывания Горького в Берлине в 1921–1923 годах, как то было заявлено в краткой аннотации, а сборник статей, сражающихся широкой и хронологически аморфной темы «Максим Горький и Германия». Не производит впечатления целостности замысла и объединение различных статей в главы. Входящие в книгу работы имеют разный научный уровень. К сожалению, не проведена и не оговорена также унификация реального имени и литературного псевдонима главного героя книги. В одних статьях он именует «А. М. Горький», в других назван просто «М. Горький».

Изначально появление рецензируемой книги было обусловлено наличием актуальной потребности в целостном изучении важной научной темы. И очень жаль, что итогом проведенной работы стал сборник статей, значительная часть которых оказалась только условно «географически» связана с заявленной темой, а отображение писателя Максима Горького на фоне Германии 1921–1923 годов так и осталось по многим параметрам «портретом неизвестного».

М. М. БАХТИН, МОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ: НОВАЯ КНИГА О РУССКОМ МЫСЛИТЕЛЕ*

Новая книга о М. М. Бахтине — наглядное свидетельство интереса к наследию русского мыслителя на Западе даже в непростых политических условиях сегодняшнего дня. Рецензируемое издание вышло в серии «Постигая философию, постигая модернизм», где были представлены ведущие фигуры европейской интеллектуальной мысли — от К. Маркса, Ф. Ницше, А. Бергсона, Л. Витгенштейна до Р. Барта и С. Жижека. Включение в этот ряд М. М. Бахтина позволяет говорить, что его имя окончательно утвердилось в западном интеллектуальном каноне.

Читателя может удивить сопряжение имени Бахтина и круга тех явлений, которые обозначены понятием «модернизм». По устоявшейся традиции предполагается, что русский мыслитель и модернизм находятся едва ли не на противоположных полюсах истории культуры. Критика Бахтиным «формальной школы», о чем справедливо пишет в своей главе Д. Эрдинаст-Вулкан («„Новое философское чудо“: Бахтин, Шкловский и новое очарование мира»), интерпретируется как «бахтинский ответ» всему модернизму и авангарду. С этим согласно большинству авторов книги, хотя в действительности дело обстоит сложнее. Русскому модернизму удалено достаточно внимания в бахтинских лекциях 1920-х годов, где представлены поззия отечественного символизма, акмеизма и футуризма, проза Андрея Белого, Ф. Сологуба, А. Ремизова, Б. Пильняка и др.¹ Внимание ученого к западному модернизму подтверждается присутствием в его рукописях 1930-х годов имен Д. Джойса, М. Пруста, А. Жарри, Т. Манна, характеристиками Ф. Кафки, А. Камю, французского «нового романа» в письмах и текстах 1960-х годов, фрагментом о «модернистском гротеске» в книге о Рабле.²

Несмотря на акцентированное внимание серии к модернизму как явлению литературы и культуры (с. 3), актуализированная в книге трактовка позволяет говорить о более широком

понимании термина, который синонимизируется с понятием современности, что убедительно показано в статье К. Хиршкопа «От гетероглоссии к современности: модернистская история романа Бахтина». Не будет преувеличением сказать, что использование в книге «бахтинской оптики» и «бахтинского инструментария» дает возможность авторам предложить новые интерпретации отдельных явлений не только европейского модернизма, но и всей западной современности в целом, что еще раз доказывает актуальность и значимость идей Бахтина для гуманитарного мышления.

Примечателен состав участников проекта. По большей части это авторитетные представители западной бахтинистики, хорошо известные с конца прошлого века. Прежде всего редактор сборника, организатор бахтинских конференций и коллоквиумов во Франции в начале 1990-х годов Ф. Биржи, авторы монографий и многочисленных статей о Бахтине Р. Барски, М. Гардинер, К. Хиршкоп, П. Хичкок, Д. Холл, Д. Эрдинаст-Вулкан, переводчики И. Клигер и С. Сандлер и др.

Книга состоит из трех разделов: «Концептуализируя Бахтина», «Бахтин и модернизм», «Глоссарий». Задача первого — показать, как важнейшие открытия ученого работают в современном культурном и политическом пространстве, представить их в диалоге с ведущими мыслителями прошлого и настоящего — от Ф. Гельдерлина до В. Беньямина и Ю. Хабермаса. Обозначенный в разделе проблемный круг очень широк: это и попытки взглянуть на выстраиваемую Бахтиным прежде всего в трудах 1930-х годов историю романа и — шире — историю литературы, проследить, как существенное для раннего Бахтина понятие «смена» трансформируется в его позднем творчестве. В книге неоднократно подчеркивается, что обновляющий потенциал бахтинских идей проявляется в разных сферах современной гуманитаристики, включая далекие от ученого постколониальные исследования и практику психоанализа.

Второй раздел призван продемонстрировать инструментализацию бахтинских идей и терминов процессе контакта с явлениями модернизма. Предсказуемо появление здесь статей о Д. Джойсе и А. Жиде, модернистском хронотопе станции, которые соседствуют с попыткой рассмотреть как предшественника модернизма Ч. Диккенса, чья проза привлекала особое внимание Бахтина в 1930-е годы. Показательно стремление исследователей выйти за пределы

* Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Understanding Philosophy, Understanding Modernism).

¹ Записи лекций М. М. Бахтина по истории русской литературы. Записи Р. М. Миркиной // Бахтин М. М. Соб. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 294–411.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Там же. Т. 4 (2). С. 57–63.

словесного творчества, в частности, в ходе анализа созвучий бахтинской философии тела с теорией и практикой модернистского танца.

Однако наибольший интерес вызывает завершающий книгу «Глоссарий». Он включает 19 терминов, среди которых не только получившие широкое распространение «архитекторика», «автор и герой», «хронотоп», «поступок», «диалог», «жанр», «разноречие (гетероглоссия)», «вненаходимость», «ответственность», «высказывание», «слово», но и привлекавшие меньшее внимание «стиль», «событие», «становление», «современность», «завершение» и др. Как отмечает во «Введении к глоссарию» автор большинства словарных статей С. Сандлер, бахтинские термины «следует понимать скорее с точки зрения того образа, который они рисуют вместе, чем с точки зрения обозначения, которое каждый из них имеет по отдельности», а предлагаемый глоссарий «рассматривать не только как попытку объяснить суть ключевых терминов Бахтина, но и, что не менее важно, как попытку предотвратить недоразумения, которые могут возникнуть при обращении с ними как с терминами более обычного типа, объяснения не только, как их следует понимать, но

и как их понимать не следует» (с. 299; перевод мой. — О. О.). Похоже, этой логикой С. Сандлер руководствовался, начиная статью «Архитекторика» довольно подробным толкованием термина «событие», который явно заслуживал «персональной» статьи.

Нельзя сказать, что С. Сандлеру, К. Хиршкопу, Ф. Биржи, Д. Холлу, Я. Толоняту удалось безоговорочно справиться с поставленной задачей. Наряду с несомненными удачами, каковыми, на наш взгляд, являются статьи об архитекторике, авторе и герое, хронотопе, поступке, К. Хиршкопа — о современности, диалоге и гетероглоссии, Ф. Биржи — о «Я» и «Другом», Д. Холла — о становлении, некоторые статьи выглядят конспективными («Карнавал» и «Мениппова сатира» Я. Толонята), а другие могли бы быть объединены («Слово» и «Высказывание» С. Сандлера).

Впрочем, перед нами первая попытка создания словаря терминов Бахтина на английском языке, и в целом ее можно считать успешной. Остается посоветовать авторам более внимательно отнести к тому, что сделано российскими коллегами, начиная с «Бахтинского тезауруса» под редакцией Н. Д. Тамарченко.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-249-252

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭПОХИ, АВТОРЫ, ЖАНРЫ, ТЕМЫ»

2–3 ноября 2023 года в Пушкинском Доме в смешанном формате состоялась Международная научная конференция, посвященная переходным явлениям в литературе. Присущая им противоречивость и неоднозначность их понимания, как отметил во вступительном слове председатель оргкомитета конференции В. Е. Багно, могут быть осмыслены в свете идеи Д. С. Лихачева, высказанной в эссе «Два типа границ между культурами»: ученый полагал, что любая граница — это одновременно и «полоса общения», и «стена разобщенности». Точно такой же двойственной природой обладают, по мнению Багно, переходные явления культуры; поэтому при анализе их исследователи не всегда учитывают, что одни из них склонны акцентировать внимание на объединяющих факто-рах, вторые — на разделяющих, при том что и те и другие непременно присутствуют в любом переходном явлении.

Утреннее заседание открылось докладом Д. М. Буланина (Санкт-Петербург), где был поставлен вопрос о татарском элементе в том об-разе «священного царства», который конструировался московскими идеологами. В этой свя-зи был рассмотрен известный эпизод царствования Ивана Грозного, когда в 1575 году он передал московский престол татарскому царю Симеону Бекбулатовичу. По мнению докладчи-ка, загадочный поступок Грозного был связан с мероприятиями, направленными на сакрали-зацию царской власти. На основе предприня-того анализа Буланина была предложена новая интерпретация адресованной Симеону Бекбулатовичу членитой Ивана Грозного, которую надлежит понимать как памятник деловой письменности.

О поисках новых подходов в исследовании русских текстов о путешествиях докарамзин- ского периода рассказал А. Ю. Соловьев (Санкт-Петербург) в докладе «К эволюции русских ли-тературных путешествий XVIII века». К таким подходам докладчик отнес, во-первых, изучение авторского начала, что было продемон-стрировано на примере перевода А. Д. Кантемира «Письма одного сицилианца» (1726); во-вторых, анализ повествовательной конструкции «русский в Европе», включающей образ или позу авторского «я», декларируемое отно-шение путешественника к увиденному, а так-же способы его коммуникации с читателем.

Значительное влияние на развитие данной мо-дели в середине XVIII века, по мнению доклад-чика, оказали теоретические высказывания о путеше-ствиях. Наконец, были сформулированы предварительные замечания о таком аспекте эволюции путешествий, как стиль (эпистоляр-ный, сатирический и т. д.).

Русский романтизм как проблему рассмотрела М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург). Ис-следовательница считает, что традиционный взгляд на романтизм как литературное на-правление, пришедшее на смену классицизму и сентиментализму и подготовившее переход к реализму, давно нуждается в пересмотре. Было показано, что большинство русских авторов 1820–1830-х годов, при всей разноречиво-сти их суждений о романтизме, приняли кон-цепцию Ж. де Сталь, видевшей в классицизме и романтизме две универсальные модели, которые соответствуют двум эрам, языческой и христианской, и описывают все обозримое историческое и географическое пространство европейской культуры от античности до совре-менности. Не менее существенно и то, что клас-сицизм и романтизм сосуществовали на рав-ных не только в рамках общего литературного поля 1820–1830-х годов, но и в рамках твор-чества отдельных авторов. По мнению доклад-чицы, «романтическая культура развивалась в России до тех самых пор, пока действенны-ми оставались принципы классицизма». Обе эти культуры, по ее мнению, отличались общим качеством: «они создавали суверенные худо-жественные миры и потому вместе ушли со сце-ны, когда автономия таких миров перестала цениться и литература начала искать прямые вы-ходы к реальности».

О необходимости вернуть дискурс о роман-тизме в тот контекст, в котором литературное направление возникало и осмысливало себя, но уже на европейском материале в его англий-ском, немецком и французском изводах, был и доклад Е. Е. Дмитриевой (Москва / Санкт-Петербург) «Европейский романтизм как пере-ходная эпоха», где было продемонстрирова-но, насколько это довольно расплывчатое по-нятие, впоследствии утвердившееся в истории и в периодизации литературы конца XVIII — начала XIX века, противоречиво накладывает-ся на реальное положение вещей. В этой свя-зи Дмитриева привела ряд фактов английской

и французской литератур, наглядно свидетельствующих о всей сложности и неоднородности явлений и процессов, имевших место на рубеже XVIII–XIX веков, а также отметила, что самый поразительный случай представляется собой немецкий романтизм, парадокс которого заключается в том, что у создателей романтической эстетики, юнских романтиков (Ф. Шлегель, Новалис), которым важно было обозначить начало новой эпохи в ее полярности с предыдущей, неясное и только еще вводимое в эстетический оборот слово «романтический» стало постепенно обретать четкие контуры именно через со- и противопоставление с предшествующей литературой с ее нормативной эстетикой, ориентированной на античные образцы. Это противостояние современно-романтической (*modern-romantischer*) и антично-классической (*antik-klassischer*) поэзии и стоит в центре программных текстов Шлегеля. Впрочем, скоро стало понятно, что то, что мыслилось поначалу как оппозиция, легко могло перерасти в симбиоз, как это было в случае с Гете.

А. В. Волков (Санкт-Петербург) представил свое сообщение «Я. А. Галиновский и смена переводческих ориентиров в начале XIX в.», в котором обратился к наследию полуза забытого литератора рубежа XVIII–XIX веков, издателя и единоличного автора журнала «Корифей, или Ключ литературы». По мнению Волкова, высказывания о переводе в «Корифее» и других публикациях Галиновского, а также образцы выполненных им самим переводов при всей своей спорадичности выстраиваются в довольно последовательную систему. Он одним из первых выступил против широко распространенной в то время практики переводов с французских текстов-посредников. Его деятельность отмечена печатью экспериментаторства. Среди его переводов есть и дословные, которые могут восприниматься только в неразрывной связи с подлинником, и прозаические, призванные выполнять ознакомительную функцию, и стихотворные «подражания», отличающиеся, тем не менее, значительной близостью к оригиналу. Особенного внимания заслуживает осуществлявшееся Галиновским внедрение в переводы белого стиха (ямба и гекзаметра). Находясь в стороне от литературной борьбы, погруженный в самодовлеющие ученыe и литературные занятия, этот малоизвестный писатель в некотором смысле невольно опередил свое время.

Утреннее заседание завершилось докладом, поднявшим фундаментальные теоретические вопросы и с принципиально иной перспективой рассмотревшим проблему переходных эпох. И. Э. Васильева (Санкт-Петербург) в выступлении «Роль адресата в динамике литературного процесса (Стратегии и опыт читательского сообщества в XIX – I пол. XX в.)» проанализировала этапы развития литературного поля обозначенного периода в проекции читателя и обрисовала внутреннюю логику этого процесса, сопоставив ее с традиционным осмысливанием изменений литературного поля в проекции ав-

тора. Исследовательница пришла к выводу о том, что в логике исторического движения автора и в логике исторического движения реципиента можно констатировать зеркальность противоположенных стратегий: в проекции автора литература стремится элиминировать читателя, чтобы сохранить за собой доминантный статус, в проекции же реципиента читатель готов элиминировать сам литературный текст и довольствоваться собственной креативной активностью. Однако существовавшие на протяжении полутора веков иерархические отношения между авторской и читательской инстанциями литературного поля перестают быть релевантными во второй половине XX века, и именно тогда в проекции реципиента завершается определенный цикл развития литературного поля и культура входит в переходный период поиска новых типов взаимоотношений между словом и заинтересованными в нем субъектами.

О готовящейся новой «Истории русской литературы» для итальянской аудитории рассказал один из ее авторов Стефано Гардзони (Италия). Докладчик обозначил специфику презентации русского историко-литературного процесса иностранному читателю и те вопросы, которые встают особенно остро при написании истории русской литературы именно как иностранной: в частности, указал на различные в двух академических традициях типологические интерпретации главных литературных эпох, на неоднородные явления, уклоняющиеся от классификаций и т. д. Отдельно Гардзони охарактеризовал период 1790–1825 годов и выделил также, среди прочего, те фигуры и явления, трактовка которых представляет для историка литературы определенную трудность или которые вообще нечасто становятся предметом подробного описания в историях литературы.

В сообщении «Литературный дом: между салоном и кружком (1830–1840-е гг.)» А. Г. Гродецкая оспорила возможность применения категории как салона, так и кружка к родственно-дружескому кругу семьи Майковых, который относится, на ее взгляд, к феномену литературного дома. Отметив исторически характерные особенности салонной культуры, с одной стороны, и деятельности литературных кружков, с другой, Гродецкая предложила распространить понятие литературного дома как явления переходного, сочетающего элементы угасающей салонной традиции и сформировавшейся кружковой, на ряд литературных сообществ 1830–1840-х и более поздних годов, к каковым отнесла дома Аксаковых, А. П. Елагиной, М. Д. Ховриной, Е. П. Ростопчиной, Н. Ф. и К. К. Павловых, семьи Боткиных и ряд других.

К проблеме особенностей переходного периода конца 1880-х — начала 1890-х годов обратился А. Д. Степанов (Санкт-Петербург). На примере крупнейшего из «переходных» авторов А. П. Чехова, его авторефлексии о собственном творчестве, а также постепенно изме-

няющейся в своем отношении к его произведениям критики докладчик показал, что, по его мнению, происходившие в это время перемены были обусловлены прежде всего внутрилитературными процессами «автоматизации» реалистических установок, что приводило к констатации кризиса реализма со стороны критики и одновременно к признанию этого положения вещей со стороны молодого поколения литераторов. Однако внешние приметы «кризиса» являлись в то же время и предвестием сдвига культурной парадигмы, что могли опознать и оценить только представители следующего литературного поколения, такие как Д. С. Мережковский и А. Белый.

В сообщении О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) «О фантастических красотах, экзотическом колорите и эстетических ожиданиях „грюпблика“ (легенды и их критика в конце XIX столетия)» рассматривалась легенда как жанр переходной эпохи. В литературном поле в этот период сосуществовали две равноправные художественные инвенции: на одной чаше весов оказалась реалистическая легенда с ее мистическим колоритом (А. В. Амфитеатров, В. П. Буренин, А. С. Суворин), на другой — модернистская легенда, ориентированная на «утонченного» читателя. Анализ критической и переводческой рецепции текстов, а также сопоставление «переложений» одного сюжета разными авторами позволили исследовательнице показать новаторский характер легенд Н. С. Лескова и переведенных И. С. Тургеневым легенд Г. Флобера.

Доклад И. В. Аршиновой (Санкт-Петербург) был посвящен своеобразному «диалогу» выступлений, имевших место на заседаниях Anglo-русского литературного общества в 1917–1920 годах и являющих собой выразительный пример рецепции русской литературы конца XIX — начала XX века. Ретроспективное выстраивание русской культурной панорамы рубежа веков русским эмигрантом (З. Преевым) и английским переводчиком и литератором-любителем (Ф. П. Марчантом) на излете осмыслияемой эпохи и в непосредственном контексте переживаемых Россией и всей Европой беспрецедентных социокультурных потрясений было проанализировано по опубликованным материалам «изнутри» этого диалога и в ряду известных текстов — источников транслируемых идей.

Заключительное заседание конференции было открыто сообщением В. Е. Багно (Санкт-Петербург) «Ветер перемен в литературе: Замутненное „там“ и неповторимое „здесь“». По мнению исследователя, русская литература прошла длительный путь «присвоения, усвоения и, что самое продуктивное, освоения инонациональных культур». Этот тезис Багно раскрыл на материале русского модернизма, заметив, что, как и во все другие эпохи, речь шла не о Западе Западной Европы, а о «русском» Западе, том, который, по убеждению Достоевского, был второй родиной каждого русского.

Продолжая тему предыдущего доклада, Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) также об-

ратилась к диалогу европейской (в качестве транслирующей) и русской (в качестве воспринимающей) культур в конце XIX века и особенно подробно остановилась на анализе процесса «перекодировки» французского натурализма на раннем этапе становления модернизма в России.

И. П. Смирнов (Германия) выступил с темой «Конец авангарда». В своем рассуждении докладчик исходил из посыла, что любая эпоха в истории культуры переходна в силу того, что покоится на противоречии, которое может быть подвергнуто отрицанию только извне — со стороны вновь рождающегося периода. Противоречие же, лежащее в основе постсимволистского авангарда, по его мнению, заключалось в том, что эта диахроническая система пытаясь заново инициировать всю культуру, будучи на деле лишь одним из этапов ее развития. Начало понималось в авангарде как уже конец (всего предшествующего творчества), а конец (знаменуемый выходом на историческую сцену самих авангардистов) как удаляющийся в инфинитность.

После сообщения А. П. Христенко (Санкт-Петербург) «Орнаментальная проза как феномен переходного времени: „неоднозначность“ послереволюционной действительности в романе Ю. К. Олеши „Зависть“» прозвучал доклад А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «Психологизм „живого человека“: (псевдо)дискуссия 1930 г. в РАПП», в рамках которого исследовательница осветила прения о путях развития литературы. Содержание выступлений оппозиции, заявлявшей несогласие с выдвинутыми руководством РАПП творческими лозунгами, свидетельствовало о поддержке лозунгами психологизма и «живого человека». В то же время уточнение оппозицией того, какой психологизм нужен пролетарской литературе, превращало его в свою противоположность. В дальнейшем же обе позиции были признаны ошибочными и психологизм как вариант развития литературы оказался отвергнут.

О методологических проблемах, с которыми сталкивались исследователи в попытках осмыслить переходный период конца XX века, в завершение конференции рассказал Д. К. Баранов (Санкт-Петербург). Большая часть проблем, по его убеждению, связана с тем, что весь объем художественной продукции 1990-х годов еще довольно плохо освоен научным сообществом, кроме того, у исследователей нет четких критериев для определения наиболее показательных авторов сложившейся дениарханизированной культуры. Тем не менее в своем выступлении Баранов предпринял попытку суммировать существующие в науке воззрения на социокультурные и поэтические тенденции, актуальные для литературы конца XX века.

За финальным докладом последовало обсуждение, которое не только подытожило работу конференции, но и определенным образом подвело символическую черту под трехлетним проектом по изучению переходных эпох в истории русской литературы, в рамках которого

работали и некоторые из участников прошедшей конференции.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что этот научный форум в очередной раз показал, что, несмотря на дискуссионный характер самого понятия переходности, оно спо-

собно предоставить основание для продуктивного диалога исследователям из самых разных областей литературоведческого знания, и в этом состоит одно из его достоинств.

© И. В. Аршинова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-252-256

XXVII НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

9 ноября 2023 года прошли XXVII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома. Первое заседание было посвящено 205-й годовщине со дня рождения И. С. Тургенева. После пересечения в 2018 году временной черты, отделившей нас от 9 ноября 1818 года двумя столетиями, каждые следующие пять лет в литературном хронографе круглых дат становятся памятной вехой, отмеченной итогами научной работы тургеневской научной группы Института русской литературы РАН над Полным академическим собранием сочинений и писем. Трудно переоценить роль в этом процессе Рукописного отдела — одного из основных хранилищ творческих материалов, автографов и эпистолярных документов, касающихся непосредственно Тургенева и литературной рецепции его произведений. Аббревиатура ИРЛИ, принятая для списка архивохранилищ, вовравших в себя корпус наследия Тургенева, — не-преложная составляющая научного аппарата томов, подготовленных в стенах Пушкинского Дома. Со времени первых научных тургеневедческих публикаций из фондов Института сотрудничество исследователей с Рукописным отделом осуществляется в разнообразных формах — от организации выставок и научных конференций до проведения фестивалей и концертных программ.

Ученые, работающие с архивными подлинниками, знают, как важно разместить документ в контексте, всесторонне раскрывающем его историко-литературный статус. Сведение разнообразных источников к одному и тому же литературному событию — непростая задача, подчас требующая возвращения к уже введенным в научный оборот архивным источникам. Первостепенное значение для исследовательских стратегий такого рода сохраняется за возможностью работать с документами не только отечественных, но и зарубежных архивов. Всестороннее знание о корпусе авторских рукописей — необходимость, которая далеко не всегда реализовалась прежде — и теперь остается не менее актуальной. В этом смысле вспоминаются такие прецеденты сотрудничества архивных фондов, в результате которых, например, в Рукописный отдел ИРЛИ из Национальной

библиотеки Франции передавались микрофильмы с автографами Тургенева. Содержание первого заседания Чтений напрямую касалось круга профессиональных задач, обусловленных работой тургеневедов с архивными источниками и, в частности, с вышеозначенной проблемой.

Тема доклада Н. П. Генераловой (Санкт-Петербург) «Недостающее звено в истории одного предисловия Тургенева (Залежавшееся письмо Шарля Эдмона к И. С. Тургеневу)» возникла в результате пересмотра атрибуции эпистолярного документа, открывшего новый ракурс на, казалось бы, достаточно изученный биографический сюжет, касающийся участия писателя в подготовке публикации автобиографического очерка И. Я. Павловского «В одиночном заключении (Впечатления нигилиста)» в парижской газете «Le Temps» за 1879 год. Реальный контекст, тесно связанный с отношением Тургенева к революционному движению, в сжатом виде раскрыт Генераловой на подступах к основному объекту исследования — хранящемуся в Национальной библиотеке Франции письму Ш. Эдмона (псевд. К.-Э. Хоецкого; 1822–1899), одного из редакторов «Le Temps». Его адресатом, скрытым за обращением «Mon cher ami», первоначально считался Луи Виардо, ввиду чего содержание этого эпистолярного документа до сих пор не привлекло внимания тургеневедов. Догадка о том, что настоящим корреспондентом Эдмона являлся не кто иной, как Тургенев, позволила восстановить причинно-следственные связи в цепочке событий, предшествующих появлению очерка Павловского во французской прессе. Существенные дополнения и штрихи к конкретному эпизоду биографии Тургенева в аудитории конференции получили признание как значительный с точки зрения аналитической работы с архивными материалами исследовательский опыт; прозвучали также вопросы, касающиеся контактов писателя с французскими литераторами.

В докладе В. А. Лукиной (Санкт-Петербург) «Кто же такая „Катерина Владимировна“? (Из истории пребывания Тургенева в Карлсбаде в 1875 году)» был вновь поднят вопрос об адреса-

те мюнхенского письма Тургенева от 3 (15) июля 1875 года, автограф которого поступил в Рукописный отдел ИРЛИ РАН в 2005 году из коллекции М. Д. Ромма. Эпистолярный документ с рассказом о летней поездке в Карлсбад, обращенный к некоей «Катерине Владимировне», впервые опубликован автором доклада в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 год» (СПб., 2009. С. 434–442), однако личность корреспондентки Тургенева здесь осталась неустановленной. В результате новых разысканий, предпринятых совместно с В. И. Симанковым, В. А. Лукиной удалось выяснить, что неизвестная «Катерина Владимировна» являлась одной из дочерей графа В. А. Соллогуба. Имя Екатерины Владимировны Соллогуб (в замуж. Вульфиус; 1860–1918) в окружении писателя ранее не фиксировалось. Обстоятельства встречи с Тургеневым раскрылись в хранящихся в РГАЛИ воспоминаниях ее младшей сестры Натальи Владимировны Соллогуб (в замуж. княгиня Чичуа; 1861 — ок. 1935). Мемуаристка рассказывала о пребывании ее семейства в Карлсбаде и, в частности, об одном из вечеров, когда сестры Екатерина и Наталья сохранили памятные подарки писателя. Екатерине Тургенев подарил книжную новинку — вышедшее в апреле 1875 года английское издание поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» в переводе своего знакомого, будущего дипломата А. К. Стивена, — сопроводив его теплой дарственной надписью, напоминающей о летней встрече. Таким образом, исследовательская задача, первоначально ограниченная биографическим аспектом изучения наследия Тургенева, была успешно решена. Однако мимолетный эпизод частной жизни благодаря комплексному подходу к фактическим данным обрел литературную валентность, переводящую сюжет о загадочной корреспондентке в сферу профессиональной деятельности писателя. Прослеживая судьбу упомянутого английского издания лермонтовской поэмы в России, В. А. Лукина наметила выход к автономному сюжету, раскрывающему участие Тургенева в продвижении английского перевода на книжном рынке Северной столицы. Возвратившись из Карлсбада в Париж, писатель не только в сжатые сроки написал лестную рецензию на перевод Стивена, напечатанную вскоре в «С.-Петербургских ведомостях» (1875. 8 авг. № 208. С. 2), но и рекомендовал его М. М. Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы», где в октябре 1875 года появилась рецензия А. Н. Пыпина, подписанная криптонимом «А. Н.». В ходе обсуждения доклада слушателей также заинтересовало содержание и местонахождение автографа Тургенева, адресованного Н. В. Соллогубу, как ценного дополнения к корпусу выявленных дарственных надписей.

Небольшое сообщение А. В. Вострикова (Санкт-Петербург) «Об эпиграмме Тургенева на Фета (по дневнику Е. П. Казанович)» анализировало историю распространения в литературных кругах и возможные источники происхождения двустишия: «Фет — поэт, слова нет; /

И дурак. Точно так!». Евдalia Павловна Казанович, одна из сотрудниц первого научного коллектива, образованного при создании Пушкинского Дома, в личном дневнике, полагаясь на слова ее подруги Марии Андреевны Островской, приписала эпиграмму Тургеневу. Варианты стиха, дошедшие до нас по разнообразным свидетельствам, характеризуют литературный быт, окружавший двух знаменитых современников, связанных противоречивыми отношениями, которые нередко омрачались и ссорами на грани дуэли, и взаимными колкостями. Из обнаруженных фиксаций зафиксированных строчек докладчик назвал позднейшую: Г. П. Блок в письме к Б. А. Садовскому за 1921 год воспроизвел ее, ссылаясь на одного из «отпрысков шеншинского древа». Столя свои рассуждения в гипотетической области, Востриков выдвинул версию о том, что столь уверенная атрибуция в дневнике Казанович могла возникнуть лишь из домашних рассказов матери М. А. Островской — Натальи Александровны Островской (урожд. Татариновой, в первом браке Грибовской), автора известных воспоминаний, запечатлевших ее встречи с Тургеневым в 1860–1870-е годы. В мемуарах Островской-старшей, испытывавшей искренний питет к обоим писателям, грубый выпад против Фета по понятным причинам не нашел места, но, как предположил исследователь, в приватной беседе хлесткое двустишие вполне могло прозвучать и получить дальнейшее распространение как своеобразный литературный апокриф. Ход рассуждений Вострикова вызвал в аудитории встречные мнения, касающиеся проблемы авторства. С. А. Ипатова добавила к истории распространения антифетовской остроты факт цитирования близкого по содержанию варианта в воспоминаниях В. В. Вересаева.

Свой доклад под названием «Из архива Тургеневского кружка Н. К. Пиксанова (1912–1916)» С. А. Ипатова (Санкт-Петербург) построила на материалах, выявленных ею в фонде ученого в Рукописном отделе Пушкинского Дома, а также в его Мемориальной библиотеке. Речь шла о студенческом научном обществе, организованном Пиксановым в стенах Высших женских (Бестужевских) курсов. Тургеневский кружок, начавший работу в январе 1912 года, просуществовал вплоть до конца 1915/1916 учебного года. Обращение к творчеству Тургенева молодых исследовательниц закономерно: согласно анкетным данным слушательниц ВЖК, писатель принадлежал к числу самых читаемых в этой аудитории классиков русской литературы. Итогом планомерных занятий и кропотливого изучения выбранных историко-литературных направлений стал вышедший под редакцией Пиксанова «Тургеневский сборник» (Пг., 1915), содержание которого образовали шесть работ четырех курсисток. На книгу откликнулись с положительными и даже восторженными рецензиями такие именитые критики, как Д. С. Мережковский, А. А. Измайлов, М. О. Гершензон, Н. Л. Бродский, П. П. Перцов,

П. Е. Щеголев, В. Г. Голиков, Ю. А. Никольский, В. Брусянин, С. А. Переселенков и др. Рецензенты отмечали зрелость студенческих работ и высокий образовательный уровень подготовки курсисток и даже выражали надежды на новые выпуски. Полагаясь на документальные архивные источники, С. А. Ипатова выяснила, что Пиксанов предполагал создание целой серии подобных сборников, но удалось подготовить к печати только еще один, выход в свет которого, несмотря на многолетние попытки ученого (вплоть до 1920 года), так и не состоялся. Местонахождение этой рукописи (25–30 листов) в настоящий момент не найдено, однако сохранилось подтверждение, что еще 18 января 1916 года Пиксанов набросал предварительный список публикаций для нового сборника, который впоследствии претерпел изменения: *Богданова Н. Тургенев в письмах к П. В. Шумахеру; Струмилина С. Г. Лопатин и Тургенев; Платонова М. «Где тонко, там и рвется»; Вишневская А. Тургенев и Флобер, и др.*

Программа второго заседания Чтений была составлена из научных изысканий сотрудников Рукописного отдела и представителей других институций в архивной коллекции Пушкинского Дома. Автор доклада «О ранних переводах „Семейной хроники“ С. Т. Аксакова на английский язык» Е. С. Левшина (Санкт-Петербург) провела увлекательное расследование примечательного факта из эдиционной истории знаменитой трилогии. Поводом для исследовательских штудий послужили эпистолярные документы, до сих пор не актуализованные в научном дискурсе. В качестве введения к сюжету докладчица сделала краткий экскурс в историю переводов на иностранные языки, отметив, что популярная и наши дни английская версия аксаковской хроники *«Russian gentleman»*, выполненная профессиональным филологом, авторитетным переводчиком русской прозы Дж. Даффом (J. D. Duff), появилась только в 1917 году в лондонском издательстве «E. Arnold». Отчасти благодаря предисловию Даффа в библиографию переводов книги попал первый и малоизвестный опыт публикации книги на английском языке, принадлежавший переводчице, скрывшей свое имя под загадочным псевдонимом *«Russian Lady»*. Необычность этой библиографической редкости крылась и в географии публикации, уводящей в британские владения колониальной Индии: *Aksakof <sic!>. Memoirs of the Aksakof Family / Transl. by a Russian Lady. Calcutta: the «Englishman» Press, 1871.* Обнаруженные в фонде Аксаковых (Ф. 3) личные письма англичанки Анны Миджли к Ольге Григорьевне Аксаковой (1848–1921), внучке С. Т. Аксакова, позволили не только установить обстоятельства создания «калькуттского» перевода, но и раскрыть личность переводчицы. Так, содержание одного из них, датированного 5 марта 1873 года, не оставляет сомнений в том, что О. Г. Аксакова и *«Russian Lady»* на самом деле — одно лицо. Здесь же нашлись и сведения об издателе и редакторе первого перевода. Им оказался зна-

комый «московских» Аксаковых — Ивана Сергеевича, его матери и сестер, священник англиканской церкви, миссионер, просветитель Джеймс Лонг. Стоит отметить также, что Е. С. Левшина обнаружила «индийский» уникум в Российской национальной библиотеке — это книга формата 8°, объемом 287 страниц.

В практике Чтений второй год подряд объектом научного внимания историков науки и театроведов становится фонд 49, объединивший материалы личного архива Александра Александровича Бардовского (1893–1941). В докладе Ю. Е. Галаниной (Санкт-Петербург) «Театральное наследие А. А. Бардовского» фондобразователь рассматривался в контексте его основной профессиональной деятельности — как театральный педагог, историк, организатор и участник многих сценических экспериментов, инициированных на петроградских подмостках первых лет советской эпохи. Докладчица подробно остановилась на неопубликованных значительных трудах Бардовского, особенно выделяя ценные сведения, касающиеся истории театра как в годы Гражданской войны, так и в первые годы советской власти. К последним относятся записи, собранные Бардовским в процессе работы над очерком «Театральный зритель на фронте в канун Октября» (1928). Важно, что специалист по истории театра начала XX века подчеркнула связь коллекции Бардовского с утраченным во время Великой Отечественной войны архивом Общедоступного и Передвижного театра в Ленинграде. По мнению Галаниной, частичным восполнением этой значительной историко-культурной лакуны может служить сохраненный Бардовским огромный корпус анкет о просмотренных спектаклях, заполненных зрителями гастрольных спектаклей Передвижного театра по Северо-Западному фронту в сентябре–октябре 1917 года. Цитатные примеры, отражающие особенности восприятия необразованной части аудитории, Галанина привела на контрасте с фрагментами коллективного дневника актеров Передвижного театра об этой поездке, в котором запечатлены яркие моменты актерских выступлений на фронте. Исследовательницей также отмечалась уникальный для истории театра исторический очерк Бардовского «Петербургские театральные школы и студии за время революции (1917–1922 гг.). Наблюдения и выводы». Неопубликованный труд содержит реестр обучающих театральных площадок. О многих из них практически ничего не известно, поскольку эти школы и студии организовывались при таких непрофильных организациях, как, например, Балтфлот, а также в воинских частях, отделениях железнодорожного ведомства и даже в промышленных объединениях (Губкоожа, Главводежда, Райлеском и т. п.). Такая же судьба постигла и рукопись Бардовского «П. П. Гайдебуров и Н. Ф. Скарская. Творческий путь, характеристика и деятельность в Передвижном театре».

И. В. Кощенко (Санкт-Петербург) в докладе «Семейная переписка М. А. Зенкевича: но-

ые факты к биографии» собрала сведения о недостаточно изученных в настоящее время годах юности Михаила Александровича Зенкевича (1886–1973). Из переписки семьи Зенкевичей (младших братьев Бориса и Сергея, их родителей, родственников и знакомых), сосредоточенной в личном архивном фонде поэта (Ф. 773), удалось раскрыть обстоятельства его жизни после выпуска из гимназии, время и подробности пребывания Зенкевича-студента в Германии (1906–1908). В ходе работы с материалами личного архива прояснились причины отсрочки сначала от всеобщей воинской обязанности, а затем и от призыва во время Первой мировой войны, трудности после окончания Санкт-Петербургского университета и сведения об официальном месте работы. Кощенко также коснулась судьбы Бориса Александровича Зенкевича (1888–1972) — художника-графика, живописца, члена Союза художников СССР. Семейная корреспонденция 1906–1917 годов раскрывает некоторые факты из его жизни эмигрантского периода (1907–1914), а также историю судебного процесса после возвращения в Россию, освещает участие в Первой мировой войне и перипетии личных отношений.

Доклад В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «„Пишу в стихах посланье в Сочи...“ Черноморские открытки Б. В. Томашевского и Д. П. Якубовича (лето 1933 года)» уже своим названием предполагал рассмотрение истории отечественного академического литературоведения в ракурсе частной бытовой жизни. Специфичность образа жизни ученого такова, что профессиональная деятельность привычно и даже обязательно диффундирует часы досуга. Обращаясь к феномену личности ученого-филолога, докладчик обосновал тему выступления сложившейся традицией, которая в известном издательстве образует серию «Филологическое наследие», посвященную истории академического литературоисследования. Действительно, научный комментарий к публикациям эго-документов (записные книжки, дневники и переписка) Б. Л. Модзальевского, супругов М. А. и Т. Г. Цявловских, Ю. Г. Оксмана (ограничившимся здесь именами пушкинистов) совмещает в себе как важные биографические сведения и реалии временного контекста, так и значительный научный аппарат, раскрывающий индивидуальный вклад ученого и его роль в науке. Занимаясь историей академической пушкинистики, Турчаненко высказал убеждение в том, что даже шуточный приватный эпистолярий, собранный им сразу в нескольких архивах (РО ИРЛИ, НИОР РГБ и СПбФ АРАН), является неотделимой частью истории науки в целом, нередко вносящей существенные дополнения в контексте событий, признанных поворотными для изменений в методологии и практике подготовки Полного собрания сочинений Пушкина (1937–1959). Этот тезис исследователь раскрыл в реконструкции эпистолярного диалога видных пушкинистов. Отраженную в открытках историю «лета одного года» он поместил

в контекст профессиональных разногласий, возникших между членами Пушкинской комиссии (в которую в это время входили Томашевский и Якубович) и членом-корреспондентом АН СССР Н. К. Пиксановым. Пристальное изучение и тех и других позволяет сегодня объяснять мотивировку принятых решений и сценарий научных стратегий, касающихся истории советского академического Пушкина. Цитируя письмо М. А. Цявловского к Якубовичу, докладчик назвал сложившуюся ситуацию «войной между комиссией и Пиксановым». Концепция ППС во многом решилась на прошедшем в мае 1933 года пленуме пушкинистов, когда молодежный состав Пушкинской комиссии занял ведущие позиции в подготовке издания. Одержанная «победа», вдохновившая молодых текстологов и комментаторов, задала тон летней переписке Томашевского и Якубовича. В почтовых карточках из Сочи, Коктебеля и Ленинграда бытовые и пейзажные зарисовки соседствуют с рассказами о пушкинских штудиях и ироничными заметками о ближайшем литературном окружении. Особый жанр «отпускной» эпистолярной коммуникации образовали стихотворные экспромты корреспондентов. Так, полностью было прочитано обнаруженное в одной из открыток обширное стихотворное послание Томашевского, которое по своему беспечному тону контрастирует с образом известного филолога, запомнившегося современникам своей сдержанной манерой общения, предельной серьезностью и лаконичностью высказываний. По наблюдению Турчаненко, этот факт любительского сочинительства остается единственным из сохранившихся автографов ученого. Колоритный материал вызвал не только улыбки и научный интерес, но и вопросы, касающиеся этики описания научных конфронтаций. Отрадно, что Чтения Рукописного отдела давно обеспечивают неформализованные условия для апробации многолетней научной работы.

Еще одним опытом введения в поле профессионального научного обсуждения итогов архивных разысканий стал доклад А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «„Читатель теперь не такой уж простачок“: отзывы 1930 и 1934 гг. на оборонные сборники и журнал „Залп“». Как могли уже заметить участники ежегодных конференций Рукописного отдела, анализ архива этого советского издания уже получил в серии конференционных выступлений и публикаций исследовательницы последовательное выражение. На этот раз в поле научного интереса оказалась рецепция читателя как полноправного актора литературного процесса. Ленинградско-Балтийское отделение ЛОКАФ с 1931 года приступило к печати журнала «Залп», премиственного одноименным сборникам группы ЛАПП «Красная звезда», специализировавшимся на военной тематике. К третьему сборнику прилагалась просьба о присыпке отзывов. По сути, редакция предоставляла читателю роль эксперта и даже критика содержания выпусков. Архив откликов пропал, но в четвертом,

последнем сборнике публиковался их обзор. Подавляющее большинство реципиентов — действующие военные. Новый опрос читательского мнения прошел в начале 1934 года, когда «Залп» был переформатирован в «журнал массового литературного движения в Красной армии и флоте». Таким образом, его задачи сводились к формированию литературных кадров из рядов военнослужащих. Некоторые из читателей испытывали воодушевление от самого процесса переписки с редакцией. В своих отзывах они нередко воспроизводили дискурсивные шаблоны средств массовой информации. Автор доклада, оставаясь в границах историко-литературного контекста, на наш взгляд, затронула проблему социологии литературы советского образца, до известной степени позволяющей воспринимать журнал «Залп» как инструмент анализа социальной реальности.

В завершение Чтений прозвучала мини-лекция реставратора Рукописного отдела Т. Д. Петровой (Санкт-Петербург) «„Простой“ карандаш не так прост!», посвященная истории и особенностям взаимодействия графита с бумагой.

Чтения, состоявшиеся в день рождения И. С. Тургенева 9 ноября 2023 года, сопровождались выставкой архивных документов, объединенных темой «Стихотворения в прозе» (Большой конференц-зал Пушкинского Дома; авторы экспозиции Л. В. Герашко, В. А. Лукина). Завершил юбилейную программу концерт, на котором впервые исполнялся литературно-музыкальный цикл петербургского композитора Алексея Захарова для чтеца, баритона, виолончели и фортепиано.

© Е. Р. Обатнина

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-256-259

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «EMIGRANTICA. КОРОСТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023»

Международная научная конференция «Emigrantica. Коростелевские чтения — 2023» (21–22 ноября 2023 года) в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук собрала исследователей из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска, Томска, а также Австрии, Италии, Польши, Сербии, Франции, Чехии. Историки и теоретики литературы, исследователи журналистики и литературного быта, лингвисты и культурологи посвятили свои доклады европейским миграциям и эмиграциям, теоретическим аспектам изучения эмигрантских литератур, проблемам взаимодействия и взаимовлияния между волнами русской эмиграции в XX веке, вопросам источниковедения и публикации наследия писателей русского зарубежья, т. е. эмигрантике в самом широком смысле.

После приветственного слова директора ИМЛИ РАН В. В. Полонского первое пленарное заседание открыл доклад Е. Р. Пономаревой (Москва / Санкт-Петербург) «Научная серия „Emigrantica“ и задачи эмигрантистики как научной дисциплины», в котором предлагался обзор развития эмигрантистики от первых публикаций произведений писателей-эмигрантов в советское время и возникшего в 1990-е годы широкого общественного интереса к русской эмиграции — до систематического изучения культуры эмиграции в 2000–2010-е годы. И в целом идея первого пленарного заседания, составленного из докладов разнородной, на первый взгляд, тематики, — продемонстрировать широкие горизонты эмигрантистики как научной дисциплины.

В докладе Э. Гаретто (Италия) «Новая информация об архивном наследии А. В. Амфитеатрова» на примере истории формирования и хранения архива критика и публициста обсуждался вопрос разрозненности наследия русской диаспоры.

М. Цимборская-Лебода (Польша) в сообщении «Из интеллектуальной жизни русской эмиграции: Le Studio Franco-Russe» проанализировала корпус стенограмм заседаний Франко-русской студии (1929–1931), содержащихся в изданной Л. Ливаком антологией (Торонто, 2008).

В выступлении «Русская либерально-конституционалистская эмиграция 1860-х гг.» Л. Ю. Гусман (Санкт-Петербург) рассмотрел историю формирования этого эмигрантского течения середины XIX века, чьи основные представители — И. Г. Головин, Н. И. Тургенев, П. В. Долгоруков, Л. П. Блюммер — выдвигали программу немедленного преобразования России в конституционную монархию.

В. Л. Кляус (Москва) в докладе «Наивная поэзия потомков забайкальских казаков в Австралии: темы и сюжеты» исследовал песенное фольклорное творчество потомков забайкальских казаков, эмигрировавших в Австралию.

В сообщении О. Ю. Пановой (Москва) «„Черные у красных“: афроамериканские экспатрианты в Советском Союзе» были собраны и рассмотрены биографические сведения о деятельности афроамериканских эмигрантов в СССР.

И. А. Ндяй (Польша) в докладе «„Пушкиниана“ в русской эмигрантской прессе: по материалам „Иллюстрированной России“ («La Russie illustrée», Париж, 1924–1939)» на осно-

ве парижской эмигрантской публицистики проанализировала пушкинскую тему в культурной жизни русских эмигрантов.

В выступлении Е. Н. Проскуриной (Новосибирск) «Две эмигрантские „ноты“: оригинальность звучания» была предпринята попытка сопоставительного анализа двух эмигрантских «нот» — парижской и харбинской.

А. В. Антощенко (Петрозаводск) в докладе «Женские анкеты Пражского комитета по озnamенованию 175-летия Московского университета в русском зарубежье» познакомил участников конференции с предварительными результатами изучения членами возглавляемой им группы ответов на анкеты, распространенные Пражским комитетом.

Доклад М. А. Васильевой (Москва) «Творчество Гайто Газданова в контексте „антропологического поворота“ западноевропейской мысли» был посвящен романам «Пробуждение» (1965–1966) и «Полет» (1939).

В сообщении О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург) «„Мы с Вами стали братьями во Блоке“: письма Ирины Куниной-Александер В. Н. Орлову» впервые были введены в научный обзор материалы малоизвестной поэтессы, прозаика, переводчицы, мемуаристки И. Е. Куниной: письма к исследователю творчества поэта-символиста В. Н. Орлову первой половины 1980-х годов и ее воспоминания, готовящиеся к публикации автором доклада.

В первой секции конференции обсуждались крупнейшие имена первой волны русской эмиграции. И. В. Кочергина (Москва) в докладе «К истории литературных отношений М. А. Алданова и Ю. И. Айхенвальда» рассмотрела критические отклики Айхенвальда о творчестве Алданова, относящиеся к периоду эмиграции, а также письма писателя критику, хранящиеся в РГАЛИ (Ф. 1175).

В выступлении «К истории романа „Истоки“ М. А. Алданова» А. В. Мартынов (Москва) обратил внимание на обширную переписку Алданова (среди корреспондентов были Г. В. Адамович, В. А. Маклаков, В. В. Набоков и др.), которая позволяет лучше понять этапы работы над книгой «Истоки».

А. В. Филатов (Москва) в докладе «„Я Индией невидимой владею...“: гумилевские мотивы в поэзии В. В. Набокова» на основе ряда набоковских стихотворений 1923 года проанализировал влияние творчества Гумилева на поэтику Набокова.

В сообщении Е. А. Беликовой (Москва) «Хроника одесской эвакуации в повести А. Н. Толстого „Похождения Невзорова, или Ибикус“» были выявлены многочисленные биографические подтексты повести, зафиксированные в дневнике писателя.

В. В. Чекушин (Красноярск) в докладе «Гражданин граф: приемы самопрезентации А. Н. Толстого в газете „Накануне“» изучил персональный миф Толстого, который складывался, в частности, из способов публичной самопрезентации.

Доклад А. А. Шелевой (Москва) «Статья Д. В. Философова „Иван-Царевич в Париже“

(1929) как ключ к пониманию литературно-критических взглядов публициста в период эмиграции» был посвящен выявлению той роли, которую сыграл Философ-критик в истории русско-французских культурных отношений межвоенного периода.

М. Л. Левченко (Томск) в выступлении «Образ детства в малой прозе Ирины Одоевцевой» сосредоточилась на теме детства и образах детей и подростков у Ирины Одоевцевой, выявляющих трагедию детей эмиграции первой волны.

В сообщении Ю. А. Маричик-Сыоли (Москва) «Литературное наследие „эмигрантских дочерей“: пути прочтения и перспективы исследования» было проанализировано творчество так называемых эмигрантских дочерей (термин О. Р. Демидовой) и определено его место в современном литературоведении.

М. С. Щавлинским (Москва) в докладе «Вспомина гимназические годы: текстология и генезис очерков В. Н. Муромцевой-Буниной „Москвичи“ и „Завещание“» были рассмотрены два мемуарных очерка Буниной, опубликованных в газете «Последние новости» в марте и апреле 1933 года.

В докладе Д. В. Зайцева (Москва) «„...в качестве России утверждается ее прошлое“: категория времени в литературно-критическом сознании Ф. А. Степуна» был исследован ряд эссе, в которых критик осмыслил пути развития русской литературы после революции 1917 года.

В. Ю. Свиридов (Москва) в выступлении «Полемика М. Слонима и З. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы» сосредоточился на полемике, развернувшейся в середине 1920-х годов на страницах эмигрантской прессы.

В сообщении Я. И. Арова (Москва) «Рецепция толстовства в эмигрантском творчестве И. А. Бунина» был проанализирован толстовский опыт Бунина в контексте его эмигрантского творчества.

А. Ю. Рассанов (Москва) в докладе «Звуковое наследие эмиграции. Архив журналиста Ф. Н. Медведева в аудиовизуальном фонде Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля» представил участникам конференции литературные фонограммы деятелей русской эмиграции.

Во второй секции конференции обсуждались так называемые авторы «второго ряда» из первой эмиграции, а также общие вопросы изучения второй и третьей волн русской эмиграции. Доклад А. Ю. Горбенко (Красноярск) «Авто(бю/агио)графический нарратив как инструмент конституирования субъектности писателя „из народа“: случай Г. Д. Гребенщикова» был посвящен рассмотрению жанровой природы автодокументальных текстов сибирского писателя-эмигранта.

К. В. Абрамова (Новосибирск) в докладе «Мотив двойного самоубийства в эмигрантской прозе: „Происшествие в парке“ Николая Щеголева» изучила танатологические мотивы в рассказе малоизученного харбинского писателя.

В выступлении «В. Перелешин и сохранение памяти о Чураевке» П. А. Трибунский (Москва) рассказал об усилиях поэта Валерия Перелешина по сохранению памяти о литературном объединении «Чураевка».

Ч. Кадаманьянин (Италия) в докладе «„La suppression des guerres et l’édification de la paix“ — спорное эссе Льва Толстого-сына о пацифизме» представила неопубликованный манускрипт Льва Толстого-сына, обнаруженный в Центральном государственном архиве Рима.

Сообщение И. В. Вагановой (Санкт-Петербург) «Штрихи к портрету писателя в эмиграции. По воспоминаниям священника русского православного кладбища в Сент-Женевьев-де Буа в 1940–1952 гг.protoиерея Бориса Старка» было посвящено реконструкции биографии отца Бориса.

И. М. Невзорова (Москва) в докладе «„Антологист“ Русского Зарубежья Юрий Терапиано в письмах к Елене Рубисовой» рассмотрела деятельность литератора и критика «первой волны» эмиграции на материале его переписки с художницей.

В докладе «Б. Н. Ширяев как историк литературы и литературный критик» В. Ю. Даренский (Москва) представил биографию и литературную деятельность критика.

В выступлении Ю. Е. Павельевой (Москва) «„Женский мир“ на пороге эпохи перемен в эпопее А. И. Солженицына „Красное колесо“ (Узел I. Август Четырнадцатого)» исследовались женские образы и их роль в первом узле солженицинской эпопеи.

Доклад Л. Ю. Большухина и Л. С. Пахомовой (Москва) «История одной трансформации: от рассказа „Капитан, улыбнитесь“ до „Компромисса десятого“» был посвящен изучению истории создания «Компромисса десятого» — одной из новелл сборника С. Д. Довлатова.

Второй день конференции начался пленарным заседанием, посвященным отдельным крупнейшим писателям (И. А. Бунин, А. М. Ремизов, М. Горький, М. Алданов), а также вопросам изучения женской прозы эмиграции. Заседание открыло доклад А. В. Бакунцева и С. Н. Морозова (Москва) «Нобелевская речь И. А. Бунина: текстологический детектив», в котором рассматривались несколько версий текста Нобелевской речи Бунина и были выявлены три варианта на французском языке и три на русском языке.

Доклад Т. М. Двинягиной (Москва) «Б. К. Зайцев и И. А. Бунин: эпилог (по материалам поздних писем Б. К. и В. А. Зайцевых к Г. Н. Кузнецовой)» на основе переписки раскрыл историю биографических и творческих отношений писателей Бунина и Зайцева.

Н. В. Михаленко (Москва) в сообщении «Дачная жизнь в Ла Фавьере в мемуарах Л. С. Врангель» проследила эволюцию усадебного и дачного быта XIX–XX веков на материале прозы баронессы Врангель.

В докладе Е. Р. Обатиной (Санкт-Петербург) «„Шиш еловый“: Ремизов vs Адамович» было

рассмотрено «закулисное» участие Ремизова в редакционной жизни журнала «Числа».

Е. Д. Гальцова (Москва) в выступлении «Французские театрализации „Соломонии“ Алексея Ремизова: перевод Жильбера Лели, постановка Кристиана Риста» предложила анализ вольного перевода «Соломонии» французским поэтом Лели в форме «драматической поэмы» (1936) в контексте публикаций Ремизова на французском языке в 1930-е годы, а также театральной постановки Риста (1996).

В докладе Т. М. Климовой (Москва) «Телесность как художественное высказывание в творчестве Екатерины Бакуниной» через призму телесности был рассмотрен первый и единственный поэтический сборник представительницы «незамеченного поколения» Бакуниной, а также ее дебютный роман «Тело».

Выступление Е. Р. Пономарева (Москва / Санкт-Петербург) «Поэтика мемуарных очерков В. Н. Муромцевой-Буниной (к вопросу о поэтике писателя второго ряда)» было посвящено прозе Муромцевой-Буниной конца 1920-х годов.

М. А. Хатякова (Томск) также обратилась в докладе «„Почувствовать свое предназначение“: художественное творчество Г. Н. Кузнецовой» к развенчанию устойчивых штампов восприятия творчества эмигрантской писательницы.

Сообщение А. Б. Шишкина (Италия) «Два неопубликованных письма А. М. Горького к Е. А. Боткиной (Оболенской) 1908 г.» было направлено на переосмысление темы «Горький и символисты» на основе писем Горького каприйского периода.

С. А. Гарциано (Франция) в докладе «Французская энциклопедическая статья Марка Алданова „Les littératures non-soviétiques de langue russe“ («Несоветские литературы на русском языке», 1936)» проанализировала статью «Несоветские литературы на русском языке», написанную Алдановым в 1936 году для Французской энциклопедии (Encyclopédie française).

Третье пленарное заседание объединило доклады по исследованиям архивов и периодики, а также расширило традиционное понимание эмиграций XX века. Его открыло выступление Л. Ф. Луцевич (Польша) «Публицистика Ивана Савина в журнале „Дни нашей жизни“ 1923 г.», в котором предлагался анализ статей, опубликованных «поэтом Белой мечты» в единственном на тот момент эмигрантском издании, адресованном русской молодежи в Финляндии.

В докладе Г. Н. Воронцовой (Москва) «Александра Петровна Дюмениль де Грамон — корреспондент Алексея Толстого» речь шла о письмах, адресованных писателю его парижской знакомой и проливающих дополнительный свет на подробности жизни и творчества Толстого периода эмиграции.

Ф. В. Винокуров (Чехия) в докладе «Публикация „Мы“ Е. Замятини в „Воле России“: факты и фактоиды» представил версии появления фрагментов романа в газете.

В выступлении М. Вендитти (Италия) «Темы заседаний парижской масонской ложи Северная звезда (архивные материалы)» на основе новых документов общества была исследована культурная жизнь русского Парижа 1924–1964 годов.

М. Шруба (Италия) в докладе «Женевский архив Е. Д. Кусковой» описал собрание общественно-политической деятельности и публицистки Кусковой, хранящееся в Женеве.

В сообщении С. И. Панова (Москва) «Европейские писатели — эмигранты в СССР 1930-х гг.» была рассмотрена литературная деятельность и национальная идентичность европейских писателей, эмигрировавших в Советский Союз в 1920–1930-е годы.

И. А. Эбаноидзе (Москва) в докладе «„Все национальное давно стало провинцией“: полемика по поводу невозвращения Томаса Манна в Германию в 1945 г.» обсудил проблему эмиграции как таковой, показывая на ярком историческом примере различия между собственно эмигрантами и оставшимися в стране диссидентами.

В докладе И. А. Протопопова (Москва / Санкт-Петербург) «Журнал „Меч“ и дискуссия о русской литературе в эмигрантской критике» комментировалась развернувшаяся в варшавском издании дискуссия между В. Г. Федоровым, Д. В. Философовым и Д. С. Мережковским о «столичной» и «провинциальной» эмигрантской литературе.

И. Анастасиевич (Сербия) в выступлении «Королевский двор в Дедине как художественный текст» исследовала художественные метафоры комплекса королевского дворца на Дедине династии Карагеоргиевичей в Белграде.

В докладе И. Е. Лоцилова (Новосибирск) «Налаживаю связь с заграницей по поводу моего „Ял-Мала“: письмо харбинского литератора Василия Логинова к Михаилу Осоргину» была рассмотрена история книги рассказов «Ял-Мал» (1930) забытого харбинского писателя Логинова.

А. В. Швец (Москва) в сообщении «Авангард в изгнании или релокация в Тифлис: „кавказские заумники“ и проект сотрудничества с читателем» проанализировала литературную деятельность региональной авангардной группы «41», возникшей после вынужденной эмиграции А. Е. Крученых и И. М. Зданевича в Тифлис.

В ходе заседаний состоялась презентация серийного издания Сибирского отделения РАН «Русский Китай и Дальний Восток». На конференции работала также и молодежная секция. Студенты и аспиранты НИУ ВШЭ, МПГУ, СПбГУ, ЛГПУ сделали двенадцать докладов, посвященных различным проблемам эмигрантиков.

Видеоматериалы с подробной рубрикацией докладов можно найти на YouTube-канале ИМЛИ РАН.

© Д. В. Заицев

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-259-263

ПЯТЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ, ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII — НАЧАЛА XX В.»*

21–24 ноября 2023 года в Российской национальной библиотеке состоялся пятый ежегодный круглый стол «Автобиографические записи, дневники и мемуары в рукописной традиции XVII — начала XX в.». В рамках круглого стола обсуждались вопросы поиска, выявления, описания, классификации и изучения автобиографических записей, дневников и памятников мемуарной литературы, содержащихся в рукописных книгах и документах, печатных изданиях. Мероприятие было организовано в рамках продолжающегося проекта Российской научного фонда № 22-78-10135 «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

В заседаниях приняли участие специалисты по истории русской рукописной культуры из научных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула, Екатеринбурга, Новосибирска, Оренбурга, Перми и Якутска.

Мероприятия круглого стола были разделены на четыре дня, в ходе которых был заслушан 51 доклад. Основную программу предваряла молодежная секция, на которой выступили начинающие ученые — сотрудники Российской национальной библиотеки, а также студенты и аспиранты, обучающиеся в Санкт-Петербургском государственном университете, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

22–24 ноября состоялись заседания основной программы круглого стола. С приветственным словом перед участниками и слушателями выступил директор по особо ценным

* Мероприятие проходило при поддержке Российской научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10135.

фондам Российской национальной библиотеки Д. О. Цыпкин.

Первый день основной программы был посвящен проблемам зарождения автобиографической традиции в XVII–XVIII веках. Открыл заседание доклад Ю. П. Зарецкого (Москва) «Рассказы о себе в России раннего Нового времени как социальные практики», в котором были обобщены классические и современные подходы к пониманию источников с автобиографическими сведениями XVII — первой половины XVIII века. В выступлении ученый сделал акцент на достижениях новейших западных школ по изучению эго-документов.

Историографическое направление было продолжено выступлением С. А. Козлова (Санкт-Петербург) на тему «Проблемы изучения путевых дневников русских путешественников XVIII в. российскими и англо-американскими исследователями: эдиционный принцип их издания». Отдельное внимание исследователь обратил на изучение повседневной жизни американцев по путевым запискам русских мореплавателей Ю. Ф. Лисянского, И. Ф. Крузенштерна и французского писателя Ф. Р. де Шатобриана, побывавших в Североамериканских штатах в 1790-е годы.

Два доклада первого дня круглого стола были посвящены недавно обнаруженным источникам первой половины XVIII века. В сообщении «„Записки“ С. Д. Татищева как памятник автобиографического жанра второй четверти XVIII в.» А. И. Алексеев (Санкт-Петербург) рассказал о находке в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Академии наук списка с неизвестного ранее дневника Сергея Даниловича Татищева, служившего морским офицером в 1710–1740-е годы. Обнаруженный А. И. Алексеевым памятник является одним из самых ранних русских дневников. В нем автор фиксировал даты рождения и смерти членов семьи, представителей правящей элиты, назначения, передвижения по службе, знаковые политические события, погоду, пожары и т. д.

Т. А. Базарова (Санкт-Петербург) представила доклад «Семейная переписка Мордвиновых первой половины XVIII в. в собрании Архива СПБИИ РАН» об уникальном корпусе писем представителей известной фамилии морских офицеров, большая часть которых остается неизвестной исследователям.

Важное значение для изучения ранней автобиографической традиции имеет обращение к смежным жанрам. В докладе «Святыи из отряда Ермака и Кунгурский летописец» В. И. Байдин (Екатеринбург) рассказал о своем опыте исследования сибирского летописания и привел ряд аргументов в пользу концепции о связи текста Кунгурского летописца с протодневниками записями участников похода Ермака в Сибирь, выполненными на рукописных святах.

Совместное сообщение Н. В. Башнина (Санкт-Петербург) и Т. В. Резниковой (Москва) «Автобиографии в членитых XVII в. из архиерейских и монастырских архивов» было посвяще-

но преимущественно женским членитым из архива Вологодского архиерейского дома второй половины XVII века, содержащим биографические сведения об их авторах и об их отношении к членам семьи и родственникам, соседям, церковным властям.

Автобиографический компонент в дипломатических отчетах резидентов второй половины XVII века был освещен в выступлении Н. Е. Домрачева (Москва) «„Ей, истинну пишу от горлости сердца моего“: автобиографические сведения в донесениях резидента В. М. Тяпкина (1673–1677 гг.)». Ученый отметил, что тексты Тяпкина похожи на дневниковые записи — он регулярно отчитывался перед Посольским приказом о своей деятельности и описывал каждый шаг, разговор, впечатления от увиденного.

Проблему возникновения ранних автобиографических памятников и причины их появления затронул И. А. Поляков (Санкт-Петербург) в докладе «„Память мне, Никите, в коем году я родился“: к вопросу об источниках автобиографических текстов XVII–XVIII вв.». В фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки исследователем был обнаружен столбец, датирующийся 1650–1660-ми годами, на котором человек с именем Никита поместил свою «автобиографию»: информацию о дате и времени рождения, о составе семьи, датах рождения детей. Ученый была установлена личность автора — Никиты Михайловича Румянцева, и высказана гипотеза о существенном влиянии традиции ведения записей памятных дат на зарождение и развитие автобиографического жанра.

Вопрос об источниках, лежащих в основе ранних русских автобиографических текстов, подняла в своем выступлении «К вопросу об автобиографических элементах в чудесах от иконы Богоматери Тихвинской» Е. С. Дилигур (Санкт-Петербург). Она рассмотрела различные списки памятников о почитании Тихвинской иконы Божьей Матери и отметила, что в основе многих редакций текстов лежали зафиксированные при церквях и монастырях автобиографические рассказы очевидцев. Автобиографичность описаний чудес от иконы Богоматери с XVII по XIX век была обусловлена тремя факторами: источником, положенным в основу текста чуда, влиянием личности составителя на содержание текста и, в более позднее время, влиянием самих героев повествования на текст памятника.

Обобщающе-теоретический характер носили доклады Т. В. Медведевой (Москва) и М. А. Смирновой (Санкт-Петербург), завершившие программу первого дня круглого стола. Т. В. Медведева в сообщении «Можно ли создать эго-документ, не сочинив ни строчки?» поделилась результатами исследования группы эго-документов второй половины XVIII — XIX века, которую в литературе часто обозначают как «светские рукописные сборники» — авторские подборки литературных произведений, периодических изданий, выпуск из научно-про-

изводственной литературы. В рамках доклада ученая поставила ряд дискуссионных вопросов: можно ли отнести этот тип памятников к автобиографической литературе, отражает ли содержание сборников представление его составителя о себе, какое место в частных письменных практиках занимали подобные рукописи?

Распространенная в Новое время в России традиция фиксации метеорологических сведений проанализирована М. А. Смирновой в выступлении «Записи о погоде в рукописной культуре XVIII — начала XX в.: к вопросу о границах автобиографического жанра». Исследовательница рассмотрела сотни примеров погодных записей из рукописей и печатных изданий и выделила несколько групп по форме и содержанию. В заключении М. А. Смирнова пришла к выводу о необходимости разделять автобиографические тексты, включающие сведения о погоде и природных катализмах, и погодные дневники и записи как самостоятельный жанр.

Основными темами второго и третьего дня круглого стола стали многочисленные проблемы в изучении автобиографических памятников конца XVIII — начала XX века.

Фундаментальной задаче каталогизации рукописных эго-документов было посвящено выступление Д. Н. Шилова (Санкт-Петербург) «Каталог дневников и воспоминаний в фондах РГИА: проблемы подготовки». Исследователь рассказал о продолжительном проекте по описанию мемуарных памятников из фондов Российского государственного исторического архива, принципах описания и аннотирования текстов и поделился собственным опытом участия в работе.

М. М. Сафоновым (Санкт-Петербург) в сообщении «Метаморфозы II редакции „Записок“ Екатерины II» был поднят вопрос о сложном соотношении различных редакций мемуарного сочинения императрицы.

Заглавия паломнических сочинений о путешествии на Святую землю XIX — начала XX века стали предметом доклада И. В. Федоровой (Санкт-Петербург) «„Воспоминания“, „Путевые записки“, „Дневник паломника“: о названиях паломнических описаний XIX — начала XX в.». Исследовательница проанализировала названия всех известных памятников этого периода и пришла к выводу о существовании традиции устойчивых заголовков. И. В. Федорова особо отметила, что авторы паломнических трудов были знакомы с произведениями предшественников и в заголовках своих текстов опирались на известные им и их читателям образцы.

Результаты многолетней работы по выявлению и изучению корпуса дневников участников русско-японской войны были представлены М. Р. Иванченко (Санкт-Петербург) в выступлении «Проблемы изучения дневников участников Цусимского сражения 14–15 мая 1905 года». В сообщении ученый осветил основные проблемы в исследовании данных источников: плохая сохранность оригинальных документов, отсутствие археографических ком-

ментариев при издании дневников, установление авторства дневников, взгляд участников сражения на его ход и итоги постфактум — после разгрома русской эскадры.

Традиционно на круглом столе были представлены доклады, посвященные богатому мемуарному наследию декабристов. Е. Н. Туманник (Новосибирск) в выступлении «Дневник Романа Медокса как исторический источник» затронула проблему анализа одного из самых загадочных эго-документов по истории Восточной Сибири рубежа 1820–1830-х годов и движения декабризма — дневника авантюриста Р. М. Медокса. Сопоставив его с другими источниками, она опровергла сложившееся в историографии мнение о недостоверности памятника, показав его информационный потенциал для изучения времени пребывания декабристов в сибирской ссылке на раннем ее этапе, частной жизни декабриста А. Н. Муравьева и его семейства в Иркутске, культуры и быта городского сибирского общества.

Интересный аспект мемуарного наследия декабристов освещен в докладе П. В. Ильина (Санкт-Петербург) «„Фигуры умолчания“ и скрытые смыслы в мемуарных текстах (на примере записок А. Ф. Багговута)». Целью исследователя стал поиск использованных генералом от кавалерии А. Ф. Багговутом (1806–1883) приемов ухода от оценок в изложении событий эпохи декабризма, призванных подчеркнуть наличие скрываемого «слоя информации». По мнению ученого, выявленные особенности характерны для автобиографических текстов участников событий 14 декабря 1825 года.

Два доклада были посвящены путевым сочинениям представителей разных слоев русского общества XIX века. Е. В. Комлева (Новосибирск) в сообщении «Путевые заметки купца Михаила Константиновича Сидорова о путешествии по Кавказу (конец 1870-х гг.)» обратилась к архивному наследию М. К. Сидорова (1823–1887), известного сибирского предпринимателя, автора многих проектов по экономическому развитию России. Среди бумаг купца, хранящихся в Санкт-Петербурге, были обнаружены записи его путевых впечатлений от посещения Кавказа. Е. В. Комлева в докладе ввела этот памятник в научный оборот, представив его всесторонний анализ.

Предметом исследования М. В. Батшева (Москва) в докладе «Дневник заграничного путешествия по Германии Д. А. Милютина как источник для создания последующих воспоминаний автора» стала рукопись молодого графа Милютина, хранящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Ученый сопоставил текст, озаглавленный автором как «Заметки на память» и «Отрывки из моего журнала», с богатым мемуарным наследием будущего военного министра и предположил, что обнаруженный дневник посещения Европы в 1840–1841 годах стал основой для последующих многотомных воспоминаний.

Несколько сообщений на круглом столе были посвящены практикам ведения дневников

представителями разных социальных групп XIX — начала XX века. С. А. Трифонова (Москва) и Г. В. Арапова (Москва) в докладе «Дневниковые записи В. И. Ланской, урожденной Одоевской в фондах Российского государственного архива литературы и искусства» представили результаты исследования обширного комплекса сохранившихся дневников Варвары Ивановны Ланской. Сопоставив различные по объему и форме изложения тексты, они показали изменение подхода автора к записи событий и чувств, привычек и интересов с течением времени.

Одной из жанровых разновидностей автобиографических произведений — читательскому дневнику — посвящено сообщение Т. Н. Галашевой (Санкт-Петербург) «Записная книга новоторжского купца Василия Козминых 1851—1852 гг.: дневник читателя». Памятник был выявлен в фондах Древлехранилища Пушкинского Дома и представляет собой особый тип записной книжки, которую купец Василий Козминых заполнял выдержками из рукописей и печатных изданий на злободневные для середины XIX века темы. Особую ценность памятнику придают многочисленные комментарии владельца, содержащие ценные исторические и автобиографические сведения.

Отдельный блок докладов был связан с изучением отражения повседневности российской провинции конца XIX — первой трети XX века в автобиографических текстах. Е. В. Годовова (Оренбург) в сообщении «Рукопись оренбургского казака Николая Васильевича Агапова как исторический источник по изучению казачьей повседневности» представила результаты анализа и публикации данного памятника.

В. Б. Устюгова (Пермь) в докладе «„Вижу Каму, снега, лунный свет...“: дневник и записи Александры Лихачевой как опыт личной рефлексии и поэтизированного наблюдения жизни провинции (Пермь, 1900—1960-е годы)» познакомила участником конференции с комплексом произведений Александры Лихачевой, в которых отразился взгляд обывателя на масштабные изменения, происходившие в Перми в первой половине XX века.

Несколько докладов были посвящены детской и юношеской автобиографической и эпистолярной культуре. Н. А. Ефимова (Санкт-Петербург) обратилась к изучению дневника москвича-гимназиста рубежа XIX—XX веков. Ее сообщение «Один год из жизни гимназиста К. Н. Победоносцева» основано на сохранившейся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук рукописной тетрадке с поденными записями и яркими зарисовками, которую юный Победоносцев вел в 1899—1900 годах.

Ю. Л. Пляшкевич (Санкт-Петербург) представила доклад «История семьи в детском эпистолярии Л. Ф. Бартольд». Основными источниками исследования стали материалы ее семейного архива: детские дневники Лидии Федоровны Бартольд 1914—1918 годов и письма ее к подругам 1917—1919 годов. В этих документах не только отпечаталась жизнь семьи

Бартольдов в Выборге накануне и во время революционных потрясений, но и отразился процесс взросления девочки, выпавший на период Первой мировой войны и Революции 1917 года.

В заключительный день круглого стола состоялись выступления, в значительной степени посвященные изучению региональных памятников автобиографической культуры XIX—XX веков.

Сибирские сюжеты осветила А. И. Архипова (Якутск) в сообщении «Заметки чиновника Якутской области Д. И. Меликова как исторический источник». Повседневность уральского горнозаводского рабочего сквозь призму этого текстов представила Е. А. Клюйкова (Пермь). Ее доклад на тему «Наивная автобиография: проблема жанра и языка (на примере рукописи заводского рабочего конца XIX — начала XX века)» был посвящен уникальному рукописному наследию служащего металлургического завода Ф. Г. Гудощикова, обладавшего большим литературным талантом и оставившего несколько томов воспоминаний.

Выступление П. А. Афанасьева (Барнаул) «Биографический гипертекст в дневниках урало-сибирского провинциала Е. П. Клевакина» содержало ценные выводы исследователя о структуре автобиографических сочинений уральского чиновника рубежа XIX—XX веков и их связи с сохранившимся комплексом его писем.

М. В. Друзин (Санкт-Петербург) представил на круглом столе результаты работы по изучению материалов переписки семьи генерала от инфантерии Е. В. Богдановича на предмет наличия в ней автобиографических сведений. В докладе «Семья генеральши Богданович в личной переписке ее представителей» он сопоставил выявленную информацию с данными других источников, в том числе мемуаров современников и литературных сочинений членов семьи, и пришел к выводу о существенных различиях в трактовках одних и тех же событий в частных и «публичных» текстах.

Внимание нескольких докладчиков было уделено автобиографическому наследию представителей российской интеллигенции XX века. М. П. Мироненко (Москва) выступила с докладом «Несохранившийся дневник археолога и краеведа К. Н. Любарского как источник для его биографии», посвященным дневнику ученического за революционные годы. В силу политической обстановки наследники К. Н. Любарского не передали документ на хранение в архив, и впоследствии он оказался утраченным. Тем не менее, как показала М. П. Мироненко, часть сведений из дневника можно реконструировать на основании бумаг дочери, оставившей его краткий пересказ.

Предметом исследования Н. В. Гольцова (Санкт-Петербург) в докладе «Мемуарные произведения С. Н. Драницына в собрании Отдела рукописей РНБ» стало автобиографическое наследие историка, профессора Ленинградского университета. В фондах Отдела рукописей

РНБ ученому удалось обнаружить машинописный вариант мемуаров Драницына с авторской правкой. Сопоставив его текст с другим вариантом воспоминаний, известным специалистам, Н. В. Гольцов убедительно доказал, что последние представляют собой копию с выявленного документа, в которой местами неверно были расшифрованы рукописные вставки автора.

А. Л. Гумерова (Москва) и В. С. Сергеева (Москва) представили результаты исследований творческого и архивного наследия историка, теоретика экскурсионного дела Н. П. Анциферова (1889–1958). В выступлении А. Л. Гумеровой «Ранние дневники и статья „Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность“ как источники мемуаров Н. П. Анциферова» был затронут вопрос о творческой лаборатории мемуариста.

В. С. Сергеева посвятила свое выступление «„Игра в рыцарей“ в воспоминаниях Н. П. Анциферова: формирование сюжета» влиянию юношеских игр и сюжетов прочитанных в подростковом возрасте книг на литературный путь зрелого Анциферова.

В докладе Е. А. Михайловой (Санкт-Петербург) «„Хранилище моей памяти“: тетради с личными записями А. Е. фон Руммель» в научный оборот был введен комплекс документов — 10 тетрадей, принадлежавших вдове ген-

нерал-майора А. Х. фон Руммеля. В них были выявлены не только воспоминания и другие записи личного характера, но и фотографии, вложенные и вклевые письма, газетные вырезки, печатные брошюры, материалы других лиц и т. д. В выступлении Е. А. Михайлова предложила свой термин для определения подобных комплексов — «документ-архив», дала предварительную систематизацию представленных документов, описала основные проблемы при работе с ними и обозначила их место в контексте автобиографических памятников конца XIX – начала XX века.

Программу круглого стола завершил коммеморативный доклад И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) на тему «„Изображать не битву, а символ битвы...“: Д. С. Лихачев как автор набросков к оформлению „Слова о полку Игореве“». В нем исследовательница на материалах переписки Лихачева удалось установить мнение ученого о принципах оформления разнообразных изданий этого шедевра древнерусской литературы. В черновике одного из писем Лихачев не только высказал свои предпочтения в книжном оформлении, но и собственно ручно сделал несколько набросков.

© М. А. Смирнова,
© И. А. Поляков

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-263-266

ДВЕНАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР*

4 декабря 2023 года в Институте русской литературы состоялся Двенадцатый агиографический семинар, который был посвящен юбилею доктора филологических наук Валентины Ильиничны Охотниковой. Открывая заседание, С. А. Семячко отметила, что посвящение семинара далеко не случайно. Когда говорят о заслугах юбиляра в области изучения русской агиографии, имеют в виду не только ее фундаментальный труд «Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследование и тексты» (СПб., 2007. Т. 1–2), представивший одну из важнейших региональных агиографических традиций во всей ее полноте, но и множество других работ, касающихся источниковедения, текстологии, поэтики русской житийной литературы (см.: Хронологический список научных трудов Валентины Ильиничны Охотниковой за 1979–2021 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 2023. Т. 70. С. 348–358). Поэтому и тематика Двенадцатого агиографи-

ческого семинара была весьма широка и охватывала вопросы исследования как ранней истории жанра, так и его судьбы в Новое время.

Первым прозвучало сообщение-посвящение юбиляру М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Новгородско-псковский князь Всеволод Гавриил: от XII века до XX века», в котором она обратилась к образу святого князя, чье житие и службы были предметом многолетних исследований Охотниковой. Докладчица проследила связь между летописной и житийной характеристикой князя и его поэтическим восприятием уже в XX веке поэтом Всеволодом Рождественским. Его стихотворение «Князь» было впервые опубликовано в «Записках Передвижного театра» в 1923 году, сто лет назад, а затем поэт создал две новые редакции в 1939 и 1956 годах. Выступавшая показала, что им был угадан особый «псковский вариант» представлений о благом князе, выделенный позднее Охотниковой на примере псковских летописных и агиографических сочинений.

Т. Б. Карбасова (Санкт-Петербург) в докладе «Автокефалия русской церкви и ее влияние на агиографию третьей четверти XV в.» поставила перед собой задачу не только указать на

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

наличие связи между учреждением автокефалии и формированием в конце XV века собора русских святых, но и выяснить причины этого процесса. Рассматривая агиографическое творчество этого периода, она выделила следующие характерные черты: редактирование святынек житий, приведение их в соответствие с актуальным состоянием церковной жизни; активное создание новых текстов, посвященных установлению дополнительных празднований по случаю обретения или перенесения мощей; и самый значительный процесс — запись новейших чудотворений, как правило, развернутых Сказаний о чуде или чудесах, или создание новых житий с акцентом на посмертных чудесах. Опираясь на «Сказание о болгарской и сербской патриархиях» (статью, появившуюся в русских Кормчих книгах в начале 1460-х годов), докладчица высказала гипотезу, согласно которой такой интерес к теме чудотворений связан с тем, что святые должны были доказать жизнеспособность Русской церкви, так как учреждение автокефалии, кажется, вызывало некоторую неуверенность даже у ее инициаторов. В результате автокефалия послужила определенным вызовом для агиографического творчества, а собор русских святых оказался не просто собором святых, а собором «новых чудотворцев».

В какой-то мере в результате того импульса, который был задан автокефалией Русской церкви, сформировался в конце XV века и культ Дионисия Глушицкого, службам которому был посвящен доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «История богослужебного почитания преподобного Дионисия Глушицкого». Самый ранний список Службы святому Дионисию происходит из Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 363/620). Он содержит полиелейную службу, получившую впоследствии широкое распространение, вошедшую в служебные миинеи, в составе которых она многократно издавалась, начиная с XVII века и заканчивая миинеями современными. Этот список надежно датируется 1490-ми годами, что делает очевидным тот факт, что Служба была создана примерно в то же время, что и житие, написанное, судя по приписке его автора, в 1495 году. Следующий этап богослужебного почитания Дионисия Глушицкого отмечен рукописью РНБ. Софийское собр. № 410 30-х годов XVI века, имеющей следы нахождения в Тихвинском «большом» монастыре и содержащей бденную Службу преподобному. Докладчица высказала предположение, что и бденная, и полиелейная службы являются результатом одного заказа и обе были созданы, скорее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре. Третий этап зафиксирован в конволюте РНБ. Собр. ОЛДП. Q.94 второй четверти — середины XVI века, первая часть которого представляет собой моноагиосборник, посвященный Дионисию Глушицкому. Входящую в его состав Службу исследовательница определила как полиелейную, созданную в результате контаминации из ранних полиелейной и бден-

ной Служб неким попом Вассианом Гущей для вклада в Спасо-Рабангский монастырь. В качестве места ее составления Семячко осторожно предложила Дионисьев Глушицкий монастырь. Таким образом, основная история Службы Дионисию Глушицкому к макарьевским Соборам уже, по сути, завершилась, хотя раньше считалось, что после канонизации преподобного на Соборе она только началась.

Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург) в докладе «Служба Ефрему Новоторжскому — памятник русской гимнографии конца XVI в.» обратилась к наиболее раннему тексту о святом — бденной Службе на 28 января. Она написана тем же автором, что и Краткая редакция Жития, вероятнее всего архимандритом Новоторжского Борисоглебского монастыря Мисаилом (1572–1588), свидетельствована Александром, архиепископом Великого Новгорода и Пскова (1576–1589). В четырех наиболее ранних списках конца XVI — начала XVII века текст Службы достаточно устойчив. Ефрем прославляется в ней прежде всего как основатель Борисоглебского монастыря, впечатленный подвигом святых князей Бориса и Глеба. В тексте не упоминаются ни братья-угрины, ни предание об иноzemном происхождении самого святого. В докладе были сделаны некоторые уточнения к перечню источников Службы, указанных в исследовании В. И. Легких (2020). Среди них главными можно назвать богослужебные последования Димитрию Прилуцкому, Сергию Радонежскому, Зосиме Соловецкому, Варламу Хутынскому, Стефану Пермскому, Иоанну Новгородскому, Ефрему Сирину и др. Из Службы Борису и Глебу заимствуется формула «Романа с доблестим Давидомъ <...> братнее неправедное заколение претерпѣвшихъ», на которой основывается агиографическое содержание Службы Ефрему. Анализ источников показывает также сложный узор заимствований в каноне святому: первая часть канона ориентирована на каноны преподобным Савватию Соловецкому, Павлу Обнорскому, Димитрию Прилуцкому и Ефрему Перекомскому; вторая часть канона (начиная с середины пятой песни) компилируется поочередно из двух канонов Феодору, Давиду и Константину Ярославским. При выборе песнопений Службы архимандрит Мисаил руководствовался образом подвижника, о котором практически не было сведений, при этом многие топосы, присутствующие в службах-источниках, в Службе Ефрему Новоторжскому были опущены.

Следующие два доклада по своему материалу были связаны с месяцесловами. Завершало утреннее заседание выступление И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Ошибки переписчиков или исчезнувшие святые?», в котором был поставлен вопрос о том, что стоит в месяцесловах и месяцесловных сборниках за неточными датами, ошибочными указаниями на родственные связи, титул или дату смерти. Этот круг проблем относится, в основном, с теми местночтимыми святыми, о практике почитания которых сведения не сохранились. В качестве примеров

был привлечен уточненный материал из со- здаваемого в Отделе древнерусской литературы электронного каталога «Источники русской агиографии», связанный с именами из семьи Рюриковичей. Исследовательница рассмотрела вопрос, кто мог скрываться под встречающимися в месяцесловах именами княгини Анны Новгородской и князя Андрея Владимировича, и пришла к заключению о том, что эти единичные записи, возможно, лишь осколки местного почитания представителей рода Рюриковичей, которое не приобрело устойчивой традиции.

Второе заседание открылось докладом А. А. Романовой (Санкт-Петербург) «Заметки о месяцесловах XVII века», в котором были рассмотрены разные виды святцев, не входящих в состав богослужебных сборников, а оформленных в виде отдельной книги. Выдвинуто предположение о появлении такого рода рукописей в послесмутное время — наиболее ранние из них датируются 1620-ми годами. Для именования святцев с большим количеством святых предложен термин «святыцы с расширенным составом» — к такого рода сборникам относятся, например, известные святыцы из собр. В. М. Ундинского (РГБ. Ф. 310. № 237), датируемые 1621 годом. Также были рассмотрены случаи ошибочного отнесения святых к числу русских подвижников и варианты именования святых «новыми чудотворцами» вне зависимости от времени установления празднования.

Доклад Н. Н. Левченко (Санкт-Петербург) «К вопросу о датировке Второй (Теляшинской) редакции Жития Нила Столобенского» был по-священ уточнению датировки Второй редакции указанного текста — вопросу, который неоднократно затрагивался в научной литературе. В. О. Ключевский периодом создания этой поздней редакции памятника называл XVII век, до 1667 года. Значительно сузить эту датировку удалось американской исследовательнице И. Тирет, которая нижней границей составления Второй редакции произведения предложила считать 1635 год. Левченко выдвинула гипотезу о создании памятника не ранее 1647 года. В основе предположения лежит одно текстологическое наблюдение: создатель Второй редакции Жития Нила Столобенского скомпилировал предисловие-похвалу святому, в том числе используя обширные выдержки из «Слова о преподобных отцах в Сырную субботу» Григория Цамблака. Однако вместо канонического для рукописной традиции «Слова...» чтения «иже бо о онех хотяи творити слово, онем подобенъ во всем...» составитель новой редакции Жития Нила Столобенского пишет «иже бо о оном хотяи творити слово оному, достоинъ во всемъ подобну быти», что встречается, по наблюдениям исследовательницы, только в том варианте текста, который был издан в составе Сборника (М., 1647).

А. В. Волков (Санкт-Петербург) представил доклад «Жития святых как источник дидактических отступлений в „Келейном летописце“ Димитрия Ростовского». «Келейный летописец», представляющий собой комментирован-

ное изложение библейской истории, обладает отчетливой нравственной направленностью, характерной для всего творчества святителя. Каждое ветхозаветное событие, изложенное в «Келейном летописце», становится поводом для пространных нравоучений, в которых активно задействуется в том числе агиографический материал. Прежде всего, Димитрий Ростовский использует собственную «Книгу житий святых», помещая пространные цитаты из печатного киевского издания 1689–1705 годов, с точностью указывая номер листа, где находится цитируемый фрагмент. Границы цитируемого текста святитель при этом не обозначает, в отличие от тех случаев, когда он обращается к другим агиографическим сочинениям («Лимонарь», московский печатный Пролог). Житийные своды также служат источником цитат из авторов, к чьим сочинениям святитель не мог обратиться непосредственно (Иоанн Златоуст, Антоний Великий, Исидор Пелусийский). В большинстве случаев дидактические фрагменты в «Келейном летописце» построены по следующей схеме: к ветхозаветному событию приводятся параллели сначала из Евангелия, а затем из житий святых, в чем отражается «иерархия источников», характерная для «Келейного летописца». При отсылках к житиям Димитрий Ростовский не сообщает дополнительных сведений о святых (помимо тех, которые актуальны в данном случае), полагая, что любознательный читатель самостоятельно обратится к житиям, и всячески побуждая его к этому.

В завершение семинара прозвучал доклад А. Г. Борбова (Санкт-Петербург) и Е. А. Рыжовой (Сыктывкар) «Житие Антония Римлянина в редакции И. С. Мяндина по списку Древлехранилища ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 72 (Предварительные замечания)». В нем на материале малоисследованного Жития преподобного Антония Римлянина, посвященного основанию в начале XII века древнейшего в Великом Новгороде монастыря Рождества Богородицы, представлено художественное своеобразие созданной на Русском Севере в XIX веке старообрядческой редакции памятника — завершающего этапа в рукописной истории произведения. Авторский список Древлехранилище ИРЛИ РАН. Усть-Цилемское собр. № 72 дает возможность по-новому посмотреть на принципы редакторской манеры известного печорского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823–1894). При создании этого текста книжник использовал контаминацию как прием редактирования своих собственных произведений. Основным в данном случае был его же список Жития Антония Римлянина из Торжественника (ОРК НБ СыктГУ УЦ р-46), однако в ряде чтений и эпизодов Мяндин использовал текст памятника из печатной «Книги житий святых» Димитрия Ростовского (Киево-Печерская лавра, 1764. Кн. 4. Июнь, июль, август). Исследователями впервые была показана техника мяндинской контаминации, когда соединение двух версий текста проводится автором

настолько искусно, что характерные чтения как версии Торжественника, так и версии Дмитрия Ростовского сливаются воедино в пределах одной фразы. Искусное владение Мяндиным различными редакторскими приемами позволило печорскому писателю создать свою оригинальную переработку широко известного в рукописно-книжной традиции памятника: в списке УЦ 72 возникает четкая оппозиция «Ветхий Рим» — «Великий Новгород» и ярче представлен образ еретиков-«папежников», от которых Антоний уплыл на камне в Великий Новгород, где он нашел истинную веру. И это неслучайно, поскольку темы гонений на веру,

истинной веры и чистоты вероучения были особенно близки старообрядцам, к числу которых принадлежал и Мяндин.

Завершая программу семинара, Бобров от лица всех участников заседания поздравил Охотникову с днем рождения. В последовавшей за этим дискуссии присутствовавшие на семинаре исследователи обсудили целый ряд проблем, поднятых в докладах, и предложили продолжить их рассмотрение на Тринадцатом агиографическом семинаре, который намечен на 4 декабря 2024 года.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-266-269

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»*

10–11 декабря 2023 года в рамках исследовательского проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)» Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась заключительная конференция «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации».

Открыл конференцию доклад «Ресайклинг советских идеологем и речевых штампов в автобиографическом романе Е. Евтушенко „Шестидесятник“» М. Д. Андриановой (Санкт-Петербург). В нем исследовательница рассмотрела функционирование советских лозунгов, идеологических клише и символической атрибутики в ранней поэзии Е. Евтушенко и в его автобиографическом романе «Шестидесятник» (2006). Главной особенностью творчества Евтушенко является то, что в его поэзии органично сочетаются советские идеологемы и искренний лиризм. История Гражданской войны, накладываясь на личный опыт переживания уже следующей войны, воспринимается как что-то очень личное, интимно близкое, лишенное казенного пафоса и в то же время вдохновляющее, воодушевляющее. С подкупающей искренностью отражена в лирике Евтушенко и тема труда, например, в стихотворении «В магазине» русские женщины-труженицы предстают святыми пра-

ведницами и великомученицами. Также нетипичным для советской поэзии было совмещение темы труда с темой любви. Однако, отходя от одних канонов соцреализма, Евтушенко вольно или невольно следовал другим — теории бесконфликтности и борьбы хорошего с лучшим. В романе «Шестидесятник», написанном в начале 2000-х годов, можно выделить несколько ключевых тем, к которым раз за разом возвращается писательская мысль: революция, патриотизм, цензура, свобода — все они так или иначе связаны с темой советского. Отношение Евтушенко к советскому двойственno — ностальгии он не испытывает, но в то же время отмечает, что благодарен двадцатому веку, и чувствует свое неразрывное с ним единство. Автор пытается показать эпоху объективно, со всеми ее недостатками, заблуждениями и трагической двойственностью. Ресайклинг советского в постсоветской мемуарной прозе Евгения Евтушенко — это не столько переоценка ценностей и «оправдание» за ошибки и иллюзии молодости, сколько способ актуализации вечных вопросов бытия, таких как верность и предательство, любовь к Родине и любовь к свободе, понятия справедливости и воздаяния.

Л. Д. Бугаева (Санкт-Петербург) в своем докладе «Журналистика расследований и ресайклинг» подробно проанализировала сериал «Последняя статья журналиста» (2018, режиссеры Евгений Солагалов, Виктор Татарский, Армен Назикян). События сериала разворачиваются в период «перестройки», в том числе перестройки в прессе и на телевидении, и в постперестроечное советское время. В Советском Союзе расцвет журналистики расследований совпадает с перестройкой, хотя ее элементы можно найти в программах киножурнала «Фитиль» начиная с 1962 года и в поисках писателем

* Хроника подготовлена при поддержке Российской научного фонда, проект № 19-18-00414 («Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы»), <https://rscf.ru/project/22-18-35036/>, ИРЛИ РАН.

Юлианом Семеновым «янтарной комнаты» в 1980-е годы. Сериал «Последняя статья журналиста» не просто воссоздает детали повседневной жизни 1980-х годов, но и очерчивает важнейшие темы того времени: смертную казнь, наркоманию и протекционизм. Сериал создает образ журналиста времен перестройки Олега Верховцева. В «Последней статье журналиста» сопоставляются два вида журналистики — печатная и вещательная, телевизионная. В ней также сопрягаются два метода расследования: под прикрытием (когда репортер пытается вникнуть в определенное общество) и без прикрытия. За противопоставлением печатной и тележурналистики стоит противопоставление журналистики «истинной» и «неистинной». Данная оппозиция и есть то, что инициирует ресайклинг темы, что особенно актуально в то время, когда происходит смещение акцента с журналистского расследования на «срывание масок» в прямом эфире.

В своем выступлении «Новая карта Петербурга: локации советской эпохи и их презентация в современном культурном пространстве» Н. В. Семенова (Санкт-Петербург) подвела итоги систематизации литературных, музеино-театральных, краеведческих и мультимедийных проектов, связанных с локациями и персоналиями советского периода в Санкт-Петербурге. Было отмечено, что в ткань памяти города интегрируются как объекты индустриального наследия (Севкабель Порт), так и нематериальные места памяти, связанные больше с персоналиями, чем с конкретными локусами (Даниил Хармс, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов). В качестве отдельного кейса была рассмотрена трансляция «Радио Хармс» в Доме Радио во время последнего променада «Маршрут Струхи» (2023).

Доклад Л. А. Купец (Петрозаводск) «Музыка советской эпохи 2.0 (по материалам сайта «Argamas»)» был сконцентрирован на фиксации феномена советской музыки, представленной на этом портале. Культура советской эпохи занимает большое место в разных по формату материалах (курсы, подкасты, видео- и аудиолекции, плейлисты, фотогалереи, интерактивы). Но по преимуществу в фокусе находятся темы культурной и повседневной жизни в СССР, где собственно фрагментам о музыке отведена незначительная часть. Фактически эти материалы в разных жанрах сознательно конструируют образ «советской музыки» («музыки в СССР») по версии сайта. В круг этого целостного образа входят: советская (в том числе массовая) песня, бардовская песня, ресторанные музыка из повседневной жизни России, народная песня советских городов в 1920-е и 1930-е годы, новый эпический фольклор сталинской эпохи, различные варианты жанра композиторского романса, цыганский театр «Ромэн» и личности двух академических музыкантов (С. Прокофьева и Д. Шостаковича). Только две статьи затрагивают концептуальные проблемы академической музыки советского периода: о соцреализме как стиле и как инструменте власти (Б. Гаспаров) и по-

становлении конца 1940-х годов, где музыкальные факты становятся частью более широкого культурного контекста, а именно — литературы, живописи, кино (М. Раку). Примечательно, что отсутствуют такие маркеры советского музыкального искусства, как хореодрама, песенная опера и целый пул академических произведений, олицетворяющих советскую эпоху. Не менее показательно и игнорирование послевоенного музыкального авангарда в СССР. Таким образом, автор приходит к выводу, что на сайте к 2023 году феномен «советская музыка» выстраивается как массовое, маргинальное, неакадемическое и преимущественно развлекательное явление на протяжении всего исторического периода, максимально отражавшее изменяющийся эмоциональный дух страны.

В докладе Ю. А. Секущиной (Санкт-Петербург) «Лечение временем? Советское прошлое в постсоветском санатории» автор предложила концепцию «лечения временем» для понимания прагматики поездок в санаторий. Секущина начала свой доклад с попытки осмысления метафоры батарейки, которую используют посетители для описания своих поездок в санатории: ездим, чтобы «зарядить батарейку». Через эту метафору в докладе была проведена связь с экономическими отношениями между санаторием и посетителями: санатории «торгуют» не только здоровьем, но и временем. По мнению автора, отдающие посещают санатории в надежде обеспечить себе активное долголетие в позднекапиталистическом обществе. Советская практика посещения санаториев, с одной стороны, продолжает существовать в современной России, а с другой стороны, ее практика в обновленных реалиях меняется. В докладе предлагается попытка осмыслить практику посещения санаториев и ее взаимоотношение с советским прошлым через концепцию культурного ресайклинга. В таком случае «лечение временем» — это пропущенная сквозь культурный ресайклинг советская практика, обеспечивающая и принятие советского прошлого, и критику социального порядка настоящего.

С докладом «Дискуссия в сети Интернет о советском искусстве на постсоветских выставках» выступила Е. Ю. Андреева (Санкт-Петербург). Она обратилась к выставкам 1987–2022 годов. В самом общем виде они делятся на два типа: исследовательские проекты и выставки-аттракционы (с отсылкой к термину С. Эйзенштейна). Предметом анализа стала динамичная смена подходов к материалу. Если на начальном этапе в ранние 1990-е годы доминируют исследовательские выставки, которые показывают «многогуядность» культуры советского времени, особенно 1920-х годов, то к середине 1990-х утверждается бинарная модель показа соцреализма и авангарда (или нон-конформизма), которая через десять лет начинает постепенно замещаться прямо противоположной по смыслу моделью, демонстрирующей конвергенцию противостоявших феноменов. Именно это явление, полностью раскрывшееся

в 2015 году на выставке «Романтический реализм. Советская живопись 1925–1945 годов», становится поводом для медиийной сетевой дискуссии, которая идет также и онлайн. В целом результаты этой дискуссии показывают не только готовность критически противостоять аисторичности конвергенционной модели, но и стремление удовлетворить запрос на серьезные исследовательские проекты культуры советского периода.

А. В. Туркина (Москва) как междисциплинарная художница в сообщении «Личный опыт интерпретации образов через ресайклинг советского визуального искусства» отметила, что образы советского сегодня часто используются как идеологически целостные, лишенные травматических коннотаций, при этом игнорируется коллективная память о репрессиях, колективизации, травме войны. Стратегиям возможного демонтажа такого рода конструкций был посвящен артист-ток на тему «Интерпретация образов советского в ресайклинге сегодня через личную практику в области современного искусства», о котором подробно рассказала Туркина.

Второй день конференции открыл доклад С. Г. Маслинской (Санкт-Петербург) «Ностальгия по пустоте: о современных читателях творчества С. Михалкова». Он основывался на предпосылке, что изучение культурного ресайклинга только как дискурса и практик тех, кто отвечает за продвижение и реинтерпретацию творчества советских авторов в детской среде (чиновники образования и культуры, педагоги, методисты, библиотекари), недостаточно. Аудитория переизданий советской детской литературы опирается в обосновании своего читательского выбора на аргументы, которые, с одной стороны, видятся ей социально одобряемыми, а с другой — позволяют воспроизводить консервативную позицию культурного потребления. Характерной чертой современных взрослых читателей С. Михалкова и А. Гайдара является незнание текущей литературной продукции для детей, более того, чем старше человек, тем более категорично он говорит о своем невежестве и настаивает на необходимости передать только то, что он читал в детстве. В отличие от традиционного мышления, для которого характерна апелляция к разделяемому общему знанию, в анализируемом дискурсе за формулами-ламентациями ничего не стоит, например, взрослые читатели не могут вспомнить ни одного стихотворения С. Михалкова, что сигнализирует об атрофии не только индивидуальной, но и коллективной памяти. Культурный ресайклинг советского в этом случае несколько утрачивает свою специфику, так как со стороны потребителей она оказывается неотрефлектированной и сведенной ностальгией по собственному детству, которое может быть и постсоветским.

А. В. Кокорин в докладе «Стабилизация школьного литературного канона в современной России» озвучил результаты анализа масштабного массива данных о представленности раз-

личных писателей и их творчества в образовательных программах по литературе. Статистические данные показали, что от разнообразия авторов и произведений в 1990-е годы программы по литературе к 2010-м годам вернулись к строго очерченному пулу имен, значительная часть которых принадлежит советской эпохе.

В первой части своего доклада «Ресайклинг советской эстрады в 1990-х — начале 2020-х годов: основные этапы и тенденции» Д. А. Журкова (Москва) на примере музыкальных телепрограмм, ретросериалов и шоу талантов проследила процесс трансформации алгоритмов ресайклинга советской эстрады на отечественном телевидении на протяжении тридцати лет. Общий вектор связан с переходом от иронично-снисходительного обращения с советским наследием к его коммерческой эксплуатации и со стремлением к внешней идентичности, неотличимости от оригинала. Вторая часть доклада была посвящена разбору саундтрека видеоигры «Atomic Heart» («Атомное сердце», студия «Mundfish», 2023), действие которой разворачивается в альтернативном СССР 1950-х годов и сопровождается звучанием советских шлягетов. Очевидная странность цитатного саундтрека видеоигры связана с тем, что все задействованные песни написаны существенно позже того времени, в котором формально разворачивается действие игры. Журкова суммировала функции этого анахроничного саундтрека. Во-первых, популярные песни создают ощущение многомирия, сосуществования непересекающихся реальностей. Во-вторых, их использование рассчитано на обескураживающий эффект, вызываемый несовпадением их устоявшегося восприятия с контекстом видеоигры. В-третьих, обращение «Atomic Heart» к анахроничному саундтреку фиксирует проблему исторической памяти, которая заключается в обыденском забвении внутренних градаций советской эпохи.

В. Ю. Вьюгин (Санкт-Петербург) прочитал доклад «Формы культурного ресайклинга, „премиальная“ литература 2019 года и советское детство». В начале своего выступления докладчик обосновал особую важность рассматриваемого им корпуса текстов. «Предпандемийный» 2019 год, подчеркнул Вьюгин, оказался рубежным как для мировой, так и для отечественной культуры, а «премиальная литература» 2019 года, т. е. произведения, попавшие в этот момент в шорт- и лонглисты значимых литературных премий, отразила в себе многие из презентативных топосов, идей и настроений, характеризующих завершившуюся эпоху. Докладчик уже обращался к произведениям этого ряда как к предмету исследований, анализируя его в разных аспектах. На этот раз акцент был сделан на формах культурного ресайклинга, имеющих отношение к переосмыслинию «советского детства». С этой точки зрения Вьюгин, в частности, обратился к таким романам, как «Белые на фоне черного леса» Е. М. Минкиной-Тайчер, «Живые и взрослые» С. Ю. Кузнецова, «Яснослышащий» П. В. Крусанова, «Небесный

почтальон Федя Булкин» А. В. Николаенко, «Дети мои» Г. Ш. Яхиной.

В сообщении «Культурный ресайклинг как проект: проблемы и возможности» Н. Г. Полтавцева (Москва) предприняла попытку оценки разнообразных культурных возможностей этого феномена, проявив особый интерес к взаимодействию его социальных и культурных компонентов и современной методологии исследования.

К. А. Богданов (Санкт-Петербург) в докладе «Эстетика повторения. Общие основания» поставил вопрос о том, насколько универсальны риторические механизмы приемов эстетического и этического убеждения, в чем заключается преемственность когнитивных и психологиче-

ских контекстов, в которых, казалось бы, давно забытое старое пропащает в новых формах. Кроме того, в центре внимания оказались антропологические аспекты публичной коммуникации и так называемой моральной демагогии, обнаруживающей формальную и содержательную связь тоталитарных и либеральных, «консервативных» и «демократических» идеологем.

По итогам двух дней конференции состоялась заключительная дискуссия. Все участники отметили продуктивность междисциплинарного подхода в исследовании феномена ресайклинга советской культуры и неослабевающую актуальность самой темы.

© Д. А. Журкова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-269-270

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»

3 июня 2024 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялось заседание Отдела по изучению русской литературы XVIII века, посвященное 90-летию со дня создания этого подразделения сначала в виде Группы, а затем Сектора. Группа провела первое организационное заседание 29 февраля 1934 года и в дальнейшем вела свою работу под руководством А. С. Орлова, Г. А. Гуковского, П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко, Н. Д. Кочетковой, С. И. Николаева при содействии ученых секретарей: И. З. Сermana, В. П. Степанова, Е. Д. Кукушкиной, А. О. Дёмина и с привлечением широкого круга отечественных и зарубежных специалистов. За прошедшие годы Отдел выпустил 30 сборников серии «XVIII век», начатой в 1935 году, ряд тематических изданий, монографий, опубликовал трехтомное Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, «Словарь русских писателей XVIII века» (в 4 выпусках). Также сотрудники Отдела активно участвуют в коллективных инициативах Института, организуют конференции, проводят дискуссии по научным докладам, осуществляют международное сотрудничество, связь с высшей школой и подготовку научных кадров.

На заседании, посвященном проблемам традиций и новаторства в изучении русской литературы XVIII века, представили сообщения действующие сотрудники Отдела. После вступительного слова, посвященного его истории, Н. Д. Кочеткова открыла научную часть заседания докладом «Традиции и новое видение в изучении творчества Радищева и Карамзина». С самого начала деятельности Группы по изучению русской литературы XVIII века первостепенное внимание уделялось Радищеву

как писателю-революционеру и реалисту. Ему противопоставлялось творчество Карамзина как монархиста и сентименталиста. Постепенно эта антитеза стала подвергаться пересмотру. Как показали современные исследователи, между этими писателями было немало общего: вклад каждого из них обогатил отечественную словесность, благодаря их вниманию к внутреннему миру человека и обращению к нравственным проблемам.

В докладе А. Ю. Соловьева «Гуковский — издатель и исследователь Фонвизина» был дан краткий очерк работы над неосуществленным изданием собрания сочинений Д. И. Фонвизина в издательстве «Academіa» (по материалам РГАЛИ, ЦГАЛИ Санкт-Петербурга и ОР РГБ). Это предприятие первых лет работы Группы по изучению русской литературы XVIII века объединило усилия Я. Л. Барскова и Г. А. Гуковского, выступившего организатором работы, текстологом, комментатором, редактором и автором одной из вступительных статей. Особое внимание было удалено двум редакциям статьи Гуковского, пережившей под воздействием колебаний государственной идеологии трансформацию от классовой трактовки творчества Фонвизина к более эклектическому взгляду на писателя. Ряд положений и формулировок итогового текста статьи отразились в посвященной Фонвизину главе учебника Гуковского 1939 года по истории русской литературы XVIII века. Рассмотренные материалы показывают, что в этот период Группа XVIII века уже виделась одному из его основателей как рабочее пространство. В нем действовали реальные научные связи, и в него вовлекались заинтересованные лица для осуществления общих издательских и исследовательских начинаний, чтобы,

в частности, «пропагандировать Фонвизина», как писал Г. А. Гуковский к Я. Л. Барскому 7 июля 1935 года.

В своем докладе «Академическое издание А. Н. Радищева как эдиционный опыт Группы по изучению русской литературы XVIII века» Н. Ю. Алексеева рассмотрела принципы подготовки текстов и характер примечаний в двух первых томах Полного собрания сочинений А. Н. Радищева, подготовленных под руководством Г. А. Гуковского. Несмотря на недочеты, эта работа стала важным для Группы обращением к традиционным проблемам историко-литературного комментария, текстологии и композиции академического собрания сочинений.

С. И. Николаев в своем докладе «О работе над „Словарем русских писателей XVIII века“» показал, что в начале 1970-х годов «Словарь...» стал частью большой работы Пушкинского Дома по созданию сводов справочных сведений о русских писателях на всем протяжении истории русской литературы. Особое внимание в словарных статьях уделено биографиям писателей. Значение послужных (формулярных) списков и адрес-календарей как источника биографических сведений о писателях XVIII века было известно и ранее. Но только в «Словаре...» учет этих документов был проведен фронтально. Особое внимание авторов статей было обращено к литературным и частным взаимо-связям каждого писателя с современниками и к их оценкам его творчества. Именно это позволило показать, что каждый из них творил не в уединении, а был частью тех сил, которые создавали литературу XVIII века. В силу новизны работы по такой методике оказалась далеко не простой и не быстрой. Первый том «Словаря...» вышел в 1988 году, второй — в 1999-м, третий — в 2010-м. Три десятилетия работы над «Словарем русских писателей XVIII века» — это годы напряженной работы большого коллектива, научного эвристического поиска, споров, иногда трудных, но в конечном счете плодотворных. Итогом стал первый завершенный словарь русских писателей века Просвещения после «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова. Однако работа на этом не прекратилась. В 2020 году вышел исключительно полезный четвертый выпуск «Словаря...», включающий несколько указателей: имен, географических названий, посвящений, периодических изданий, учреждений и обществ, авторов словар-

ных статей; и небольшой раздел уточнений и исправлений заглавных сведений о писателях. Раздел небольшой, но содержит ценные дополнения о датах жизни и местах погребения, отчествах и т. д. Источниковедческая словарная работа продолжается.

А. О. Дёмина в докладе «Роль В. В. Стасова в изучении творческих биографий А. П. Сумарокова и Дж. Бонекки» рассмотрел запись об опере «Селевк» (1744) из справочника Стасова «Русские и иностранные оперы, исполнявшиеся на императорских театрах в XVIII и XIX столетиях» (1898). Большая часть приведенных сведений оказалась ошибочна: неверно указан автор либретто и место издания, место постановки оперы; данные не подтверждаются приведенными источниками. Однако позднее запись сыграла важную роль в предположительной атрибуции перевода либретто А. П. Сумарокову и в создании ложной репутации автора оригинала Дж. Бонекки как плагиатора.

К. Ю. Лаппо-Данилевский для своего выступления «О текстологии стихотворений А. П. Сумарокова, написанных в 1755 году» исследовал хранящийся в СПФ АРАН архив первого русского журнала с объемным литературным разделом «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» как места публикации многочисленных произведений А. П. Сумарокова. Наборная рукопись журнала за 1755 год, впервые введенная в научный оборот Л. Б. Модзальевским, дает возможность сличить автографы поэта с их печатными версиями. Хотя качество работы академических наборщиков было весьма высоко, публикуемые тексты не свободны от искажений: некоторые строки были опущены, размеры стихов порой нарушены, некоторые смыслы утрачены. Как выясняется, Сумароков не вычитывал корректуры своих публикаций в «Ежемесячных сочинениях», поэтому его автографы в Архиве Российской академии наук являются основным источником для корректного издания его стихов 1755 года.

В ходе дискуссии по докладам были выяснены подробности представленных тем, прозвучали поздравления Отделу от коллег, и в частности от Музея Г. Р. Державина и словесности его времени в лице заведующей Н. П. Морозовой, и было сообщено о скором выходе в свет 31-го сборника «XVIII век».

© А. О. Дёмин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА» В 2024 ГОДУ

№ Стр.

Лед слов и пламень мыслей. К юбилею Марии Наумовны Виролайнен	2	5
---	---	---

СТАТЬИ

А. А. Алексеев. Библия в литературе Древней Руси	4	
В. Е. Багно. Мировая цивилизация в миниатюре (личная библиотека и творческие замыслы А. С. Пушкина)	4	
М. Н. Виролайнен. Русский романтизм как проблема	1	5
С. Л. Фокин. Марсель Пруст о Л. Н. Толстом: <i>pro et contra</i>	3	

И. А. ГОНЧАРОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. Гуськов. Неизвестный петербургский фельетон И. А. Гончарова. Приложение А. А. [И. А. Гончаров]. Летние гулянья	4	
Н. В. Калинина. «А мужиков отпустить на волю...» (Заметки комментатора к роману И. А. Гончарова «Обрыв»)	4	
О. В. Макаревич. Контексты письма-исповеди («Pour et contre» И. А. Гончарова) .	4	
Е. М. Филиппова. «Магнетическая любовь» и «слезы-проводники»: романтические клише в эпистолярии и творчестве И. А. Гончарова	4	

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

И. Н. Сухих. Кафедра русской литературы Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета: XX век (к 300-летию СПбГУ)	1	103
--	---	-----

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

М. Н. Виролайнен. «Евгений Онегин» за чертой пушкинской эпохи: к истории рецепции (1844–1999)	2	48
Е. И. Зейферт. Работа А. С. Пушкина над системой интонирования поэмы «Медный всадник»	2	76
Е. О. Ларионова. Б. В. Томашевский в пушкиноведческих полемиках начала 1930-х годов: у истоков академического издания А. С. Пушкина	2	9
Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. Об одном возможном источнике «Пиковой дамы»	2	91
С. Б. Федотова. Самсон или Симеон? (об имени станиционного смотрителя в повести А. С. Пушкина)	2	71

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. АКСАКОВА

А. П. Дмитриев. «Слава — какою... гремит Вавилон»: к поэтическому диалогу И. С. Аксакова и Н. М. Языкова об А. О. Смирновой-Россет (1845–1846)	1	60
Е. С. Левшина. Переписка И. С. Аксакова и Р. А. Фадеева 1874–1882 годов	1	89
О. Л. Фетисенко. И. С. Аксаков и М. Ф. Де-Пуле в диалоге о русской литературе. Приложение. Письмо И. С. Аксакова к М. Ф. Де-Пуле от 20 апреля 1876 года	1	75

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Я. БРЮСОВА

А. В. Лавров. В. Я. Брюсов в журнале «Гермес» (Письма к А. И. Малеину)	3
Л. Г. Панова (США). Продолжая Пушкина: В. Я. Брюсов и «Египетские ночи»	3

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АХМАТОВОЙ

Л. Г. Кихней. «Поэма без Героя» А. А. Ахматовой: к механизмам создания гипертекста	3
Г. П. Михайлова (Литва). Семантика и поэтика двух античных диптихов А. А. Ахматовой: Шекспир и Софокл, Шекспир и Гораций	3
Неопубликованная рецензия Д. П. Якубовича на сборник А. А. Ахматовой «Четки» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Я. В. Слепкова и В. В. Турчаненко)	3
Р. Д. Тименчик (Израиль). Персонажи записных книжек А. А. Ахматовой	3
Три сюжета из «почты» А. А. Ахматовой (публикация Н. И. Крайневой)	3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ
СЛУЧАЙ Я. А. ГАЛИНКОВСКОГО

М. Э. Баскина. «Археист-просветитель» Я. А. Галиновский: к характеристике литературной репутации	1	25
А. В. Волков. О переводческих воззрениях Я. А. Галиновского	1	47

ПОЛЕМИКА

Д. М. Буланин. Симеон Бекбулатович и вопрос о «литературной игре» Ивана Грозного	1	131
--	---	-----

РЕПЛИКА

Н. Ю. Алексеева. На пути к академической «Истории русской литературы»: размышления по поводу работ М. Н. Виролайнен о поэзии Золотого века и романтизме	4
---	---

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ю. Аветян. Новые иконографические материалы В. А. и Е. Е. Жуковских	3	
Е. А. Андрушченко. Почему В. Г. Короленко не опубликовал статью о консерватизме	2	156

Г. Н. Беляк, М. Н. Виролайнен. Произведение как гиперобъект (от академического издания к цифровому)	4
А. С. Бодрова. Между ориентальной стилизацией и автобиографией: к истории стихотворения А. С. Пушкина «Из Гафиза»	4
Н. П. Генералова. К истории одного тургеневского предисловия (Неизвестное письмо Шарля Эдмона к И. С. Тургеневу)	3
Е. А. Глуховская. «Бюро провинциальной прессы» С. А. Соколова как посредник между модернистскими писателями и их читателями	4
А. Г. Готовцева. Трансформации Второй оды Сапфо в русской поэзии: типологический анализ	2 119
Йозеф Догнал (Чешская Республика, Словацкая Республика), С. Н. Черепанова (Словацкая Республика). «Культура штампов» в ранней прозе А. П. Чехова . .	3
П. А. Дружинин. А. П. Платонов и цензура (несостоявшаяся публикация 1939 года в журнале «Октябрь»)	3
П. Р. Зaborов. Ф. Д. Батюшков и Дени Рош	1 173
С. А. Кибальник. «Литература, которая учит, как бежать из тюрьмы»: доктора в прозе А. П. Чехова 1890-х годов	2 148
А. А. Кобринский. Энigmатическая поэтика Н. А. Заболоцкого: стихотворение «Дуэль»	3
Б. В. Ковалев. Русская библиотека Х. Л. Борхеса: имена, контексты, лакуны . . .	2 226
Е. О. Кудина. Нововременец, влюбленный в старину: репутация театрального критика и драматурга Ю. Д. Беляева	2 161
К. А. Кумпан. Над рукописями статей Вяч. Иванова. Часть 2. «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт»	1 180
О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова. Стратегия и тактика становления поэтических систем В. В. Набокова, К. К. Вагинова, А. П. Платонова	1 211
Маша Левина-Паркер (США), Михаил Левин (США). Модернисты в поисках неясности: к типологии квазидетектива	1 191
А. И. Любжин. «Россия» М. М. Хераскова и поэма Ж. Шаплена «La Pucelle ou La France délivrée»	3
М. Ю. Любимова, Я. Д. Чечнёв. Издательство «Всемирная литература» в творческой биографии А. Г. Горнфельда. Приложение. Выдержки из протоколов заседаний редакционной коллегии издательства «Всемирная литература»	2 169
О. В. Макаревич. Современные мстители (об одной статье Н. С. Лескова)	2 143
Между двух революций: 1917 год в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова и Т. В. Мисникевич)	4
И. В. Немировский. Капитан Лебядкин и В. К. Тредиаковский	1 165
Е. Н. Никитин. Об одной писательской дружбе: М. М. Пришвин и С. Т. Григорьев . .	1 220
С. И. Николаев. Житие Меркурия Смоленского: с русского на польский и обратно. Приложение. Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza y Męczennika . . .	1 139
Е. Р. Обатнина. Учитель музыки и «парижская нота» (к истории сотрудничества А. М. Ремизова с журналом «Числа»)	1 228
С. А. Огудов. Мультимодальная наррация в киносценариях В. В. Маяковского . .	4
М. М. Павлова. Заложник «старинного спора»: вокруг «Стихотворений» (1887) Н. М. Минского	4
Н. В. Патроева. Отражение теоретических воззрений Феофана Прокоповича в его поэзии	2 107

Е. Н. Пенская. Комедия А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» и традиции усадебного театра	4
А. А. Петров. О возможных истоках антинигилистического дискурса русской литературы	4
А. В. Пигин, С. А. Семячко. Севернорусские жития святых в «Алфавите российских чудотворцев...» старообрядческого книжника Ионы Керженского	1 146
Д. К. Поливанова. Пятисложные безударные интервалы в поэзии Б. Л. Пастернака	2 217
А. М. Ремизов. Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти. Скверный анекдот (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. М. Гравчевой)	3
Ю. А. Ростовцева. Генезис мотива предсмертного борения в «Сказании о Борисе и Глебе»	4
Ф. К. Сологуб. Монгольский парадокс (публикация В. В. Филичевой)	4
Сонг Чжон Су (Республика Корея). Память как «вещество существования» в творчестве А. П. Платонова	2 184
М. Л. Спивак. «Свора имен»: от юбилея Н. В. Бугаева (1900) к чествованию Коробкина в романе Андрея Белого «Москва» (1926)	4
Сун Иньянан (КНР). Динамика духовно-нравственной деградации героев романа У Цзинь-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» и поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»	2 136
И. З. Сурат. «Если б меня наши враги взяли...» О. Э. Мандельштама: стихи о разуме и безумии	2 200
А. А. Терещук. Карлистская тема в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего»	1 159
Т. В. Федосеева, Н. И. Тангаева. «Книжки для народа» в России 1840-х годов: М. Н. Макаров	4
М. А. Федотова. К вопросу о Четырех Минеях Дмитрия Ростовского: об итогах и перспективах изучения	2 98
С. А. Фомичев, А. К. Михайлова. Метаморфозы литературного образа (от подпоручика Кизже до каторжника Берды Онже)	2 194
М. А. Фролов. Н. К. Гудзий об И. А. Бунине (по материалам личного архива и переписки ученого). Приложение. Н. К. Гудзий. О «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина в советских изданиях	4
Чжицян Лю (КНР), Хуэй Сюн (КНР). Некоторые особенности поэтических переводов китайской классической поэзии в России: на примере переводов стихотворения Цао Чжи «Вздохи»	1 246
Манфред Шруба (Италия). В. В. Набоков и журнал «Русские записки»	2 211

ЗАМЕТКИ

М. Л. Андреев. Обманутые ожидания в пьесе А. Н. Островского «Не сошлись характерами»	2 235
А. Ю. Балакин. Незамеченный античный след в «Сне Обломова» (Гончаров и Вергилий)	2 238
К. С. Корконосенко. Переводы К. И. Тимковского в оценке русской критики	1 255
О. А. Лекманов. «Записки покойника» М. А. Булгакова: к генезису заглавия	4
А. Н. Першина. Я. П. Бутков и «Литературная газета»: несостоявшееся сотрудничество	4

А. Ю. Соловьев. Неучтенная редакция раннего перевода А. Д. Кантемира	4
А. С. Юропина. О двух прототипах героев рассказа А. М. Ремизова «Гороскоп»	1 257

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Г. Бобров. Новейшие исследования «Хожения за три моря» Афанасия Никитина	2 241
А. С. Бодрова. Литература и сценарии власти Александровской и Николаевской эпох (Киселева Л. Н. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 с.)	3
Д. М. Буланин. Освоение русской письменностью наследия Максима Грека: старшие опыты (Крутецкий В. Ю. Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.)	3
П. Е. Бухаркин. Гармония свободных смыслов (Маркович В. М. О Пушкине. Работы разных лет. СПб.: Росток, 2023. 351 с.)	2 254
А. М. Грачева. Максим Горький: портрет неизвестного на фоне Германии (А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / Отв. ред. О. А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 298 с.)	4
Е. Е. Дмитриева. Диалог Н. В. Гоголя с современниками, или Как совместить идеал гуманизма и аскетизма (Анненкова Е. И. О Гоголе и историко-литературном контексте. СПб.: Росток, 2023. 536 с.)	4
С. А. Дубровская, О. Е. Осовский. Русская литература в терминах исторической нарратологии (Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.)	1 265
Т. Г. Иванова. Книга о каликах перехожих (Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 491 с.)	3
Т. В. Мисникевич. «Недостоверные» мемуары как воскрешение духа времени (Буранашев В. П. Воспоминания петербургского старожила: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 504 с.)	1 262
Т. В. Мисникевич. Новые материалы к истории литературно-художественных объединений Серебряного века (Соболев А. Л. Общество свободной эстетики (1906–1917) / Отв. ред. М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 488 с., ил. (сер. «Библиотека „Литературного наследства“; вып. 11))	3
О. Е. Осовский. М. М. Бахтин, модернизм и современность: новая книга о русском мыслителе (Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Understanding Philosophy, Understanding Modernism)).	4
Е. В. Сартаков. «Малая» драматургия Н. В. Гоголя в новом академическом издании (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2023. Т. 5. 1126 с.)	1 260
И. Н. Сухих. Чеховиана А. П. Чудакова (Чудаков А. П. А. П. Чехов в прижизненной критике 1882–1904. Библиографическая монография-указатель. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2022. Т. 1. 520 с.; 2023. Т. 2. 500 с. (Бахрушинская сер.))	2 257
Л. В. Хачатурян. Динамика романа: «Тихий Дон» в творческом наследии Шолохова (Творческое наследие М. А. Шолохова в начале XXI века / Под ред. Ю. А. Дворяшина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 544 с.)	3

ХРОНИКА

Э. К. Александрова. Пятая международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX – начале XX в.»	3
Н. Ю. Алексеева. Научный семинар Отдела по изучению русской литературы XVIII века в 2022 году	1 267
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Литературные репутации в процессе межкультурного взаимодействия»	3
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Переходные явления литературы: эпохи, авторы, жанры, темы»	4
А. Б. Белова. Научная конференция «Письменная и иконографическая традиция Древней Руси»	1 271
П. В. Бояркина. Четвертые Международные Набоковские чтения	2 275
С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан. Всероссийская научная конференция «Век как сюжет»	1 275
А. Ю. Веселова, А. Ю. Соловьев. Пятое молодежные чтения по русской литературе XVIII века	3
Е. И. Вожик, С. Д. Попов. Первая Международная молодежная конференция «Домашние чтения: Траектории (не)классического знания о русской литературе»	3
С. В. Денисенко. Десятая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все тревоги мира: беспокойство в литературе и искусстве»	2 260
А. О. Дёмин. Научное заседание «Преемственность и новаторство в изучении русской литературы XVIII века»	4
А. О. Дёмин. Чтения Отдела по изучению русской литературы XVIII века в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой	2 279
О. Л. Довгий. Международная научная конференция «Вторые Богомоловские чтения»	3
Д. А. Журкова. Научная конференция «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	4
Д. А. Журкова. Пятый Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	2 272
Д. В. Зайцев. Международная научная конференция «Emigrantica. Коростелевские чтения — 2023»	4
Е. И. Колесникова. Международная научная конференция «Аспекты трансформации художественного текста»	2 268
Е. Д. Конусова. XLVII Малышевские чтения	2 263
О. А. Кузнецова. Научная конференция «А. Н. Островский – тексты и культурные контексты: к 200-летию со дня рождения драматурга»	3
О. А. Линдеберг. Научная конференция «Памяти доктора искусствоведения Юрия Константиновича Герасимова (1923–2003). К 100-летию со дня рождения»	3
М. Ю. Любимова, Е. А. Михайлова. VI Научная конференция «История отечественной культуры в архивных документах»	1 279
Е. Р. Обатнина. XXVII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	4
Н. А. Прозорова. Шестой Научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»	1 273
С. А. Семячко. Двенадцатый агиографический семинар	4
Памяти Валерии Игоревны Ереминой	1 286

SUMMARIES

Анатолий Алексеевич Алексеев

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Anatoly Alekseevich Alexeev

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-0243-8703

alexeev.anatoly@gmail.com

БИБЛИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

THE BIBLE AS A PART OF THE LITERATURE OF OLD RUS'

Библия рассматривается как составляющая древнерусской литературной традиции. Особое внимание уделяется функциональным вариантам использования Библии в Древней Руси, текстам библейской периферии, толкованию библейских текстов, своеобразию библейской поэтики. Проанализированы первые славянские издания библейских книг и основные тенденции библейского гуманизма. Наблюдения введены в контекст южнославянской и западноевропейской традиций.

Ключевые слова: Библия, древнерусская литература, экзегеза, историография, поэтика, книгопечатание.

In the article, the Bible is treated as a component of the Old Russian literary tradition. Particular attention is focused on the functional uses of the Bible in Old Rus', the texts of the biblical periphery, interpretation of biblical texts, and the peculiarity of the biblical poetics. The first Slavic editions of biblical books are analyzed alongside with the main trends of biblical humanism. The observations are introduced into the context of South Slavic and Western European traditions.

Key words: Bible, Old Russian literature, exegesis, historiography, poetics, printing.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке (украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана») // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.
2. Алексеев А. А. «Сказание о Ноевом ковчеге» в древнерусской литературе // Источниково-ведение культурных традиций Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика. Сб. науч. статей / Отв. ред. К. А. Битнер, Н. С. Смелова. СПб., 2016.
3. Алексеев А. А. О времени произнесения Слова митрополита Илариона // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51.
4. Алексеев А. А. Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58.
5. Алексеев А. А. Библейский гуманизм в восточной Европе // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021.
6. Алексеев А. А. Библейский канон и библейский кодекс // Старобългаристика = Palaeobulgarica. 2022. Vol. 46 / 4 (Специално издание: А на жената бяха дадени крила. Сборник в чест на професор С. Николова / Сост. С. Берлиева, В. Желязкова, Н. Ганчева).
7. Алексеев А. А. Библейский канон на Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61.
8. Алексеев А. А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб., 2008.
9. Алексеев А. А. Великие четы минеи. Проблемы и задачи нового издания // Русский язык в научном освещении. 2010. Т. 1 (19).
10. Алексеев А. А. Греч. βαπτισμός и его славяно-русское соответствие крещение // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. СПб., 2020.

11. Алексеев А. А. Еврейские источники в литературной традиции древней Руси // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018.
12. Алексеев А. А. Еще раз о книге Есфирь // Русский язык в научном освещении. 2003. Т. 1 (5).
13. Алексеев А. А. Заметка к Житию Мефодия, 15 // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2023.
14. Алексеев А. А. Интерполяции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59.
15. Алексеев А. А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49.
16. Алексеев А. А. Логика Псевдо-Маймонаида в славянском переводе XV века // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33).
17. Алексеев А. А. Остромирово евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов: Сб. науч. статей. СПб., 2010.
18. Алексеев А. А. Палея в системе хронографического жанра // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57.
19. Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2003.
20. Алексеев А. А. Славянский Иосиф // Христианский восток. СПб., 2017. Т. 8 (XIV).
21. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
22. Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 года // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978.
23. Анисимова Т. В. Неизвестное обращение к «жидовину» в окончании Толковой Палеи середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2020. Вып. 1.
24. Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследования и тексты. М., 2012.
25. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–1999. Т. 1–4.
26. Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: В 2 т. / Подг. изд. и исследование А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко. СПб., 2020.
27. Вернер И. В. Интерлингвистическая славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека. М., 2019.
28. Вершинин К. В. Неизвестный древнерусский толковый перевод (катехизис на Псалтырь) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2018. Т. 16.
29. Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). СПб., 2008.
30. Водолазкин Е. Г. Краткая хронографическая Палея // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006–2014. Т. 57, 58, 61, 63.
31. Водолазкин Е. Г., Руди Т. Р. Краткая хронографическая Палея // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017–2020. Т. 64, 65, 67.
32. Водолазкин Е. Г., Руди Т. Р. Из истории древнерусской экзегезы: «Пророчество Соломона» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54.
33. Гардзанич М. Полемика вокруг «еврейской истины» (*hebraica veritas*) в России в начале XVI века // *Fons sapientiae verbum Dei*. СПб., 2022.
34. Грицевская И. М. Индексы истинных книг. СПб., 2003.
35. Грищенко А. И. Славяно-русские пятинки XV–XVI вв. с правками и глоссами по Масоретскому тексту и другим семитским источникам: новые лингвотекстологические данные // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018.
36. Дробленкова Н. Ф. Великие минеи четыни // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.
37. Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, А. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Романовская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998.
38. Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, А. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, Т. В. Ткачева. СПб., 2005.
39. Жуковская Л. П. Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
40. Заимов Й., Капалдо М. Супрасльский или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
41. Истрин В. М. Хроника Иоанна Малала в славянском переводе / Изд. подг. М. И. Чернышева. М., 1994.
42. Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2.

43. Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книго-писца Ефросина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. 35.
44. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.
45. Князевская О. А. и др. Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
46. Колесов В. В. Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4.
47. Кузев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.
48. Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1985.
49. Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999–2001. Т. 1–2.
50. Люсен И. Книга Есфирь. К истории первого славянского перевода. Uppsala, 2001.
51. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.
52. Мещерский Н. А. История христианской лингвистической письменности. СПб., 2013.
53. Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Учен. зап. Карело-Финского пед. института. Петрозаводск, 1956. Т. 2. Вып. 1.
54. Навстанович Л. М. Слово блаженного Зоровавеля // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3.
55. Ольмстед Х. К изучению библеистики Максима Грека: Перевод Четвертой книги Макавеев на церковнославянский язык // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994.
56. Пичхадзе А. А. Из истории четьюного текста славянского Восьмикнижия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49.
57. Пичхадзе А. А. Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 года // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003.
58. Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.
59. Подсальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. 2-е изд. СПб., 1996.
60. Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII века. СПб., 1992.
61. Ромодановская В. А. Геннадиевская библия: задачи и принципы издания // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 59.
62. Ромодановская В. А. Пророческие книги Ветхого Завета в составе Великих миней четы-их митрополита Макария: Заметки и наблюдения // *Fons sapientiae verbum Dei*. Сборник научных статей в честь 80-летия проф. А. А. Алексеева. СПб., 2022.
63. Ромодановская В. А. Рассказ о блаженном Иерониме в русской рукописной Библии XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57.
64. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.
65. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
66. Семячко С. А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 60.
67. Сизиков А. В. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова в церковнославянских и рус-ских переводах // *Rocznik teologiczny*. 2021. Vol. LXIII/3.
68. Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библейско-го сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017.
69. Сон Джонг Со. Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (прологическая статья и слово Кирилла Туровского) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54.
70. Тверогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
71. Тверогов О. В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в.
72. Тверогов О. В., Давыдова С. А. Летописец еллинский и римский. СПб., 1999–2001. Т. 1–2.
73. Турилов А. А. Иван Черный // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 20.
74. Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
75. Франклайн С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
76. Шибаев М. А. «Ветшаные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Ки-рилло-Белозерского монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62.
77. Adamska A. «Audire, intelligere, memorie commendare»: Attitudes of the Rulers of Medieval Central Europe towards Written Texts // Along the oral-written continuum: Types of texts, relations and their implications / Ed. by S. Rankovic with L. Melve and E. Mundal. Brepols, 2010.
78. Altbauer M. The Five Biblical Scrolls in a 16th Century Jewish Translation into Belorussian. Jerusalem, 1992.
79. Amadio M. The Anglo-Saxon literature handbook. Blackwell Publishing, 2014.

80. *Déroche V.* Forms and Functions of Anti-Jewish Polemics: Polymorphy, Polysemy // Jews in Byzantium. Dialectics of Minority and Majority Cultures / Ed. by R. Bonfil, O. Irshai, G. G. Stroumsa and R. Talgam. Leiden; Boston, 2012.
81. Die Kurze Chronographische Paleja = Краткая Хронографическая Палея. Bd. 1. Kritische Edition mit deutscher Übersetzung = Критический текст с немецким переводом / S. Fahl, D. Fahl; Bd. 2. Die Kurze Chronographische Paleja. Einführung, Kommentar, Indices = Введение, комментарий, индексы / D. Fahl, S. Fahl, C. Bötttrich, unter Mitarbeit von M. Šibaev und I. Christov. Gütersloher Verlagshaus, 2019.
82. *Elukin J. M.* Living together, living apart: rethinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton, 2007.
83. *Flusser D.* Palaea Historica: An Unknown Source of Biblical Legends // Scripta Hierosolymitana. 1971. Vol. 22.
84. Form and function in the late medieval Bible / Ed. by E. Poleg and L. Light. Leiden; Boston, 2013.
85. *Garzaniti M.* Die slavische Version der Evangelien. Boelau Verlag, 2001.
86. *Grabois A.* The *hebraica veritas* and Jewish-Christian intellectual relations in the 12th century // Speculum. 1975. Vol. 50.
87. *Grishchenko A.* The Slavic Adventures of Greek Kohath: On the Origin of the Title of the Old Russian Book of Kaaf // Slověne. 2012. № 2.
88. *Grotans A. A.* Reading in Medieval St. Gall. Cambridge, 2006.
89. *Harris R. A.* Discerning Parallelism: A Study in Northern French Medieval Jewish Biblical Exegesis. Providence, 2004.
90. *Kaldellis A.* The Great Medieval Mythogenesis: Why Historians Should Look Again at Medieval Heroic Tales // Antike Mythen. Medien, Transformationen und Konstruktionen / Hrsg. von Ü. Dill und Ch. Walde. Berlin; New York, 2009.
91. *Kiglour F. G.* The Evolution of the Book. Oxford, 1998.
92. *Klepper D. C.* The Insight of Unbelievers. Nicholas of Lyra and Christian Reading of Jewish Text in the Later Middle Ages. Philadelphia, 2007.
93. *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
94. *Lobrichon G.* Les paraphrases bibliques comme instruments théologiques dans l'espace roman des XIIe et XIIIe siècle // La Scrittura infinita. Bibbia e poesia in età medievale e umanistica. Atti del Convegno di Firenze, 26–28 giugno 1997 / Ed. F. Stella. Florence, 2001.
95. *Lunt H. G., Taube M.* The Slavonic Book of Esther. Harvard, 1998.
96. *Mareš F. W.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979.
97. *Marsden R.* Introduction // The new Cambridge history of the Bible. Cambridge, 2012. Vol. 2 / Ed. R. Marsden and E. Ann Matter.
98. *Mathiesen R.* Handlist of manuscripts containing Church-Slavonic translations from the Old Testament // Полата кънигописъна = Polata Knigopisnaja. 1983. № 7.
99. *Mathiesen R.* The typology of Cyrillic manuscripts: East Slavic versus South Slavic Old Testament manuscripts // American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Ohio, 1983. Vol. 1. Linguistics.
100. *Miller J.* The Prophetologion: The Old Testament of Byzantine Christianity? // The Old Testament in Byzantium / Ed. P. Magdalino and R. Nelson. Washington, 2010.
101. *Mueller J. R., Robinson S. E.* Apocryphon of Ezekiel // The Old Testament Pseudepigrapha. New York, 1983. Vol. 1. Apocalyptic Literature and Testaments / Ed. by J. H. Charlesworth.
102. *Pečírková Ja.* Czech Translations of the Bible // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998.
103. *Pereswetoff-Morath A.* A shadow of the good spell: On Jews and Judaism in the world and work of Kirill of Turov // Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer / Ed. by I. Lunde. Bergen, 2000.
104. *Plant M.* The English Book Trade. An Economic History of the Making and Sale of Books. London, 1974.
105. Rewritten Bible after Fifty Years: Texts, Terms, or Techniques? A Last Dialogue with Geza Vermes / Ed. by J. Zsengellér. Leiden; Boston, 2015.
106. *Showronek M.* Palaea Historica. The Second Slavic Translation. Commentary and Text. Łódź, 2016.
107. *Smalley B.* The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford, 1952.
108. *Snodgrass K.* The Parable of the Wicked Tenants: An Inquiry into Parable Interpretation. Tübingen, 1983.
109. *Taube M., Olmsted H.* Povest o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grec Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11.
110. *Thomson F. J.* «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Russland, 988–1988. Köln; Weimar; Wien, 1993.

111. *Thomson F. J.* The Slavonic Tradition of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998.
112. *Thomson Fr. J.* Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // *Slavica Gandensia*. 1983. Vol. 10.
113. *Thomson Fr. J.* The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture // *Slavica Gandensia*. 1978. Vol. 5.
114. *Tomelleri V.* Il salterio commentato di Brunune di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione. München, 2012.
115. *Van Liere F.* An Introduction to the Medieval Bible. Cambridge, 2014.
116. *Veder W.* Elementary Compilation in Slavic // *Cyrillomethodianum*. 1981. Vol. 5.
117. *Verkholantsev J.* St. Jerome as a Slavic Apostle in Luxemburg Bohemia // *Viator*. 2013. [Vol.] 44.
118. *Vermes G.* Scripture and Tradition in Judaism: Haggadic Studies. 2nd ed. Leiden, 1973.
119. *Wątróbska H.* The Izbornik of the 13th Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18) // Полата кънигописънна = Polata Knigopisnaja. 1987. № 19–20.

References

1. *Adamska A.* «Audire, intelligere, memorie commendare»: Attitudes of the Rulers of Medieval Central Europe towards Written Texts // Along the oral-written continuum: Types of texts, relations and their implications / Ed. by S. Rankovic with L. Melve and E. Mundal. Brepols, 2010.
2. *Adrianova-Peretts V. P.* Iz istorii russko-ukrainskikh literaturnykh sviazei v XVII veke (ukrainskie perevody «Khozhdeniia» igumena Daniila i «Skazaniia Afroditiana») // Issledovaniia i materialy po drevnerusskoi literature. M., 1961.
3. *Afanas'eva T. I.* Drevneslavianskie tolkovaniia na liturgii v rukopisnoi traditsii XIII–XVI vv. Issledovaniia i teksty. M., 2012.
4. *Alekseev A. A.* «Skazanie o Noevom kovchege» v drevnerusskoi literature // Istochnikovedenie kul'turnykh traditsii Vostoka: gebraistika — ellinistika — sirologiia — slavistika. Sb. nauch. statei / Otv. red. K. A. Bitner, N. S. Smelova. SPb., 2016.
5. *Alekseev A. A.* Apokrify Tolkovoi Palei, perevedennye s evreiskikh originalov // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 2007. T. 58.
6. *Alekseev A. A.* Bibleiskii gumanizm v vostochnoi Evrope // Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiiu V. E. Bagno. SPb., 2021.
7. *Alekseev A. A.* Bibleiskii kanon i bibleiskii kodeks // Starob"lgaristika = Palaeobulgarica. 2022. Vol. 46 / 4 (Spetsialno izdanie: A na zhenata biakha dadeni krila. Sbornik v chest na profesor S. Nikolova / Sost. S. Berlieva, V. Zheliazkova, N. Gancheva).
8. *Alekseev A. A.* Bibleiskii kanon na Rusi // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 2010. T. 61.
9. *Alekseev A. A.* Bibliia v bogosluzhenii. Vizantiisko-slavianskii lektcionarii. SPb., 2008.
10. *Alekseev A. A.* Eshche raz o knige Esfir' // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2003. T. 1 (5).
11. *Alekseev A. A.* Evreiskie istochniki v literaturnoi traditsii drevnei Rusi // Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Iстория slavistiki. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii. M., 2018.
12. *Alekseev A. A.* Grech. βαπτισμός i ego slaviano-russkoe sootvetstvie kreshchenie // Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskai filologiiia — XXIV (chteniia pamiati I. M. Tronskogo): Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 22–24 iiunia 2020 g. SPb., 2020.
13. *Alekseev A. A.* Interpolatsii slavianskoi versii «Iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviia // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 2008. T. 59.
14. *Alekseev A. A.* Koe-ctho o perevodakh v Drevnei Rusi (po povodu stat'i Fr. Dzh. Tomsona «Made in Russia») // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 1996. T. 49.
15. *Alekseev A. A.* Logika Psevdo-Maimonida v slavianskom perevode XV veka // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2017. № 1 (33).
16. *Alekseev A. A.* O vremeni proiznesenii Slova mitropolita Ilariona // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 1999. T. 51.
17. *Alekseev A. A.* Ostromirovo evangelie i vizantiisko-slavianskai traditsii Sviashchennogo Pisaniia // Ostromirovo Evangelie i sovremennoe issledovaniia rukopisnoi traditsii novozavetnykh tekstov: Sb. nauch. statei. SPb., 2010.
18. *Alekseev A. A.* Paleia v sisteme khronograficheskogo zhanra // Trudy Otdela drevnerusskoi literature. SPb., 2006. T. 57.
19. *Alekseev A. A.* Pesn' pesnei v drevnei slaviano-russkoi pis'mennosti. SPb., 2003.
20. *Alekseev A. A.* Slavianskii Iosif // Khristianskii vostok. SPb., 2017. T. 8 (XIV).

21. *Alekseev A. A.* Tekstologiiia slavianskoi Biblii. SPb., 1999.
22. *Alekseev A. A.* Velikie chet'i minei. Problemy i zadachi novogo izdaniia // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2010. T. 1 (19).
23. *Alekseev A. A.* Zametka k Zhitiiu Mefodiia, 15 // Slovo i chelovek: k 100-letiiu so dnia rozhdeniya akademika N. I. Tolstogo / Otv. red. S. M. Tolstaia. M., 2023.
24. *Alekseev A. A., Likhacheva O. P.* Suprasl'skii sbornik 1507 goda // Materialy i soobshcheniiia po fondam Otdela rukopisnoi i redkoi knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR. L., 1978.
25. *Altbauer M.* The Five Biblical Scrolls in a 16th Century Jewish Translation into Belorussian. Jerusalem, 1992.
26. *Amiodio M.* The Anglo-Saxon literature handbook. Blackwell Publishing, 2014.
27. *Anisimova T. V.* Neizvestnoe obrashchenie k «zhidovinu» v okonchanii Tolkovo Palei serediny XVI v. // Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki. M., 2020. Vyp. 1.
28. *Bibliia Matfeia Desiatogo 1507 goda.* Iz sobraniia Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk: V 2 t. / Podg. izd. i issledovaniia A. A. Alekseev (otv. red.), A. E. Zhukov, F. V. Panchenko. SPb., 2020.
29. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi.* SPb., 1997–1999. T. 1–4.
30. *Deroche V.* Forms and Functions of Anti-Jewish Polemics: Polymorphy, Polysemy // Jews in Byzantium. Dialectics of Minority and Majority Cultures / Ed. by R. Bonfil, O. Irshai, G. G. Stroumsa and R. Talgam. Leiden; Boston, 2012.
31. Die Kurze Chronographische Paleja = Kratkaia Khronograficheskia Paleia. Bd. 1. Kritische Edition mit deutscher Übersetzung = Kriticheskii tekst s nemetskим perevodom / S. Fahl, D. Fahl; Bd. 2. Die Kurze Chronographische Paleja. Einführung, Kommentar, Indices = Vvedenie, kommentarii, indeksy / D. Fahl, S. Fahl, C. Bötttrich, unter Mitarbeit von M. Šibaev und I. Christov. Gütersloher Verlagshaus, 2019.
32. *Droblenkova N. F.* Velikie minei chet'i // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1988. Vyp. 2. Ch. 1.
33. *Elukin J. M.* Living together, living apart: rethinking Jewish-Christian relations in the Middle Ages. Princeton, 2007.
34. *Evangelie ot Ioanna v slavianskoi traditsii / Izd. podg. A. A. Alekseev, A. A. Pichkhadze, A. B. Babitskaia, I. V. Azarova, E. L. Alekseeva, E. I. Vaneeva, A. M. Pentkovskii, V. A. Romodanovskia, T. V. Tkacheva.* SPb., 1998.
35. *Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii / Izd. podg. A. A. Alekseev, A. A. Pichkhadze, A. B. Babitskaia, I. V. Azarova, E. L. Alekseeva, E. I. Vaneeva, A. M. Pentkovskii, T. V. Tkacheva.* SPb., 2005.
36. *Flusser D.* Palaea Historica: An Unknown Source of Biblical Legends // Scripta Hierosolymitana. 1971. Vol. 22.
37. Form and function in the late medieval Bible / Ed. by E. Poleg and L. Light. Leiden; Boston, 2013.
38. *Franklin S.* Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.). SPb., 2010.
39. *Gardzaniti M.* Polemika vokrug «evreiskoi istiny» (hebraica veritas) v Rossii v nachale XVI veka // Fons sapientiae verbum Dei. SPb., 2022.
40. *Garzaniti M.* Die slavische Version der Evangelien. Boelau Verlag, 2001.
41. *Grabois A.* The *hebraica veritas* and Jewish-Christian intellectual relations in the 12th century // Speculum. 1975. Vol. 50.
42. *Grishchenko A. I.* Slaviano-russkie piatiknizhiiia XV–XVI vv. s pravkami i glossami po Masoretiskomu tekstu i drugim semitskим istochnikam: novye lingvostilogicheskie dannye // Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istorija slavistiki. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii. M., 2018.
43. *Grishchenko A.* The Slavic Adventures of Greek Kohath: On the Origin of the Title of the Old Russian Book of Kaaf // Slověne. 2012. № 2.
44. *Gritsevskia I. M.* Indeksy istinnykh knig. SPb., 2003.
45. *Grotans A. A.* Reading in Medieval St. Gall. Cambridge, 2006.
46. *Harris R. A.* Discerning Parallelism: A Study in Northern French Medieval Jewish Biblical Exegesis. Providence, 2004.
47. *Istrin V. M.* Khronika Ioanna Malaly v slavianskom perevode / Izd. podg. M. I. Chernysheva. M., 1994.
48. *Kagan M. D., Lur'e Ia. S.* Efrosin // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1988. Vyp. 2.
49. *Kagan M. D., Ponyrko N. V., Rozhdestvenskia M. V.* Opisanie sbornikov XV v. knigopistsa Efrosina // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1980. T. 35.
50. *Kaldellis A.* The Great Medieval Mythogenesis: Why Historians Should Look Again at Medieval Heroic Tales // Antike Mythen. Medien, Transformationen und Konstruktionen / Hrsg. von Ü. Dill und Ch. Walde. Berlin; New York, 2009.

51. *Kazakova N. A., Lur'e Ia. S. Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniia na Rusi XIV — nachala XVI veka. M., L., 1955.*
52. *Kiglour F. G. The Evolution of the Book. Oxford, 1998.*
53. *Klepper D. C. The Insight of Unbelievers. Nicholas of Lyra and Christian Reading of Jewish Text in the Later Middle Ages. Philadelphia, 2007.*
54. *Kniazevskaiia O. A. i dr. Uspenskii sbornik XII—XIII vv. M., 1971.*
55. *Kolesov V. V. Kirill Turovskii. Pritchka o chelovecheskoi dushe // Biblioteka literatury drevnei Rusi. SPb., 1997. T. 4.*
56. *Kuev K. Ivan Aleksandrovskii sbornik ot 1348 g. Sofia, 1981.*
57. *Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.*
58. *Lebedeva I. N. Povest' o Varlaame i Ioasafe. Pamiatnik drevnerusskoi perevodnoi literatury XI—XII vv. L., 1985.*
59. *Letopisets Ellinskii i Rimskii. SPb., 1999—2001. T. 1—2.*
60. *Liisen I. Kniga Esfir'. K istorii pervogo slavianskogo perevoda. Uppsala, 2001.*
61. *Lobrichon G. Les paraphrases bibliques comme instruments théologiques dans l'espace roman des XIIe et XIIIe siècle // La Scrittura infinita. Bibbia e poesia in età medievale e umanistica. Atti del Convegno di Firenze, 26—28 giugno 1997 / Ed. F. Stella. Florence, 2001.*
62. *Lunt H. G., Taube M. The Slavonic Book of Esther. Harvard, 1998.*
63. *Mareš F. W. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979.*
64. *Marsden R. Introduction // The new Cambridge history of the Bible. Cambridge, 2012. Vol. 2 / Ed. R. Marsden and E. Ann Matter.*
65. *Mathiesen R. Handlist of manuscripts containing Church-Slavonic translations from the Old Testament // Polata k"nigopis'naia = Polata Knigopisnaja. 1983. № 7.*
66. *Mathiesen R. The typology of Cyrillic manuscripts: East Slavic versus South Slavic Old Testament manuscripts // American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Ohio, 1983. Vol. 1. Linguistics.*
67. *Medyntseva A. A. Gramotnost' v Drevnei Rusi. Po pamiatnikam epigrafiki X — pervoi poloviny XIII veka. M., 2000.*
68. *Meshcherskii N. A. Istoriiia khristianskoi liturgicheskoi pis'mennosti. SPb., 2013.*
69. *Meshcherskii N. A. K voprosu ob izuchenii perevodnoi pis'mennosti Kievskogo perioda // Uchen. zap. Karelo-Finskogo ped. instituta. Petrozavodsk, 1956. T. 2. Vyp. 1.*
70. *Miller J. The Prophetologion: The Old Testament of Byzantine Christianity? // The Old Testament in Byzantium / Ed. P. Magdalino and R. Nelson. Washington, 2010.*
71. *Mueller J. R., Robinson S. E. Apocryphon of Ezekiel // The Old Testament Pseudepigrapha. New York, 1983. Vol. 1. Apocalyptic Literature and Testaments / Ed. by J. H. Charlesworth.*
72. *Navtanovich L. M. Slovo blazhennogo Zorovavelia // Biblioteka literatury drevnei Rusi. SPb., 1999. T. 3.*
73. *Ol'msted Kh. K izucheniiu bibleistiki Maksima Greka: Perevod Chetvertoi knigi Makkaveev na tserkovnoslavianskii iazyk // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1992 god. M., 1994.*
74. *Pečírková Ja. Czech Translations of the Bible // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998.*
75. *Pereswetoff-Morath A. A shadow of the good spell: On Jews and Judaism in the world and work of Kirill of Turov // Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer / Ed. by I. Lunde. Bergen, 2000.*
76. *Pichkhadze A. A. Iz istorii chet'ego teksta slavianskogo Vos'miknizhii // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 1996. T. 49.*
77. *Pichkhadze A. A. Kniga Iisusa Sirakhova v Izbornike 1076 goda // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2002—2003. M., 2003.*
78. *Pichkhadze A. A. Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi. Lingvisticheskii aspekt. M., 2011.*
79. *Plant M. The English Book Trade. An Economic History of the Making and Sale of Books. London, 1974.*
80. *Podskal'ski G. Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi. 2-e izd. SPb., 1996.*
81. *Ponyrko N. V. Epistoliarnoe nasledie Drevnei Rusi. XI—XIII veka. SPb., 1992.*
82. *Rewritten Bible after Fifty Years: Texts, Terms, or Techniques? A Last Dialogue with Geza Vermes / Ed. by J. Zsengellér. Leiden; Boston, 2015.*
83. *Romodanovskaiia V. A. Gennadievskaiia bibliia: zadachi i printsipy izdaniia // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2009. T. 59.*
84. *Romodanovskaiia V. A. Prorocheskie knigi Vekhogo Zaveta v sostave Velikikh minei chetiih mitropolita Makaria: Zametki i nabliudeniiia // Fons sapientiae verbum Dei. Sbornik nauchnykh statei v chest' 80-letiiia prof. A. A. Alekseeva. SPb., 2022.*

85. *Romodanovskia V. A. Rasskaz o blazhennom Ieronime v russkoi rukopisnoi Biblii XV v.* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2006. T. 57.
86. *Semiachko S. A. Ustav prepodobnogo Kirilla Belozerskogo i ego otrazhenie v pis'mennykh pamiatnikakh* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2009. T. 60.
87. *Shibaev M. A. «Vetshanye» minei i rekonstruktsii sbornikov XV v. iz biblioteki Kirillo-Belozerskogo monastyrja* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2014. T. 62.
88. *Sizikov A. V. Kniga Premudrosti Iisusa syna Sirakhova v tserkovnoslavianskikh i russkikh perevodakh* // Rocznik teologiczny. 2021. Vol. LXIII/3.
89. *Skowronek M. Palaea Historica. The Second Slavic Translation. Commentary and Text.* Łódź, 2016.
90. *Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopechataniia. K 510-letiiu sozdaniia bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo* / Otv. red. A. A. Alekseev. SPb., 2017.
91. *Smalley B. The Study of the Bible in the Middle Ages.* Oxford, 1952.
92. *Snodgrass K. The Parable of the Wicked Tenants: An Inquiry into Parable Interpretation.* Tübingen, 1983.
93. *Son Dzhong So. Eshche raz o sootnoshenii dvukh drevnerusskikh redaktsii Pritchii o sleptse i khromtse (prolozhnaia stat'ia i slovo Kirilla Turovskogo)* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2003. T. 54.
94. *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraianashchikhsia v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek.* M., 2002. Vyp. 1.
95. *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraianashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv.* M., 1984.
96. *Taube M., Olmsted H. Povest o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grec Translation of the Book of Esther* // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11.
97. *Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia* // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland, 988–1988. Köln; Weimar; Wien, 1993.
98. *Thomson F. J. The Slavonic Tradition of the Old Testament* // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998.
99. *Thomson Fr. J. Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia* // Slavica Gandensia. 1983. Vol. 10.
100. *Thomson Fr. J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture* // Slavica Gandensia. 1978. Vol. 5.
101. *Tomelleri V. Il salterio commentato di Brunune di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione.* München, 2012.
102. *Turilov A. A. Ivan Chernyi* // Pravoslavnaya entsiklopediia. M., 2014. T. 20.
103. *Tvorogov O. V. Drevnerusskie khronografy.* L., 1975.
104. *Tvorogov O. V. Paleia Tolkovaia // Slovar' knizhnosti Drevnei Rusi.* L., 1987. Vyp. 1. XI — pervaia polovina XIV v.
105. *Tvorogov O. V., Davydova S. A. Letopisets ellinskii i rimskei.* SPb., 1999–2001. T. 1–2.
106. *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* M., 1971.
107. *Van Lievre F. An Introduction to the Medieval Bible.* Cambridge, 2014.
108. *Veder W. Elementary Compilation in Slavic // Cyrillomethodianum.* 1981. Vol. 5.
109. *Verkholantsev J. St. Jerome as a Slavic Apostle in Luxemburg Bohemia* // Viator. 2013. [Vol.] 44.
110. *Vermes G. Scripture and Tradition in Judaism: Haggadic Studies.* 2nd ed. Leiden, 1973.
111. *Verner I. V. Interlinearnaia slaviano-grecheskaia Psaltry' 1552 g. v perevode Maksima Greka.* M., 2019.
112. *Vershinin K. V. Neizvestnyi drevnerusskii tolkovyi perevod (katena na Psaltry')* // Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. M., 2018. T. 16.
113. *Vodolazkin E. G. Kratkaia khronograficheskia Paleia* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2006–2014. T. 57, 58, 61, 63.
114. *Vodolazkin E. G. Vsemirnaya istoriia v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povedstvovaniia XI–XV vekov).* SPb., 2008.
115. *Vodolazkin E. G., Rudi T. R. Iz istorii drevnerusskoi ekzegezy: «Prorochestvo Solomona»* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2003. T. 54.
116. *Vodolazkin E. G., Rudi T. R. Kratkaia khronograficheskia Paleia* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2017–2020. T. 64, 65, 67.
117. *Wątróbska H. The Izbornik of the 13th Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.I.18)* // Polata k"nigopis'naia = Polata Knigopisnaya. 1987. № 19–20.
118. *Zaimov I., Kapaldo M. Suprasl'ski ili Retkov sbornik.* Sofia, 1982–1983. T. 1–2.
119. *Zhukovskaya L. P. Aprakos Mstislava Velikogo.* M., 1983.

Всеволод Евгеньевич Багно

научный руководитель Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; член-корреспондент РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Vsevolod Evgenyevich Bagno

Academic Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-1408-5511

vsbagno@gmail.com

МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В МИНИАТЮРЕ (ЛЧИНАЯ БИБЛИОТЕКА И ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ А. С. ПУШКИНА)

WORLD CIVILIZATION IN MINIATURE (PERSONAL LIBRARY AND THE CREATIVE ENDEAVORS OF A. S. PUSHKIN)

Личная библиотека А. С. Пушкина самым непосредственным образом отражала его геополитические интересы и формировала творческую индивидуальность поэта. По своему составу книжное собрание является моделью всемирной истории и мировой цивилизации в миниатюре. Оно распадается на микробиблиотеки, куда входят издания, имеющие отношение к странам и народам мира, в каждой из которых есть такие разделы, как география, история, международные отношения, путешествия, литература, философия, искусство, словари, учебники. Речь идет о библиотеке писателя, для которого чтение было первой фазой оригинального творчества.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, личная библиотека, геополитические интересы, творческая лаборатория писателя, микробиблиотека.

A. S. Pushkin's personal library was an immediate reflection of his geopolitical interests, shaping the poet's creative personality. Its content makes the book collection a miniature model of world history and world civilization. It is divided into micro-libraries that include publications related to various countries and nations, further subdivided into such sections as geography, history, international relations, travel, literature, philosophy, art, dictionaries, textbooks. We thus have here the library of a writer for whom reading was the first phase of his own creativity.

Key words: A. S. Pushkin, personal library, geopolitical interests, creative laboratory of the writer, micro-library.

Список литературы

1. А. С. Пушкин: Документы к биографии, 1830–1837. СПб., 2010.
2. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964.
3. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
4. Багно В. Е. Дар двоякого свойства: чужое слово как свое, свое слово как чужое у Пушкина // Русская литература. 2018. № 3.
5. Багно В. Е. Дух или ветер веет, где хочет? // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017.
6. Багно В. Е. Три равно четырем (зачем крутится ветер в притче царя Соломона и в строфе Пушкина?) // Библеистика — славистика — русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011.
7. Берков П. Н. Из истории русской библиофильской литературы // Берков П. Н. Русские книголюбы. М.; Л., 1967.
8. Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8.

9. Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина, 1830–1831: Указатель содержания. М., 1966.
10. Бочаров С. Г. Возможные сюжеты Пушкина // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000.
11. Вацуро В. «Книг, ради Бога, книг!» (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...» Книги в жизни и творчестве писателей. М., 1986.
12. Громова А. В. Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 12.
13. Егерева Т. А. Юношеская библиотека князя П. А. Вяземского в период учёбы в иезуитском пансионе (По неизданным материалам Остaf'evskogo arkhiva) // Россия и Запад: диалог культур. Сб. материалов XXIV Международной конференции. М., 2022.
14. Елин Ю. Пушкин-книголюб // Наш венок Пушкину: Альманах / Хайфский библиофилик. Хайфа, 2001. Вып. 1 / Сост. Б. Зильберштейн.
15. Земсков В. Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 3.
16. Ильина О. Н. «...Начитанность его была изумительна»: книга и чтение в жизни Ф. И. Тютчева // Библиотечное дело. 2003. № 12.
17. Лобанова Э. Ф. Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога / Предисловие Л. В. Сергеевой. М., 1997.
18. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
19. Митник М. Судьба личной библиотеки А. С. Пушкина // Митник М. Пушкин без легенд. Нью-Йорк, 1994.
20. Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Т. 16/18.
21. Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь Песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974.
22. Орнатская Т. И. Библиотека Пушкина // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря / Руководитель проекта И. С. Чистова. СПб., 2003. [Т. 1]. А–К.
23. Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995.
24. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1949. Т. 2. Кн. 1; 3. Кн. 1; 9. Кн. 1; 11, 12, 13, 14.
25. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1988. Т. 1.
26. Пушкинская энциклопедия: произведения. СПб., 2020. Вып. 4.
27. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990.
28. Фомичев С. А. «Камчатка — страна печальная...» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007.

References

1. A. S. Pushkin: Dokumenty k biografii, 1830–1837. SPb., 2010.
2. Alekseev M. P. Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii XVI–XIX vv. L., 1964.
3. Alekseev M. P. Pushkin i Kitai // Alekseev M. P. Pushkin i mirovaya literatura. L., 1987.
4. Bagno V. E. Dar dvoiakogo svoistva: chuzhoe slovo kak svoe, svoe slovo kak chuzhoe u Pushkina // Russkaja literatura. 2018. № 3.
5. Bagno V. E. Dukh ili veter veet, gde khochet? // Pushkin i drugie (dvadtsat' let sputstia): Sbornik statej k 80-letiiu Sergeja Aleksandrovicha Fomicheva. SPb., 2017.
6. Bagno V. E. Tri ravno chetyrem (zachem krutitsia vetr v pritche tsaria Solomona i v strofe Pushkina?) // Bibleistika — slavistika — rusistika. K 70-letiiu zaveduiushchego kafedroi bibleistiki professora Anatolia Alekseevicha Alekseeva. SPb., 2011.
7. Berkov P. N. Iz istorii russkoi bibliofil'skoi literatury // Berkov P. N. Russkie knigoliuby. M.; L., 1967.
8. Berkov P. N. Lichnye biblioteki trekh russkikh pisatelei (Lomonosova, Pushkina, M. Gor'kogo) // Kniga. Issledovaniia i materialy. M., 1963. T. 8.
9. Blinova E. M. «Literaturnaia gazeta» A. A. Del'viga i A. S. Pushkina, 1830–1831: Ukazatel' soderzhaniiia. M., 1966.
10. Bocharov S. G. Vozmozhnye siuzhety Pushkina // Koran i Bibliia v tvorchestve A. S. Pushkina. Jerusalem, 2000.
11. Egereva T. A. IUnosheskaja biblioteka kniazia P. A. Viazemskogo v period ucheby v iezuitiskom pansiонe (Po neizdannym materialam Ostaf'evskogo arkhiva) // Rossiia i Zapad: dialog kul'tur. Sb. materialov XXIV Mezhdunarodnoi konferentsii. M., 2022.

12. *Elin Iu. Pushkin-knigoliub* // *Nash venok Pushkinu: Al'manakh / Khaifskii bibliofil*. Khai-fa, 2001. Vyp. 1 / Sost. B. Zil'bershtein.
13. *Fedotov G. P. Pevets imperii i svobody* // *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX — pervaia polovina XX v. M.*, 1990.
14. *Fomichev S. A. «Kamchatka — strana pechal'naia...»* // *Fomichev S. A. Pushkinskaia perspektiva*. M., 2007.
15. *Gromova A. V. Katalog biblioteki P. Ia. Chaadaeva* // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2001. T. 71. № 12.
16. *Il'ina O. N. «...Nachitannost' ego byla izumitel'na»: kniga i chtenie v zhizni F. I. Tiutch-eva* // *Bibliotechnoe delo*. 2003. № 12.
17. *Lobanova E. F. Mikhailovskaia biblioteka Pushkina: Popytka rekonstruktsii kataloga* / *Pre-dislovie L. V. Sergeevoi*. M., 1997.
18. *Lotman Iu. M. Aleksandr Sergeevich Pushkin: Biografija pisatelia* // *Lotman Iu. M. Pushkin: Biografija pisatelia. Stat'i i zametki, 1960–1990. «Evgenii Onegin»: Kommentarii*. SPb., 1995.
19. *Mitnik M. Sud'ba lichnoi biblioteki A. S. Pushkina* // *Mitnik M. Pushkin bez legend*. N'iu-Iork, 1994.
20. *Modzalevskii L. B. Biblioteka Pushkina: Novye materialy* // *Lit. nasledstvo*. 1934. T. 16/18.
21. *Mur'ianov M. F. Pushkin i Pesn' Pesnei* // *Vremennik Pushkinskoi komissii*. 1972. L., 1974.
22. *Ornatskaia T. I. Biblioteka Pushkina* // *Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedi-cheskogo slovaria / Rukovoditel' proekta I. S. Chistova*. SPb., 2003. [T. 1]. A–K.
23. *Paskal' B. Mysli*. SPb.: Severo-Zapad, 1995.
24. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]* M.; L., 1937–1949. T. 2. Kn. 1; 3. Kn. 1; 9. Kn. 1; 11, 12, 13, 14.
25. *Pushkin v vospominaniiaakh sovremenников*: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1988. T. 1.
26. *Pushkinskaia entsiklopedia: proizvedeniia*. SPb., 2020. Vyp. 4.
27. *Vatsuro V. «Knig, radi Boga, knig!» (A. S. Pushkin)* // *«Oni pitali moiu muzu...» Knigi v zhizni i tvorchestve pisatelei*. M., 1986.
28. *Zemskov V. B. Khroniki konkisty Ameriki i letopisi vziatiia Sibiri v tipologicheskem sopostavlenii (k postanovke problemy)* // *Russkaia literatura*. 1995. № 3.

Елена Михайловна Филиппова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mihajlovna Filippova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5347-2293

efilippova69@gmail.com

**«МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЛЕЗЫ-ПРОВОДНИКИ»:
РОМАНТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ В ЭПИСТОЛЯРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ
И. А. ГОНЧАРОВА**

**MAGNETIC LOVE AND TEARS-GUIDES:
ROMANTIC CLICHES IN THE EPISTOLARY AND LITERARY LEGACY
OF I. A. GONCHAROV**

Многие исследователи обращали внимание на автобиографизм прозы И. А. Гончарова, прослеживая образные и цитатные параллели в эпистолярии и художественных текстах. Тем не менее в определенных случаях письма и произведения могут находиться в типологической, а не реминисцентной связи, обращаясь к третьим источникам, например, заимствуя готовые романтические формулы светской повести 1830-х годов (повторяющиеся мотивы любви-электричества, страсти-болезни, магнетического/гипнотического взгляда и неравной любви). Задача данной статьи — дать более полное представление о возникновении магнетических аналогий в романтической

беллетристике начала XIX века, а также проанализировать схожие типологические параллели в эпистолярии Гончарова.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, эпистолярий, романтизм, магнетизм, светская повесть, клише.

A number of researchers have repeatedly commented on the autobiographical nature of I. A. Goncharov's prose, tracing figurative and quotation parallels in his epistolary and literary texts. Nevertheless, in certain cases, his letters and works feature typological rather than reminiscent connections, engaging with external sources, e. g. borrowing ready-made romantic formulas of the secular novelas of the 1830s. Samples of such borrowings are the recurring motifs of love-electricity, passion-ailment, magnetic/hypnotic gaze and unequal love. Therefore, this article is an attempt to offer a more comprehensive understanding of the emergence of magnetic analogies in the Romantic fiction of the early 19th century, as well as to analyze similar typological parallels in Goncharov's epistolary legacy.

Key words: I. A. Goncharov, epistolary, Romanticism, magnetism, secular story, cliché.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1.
3. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
4. Гончаров И. А. Письма к И. И. Лиховскому (1857–1860) / Публ. А. И. Груздева // Литературный архив. Л., 1951. Т. 3.
5. Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.
6. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 1, 6, 15.
7. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
8. Греч Н. И. Черная женщина. М., 2020 (сер. «Литературные памятники»).
9. Гродецкая А. Г. Магнетический сеанс в «Обломове» (к проблеме исторического времени в романе) // Art Logos. 2018. № 2 (4).
10. Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016.
11. Гродецкая А. Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания. Воронеж, 2012–2013. Вып. 31.
12. Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1.
14. Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме / Публ. В. М. Боковой // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. [Т. XI].
15. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4.
17. Лошиц Ю. М. Слушание земли. М., 1988.
18. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
19. Месмер Ф. Доклад об открытии животного магнетизма // Психическая энергия. 2014. № 1.
20. Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 15.
21. Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012.
22. Прутков Н. А. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.
23. Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова. М., 1989.
24. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003.
25. Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984.
26. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8.
27. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

References

1. Bakhtin M. M. Epos i roman. SPb., 2000.
2. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Soch.: V 2 t. M., 1981. T. 1.
3. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iaazyka. M., 1956. T. 1.
4. Geiro L. S. «Soobrazno vremeni i obstoiatel'stvam...» (Tvorcheskaia istoriia romana «Obryv») // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.

5. Goncharov I. A. Pis'ma k I. I. L'khovskomu (1857–1860) / Publ. A. I. Gruzdeva // Literaturnyi arkhiv. L., 1951. T. 3.
6. Goncharov I. A. Pis'ma k S. A. Nikitenko / Publ. L. S. Geiro // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god. L., 1978.
7. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 1, 6, 15.
8. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.
9. Grech N. I. Chernaja zhenschchina. M., 2020 (ser. «Literaturnye pamyatniki»).
10. Grodetskaia A. G. Magneticheskii seans v «Oblomove» (k probleme istoricheskogo vremeni v romanе) // Art Logos. 2018. № 2 (4).
11. Grodetskaia A. G. Proza I. A. Goncharova: 1830–1860-e (biografika, kontekst, poetika). Dis. ... doktora filol. nauk. SPb., 2016.
12. Grodetskaia A. G. Reministsentsii «Novoi Eloizy» v final'nykh glavakh «Oblomova» i «Chto delat?» (eshche o «toske» Ol'gi Il'inskoi v «krymskoi» glave romana Goncharova) // Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia. Voronezh, 2012–2013. Vyp. 31.
13. Grombakh S. M. Pushkin i meditsina ego vremeni. M., 1989.
14. Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.
15. Lermontov M. Iu. Sobr. soch.: V 4 t. L., 1981. T. 4.
16. Loshchits Iu. M. Slushanie zemli. M., 1988.
17. Mann Iu. V. Dinamika russkogo romantizma. M., 1995.
18. Mesmer F. Doklad ob otkrytii zhivotnogo magnetizma // Psikhicheskaiia energiia. 2014.
- № 1.
19. Nedzvetskii V. A. Epistoliarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova // Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 15.
20. Otradin M. V. «Na poroge kak by dvoinogo bytia...»: O tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremennikov. SPb., 2012.
21. Prutskov N. A. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L., 1962.
22. Senkovskii O. I. Soch. barona Brambeusa / Sost., vstup. stat'ia i prim. V. A. Kosheleva, A. E. Novikova. M., 1989.
23. Smolitskaia O. V. Kurtuaznaia liubov' // Slovar' slovesnoi kul'tury. M., 2003.
24. Somov O. M. Byli i nebylytsy. M., 1984.
25. Tseitlin A. G. I. A. Goncharov. M., 1950.
26. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1981. T. 8.
27. Zapiska F. N. Glinki o magnetizme / Publ. V. M. Bokovoi // Rossiiskii arkhiv: Istoriiia otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. M., 2001. [T. XI].

Надежда Викторовна Калинина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Viktorovna Kalinina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9084-5191

hope.kalinina@gmail.com

**«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...»
(ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)**

**«AND LIBERATE THE MUZHIKS...» (A COMMENTATOR'S NOTES
ON I. A. GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE*)**

Внутренняя хронология и темпоральный контекст художественной прозы И. А. Гончарова рассмотрены как один из приемов создания композиционной завершенности в романе «Обрыв». Художественное время произведения реконструируется посредством сопоставления временных моделей персонажей в точке пересечения с социально-историческими маркерами повествования. Особое внимание удалено указу «Об обязанных крестьянах» 1842 года.

Ключевые слова: роман «Обрыв», крестьянское законодательство XIX века, образ времени, историзм.

The article considers the internal chronology and temporal context of I. A. Goncharov's prose works as one of the approaches to achieving the compositional unity of his novel *The Precipice*. The fictional time of the novel is reconstructed by comparing the temporal modes of the characters at the crossing points with the socio-historical markers of the narrative. A particular attention is paid to the Decree on Entailed Peasants (1842).

Key words: *The Precipice* novel, 19th century peasantry legislation, temporal images, historicism.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. Письма 1829–1848 годов.
2. Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
3. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7.
4. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
5. Горская Н. И. Смоленское дворянство против правительства: Из истории отмены крепостного права в России // Российская история. 2023. № 1.
6. Долгих А. Н. Законодательство о вольных хлебопашцах и его развитие при Александре I // Отечественная история. 2008. № 5.
7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта: 1860–1867. М., 1992 (сер. «Голоса истории»).
8. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958.
- Т. 2. Реализация и последствия реформы.
9. Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов» (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3.
10. Казакова С. К. Герои романа «Обрыв» на фоне экономической истории России // Вопросы литературы. 2015. № 6.
11. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. Лекция LXXXV // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5.
12. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.
13. Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филологических наук. 1941. № 76. Вып. 11.
14. Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1968.
15. Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – начала XX века. Л., 1983.
16. Сергеева Н. И. Борьба вокруг вопроса о ликвидации крепостного права в связи с Указом от 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Горький, 1965. Вып. 78. Из истории общественного движения и общественной мысли в России в XIX веке.
17. Тимофеев Д. В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. История. 2019. Т. 64. Вып. 4.
18. Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002.

References

1. *Belinskii V. G. Sobr. soch.: V 9 t. M., 1982. T. 9. Pis'ma 1829–1848 godov.*
2. *Dolgikh A. N. Zakonodatel'stvo o vol'nykh khlebopashtsakh i ego razvitiye pri Aleksandre I // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 5.*
3. *Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta: 1860–1867. M., 1992 (ser. «Golosa istorii»).*
4. *Druzhinin N. M. Gosudarstvennye krest'iane i reforma P. D. Kiseleva: V 2 t. M., 1958. T. 2. Realizatsiya i posledstviya reformy.*
5. *Goncharov I. A. Neobyknovenennaya istoriya (Istinnye sobytiia) // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.*
6. *Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2004. T. 7.*
7. *Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.*
8. *Gorskaya N. I. Smolenskoe dvorianstvo protiv pravitel'stva: Iz istorii otmeny krepostnogo prava v Rossii // Rossiiskaya istoriya. 2023. № 1.*

9. *Il'inskaia T. B.* Kategoriiia vremeni v romane «Oblomov» (K istorii voprosa) // Russkaia literatura. 2002. № 3.
10. *Kazakova S. K.* Geroi romana «Obryv» na fone ekonomicheskoi istorii Rossii // Voprosy literatury. 2015. № 6.
11. *Kliuchevskii V. O.* Kurs russkoi istorii. Ch. V. Lektsiiia LXXXV // Kliuchevskii V. O. Soch.: V 9 t. M., 1989. T. 5.
12. *Mironenko S. V.* Stranitsy tainoi istorii samoderzhaviia. Politicheskaiia istoriiia Rossii per-voi poloviny XIX stoletiiia. M., 1990.
13. *Piksanov N. K.* Belinskii v bor'be za Goncharova // Uchen. zap. Leningradskogo un-ta. Ser. filologicheskikh nauk. 1941. № 76. Vyp. 11.
14. *Piksanov N. K.* Roman Goncharova «Obryv» v svete sotsial'noi istorii. L., 1968.
15. *Sergeeva N. I.* Analiz kolichestvennykh pokazatelei deistviia Ukaza o svobodnykh khle-bopashtsakh // Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka. L., 1983.
16. *Sergeeva N. I.* Bor'ba vokrug voprosa o likvidatsii krepostnogo prava v sviazi s Ukazom ot 2 aprelia 1842 goda ob obiazannyykh krest'ianakh // Uchen. zap. Gor'kovskogo gos. un-ta. Gor'kii, 1965. Vyp. 78. Iz istorii obshchestvennogo dvizheniia i obshchestvennoi myсли v Rossii v XIX veke.
17. *Timofeev D. V.* Praktika osvobozhdeniia krest'ian v vol'nye khlebopashtsy v tsarstvovanie Aleksandra I // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. Istoriiia. 2019. T. 64. Vyp. 4.
18. *Tiutcheva A. F.* Vospominaniia. M., 2002.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolg@gmail.com

**КОНТЕКСТЫ ПИСЬМА-ИСПОВЕДИ
(«POUR ET CONTRE» И. А. ГОНЧАРОВА)**

**CONTEXTS OF A CONFESSIONAL LETTER
(POUR ET CONTRE BY I. A. GONCHAROV)**

Отправленная И. А. Гончаровым Е. В. Толстой «глава романа» под заглавием «Pour et contre» традиционно рассматривается в эдиционной и исследовательской практике как одно из писем. Однако, несмотря на своюственную ему автобиографичность, текст следует принципам художественной условности, что отражается в его жанровых, композиционных и стилистических особенностях.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, Е. В. Толстая, «Pour et contre», корреспонденция.

The «chapter from the novel» sent by I. A. Goncharov to E. V. Tolstaya under the title *Pour et contre* is traditionally considered in publishing and research as one of his letters. However, despite its inherent autobiographical features, the text follows the principles of artistic convention, which is reflected in its genre, compositional and stylistic features.

Key words: I. A. Goncharov, E. V. Tolstaya, *Pour et Contre*, correspondence.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 6.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9.
4. Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6, 7, 9.

5. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7.
6. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7.
7. Гродецкая А. Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: жива перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savadiensis; Т. XIII).
8. Демиховская О. А. «Последогончаровская» судьба Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
9. Демиховская О. А. Творческая история романа И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992.
10. Ильин И. П. Открытое произведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
11. Калинина Н. В. Музыка в жизни и творчестве И. А. Гончарова // Русская литература. 2004. № 1.
12. Калинина Н. В. Проблема идеальной героини в романе // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6.
13. Котельников В. А. «Вечно женское» как жизненная и творческая тема Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savadiensis; Т. XIII).
14. Маркович В. М. Своеобразие диалогического конфликта в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.
15. Маркович В. М. Чужая речь и взаимодействие речевых манер в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Филологические науки. 1982. № 2.
16. Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
17. Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: о творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012.
18. Рыбасов А. И. А. Гончаров. М., 1962.
19. Тирген П. Обломовка как анти-Итака: архетип Одиссея в творчестве И. А. Гончарова // Имагология и компаративистика. 2018. № 10.
20. Тирген П. Обломов как человек-обломок // Русская литература. 1990. № 3.
21. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977.
22. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973.

References

1. Alekseev M. P. Angliiskaia literatura: Ocherki i issledovaniia. L., 1991.
2. Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Sobr. soch. M., 2002. Т. 6.
3. Belinskii V. G. Poln. sobr. soch. M., 1955. Т. 9.
4. Chicherin A. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilia: Povestvovatel'naia proza i lirika. M., 1977.
5. Demikhovskia O. A. «Poslegoncharovskaia» sud'ba E. V. Tolstoi // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. konf., posviashchennoi 185-letiiu so dnia rozhdeniiia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1998.
6. Demikhovskia O. A. Tvorcheskaia istoriia romana I. A. Goncharova «Oblomov» // Goncharov I. A.: Materialy iubileinoi goncharovskoi konferentsii 1987 goda. Ul'ianovsk, 1992.
7. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, 1973.
8. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. Т. 6, 7, 9.
9. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1954. Т. 7.
10. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1980. Т. 7.
11. Grodetskaia A. G. «Pafos serediny»: ironii i avtoironii u Goncharova // Goncharov: zhiva perspektiva prozy: Nauchnye stat'i o tvorchestve I. A. Goncharova. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savadiensis; Т. XIII).
12. Il'in I. P. Otkrytoe proizvedenie // Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Entsiklopediia. M., 2004.
13. Kalinina N. V. Muzyka v zhizni i tvorchestve I. A. Goncharova // Russkaia literatura. 2004. № 1.
14. Kalinina N. V. Problema ideal'noi geroini v romane // Goncharov I. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. Т. 6.

15. *Kotel'nikov V. A. «Vechno zhenskoe» kak zhiznennaya i tvorcheskaya tema Goncharova // Goncharov: zhivaia perspektiva prozy: Nauchnye stat'i o tvorchestve I. A. Goncharova. Szombathely, 2013 (Bibliotheca Slavica Savariensis; T. XIII).*
16. *Markovich V. M. Chuzhaya rech' i vzaimodeistvie rechevykh maner v romane Goncharova «Obyknovennaia istoriia» // Filologicheskie nauki. 1982. № 2.*
17. *Markovich V. M. Svoeobrazie dialogicheskogo konflikta v romane Goncharova «Obyknovennaia istoriia» // Markovich V. M. I. S. Turgenev i russkii realisticheskii roman XIX veka (30–50-e gody). L., 1982.*
18. *Nedzvetskii V. A. Epistoliarnyi zhann v tvorchestve i v zhizni Goncharova // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.*
19. *Otradin M. V. «Na poroge kak by dvoinogo bytiia...»: o tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremenников. SPb., 2012.*
20. *Rybasov A. I. A. Goncharov. M., 1962.*
21. *Tirgen P. Oblomov kak chelovek-oblomok // Russkaia literatura. 1990. № 3.*
22. *Tirgen P. Oblomovka kak anti-Itaka: arkhetip Odisseia v tvorchestve I. A. Goncharova // Imagologiya i komparativistika. 2018. № 10.*

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University
Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФЕЛЬЕТОН И. А. ГОНЧАРОВА

AN UNKNOWN ST. PETERSBURG FEUILLETON BY I. A. GONCHAROV

В статье предложена атрибуция фельетона в газете «Северная почта». Участие в создании текста главного редактора газеты И. А. Гончарова аргументируется совокупностью факторов: обстоятельствами его биографии, жанровыми, тематическими и текстуальными параллелями с другими его текстами.

Ключевые слова: атрибуция, газета, русская литература XIX века, Санкт-Петербург.

The article provides the attribution of the feuilleton, published in the newspaper *Severnaya Pochta*. The researcher proves I. A. Goncharov's authorship by a set of factors: his life circumstances, genre, thematic and textual parallels with his other texts.

Key words: attribution, newspaper, Russian literature of the 19th century, St. Petersburg.

Список литературы

1. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.
2. Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» (к атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2.
3. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15.
4. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.

5. Гуськов С. Н. Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину // Русская литература. 2023. № 4.
6. Гуськов С. Н. И. А. Гончаров-газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88).
7. Гуськов С. Н. О неизвестных статьях И. А. Гончарова в газете «Северная почта» // Русская литература. 2022. № 4.
8. Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М., 2019.
9. Зубков К. Ю. И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017.
10. Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература 1958. № 2.
11. Конечный А. М. Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М., 2021.
12. Письма [И. А. Гончарова] к И. И. Льховскому / [Подг. текста и комм.] А. И. Груздева // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Т. 3.
13. Рейфман П. С. И. А. Гончаров и газета «Голос» // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Вып. 18 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 266).

References

1. Alekseev A. D. Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova. M.; L., 1960.
2. Gaintseva E. G. I. A. Goncharov i «Peterburgskie otmetki» (k atributii fel'etonov v «Golose») // Russkaia literatura. 1995. № 2.
3. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2017. T. 15.
4. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.
5. Gus'kov S. N. Ekonomika patriotizma (I. A. Goncharov v «Severnoi pochte») // Skladchina: Sb. statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva / Pod red. Iu. I. Krasnosel'skoi i A. S. Fedotova. M., 2019.
6. Gus'kov S. N. I. A. Goncharov-gazetchnik. Neizvestnyi tekst avtora «Oblomova»? // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2017. № 3 (88).
7. Gus'kov S. N. O neizvestnykh stat'iakh I. A. Goncharova v gazete «Severnaia pochta» // Russkaia literatura. 2022. № 4.
8. Gus'kov S. N. Zachem «Severnaia pochta» v 1863 godu prizyvala russkikh dvorian vernut'sia na rodinu // Russkaia literatura. 2023. № 4.
9. Konechnyi A. M. Bylo Peterburg: proza budnei i poezia prazdnika. M., 2021.
10. Kovalev I. F. I. Goncharov — redaktor gazety «Severnaia pochta» // Russkaia literatura 1958. № 2.
11. Pis'ma [I. A. Goncharova] k I. I. L'khovskomu / [Podg. teksta i komm.] A. I. Gruzdeva // Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniiia. M.; L., 1951. T. 3.
12. Reifman P. S. I. A. Goncharov i gazeta «Golos» // Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Tartu, 1971. Vyp. 18 (Uchen. zap. Tartuskogo un-ta; vyp. 266).
13. Zubkov K. Iu. I. A. Goncharov-fel'etonist na stranitsakh «Sankt-Peterburgskikh vedomostei» // Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 205-letiiu so dnia rozhdeniiia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 2017.

Надежда Юрьевна Алексеева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Iurievna Alekseeva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),

Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0009-0516-5908

alexenad18@gmail.com

НА ПУТИ К АКАДЕМИЧЕСКОЙ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ РАБОТ М. Н. ВИРОЛАЙНЕН О ПОЭЗИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА И РОМАНТИЗМЕ

THE ROAD TO THE ACADEMIC *HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE*: REFLECTIONS ON M. N. VIROLAINEN'S WORKS ON THE POETRY OF THE GOLDEN AGE AND ROMANTICISM

Отклик на статьи М. Н. Виролайнен «Русский романтизм как проблема» и «О жанровой природе лирики Золотого века», в которых предложен новый взгляд на поэзию пушкинской поры, затрагивает ряд выдвинутых в них положений. Центральный из обсуждаемых вопросов касается отнесения поэтического мышления первой трети XIX века к жанровому, характеризующему эпоху классицизма. С частью выдвинутых М. Н. Виролайнен в пользу этого доводов можно согласиться, однако использование поэтами Золотого века элементов классических жанров в новых контекстах с сохранением памяти их происхождения относится к признакам новой поэзии, а не классицизма, и соответственно, лежащее в его основе мышление не жанровое, а новое.

Ключевые слова: романтизм, классицизм, жанровое мышление, форма, жанр, неизменность, развитие, контекст, новая поэзия.

The article offers the reflections on M. N. Virolainen's *Russian Romanticism as a Problem* and *On the Genres of the Golden Age Lyrical Poetry*, that offer a new perspective on the poetry of the Pushkin era, and touches upon a number of points put forward therein. The central issue under discussion is the attribution of poetological thinking of the first third of the 19th century to the genre thinking that informs the epoch of Classicism. Even though some of the arguments put forward by M. N. Virolainen in favor of this seem valid, she considers the use by the poets of the Golden Age of elements of the Classical genres in the new contexts while preserving the memory of their origin to be a property of new poetry, rather than Classicism, and, accordingly, the underlying thinking is not a genre one, but new.

Key words: Romanticism, Classicism, genre thinking, form, genre, immutability, development, context, new poetry.

Список литературы

1. Бодрова А. С. Поздняя лирика Боратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии // Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1.
2. Виролайнен М. Н. О жанровой природе лирики Золотого века // Русская литература. 2021. № 4.
3. Виролайнен М. Н. Русский романтизм как проблема // Русская литература. 2024. № 1.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

References

1. Bodrova A. S. Pozdnjaia lirika Boratynskogo: istochniki, istorija publikatsii, problemy tekstologii // Boratynskii E. A. Poln. sobr. soch. i pisem. M., 2012. T. 3. Ch. 1.
2. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. M., 1979.
3. Virolainen M. N. O zhanrovoi prirode liriki Zolotogo veka // Russkaia literatura. 2021. № 4.
4. Virolainen M. N. Russkii romantizm kak problema // Russkaia literatura. 2024. № 1.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
 «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института русской
 литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Moscow);

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
 Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

МЕЖДУ ОРИЕНТАЛЬНОЙ СТИЛИЗАЦИЕЙ И АВТОБИОГРАФИЕЙ: К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ИЗ ГАФИЗА»

BETWEEN ORIENTAL STYLIZATION AND AUTOBIOGRAPHY: TOWARDS THE HISTORY OF A. S. PUSHKIN'S POEM «FROM HAFIZ»

В статье подробно реконструируются контексты создания и публикации стихотворения «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»), написанного во время поездки А. С. Пушкина в действующую армию во время русско-турецкой войны и впервые опубликованного вскоре после возвращения. Анализирует трансформации перитекста от белового автографа к первой публикации, автор статьи демонстрирует «домашнюю семантику» стихотворения, скрытую за его ориентальной поэтикой, предлагает уточняющую интерпретацию для мистифицирующего заглавия первой публикации («Из Гафиза») и показывает значение этого текста для формирования пушкинского автобиографического нарратива в 1830-е годы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Гафиз, русско-турецкая война 1828–1829 годов, «Путешествие в Арзрум», ориентализм, литературная полемика.

The article offers a detailed reconstruction of the writing and publishing contexts of Pushkin's poem «From Hafiz» («Do not be Seized by the Glory of the Battle...»), written during the poet's visit to the military zone in the course of the Russo-Turkish War and first published shortly after his return. By examining the transformations of the peritext from the autograph to the first publication, the author highlights the poem's «domestic semantics» concealed behind its Oriental poetics, offers a more specific interpretation of the mystifying title used for the first publication (*From Hafiz*), and outlines the significance of this text for the formation of Pushkin's autobiographical narrative of the 1830s.

Key words: A. Pushkin, Hafiz, *Puteshestvie v Arzrum*, Russo-Turkish War of 1828–1829, Orientalism, literary polemics.

Список литературы

1. Асадов Ю. А. 3000 армянских офицеров царской России: Историко-биографическая книга памяти (1701–1921): В 2 кн. М., 2018. Кн. 2.
2. Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. Буяновская С. М. Основные этапы освоения персидской поэзии на Западе (на материале наследия Хафиза). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
5. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
6. Гаджиев А. Науке нет мелочей // Литературный Азербайджан. 1987. № 6.
7. Гете И.-В. Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988 (сер. «Литературные памятники»).

8. Долинин А. А. «Кавказские врата» (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум») // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4.
9. Долинин А. А. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны, 2009.
10. Долинин А. А. Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяурынынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123.
11. Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2022.
12. Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007.
13. Долинин А. А. Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России: Сб. статей. М., 2010.
14. Ениколовов И. К. К истории стихотворения «Не пленийся бранной славой» // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979.
15. Жукова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996.
16. Исаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии // История. 2019. № 1 (97).
17. Курбанов Ш. А. С. Пушкин и Азербайджан. Баку, 1959.
18. Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
19. Лейбов Р. Г. Основат А. Л. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Т.] 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф.
20. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3.
21. Листов В. С. Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1.
22. Маленька Т. Ф. Поезія Гафіза в Європі: дослідження, переклади, рецензія // Східний світ. 2005. № 2.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1.
24. Мохаммади З. Пушкин и Хафиз: К проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
25. Основат А. Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829) // Тыняновский сборник. Третья Тыняновские чтения. Рига, 1988.
26. Прокурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
27. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1.
28. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1, 2; Т. 5, 13.
29. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 2, 3.
30. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1.
31. Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года.
32. Пушкин А. С. Стихотворения / Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997 (сер. «Литературные памятники»).
33. Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830.
34. Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К.
35. Пушкин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2.
36. Рак В. Д. Хафиз // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии».
37. Садыхов М. Судьба соединила нас... // Литературный Азербайджан. 1974. № 5.
38. Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток. 1800–1950: Опыт библиографии. М., 1975.
39. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.
40. Чалисова Н. Ю., Смирнов А. В. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М., 2000.
41. Greenleaf M. Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4.
42. Loloï P. Hâfiz, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004.
43. O'Sullivan M. A Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45.
44. Shams-Yadolahi Z. Le retentissement de la poésie de Hâfez en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.
45. Thompson E. M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000.

46. *Yohannan J. D.* The Persian Poetry Fad in England, 1770-1825 // Comparative Literature. 1952. Vol. 4. № 2.

References

1. *Asadov Iu. A.* 3000 armianskikh ofitserov tsarskoi Rossii: Istoriko-biograficheskaya kniga pamiatni (1701–1921): V 2 kn. M., 2018. Kn. 2.
2. *Belkin D. I.* Pushkinskie stroki o Persii // Pushkin v stranakh zarubezhnogo Vostoka. M., 1979.
3. *Bestuzhev-Marlinskii A. A.* Poln. sobr. stikhovorenii. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shaya ser.).
4. *Buianovskaya S. M.* Osnovnye etapy osvoeniiia persidskoi poezii na Zapade (na materiale naslediiia Khafiza). Dis. kand. filol. nauk. M., 1987.
5. *Chalisova N. Iu., Smirnov A. V.* Podrazhaniia vostochnym stikhovortsam: vstrecha russkoi poezii i arabo-persidskoi poetiki // Sravnitel'naia filosofia. M., 2000.
6. *Dolinin A. A.* «Kavkazskie vrata» (Dar'ial'skoe ushchel'e v «Puteshestvii v Arzrum») // Lotmanovskii sbornik. M., 2014. Vyp. 4.
7. *Dolinin A. A.* «Puteshestvие v Arzrum vo vremia pokhoda 1829 goda» v redaktsii i interpretatsii Iu. Tynianova // Ozernaya shkola: Trudy piatoi Letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature. Poliany, 2009.
8. *Dolinin A. A.* Giaur pod maskoi ianychara: O stikhovorenii Pushkina «Stambul giaury nynche slaviat...» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 123.
9. *Dolinin A. A.* Pushkin i Angliia: Tsikl statei. M., 2007.
10. *Dolinin A. A.* Pushkin i Viktor Fontan'e // Evropa v Rossii: Sb. statei. M., 2010.
11. *Dolinin A. A.* Puteshestvие po «Puteshestviiu v Arzrum». M., 2022.
12. *Enikolopov I. K.* K istorii stikhovoreniiia «Ne pleniaisia brannoi slavoi» // Vremennik Pushkinskoi komissii. 1975. L., 1979.
13. *Gadzhiev A.* V nauke net melochei // Literaturnyi Azerbaidzhan. 1987. № 6.
14. *Gete I.-V.* Zapadno-vostochnyi divan / Izd. podg. I. S. Braginskii, A. V. Mikhailov. M., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. *Greenleaf M.* Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4.
16. *Ismailov E. E.* Azerbaidzhanskie irreguliarnye voinskie chasti rossiiskoi armii v XIX stolii // Istoriiia. 2019. № 1 (97).
17. *Kurbanov Sh. A. S.* Pushkin i Azerbaidzhan. Baku, 1959.
18. *Leibov R. G., Ospovat A. L.* Siuzhet i zhanr stikhovoreniiia Pushkina «Olegov shchit» // Pushkinskie chteniiia v Tartu. Tartu, 2007. [T.] 4. Pushkinskaia epokha. Problemy refleksii i kommentariia: Materialy mezhdunar. konf.
19. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: V 4 t.* M., 1999. T. 3.
20. *Levkovich Ia. L.* Kavkazskii dnevnik Pushkina // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1983. T. 11.
21. *Listov V. S.* Bibleiskie motivy v «Puteshestvii v Arzrum» // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 1999. Vyp. 1.
22. *Loloi P. Hâfiz*, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004.
23. *Malen'ka T. F.* Poeziia Gafiza v Evropi: doslidzhennia, perekldi, retsepsiia // Skhidnii svit. 2005. № 2.
24. *Mify narodov mira. Entsiklopedia: V 2 t. 2-e izd.* M., 1987. T. 1.
25. *Mokhammadi Z.* Pushkin i Khafiz: K probleme «vostochnogo sloga» v tvorchestve Pushkina. Dis. kand. filol. nauk. M., 2008.
26. *O'Sullivan M. A* Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45.
27. *Ospovat A. L.* «Olegov shchit» u Pushkina i Tiutcheva (1829) // Tynianovskii sbornik. Tret'i Tynianovskie chteniiia. Riga, 1988.
28. *Proskurin O. A.* Poeziia Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest. M., 1999.
29. *Pushchin M. I.* Vstrecha s Pushkinym za Kavkazom // Pushkin v vospominaniakh sovremennikov. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 2.
30. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* SPb., 2019. T. 3. Kn. 1.
31. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]* M.; L., 1948. T. 3. Kn. 1, 2; T. 5, 13.
32. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t.* M.; L., 1949. T. 2, 3.
33. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 6 t.* / Pod obshch. red. M. A. Tsavlovskogo. M.; L., 1936. T. 1.

34. *Pushkin A. S. Soch. Kommentirovannoe izdanie. M., 2016. Vyp. 3. Stikhovoreniiia iz «Severnykh tsvetov» 1832 goda.*
35. *Pushkin A. S. Stikhovoreniiia / Izd. podg. L. S. Sidiakov. SPb., 1997 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).*
36. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. SPb., 2001. [Vyp. 2]. 1828–1830.*
37. *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia. SPb., 2012. Vyp. 2. E–K.*
38. *Rak V. D. Khafiz // Pushkin: Issledovaniia i materialy. SPb., 2004. T. XVIII/XIX. Pushkin i mirovaiia literatura. Materialy k «Pushkinskoi entsiklopedii».*
39. *Sadykhov M. Sud’ba soedinila nas... // Literaturnyi Azerbaidzhan. 1974. № 5.*
40. *Shams-Yadolahi Z. Le retentissement de la poésie de Hâfez en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.*
41. *Tartakovskii P. I. Russkaia poeziia i Vostok. 1800–1950: Opty bibliografi. M., 1975.*
42. *Thompson E. M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000.*
43. *Tynianov Iu. N. Pushkin i ego sovremenniki. M., 1969.*
44. *Vatsuro V. E. «Severnye tsvety». Istoriiia al’manakha Del’viga — Pushkina. M., 1978.*
45. *Yohannan J. D. The Persian Poetry Fad in England, 1770–1825 // Comparative Literature. 1952. Vol. 4. № 2.*
46. *Zhuikova R. G. Portretnye risunki Pushkina: Katalog atributsii. SPb., 1996.*

Татьяна Васильевна Федосеева

профессор кафедры литературы и журналистики
факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Tatiana Vasilyevna Fedoseyeva

Professor, Department of Literature and Journalism,
Faculty of Russian Philology and National Culture,
S. Yesenin Ryazan State University

ORCID: 0000-0002-5540-5051

predromantism@yandex.ru

Наталья Ивановна Тангаева

доцент кафедры иностранных языков с курсом русского языка
Рязанского государственного медицинского университета
имени академика И. П. Павлова

Natalia Ivanovna Tangaeva

Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Russian language course,
Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlova

ORCID: 0000-0002-6196-7587

tamantina@mail.ru

«КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА» В РОССИИ 1840-Х ГОДОВ: М. Н. МАКАРОВ

«BOOKS FOR THE FOLK» IN RUSSIA OF THE 1840s: M. N. MAKAROV

Рассказы М. Н. Макарова 1840–1843 годов исследуются с применением жанрово-стилевого и контекстуального видов анализа с аксиологическим комментированием. Отмечены особенности

простонародной стилистики и фольклорно-сказовая традиция, а также нравоучительный пафос и поэтика, близкие евангельской притче. С художественно-поэтической и функциональной точки зрения они близки сочинениям для народного чтения Ф. Н. Глинки, В. И. Даля, публикациям журнала В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого-Десятовского «Сельское чтение».

Ключевые слова: М. Н. Макаров, литература для народа, фольклоризм, евангельская традиция, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль, «Сельское чтение».

The article examines the short stories by M. N. Makarov of 1840–1843, using the genre-style and contextual analysis with axiological commentary. The features of the vernacular stylistics and of the fairytale folklore tradition are outlined, moral pathos and poetics, both of them reminiscent of the Gospel parable, are discussed. From the poetical and the functional perspective, they correlate with the pieces for the common people produced by F. N. Glinka and V. I. Dal', as well as with the works published in the *Rural Reader* magazine by V. F. Odoevsky and A. P. Zabloytsky-Desyatovsky.

Key words: M. N. Makarov, literature for common people, folklore, Evangelic tradition, F. N. Glinka, V. I. Dal', *Rural Reader* (*Sel'skoe Chtenie*) magazine.

Список литературы

1. *Базанов В. Г.* От фольклора к народной книге. Л., 1983.
2. *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985.
3. *Глинка Ф. И.* Письма к другу / Сост., вступ. статья и комм. В. П. Зверева. М., 1990.
4. *Гусев Н. В.* Одоевский и альманахный тип издания в России 1820–1840-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 2.
5. *Иванова Т. Г.* Макаров Михаил Николаевич // Русские фольклористы: Биобиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2018. Т. 3.
6. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и прим. Ю. В. Манна. М., 1979.
7. *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая сер.).
8. *Никодимова А. А.* «Сельское чтение» Владимира Одоевского: Монография. Тверь, 2018.
9. *Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н.* Псевдонимы рязанских писателей // Российский научный журнал. 2017. № 3 (56).
10. *Степанов В. П.* Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1994. Т. 3.
11. *Тангаева Н. И.* М. Н. Макаров об истории русской народной сказки (по журнальным публикациям 1830–1833 годов) // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 3/56.
12. *Тангаева Н. И.* Притчевый характер «Московских рассказов о бедных» М. Н. Макарова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1.
13. *Тиманова А. Р., Тиманова О. И.* Связанность российской «книги для народного чтения» с попечительством о народе как социокультурная традиция XIX столетия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (84).
14. *Федосеева Т. В.* «Русское национальное песнопение» (1809) М. Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики // Рязанский край в контексте русской литературы: Очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017.
15. *Шаповалова Г. Г.* Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В. И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. II / Отв. ред. Р. С. Липец, В. К. Соколова.
16. *Юган Н. Л.* Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. Т. 2. № 2.

References

1. *Bazanov V. G.* Ot fol'klora k narodnoi knige. L., 1983.
2. *Bograd V. E.* Zhurnal «Otechestvennye zapiski» 1839–1848: Ukarazatel' soderzhaniia. M., 1985.

3. *Fedoseeva T. V.* «Russkoe natsional'noe pesnopenie» (1809) M. N. Makarova v kontekste zaryazhdenii russkoi fol'kloristiki // Riazanskii krai v kontekste russkoi literatury: Ocherki regional'nogo literaturovedeniia. Riazan', 2017.
4. *Glinka F. I.* Pis'ma k drugu / Sost., vstup. stat'ia i komm. V. P. Zvereva. M., 1990.
5. *Gusev N. V.* Odoevskii i al'manashnyi tip izdaniia v Rossii 1820–1840-kh godov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2012. № 2.
6. *Iugan N. L.* Sborniki «Soldatskie dosugi» i «Matrosskie dosugi» V. I. Dalia kak knigi dlia narodnogo chteniiia // Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki. 2009. T. 2. № 2.
7. *Ivanova T. G.* Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. SPb., 2018. T. 3.
8. *Kireevskii I. V.* Kritika i estetika / Sost., vstup. stat'ia i prim. Iu. V. Manna. M., 1979.
9. *Lotman Iu. M.* Poeziiia 1790–1810-kh godov // Poetry 1790–1810-kh godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana; podg. teksta M. G. Al'tshullera; vstup. zametki, biogr. spravki i prim. M. G. Al'tshullera i Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
10. *Nikodimova A. A.* «Sel'skoe chtenie» Vladimira Odoevskogo: Monografiiia. Tver', 2018.
11. *Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina E. N.* Psevdonimy riazanskikh pisatelei // Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2017. № 3 (56).
12. *Shapovalova G. G.* Opyt sozdaniia pervykh knig dlia naroda («Matrosskie dosugi» V. I. Dalia) // Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. M., 1963. Vyp. II / Otv. red. R. S. Lipets, V. K. Sokolova.
13. *Stepanov V. P.* Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar': V 5 t. M., 1994. T. 3.
14. *Tangaeva N. I. M. N.* Makarov ob istorii russkoi narodnoi skazki (po zhurnal'nym publikatsiiam 1830–1833 godov) // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3/56.
15. *Tangaeva N. I.* Pritcheyvi kharakter «Moskovskikh rasskazov o bednykh» M. N. Makarova // Problemy istoricheskoi poetiki. 2018. T. 16. № 1.
16. *Timanova A. R., Timanova O. I.* Sviazannost' rossiiskoi «knigi dlia narodnogo chteniiia» s popechitel'stvom o narode kak sotsiokul'turnaia traditsiiia XIX stoletiiia // Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2013. № 2 (34).

Андрей Алексеевич Петров

аспирант филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Andrey Alekseevich Petrov

PhD Student, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

ORCID: 0009-0004-2172-0768

sinavitruvor@mail.ru

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

THE POSSIBLE ORIGINS OF THE ANTI-NIHILISTIC DISCOURSE IN RUSSIAN LITERATURE

Статья посвящена проблеме генезиса антинигилистического дискурса русской литературы XIX века. При выборе в качестве объекта исследования именно дискурса вопрос о генезисе антинигилистической линии в русской литературе решается по-новому: предпосылки ее зарождения связываются с традицией изображения героев-вольтерьянцев, в первую очередь в драматургии XVIII века.

Ключевые слова: нигилизм, антинигилистический роман, комедия, Вольтер, В. И. Асконченский.

The article deals with the issue of the genesis of the anti-nihilistic discourse in the Russian literature of the 19th century. With the discourse chosen as the subject matter of the research, the question of the genesis of the anti-nihilistic line in the Russian literature is approached innovatively: its origins are associated with the tradition of depicting the Voltairian characters, primarily in the 18th century drama.

Key words: nihilism, anti-nihilistic novel, comedy, Voltaire, V. I. Askochensky.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947.
2. Аскоченский В. И. Асмодей нашего времени // Аскоченский В. И. За Русь святую! М., 2014.
3. Барбун В. В. Дискурс как поле и принципы его построения // IN SITU. 2022. № 7.
4. Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. Расцвет реализма.
5. Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х.
6. Безносов Э. Л. Аскоченский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. М., 1989. Т. 1.
7. Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
8. Визгин В. П., Пустынников В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 3.
9. Вольнодумство // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8.
11. Ефимов А. С. Нигилизм и готика. М., 2022.
12. Ефимов А. С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и готическая проза второй половины XVIII — первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
13. Заборов П. Р. Вольтерьянство: К истории слова и явления // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013.
14. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избр. произведения. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
15. Златопольская А. А. Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI век) // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013.
16. Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4.
17. Клюшников В. П. Марево. М., 2012.
18. Кожинов В. В. Жанр // КЛЭ. 1964. Т. 2.
19. Косыхин В. Г. Нигилизм и диалектика. Саратов, 2009.
20. Крестовский В. В. Кровавый пух: В 2 кн. М., 2021. Кн. 1. Панургово стадо.
21. Майданская И. А., Майданский М. А. Вольтер, Руссо и русские вольнодумцы // Свободная мысль. 2020. № 4.
22. Мирутенко К. С. Вольтерьянство в русской комедии XVIII — начала XIX века: к вопросу о типовых приметах образа петиметра в русской сатирической драматургии // Искусствознание. 2007. № 3–4.
23. Сартаков Е. В. Литература как публицистика: «антинечоринский» текст С. А. Бурачка и В. И. Аскоченского // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II Междунар. науч. конф. Псков, 2018. Т. 1.
24. Силянтьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. 2010. № 6.
25. Склейнис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа // Вестник Вятского гос. университета. 2008. № 4.
26. Склейнис Г. А. Русский антинигилистический роман: генезис и жанровая специфика. Дис. ... доктора филол. наук. Магадан, 2009.
27. Смирнов И. П. Психодиахронологика. М., 1994.
28. Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2.
29. Старицкина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

30. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
31. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

References

1. Alekseev M. P. Vol'ter i russkaia kul'tura XVIII veka // Vol'ter: Stat'i i materialy. L., 1947.
2. Askochenskii V. I. Asmodei nashego vremeni // Askochenskii V. I. Za Rus' sviatuiu! M., 2014.
3. Bakhtin M. M. Satira // Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1997. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh.
4. Barbun V. V. Diskurs kak pole i printsipy ego postroenii // IN SITU. 2022. № 7.
5. Batiuto A. I. Antinigilisticheskii roman 60–70-kh godov // Istoriiia russkoi literatury: V 4 t. L., 1982. T. 3. Rastsvet realizma.
6. Berkov P. N. Istoriiia russkoi komedii XVIII veka. L., 1977.
7. Beznosov E. L. Askochenskii // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar': V 5 t. M., 1989. T. 1.
8. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 15 t. L., 1990. T. 8.
9. Efimov A. S. Nihilizm i gotika. M., 2022.
10. Efimov A. S. Russkii antinigilisticheskii roman 1860–1870 gg. i goticheskaiia proza vtoroi poloviny XVIII — pervoi poloviny XIX v. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2021.
11. Fuko M. Arkheologiiia znaniiia. Kiev, 1996.
12. Kliushnikov V. P. Marevo. M., 2012.
13. Kosykhin V. G. Nihilizm i dialektika. Saratov, 2009.
14. Kozhinov V. V. Zhanr // KLE. 1964. T. 2.
15. Krestovskii V. V. Krovavyi puf: V 2 kn. M., 2021. Kn. 1. Panurgovo stado.
16. Maidanskaiia I. A., Maidanskii M. A. Vol'ter, Russo i russkie vol'nodumtsy // Svobodnaia mysl'. 2020. № 4.
17. Mirutenko K. S. Vol'ter'ianstvo v russkoi komedii XVIII — nachala XIX veka: k voprosu o tipovykh primetakh obraza petimetra v russkoi satiricheskoi dramaturgii // Iskusstvoznanie. 2007. № 3–4.
18. Sartakov E. V. Literatura kak publitsistika: «antipechorinskii» tekst S. A. Burachka i V. I. Askochenskogo // Kul'turnyi landshaft pogranich'ia: proshloe, nastoiashchее, budushchее: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Pskov, 2018. T. 1.
19. Silant'ev I. V. Diskurs i zhanr // Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Ser. Istoriiia, filologiiia. 2010. № 6.
20. Skleinis G. A. Genezis i zhanrovaia spetsifika antinigilisticheskogo romana // Vestnik Viat-skogo gos. universiteta. 2008. № 4.
21. Skleinis G. A. Russkii antinigilisticheskii roman: genezis i zhanrovaia spetsifika. Dis. ... doktora filol. nauk. Magadan, 2009.
22. Smirnov I. P. Psikhodiakhranologika. M., 1994.
23. Sorokin Iu. S. Antinigilisticheskii roman // Istoriiia russkogo romana: V 2 t. M.; L., 1964. T. 2.
24. Starygina N. N. Russkii roman v situatsii religiozno-filosofskoi polemiki 1860–1870-kh godov. M., 2003.
25. Tynianov Iu. N. Literaturnyi fakt // Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriiia literatury. Kino. M., 1977.
26. Vizgin V. P., Pustarnakov V. F., Solov'ev E. Iu. Nihilizm // Novaia filosofskia entsiklopediia: V 4 t. M., 2010. T. 3.
27. Vol'nodumstvo // Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. L., 1988. Vyp. 4.
28. Zaborov P. R. Vol'ter'ianstvo: Kistorii slova i iavleniia // Vol'ter: Pro et contra. SPb., 2013.
29. Zapadov A. V. Tvorchestvo Kheraskova // Kheraskov M. M. Izbr. proizvedeniia. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shiaia ser.).
30. Zlatopol'skaiia A. A. Ideinoe nasledie Vol'tera v Rossii (XVIII–XXI vek) // Vol'ter: Pro et contra. SPb., 2013.
31. Zubkov K. Iu. «Antinigilisticheskii roman» kak polemicheskii konstrukt radikal'noi kritiki // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiiia. 2015. № 4.

Елена Наумовна Пенская

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Elena Naumovna Penskaya

Professor, National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0003-2469-584X

lpenskaya@hse.ru

КОМЕДИЯ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО» И ТРАДИЦИИ УСАДЕБНОГО ТЕАТРА

A. V. SUKHOVO-KOBYLIN'S COMEDY *THE MARRIAGE OF KRECHINSKY* AND THE TRADITION OF THE MANOR THEATER

Литературный и театральный дебют А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» рассматривается в контексте традиций усадебного или крепостного театра, столетняя русская история которого к 1850-м годам достигла своей кульминации. «Свадьба Кречинского» была написана и поставлена на домашней сцене одного из крупнейших по тем временам крепостных театров, в Выксе. В архивных материалах — дневниках драматурга, его записных книжках, эпистолярном корпусе, собраниях газетных и журнальных вырезок с пометами владельца — присутствуют упоминания о Выксе, обитателях и гостях усадьбы, выксунском театре. Они дают возможность восстановить некоторые события, репертуар и проследить отражение деталей усадебного театрального быта в поэтике комедии «Свадьба Кречинского».

Ключевые слова: крепостной театр, рукопись, архив, дневник, записная книжка, А. В. Сухово-Кобылин, Шепелевы, Баташевы, Голицыны.

The article considers A. V. Sukhovo-Kobylin's literary and theater debut, *The Marriage of Krechinsky*, in the context of the manor or serf theater, with its centennial history reaching its culmination in the 1850s. *The Marriage of Krechinsky* was written to be staged in one of the greatest serf theaters of the day, in Vyksa. The archives — the playwright's diaries, his notebooks, epistolary legacy, collections of newspaper and magazine clippings with the owner's notes — feature some mentions of Vyksa, of the guests and the hosts of the manor house, as well as of the local theater. They help to reconstruct certain events, the repertoire, and trace the reflection of the manor theater experiences in the poetics of *The Marriage of Krechinsky*.

Key words: serf theater, manuscript, archive, diary, notebook, A. V. Sukhovo-Kobylin, the Shepelevs, the Batashevs, the Golytsins.

Список литературы

1. Ефремова Н. Г., Купцова О. Н. Театр // История русского искусства: В 22 т. М., 2023.
2. Искусство провинции второй половины XVIII века / Отв. ред. Г. К. Смирнов.
3. Ильин-Томич А. А. Бахтурин Константин Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г.
4. Калмановский Е. С. Драматические произведения А. В. Сухово-Кобылина и русская литература 1850–1860-х гг. // Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л., 1989 (сер. «Литературные памятники»).
5. Комовская Н. Д. Из истории крепостного театра в Выксе // Люди русского искусства. Горький, 1960.
6. Комовская Н. Д. Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1951.
7. Маркина Л. А. Живописец Михаил Скотти. М., 2017.
8. Пенская Е. Н. «Потерянный рай» Евгений Тур (Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир и ее «Воспоминания») // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 39.
9. Пенская Е. Н. Стрелок или игрок? «Призрак оперы» и границы комедийного мира в «Свадьбе Кречинского» // Феномен пограничной зоны в литературе и культуре. Новосибирск, 2014.

9. Пенская Е. Н. Усадебный театр в Выксе. По материалам рукописного наследия Евгении Тур // Карабихинские научные чтения «Литература — усадьба — музей. Диалог культурных пространств (От некрасовской эпохи до нашего времени)»: Материалы науч.-практ. конф. (Ярославль — Карабиха, 29–30 июня 2023 года). Ярославль, 2023.
10. Родионова А. Е. Семейные документы Сухово-Кобылиных в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения-2020: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–24 апреля 2020). М., 2021. Ч. 2.
11. Соколинский Е. К. А. В. Сухово-Кобылин: расширенная библиография 2012–2018 // «Невидимая величина». А. В. Сухово-Кобылин: Театр. Литература. Жизнь. М., 2024.
12. Соколова Т. В. Фонд А. В. Сухово-Кобылина в ГЛМ: опыт архивной реконструкции // Альбом-каталог «Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея». М., 2021.
13. Сухово-Кобылин А. В. Дневник // Дело А. В. Сухово-Кобылина / Сост., подг. текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой; вступ. статья и комм. В. М. Селезнева. М., 2002 (сер. «Россия в мемуарах»).
14. Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л., 1989 (сер. «Литературные памятники»).
15. Тронская М. Л. Мещанская драма и роман 80–90-х годов // История немецкой литературы: В 5 т. М., 1963. Т. 2.
16. Турусов И. В. Окский разбойник Рощин в нижегородских и владимирских преданиях // Уваровские чтения. Муром, 2006. [Вып.] VII.

References

1. Efremova N. G., Kuptsova O. N. Teatr // Istoriiia russkogo iskusstva: V 22 t. M., 2023. T. 13. Iskusstvo provintsiy vtoroi poloviny XVIII veka / Otv. red. G. K. Smirnov.
2. Il'in-Tomich A. A. Bakhturin Konstantin Aleksandrovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1989. T. 1. A–G.
3. Kalmanovskii E. S. Dramaticheskie proizvedeniia A. V. Sukhovo-Kobylina i russkaia literatura 1850–1860-kh gg. // Sukhovo-Kobylin A. V. Kartiny proshedshego. L., 1989 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
4. Komovskaia N. D. Iz istorii krepostnogo teatra v Vykse // Liudi russkogo iskusstva. Gor'kii, 1960.
5. Komovskaia N. D. Predaniia i skazki Gor'kovskoi oblasti. Gor'kii, 1951.
6. Markina L. A. Zhivopisets Mikhail Skotti. M., 2017.
7. Penskaia E. N. «Poteriannyi rai» Evgenii Tur (Elizaveta Vasil'evna Salias-de-Turnemir i ee «Vospominaniia») // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 39.
8. Penskaia E. N. Strelok ili igrok? «Prizrak opery» i granitsy komediinogo mira v «Svad'be Krechinskogo» // Fenomen pogranichnoi zony v literature i kul'ture. Novosibirsk, 2014.
9. Penskaia E. N. Usadebnyi teatr v Vykse. Po materialam rukopisnogo naslediiia Evgenii Tur // Karabikhinskie nauchnye chteniia «Literatura — usad'ba — muzei. Dialog kul'turnykh prostранstv (Ot nekrasovskoi épokhi do nashego vremeni)»: Materialy nauch.-prakt. konf. (Iaroslavl' — Karabikha, 29–30 iiunia 2023 goda). Iaroslavl', 2023.
10. Rodionova A. E. Semeinyye dokumenty Sukhovo-Kobylinykh v fondakh otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki // Rumiantsevskie chteniia-2020: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (21–24 aprelia 2020). M., 2021. Ch. 2.
11. Sokolinskii E. K. A. V. Sukhovo-Kobylin: rasshirennaya bibliografija 2012–2018 // «Nevidimaya velichina». A. V. Sukhovo-Kobylin: Teatr. Literatura. Zhizn'. M., 2024.
12. Sokolova T. V. Fond A. V. Sukhovo-Kobyolina v GLM: opyt arkhivnoi rekonstruktsii // Al'bom-katalog «Aleksandr Sukhovo-Kobylin. Materialy iz sobraniia Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia». M., 2021.
13. Sukhovo-Kobylin A. V. Dnevnik // Delo A. V. Sukhovo-Kobyolina / Sost., podg. teksta V. M. Selezneva i E. O. Seleznevoi; vstup. stat'sia i komm. V. M. Selezneva. M., 2002 (ser. «Rossiia v memuarkakh»).
14. Sukhovo-Kobylin A. V. Kartiny proshedshego. L., 1989 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. Tronskaia M. L. Meshchanskaia drama i roman 80–90-kh godov // Istoriiia nemetskoi literatury: V 5 t. M., 1963. T. 2.
16. Turusov I. V. Okskii razboinik Roshchin v nizhegorodskikh i владимирских преданий // Uvarovskie chteniia. Murom, 2006. [Vyp.] VII.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

**ЗАЛОЖНИК «СТАРИННОГО СПОРА»:
ВОКРУГ «СТИХОТВОРЕНИЙ» (1887) Н. М. МИНСКОГО**

**THE HOSTAGE OF THE ANCIENT DISPUTE:
AROUND THE POEMS (1887) BY N. M. MINSKY**

В статье представлены новые документы, относящиеся к выходу в свет книги Н. М. Минского «Стихотворения» (1887): переписка поэта с А. М. Скабичевским — автором скандальной рецензии на это издание; материалы газетно-журнальной полемики, выступления в защиту поэта А. Волынского и Н. К. Михайловского; письмо Минского к Михайловскому (1888) — «программный» текст, фиксирующий изменение литературной ситуации — переход от позитивизма и утилитаризма «шестидесятников» к эстетизму и идеализму ранних символистов.

Ключевые слова: сборник Н. Минского «Стихотворения» (1887), переписка, газетно-журнальная полемика, А. М. Скабичевский, А. Л. Волынский, Н. К. Михайловский, русская литература конца XIX века.

The article presents new documents related to the publication of N. M. Minsky's book *Poems* (1887): the poet's correspondence with A. M. Skabichevsky, the author of the scandalous review; excerpts from the newspaper and magazine polemics, speeches in defense of the poet by A. Volynsky and N. K. Mikhailovsky; Minsky's letter to Mikhailovsky (1888), «a programmatic» text that captures the changes in the literary situation — the transition from positivism and utilitarianism of the «sixties» to the aestheticism and idealism of the early Symbolists.

Key words: collection of N. Minsky's *Poems* (1887), correspondence, newspaper and magazine polemics, A. M. Skabichevsky, A. L. Volynsky, N. K. Mikhailovsky, Russian literature of the late 19th century.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2021. № 1.
2. Библиотека русской критики. Критика русского символизма. М., 2002. Т. 1 / Автор-сост. Н. А. Богомолов.
3. Богомолов Н. А. В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3.
4. Богомолов Н. А. Печать русского символизма. Saarbrücken, 2012.
5. Вересаев В. В. Литературные воспоминания // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. / Подг. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М., 1961. Т. 5.
6. История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993.
7. К истории раннего русского символизма: Переписка Л. Я. Гуревич с Н. М. Минским / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 г. СПб., 2024.
8. Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009.
9. Лит. наследство. 2023. Т. 113. Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894–1911 гг. / Сост., вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова; подг. текста Ю. П. Благоволиной, А. В. Лаврова, Т. В. Павловой.

10. Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статьи, подг. текста и прим. С. В. Сапожкова и А. А. Кобринского. СПб., 2005 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты).
11. Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избр. тр.: В 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма.
12. Павлова М. М. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3 (21).
13. Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19).
14. Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002.
15. Сапожков С. В. Библиография Н. М. Минского. Части 2–3 // Литературный факт. 2021. № 2 (20).
16. Сапожков С. По опасной тропе «холодных слов»: Поэзия и судьба Николая Минского. М., 2021.
17. Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М., 2013.

References

1. Azadovskii K. M. Venskii aktsent: Fedor Sologub i ego perevodchik // Russkaia literatura. 2021. № 1.
2. Biblioteka russkoi kritiki. Kritika russkogo simvolizma. М., 2002. Т. 1 / Avtor-sost. N. A. Bogomolov.
3. Bogomolov N. A. Pechat' russkogo simvolizma. Saarbrücken, 2012.
4. Bogomolov N. A. V Iasnoi Poliane 125 let tomu nazad // Russkaia literatura. 2018. № 3.
5. Istorija russkoi literatury XIX — nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel'. Obshchaja chast' / Pod red. K. D. Muratovoii. SPb., 1993.
6. K istorii rannego russkogo simvolizma: Perepiska L. Ia. Gurevich s N. M. Minskim / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2024 g. SPb., 2024.
7. Kupriianovskii P. V. «Ogliadyvaius' na proshloe...»: Zhurnal «Severnyi vestnik» 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiiia. Voronezh, 2009.
8. Lit. nasledstvo. 2023. Т. 113. Valerii Briusov i Petr Pertsov. Perepiska 1894–1911 gg. / Sost., vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova; podg. teksta Iu. P. Blagovolinoi, A. V. Lavrova, T. V. Pavlovoi.
9. Minskii N., Dobroliubov A. Stikhotvoreniiia i poemy / Vstup. stat'i, podg. teksta i prim. S. V. Sapozhкова i A. A. Kобринского. SPb., 2005 (Novaia Biblioteka poeta; Rannie simvolisty).
10. Mints Z. G. Stat'ia N. Minskogo «Starinnyyi spor» i ee mesto v stanovlenii russkogo simvolizma // Mints Z. G. Blok i russkii simvolizm: Izbr. tr.: V 3 kn. SPb., 2004. Kn. 3. Poetika russkogo simvolizma.
11. Pavlova M. M. Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia vtoraya // Literaturnyi fakt. 2021. № 3 (21).
12. Pavlova M. M., Bogomolov N. A. Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia pervaia // Literaturnyi fakt. 2021. № 1 (19).
13. Pertsov P. P. Literaturnye vospominaniia: 1890–1902 / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 2002.
14. Sapozhkov S. Po opasnoi trope «kholodnykh slov»: Poeziia i sud'ba Nikolaia Minskogo. М., 2021.
15. Sapozhkov S. V. Bibliografija N. M. Minskogo. Chasti 2–3 // Literaturnyi fakt. 2021. № 2 (20).
16. Tolstaja E. D. Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo. M., 2013.
17. Veresaev V. V. Literaturnye vospominaniia // Veresaev V. V. Sobr. soch.: V 5 t. / Podg. teksta i prim. V. M. Nol'de i Iu. U. Babushkina. M., 1961. T. 5.

Моника Львовна Спивак

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Monika Lvovna Spivak

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5308-9780

monika_spivak@mail.ru

**«СВОРА ИМЕН»: ОТ ЮБИЛЕЯ Н. В. БУГАЕВА (1900)
К ЧЕСТВОВАНИЮ КОРОБКИНА
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)**

**«A SWARM OF NAMES»:
FROM THE JUBILEE OF N. V. BUGAEV (1900)
TO THE HONORING OF KOROBKIN
IN ANDREI BELY'S NOVEL MOSCOW (1926)**

Сцена чествования профессора Коробкина в романе «Москва» основана на реальных событиях, в ней отражено празднование Московским математическим обществом выхода XX тома журнала «Математический вестник», переросшее в бенефис Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого. В анализируемой сцене действуют персонажи реальные, исторические (под своими реальными фамилиями) и персонажи с вымышленными именами. В статье выявляется, кто из лиц, участвующих в юбилее Н. В. Бугаева, был введен в роман под своими именами. У ряда героев, действующих под вымышленными фамилиями, определяются их прототипы.

Ключевые слова: Андрей Белый, Н. В. Бугаев, роман «Москва», «Московское математическое общество», журнал «Математический сборник», автобиографизм, прототипы героев.

The episode of honoring Professor Korobkin in the novel *Moscow* is based on real events, reinterpreting the celebration of the publication of the 20th issue of *Matematicheskij Sbornik* magazine at the Moscow Mathematical Society, which grew into a benefit event for N. V. Bugaev, Andrei Bely's father. The characters in the analyzed episode are real people, historical personae (under their actual surnames) and characters with fictitious names. The article lists the participants of N. V. Bugaev anniversary who were subsequently introduced into the novel under their own names. The analysis of the characters presented under fictitious names leads to their real prototypes from the milieu of Professor N. V. Bugaev or Andrei Bely.

Key words: Andrei Bely, N. V. Bugaev, *Moscow* (the novel), *Moscow Mathematical Society*, *Matematicheskij Sbornik* magazine, autobiography, prototypes of characters.

Список литературы

1. Алексеев Л. В., Колесник Е. В. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). М., 1998.
2. Андрей Белый, Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста и комм. Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
3. Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
4. Белый А. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комм. и публ. Т. Николеску. М., 1997.
5. Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989.
6. Белый А. Начало века / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
7. Белый А. Путешествие по Средиземноморью / Сост. С. Д. Воронин. М., 2015.
8. Демидов С. С. «Математический сборник» в 1866–1935 гг. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 1996. Вып. 1 (36). № 2.
9. Демидов С. С., Токарева Т. А. Московское математическое общество: фрагменты истории // Историко-математические исследования. 2-я сер. 2003. Вып. 8 (43).

10. Ждан А. Н. История Психологического общества при Императорском Московском университете (1885–1922): К 125-летнему юбилею МПО // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3).
11. Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии / Отв. ред. Л. Л. Громковская. М., 1989.
12. Кожевникова Н. А. Евангельские мотивы в романе А. Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2 (Проблемы исторической поэтики; вып. 5).
13. Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого // Ономастика и грамматика. М., 1981.
14. Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада.
15. Маслов К. С. Между Востоком и Западом: член Московского психологического общества Даниил Павлович Конисси (1862–1940) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 2.
16. Ота Дзётаро. Андрей Белый в Японии: восприятие и переводы // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М., 2017.
17. Ходасевич В. Ф. Аблеуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Сост., вступ. статья, комм. А. В. Лаврова. СПб., 2004.

References

1. Alekseev L. V., Kolesnik E. V. Ivan Nikolaevich Gorozhankin (1848–1904). М., 1998.
2. Andrei Belyi, Ivanov-Razumnik. Perepiska / Publ., vступ. stat'ia A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada; podg. teksta i komm. T. V. Pavlovoi, A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada. SPb., 1998.
3. Belyi A. Mezhdu dvukh revoliutsii / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1990.
4. Belyi A. Moskva. Drama v piati deistviakh / Predislovie, komm. i publ. T. Nikolesku. М., 1997.
5. Belyi A. Na rubezhe dvukh stoletii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1989.
6. Belyi A. Nachalo veka / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. М., 1990.
7. Belyi A. Puteshestvie po Sredizemnomor'iu / Sost. S. D. Voronin. М., 2015.
8. Demidov S. S. «Matematicheskii sbornik» v 1866–1935 gg. // Istoriko-matematicheskie issledovaniia. 2-ia ser. 1996. Vyp. 1 (36). № 2.
9. Demidov S. S., Tokareva T. A. Moskovskoe matematicheskoe obshchestvo: fragmenty istorii // Istoriko-matematicheskie issledovaniia. 2-ia ser. 2003. Vyp. 8 (43).
10. Khodasevich V. F. Alebukhovы — Letaevы — Korobkiny // Andrei Belyi: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Andreia Belogo v otsenkakh i tolkovaniakh sovremennikov: Antologiya / Sost., vступ. stat'ia, komm. A. V. Lavrova. SPb., 2004.
11. Kozhevnikova I. P. Universitet Vaseda i russkaiia literatura // 100 let russkoi kul'tury v Iaponii / Otv. red. L. L. Gromkovskaiia. М., 1989.
12. Kozhevnikova N. A. Evangel'skie motivy v romane A. Belogo «Moskva» // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Petrozavodsk, 1998. Vyp. 2 (Problemy istoricheskoi poetiki; vyp. 5).
13. Kozhevnikova N. A. Zametki o sobstvennykh imenakh v proze Andreia Belogo // Onomastika i grammatika. М., 1981.
14. Lit. nasledstvo. 2016. Т. 105. Belyi A. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov / Sost. A. V. Lavrova i Dzh. Malmstada.
15. Maslov K. S. Mezhdu Vostokom i Zapadom: chlen Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva Daniil Pavlovich Konissi (1862–1940) // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2018. Т. 19. Vyp. 2.
16. Ota Dzётаро. Andrei Belyi v Iaponii: восприятие и переводы // Arabeski Andreia Belogo: zhiznennyi put', духовные искания, поэтика / Red.-sost. K. Ichin, M. Spivak. Belgrad; M., 2017.
17. Zhdan A. N. Iстория Psikhologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Moskovskom universitete (1885–1922): K 125-letnemu iubileiu MPO // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2010. № 1 (3).

Вера Владимировна Филичева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-2942-4846

lntfmd@rambler.ru

Ф. К. СОЛОГУБ. МОНГОЛЬСКИЙ ПАРАДОКС**F. K. SOLOGUB. THE MONGOLIAN PARADOX**

Публикуется очерк Ф. Сологуба «Монгольский парадокс», написанный в 1904 году. Во время русско-японской войны он не был напечатан, и Сологуб вернулся к нему уже в период Первой мировой войны, в 1916 году. В этот момент в текст были внесены изменения. Минимальная правка, при сохранении основного текста и парадоксальности высказываемых идей, сделала статью актуальной ситуации, откликом на конкретные исторические события.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, публицистика, монголо-татарское иго, Первая мировая война, русско-японская война.

F. Sologub's essay *The Mongolian Paradox*, written in 1904, is presented to the academic community. Failing to publish it during the Russo-Japanese War, Sologub went back to it during the First World War, as late as 1916. The text went through some amendments at that time. Minimal editing, while preserving the main body and the paradoxical nature of the ideas expressed, added to the essay's actuality and turned it into a response to current historical events.

Key words: F. Sologub, journalism, Tatar-Mongol Yoke, First World War, the Russo-Japanese war.

Список литературы

1. *Верташов Д. В.* Газетная критика и публицистика Ф. Сологуба: проблематика и историко-литературный контекст: на материале русских газет 1904–1905 гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
2. *Верташов Д. В.* Газетная публицистика Федора Сологуба (1904–1905) // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7 (69).
3. *Грушина В. Ю.* Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 г. — декабрь 1916 г. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2002.
4. История внешней политики России: В 5 т. М., 2018. Т. 5. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции).
5. *Мисникеевич Т. В.* Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста // Русская литература. 2014. № 2.
6. *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М., 2014.
7. *Соболев А. Л.* Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. М., 2013 (Летейская библиотека; т. 2).

References

1. *Grushina V. Ju.* Pozitsii Velikobritanii i Rossii po voprosu voennyykh tselei v period Pervoi mirovoi voiny, avgust 1914 g. — dekabr' 1916 g. Dis. ... kand. istor. nauk. Tomsk, 2002.
2. Istoriiia vnesheii politiki Rossii: V 5 t. M., 2018. T. 5. Konets XIX — nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuza do Oktiabr'skoi revoliutsii).
3. *Misnikevich T. V.* Kniga stikhov Fedora Sologuba «Voina»: istoriiia teksta // Russkaia literatura. 2014. № 2.
4. *Pavlova M. M.* Pervaia mirovaya voina v publitsistike Fedora Sologuba // Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny: publikatsii, issledovaniia i materialy. M., 2014.

5. Sobolev A. L. Pis'ma Fedora Sologuba V. Ia. Briusovu // Sobolev A. L. Strannoliubskii perebarshchivaet. Skonapel' istoar. M., 2013 (Leteiskaia biblioteka; t. 2).
6. Vertashov D. V. Gazetnaia kritika i publitsistika F. Sologuba: problematika i istoriko-literaturnyi kontekst: na materiale russkikh gazet 1904–1905 gg. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013.
7. Vertashov D. V. Gazetnaia publitsistika Fedora Sologuba (1904–1905) // Vestnik RGGU. Ser. Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika. 2011. № 7 (69).

Елена Александровна Глуховская

доцент школы искусств и культурного наследия
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Elena Aleksandrovna Glukhovskaya

Associate Professor, School of Arts and Cultural Heritage,
European University at St. Petersburg

ORCID: 0000-0002-0602-9088

e.a.glukhovskaya@gmail.com

**«БЮРО ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ» С. А. СОКОЛОВА
КАК ПОСРЕДНИК МЕЖДУ МОДЕРНИСТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ
И ИХ ЧИТАТЕЛЯМИ**

**S. A. SOKOLOV'S BUREAU OF PROVINCIAL PRESS AS A CONDUIT
BETWEEN MODERNIST WRITERS AND THEIR READERS**

Статья посвящена истории «Бюро провинциальной прессы», организованного в Москве в конце 1907 года. На материале газетных публикаций и архивных источников восстанавливается история создания Бюро, выявляются столичные литераторы и провинциальные газеты, сотрудничавшие с ним. Несмотря на то, что Бюро просуществовало меньше года, оно значительно способствовало популяризации модернистской литературы среди широкого круга читателей.

Ключевые слова: провинциальные газеты, С. А. Соколов, литературная полемика, история журналистики.

The article traces the history of the Bureau of Provincial Press, which was organized in Moscow in late 1907. Using the newspaper data and archival sources, the article reconstructs the history of the Bureau's creation and identifies both the writers from the metropolis and the provincial newspapers that collaborated with it. Even though the Bureau lasted for less than a year, it made a major contribution to the popularization of Modernist literature among a wide readership.

Key words: provincial newspapers, S. A. Sokolov, literary polemics, history of journalism.

Список литературы

1. Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001.
2. Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
3. Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века: от fin de siècle до Вознесенского. М., 2021. Т. 1. Время символизма.
4. Брюсов А. Я. Литературные воспоминания // Север. 1965. № 4.
5. Лавров А. В. «Перевал» // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
6. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1.
7. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. / Сост. Д. Б. Павлов. М., 1997. Т. 2.
8. Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Предисловие, публ. и комм. О. А. Кузнецовой // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003.
9. Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / Сост. и подг. текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова; комм. И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова.

References

1. *Akhmadulin E. V. Pressa politicheskikh partii Rossii nachala XX veka: izdaniia liberalov.* Rostov-na-Donu, 2001.
2. *Belyi A. Mezhdu dvukh revoliutsii / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova.* M., 1990.
3. *Bogomolov N. A. Razyskaniia v oblasti russkoi literatury XX veka: ot fin de siècle do Voznesenskogo.* M., 2021. T. 1. Vremia simvolizma.
4. *Briusov A. Iz Literaturnye vospominaniia // Sever.* 1965. № 4.
5. *Khodasevich V. F. Sobr. soch.: V 4 t. M., 1996.* T. 1. *Stikhovoreniia. Literaturnaia kritika 1906–1922 / Sost. i podg. teksta I. P. Andreevoi, S. G. Bocharova; komm. I. P. Andreevoi, N. A. Bogomolova.*
6. *Lavrov A. V. «Pereval» // Lavrov A. V. Russkie simvolisty: etiudy i razyskaniia.* M., 2007.
7. *Masanov I. F. Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: V 4 t. M., 1956.* T. 1.
8. *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoi partii 1905 — seredina 1930-kh gg.: V 6 t. / Sost. D. B. Pavlov.* M., 1997. T. 2.
9. *Sobranie avtobiografii Anastasi Chebotarevskoi / Predislovie, publ. i komm. O. A. Kuznetsovoi // Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy.* SPb., 2003.

Александр Сергеевич Александров

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikovich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisnikovich@yandex.ru

**МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ:
1917 ГОД В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО**

**BETWEEN THE TWO REVOLUTIONS:
THE YEAR 1917 IN THE CORRESPONDENCE
OF A. A. IZMAILOV AND I. I. YASINSKY**

В состав публикации входит переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского, относящаяся к 1917 году. Основной ее темой является сотрудничество Ясинского в газете «Петроградскийлисток»: Измайлов занял пост ее редактора в апреле 1916 года и, наряду с другими известными писателями и журналистами, привлек Ясинского к участию в издании. Переписка позволяет проследить эволюцию позиции Ясинского от Февраля к Октябрю 1917 года и выявить, как его

отношение к происходящим в России событиям было скорректировано в книге мемуаров «Роман моей жизни».

Ключевые слова: А. А. Измайлов, И. И. Ясинский, газета «Петроградский листок», Февральская и Октябрьская революции 1917 года, эпистолярное наследие, мемуаристика.

The publication features the correspondence between A. A. Izmailov and I. I. Yasinsky (1917). It focuses on Yasinsky's collaboration with the *Petrogradsky Listok* newspaper: Izmailov took over as its editor in April 1916 and, along with the other well-known writers and journalists, enlisted Yasinsky to become one of the contributors. The correspondence traces the evolution of Yasinsky's position between February and October 1917 and shows how his attitude to the events in Russia was adjusted in his book of memoirs *The Novel of My Life*.

Key words: A. A. Izmailov, I. I. Yasinsky, *Petrogradsky Listok* newspaper, February and October Revolutions of 1917, epistolary heritage, memoirs.

Список литературы

1. Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // Русская литература. 2008. № 4.
2. Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа. Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021.
3. Витте С. Б. Воспоминания: В 3 т. М.; Таллин, 1994. Т. 3.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 1.
5. Мисникович Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2.
6. Нымм Е. «Новый человек» в повести И. Ясинского «Учитель» // Блоковский сборник. Тарту, 2000. Вып. 15.
7. Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г.
8. Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникович и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникович; комм. Т. В. Мисникович и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1.
9. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004.
10. Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникович и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникович; комм. Т. В. Мисникович и Л. Л. Пильд. М., 2010.

References

1. Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov — reformator «Petrogradskogo listka» (1916–1918) // Russkaia literatura. 2008. № 4.
2. Aleksandrov A. S. Perepiska A. A. Izmailova i I. I. IAsinskogo (1915–1916 gg.) // Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnui epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologii analiza. Kollektivnaia monografija / Otv. red. i sost. A. A. Kholikov, pri uchastii E. I. Orlovoi. M., 2021.
3. Iasinskii I. I. Roman moei zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikovich i L. L. Pil'd; vstup. stat'ia L. L. Pil'd; podg. teksta T. V. Misnikovich; komm. T. V. Misnikovich i L. L. Pil'd. M., 2010.
4. Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia, otzyvy sovremennikov, bibliografija / Otv. red. A. Iu. Galushkin. M., 2005. T. 1. Ch. 1.
5. Misnikovich T. V., Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov i I. I. Iasinskii: epistoliarnyi dialog // Russkaia literatura. 2023. № 2.
6. Nymm E. «Novyi chelovek» v povesti I. Iasinskogo «Uchitel'» // Blokovskii sbornik. Tartu, 2000. Vyp. 15.
7. Partiia levyykh sotsialistov-revoliutsionerov: Dokumenty i materialy. M., 2000. T. 1. Iul' 1917 g. — mai 1918 g.
8. Pil'd L. Literaturnaia sud'ba i memuary Ieronima Iasinskogo // Iasinskii I. I. Roman moei zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikovich i L. L. Pil'd; vstup. stat'ia L. L. Pil'd; podg. teksta T. V. Misnikovich; komm. T. V. Misnikovich i L. L. Pil'd. M., 2010. T. 1.

-
9. *Shruba M. Literaturnye ob"edineniiia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov.* M., 2004.
 10. *Vitte S. B. Vospominaniiia: V 3 t.* M.; Tallin, 1994. T. 3.

Сергей Александрович Огудов

старший научный сотрудник Центра научного проектирования
Управления по научной работе РГГУ

Sergei Aleksandrovich Ogudov

Senior Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow)

ORCID: 0000-0002-5309-0754

s.ogudov@gmail.com

**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ НARRАЦИЯ В КИНОСЦЕНАРИЯХ
В. В. МАЯКОВСКОГО**

**MULTIMODAL NARRATION IN THE SCREENPLAYS
BY V. V. MAYAKOVSKY**

В статье киносценарии В. В. Маяковского рассматриваются как мультимодальные нарративы, основанные на объединении моделей игрового, хроникально-документального и анимационного кино. На примерах из сценариев «Позабудь про камин», «Сердце кино», «Бенц № 22» и других раскрыто взаимодействие модусов передачи истории, позволяющих Маяковскому планировать постановку как сложный синтез нескольких видов кино.

Ключевые слова: нарратив, литературный сценарий, мультимодальность, кинематограф, медиум.

The article analyzes the screenplays by V. V. Mayakovsky as multimodal narratives that combine the models of feature films, documentaries and animation. Using the scripts for *Farewell to the Fireplace*, *The Heart of Cinema*, *Benz No. 22* and others as the case studies, the interactions between the modes of transmitting a story line are revealed, highlighting Mayakovsky's plan of the production as a complex synthesis of several cinematic strategies.

Key words: narrative, screenplay, multimodality, cinema, medium.

Список литературы

1. Айснер Л. Демонический экран. М., 2010.
2. Белова Л. И. Сквозь время. Очерки истории советской кинодраматургии. М., 1978.
3. Вайсфельд И. В. Мастерство кинодраматурга. М., 1961.
4. Гуревич С. Д. Советские писатели в кинематографе (20–30-е годы). Л., 1975.
5. Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Часть 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1.
6. Кузнецова В. А. У кино был друг: Кинодраматургия В. В. Маяковского (рукопись).
7. Маяковский В. В. Караву! // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1947. Т. 11.
8. Огудов С. А. Киноповествование В. В. Маяковского: соединение разных видов кино в сценарии «Как поживаете?» // Славистический сборник. 2019. № 95.
9. Пронин А. А. Бумажный Вертов / Целлулоидный Маяковский. М., 2020.
10. Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М., 2009.
11. Шмид В. Отбор и конкретизация в словесной и кинематографической нарратации // Narratorium. 2011. № 1–2 (<http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2017636>; дата обращения: 31.10.2024).
12. Gibbons A. Multimodality, Cognition and Experimental Literature. London; New York: Routledge, 2012.

13. *Hake S.* Weimar Film Theory // Weimar Thought: A Contested Legacy / Ed. by P. E. Gordon, J. P. McCormick. Princeton University Press, 2013.
14. *Hallet W.* Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // Anglistic. 2018. Vol. 29. Iss. 1.
15. *Herman D.* Storytelling and the Sciences of Mind. Cambridge; London, 2013.
16. *Igelström A.* Narration in Screenplay Text: A Thesis Submitted to the College of Arts and Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Bangor University, 2014.
17. *Ksenofontova A.* The Modernist Screenplay: Experimental Writing for Silent Film. Palgrave Macmillan, 2020.
18. *Macdonald I. W.* Screenwriting Poetics and the Screen Idea. Palgrave Macmillan, 2013.
19. *Maras S.* Screenwriting: History, Theory and Practice. London; New York, 2009.
20. *Nannicelli T.* A Philosophy of the Screenplay. New York; London, 2016.
21. *Ogudov S.* The Film Script as Oral Narrative of Personal Experience in Aleksandr Rzheshevskii's Oeuvre // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2022. Vol. 16. Iss. 3.
22. *Page R.* Introduction // New Perspectives on Narrative and Multimodality / Ed. by R. Page. New York; London: Routledge, 2010.
23. *Palmer A.* Fictional Mind. Linkoln; London, 2004.
24. *Price S.* A History of Screenplay. Palgrave Macmillan, 2013.
25. *Price S.* The Screenplay: Authorship, Theory and Criticism. Palgrave Macmillan, 2010.
26. *Zeman S.* Oraliry, Visualization and the Historical Mind: The «Visual Present» in (Semi-)oral Epic Poems and Its Implications for a Theory of Cognitive Oral Poetics // Oral Poetics and Cognitive Science. Berlin; Boston, 2016.

References

1. *Aisner L.* Demonicheskii ekran. M., 2010.
2. *Belova L. I.* Skvoz' vremia. Ocherki istorii sovetskoi kinodramaturgii. M., 1978.
3. *Gibbons A.* Multimodality, Cognition and Experimental Literature. London; New York: Routledge, 2012.
4. *Gurevich S. D.* Sovetskii pisateli v kinematografie (20–30-e gody). L., 1975.
5. *Hake S.* Weimar Film Theory // Weimar Thought: A Contested Legacy / Ed. by P. E. Gordon, J. P. McCormick. Princeton University Press, 2013.
6. *Hallet W.* Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach // Anglistic. 2018. Vol. 29. Iss. 1.
7. *Herman D.* Storytelling and the Sciences of Mind. Cambridge; London, 2013.
8. *Igelström A.* Narration in Screenplay Text: A Thesis Submitted to the College of Arts and Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Bangor University, 2014.
9. *Kibrik A. A.* Russkii mul'tikanal'nyi diskurs. Chast' 1. Postanovka problem // Psichologicheskii zhurnal. 2018. T. 39. № 1.
10. *Ksenofontova A.* The Modernist Screenplay: Experimental Writing for Silent Film. Palgrave Macmillan, 2020.
11. *Kuznetsova V. A.* U kino byl drug: Kinodramaturgiia V. V. Maiakovskogo (rukopis').
12. *Macdonald I. W.* Screenwriting Poetics and the Screen Idea. Palgrave MacMillan, 2013.
13. *Maiakovskii V. V.* Karaul! // Maiakovskii V. V. Poln. sobr. soch.: V 12 t. M., 1947. T. 11.
14. *Maras S.* Screenwriting: History, Theory and Practice. London; New York, 2009.
15. *Nannicelli T.* A Philosophy of the Screenplay. New York; London, 2016.
16. *Ogudov S. A.* Kinopovestvovanie V. V. Maiakovskogo: soedinenie raznykh vidov kino v stse-narii «Kak pozhivaete?» // Slavisticheskii sbornik. 2019. № 95.
17. *Ogudov S.* The Film Script as Oral Narrative of Personal Experience in Aleksandr Rzheshevskii's Oeuvre // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2022. Vol. 16. Iss. 3.
18. *Page R.* Introduction // New Perspectives on Narrative and Multimodality / Ed. by R. Page. New York; London: Routledge, 2010.
19. *Palmer A.* Fictional Mind. Linkoln; London, 2004.
20. *Price S.* A History of Screenplay. Palgrave Macmillan, 2013.
21. *Price S.* The Screenplay: Authorship, Theory and Criticism. Palgrave Macmillan, 2010.
22. *Pronin A. A.* Bumazhnyi Vertov / Tselluloidnyi Maiakovskii. M., 2020.
23. *Shmid V.* Otbor i konkretizatsia v slovesnoi i kinematograficheskoi narratsii // Narratorium. 2011. № 1–2 (<http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2017636>; data obrashchenia: 31.10.2024).
24. *Terekhina V. N.* Ekspressionizm v russkoi literature pervoi treti XX veka: Genezis. Istoriko-kul'turnyi kontekst. Poetika. M., 2009.
25. *Vaisfel'd I. V.* Masterstvo kinodramaturga. M., 1961.

26. Zeman S. *Orality, Visualization and the Historical Mind: The «Visual Present» in (Semi-) oral Epic Poems and Its Implications for a Theory of Cognitive Oral Poetics* // *Oral Poetics and Cognitive Science*. Berlin; Boston, 2016.

Максим Андреевич Фролов

старший научный сотрудник

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Maksim Andreevich Frolov

Senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9694-6583

m.a.frolov@gmail.com

Н. К. ГУДЗИЙ О И. А. БУНИНЕ

**(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА
И ПЕРЕПИСКИ УЧЕНОГО)**

N. K. GUDZIJ ON I. A. BUNIN

**(BASED ON THE SCHOLAR'S PERSONAL ARCHIVE
AND CORRESPONDENCE)**

Статья, основанная на материалах личного архива Н. К. Гудзия (Отдел рукописей РГБ) и Русского архива в г. Лидсе (Великобритания), позволяет проследить, какое место занимало в его биографии и научном наследии творчество И. А. Бунина. Публикуемые материалы дают возможность восстановить историю эпистолярного общения Гудзия с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым, а также прояснить обстоятельства появления на свет неопубликованной статьи ученого «О „Жизни Арсеньева“ И. А. Бунина в советских изданиях» (опубликованы фрагменты писем А. К. Бабореко к Гудзию). В приложении печатается полный текст статьи в последней редакции, а в подстрочных примечаниях приводятся разнотечения с ее первоначальной версией.

Ключевые слова: Н. К. Гудзий, И. А. Бунин, В. Н. Бунин, Л. Ф. Зуров, А. К. Бабореко, «Жизнь Арсеньева».

The article, based on the research in the personal archives of N. K. Gudzij (Department of Manuscripts, Russian State Library) and the Russian Archive in Leeds (UK), traces the impact of I. A. Bunin's work on his life and academic legacy. The data help to restore the history of Gudzij's correspondence with V. N. Bunina and L. F. Zurov, as well as to clarify the circumstances of the emergence of the scholar's unpublished article *I. A. Bunin's The Life of Arseniev in the Soviet Editions* (excerpts from A. K. Baboreko's letters to Gudzij are published). The full text of the article in its final version is published in the Appendix, the discrepancies with its original version are outlined in the footnotes.

Key words: N. K. Gudzij, I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov, A. K. Baboreko, *The Life of Arseniev*.

Список литературы

1. Бабореко А. К. Дороги и звоны: воспоминания, письма. М., 1993.
2. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931).
3. Бунин И. А. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. К. Тарасенкова. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология / [Сост. Б. В. Аверин и др.]. СПб., 2001.

5. Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова; подг. текста Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова, Г. В. Петровой, Р. П. Хрулевой; комм. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой.
6. Зуров Л. Ф. «Желаю счастья и радости...». Переписка с российскими писателями и учеными: 1957–1971 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Любомудрова. СПб., 2023.
7. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. М., 2017. Т. 2. 1910–1919 / Сост. С. Н. Морозов.
8. Лит. наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. / [Ред. А. Н. Дубовиков, С. А. Макашин]. Кн. 1.
9. «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подг. текста А. Ю. Галушкина; вступ. заметка А. Ю. Галушкина при участии М. А. Фролова; комм. М. А. Фролова и А. Ю. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2.
10. Любомудров А. М. «Неприличная, позорная история»: О несостоявшейся передаче бунинского наследия на родину (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021.
11. Максименков Л. Битва за Бунина // Огонек. 2020. № 39–42 (5611).
12. Морозов С. Н. И. А. Бунин и К. Симонов: парижские встречи // Литературный факт. 2021. № 2 (20).
13. Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Девиса // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Девиса.
14. Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021.
15. Пономарев Е. Р. Как И. А. Бунин оказался красивым? (По материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4.

References

1. Baboreko A. K. Dorogi i zvony: vospominaniia, pis'ma. M., 1993.
2. Bunin I. A. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 2006. T. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931).
3. Bunin I. A. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. A. K. Tarasenkova. L., 1956 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: antologiya / [Sost. B. V. Averin i dr.]. SPb., 2001.
5. Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina. M., 2017. T. 2. 1910–1919 / Sost. S. N. Morozov.
6. Lit. nasledstvo. 1973. Т. 84. Ivan Bunin: V 2 kn. / [Red. A. N. Dubovikov, S. A. Makashin]. Kn. 1.
7. «Literaturnoe nasledstvo»: stranitsy istorii. Iz arkhiva S. A. Makashina (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia) / Publ. i podg. teksta A. Iu. Galushkina; vstup. zametka A. Iu. Galushkina pri uchastii M. A. Frolova; komm. M. A. Frolova i A. Iu. Galushkina // Russkaia literatura. 2011. № 2.
8. Liubomudrov A. M. «Neprilichnaia, pozornaiia istoriiia»: O nesostoiavsheisii peredache buninskogo naslediiia na rodinu (po arkhivnym materialam) // I. A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriiia tvorchestva / Otv. red.-sost. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021.
9. Maksimenkov L. Bitva za Bunina // Ogonek. 2020. № 39–42 (5611).
10. Morozov S. N. I. Bunin i K. Simonov: parizhskie vstrechi // Literaturnyi fakt. 2021. № 2 (20).
11. Perepiska I. A. i V. N. Buninykh s G. V. Adamovichem (1926–1961) / Publ. O. Korosteleva i R. Devisa // I. A. Bunin: Novye materialy. M., 2004. Vyp. I / Sost., red. O. Korosteleva, R. Devisa.
12. Ponomarev E. R. «Zhizn' Arsen'eva»: problemy nauchnogo izdaniia // I. A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriiia tvorchestva / Otv. red.-sost. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021.
13. Ponomarev E. R. Kak I. A. Bunin okazalsia krasnym? (Po materialam parizhskoi pressy 1946–1947 godov) // Russkaia literatura. 2018. № 4.
14. Voloshin M. Sobr. soch. M., 2013. T. 12. Pis'ma 1918–1924 / Sost. A. V. Lavrova; podg. teksta N. V. Kotreleva, A. V. Lavrova, G. V. Petrovoi, R. P. Khrulevoi; komm. A. V. Lavrova, G. V. Petrovoi.
15. Zurov L. F. «Zhelaiu schast'ia i radosti...». Perepiska s rossiiskimi pisateliами i uchenymi: 1957–1971 / Sost., vstup. stat'ia, podg. tekstov i komm. A. M. Liubomudrova. SPb., 2023.

Гавриил Николаевич Беляк

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Gavriil Nikolaevich Belyak

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0009-0002-7990-3167
gabriel.belyak@gmail.com

Мария Наумовна Виролайнен

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Naumovna Virolainen

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-0892-5556
virolainen@mail.ru

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ГИПЕРОБЪЕКТ
(ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ К ЦИФРОВОМУ)**

**A WORK OF LITERATURE AS A HYPER-OBJECT
(FROM AN ACADEMIC TO A DIGITAL PUBLICATION)**

В статье рассматривается переосмысление природы произведения при его размещении на портале «Пушкин <цифровой>», наследующем академическому изданию Пушкина, но резко отличном по содержанию и композиции от книжного формата. Предложена концепция произведения как гиперобъекта, погруженного в систему связей, актуализируемых и визуализируемых в интерфейсе.

Ключевые слова: произведение, Пушкин, академическое издание, текст, гиперобъект.

The article examines the existential reinterpretation of a literary work, once it is posted on the «Pushkin <digital>» portal, the successor of the academic edition of Pushkin's legacy, that is dramatically different from the book format in its content and composition. The concept of a literary work as a hyper-object immersed in a system of links that are constantly updated and visualized in the interface is proposed.

Key words: literary work, Pushkin, academic edition, text, hyper-object.

Список литературы

1. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. Лингвостилистика.
2. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1 / Руководитель проекта А. М. Песков; ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков.
3. Вилейкис А., Ханова П. Город — гиперобъект: Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 4.
4. Ларионова Е. О. «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43).
5. Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. Пермь, 2019.

6. Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004–2009. Т. 2. Кн. 1; Т. 7.

References

1. Bart R. Tekstovyj analiz // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M., 1980. Vyp. 9. Lingvostilistika.
2. Boratynskii E. A. Poln. sobr. soch. i pisem. M., 2002. Т. 1 / Rukovoditel' proekta A. M. Peskov; red. A. R. Zaretskii, A. M. Peskov, I. A. Pil'schchikov.
3. Larionova E. O. «Boris Godunov»: Problema kriticheskogo teksta // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 2005. Vyp. 4 (43).
4. Morton T. Giperob"ekty: Filosofia i ekologija posle kontsa mira / Per. s angl. V. Abramenco. Perm', 2019.
5. Obsuzhdenie toma dramaturgii na zasedanii Pushkinskoi komissii 21 aprelia 1936 g. / Publ. A. L. Grishunina // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1991. T. 14.
6. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004–2009. Т. 2. Кн. 1; Т. 7.
7. Vileikis A., Khanova P. Gorod — giperob"ekt: Vvedenie // Gorodskie issledovaniia i praktiki. 2021. Т. 6. № 4.

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-0851-4199
an.solovjov@gmail.com

**НЕУЧТЕННАЯ РЕДАКЦИЯ
РАННЕГО ПЕРЕВОДА А. Д. КАНТЕМИРА**

**A NEGLECTED VERSION
OF AN EARLY TRANSLATION BY A. D. KANTEMIR**

В заметке рассматривается оставшийся без внимания вариант перевода «Письма некоего сицилианца...» П. Дж. Мараны, хранящийся в архиве Паниных (РГАДА). Обосновывается гипотеза о том, что данный текст представляет собой переработанную редакцию перевода А. Д. Кантемиром этого произведения.

Ключевые слова: А. Д. Кантемир, П. Дж. Марана, перевод, русско-французские литературные связи, «Письмо некоего сицилианца...».

The article examines a neglected translation of the *Letter of a Certain Sicilian* by P. J. Marana, stored in the Panin Archive (RGADA). It is suggested that this text represents a revised version of A. D. Kantemir's translation of this work.

Key words: A. D. Kantemir, P. J. Marana, translation, Russian-French literary links, *The Letter of a Certain Sicilian*.

Список литературы

1. Градова Б. А. Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985.
2. Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983.

3. Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
4. Клепиков С. А. Филиграны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
5. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подг. С. А. Ошеров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1977 (сер. «Литературные памятники»).
6. Николаев С. И. Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2.
7. Николаев С. И. Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19.
8. Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959.
9. Руднев Д. В., Хэн Фу. «Перевод некоего итальянского письма» А. Д. Кантемира (1726): история текста и особенности языка // Словене = Slovène. 2019. Vol. 8. № 1.
10. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. / Вступ. статья и публ. Е. Бабаевой. М., 2004.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22.
12. Фу Хэн. Переводы А. Д. Кантемира: репертуар, приемы, примечания. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022.

References

1. Fu Khen. Perevody A. D. Kantemira: repertuar, priemy, primechaniiia. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2022.
2. Gradova B. A. Pervye perevody A. D. Kantemira // Issledovanie pamiatnikov pis'mennoi kul'tury v sobraniakh i arkhivakh otdela rukopisei i redkikh knig. L., 1985.
3. Gradova B. A. Rukopisi A. D. Kantemira // Istochniki po istorii otechestvennoi kul'tury v sobraniakh i arkhivakh otdela rukopisei i redkikh knig. L., 1983.
4. Gradova B. A., Kloss B. M., Koretskii V. I. K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D. M. Golitsynu // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god. M., 1979.
5. Klepikov S. A. Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv. M., 1959.
6. Lutsii Annei Seneka. Nrvastvennye pis'ma k Lutsiliu / Izd. podg. S. A. Osherov; otv. red. M. L. Gasparov. M., 1977 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
7. Nikolaev S. I. Kantemir Antiokh Dmitrievich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2.
8. Nikolaev S. I. Trudnyi Kantemir (Stilisticheskaiia struktura i kritika teksta) // XVIII vek. SPb., 1995. Sb. 19.
9. Radovskii M. I. Antiokh Kantemir i Peterburgskaia Akademiiia nauk. M.; L., 1959.
10. Rudnev D. V., Khen Fu. «Perevod nekoego ital'ianskogo pis'ma» A. D. Kantemira (1726): istoriia teksta i osobennosti iazyka // Slovène = Slovène. 2019. Vol. 8. № 1.
11. Russko-frantsuzskii slovar' Antiokh Kantemira: V 2 t. / Vstup. stat'ia i publ. E. Babaevi. M., 2004.
12. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. M., 1997. Vyp. 22.

Анастасия Николаевна Першина

старший преподаватель Школы филологических наук
факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Anastasiya Nikolaevna Pershina

Senior Lecturer, School of Philological Studies, Faculty of Humanities,
National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0009-0004-9064-9934

dostoevsk@mail.ru

Я. П. БУТКОВ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВО

YA. P. BUTKOV IN *LITERATURNAYA GAZETA*: A FAILED CONTRIBUTION

В статье рассматривается начало творческого пути писателя Я. П. Буткова в 1845 году. На материалах из архива Санкт-Петербургского цензурного комитета (РГИА. Ф. 777) показано, что до выхода сборника «Петербургские вершины» Бутков пытался напечатать рассказ «Битка» в «Литературной газете», однако этому помешала цензура. Она проявляла повышенное внимание к изданию и к публикуемым в нем материалам, поскольку летом 1845 года выяснилось, что «Литературная газета» не соблюдала собственную программу.

Ключевые слова: Я. П. Бутков, А. А. Краевский, Ф. В. Булгарин, цензура, «Литературная газета».

The article analyzes the beginning of the literary career of the writer Ya. P. Butkov. Using the data from the archives of the St. Petersburg Censorship Committee, we show that Butkov tried to publish his short story *Bitka* in *Literaturnaya Gazeta*, yet it didn't get past the censors. In the summer of 1845, when it became known that *Literaturnaya Gazeta* wasn't adhering to its own program, the censorship became particularly focused on the paper and the materials published therein.

Key words: Ya. P. Butkov, F. V. Bulgarin, A. A. Kraevsky, Censorship, *Literaturnaya Gazeta*.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 12.
2. Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». СПб., 1995.
3. Першкина А. Н. «Петербургские вершины» Я. П. Буткова: как исторический комментарий помогает прояснить историю создания // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль. 2020. Вып. XI.
4. Рейтблат А. И. Булгарин и вокруг. 2. Круги по воде, или большие последствия одного письма Ф. В. Булгарина // Литературный факт. 2017. № 3.
5. Степанова А. С. Физиологические очерки Ф. В. Булгарина и натуральная школа // Русская литература в контексте современной культуры. 2021. № 1.
6. Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. СПб., 2005.
7. Чистова И. С. Бутков Яков Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1988. Т. 1.
8. Чистова И. С. Об одной запрещенной повести Я. П. Буткова // Вестник Ленинградского университета. 1973. № 8. Сер. «История, язык, литература». Вып. 2.

References

1. *Belinskii V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1955. T. 12.*
2. *Chistova I. S. Butkov Iakov Petrovich // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1.*
3. *Chistova I. S. Ob odnoi zapreshchennoi povesti Ia. P. Butkova // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1973. № 8. Ser. «Istoriia, iazyk, literatura». Vyp. 2.*
4. *Mel'gunov B. V. Nekrasov i Belinskii v «Literaturnoi gazete». SPb., 1995.*
5. *Pershkina A. N. «Peterburgskie vershiny» Ia. P. Butkova: kak istoricheskii kommentarii pomogaet proiasnit' istoriui sozdaniiia // Karabikha: istoriko-literaturnyi sbornik. Iaroslavl'. 2020. Vyp. XI.*
6. *Reitblat A. I. Bulgarin i vokrug. 2. Krugi po vode, ili bol'shie posledstviia odnogo pis'ma F. V. Bulgarina // Literaturnyi fakt. 2017. № 3.*
7. *Stepanova A. S. Fiziologicheskie ocherki F. V. Bulgarina i natural'naia shkola // Russkaia literatura v kontekste sovremennoi kul'tury. 2021. № 1.*
8. *Talashov G. P. «Literaturnaia gazeta» 1840–1845 godov. SPb., 2005.*

Олег Андершанович Лекманов

профессор Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Oleg Andershanovich Lekmanov

Professor, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

ORCID: 0000-0003-0784-5930

lekmanov@mail.ru

«ЗАПИСКИ ПОКОЙНИКА» М. А. БУЛГАКОВА: К ГЕНЕЗИСУ ЗАГЛАВИЯ

NOTES OF A DEAD MAN BY M. A. BULGAKOV: CONCERNING THE GENESIS OF THE TITLE

В заметке идет речь о разделе «Почтовый ящик» двух петербургских юмористических журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Высказывается предположение, что источником заглавия неоконченного произведения Михаила Булгакова, которое в итоге получило название «Театральный роман», а автором было названо «Записки покойника», могло послужить письмо главного редактора «Нового Сатирикона» Аркадия Аверченко, опубликованное в разделе «Почтовый ящик» этого журнала и упоминающее заглавие рассказа «Записки покойника» неизвестного автора, отвергнутого «Новым Сатириконом».

Ключевые слова: М. А. Булгаков, А. Т. Аверченко, «Новый Сатирикон».

The note discusses the «Mailbox» section of two St. Petersburg humor magazines, *Satirikon* and *New Satirikon*. It is suggested that the source of the title of Mikhail Bulgakov's unfinished work, that eventually received the title *Theatrical Novel*, but was called *Notes of a Dead Man* by the author, could have been a letter from the Editor-in-Chief of *New Satirikon* Arkady Averchenko. This letter, published in the «Mailbox» section of this magazine, mentions the title of a short story «Notes of a Dead Man» by an unknown author, rejected by *New Satirikon*.

Key words: M. A. Bulgakov, A. T. Averchenko, *New Satirikon*.

Список литературы

1. Аверченко А. Собр. соч.: В 13 т. М., 2017. Т. 10.
2. Брызгалова Е. Творчество сатириконцев в литературной парадигме Серебряного века. Тверь, 2006.
3. Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 4.
4. Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988.
5. Глуховская Е. А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1.
6. Дьякова Е. Писатели-сатириконы: Аркадий Аверченко, Тэффи, Саша Черный // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1.
7. Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы. М., 1968.
8. Николаев Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
9. Петровский М. С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.
10. Саша Черный. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 3.
11. Указатель заглавий произведений художественной литературы (1801–1975): В 7 т. М., 1986. Т. 2.

References

1. Averchenko A. Sobr. soch.: V 13 t. M., 2017. T. 10.
2. Bryzgalova E. Tvorchestvo satirikontsev v literaturnoi paradigme Serebrianogo veka. Tver', 2006.
3. Bulgakov M. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1990. T. 4.
4. D'jakova E. Pisateli-satirikontsy: Arkadii Averchenko, Teffi, Sasha Chernyi // Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov). M., 2001. Kn. 1.

5. *Evstigneeva L. Zhurnal «Satirikon» i poety-satirikontsy. M., 1968.*
6. *Glukhovskaiia E. A. Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simvolizma: k istorii odnogo (około)literaturnogo skandala // Russkaia literatura. 2012. № 1.*
7. *Nikolaev D. Tvorchestvo N. A. Teffi i A. T. Averchenko: Dve tendentsii razvitiia russkoi humoristiki. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993.*
8. *Petrovskii M. S. Master i gorod. Kievskie konteksty Mikhaila Bulgakova. Kiev, 2001.*
9. *Sasha Chernyi. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1996. T. 3.*
10. *Ukazatel' zaglavii proizvedenii khudozhestvennoi literatury (1801–1975): V 7 t. M., 1986. T. 2.*
11. *Vospominania o Mikhailo Bulgakove. M., 1988.*

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН; ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Evgen'evna Dmitrieva

Leading Researcher, Institute of Word Literature, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9692-8329

katiadmitrieva@mail.ru

**ДИАЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ С СОВРЕМЕННИКАМИ,
ИЛИ КАК СОВМЕСТИТЬ ИДЕАЛ ГУМАНИЗМА И АСКЕТИЗМА**

**N. V. GOGOL'S DIALOGUE WITH HIS CONTEMPORARIES,
OR HOW TO COMBINE THE IDEAL OF HUMANISM AND ASCETICISM**

[Рец. на:] *Анненкова Е. И. О Гоголе и историко-литературном контексте. СПб.: Издательство «Росток», 2023. 536 с.*

[Review:] *Annenkova E. I. O Gogole i istoriko-literaturnom kontekste. SPb.: Izdatel'stvo «Rostok», 2023. 536 s.*

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhaylovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ:
ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО НА ФОНЕ ГЕРМАНИИ**

**MAXIM GORKY: PORTRAIT OF THE UNKNOWN
WITH GERMANY AS THE BACKGROUND**

[Рец. на:] А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / Отв. ред. О. А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 298 с.

[Review:] A. M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsiokul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve / Otv. red. O. A. Kling. M.: IMLI RAN, 2023. 298 s.

Олег Ефимович Осовский

профессор кафедры иностранных языков № 1
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Oleg Efimovich Osovskii

Professor, Chair of Foreign Languages No. 1,
Plekhanov Russian State University of Economics

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

М. М. БАХТИН, МОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ: НОВАЯ КНИГА О РУССКОМ МЫСЛИТЕЛЕ

M. M. BAKHTIN, MODERNISM AND CONTEMPORANEITY: A NEW BOOK ON THE RUSSIAN THINKER

[Рец. на:] Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Bloomsbury Series on Understanding Philosophy, Understanding Modernism).

[Review:] Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Bloomsbury Series on Understanding Philosophy, Understanding Modernism).

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5947-3935

ivarshinova@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭПОХИ, АВТОРЫ, ЖАНРЫ, ТЕМЫ»

TRANSITIONAL PHENOMENA OF LITERATURE: EPOCHS, AUTHORS, GENRES, THEMES INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE

[Meeting Abstract]

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-1823-6321
lena.eo@mail.ru

**XXVII НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА**

**27TH ACADEMIC READINGS
OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT, PUSHKIN HOUSE**
[*Meeting Abstract*]

Дмитрий Вадимович Зайцев

младший научный сотрудник, аспирант
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Dmitrii Vadimovich Zaitsev

Junior Researcher, Graduate Student,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
ORCID: 0009-0009-2235-4591
d_zaiczev@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«EMIGRANTICA. КОРОСТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023»**

**EMIGRANTICA. KOROSTELEV READINGS 2023
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Мария Александровна Смирнова

старший научный сотрудник Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Maria Aleksandrovna Smirnova

Senior Researcher, Department of Manuscripts,
National Library of Russia
ORCID: 0000-0001-9756-2699
smirnmar@gmail.com

Иван Анатольевич Поляков

археограф Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Ivan Anatol'evich Poliakov

Archaeographer, Department of Manuscripts, National Library of Russia

ORCID: 0000-0002-2790-1891

ivan669@bk.ru

ПЯТЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

**«АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ, ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ
В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII — НАЧАЛА XX В.»**

***AUTOBIOGRAPHIC RECORDS, DIARIES AND MEMOIRS
IN THE RUSSIAN MANUSCRIPT TRADITION
OF THE 17TH — EARLY 20TH CENTURIES
FIFTH DISCUSSION CLUB***

[Meeting Abstract]

Светлана Алексеевна Семячко

главный научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Semiachko

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0697-4418

svetlanasm08@mail.ru

ДВЕНАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР**THE TWELFTH HAGIOGRAPHIC SEMINAR**

[Meeting Abstract]

Дарья Александровна Журкова

старший научный сотрудник
Государственного института искусствознания

Daria Aleksandrovna Zhurkova

Senior Researcher, State Institute for Art Studies

ORCID: 0000-0003-0752-9786

jdacha@mail.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»**

***FORMS OF CULTURAL RECYCLING
IN MODERN RUSSIA: TRENDS AND INTERPRETATIONS
RESEARCH CONFERENCE***

[*Meeting Abstract*]

Антон Олегович Дёмин

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anton Olegovich Demin

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1459-7819

irliran@mail.ru

**НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
«ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ИЗУЧЕНИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»**

***SUCCESSION AND INNOVATION
IN THE STUDIES OF THE 18TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE
RESEARCH MEETING***

[*Meeting Abstract*]

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН

119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а

Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64

oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40

irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и информации Российской Федерации

Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*

Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*

Корректор *Т. А. Румянцева*

Компьютерная верстка *Л. Н. Киселевой*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Подписано к печати 12.12.2024 г. Дата выхода в свет 25.12.24.

Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Усл. печ. л. 28,27. Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 215 экз.

Заказ 000. Цена свободная.

18+

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24

ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.